

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1865.

ЮНЬ.

✓

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го іюля 1865 года.

Въ типографіи Рюмина и К^о.

СОДЕРЖАНІЕ ЮНЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ Историко-географическое распределение русскаго народонаселенія. А. П. Щановъ.
- ✓ Виновата-ли она? Романъ Ант. Троллопа. Часть 2-я. (Гл. XIX—XXIV)
- ✓ Море. Статья Карла Фогта. Пер. съ нѣмецкаго
- ✓ Ватерло (Романъ Э. Шатріана).
- ✓ Женскія немощи. Повѣсть (Окончаніе). . . Н. Федоровичъ.
Труженику мысли. (Стихотвореніе) Ф. Орловъ.
- ✓ Житѣйская школа. Повѣсть (Гл. I—VIII). . Н. Холодовъ.
Женское вездѣлье. Ст. вторая. Н. Шелгуновъ.
Подвиги европейскихъ авторитетовъ. . . . Д. И. Писаревъ.
Бродяги-странники. Очеркъ съ натуры. . . Н. Благовѣщенскій.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- ✓ Пушкинъ и Бѣлинскій. (Статья вторая) . . Д. И. Писаревъ.
- ✓ Прудонъ о французской демократіи Н. В. Соколовъ.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЪ.

Событія, сопровождавшія паденіе министерства Нарваца.—Напряженное состояніе Испаніи.—Заговоры въ Барселонѣ и Валенсіи.—Программа новаго министра О'Доннелля.—Недовѣріе къ словамъ и дѣламъ либеральной уни.—Двусмысленное поведеніе О'Доннелля въ отношеніи страны и враждебныхъ партій.—Характери-

стика вождя испанскихъ прогрессистовъ, графа Прима.— Прекращеніе переговоровъ Венеции.— Взаимное положеніе римскаго и туринскаго правительствъ.— Внутреннее состояніе Венріи.— Манифестаціи въ пользу герцога аугустенбургскаго.— Процессъ лорда канцлера Вестбюри. Стачки парижскихъ работниковъ.— Брошюра: «Сорокъ дней реентства».— Число жертвъ американской войны.

ДОМАШНЯЯ ЛЬТОПИСЬ Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.

Взглядъ Петра I на народное образованіе.— Запрещеніе мнѣніямъ ученикамъ жениться.— Просьба посадскихъ людей объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ цифирныхъ школъ.— Дальнѣйшія попытки создать народное образованіе.— Отношеніе безграмотныхъ къ учащимся грамотъ.— Объяснительная записка Министерства Нар. Просвѣщ. о состояніи народныхъ школъ.— Исторія нашихъ гимназій и университетовъ.— Новое положеніе ихъ, утвержденное въ 1864 году.— Самоуслажденіе нашихъ ученыхъ обществъ.— Жалобы ихъ на тѣсноту помѣщенія и недостатокъ общественнаго сочувствія.— Статистика нашего умственнаго прогресса.

ФЕЛЬЕТОНЪ

Затруднительное положеніе корреспондента при изображеніи гор. Черниова.— Систематическое описаніе городской фizioноміи на казенный ладъ.— Будничный день.— Признаніе черниовца.— Гулянья.— Пожары — и проч., и проч.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ.

ЗООЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ И УМСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ПОСЕЛЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Экономическое и умственное развитіе народовъ много парализировалось и замедлялось, между прочимъ, нарушеніемъ въ народныхъ хозяйствахъ закона социальнаго равновѣсія и взаимодѣйствія силъ и продукто въ трехъ царствъ природы. Силы народныя, въ борьбѣ за существованіе и совершенствованіе, по большей части, оттого были неравны, успѣхи экономического прогресса и развитіе человѣчества, во многихъ отношеніяхъ, оттого были медленны, что между народами неравномѣрно распредѣлялись естественныя произведенія царствъ: минеральнаго, растительнаго и животнаго, не было живого общаго и разнообразнаго пользованія ихъ матеріалами, силами и средствами. Умственное и бытовое развитіе и направленіе народовъ оттого, большею частью, было односторонне и неправильно, или крайне-ограниченно и нераціонально, что они первоначально устроивались и долго потомъ промышляли въ области одного какаго нибудь царства природы, именно въ одной какой-нибудь сферѣ органической экономіи природы. И самая главная, въ этомъ отношеніи, причина медленности, неровности и односторонности развитія народовъ та, что они, устроиваясь первоначально въ области животнаго царства природы, потомъ въ сферѣ растительнаго царства или земледѣльческой экономіи, обыкновенно поздне всего познавали и открывали богатства минеральнаго царства, поздне всего пользовались золотомъ, серебромъ, жѣлезомъ, мѣдью и другими металлами для взаимнаго общаго жизненныхъ продуктами и для выработки новыхъ, разнообразныхъ силъ, средствъ или орудій для дальнѣйшихъ цѣлей культуры. Одни пле-

мена и народы устроивались исключительно въ области животнаго царства природы, какъ, напримѣръ, всѣ сѣверно-сибирскія охотничьи племена или юго-восточные пастушескіе народы, и долго вовсе не знали, а большею частью и теперь не знаютъ естественной экономіи растительнаго и минеральнаго царствъ. Не пользуясь производительными силами растительнаго царства, не зная культуры хлѣбныхъ и другихъ растеній, эти племена и народы, при ограниченности охотничьяго или пастушескаго пространства питанія, при недостаткѣ или оскудѣніи мѣстной животной экономіи, терпѣли обыкновенно страшный голодъ, крайнюю нужду и оттого, большею частью, вымирали. Не пользуясь сокровищами минеральнаго царства, не зная горныхъ промысловъ и минеральныхъ богатствъ—золота, серебра, желѣза, мѣди и проч., — они, естественно, были не только бѣдны, безденежны и бессильны въ собственныхъ звѣриныхъ промыслахъ, но и безоружны, и безоружны въ отношеніи другихъ, враждебныхъ племенъ и націй, вслѣдствіе чего, легко лишались свободы и подчинялись оружію и владычеству пришлаго, завоевательнаго народа. Не даромъ звѣроловныя чудскіе народы, жившіе на сѣверномъ Уралѣ, у Лукоморья, лишеныя свободы, запертыя въ горахъ, знаками просили у жителей Руси *желѣза, ножей съкирь*, за свои мѣха, за скору, за продукты дивной животной экономіи. Не даромъ и послѣ, въ XVI и XVII вѣкахъ, сибирскіе звѣроловческіе и пастушескіе народы востоянно только и вымѣнивали у русскихъ на мѣха и другія животныя произведенія желѣзо и оружіе, что московское правительство строго запрещало.—Другіе народы устроивались въ одно и то же время въ области экономіи животнаго и растительнаго царствъ, и также долго не знали богатствъ царства минеральнаго. Оттого, будучи богаче и цивилизованнѣе племенъ чисто-звѣроловныхъ и пастушескихъ, эти народы, безъ продуктовъ и средствъ ископаемаго царства, тоже были бессильны и безоружны, какъ въ борьбѣ съ почвой и дикими животными, по недостатку желѣзныхъ или вообще металлическихъ орудій — земледѣльческихъ и охотничьихъ, — такъ и въ борьбѣ съ соседними враждебными народами, по недостатку оружія. Такъ, русскій народъ, въ древнія, до-петровскія времена, преимущественно устроивался и промышлялъ въ области растительной и животной экономіи природы и почти вовсе не зналъ богатыхъ сокровищъ ископаемаго царства. Оттого господствовала одна земледѣльская промышленность и колонизація и вовсе не было коло-

цизація и культуры горнозаводской. Оттого народъ, при изобиліи хлѣба, скота и особенно звѣриныхъ мѣховъ, долго не имѣлъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, употреблялъ, вмѣсто ихъ, звѣриныя шкуры, мѣха и кожи; не имѣлъ такого крѣпкого желѣзнаго оружія, чтобы скорѣе и легче свергнуть съ себя многовѣковое иго азіатскихъ орда; и сразу проложить себѣ территориальный и морской путь на западъ. Оттого онъ былъ до такой степени безсиленъ въ собственной земледѣльческой культурѣ и бѣденъ даже простыми земледѣльческими желѣзными орудіями, что московскіе цари въ XVII в. должны были озаботиться рассылкою сохъ, сошниковъ, косулей и т. п., а Юрій Брыжаничъ совѣтовалъ устроить по воеводствамъ казенную ссуду и продажу этихъ орудій. Оттого, наконецъ, съ XVI в. и особенно съ XVII и начала XVIII столѣтія, съ упадкомъ средневѣковыхъ экономическихъ основъ поселеній и съ сознаниемъ необходимости радикальной экономической реформы въ Россіи, — такъ сильно почувствовалась въ московскомъ государствѣ необходимость призвать западныхъ *рудознателей*, иѣмецкихъ, голландскихъ и другихъ горнозаводчиковъ — Биніусовъ, Марселіусовъ, де-Геншиновъ и проч., и съ XVII в. началась повсемѣстная усердная развѣдка *про золотую и серебряную, про мѣдную, желѣзную и свинцовую руду, про жемчугъ и жемья*, особенно въ Сибири. Петръ Великій окончательно понялъ, что, послѣ отживавшихъ и упавшихъ естественно-зоологическихъ основъ поселеній древней Россіи, — новыхъ источниковъ и областей народнаго благоустройства и обогащенія нужно искать въ минеральномъ царствѣ природы. И съ XVIII столѣтія началась обширная колонизація и культура въ областяхъ горной природы, въ сферѣ минеральныхъ богатствъ Урала, Алтая и другихъ мѣстностей европейской Россіи и Сибири, а вслѣдствіе того, началось, хотя и медленное, и, большею частью, по выраженію графа Воронцова, *не прямое, но существенно замѣненіе и преобразованіе экономического быта народнаго*. Не смотря, однакожь, на то, что русское народонаселеніе мало по малу распространилось и устроилось по всѣмъ сферамъ, по всѣмъ областямъ естественной экономіи русской земли, — въ земско-хозяйственномъ строѣ его и доселѣ нѣтъ надлежащаго равновѣсія силъ и произведеній трехъ царствъ природы, нѣтъ живого продуктивнаго обмѣна между разнородными мѣстными группами поселеній. Еще до сихъ поръ рѣзко выступаютъ на русской землѣ, во всей естество-продуктивной и земско-хозяйственной индивидуальности и локализациі, различ-

ныя группы и формы народных поселеній. Сколько фазико-географических и натурально-продуктивных форм и типовъ представляютъ различные естественно-производительные источники и резервуары на широтомъ пространствѣ Россіи, — столько же земско-хозяйственныхъ и экономическихъ формъ и типовъ отразилось на разнообразныхъ классахъ или разрядахъ естественно-промышленныхъ народныхъ ассоціацій. Сообразно съ этими естественными условіями ея, построились на ней всѣ земско-хозяйственныя поселенія и огрѣными, раздѣльными географическими оазами расположились и растапулись по всей ея широтѣ. Природа связываетъ одни изъ этихъ земско-хозяйственныхъ оазовъ, природа же и раздѣляетъ другіе изъ нихъ. И умъ народный еще слишкомъ мало устранилъ эти физическія преграды, еще слишкомъ мало сдѣлалъ для установленія между различными географическими отдѣлами или группами народныхъ поселеній живого, органическаго земско-хозяйственнаго общіяна, взаимодѣйствія и равновѣсія.

Вотъ, напримѣръ, обширные горные оазы минеральнаго царства русской земли — наши гигантскіе хребты — Уралъ и Алтай, подвѣше всѣхъ другихъ мѣстностей открывшіеся для народной колонизаціи и культуры. Типически-обособленную группую выступаетъ и цѣльносомкнутою цѣпью связуется ихъ своеобразный горный строй. Лишь только поднимается путешественникъ, напримѣръ, въ эту горную область Урала, — взоръ его сейчасъ поражается повсюду рѣзко-выдающимся строеніемъ горнаго оаза, горной природы. За горами горы только и видѣются, съ разнообразными геогностическими формациями и горными породами, разломанными гранитами и перофрамаи, во время поднятія Урала. Тутъ и тамъ, по бокамъ и впереди, среди сплошныхъ горныхъ массъ, титанически взрытыхъ и гигантскими грудами взброшенныхъ въ вышь на огромномъ пространствѣ, великолѣпными террасами выступаютъ и рисуются, подъ синевою неба, хребты лѣсистыхъ горъ, причудливо изгибающіеся въ вершинахъ своихъ то ровнымъ криволинейно-извилистымъ протяженіемъ вдоль, то крутымъ подъемомъ и взлетомъ въ высь, то легкими изгибами и склонами внизъ. А тамъ, за этими изгибающимися вершинами лѣсистыхъ горъ, словно выглядываютъ вповь, пѣз-за лѣсу, надъ падями и ущельями, и величественно выдаются, еще высшимъ взлетомъ въ воздушныя пространства, конически-выпуклые или хребтовъ, представляющіе видъ грандіозныхъ естественныхъ об-

серваторій въ храмъ природы; а за ними, въ извилистыхъ, перекрестно стеблющихся лѣсистыхъ падахъ, здѣсь и тамъ, видѣются груды, массы беспорядочно-нагроможденныхъ громаднхъ плитъ и каменьевъ, бѣлыхъ, сѣрыхъ и черныхъ, кажушіяся издали то башнями, то зіяющими львами и т. п. И вотъ, среди этого типически-своеобразнаго горнаго оаза, гдѣ горныя породы, осадочныя и кристаллическія, то господствуютъ, то подчиняются другамъ горнымъ типамъ, то пересловываются и на время скрываются, гдѣ между кряжами гранитными, порфиоровыми, магнитно-железняковыми и проч. вкуются и тнутся различныя металлоносныя жилы,—здѣсь, въ этомъ горно-минералогическомъ оазѣ, съ пачала прошлаго столѣтія, устроились наши лучшія колоніи въ области ископаемаго царства природы — шогочисленныя горныя заводы и горнозаводскія поселенія. Съ своеобразною топографическою типичностью выдаются они въ этихъ горахъ, напримѣръ, на Уралѣ. Путешественникъ видитъ, то тамъ, то здѣсь, дымъ въ горахъ, надъ лѣсомъ, среди лѣсовъ сосновыхъ, лиственничныхъ, осиновыхъ и липовыхъ; въ высокихъ гористыхъ мѣстахъ, уложенныхъ дикимъ камнемъ, все чаще и чаще встрѣчаетъ онъ рудники, слышитъ стукъ молотковъ, видитъ рудокоповъ и заводскихъ рабочихъ у рудниковъ, шрфовъ, штомль, доменъ, на плотинахъ и прудахъ, и проч., и, наконецъ, все чаще и чаще вѣзжаетъ въ большія, нерѣдко весьма порядочно обстроенныя села, въ родѣ Билимбаевского завода, Версетского завода, и города, въ родѣ Екатеринбурга на Уралѣ или Барнаула на Алтаѣ. На встрѣчу ему бѣгутъ въ нѣкоторыхъ горнозаводскихъ селахъ мальчиши съ кусками магнита и т. п., а въ городахъ идутъ торговцы съ разными минералогическими коллекціями или издѣліями. По всему видно, что путешественникъ вѣхалъ въ горный, минералогическій оазисъ горнозаводскихъ поселеній. И стоятъ эти поселенія отдѣльнымъ горнымъ округомъ, типически обособляясь отъ подлѣ-лежащихъ степныхъ или равнинныхъ поселеній. Географическое положеніе ихъ доселѣ составляетъ главную причину ихъ слабого продуктивнаго обмѣна съ другими, особенно отдаленными группами поселеній, причину, превышающую доселѣ умственныя силы русскаго народа въ борьбѣ съ природными географическими преградами. Возьмемъ, напримѣръ, желѣзную производительность уральскихъ горно-заводскихъ поселеній, гдѣ находится до 46 частныхъ горныхъ заводовъ въ Пермской и Орен-

бургской губерніяхъ, доставляющихъ почти три четверти всего количества производимаго у насъ желѣза. Рѣзко-выдающимся средоточіемъ или оазомъ выступаетъ этотъ горно-промышленный округъ поселеній, по своей желѣзной производительности, въ сравненіи съ другими, все далѣе и далѣе отступающими отъ него рудниками. Вотъ, напримѣръ, процентное отношеніе производительности всѣхъ рудниковъ по каждой губерніи:

Пермская	60,3	Владимирская	1,1
Оренбургская	13,2	Вологодская	1,1
Балужская	6,7	Рязанская	0,5
Вятская	6,6	Тульская	0,5
Нижегородская	5,8	Орловская	0,5
Олонецкая	1,7	Пензенская	0,4
Тамбовская	1,5	Бостромская	0,1

При такомъ процентномъ преимуществѣ желѣзной производительности, уральскіе горные заводы, однакожь, по своей географической отдаленности и обособленности, не снабжаютъ желѣзомъ всѣхъ внутреннихъ областей и вообще мало удовлетворяютъ народной нуждѣ въ желѣзѣ. Чѣмъ далѣе отъ Урала губерніи, тѣмъ меньшее въ нихъ количество чугуна причтается на каждого жителя. Напримѣръ, въ

Пермской	17,0	Тульской	2,1
Оренбургской	3,2	Рязанской	2
Владимирской	5	Пензенской	2
Тамбовской	4,5	Орловской	1,7

Такое сосредоточіе нашей желѣзной промышленности въ горныхъ оазѣ Урала и столь неравномѣрное распредѣленіе желѣза, составляющаго первую потребность въ общественной экономіи, не встрѣчается ни въ одномъ государствѣ и составляетъ ощутительное зло какъ для земледѣльческихъ, такъ и для всѣхъ промышленныхъ поселеній. Вслѣдствіе этой географической обособленности уральскихъ заводовъ, вся торговля желѣзомъ сосредоточивается въ близости Урала, на нижегородской ярмаркѣ и въ рукахъ нижегородскаго купечества. Чѣмъ дальше отъ Урала, тѣмъ желѣзо дороже и тѣмъ меньше его въ народномъ употребленіи. Тогда какъ, напримѣръ, въ Пермской и Нижегородской губерніяхъ пудъ желѣза стоилъ отъ

1 р. до 1 р. 18 к., — въ губерніяхъ Могилевской, Таврической, Волынской, Ковенской, Виленской, Подольской онъ попускаетъ уже отъ 2 р. 16 к. до 3 р. и больше. Чѣмъ дальше отъ Урала, тѣмъ больше дерево преобладаетъ надъ желѣзомъ во всѣхъ народныхъ издѣліяхъ и постройкахъ, требующихъ для прочности желѣза. Такъ, напримѣръ, въ западныхъ губерніяхъ, при постройкѣ сельскихъ здашій, желѣзные гвозди замѣняются деревянными, и даже у помѣщиковъ, пользующихся извѣстнымъ достаткомъ, желѣзные замки на воротахъ и калиткахъ, и даже на дверяхъ ригъ и овинновъ замѣняются деревянными засовами, а петли, на которыхъ навѣшены двери, дѣлаются изъ ивовыхъ обручей. Въ большей части имперіи крестьянскія лошади не подковываются, а колеса у телегъ не обтягиваются желѣзомъ; оси дѣлаются изъ дерева, и изъ него же дѣлаются садовые лопатки и лопаты для земляныхъ работъ. Есть даже мѣстности, въ которыхъ сошники у плуговъ дѣлаются деревянные, только съ желѣзнымъ наконечникомъ. Особенно инородцы чувствуютъ недостатокъ въ желѣзѣ и желѣзныхъ издѣліяхъ. Вообще, не смотря на изобиліе желѣза въ Уралѣ, въ Россіи приходится на жителя только по $6\frac{2}{3}$ фунта желѣза или по $9\frac{1}{3}$ ф. чугуна, тогда какъ въ Англіи потребляется каждымъ жителемъ 138,4 русскихъ фунта чугуна. Такъ еще слабъ продуктивный обмѣнъ горнозаводскихъ поселеній съ другими промышленными поселеніями.

Съ Урала, изъ области минеральныхъ богатствъ, спуститесь въ огромную земледѣльческую равнину. Она тянется полосой, отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ, обширнымъ геогнотическимъ оазисомъ чернозема и покрываетъ въ Европейской Россіи огромную площадь, сѣверные предѣлы которой достигаютъ на западѣ 51° , на востокѣ 57° с. ш., а южнѣе — на западѣ 47° , на востокѣ 54° с. ш. Это огромное пространство, занимающее до 87 милліоновъ десятинъ, составляетъ драгоцѣнное сокровище для земледѣлія. И здѣсь устроились особенныя, совершенно отлѣчныя отъ горнозаводскихъ колоній, обширныя земледѣльческія поселенія. Повсюду, на широкихъ равнинахъ и холмикахъ, только и чернѣются, изрѣдка пересѣкаемыя перелѣсками, черноземныя полосы пашень; на нихъ повсюду копошатся мужики и бабы, то съ сохами и боронами, то съ серпами и косами: тамъ сѣютъ и боронятъ, тутъ жнутъ и вѣдуютъ хлѣбъ въ скирды или на возы. Въѣзжаете вы въ сѣда, — видите прежде всего риги, гумна и овины, и вокругъ нихъ зароды,

клады и сирды соломы и сноповъ. Солома, большею частью, повсюду бросается въ глаза и въ самыхъ селахъ: соломою наряднокрыты избы и амбары, солома на сараяхъ, солома на новѣтахъ и хлѣвахъ. На сараяхъ и подъ сараями видите старыя сохи и бороны; въ дворахъ торчатъ хлѣбовозныя крюки, телеги и т. п. Словомъ, вы попали въ села чисто-земледѣльческія, въ оазъ черноземной полосы. И здѣсь, въ этомъ черноземно-земледѣльческомъ оазѣ поселеній, доколѣ благопріятствуютъ движенію земледѣльческихъ запасовъ естественныя географическія пути — волжская система, ведущая къ 11-ти сѣвернымъ губерніямъ, нуждающимся въ хлѣбѣ, и южная система, ведущая къ портовымъ городамъ на моряхъ Каспійскомъ, Азовскомъ и Черномъ, — доколѣ проявляется болѣе или менѣе живое географически-земледѣльческое общеніе и общія этики черноземно-хлѣбородныхъ поселеній съ другими промышленными поселеніями. Но вотъ въ этой же черноземной полосѣ, въ центральной системѣ хлѣбнаго производства и движенія, наприимѣръ, въ части Пензенской губерніи, въ части Саратовской губерніи, удаленной отъ Волги, въ значительной части Воронежской и Курской губерній и во всей Херсонской, нѣтъ такого естественнаго удобства водяного сообщенія, которымъ пользуются губернія, расположенныя по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ. Донъ хотя и орошаетъ часть этой мѣстности, но онъ протекаетъ по хлѣбороднымъ же степямъ Земли Войска Донскаго, изобильной запасами земледѣльческихъ произведеній. И вотъ здѣсь, нѣтъ живого общаго живого движенія хлѣбныхъ запасовъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Весь сбытъ ржи по Дону ограничивается заготовленіемъ продовольствія для войскъ, расположенныхъ по восточному берегу Чернаго моря. Затѣмъ, болѣе значительная часть мѣстныхъ урожаевъ ржи этого края не находитъ другого потребленія, кромѣ мѣстныхъ винокуренныхъ заводовъ. Это почти совершенно замкнутый черноземно-хлѣбородный оазъ винокуренныхъ заводовъ. Въ этой обширной черноземной области растительной экономіи природы, народъ русскій еще слишкомъ мало проявилъ культурной интеллигенціи и энергіи, и большія полосы остаются даже еще неколонизованными.

Спустимся отсюда, по пути къ Каспійскому морю. Тамъ, опять, откроется передъ нами совершенно новая область природы — обширная область ихтиологической, водной экономіи природы, и мы увидимъ новый промышленный оазъ, новый типъ поселеній. Сначала

дорога ведет насъ степью нагою, бесплодною; какъ все прибрежье Каспійскаго моря; безпредѣльная синева неба, сливаясь вдаль съ безграничною, повидимому, степью, не представляетъ пытливому взору другой точки опоры, какъ развѣ только одиноко-торчащій отрогъ какой-нибудь песчаной горы, который своимъ фантастическимъ очеркомъ займетъ взоръ на минуту, но, наконецъ, постоянно торча предъ глазами, утомить до нельзя. Вокругъ солончаковая степь, широкая, раздольная, какъ недвижимое море суши, разстлается утомительно-однообразно. Но вотъ, наконецъ, снѣбеть и плещется о берега этой бесплодной, степной суши самое море. Нѣтъ жизни кругомъ въ песчаной и солонцовой степи; въ одномъ только этомъ бурномъ морѣ кишить и животрепещется полнѣйшая, неисчерпаемая жизнь разнообразныхъ водныхъ породъ каспійскаго бассейна. И вотъ этотъ естественный резервуаръ животной экономіи привлекъ на бесплодныхъ берегахъ Каспійскаго моря и на устьяхъ впадающихъ въ него рѣкъ особую, специальную колонизацію—рыболовческую. Сначала устроивались одни камышовые шалаши и станы. Потомъ богатая, неисощимая рыбная экономія моря привлекала все больше и больше рыболововъ; строились избушки и домишки, къ нимъ пристроивались складочныя мѣста, амбары, магазины, выходы, а иногда — церкви, башни, башенки и цѣлая масса строеній и, такимъ образомъ, возникла промысловая ватага за ватагой, а тамъ ужъ — и селеніе за селеніемъ. Такъ, въ гидрографической чертѣ Каспійскаго моря, въ богатѣйшей и этіологической области русской земли, образовался особый, рыбопромышленный оазъ поселеній съ особеннымъ, своеобразнымъ рыбацкимъ типомъ населенія. Море Каспійское и рыболовство специально занимаютъ миллионы рабочихъ рукъ въ Астраханской губерніи и по всему каспійскому прибрежью. Сотни и тысячи народонаселенія тамъ только и снуютъ по морю на своихъ морскихъ судахъ — кусовыхъ лодкахъ, реюшкахъ или подчалгахъ, салновкахъ, свойскихъ лодкахъ, морскихъ расшивахъ, шхоутахъ, кусовыхъ тюленьихъ лодкахъ, каржимахъ, тумбалахъ и проч. Тысячи рыбаковъ забрасываютъ въ море и втекающія въ него рѣки разные свои снаряды—аханы, вентери, секретники, ванды, самоплавы, рѣжки, погояи, поѣздухи, блесны и проч., строятъ учужныя и ватжныя забойки, съ своеобразными обрядами совершаютъ свое малое, большое и презентное багренье, и проч. Тамъ море обусловило своеобразныя морепромышленныя рыболовныя поселенія. — Если мы за-

глядя на берега Бѣлаго и Ледовитаго морей, то и тамъ увидишь такія же типически-оригинальныя морепромышленныя поселенія. Здѣсь, начиная отъ Печоры и Мезени, по двинскому низовью, по берегамъ Бѣлаго моря—зимнему, лѣтнему, онежскому, поморскому, норельскому, терскому, кандалакскому и мурманскому,—со времени новгородскихъ колонизованы и тянутся сплошною поморскою сѣтью все моряцкія и рыболовскія поселенія. Море Бѣлое и Ледовитое — ихъ жизненная, естественно-хозяйственная стихія, ихъ натуральная, истіологическая экономія и широкое попріще ихъ моряцкой промышленности дѣятельности. «Море наше поле,»—говорятъ поморы. Море развило въ поморахъ особенный, оригинальный морепромышленный типъ, особенныя моряцкія нравы и характеры, въ волнахъ своихъ взлелѣяло и въ буряхъ своихъ закаляло эти мощныя, коренастыя натуры поморскія, вызвало эти типически-оригинальныя рабочія артели моряцкія и было для нихъ грозно-воспитательнымъ училищемъ смысленности и широкимъ полемъ проявленія богатырской удали. Море и морскіе звѣриные и рыбныя промыслы дали особыя названія многимъ селеніямъ и географическимъ урочищамъ, поморскимъ, развили между поморами особенный, оригинальный словарь, въ которомъ преобладаютъ слова и представленія о морѣ, о разныхъ физическихъ явленіяхъ моря, о морскихъ и прибрежныхъ топографическихъ особенностяхъ, о морскихъ вѣтрахъ, о морскихъ звѣрияхъ и рыбахъ, о морскомъ символическомъ времяисчисленіи и проч. Однимъ словомъ, моря Бѣлое и Ледовитое, съ ихъ водной животной экономіей, наложили свой типическій отпечатокъ на все сѣверное поморье и обусловили особенный, своеобразный типъ и оавль морепромышленныхъ рыболовческихъ поселеній.

А вотъ тутъ же подлѣ моря, по всему берегу Ледовитаго Океана, отъ Лапландіи до Чукотской земли, тянется тундра безпредѣльная, почти вѣчно-замерзлая, угрюмая, мрачная, бесплодная. Жолтый мохъ и лишай, олень и собака—вотъ типическая индивидуальность тутъ дрянной флоры и фауны. И вотъ тамъ, въ этомъ географическомъ оазѣ сѣвернаго оленя и собаки, бродятъ только оленьи и собачьи бродячія племена — лопари, самоѣды, остяки, юраки, тунгусы, юкагиры, чукчи и проч. Полярная тундра—это районъ или оазъ самой нижней, примитивной, животновытовой формы человѣческихъ поселеній въ предѣлахъ русскаго материка. Посмотрите, тамъ, на сѣверѣ, по всей полярной тундрѣ,

отъ Лапландіи до Берингова пролива, еще доселѣ толпы племень и расъ стоять на стѣнѣ почти только-что переходной отъ степени животнаго быта, еще не доведены руководительнымъ призваніемъ европейцевъ до прочной человѣческой ослѣдлости. Какъ звѣрей полярнаго климата, полярная природа гоняетъ изъ мѣста въ мѣсто для присканія пищи и защиты отъ суроваго климата, научаеъ бродячей жизни, — такъ и всѣ эти бродячія племена — самоѣдовъ, юраковъ, тунгусовъ, юагировъ, ламутовъ, чуванцевъ, чукчей и проч., — та же полярная природа и такъ же, подобно звѣрямъ, гоняетъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ лѣсовъ къ рѣкамъ, съ рѣкъ къ береговой тундрѣ, съ тундряного ледяного материка на море Ледовитое, тоже для добычи пищи и средствъ защиты отъ полярнаго климата. Посмотрите: тамъ, въ глубокой, угрюмой, ледяной тундрѣ, несется на лыжахъ тоноконгіи, беззаботно-веселый, забыто-стоическій тунгусъ: во всю прыть гонитъ онъ по насту или по снѣгамъ и льдинамъ тундры за соболемъ, за зайцемъ или дикимъ оленемъ, чтобы набѣстьса самому и накормить и одѣть дѣтей и жену. А вотъ тамъ же, юагиръ или ламутъ тащется по ледяной пустынѣ тундры, въ темныя туманныя ночи, въ 40 градусный морозъ, тащется на своихъ собакахъ волчьепородныхъ, на берестяной нартѣ, съ грузомъ звѣрины въ ровдужныхъ чумѣ... Или вотъ, въ концѣ мая, обыкновенно идутъ изъ лѣсовъ въ сѣверныя тундры, къ морю, табуны оленей въ 200 и 300 головъ и шеребруются сплошнымъ стадомъ черезъ верховья сухото Анюя. Вѣтвистые рога ихъ колышутся, какъ-будто огромныя колосы сухого кустарника. И за ними чуванцы, ламуты, тунгусы, якуты, все бродячее народонаселеніе тундры приходитъ въ движеніе, съ голоднымъ остервененіемъ бросается за бродячими оленями на покольню. «И оленья охота въ водѣ, — говоритъ Врангель, — представляетъ нѣчто необыкновенное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей — болѣзненное харканье раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью покольяны, впрорывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать табуны, обгаренная кровью поверхность рѣки, — все вмѣстѣ составляетъ картину, которую трудно себѣ вообразить». Вотъ жизнь въ тундрѣ!

Или смутитесь, наконецъ, на юго-востокъ Великороссіи и Сибири. Здѣсь, на громадномъ пространствѣ откроется передъ вами новый гео-

логическій типъ—обширный солончаково-растительный оазъ степей. Въ рѣзкомъ контрастѣ съ хребтами: Уральскимъ, Алтайскимъ и Сааянскимъ, у подножія ихъ стелются и тянутся здѣсь почти непрерывныя степи, начиная отъ арало-каспійской низменности до высокой степи Гоби. Съ однообразною типичностью Турана, Шамо или нагорныхъ равнинъ и долинъ центральной Азіи, тянутся здѣсь степи заволжскія, астраханскія и оренбургскія, степи киргизскія, степь иртышская и барабинская, возвышенныя степи, степныя долины и равнины приалтайскія, степи: чуйская, ачинская, койбалская, бельтирская и сагайская, широкія степи, горныя долины и возвышенныя равнины забайкальскія, дауро-монгольскія, степи и между-горныя долины верхоленскія. Это широкій зоолого-этнографическій путь, естественно сложившійся отъ 10,810 ф. надъ ур. моря въ плато Тибета, или отъ 5,100 ф. въ плато Монголіи, въ степи Гоби, до 1,000 ф. надъ ур. м. у оз. Зайсана и до 72¹/₂ ф. въ низменности арало-каспійской. По этому пути шли, во взаимной связи и послѣдовательности, средне-азіатскія миграціи или переселенія и животныхъ, и народовъ. На одной юго-восточной оконечности этихъ степей распространилось изъ средней Азіи и доселѣ живетъ до 93 видовъ земныхъ млекопитающихъ животныхъ. Изъ 85 видовъ млекопитающей фауны юго-восточно-сибирскихъ степей и нагорныхъ равнинъ и долинъ, до 40 видовъ свойственны исключительно Азіи, мигрировали сюда изъ степей ея центрального нагорья. Изъ 57 видовъ сѣверно-маньчжурской фауны юго-восточной Сибири, 21 видъ принадлежит южной и средней Азіи, 7 видовъ частью индо-китайскихъ, частью японо-китайскихъ. Изъ 30 видовъ Монголіи, до 15 видовъ мигрировали въ возвышенную степь Гоби и въ Дауро-Монголію изъ внутренней Азіи. Всѣ эти азіатскія, дикія и домашнія породы животныхъ — джигатаи (*equus hemionus*), домашнія лошади (*equus caballus*), породы скота — *bos taurus*, *bos grunniens*, дикія и домашнія овцы и козы — *aegoceros ovis argali*, *aegoceros capra sibiricus*, всѣ эти антилопы и сайги — *antilope saiga*, *antilope gutturosa* и проч., распространявшіеся до степей при алтайскихъ и арало-каспійскихъ, — суть выходцы изъ южной и центральной нагорной Азіи, какъ раскроемъ это мы дальше подробнѣе. Степи дауро-монгольскія, степи и горныя долины алтайскія представляютъ, такимъ образомъ естественный сборный пунктъ, гдѣ типы суб-тропической фауны сходятся съ типами полярными, тоже, впрочемъ, вышедшими первоначально изъ горныхъ странъ средней Азіи.

Фауна Алтая, напримеръ, представляетъ рядное соединеніе въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ полярныхъ типовъ съ суб-тропическими. Съ одной стороны, до Алтая распространяется порода сѣверныхъ оленей (*sevius tarandus*—до береговъ Катуня, *sevius alces* до рѣкъ Сугаша и Бирюксы), а съ другой, тигръ забѣгаетъ къ югу изъ суб-тропическихъ широтъ до Бухтарлинской долины и даже до Алтанской волости, въ сѣверной части хребта; двугорбый верблюды встрѣчается у калыновъ въ юго-восточномъ Алтаѣ и даже въ степи койбалъской, и достигаетъ здѣсь своего сѣвернаго предѣла. Вслѣдствіе такого естественнаго географическаго стеченія и сосредоточенія средне-азиатской млекопитающей фауны въ степяхъ и нагорьяхъ дауро-монгольскихъ, забайкальскихъ, приалтайскихъ, киргизскихъ и далѣе,—въ этомъ широкомъ зоолого-географическомъ оазисѣ степей, естественно, развернулись и сосредоточивались средне-азиатскія формы пастушескихъ, скотоводческихъ кочевій. По путямъ географическаго движенія животныхъ изъ средней Азіи въ юго-восточносибирскія, приалтайскія и арало-каспійскія степи, нерѣдко по тропинкамъ, проложеннымъ дикими животными, двигались сюда, одни за другими, и народы пастушескіе, воспитанные въ пастушествѣ первоначально въ степяхъ центральной нагорной Азіи, въ этой родинѣ номадіи, въ естественномъ отечествѣ наибольшей части видовъ домашнихъ животныхъ и разныхъ расъ народныхъ. Какъ всѣ эти дикія лошади или джигиты, дикіе ослы или куланы, дикія овцы или аргали, дикіе быки или зебу и проч. сосредоточивались и паслись преимущественно въ этихъ обширныхъ областяхъ или оазахъ степной флоры, богатой кормовыми травами и въ особенности перодами солонцевыхъ растений (*salsolaceae*), у естественныхъ степныхъ колодезевъ и водопоевъ, водосточныхъ ямъ въ песчаныхъ рывнахъ и оврагахъ, подъ защитой подвижныхъ песчаныхъ холмовъ отъ холодныхъ вѣтровъ и мятелей,—такъ и пастушескіе, бродячкочевые народы, другъ другомъ вытѣсняемые съ средне-азиатскихъ нагорій и привлекаемые этой естественной животной экономіей степей, сосредоточивались, другъ подлѣ друга, въ степяхъ, среди этой степной фауны. И какъ всѣ эти животныя джигиты, антилопы, сайги и проч.,—движимыя физическими условіями, потребностью корма, питья и защиты отъ суровостей климата, отъ бурь и урагановъ степныхъ, періодически пересѣляются изъ однихъ мѣстъ степей въ другія,—такъ и пастушескіе номады, вслѣдъ за ними и подобно

нить, кочуютъ съ своими стадами по степямъ. И какой своеобразный этнографическій типъ и міръ представляется эта широкая и длинная географическая полоса степей, степной фауны и степныхъ кочевій! Посмотрите на всѣ эти орды въ обширныхъ, безлѣсныхъ, солончаковыхъ и песчаныхъ степяхъ заволжскихъ и киргизскихъ, въ широкихъ степныхъ долинахъ и равнинахъ приалтайскихъ и саянскихъ, въ громадныхъ степяхъ и между-горныхъ равнинахъ забайкальскихъ и верхоленскихъ! Дикими, нестройными аулами, улусами и юртами, зимниками и лѣтниками, разбросались онѣ по необъятно-диному простору степей, то желтѣющемуся лѣтомъ, то бѣлѣющему зимой. Вкругомъ, по ровной, гладкой площади желтѣющихъ степей, по голымъ, безлѣснымъ и то же степью желтѣющимъ холмогорамъ, повсюду, докуда только глазъ, непремѣнно прищурясь, можетъ разглядѣть эту ширь и даль степную, теряющуюся въ далекой синевѣ лѣсисныхъ горъ и неба,—повсюду бродячь, нестрѣютъ, бѣлѣются и чернѣются тысячи табунновъ и стадъ средне-азиатскихъ породъ. И въ полдневный жаръ или въ ясный закатъ солнца, здѣсь и тамъ, въ междугорной долинь и по широкой степи, при неугомонной трескотнѣ въ густой травѣ кобылокъ и кузнечиковъ, раздается въ дикой дисгармоніи привольный, разноголосый ревъ и крикъ полудикихъ степныхъ животныхъ—мычанье быковъ и коровъ, блеянье овецъ и козъ и ржаніе дикихъ степныхъ лошадей. Изрѣдка промчится мимо этихъ стадъ дико-гогоучій бурятъ или калмыкъ съ длиннымъ арканомъ, чтобы поймать дикаго, быстрого степного коня, или проташится съ выгнаннымъ скрипомъ тяжелая арба и на вяло-переваливающемся быкѣ проѣдетъ бурятъ, тоже гогоучій пѣсню про степь, про корову, про все, что попадется на глаза; либо толпа бурятъ и оригинально-наражениныхъ бурятокъ—этихъ степныхъ амазонокъ,—проидетъ на быстрыхъ коняхъ въ шаманскій лѣсъ или на свадьбу въ дальніе улусы. А тамъ издали слышенъ лай собакъ, похожихъ на волковъ, и видѣются юрты и улусы: между юртами вояется бурятка со скотомъ, доятъ коровъ и кобылъ. И надъ улусами, подъ вечеръ, стоитъ дымъ столбомъ: то буряты колятъ и жарятъ барановъ и пьютъ арахи, тарасунъ или арсу. А вотъ здѣсь, у юртъ на дворѣ разложенъ огонь и вокругъ него сидятъ и джжуются степняки—и шаманы о чемъ-то шаманятъ. Взгляните на всѣхъ этихъ разноплеменныхъ номадовъ пустыней, степей, взгляди-

тась въ это типически-своеобразное строеніе и очертаніе ихъ азійскихъ обличій, выкиньте въ этотъ отличительный складъ ихъ степныхъ уставовъ, міросозерцаній, вѣрованій и нравовъ, послушайте всѣ эти разнообразныя языки и нарѣчія. Какой это, вблизи Западной европы, своеобразный антропологическій міръ, и какъ выразительно и рельефно напечатѣлся на немъ зоолого-географическій типъ степей!.. Послушайте, далѣе, эти унылыя, монотонныя пѣсни и гиканье пастуховъ-номадовъ, такимъ дивнымъ степнымъ голосомъ раздающіяся, напримѣръ, подъ вечеръ, въ дикихъ степныхъ пустыняхъ или между-горныхъ долинахъ, во время сѣнокосовъ, перегонки стадъ или перекочевовъ, — пѣсни и гиканья, такъ уныло отзывающіяся въ сердца печальными звуками пастуховъ Туркестана, бедуинновъ Арвін, или стономъ восточнаго духа, подавленнаго и деспотизмомъ, и крайней нуждой, и природой. Посмотрите, напримѣръ, во время осеннихъ кочевовъ изъ лѣтниковъ въ зимники, на всѣ эти дикообразныя вереницы тяжелыхъ арбъ или одноколосъ съ ящичами и турсуками арсы и тарасуна, съ черными, задымленными котлами, деревянными халбачаями, мѣшалами и вертелами, съ грязными войлоками, кожами и шубами, съ черными и полунагими брачатами или калмычатами; взгляните, какъ онѣ тащатся на вяло-переваливающаго быка въ пустынь степной, съ докучливо-пронзительнымъ скрипомъ и визгомъ огромныхъ колесъ, съ дикимъ, монотонно-протяжнымъ гогочаньемъ и крикомъ кочевниковъ, сидящихъ на быкахъ и на арбахъ... Всѣ эти живыя картины пастушескихъ кочевьевъ въ русскомъ царствѣ такъ живо еще напоминаютъ первобытныя пастушескія поселенія востока—Ирана, Туркестана, Гоби или Монголіи и т. п.,—и какъ далеки они отъ типа западно-европейскихъ поселеній! Геніальный географъ, Риттеръ, мастерски обрисовывая нашъ величественный и богатый Алтай, часто указываетъ въ его горномъ строеніи типы и красоты Швейцарскихъ и Тиролевскихъ альпъ. Минусинскій, приалтаійскій округъ, гдѣ до 28,000 пастуховъ кочуетъ и доселѣ, у насъ называютъ сибирскою Италіею; Забайкальскія горныя страны сравниваютъ съ Швейцаріею и Тиролемъ. А когда въ этихъ предгорьяхъ, горахъ и долинахъ алтайскихъ и саянскихъ альпъ и хребтовъ, на мѣсто дивныхъ, азійскихъ, пастушески-кочевыхъ юртъ, улусовъ и ордъ, разовьются и зацвѣтутъ такія цивилизованныя скотоводческія и земледѣльческія поселенія,

какъ поселенія европейской Швейцаріи и Тироля? Когда?—Понуда и глухо не слышится отвѣта на этотъ вопросъ въ современной исторіи.

Русская колонизація, колонизація европейскаго племени, уже 200 лѣтъ идущая на встрѣчу кочевымъ народамъ Сибири по большой, такъ называемой царской дорогѣ, отъ Волги до Нерчинскихъ рудниковъ и далѣе—до Восточнаго океана, — русская колонизація и сама носитъ на себѣ глубоко-пассивный отпечатокъ топографическихъ условій мѣстностей. Мы не будемъ здѣсь заглядывать въ глубь или во внутренній бытъ этихъ поселеній по сибирскому тракту, а взглянемъ только на внѣшній топографическій строй ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ онъ намъ бросился въ глаза, при самомъ бѣгломъ и поверхностномъ обзорѣ съ тарантаса, въ минюлетный проѣздъ, въ прошломъ году, отъ Нижняго до Иркутска. Въ Нижегородской губерніи намъ довелось видѣть по дорогѣ лѣсныхъ семеновскій уѣздъ—этотъ мрачный оазъ раскольниковыхъ скитовъ. Кругомъ лѣсъ, и въ лѣсу, чуть не на каждой верстѣ, за сквернѣйшими мостами, среди грязей и топей, торчатъ ветхіе, обломанные старообрядческіе кресты. Изрѣдка промелькнетъ въ лѣсу починокъ или выселокъ съ двумя или тремя крестьянскими избытками. Затѣмъ опять лѣсъ, верстъ на 15 или на 20, и опять оазомъ встрѣтятся въ лѣсу какое нибудь старообрядческое селеніе, въ родѣ Язвиць. При взглядѣ на эту глушь лѣсную, намъ невольно вспомнились въ этихъ дебряхъ семеновскихъ всѣ эти мрачныя убѣжища и скрытныя пріюты раскола — лѣсные скиты и починки старообрядческіе, устроившіеся тамъ съ конца XVII вѣка. Темные люди—суевѣры! и ищутъ-то они только темной же, мрачной глуши лѣсовъ, чтобы сохранить тамъ иглу своихъ суевѣрій. И были же, вѣрно, тяжелыя и мрачныя времена гоненій и невѣжества, когда въ этихъ лѣсахъ искало убѣжища и спасенія наувѣрство и суевѣріе, когда тайкомъ пробирались туда гонимые люди и въ глуши лѣсной, украдкой, стучалъ топоръ старовѣрскій, срубавшій эти скиты въ лѣсу. И тѣмъ же, вѣрно, обуяла эти головы, этихъ екатниговъ, когда они, вмѣсто того, чтобы идти къ свѣту западнаго пресвѣщенія, шли въ эту дикую глушь и тѣму лѣсовъ нердовскихъ и черемисскихъ,—и тамъ, болышею частью, доселѣ свято блюдутъ свою неподвижную старину, со всеми ея преданіями. Для пуританъ-колонистовъ Сѣверной Америки лѣсъ былъ областью рациональнаго проявленія культурной дѣятельности, а для великорус-

снѣгъ старовѣровъ лѣсъ былъ убѣжищемъ какой-нибудь енуфрисцины, агулиновщины, евангелическаго аскетизма, суевѣрія и изуверства. Но скорѣе далѣе, черезъ такіе же глухіе лѣса костромскіе, вятужскіе, черезъ эти жалкіе городки—Варнавины,—черезъ эти случайные, старовѣрствомъ пахнуція села, въ родѣ Урена, и лѣсными деревушками, въ родѣ Шиткиной, Кудришиной, Архаровой, Малой Ларионовки, Вязовской и проч., гдѣ избы почему-то нерѣдко построены слитно и соединены тайными ходами (какъ-будто тутъ была когда-то борьба съ индійцами... тайныхъ дѣлъ розыскной канцеляріи)... Въ лѣсахъ Вятской губерніи намъ живьемъ бросалась въ глаза другая черта древней Руси—крестьянская колонизація. Среди черныхъ, дичихъ лѣсовъ, тамъ все еще только-что заводятся нечистики, напримѣръ, по р. Пижмѣ, въ котельничьемъ уѣздѣ, починокъ — *Эмань, Шмели, Юдинскія избы* и проч. Передъ нашими вѣдѣньями, изъ Слободскаго уѣзда до 90 семействъ переселились въ Франскій уѣздъ. Два крестьянина, переселенца изъ котельничьяго уѣзда, изъ деревни Кожевишковой, встрѣтились съ нами на одной станціи: едва дождавшись перевозу черезъ р. Молому, навеселѣе, съ котомками на плечахъ, брели они, въ началѣ апрѣля, босикомъ, по гравьямъ и тонкимъ лѣснымъ, по лужамъ, по разливамъ и озерамъ.—Куда вы идете? спросили мы ихъ.—Идемъ въ Котельничъ просить начальство: хотимъ садиться на новую землю, на починокъ, да голова мѣшаетъ; поставили было избанки, да злодѣи небы-то смегъ у насъ». — Что же васъ заставляеть переселяться? — «Цѣ, а лѣсу да и земли мало у насъ въ Кожевишковѣ, а тамъ воелѣ Полякова починокъ тянется лѣсъ лишній, поросшій; съ прїѣздомъ къ тому Полякову починокъ мы и думаемъ садиться своимъ починокъ, и прозовемъ его вторымъ Поляновымъ.—А вы, ваша милость, куда позволите пробираться?»—Въ Сибирь.—«Въ Сибирь-то, заштѣны мужики,—и наши крестьяне, человекъ съ 60, переселились куда-то въ Вишнейскую губернію: письма писали, хвалять сибирскія мѣста». Эти переселенцы-крестьяне живо напомнили намъ древнюю Русь, только-что строившуюся: какъ она жива еще и теперь въ глуши нашихъ восточныхъ, лѣсистыхъ провинцій! Крестьяне здѣсь остались тѣ же самые, какими они были въ XVI и XVII вѣкѣ; тамъ же они переселяются съ мѣста на мѣсто, ставятъ починокъ въ лѣсахъ и говорятъ такимъ же стереотипнымъ языкомъ: «идемъ лѣсъ ровить, садиться на новую землю, ставить починокъ въ прїѣздѣ къ другому

почти и т. и. Разставшись съ этими переселенцами втѣсни, мы скоро очутились въ новомъ лѣсномъ оазѣ. Уже на перевозѣ черезъ Ченцу, въ глазовскомъ уѣздѣ, у Усть-лекомской станицы, перевозники, крещеные вотяки, наглядно показывали намъ, что мы въѣхали въ среду вотяковъ и вѣтшицаго происхожденія русскихъ крестьянъ. Физіономія у полу-обрусьныхъ вотяковъ уже близка къ фзіономіямъ русскихъ крестьянъ: глаза узкіе, щомы выпуклыя, но не у всѣхъ; у нѣкоторыхъ волосы кудрявые и черные, у другихъ рыжіе и толстые. Говоръ нѣсколько пѣвучій и въ концѣ словъ возвышенно-протяжный, такой-же, какъ и у совершенно русскихъ вѣтшихъ крестьянъ, большею частью тоже обрусьныхъ изъ вотяковъ. Отсюда, въ дикой глуши лѣсовъ, по р. Ченцѣ, пошли больше все вотячійя села и деревни, постепенно обращающіяся въ русскія. Народонаселеніе смѣшанное, такъ какъ вотяки и русскіе, какъ сказывали намъ на Москѣвской станицѣ, женятся другъ у друга, и больше даже русскіе вступаютъ въ бракъ съ вотячанами. Во многихъ селахъ и деревняхъ вотяки и русскіе живутъ вѣстѣ, наприм. въ глазовскомъ уѣздѣ — на станицѣ Москѣвской, въ селѣ Явгурецкомъ, въ селѣ Балеино, въ большомъ торговомъ селѣ Дебесахъ, съ котораго начинается Пермская губернія и главный сибирскій трактъ, и въ другихъ селеніяхъ: обыкновенно половина людей русскихъ, половина — вотячскихъ. Только въ глуши лѣсовъ живутъ одни вотяки. Въздѣствие смѣшенія съ русскими, и языкъ вотячскій накопился испорченными русскими словами, такими, напримѣръ: гуралъ — гора, нилезъ — лѣсъ, шамш — шапка, саллъ — соль, кибитка — кибитка, кулъ — коса, самовъ — самоваръ, сахаръ — сахаръ и т. и. На перевозѣ черезъ Ченцу у села Балеина, перевозники-вотяки, дико, востройно, на раснѣвъ русскихъ крестьянскихъ пѣсень, затянули: «аей, ей, зоной туганю, яламъ, яламъ пимальсозъ кызалобъ: дайтѣ-ко, ребята, станомъ пѣсни мѣтъ!». Вся пѣсня только и состояла изъ этихъ звуковъ. Далѣе, вплоть до Дебесъ, тянется сплошь дичь лѣсовая и въ лѣсахъ опять деревни вотячійя. Вообще это скучный, душно-спертный, монотонный оазисъ жителей лѣсныхъ-то особенно вялыхъ, полусонливыхъ, забытыхъ. И изъ-за-лѣныхъ-то ениныхъ кресловъ или кетисовъ слагалось и слагается, переставъ русское крестьянство. Въ дремучихъ и непроходимыхъ дѣбринахъ, влечить эта русифицирующая, обрусифицирующая чухъ дремлющую, полудикаю, мрачную жвань, — и во веку эту глушь лѣсную, сста-

млавшю еще нѣкогда новгородскую, хлыновскую республику, и доселѣ не проникъ ни одинъ лучъ не только европейской, но и московской, и даже вятской цивилизаціи. — Далѣе идутъ все русскія поселенія, и ужь самыя постройки русскихъ поселенцевъ пассивно отпечатлѣли на себѣ мѣстные природныя типы и пестрѣются топографическими оазами почти по всему сибирскому тракту. Такъ, на пути изъ Перми до Кунгура тянутся мѣста лѣсистыя; села, какъ, напримѣръ, Янычи, Платошину, Крылосово и другія, лежатъ въ лѣсистыхъ надиѣхъ или низменностяхъ, между горами. По характеру мѣста, тутъ и деревни большею частью обстроены сносно, изъ хорошаго строевого лѣса. Проѣзжаете далѣе, за Кунгуръ: дорога идетъ по холмисто-равнинной, безлѣсной, голой мѣстности: только тутъ — индѣ растутъ на холмахъ мелкій и рѣдкій березникъ; лѣсъ строевой находится отсюда верстъ за 60. И вотъ на этомъ безлѣсномъ оазѣ деревушки вдругъ идутъ плохія: избы крыты дерномъ, соломою и сверху мелкимъ березникомъ: плетни березовые. Таковы села на пути — Сабарское, Златоустовское и другія деревни. Затѣмъ начинается лѣсистое и гористое при-уралье, богатое строевымъ лѣсомъ, — и села идутъ порядочно отстроенныя. Чуть переѣдете за Уралъ, — начинается обширная западно-сибирская, обская низменность: кругомъ виднѣются только голыя степи да березникъ. И какъ вся эта низменность березовая, то и въ обстройкѣ всѣхъ поселеній преобладаетъ березникъ; многія избы построены изъ березовыхъ деревьевъ, крыты всѣ избы дерномъ и мелкимъ березникомъ; плетни — все березовые. Не даромъ и сѣверный городъ въ этой низменности получилъ названіе Березова. За Обью, тотчасъ отъ села Дубровина, начинается мѣстность лѣсистая и болѣе возвышенная: съ самаго праваго, нагорнаго берега Оби пошелъ богатый сосновый лѣсъ, — и отселѣ села построены изъ сосноваго лѣса. Только и тутъ поселенцы большею частью не умѣютъ или не хотятъ надлежащимъ образомъ пользоваться самороднымъ даромъ мѣстной природы — богатствомъ строевого лѣса; большею частью, не позаботились хорошенько отдѣлать своихъ избъ и дворовъ: у одной избы двора или крыльца нѣтъ, другая не покрыта, у третьей крыша развалилась, четвертая стоитъ бокомъ и т. п. Вообще почти на всѣхъ русскихъ поселеніяхъ въ средней и сѣверной Сибири лежить мрачная печать пассивнаго состоянія людей ссыльных и загнанныхъ передъ угрюмой природой дикаго сѣвера. Тамъ, гдѣ нѣтъ,

напримѣръ, лѣсу и кругомъ однообразная, низменная степь, равнина, — тамъ и въ поселеніяхъ господствуетъ убіиственное, печальное однообразіе и ностроекъ, и промысловъ, и понятій, и увеселеній; тамъ жители не находятъ, чѣмъ разнообразить свою жизнь и промышленность. Они вялы, простоваты и тупы. Удушливой скукой вѣетъ отъ этихъ степныхъ, низменныхъ поселеній при-иртышскихъ, шимскихъ и барабинскихъ: они, подчасъ, напоминаютъ степи средней Азіи. Тутъ, поумиѣ люди сами жалуются, что ума въ поселенцахъ мало: оттого все худо. Въ лѣсистой и гористой странѣ, русскіе поселенцы, отъ недостатка знаній, не уиѣютъ и не могутъ справиться съ лѣсамн. Напримѣръ, въ прекрасной гористой и лѣсистой мѣстности, отъ р. Капа до Нижнеудинска, доселѣ не могли развиться прочныя, зажиточныя и большія поселенія. Кругомъ богатые естественные материалы и данные лѣсной и горной природы, — и у поселенцевъ недостаетъ ума вполне воспользоваться ими; они большею частью бѣдны. Многія деревни на половину опустѣли: стоятъ только плохія пустыя избы съ полными окнами, или лежатъ грустныя развалины цѣлаго ряда избъ. Кругомъ въ лѣсахъ множество дичи, дикія козы выбѣгаютъ изъ лѣсовъ къ самымъ деревнямъ, — и, однакожъ, въ деревняхъ этихъ иногда нечего поѣсть...

Такъ, въ самомъ внѣшнемъ своемъ построеніи, разнородны, разнообразны и часто безсвязны и пестройны поселенія русской земли. Каждый физико-географическій оазъ налагаетъ свой естественный типъ или отпечатокъ на самыя основы и постройки поселеній. Понятно, поэтому, что для ближайшаго, всесторонняго и подробнѣшаго изученія историко-географическаго распределенія и земско-хозяйственнаго устройства русскаго народонаселенія, нужно предварительно элементарное историческое изученіе его географическаго распределенія и экономическаго устройства по частямъ или по различнымъ географическимъ оазамъ, областямъ и сферамъ естественно-продуктивной экономіи природы, чтобы потомъ — въ связи съ дальнѣйшими изслѣдованіями другихъ культурно-историческихъ актовъ народной организаціи и дѣятельности, — составить общій философскій взглядъ на историческое развитіе русскаго народа. Поэтому, мы хотимъ сначала прослѣдить историко-географическое распределеніе и земско-хозяйственное устройство русскаго народонаселенія въ географическихъ областяхъ зоологической, растительно-

земледѣльской и минералогической экономіи природы и, вслѣдъ за-
тѣмъ, разсмотрѣть географическое распредѣленіе и экономическій
строй городскихъ или торгово-промышленныхъ поселеній, какъ ре-
зультатъ и выраженіе предварительнаго географическаго распредѣле-
нія и земско-хозяйственнаго движенія производительныхъ силъ и
промышленной дѣятельности народа въ разнообразныхъ географиче-
скихъ сферахъ продуктивныхъ силъ и источниковъ природы. — Въ
настоящемъ очеркѣ мы раскроемъ географическія, экономическія и ум-
ственныя условія поселеній въ Россіи.

На самой низшей степени культуры, племена человѣческія, со-
ставляя конечный зоологическій членъ или высшій стадій жи-
вотнаго царства, обыкновенно, жили еще слитно съ животнымъ мі-
ромъ, въ общей натуральной средѣ фауны. Потому естественная
потребность пищи, одежды и жилища побуждала ихъ и устроиться
прежде всего и почти исключительно въ области зоологической, жи-
вотной экономіи природы, особенно въ сѣверныхъ, холодныхъ стра-
нахъ. Развиваясь въ борьбѣ за существованіе съ дикими животными,
впервые покоряя фауну своей экономіи и культурѣ, они начинали свою
исторію въ сферѣ природы и въ средѣ собственныхъ племенныхъ
развитій и расъ. Тутъ, въ естественномъ процессѣ борьбы и
смиренія племенъ, развивались или нарождались и первые зачатки
ихъ отличительныхъ народностей. Тутъ, въ естественной эконо-
міи животнаго царства, они пріобрѣтали первыя средства и силы
для своего дальнѣйшаго естественно-историческаго развитія, скопляли
первыя натуральные капиталы и способы, какъ необходимыя пред-
варительныя условія и средства вступленія потомъ въ другія об-
ласти естественной экономіи, въ область растительнаго царства —
для устройства и распространенія земледѣльской колонизаціи и
культуры, и въ область царства минеральнаго — для пріобрѣтенія
золота, серебра, жѣлѣза и проч., и для устройства и распростра-
ненія горно-заводскихъ поселеній. Потребность пищи, одежды
и жилища, какъ главная потребность человѣческаго организма,
побуждала людей, особенно въ сѣверныхъ, холодныхъ климатахъ,
устроиваться прежде всего въ области животной экономіи природы.
«Къ первымъ условіямъ поддержанія животной жизни, — гово-
ритъ Либихъ, — относятся: восприниманіе пищи (утоленіе голода)
и вбраваніе кислорода изъ воздуха (процессъ дыханія). Взаимное
дѣйствіе составныхъ частей пищи и кислорода, распространен-

наго въ тѣлѣ чрезъ обращеніе крови, составляетъ начало или источникъ животной теплоты. Если бы мы употребляли одинаково по вѣсу количество пищи какъ въ холодныхъ, такъ и въ теплыхъ странахъ, то безконечною мудростью все же такъ устроено, что пища эта весьма различна по содержанію углерода. Плоды, служащіе пищею для южнаго жителя, содержатъ въ свѣжестъ состояніи не болѣе 12 процентовъ углерода, между тѣмъ, какъ сало и шерсть, употребляемыя жителями полярныхъ странъ, содержатъ отъ 66 до 80 процентовъ углерода... Относительно температуры тѣла, одежда наша служитъ эквивалентомъ пищи; чѣмъ теплѣе мы одѣваемся, тѣмъ больше, но до известной степени, уменьшается у насъ потребность въ ней, ибо этии самымъ уменьшается потеря теплоты, остываніе, а слѣдовательно, и замѣтъ его пищею. Если бы мы ходили голые, какъ индійцы, или если бы мы на охотѣ и рыбной ловлѣ подвергались такому же холоду, какъ сапожники, то были бы въ состояніи съѣсть полтеленна и, сверхъ того, еще дюжину салыиныхъ свѣчей, какъ это намъ съ удивленіемъ рассказывали путешественники, тепло одѣвавшіеся въ тѣхъ странахъ. Для поддержанія своей температуры и для защиты отъ погоды, человѣку нужно жилище, одежда и отопленіе. Пища и питье до нѣкоторой степени могутъ ему замѣнять одежду и отопленіе, но сами они не могутъ быть замѣнены ни одной изъ прочихъ потребностей организма; они составляютъ безусловныя, для необходимыя потребности жизни... Вездѣ, во всемъ органическомъ мірѣ, гдѣ только проявляется животная жизнь, все явленія жизни мы видимъ въ зависимости отъ присутствія кровяной бѣлковой; продолженіе существованія жизни тѣсно связано съ присутствіемъ ее въ крови или въ питающей организмъ жидкости. Если мы, съ этой точки зрѣнія, будемъ разсматривать питательныя вещества, то дойдемъ до познанія закона природы, поразительнаго своею простотою. Самый обыкновенный, такъ сказать, вседневный опытъ показываетъ намъ, что изъ всѣхъ питательныхъ веществъ—мясо одарено самою большею питательною способностью. Главная составная часть мяса есть мускульное волокно или мясной эмбрионъ, составляющій около 70% вѣса сухого и несодержащаго жира мяса... Помощью химическаго анализа, открыта несомнѣнная причина питательной способности мяса... Въ мясномъ эмбрионѣ заключается одна изъ главныхъ причинъ образованія крови. Точно также въ молокѣ, въ молочномъ казеинѣ животное находитъ главную составную часть своей крови

и, поэтому, важнейшее питающее средство. Оно способствует развитию его организма. Мякоть пищи содержит самую питательную часть растений в самом концентрированном состоянии. Питательное вещество животного есть превращение творческой деятельности растений¹⁾). Следовательно, оно наиболее готовое и самое питательное средство жизни.

«Вследствие таких химико-физиологических законов животной жизни, люди, составляя высший зоологический член или высший ступень животного царства, на первой поре своего экономического устройства, и особенно в северных странах, по необходимости должны были, во первых, устроиться в сфере животного царства и идти на стезю производить животной экономии; потому что только животная экономия природы представляла имъ, такъ сказать, готовый естественный запас и готовую естественную фабрику всѣхъ главныхъ жизненныхъ материаловъ, необходимыхъ для скорѣйшаго и удобнѣйшаго удовлетворенія первыхъ потребностей жизни, т. е. потребности пищи, одежды и жилища. Какъ индейцамъ сѣверо-западныхъ долинъ Америки дикій буйволъ (*bos americanus*) доставляетъ всѣ средства жизни, именно мясо доставляетъ пищу, шерсть — одежду, кожа — шатры или шалаши, одеяла, лодки, сѣдла, ремни и грубую матерію для одежды, рога — ложки, кости — дубины и другія орудія, нора — тетивы и нитки, грива — веревки и канаты, черепъ и копыта томо идутъ на особыя сладобы и, наконецъ, кровь, помешанъ въ мушуръ, употребляется какъ масло или сало, — такъ точно и другимъ народамъ животное хозяйство природы доставляло въ естественномъ запасѣ всѣ средства жизни: «Для ослѣдующихъ чучелъ, напримеръ, говоритъ Врангель, моржи доставляютъ все. Мясо, и въ особенности часть кожи и жира ихъ употребляются въ пищу; а жиръ иногда служитъ еще вмѣсто топлива, согревая и освѣщая жилища чучелъ. Кожа доставляетъ имъ хорошіе ремни для упряжки и прочныя подошвы. Изъ внутренностей и наконецъ моржовыхъ дѣлается легкое, непромокающее лѣтнее платье. Жилы занимаютъ нитки. Наконецъ, изъ моржовыхъ клыковъ дѣлаютъ чучелъ особое орудіе, употребляя его, вмѣсто пешней,

¹⁾ См. также о Химии. II, стр. 2, 6, 10—11, 37—39. 43. 158. 159. Для критическаго и точнѣйшаго уразумѣнія типовъ и значенія пищи, можно указать на труды ученыхъ читателей, для соображеній, въ соображеніи г. Свѣтловыми Учебникъ физиологіи Германна, стр. 112—115.

для лопки льда и рытья замерзшей земли»¹⁾. «Олень, — особ-
 щает миссіонеръ Аргентовъ, — у бродячаго инородца все — и
 пища, и одежда, и жилище, и, сверхъ того, превосходный въ хо-
 зяйственномъ отношеніи рабочей скотъ. Изъ оленьихъ шкуръ выдѣ-
 лываются красивые, теплые мѣха, превосходная замша, разное зим-
 ное и лѣтнее платье и походныя палатки или легкія юрты — эти
 подвижные дома, очень удобные для кочевниковъ. Мясо и молоко
 оленя составляютъ питательную и вкусную пищу. Кровь служитъ
 спасительнымъ средствомъ противъ чумы, чрезвычайно питательна
 и отлично согрѣваетъ похъ 70° с. н. Жиръ, кромѣ употребленія въ
 пищу, идетъ на освѣщеніе. Изъ жила выдѣлываются крѣпкія нитки.
 На оленѣ ѣздятъ верхомъ и въ упряжи и совершаютъ разныя хозяй-
 ственныя работы»²⁾. Точно также для алеутовъ морской левъ (се-
 вуць, *Otaria Stelleri*) служить сопровожденіемъ во всѣхъ жизненныхъ по-
 требностей. Выдѣланными шкурами алеуты обтѣпываютъ малыя и
 большія байдары; изъ кишекъ и пищевода онъ шьетъ себѣ непро-
 мокаемую камлейку, — широкую, длинную рубашку, которую надѣваетъ
 сверхъ платья и которая сохраняетъ алеута отъ частыхъ дождей
 его туманной родины и морскихъ волнъ. Изъ плавательной перепон-
 ки дѣлаютъ алеуты подошвы, усами упрямаютъ свою шапку, а свѣ-
 жее, сушеное и соленое мясо употребляютъ въ пищу³⁾.

При такомъ распредѣленіи жизненныхъ матеріаловъ въ животной эко-
 номіи природы, со стороны людей требовалось только болѣе или менѣе
 напряженное и ловкое движеніе за животными, движеніе болѣе или
 менѣе пропорціональное съ мѣрою или суммою той животной продук-
 тивной добычи, какую должна была доставлять имъ естественная
 зоологическая экномія для вознагражденія и восстановленія израс-
 ходованныхъ на это движеніе механическихъ силъ. Съ движеніемъ

1) Путешеств. Врангеля ч. II, стр. 338. См. также его *Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russisch. Besitzungen an der nordwest-
 küste von America. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, heraus-
 gegeben von K. E. v. Baer und v. Helmersen. Bd. I, s. 26—27.*

2) Журн. Аклиматизація, т. I, вып. 1, стр. 20: олени Заленскаго края, Pöppig's, *Naturgeschichte des Tierreichs* 1, s. 243: *Renntiere den arctischen Uöthern Europa's und Asiens theils als Zug theils, als Lastthiere dienen, ihr Fleisch und ihre Milch für jene unentbehrliche Nahrungsmittel sind, Fell zur Kleidung oder zu Zeltdecken verwendet wird und kaum irgend ein Theil, selbst ohnen und Knochen nicht ungenüsst weggeworfen werden.*

3) Гартвига, *Природа и Человѣкъ на Крайн. Сѣверѣ*, стр. 270.

въ побуждали и вызывали къ жизни и особенно въ полярной атмосферѣ. «Въ холодной и умеренной полосахъ, — говорить Дарвинъ, — воздухъ, который безпрестанно стремится разрушать тѣло, побуждаетъ къ работѣ и напряженію для добыванія пищи, которая въ этомъ случаѣ становится средствомъ для претиводѣйствія вліянію этого воздуха»¹⁾. — Къ движенію побуждали ихъ и безпрестанно движущіяся животныя, съ которыми нужно было вести борьбу за существованіе, за которыми нужно было гоняться для добычи изверженныхъ пищи, одежды и жилища. Вѣчно бродячій образъ жизни дикихъ животныхъ, необходимо, требовалъ бродячей, подвижной жизни и людей, жившихъ въ области зоолого-географической экономіи природы. «Общественъ не по натурѣ оленя; — замѣчаетъ Аркентонъ, — а потому-то все оленьи инородцы — народъ бродячій непремѣнно»²⁾. «Можно сказать, — говоритъ докторъ Киберъ, — что тунгусы, ламуты и шаагиры сходствуютъ съ оленями живостью и непостоянствомъ. Самъ не свой, нѣо долженъ съ нѣдѣлю жить на одномъ мѣстѣ; а потому въ болѣзни они особенно скучаютъ, остаются въ покоѣ. Я совѣтовалъ одному ламуту, одержимому хроническою болязною, переѣхать на мѣсяцъ въ Нижнеколымскъ, гдѣ обѣщавъ ему доставить помучше пищу, жилище и помощь влеченію, сомнѣваясь, чтобы онъ могъ выздороветь, пока въ своей палаткѣ подверженъ стужѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему худо, когда онъ остается три дня на одномъ мѣстѣ, а если переѣдетъ въ Нижнеколымскъ на мѣсяцъ, то вѣрно умретъ. Когда у нихъ нѣтъ оленей въ поляхъ и они не могутъ оставить рыбнаго озера, доставляющаго имъ пищу, то все-таки переходятъ хоть на малыя разстоянія вокругъ озера, единственно для того, чтобы не оставаться на одномъ мѣстѣ. Другіе же, оставляя озера, пускаются на удачу искать оленей, и иногда обманываются невѣстной надеждою. — «Гдѣ ты будешь жить черезъ шесть дней?» спросилъ я однажды тунгуса. Онъ отвѣчалъ почти съ досадою: «тунгусъ этого не можетъ знать»³⁾. — Такъ періодическія миграціи и переходчивость оленей по тундрамъ, мхамъ и горамъ, изъ лѣсовъ въ тундру, изъ береганъ моря и обратно, а также вѣчно бродячая подвижность звѣрей сдѣлались и для тунгуса стѣпкой, физиологическою потребностью бродячаго образа жизни. И пото-

1) Письма о Химіи II, стр. 10.

2) Аклиматизація I, стр. 27.

3) Сибирск. Вѣст. 1824 г. ч. I, Дневныя записки д-ра Кибера, стр. 36—37.

му поселенію ихъ до чрезвычайности подвижныя, бреданія. Тою же бредячестью, порождающею животнымъ и періодическія миграціи ихъ обуславливаются и ночовка, подвижная жизнь внутренностию номадовъ. «Въ возвышенныхъ степяхъ Дауро-Монголіи, — говоритъ Радде, — и шёръ, и человекъ одинаково подчиняется закону несбытливенной однообразности террестрическихъ и атмосферныхъ особенностей южныхъ степей, и здѣсь эта однообразность, односторонность обуславливаетъ *періодическія переселенія*; потому что съ слѣжными суметани, покрывающими хребтъ пограничныхъ горъ и, въ меньшей шёръ, его южныя развѣтвенія, большая часть животнымъ оставляютъ свое лѣтнее мѣстопробываніе въ жезаниской джунгліи и бѣгутъ къ уваламъ въ лѣсистые округи, въ бассейны плоскогорья, предшествующія сѣверо-восточной оконечности возвышенной Гоби, гдѣ они пасутся на растительномъ корму, который здѣсь легче вырывать изъ подъ нижняго снѣга, и гдѣ другіе пасутся оною этихъ травоядныхъ животнымъ, слѣдуя за коду и движению. Подобнымъ образомъ поступаютъ и все ночовое народонаселеніе горъ, благосостояніе котораго тѣсно связано съ его стадами. И такъ, въ высокой Гоби — такъ, въ сентябрѣ, регулярное стремленіе къ сѣверу однокопытныхъ и двукопытныхъ. Табуны дикитяевъ сбѣгаютъ на Далай-Норъ до русской области; дварани или зобастые антилопы, часто собираясь въ стада тысячами, добѣгаютъ почти до праваго берега Онона и почти каждую зиму походятся на южныхъ отрогахъ Одонъ-Чолона, въ линіи расширенія лѣсолюбиваго изюбра и лѣсобезлюбивой антилопы. Животныя Яблоноваго хребта бѣгутъ передъ снѣгомъ, а животныхъ возвышенной степи, можетъ быть, именно снѣгъ привлекаетъ изъ внутреннихъ, сухихъ мѣстъ Гоби на сѣверъ, гдѣ они находятъ, крѣпко, еще нѣсколько богатый зимній кормъ. — Совершенно то же здѣсь дѣлаютъ люди. Монголы, кочующіе лѣтомъ разбросанне, зимой садятся въ низменностяхъ Керулена, Байлара и Далай-Нора; буряты кочуютъ въ долинахъ Онона и Онекъ-ворза. Возвышенныя степи тогда сине безлюдны, тѣмъ лѣтомъ. Такъ, здѣсь, въ русской Дауріи, надъ влияніемъ, съ одной стороны, континентальнаго, суроваго климата, съ другой — безводнаго или худоводнаго Яблоноваго хребта, временно передвигается жизнь животная и человѣческая на относительно-маломъ пространствѣ, въ которомъ влияние это цѣлѣе ощутительно, именно на линіи соприкосновенія крайней, сѣверо-восточной оконеч-

ности колонизаций. Если бы последние уступили или отступили дограничные горы»¹⁾.

Сторонники различных воззрений географических условий и высотностей, человеческие народы принимали различные экономические формы и типы, которые преимущественно сдвигались, вследствие передвижений в зоологических областях естественной экономии, частью существовавшие совместно и одновременно, при соответствующем существовании и изобилии различных географических частей животного хозяйства природы. В первоначальные времена, люди заботились обыкновенно дикая, неосвоенная области природы. События исторического зоологический член или стадий животного царства, стояло главнейшее; люди жили тогда, по выражению нашей начальной летописи, *аще звери, зверинымъ образомъ; съ мутью*, вели со зверями борьбу за существование, жили на стадии экономии дикого животного царства. Это эвтропическое поселение, представляющая первую ступень зооико-хозяйственного устройства и установления людей в зоолого-географической области природы. Потому, когда терро-географическая эвтропическая область, с уничтожением эвтропического населения, ограничивалась, сдвигалась в животная экономии в них убывала и задерживалась, — поселения эвтропическая передвигалась в другие зоолого-географическая области естественной животной экономии. На сѣверѣ, в области оленя и собаки, распространились, какъ увидимъ дальше, поселения такъ называемыя *оленья, собачья, речная и морская* или *рыболовская, иголовная* и т. п. Таковы, напримеръ, все поселенія сѣверо-восточно-сибирскія. Въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ европейской Россіи и Сибири, в зоолого-географической области дикой лошади — джигита, домашней лошади (*equus caballus*), рогатого скота (*bos taurus*), овцы (*aegagrus ovis agrius*) и другой мясокатающей фауны, по географическимъ условиямъ естественнаго распространения этихъ животныхъ изъ средней Азіи, распространились поселения такъ называемыя *степная, скотная* и *кошачья* или *пастушеская, скотоводческая*, о которыхъ дальше будетъ сказано подробно. Далѣе, если отирывалась богатая эвтропическая область естественной животной экономии, то и въ ней

¹⁾ Gustav Radde's Reisen im Süden von Ost-Sibirien, im den Jahren 1855—1859, Bd. I, S. II, III.

устроивались особые птицеводные поселения, въ родъ нашихъ древнихъ сокольничьихъ слободъ и кречатыихъ волостей. Даже зоо-зоологическая область животной экономии, область естественнаго распространения или акклиматизации нѣкоторыхъ беспозвоночныхъ животныхъ обуславливала существованіе и распространеніе особыхъ поселеній. Напримеръ, въ области акклиматизации шелководческаго червя (*Bombyx mori*) устроились особые шелководческія поселенія. Такъ, между прочимъ, села Верхне-Ахтубинское и Средне-Ахтубинское, Астраханской губерніи, царскаго уѣзда, заселены были въ 1745—1756 г. прямо съ цѣлью разведенія шелководства. Въ колонистскихъ колоніяхъ, въ бердянскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, устроилось до 200 поселенцевъ-шелководовъ. Шелководческія поселенія распространены также въ нухинскомъ, мушинскомъ и шемахинскомъ уѣздахъ Бакинской губерніи, въ юго-восточной части Закавказскаго вѣра. Нѣкоторыя селенія въ этихъ уѣздахъ только и занимаются разведеніемъ тутовыхъ плантацій. А въ области распространения дичей пчелы, въ области бортиныхъ лѣсовъ, какъ увидимъ дальше, въ древней Россіи во множествѣ устроивались такъ называемыя *бортничьи села и деревни*. Намедецъ, если зоолого-географическій составъ земли заключалъ въ себѣ, въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ, всѣ численныя зоологическія сферы естественной экономии, всѣ географическія области и отдѣлы животнаго хозяйства природы, — то въ нихъ одновременно устроились и распространялись всѣ численныя зоолого-экономическія формы и разряды поселеній. Такъ было въ древней Россіи, особенно до XVI вѣка. — Далѣе мы подробно прослѣдимъ самые пути и условія распространения различныхъ поселеній и раскроемъ естественно-историческіе законы метаморфоза различныхъ зоолого-экономическихъ или животнo-хозяйственныхъ основъ поселеній. Теперь же прослѣдимъ зоолого-географическое распространеніе, судьбу и естественно-историческій метаморфозъ древне-русскихъ зоолого-экономическихъ поселеній, такъ какъ въ нихъ характеристично выразились зоолого-географическія и умственные условія всемо-хозяйственнаго устройства и распредѣленія русскаго народа, и изъ нихъ многое объясняется въ теперешнемъ экономическомъ и умственномъ состояніи нашего народа.

— Не скоро должно было пасться и неповоротливо двигаться выше, интеллектуальное развитіе русскаго народа; когда онъ, еще въ

эпоху такъ называемаго возрожденія наукъ на Западѣ, изобрѣтенія книгопечатанія, появленія Коперника, Бэкона и дѣлаго ряда такъ называемыхъ *libres penseurs*, воспитывался въ непосредственныхъ, некультурованныхъ зоологическихъ областяхъ природы, въ средѣ дикой, лѣсной фауны. Не даромъ западные европейцы еще въ XVII вѣкѣ называли русскихъ *ursae septentrionales* ¹⁾. Почти до XVI вѣка, русская земля представляла дикую, лѣсистую и болотистую зоолого-географическую область. И народу, только-что выступавшему на историческое поприще въ этой странѣ лѣсовъ, болотъ и звѣрей, повсюду начинавшему свою исторію, оеѣдность и промышленность съ *починковъ на лѣсахъ, съ роздѣльи, съ росчисти мѣсовъ*, естественно, сначала предстояло еще, въ борьбѣ за существованіе съ звѣрями, обезпечить свое насущное продовольствіе и первоначальное домоустройство, и потомъ, въ этой готовой лѣсной животной экономіи, скопить первыя силы и средства для дальнѣйшаго экономическаго и умственнаго развитія. И вотъ онъ началъ и долго потомъ совершалъ свое земское строеніе, свою колонизацію и культуру въ области этого животнаго хозяйства русской земли. Было время, когда все славянскія племена, вошедшія въ составъ древней Руси, устроились и жили въ области лѣсной животной экономіи природы, вели жизнь звѣроловческую. Несторъ свидѣтельствуетъ, что «древляне *живяху зѣтринскимъ образомъ, живуще скотскіи, а также радимичи и вятичи, и сѣверъ однихъ обычай няху — живяху въ мѣстѣ, яко же всякій зѣтръ, ядуще все нечисто, т. е. питаясь охотою на дикихъ звѣрей и птицъ, какія попадутся подъ руку*» ²⁾. Когда славянская колонизація подвигалась на сѣверо-востокъ, въ лѣсистыя, многоводныя и болотистыя земли финскія, — тамъ было тогда еще темное, дремучее лѣсное царство звѣрей и чуть-чуть зачиналась, въ мифическомъ мракѣ отдаленныхъ временъ, звѣроловно-пастушеская жизнь. Не даромъ, по народному зносу, мифическій герой русскаго земскаго строенія, Егорій Храбрый, когда сталъ впервые устроить землю, раздѣлять лѣса, земли и воды, то наѣзжалъ еще тамъ

На лѣса на дремучіе
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтъя по земли растилалися.

¹⁾ Коллинсъ, 10.

²⁾ Полн. Собр. Лѣт. I, 80.

Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣрное,
 На сѣрыхъ волвовъ, на рысучіихъ,
 И пасли стадо три пастыря

Да три дѣвицы.

На нихъ тѣла, яко еловая кора,
 Власть на нихъ, какъ ковыль-трава.

И вѣтъ дикій, дѣсноі первобытній типъ долго потомъ не сглаживался съ лица русской земли и долго все земское строеніе народа шло непосредственно-натуральными зоологическими основами. Долговременная местность естественной зоологической экономіи русской земли и суровый климатъ ея приполярнаго, сѣверо-восточнаго и континентальнаго протяженія, особенно при тогдашней богатой и напряженной, страдной работѣ—расчиствѣ и разработкѣ дѣсистыхъ и болотистыхъ пространствъ сѣверо-восточныхъ, — при страшно напряженномъ колонизационномъ движеніи русскаго народа, необходимо обуславливали долговременное господство и преобладаніе въ народномъ продовольствіи и хозяйствѣ непосредственныхъ силъ и продуктовъ животной экономіи природы. И какъ по пащениымъ путямъ и ухаюамъ, куда шедъ топоръ, шелъ плугъ, шла коса и соха, распространялись въ дѣсахъ такъ называемыя *пахотныя* и *хлебныя* села, деревни и почины, — такъ и по водного-географическимъ путямъ и ухаюамъ распространялись разнообразныя экономическія основы особаго рода поселеній. Въ слѣдующей статьѣ мы рассмотримъ вкратцѣ, какіе это были зоологическіе пути и ухаюа и какія по нимъ распространялись поселенія.

А. И. Щаповъ.

(Продолженіе будетъ).

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ГЛАВА XIX.

ИМЯ АЛИСЫ ВАВАЗОРЪ ПОПАДАЕТЪ НА ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОКЪ.

Дней десять или двѣнадцать спустя по возвращеніи Джоржа Вавазора въ Лондонъ, онъ явился въ контору мистера Скреби съ четырьмя небольшими клочками бумаги въ рукѣ. Мистеръ Скреби, по обыкновенію, приставалъ за деньгами. Третьи выборы подходили и деньги расточались щедрой рукой между избирателями.—Я человекъ семейный, мистеръ Вавазоръ, а потому никогда не выдаюся, очертя голову, въ такія предпріятія, исходъ которыхъ невѣренъ. — Этими словами мистеръ Скреби отвѣчалъ на предложеніе Джоржа взять отъ него росписку на ту сумму, которую онъ затратитъ въ предстоящіе выборы, съ уплатою въ три мѣсяца.—Вы знаете, сказалъ ему Джоржъ, какъ трудно достать наличныя деньги тотчасъ же по полученіи наслѣдства, особенно когда все наслѣдство заключается въ недвижимомъ имуществѣ.—Трудно-то оно очень трудно, отвѣчалъ мистеръ Скреби, которому были извѣстны, какъ нельзя лучше, всѣ подробности завѣщанія стараго сквайра. Два дня спустя послѣ этого разговора, Джоржъ снова явился въ контору стряпчачаго, принесъ съ собою тѣ четыре клочка бумаги, о которыхъ было упомянуто выше. Мистеръ Скреби внимательно разсматривалъ ихъ; но прежде, чѣмъ мы узнаемъ его мнѣніе объ этихъ документахъ, намъ необходимо сдѣлать небольшое отступленіе.

Однажды утромъ, когда Алиса сидѣла одна въ своей гостиной, горничная пришла доложить ей, что какой-то «джентльменъ» желаетъ ее видѣть. При этомъ, по тону горничной, ясно можно было видѣть, что она очень хорошо знаетъ, что по-счититель этотъ вовсе не джентльменъ.

— Какой-то джентльменъ? Кто бы это могъ быть?

— Не знаю, миссъ: кажется мнѣ, что онъ не изъ настоящихъ господъ; а впрочемъ, съ виду онъ ничего.

— Проси его сюда. Только не мѣшало бы, Дженъ, узнать прежде его имя.—Дженъ ушла и черезъ минуту вернулась съ извѣстіемъ, что фамилія посѣтителя—мистеръ Леви.

Алиса встала на встрѣчу гостю и тотчасъ же поняла, почему горничная доложила о немъ такимъ страннымъ тономъ. Мистеръ Леви, дѣйствительно, не принадлежалъ къ разряду тѣхъ джентльменовъ, въ кругу которыхъ Алиса привыкла вращаться. То былъ приземистый, смуглый человѣчекъ съ лукавыми глазами, помѣщавшимися очень близко одинъ отъ другого, съ большимъ, горбатымъ носомъ и черными усиками.—Не понравилась Алисѣ наружность этого мистера Леви, но дѣлать было нечего; она привѣтствовала его легкимъ наклоненіемъ головы и попросила садиться.

— Папа еще не одѣтъ? спросила Алиса у горничной.

— Нѣтъ, миссъ, кажись, еще не одѣтъ.

Алиса сочла не лишнимъ довести до свѣденія мистера Леви, что въ домѣ есть мужчина.

— Я явился къ вамъ, миссъ, по одному дѣльцу, заговорилъ мистеръ Леви, когда они остались вдвоемъ.—Безновоконься вамъ тутъ нечего; дѣльце, какъ вы увидите, не богъ знаетъ какое.—Затѣмъ онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана бумажникъ и отыскалъ въ немъ записку, которую и вручилъ Алисѣ. По почерку адреса, Алиса тотчасъ же узнала, что записка эта отъ ея двоюроднаго брата.—Тавъ точно, миссъ, проговорилъ мистеръ Леви это отъ Джоржа Вавазора. Меня вы, я полагаю, никогда не иволили видѣть?

— Нѣтъ, сэръ; сколько мнѣ извѣстно, я вижу васъ въ первый разъ.

— Я письмоводитель вашего двоюроднаго брата.

— А! вы письмоводитель мистера Вавазора. Съ вашего позволенія, сэръ, я прочитаю теперь его письмо.

— Сдѣлайте одолженіе, миссъ.

Письмо Джоржа Вавазора къ кузинѣ было слѣдующаго содержанія:

Милая Алиса,

Послѣ того, что произошло между нами въ послѣднее наше

свиданье, я былъ увѣренъ что, по возвращеніи изъ Уэстмор-лэнда, вы распорядитесь о переводѣ на моихъ банкировъ нужной мнѣ суммы денегъ. Но оазывается, что вы и не подумали этого сдѣлать. Само собою разумѣется, я на васъ за это не въ претензіи, потому что женщины въ подобныхъ дѣлахъ рѣдко умѣютъ во время принять надлежащія мѣры. Вы уже, безъ сомнѣнія, слышали, какъ несправедливо поступилъ со мною мой дѣдъ, и, конечно, раздѣляете мое негодованіе. Упоминаю объ этомъ обстоятельстве потому, что содержаніе его завѣщанія обязываетъ васъ теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, свято соблюсти то, что вы мнѣ обѣщали.

«Пока между нами не исчезнутъ всѣ недоразумѣнія, — а что они исчезнутъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь, — я считаю болѣе благоразумнымъ не являться къ вамъ лично. Вотъ почему я посылаю къ вамъ моего писмоводителя съ четырьмя векселями, въ пятьсотъ фунтовъ каждый, на которыхъ я и прошу васъ подписать ваше имя. Мистеръ Леви покажетъ вамъ, какъ это сдѣлать. Срокъ уплаты по этимъ векселямъ черезъ двѣ недѣли, такъ, что деньги должны быть готовы въ конторѣ Дроммондсъ никакъ не позже понедѣльника; хорошо было бы даже, если бы онѣ были на лицо въ субботу. Васъ такъ хорошо знаютъ въ конторѣ Дроммондсъ, что вы, вѣроятно, не потянетесь сами заѣхать туда въ субботу послѣ обѣда и справиться, все ли въ порядкѣ.

«Нечего и говорить, что замедленіе въ выдачѣ денегъ поставило меня въ очень неприятное положеніе. Дальнѣйшая проволочка будетъ для меня какъ нельзя болѣе пагубна. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что вы примете въ этомъ отношеніи всѣ, зависящія отъ васъ, мѣры; этого требуетъ и ваша, и моя польза.

Преданный вамъ,

Джоржъ Вавазоръ.»

Безпримѣрная наглость этого письма произвела именно то дѣйствіе, на которое рассчитывалъ писавшій его. Оно обратило вниманіе Адины на ея собственную оплошность — если только это можно было назвать оплошностью, — и отвело ей глаза отъ безстыдства самаго требованья. Рѣшительный тонъ, съ которымъ онъ требовалъ ея денегъ, заставилъ ее на время повѣрить, что ей дѣйствительно ничего болѣе не остается,

какъ удовлетворить его требованье, и что она была неправа, промѣшкавъ выдачею общанннхъ денегъ.

Но ее пугала необходимость подписать свое имя подъ векселями и ввѣрить ихъ потомъ такому господину, какъ мистеръ Леви. Отецъ ея былъ дома и всего проще было бы ей посоветоваться съ нимъ, но она знала, что отецъ положительно воспротивится этой безвозвратной выдачѣ денегъ ея двоюродному брату (что деньги эти кануть въ воду, было теперь для нея ясно, какъ день); а она, съ своей стороны, твердо рѣшилась сдержать слово, данное Джоржу.

Мистеръ Леви вынулъ изъ того же бумажника четыре векселя и разложилъ ихъ передъ собою на столѣ.

— Мистеръ Вавазоръ, если не ошибаюсь, миссъ, объяснилъ вамъ, что вы должны сдѣлать? проговорилъ онъ.

— Да, сэръ, онъ объяснилъ.

— Такъ не угодно ли вамъ будетъ подписать свое имя вотъ подъ этими документами. Затѣмъ я больше ничѣмъ не буду васъ беспокоить.

Мистеръ Леви, услышавъ, что мистеръ Джонъ Вавазоръ дома, торопился, по возможности сократить свое посѣщеніе.

Но Алиса колебалась. Двѣ тысячи фунтовъ—сумма не шуточная. Ну что, какъ этотъ человекъ украдетъ векселя, подписанные ея именемъ?—Она снова перечитала письмо двоюроднаго брата,—больше для того, чтобы выиграть время.

— Да ужъ не извольте беспокоиться, миссъ, все въ порядкѣ; замѣтилъ мистеръ Леви.

— Не можете ли вы оставить эти бумаги у меня? спросила Алиса.

— Ну, это не совсѣмъ-то будетъ удобно, миссъ. Мистеръ Вавазоръ, вѣроятно, объяснилъ вамъ, въ чемъ дѣло; онѣ должны быть у него въ рукахъ сегодня еще до вечера. Эти выборы страсть сколько требуютъ денегъ, и если нужная сумма не будетъ у него сегодня же въ рукахъ, то люди, отъ которыхъ зависитъ его избраніе, перейдутъ на другую сторону.

— Но деньги по этимъ векселямъ можно будетъ получить не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли.

— Такъ-такъ, миссъ; но вексель за вашею подписью все равно, что чистыя денежки.

Алиса призадумалась, а онъ, между тѣмъ, досталъ ей перо

съ письменнаго стола и подалъ ей векселя одинъ за другимъ. Алиса подписала подъ ними свое имя.

Съ этими-то четырьмя клочками бумаги явился Джоржъ Вавазоръ въ контору мистера Скреби.

— Ну, вотъ вы все приставали за наличными деньгами, проговорилъ онъ, важничая, какъ и подобаетъ капиталисту; нате вамъ ихъ. Надѣюсь, что двухнедѣльный срокъ уплаты не испугаетъ васъ.

— Двѣ-то недѣли еще куда ни шло, замѣтилъ мистеръ Скреби. Мы можемъ до тѣхъ поръ оттянуть платежъ. Я пошлю сказать Гримсу, что не могу съ нимъ видѣться раньше 15-го числа.

Но не этого добивался Джоржъ Вавазоръ. Ему хотѣлось превратить эти векселя тотчасъ же въ наличныя деньги, чтобы избавиться самому отъ необходимости предъявлять ихъ на Алису, въ случаѣ, если уплата не будетъ произведена въ срокъ.

— Ничего, подождемъ до 15-го, проговорилъ мистеръ Скреби, возвращая бумаги своему кліенту.

— Такъ вамъ нужна будетъ тысяча фунтовъ? спросилъ Джоржъ.

— Да, на первыхъ порахъ довольно будетъ тысяча, но отнюдь не меньше.

— Такъ ужъ не лучше ли вамъ разомъ оставить у себя обѣ тысячи?

— Нѣтъ, къ чему же? Я не вижу никакой необходимости. Ужъ вы лучше сами получите деньги по этимъ векселямъ черезъ вашего банкира, а мнѣ выдайте 15-го или 16-го числа на нихъ контрамарку.

— Что за чертовская недовѣрчивость, Скреби!

— Совсѣмъ это не недовѣрчивость. Я не привыкъ имѣть дѣло съ векселями, вотъ и все.

— Но что можетъ быть вѣрнѣе этихъ бумагъ? Цѣлому свѣту извѣстно, что моя кузина имѣетъ въ полномъ своемъ распоряженіи довольно значительное состояніе.

— Да бѣда-то въ томъ, мистеръ Вавазоръ, что мало охотниковъ покупать векселя, подписанные дамами. Попробуйте дисконтировать ихъ въ Сити, и вы увидите, что банкиры вамъ то же самое скажутъ. Конечно, ихъ можно перевести на ваше имя, противъ этого я ни слова не говорю.

— Вамъ я могу объяснить сущность нашей семейной сдѣлки, со всякимъ же другимъ мнѣ не такъ-то легко вдаваться въ объясненія. Впрочемъ, я этому дѣлу не придаю особенной важности.

— Да и не стоитъ. Двѣ недѣли ровно ничего не значать. Вы получите деньги черезъ вашихъ банкировъ, а мнѣ, по истеченіи срока, пришлете контрамарку на полученіе тысячи фунтовъ.

И сказавъ это, мистеръ Скребби принялся перелистывать бумаги, лежавшія передъ нимъ на столѣ, давая этимъ знать, что считаетъ ауденцію конченой. Вавазоръ бросилъ на него сердитый взглядъ, посылая его въ душѣ ко всѣмъ чертямъ. Но мистеръ Скребби продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ, нисколько не смущаясь тайными проклятіями своего кліента, и Вавазоръ, не говоря болѣе ни слова, удалился.

По дорогѣ домой онъ предался своимъ любимымъ мечтамъ о мщеніи, включая на этотъ разъ и мистера Скребби въ число своихъ предполагаемыхъ жертвъ. Въ обращеніи съ нимъ стрлпчаго за послѣднее время проглядывало какое-то смѣшеніе раздражительности и фамильярности, ясно свидѣтельствовавшее о томъ, что Вавазоръ падаетъ во мнѣніи мистера Скребби. Человѣкъ этотъ, казалось, обладалъ чутьемъ крысы, и далеко предвидѣлъ паденіе неважнаго дома.

Нуждаясь самъ въ наличныхъ деньгахъ, Джоржъ не могъ послѣдовать совѣту мистера Скребби и оставить векселя до истеченія срока у своего банкира. Къ тому же, онъ сильно сомнѣвался въ томъ, что деньги по нимъ дѣйствительно будутъ уплачены въ срокъ. Алиса, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ вынуждена сказать объ этомъ дѣлѣ отцу, а Джоржъ Вавазоръ, конечно, приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы помѣшать уплатѣ.—И такъ, онъ рѣшился отправиться съ этими векселями въ Спити и сбыть ихъ тамъ на возможно-выгодныхъ условіяхъ. Но въ тотъ день было уже слишкомъ поздно, и потому онъ отправился домой, а оттуда въ парламентъ, гдѣ и просидѣлъ весь вечеръ, нахлобучивъ шляпу на брови.

— Вы слышали новость? шепнулъ ему на ухо мистеръ Ботъ.

— Новость? Нѣтъ, я никакихъ новостей не слыхалъ.

— Файнспонъ подалъ въ отставку и Паллизеръ въ эту минуту сидитъ съ герцогомъ Сентъ-Вонгай въ библиотекѣ перовъ!

— А хоть бы они оба были въ эту минуку у чорта на куличкахъ, такъ мнѣ, право, все равно, отвѣчалъ Вавазоръ.

— Ну, нѣтъ, такъ говорить нельзя, возразилъ мистеръ Ботъ. Вѣдь Паллизеръ въ настоящую минуту канцлеръ назначейства. Какое вамъ счастье везетъ съ самаго начала вашей парламентской карьеры! Какъ только онъ вступитъ въ исправленіе своей новой должности, такъ и мы съ вами, конечно, войдемъ въ гору.

— Черезъ мѣсяць будутъ новыя выборы, замѣтилъ Джоржъ.

— Ну, я за себя-то не боюсь, отвѣчалъ Ботъ. Никогда не мѣшаешь; знаете ли, при выборахъ быть въ ладахъ съ правительственною партією.

На слѣдующій день, рано утромъ, Вавазоръ отправился въ Сити; но оказалось, что биржевой міръ очень неблагоприятными глазами взглянулъ на его четыре векселя. Биржевой міръ повертѣлъ ихъ въ рукахъ, посмотрѣлъ на нихъ прямо, посмотрѣлъ сбоку; онъ съ сомнѣньемъ произносилъ имя Агисы Вавазоръ, какъ бы считая его не надежнымъ. Затѣмъ онъ посоветовалъ обладателю векселей продержатъ ихъ до истеченія срока у себя,—благо, срокъ таковой небольшой. Биржевой міръ, видимо, подозрѣвалъ, что тутъ дѣло не совсѣмъ чисто, и устами одного изъ своихъ законодателей напрямикъ объявилъ Вавазору, что съ векселями, подписанными дамами, связываться не стоитъ. Джоржъ мысленно проклялъ биржу и подумалъ, какъ бы хорошо было убить ее огуломъ. Нельзя ли было такъ устроить, чтобы цѣлый потокъ стрихнину наводнилъ весь кварталъ Сити во время завтрака?—Три векселя онъ оставилъ у своихъ банкировъ для полученія по нимъ денегъ по истеченіи срока, а съ четвертымъ рѣшился попытать счастья на слѣдующій день въ тѣхъ низшихъ слояхъ денежнаго рынка, куда онъ еще до сихъ поръ не рѣшался спускаться. Въ этихъ низшихъ слояхъ нашелся капиталистъ, который далъ ему въ займы двѣсти фунтовъ, оставивъ у себя вексель въ видѣ обезпеченія. За эту сдѣлку Джоржъ, кромѣ того, долженъ былъ приплатить капиталисту сорокъ фунтовъ. Джоржъ проклялъ и капиталиста, и биржу, и палату депутатовъ. Онъ проклялъ

Алису и сестру Кэти, проклялъ память своего дѣда, проклялъ, наконецъ, самого себя.

Проведивъ мистера Леви, Алиса, не теряя ни минуты, — отправилась въ отцу и рассказала ему о случившемся.

— Надо приготовить деньги, сказала она въ заключеніе.

На это мистеръ Вавазоръ отвѣчалъ не вдругъ и, покачивая головою, глядѣлъ въ каминъ.

— Деньги надо приготовить во что бы то ни стало, повторила она. Возметесь ли вы похлопотать объ этомъ? Если вы откажетесь, папа, я принуждена буду сама отправиться къ мистеру Доунду. Не захотите же вы, чтобы мое имя было обещено.

— Ты разорнишься въ конецъ, проговорилъ онъ; и все для этого мерзавца.

— Мерзавецъ онъ или нѣтъ — не въ томъ дѣло, папа; согласитесь, что дѣдъ жестоко съ нимъ поступилъ.

— А я такъ думаю, что это самое умное дѣло, какое только покойникъ отецъ сдѣлалъ во всю свою жизнь. Если бы онъ оставилъ помѣстье Джоржу, не прошло бы и полгода, какъ тотъ спустилъ бы все до послѣдней десятины.

— Но онъ могъ оставить ему имѣніе въ пожизненное пользованіе.

— Что проку было бы въ этомъ? Онъ все равно засѣлъ бы по уши въ долги.

— Но какъ бы тамъ ни было, папа, надо достать ему эти двѣ тысячи. Общайтесь мнѣ, что вы объ этомъ похлопочете.

— А тамъ ему понадобится еще...

— Нѣтъ, не думаю, чтобы онъ потребовалъ еще. Во всякомъ случаѣ, не думаю, чтобы я была обязана отдать ему все свое состояніе.

— Казалось бы, что нѣтъ. Желалъ бы я знать, какимъ образомъ ты вообще можешь быть обязана давать ему, что бы то ни было?

— А такимъ образомъ, что я общалась. Я подписала всея и теперь отстучится уже поздно. Папа, если вы отстранитесь отъ этого дѣла, я сама отправлюсь къ мистеру Доунду.

— Врядъ ли я могу помочь тебѣ въ этомъ дѣлѣ, да и мистеръ Доундъ тоже. Большая часть твоихъ денегъ помѣщена

подъ залогъ.—Затѣмъ въ разговорѣ послѣдовала пауза.—Слышанное ли дѣло, продолжалъ мистеръ Вавазоръ:—въ какихъ нибудь три мѣсяца передавать четыре тысячи фунтовъ такому господину! Шутка ли, четыре тысячи фунтовъ! И ты говоришь, что не хочешь идти за него замужъ?

— Конечно, не хочу, между нами все кончено.

— И онъ это знаетъ?

— Полагаю, что знаетъ.

— Гмъ! ты полагаешь. Да у тебя, въ этомъ отношеніи, что ни день, то новая затѣя.

Упрекъ этотъ, быть можетъ, былъ и заслуженный, но тяжело отозвался онъ на Алисъ. Слезы выступили у нея на глазахъ и она отвѣчала не вдругъ, боясь зарыдать.

— Я знаю, что поступила дурно, проговорила она наконецъ, но я уже достаточно наказана, и вамъ бы слѣдовало меня пощадить.

— Я вовсе и не хочу тебя наказывать, отвѣчалъ онъ, вставая со стула и принимаясь рассказывать по комнатѣ. Не хочу я только видѣть тебя разоренною.

— Какъ видно, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ самой отправиться къ мистеру Доунду.

Послѣ долгихъ переговоровъ, мистеръ Вавазоръ заключилъ, наконецъ, съ дочерью компромисъ. Онъ выговорилъ себѣ день на размышленіе и на слѣдующее утро обѣщался дать ей рѣшительный отвѣтъ.

ГЛАВА XX.

О томъ, какъ была произведена уплата по векселямъ Алисы.

Мистеръ Вавазоръ просто ума не могъ приложить, какъ ему быть съ дочерью. Она подписала свое имя подъ векселями на сумму двѣ тысячи фунтовъ и ничто не ручалось, что въ будущемъ она не надастъ на себя еще большихъ обязательствъ. Ну, что прикажете дѣлать съ такою дочкою?—Мнѣ ея денегъ ненужно, рассуждалъ онъ съ самимъ собою, и если бы у нея ничего своего не было, я охотно бы подѣлился съ нею всѣмъ, что имѣю. Но не могу же я оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ, какъ она бросаетъ свои деньги въ окно.

Мистеръ Вавазоръ отправился въ Ченери-Лэнъ, но, вмѣсто того, чтобы повидаться съ мистеромъ Доундомъ, отправилъ съ посланнымъ записку въ Соффалькъ-Стритъ; отвѣтъ на эту записку не замедлилъ явиться въ лицѣ мистера Грея. — Джонъ Грей все это время жилъ въ Лондонѣ и часто видался съ Джономъ Вавазоромъ. Онъ успѣлъ многое разузнать объ образѣ жизни Джоржа и содрогался при мысли о томъ, какая участь ожидаетъ дѣвушку, которая рѣшится стать его женою.

Дорога въ контору мистера Вавазора была ему хорошо знакома: онъ часто хаживалъ туда поговорить съ отцомъ о его дочери. Терпѣливый и упорный въ преслѣдованіи своей цѣли, онъ не отчаявался въ возможности спасти Алису. На ея поступокъ въ отношеніи его самого и на обѣщаніе, данное Джоржу, онъ смотрѣлъ, какъ на слѣдствіе умственного расстройства; онъ могъ оплакивать этотъ странный недугъ, но онъ не терялъ надежды на ея выздоровленіе и не переставалъ ее крѣпко любить. Онъ уже зналъ черезъ мистера Вавазора о ея вторичной размолвкѣ съ Джоржемъ, и въ немъ начинала проси-паться увѣренность, что въ концѣ концовъ ему удастся увезти ее съ собою въ Недеркотсъ.

Широкая каменная лѣстница привела Джона Грея въ ту комнату, гдѣ мистеръ Вавазоръ еженедѣльно посвящалъ двѣнадцать часовъ подписыванію бумагъ. Какъ ненавистна была эта комната Джону Вавазору! Послѣ того, какъ ему сдѣлалось извѣстно завѣщаніе стараго сквайра, онъ уже почти рѣшился не переступать болѣе ногою за этотъ печальный порогъ, на вѣки распротиться съ своей конторой и удовольствоваться половиною того дохода, который доставляло ему это мѣсто. Но могъ ли онъ отказаться отъ нѣсколькихъ сотенъ фунтовъ въ годъ въ ту самую минуту, когда его дочь, никого не слушая, сорила тысячами фунтовъ?

Когда Джонъ Грей вошелъ, мистеръ Вавазоръ сидѣлъ одинъ, развалившись въ креслѣ, передъ каминомъ. Дыханіе его сильно смахивало на дыханіе спящаго человѣка; онъ, видимо, давалъ себѣ роздыхъ, черезчуръ утомившись отъ многотруднаго подписыванія своего имени. Среди обширной, мрачной комнаты, выходившей окнами на задній дворъ, стоялъ большой столъ краснаго дерева, заваленный кипами бумагъ. Кромѣ бумагъ, на столѣ лежало гусиное перо и листъ пропускной бумаги;

то были единственные принадлежности, требовавшаяся для исправления той должности, которую занимал мистеръ Вавазоръ. Тутъ же помѣщалось нѣсколько книгъ оффиціального содержания, но мистеръ Вавазоръ никогда не заглядывалъ въ нихъ. Вдоль стѣнъ были поставлены три-четыре кресла; полъ былъ устланъ старымъ турецкимъ ковромъ; другой мебели въ комнатѣ не было. Одинокество мистера Вавазора въ этомъ мрачномъ убѣжищѣ раздѣлялъ служившій у него писарь, подростокъ лѣтъ шестнадцати, помѣщавшійся въ коморкѣ, смежной съ большою комнатою, и проводившій все свое время въ рисованіи каракулъ на казенной бумагѣ. Будь я на мѣстѣ мистера Вавазора, я сдѣлалъ бы этого юношу своимъ закадычнымъ другомъ, повѣрялъ бы ему всѣ свои сердечныя тайны и дѣлилъ бы всѣ его ребяческія забавы.

— Войдите! крикнулъ Джонъ Вавазоръ, когда мистеръ Грей потревожилъ его сонъ, постукавшись въ дверь.—А! очень радъ васъ видѣть; садитесь, садитесь. Ужь не взыщите за плохой огонь въ каминѣ. Сюда отпускаютъ что ни на есть худшія уголья въ цѣломъ Лондонѣ. Ну, что это за уголья? Просто срамъ.

И онъ сердито ткнулъ щипцами въ огонь.

Дѣло было въ маѣ, и Грей замѣтилъ, что въ такую теплую погоду можно обойтись и безъ огня въ каминѣ.

— Ну, нѣтъ, просидѣли бы вы здѣсь цѣлый день,—посмотрѣлъ бы я, какъ бы вы обошлись безъ огня. Въ жизнь свою не видалъ я такого холоднаго дома. Зимою, я иногда бываю принужденъ оставаться въ шинели. Засадилъ бы я сюда на недѣлку-другую этого стараго чорта Согдена. (Такъ звали великаго юриста, котораго мистеръ Вавазоръ считалъ виновникомъ страшнаго несчастья, отравлявшаго все его существованіе, и на главу котораго онъ, то и дѣло, призывалъ равныя мелочныя невзгоды).

— Что подбываетъ Алиса? спросилъ Грей, желая положить конецъ вѣчнымъ сѣтованіямъ своего собесѣдника.

— Ничего, отвѣчалъ мистеръ Вавазоръ со вздохомъ:—кажется, здорова.

— У васъ въ домѣ случилось что нибудь необычайное?

— Вы мнѣ, пожалуй, не повѣрите, когда я вамъ скажу, ка-

кія дѣла у насъ дѣлаются. Сказать правду, я и самъ не знаю, говорить ли мнѣ вамъ объ этомъ.

— До сихъ поръ мы съ вами дѣйствовали за одно, а потому, мнѣ кажется, вамъ слѣдуетъ говорить мнѣ все, касающееся до нея.

— Это такъ. Я хотѣлъ переговорить съ вами на счетъ ея денегъ. Знаете ли, Грей, я начинаю думать, что напрасно я допустилъ васъ взнести за нее такую крупную сумму.

— Это почему?

— Потому, что я предвижу по этому случаю большія затрудненія. Какъ мы расквитаемся съ вами?

— Если она выйдетъ за меня замужъ, то объ этомъ нечего будетъ думать.

— Ну, а если она не выйдетъ за васъ замужъ? Я, право, не знаю, поступить ли она хоть разъ въ жизни, какъ люди.

— Мнѣ кажется, вы не такъ понимаете ее, замѣтилъ Грей, — хотя вамъ, конечно, слѣдовало бы знать ее лучше, чѣмъ кому-либо другому.

— Да кто ее пойметъ! отвѣчалъ раздраженный отецъ. Намедни, она сказала мнѣ, какъ вамъ уже извѣстно, что знать больше не хочетъ своего двоюроднаго брата...

— И что же, развѣ... развѣ она опять съ нимъ помирилась? проговорилъ Грей, и при этомъ два красныхъ пятна выступили у него на щекахъ.

— Нѣтъ, этого я не думаю; если не ошибаюсь, она начинаетъ понимать, что онъ мошенникъ.

— Слава Богу, что она во время поняла это.

— Но какъ вамъ нравится? она дала ему на себя четыре векселя на сумму двѣ тысячи фунтовъ, и срокъ уплаты черезъ двѣ недѣли. Двѣ тысячи фунтовъ! Вотъ что бываетъ, когда молодымъ дѣвушкамъ даютъ деньги въ полное ихъ распоряженіе.

— Но мы вѣдь этого ожидали, отвѣчалъ Грей, котораго, повидимому, извѣстіе это нисколько не смутило.

— Какъ такъ ожидали?

— Конечно. Неужели вы думали, что онъ удовольствуется тѣмъ кушемъ, который получилъ передъ этимъ?

— Но вѣдь она ужъ разошлась съ нимъ.

— Обстоятельство это нисколько не измѣнитъ ея рѣшеніе.

Она обѣщала ему свои деньги, и пускай сдержитъ свое обѣщаніе.

— И отдастъ ему все? Ну, нѣтъ, этому я воспротивлюсь, на сколько станеть моихъ силъ. Я осрамлю его, мерзавца.

— Этого вы не сдѣлаете, мистеръ Вавазоръ:—вы только повредите этимъ вашей дочери.

— Но, чортъ возьми! вѣдь это денной грабежъ. Подавай, вишь, ему еще двѣ тысячи фунтовъ черезъ двѣ недѣли!

Двухнедѣльный срокъ, повидимому, всего болѣе огорчалъ мистера Вавазора. Затѣмъ онъ изложилъ, какъ умѣлъ, всѣ подробности дѣла и разсказать, какъ Алиса грозила сама отправиться къ мистеру Доунду, въ случаѣ если отецъ откажетъ ей въ своемъ содѣйствіи.

— Ну, представьте себѣ, мистеръ Доундъ ничего объ этомъ не знаетъ; ему и во снѣ ничего подобнаго не снилось. Я ей было посовѣтовалъ не признавать этихъ векселей, но она и слышать не хочетъ. Теперь мнѣ ничего болѣе не остается, какъ отправиться къ Дроммондсу и объяснить ему, въ чемъ дѣло,

— Нѣтъ, этого не дѣлайте, проговорилъ Грей. Я самъ съѣзжу къ Дроммондсу и распоряджусь, чтобы деньги для уплаты по вексялямъ были на готовѣ.

— А ну, какъ она въ концѣ концовъ все-таки не пойдетъ за васъ замужъ, Грей? Мнѣ, ей-богу, сдается, что это будетъ такъ. Я, право, думаю, что она никогда не выйдетъ замужъ. Въ жизнь свою она ничего такъ не сдѣлаетъ, какъ добрые люди.

— Если я останусь холостякомъ, я обойдусь и безъ этихъ денегъ, отвѣчалъ Грей, улыбаясь; если же она будетъ моей женою, то я потребую ихъ у нея назадъ.

— Ну, нѣтъ, это не дѣло вы говорите; если бы она была вашей дочерью, вы знали бы, что она ни за что не согласится такъ воспользоваться чужими деньгами.

— Это я и теперь знаю, хоть она мнѣ и не дочь. Я такъ только пошутилъ. Какъ скоро я получу положительную увѣренность, что она никогда не можетъ быть моею женою, такъ я возьму свои деньги назадъ. Въ этомъ отношеніи вы можете быть совершенно спокойны.

На этомъ друзья и порѣшили. На слѣдующее утро мистеръ

Вавазоръ объявилъ дочери, что ея желаніе исполнено и что деньги будутъ внесены банкиромъ еще до истеченія срока уплаты по вексяямъ.

ГЛАВА XXI.

Однажды утромъ, недѣлю спустя послѣ описанныхъ нами событій, рослый ливрейный лакей явился въ улицу Королевы Анны съ запискою отъ лэди Гленкору.

«Пріѣзжайте, если можете, ни теряя не минуты, писала лэди Гленкора Алисъ:—мнѣ многое нужно разсказать вамъ и о многомъ придется просить васъ. Если вы не можете пріѣхать, то дайте мнѣ знать, когда и гдѣ я могу васъ видѣть.»

Алиса тотчасъ же одѣлась и отправилась въ Паркъ-Лэнь.

Она застала свою пріятельницу въ маленькой столовой, выходящей окнами въ паркъ. Лэди Гленкора еще не видѣла Алису въ траурѣ, который та носила по дѣдѣ.

— Боже мой! воскликнула она:—какъ это платье измѣняетъ васъ! У меня, было, совсѣмъ и изъ головы вонъ, что вы въ черномъ.

— Не знаю, по какому дѣлу вамъ понадобилось меня видѣть, отвѣчала Алиса, но, можетъ быть, я и въ черномъ платьѣ могу быть вамъ такъ же полезна, какъ и въ цвѣтномъ?

— Вы можете быть мнѣ полезны, въ какомъ бы платьѣ вы ни были, милочка. Но мнѣ такъ много-много нужно разсказать вамъ, что право я не знаю, какъ и начать. У меня будетъ до васъ большая-большая просьба, и я боюсь, что вы мнѣ откажете.

— Вы, кажется, вообще не можете пожаловаться на недостатокъ обязательности съ моей стороны.

— Ну, этого я не скажу. Вы такъ рѣдко соглашаетесь что нибудь сдѣлать по моей просьбѣ. Но я начну съ того, что разскажу вамъ, въ чемъ дѣло. Снимите шляпу: пройдетъ нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ я кончу.

— Какъ, вамъ понадобится нѣсколько часовъ, чтобы разсказать мнѣ, въ чемъ дѣло?

— Да, и чтобы упросить васъ исполнить мою просьбу. Но

ужь я лучше прямо начну съ просьбы. Знаете ли, меня везуть за-границу?

— Кто съ вами ѣдетъ?

— Между прочимъ, ѣдете вы.

— Я?

— Да, вы. Изъ того, что моя юная особа ищетъ приютиться подъ вашимъ крылышкомъ, вы уже можете заключить, что все будетъ какъ нельзя болѣе respectfully; мой мужъ ѣдетъ съ нами.

— Но мистеръ Паллизеръ не можетъ отлучиться изъ Лондона въ настоящее время года.

— То-то и есть, что можетъ. Не глядите на меня такими глазами; это дѣло окончательно рѣшенное. Сегодня вторникъ; мы выѣжаемъ ровно черезъ недѣлю, если вы можете къ тому времени покончить ваши сборы. Въ среду утромъ мы будемъ завтракать въ Парижѣ, и затѣмъ для всѣхъ насъ начнется новая жизнь. Мистеръ Паллизеръ будетъ расхаживать взадъ и впередъ по Лувру, а мы съ вами будемъ выступать по обѣ его стороны,—ну, точь въ точь, какъ подобаешь путешествующимъ англичанамъ, и все будетъ какъ нельзя болѣе прилично. Потому мы отправимся въ Базель (при имени этого города Алиса содрогнулась: ей вспомнился балконъ, выходившій на Рейпъ), а оттуда въ Люцернъ... или, бишь, нѣтъ; это былъ нашъ первоначальный маршрутъ, и мистеръ Паллизеръ потомъ его измѣнилъ. Онъ цѣлый день провозился здѣсь со всевозможными гидами и ужасно сердился, что для меня было все равно—поѣдемъ ли мы въ Баденъ, или въ другое какое мѣсто; какъ-будто я могла интересоваться подобными вещами! Я сказала ему, что поѣду всюду, куда ему ни вздумается меня повезти. А онъ мнѣ на это отвѣчалъ, что у меня нѣтъ сердца, и я согласилась съ нимъ. — Нашель ты меня чѣмъ попрекать, сказала я ему; какъ-будто я и сама не знаю, что у меня нѣтъ сердца. — О, Кора! зачѣмъ вы это сказали?— Мнѣ не хотѣлось перечить моему мужу. Къ тому же, это правда. Затѣмъ онъ бросилъ гидъ и всѣ карты разлегълись въ разныя стороны. Я собрала ихъ и объявила,—чтобы какънибудь отъ него отвязаться, — что намъ всего лучше ѣхать въ Швейцарію. На томъ и порѣшили, и мистеръ Паллизеръ предложилъ остановиться въ Баденѣ. Если бы онъ, вмѣсто Ба-

дена, называлъ Іерихонъ, то мнѣ, право, было бы все равно. — Хотѣлось бы вамъ съѣздить въ Іерихонъ?

— По мнѣ, пожалуй; особенныхъ возраженій я противъ Іерихона не имѣю.

— А все же, вмѣсто Іерихона, вы поѣдете въ Баденъ.

— Объ этомъ я еще пока ни слова не сказала. Но вы мнѣ еще многое оставили необъясненнымъ. Съ какой стати мистеръ Паллизеръ ѣдетъ за границу въ самомъ разгарѣ парламентской сессіи?

— А! для этого я должна буду начать съ самаго начала. Только, право, Алиса, я не знаю, какъ и сказать вамъ; есть вещи, которыя какъ-то не говорятся. Вы и представить себѣ не можете, какую жертву онъ приноситъ. Вы должны дать мнѣ честное слово, что никому не скажете то, о чемъ я хочу рассказать вамъ теперь.

— Вы знаете, что я вообще не болтлива, но связывать себя честнымъ словомъ не стану.

— Что вы за воплощенное благоразуміе! Вотъ бы вамъ быть канцлеромъ казначейства. Жаль только, что вы свои собственные дѣла не слишкомъ-то хорошо повели.

— О моихъ дѣлахъ, пожалуйста, не беспокойтесь, Кора.

— Легко сказать, не беспокойтесь! — Но возвращаюсь къ моей тайнѣ. Мистеру Паллизеру предлагали быть канцлеромъ казначейства, и онъ, можете себѣ представить, отказался!

— Но, изъ-за чего же?

— Изъ-за меня, изъ-за того, что я сумасбродное, порочное, въ конецъ отпѣтое созданіе; изъ-за того, что онъ имѣлъ глупость связать себя женитьбой, тогда какъ ему, болѣе чѣмъ кому нибудь, слѣдовало остерегаться отъ подобной напасти. О, онъ былъ такъ добръ ко мнѣ! Если бы вы знали, какъ онъ желалъ этого мѣста! Цѣлые дни и ночи коптѣлъ онъ надъ скучнѣйшими цифрами, якшался съ такими людьми, какъ мистеръ Ботъ, вмѣсто того, чтобы охотиться, волочиться и кидать деньги, подобно другимъ мужчинамъ. Вся жизнь его проходила въ мучительномъ колебаніи между страхомъ и надеждою; это замѣняло для него тѣ сильныя ощущенія, которыхъ другіе ищутъ въ картахъ или конскихъ скачкахъ. И вдругъ, въ ту самую минуту, когда мѣсто готово, когда ему предла-

гаютъ его и упрашиваютъ чуть не на колѣняхъ принять его, онъ отказывается! Теперь уже, конечно, и прежній канцлеръ, котораго всѣ ненавидятъ, остается на своемъ мѣстѣ.

— Но что же заставило его отказаться?

— Говорятъ вамъ, что я этому причиной. Онъ нашель, что за мной нужно присматривать и что мистеръ Ботъ съ мистрисъ Мартамъ плохи няньки.

— И не стыдно вамъ такъ говорить, Кора?

— Вы еще и не такъ меня бы пожурили, если бы все знали. Помните балъ лэди Монкъ, на который вы отказались ѣхать? А напрасно вы отказались. Если бы вы тогда поѣхали, мистеръ Паллизеръ былъ бы въ настоящую минуту канцлеромъ вазначейства; такъ-то! Но за то на этотъ балъ поѣхали другіе, которымъ гораздо лучше было бы оставаться дома. Во-первыхъ, поѣхала я, а во-вторыхъ, поѣхалъ кое-кто другой.

— Вамъ-то что за дѣло до этого другого? сердито проговорила Алиса.

— Да такое дѣло, что эта встрѣча чуть не перевернула всю мою участь.—И лэди Гленкора рассказала Алисѣ всѣ подробности этого бала, уже извѣстныя читателю.—И если бы вы знали, какимъ истымъ джентльменомъ показалъ себя мистеръ Паллизеръ въ отношеніи меня, продолжала она, дойдя до того мѣста въ своемъ разсказѣ, когда мужъ пріѣхалъ за нею.—Я, само собою разумѣется, поѣхала съ нимъ домой и приготовилась, если онъ только мнѣ слово скажетъ, признаться ему во всемъ: я рѣшилась сказать ему, что хочу оставить его и что никакая сила въ мірѣ не удержитъ меня.

— Какъ! вы хотѣли оставить его, Кора?

— Да, и бѣжать съ тѣмъ другимъ, котораго вы не позволяете мнѣ называть по имени. Въ карманѣ у меня было письмо, въ которомъ онъ звалъ меня съ собою. Во время бала, онъ нѣсколько разъ заводилъ со мною рѣчь о бѣгствѣ, и я, право, не знаю, какъ это я не согласилась.

— Не согласились на вашу собственную гибель?

— Именно такъ. Я хорошо знаю, что то была бы моя гибель. Но зачѣмъ довели меня до этого, зачѣмъ мнѣ не дали выйдти за него замужъ? Къ тому же, погубивъ себя, я спасла бы того человѣка, который все-таки считается моимъ мужемъ. Знаете ли, Алиса, я ему все это высказала; я сказала ему, что

мое бѣгство съ Борго Финдджеральдомъ даетъ ему возможность жениться на другой и имѣть дѣтей...

— Какъ? вы сказали вашему мужу, что задумали уйти отъ него?

— Да; я ничего отъ него не утаила. Я сказала ему, что крѣпко люблю этого горемычнаго человѣка, котораго, кромѣ меня, врядь ли кто любить на свѣтѣ.

— И что же онъ сказалъ на это?

— Этого я не сумѣю вамъ передать; знаю только, что всё мы поѣдемъ въ Баденъ, а оттуда въ Италию. Но онъ, по-видимому, нисколько не разсердился. Онъ вообще рѣдко сердится, а если и сердится, то все больше изъ-за пустяковъ, въ родѣ того, какъ наемни, когда онъ швырнулъ отъ себя гидъ. А когда я ему сказала, что для него же лучше взять другую жену и имѣть отъ нея ребенка, то онъ обнялъ меня и сказалъ мнѣ, что вовсе не придаетъ этому дѣлу такой важности, какъ я думаю. Въ эту минуту во мнѣ шевельнулось что-то такое, болѣе похожее на любовь, чѣмъ все, что я до сихъ поръ къ нему испытывала.

— Но это не человѣкъ, а ангель.

— Скажите, лучше, что онъ рожденъ быть министромъ; это, я убѣждена, было бы ему гораздо болѣе по вкусу. Теперь вы все знаете... или нѣтъ! вамъ еще остается узнать одну вещь, и тогда вы его прямо произведете въ архангелы или въ первые министры.—Мы поѣдемъ за-границу, сказалъ онъ мнѣ и, не забывайте, сказалъ по собственному побужденію, прежде чѣмъ я успѣла вымолвить слово. Мы поѣдемъ за-границу и ты упросишь свою кузину, Алису, ѣхать съ нами. — Ну, что бы я стала дѣлать, если бы онъ, вмѣсто васъ, предложилъ мистрисъ Маршамъ?

— Но вѣдь онъ меня не слишкомъ-то жалуешь.

— Въ этомъ вы ошибаетесь, Алиса. Тутъ вопросъ вовсе не въ томъ, жалуешь ли онъ васъ, или нѣтъ. Ему вообразилось, что вы будете вторымъ экземпляромъ мистрисъ Маршамъ; а когда вы, вмѣсто того, позволили себѣ гулять посреди развалинъ и кокетничать съ Джефри Паллизеромъ...

— Я никогда и не думала кокетничать съ Джефри Паллизеромъ.

— Ну, все равно, онъ за вами волочился. Когда Планта-

генеть узналъ это, потому что мистеръ Ботъ, конечно, успѣлъ ему рассказать...

— Не можетъ же мистеръ Ботъ все видѣть.

— То-то и есть, что можетъ. И что всего хуже, это то, что эти господа обыкновенно видятъ больше того, что есть. Ну, да какъ бы тамъ ни было, теперь мистеръ Паллизеръ уже забылъ про это. Онъ вамъ первый протянулъ руку, и вамъ ничего болѣе не остается, какъ принять ее.

— Я, съ своей стороны, охотно приму его руку.

— И ради меня, не правда ли, вы поѣдете съ нами? Онъ самъ понимаетъ, что я ему не товарищъ и что мнѣ тяжело будетъ съ глазу на глазъ съ нимъ. Въ васъ же какъ разъ соединяется то, что нужно намъ обоимъ,—и благоразуміе, и порядочная доля съумасбродства. Съ дѣвушкой, которая заварила такую кашу съ своими женихами, я буду себя какъ-то развязнѣе чувствовать.

Алиса не хотѣла дать слово сразу. Первымъ ея возраженіемъ было, что она обѣщалась провѣдать больную Кэтъ въ Уэст-морлендѣ; но такъ какъ она намѣревалась промести въ Вавазорѣ не болѣе недѣли, то и было рѣшено подъ конецъ, что Паллизеры отложить свой отъѣздъ дня на четыре и что Алиса поѣдетъ съ ними тотчасъ же по возвращеніи въ Лондонъ.

— По мнѣ, пожалуй, ступай, отовзался на этотъ планъ ея отецъ; и въ тонѣ его слышалось, что онъ, ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ разыгрывать роль жертвы.—Я и въ *chambres garnies* проживу; своимъ домомъ намъ, полагаю, теперь нечего жить послѣ того, какъ ты роздала такъ много изъ своихъ денегъ.

Алиса не сочла за нужное напомнить ему, что вкладъ ея въ общее хозяйство останется тотъ же, какъ и былъ. Да она и знала, какъ нельзя лучше, что, возвратясь изъ своего путешествія, застанетъ отца, какъ ни въ чемъ не бывало, на старой квартирѣ. Что же касалось ея самой, то она чувствовала, что отсутствіе изъ Лондона, будетъ и для нея не менѣе благодѣтельно, какъ и для леди Гленкоры. Ей нужно было удалиться на время изъ этого дома, гдѣ все будило въ ней воспоминанія, которымъ бы лучше было не пробуждаться.

Мистеру Паллизеру не хотѣлось, чтобы жена его проведла въ Лондонѣ тѣ десять или двѣнадцать дней, которые оставались до ихъ отъѣзда; не хотѣлось ему и отослать ее одну

въ деревню; а потому онъ самъ повезъ ее въ Мэтчингъ-Паркъ и пробылъ съ ней тамъ цѣлую недѣлю. Эта недѣля, какъ лэди Гленнора въ послѣдствіи призналась Алисъ, была, въ полномъ смыслѣ слова, ужасная. Онъ не свазалъ ей ни одного суроваго слова, не показавъ и виду, что имѣеть поводъ быть недовольнымъ ею. Онъ обходился съ нею съ безукоризненною почтительностью и даже съ отбѣнкомъ небывалой нѣжности.— Но при всемъ томъ, рассказывала лэди Гленнора, онъ не оставлялъ меня ни минуты безъ надзора. Онъ просто, мнѣ кажется, побаивался, чтобы Борго Финджеральдъ не подкараулилъ меня въ развалинахъ. Ему, я увѣрена, и въ голову не приходило подозрѣвать меня, но все же онъ считалъ своимъ долгомъ присматривать за мною.—Отправлялась ли она кататься на Дюнди и лодеткѣ, онъ ѣхалъ съ нею и даже самъ предлагалъ ей эти прогулки, во время которыхъ оба равно скучали; она изъ всѣхъ силъ старалась поддерживать разговоръ; онъ не отставалъ отъ нея, но самая эта натяжка дѣлала то, что разговоръ не клеился. Онъ сидѣлъ съ ней по утрамъ, проводилъ съ нею и вечера: они завтракали и обѣдали вмѣстѣ; спать онъ ложился рано, такъ какъ теперь у него не было работы, за которою онъ могъ бы просиживать до поздней ночи. Такъ прошла недѣля.—Порою онъ такъ вѣдалъ, рассказывала въ послѣдствіи лэди Гленнора, что я боялась, что онъ челюсть себя вывихнетъ.

ГЛАВА XXII.

МИСТЕРЪ ДЖОНЪ ГРЕЙ является гостемъ въ улицу
КОРОЛЕВЫ АННЫ.

Алиса непременно хотѣла повидаться съ кузиною Кэтъ передъ отъѣздомъ за-границу. Она слышала отъ отца, какъ велъ себя Джоржъ при чтеніи завѣщанія и какія подозрѣнія падали на него по поводу несчастья, случившагося съ его сестрою. Послѣ всего, что произошло въ послѣднее время, она чувствовала, что Кэтъ имѣеть право на участіе съ ея стороны, а бываютъ положенія, при которыхъ выраженія участія не укладываются на бумагѣ.—И такъ, она дала знать въ Уэстморлэндъ,

что будетъ тамъ дня черезъ два. По возвращеніи въ Лондонъ, рѣшено было, что она прямо пройдетъ въ Паркъ-Лэнь и проночуешь у Паллизеровъ тѣ двѣ ночи, которыя останутся тогда до отъѣзда.

Наконецъ ея отъѣзда въ Уэстморлендъ, въ половинѣ дня, пришелъ къ ней отецъ и объявилъ, что мистеръ Грей будетъ у нихъ сегодня обѣдать.

— Сегодня, папа?

— Ну да, сегодня. Чего же ты испугалась? Ты знаешь, нѣтъ человѣка менѣе взыскательнаго на счетъ ѣды, чѣмъ Грей.

— Меня вовсе не это заботитъ, папа.

Мистеръ Вававоръ ничего не отвѣчалъ и простоялъ нѣсколько минутъ, глядя въ окно. Затѣмъ онъ собрался было уйти: подошелъ сначала къ столу, потрогалъ лежаншую на немъ книгу, потомъ направился къ двери, но тутъ Алиса окликнула его:

— Не лучше ли, папа, вамъ съ мистеромъ Греемъ обѣдать вдвоемъ.

— То есть, какъ это вдвоемъ?

— Я хочу сказать безъ меня. Вѣдь джентльмены вообще предпочитаютъ обѣдать холостой компаніей.

— Если бы я хотѣлъ обѣдать съ нимъ въ холостой компаніи, то я пригласилъ бы его въ клубъ, отвѣчалъ мистеръ Вававоръ и снова хотѣлъ было уйти.

— Но, папа...

— Вотъ что, милая: если ты хочешь этимъ сказать, что тебѣ нехотѣло встрѣтиться съ мистеромъ Греемъ послѣ того, что произошло между вами, то я могу тебѣ на это только сказать, что все это чистѣйшая чепуха. Если ужъ онъ не находитъ нехотѣли придти въ нашъ домъ, то я не вижу, съ какой стати тебѣ отъ него прятаться.

— Но это будетъ имѣть видъ, какъ-будто...

— Какъ-будто что?

— Какъ-будто онъ званъ сюда моимъ гостемъ.

— Что за вздоръ! Я видѣлся съ нимъ вчера и позвалъ его къ себѣ. Сегодня мы опять съ нимъ встрѣтились и онъ сказалъ мнѣ, что будетъ. Не дуракъ же онъ, чтобы послѣ этого вообразить, что приглашеніе идетъ отъ тебя.

— Нѣтъ, этого онъ не вообразить.

— Если же ты будешь прятаться отъ него, то этимъ ты только придашь всему дѣлу больше важности, чѣмъ оно имѣть. Но, само собою разумѣется, если ты не хочешь обидать съ нами, то я не могу заставить тебя насильно.

Алиса подумала и нашла, что отецъ ея дѣйствительно былъ празъ. На этотъ разъ она приметъ мистера Грея, какъ хозяйка въ домѣ своего отца, а тамъ, когда она на будущій годъ вернется изъ за-границы, онъ будетъ въ Недеркостѣ и подобнаго случая не повторится.

Обычный часъ обѣда уже пришелъ, а отца ея все еще не было. Она знала очень хорошо, что онъ дома, и въ душѣ пеняла на него, что онъ намѣренно мѣшаетъ, чтобы оставить ее наединѣ съ мистеромъ Греемъ. Не знаю, была ли она права въ своемъ предположеніи, но, какъ бы то ни было, Джонъ Грей не воспользовался представлявшимся ему случаемъ. Мистеръ Вавазоръ все-таки пришелъ раньше его и молча уѣхалъ въ кресло.

При появленіи мистера Грея, Алиса почувствовала, что обычное спокойствіе измѣняетъ ей; но она совладѣла съ собою и приняла его съ большимъ достоинствомъ.

Что касается его, то онъ держалъ себя безужоризненно. Да и то сказать, не легко было вывести его изъ своей тарелки. Онъ подошелъ къ ней съ своей обычной, спокойной улыбкой, и протянулъ ей руку. Въ разговорѣ онъ назвалъ ее Алисою, какъ-будто для него это было самымъ естественнымъ дѣломъ.

— Я слышала, сказала онъ ей, что вы ѣдете за-границу съ вашей кузиной, лэди Гленкорой?

— Да, отвѣчала Алиса, я собираюсь постранствовать не на шутку. По всѣмъ вѣроятіямъ, мы вернемся только въ концѣ будущей зимы.

— Всѣ эти скороспѣлые планы измѣняются такъ же легко, какъ и составляются, замѣтилъ мистеръ Вавазоръ. Ты не отъ себя будешь зависѣть; совѣтую тебѣ не слишкомъ-то рассчитывать попасть дальше Бадена.

— Если мистеръ Паллизеръ передумаетъ, то я, конечно, вернусь домой, отвѣчала Алиса, снхясь улыбнуться.

— Мистеръ Паллизеръ, кажется, не изъ такихъ людей, ко-

торше легко измѣняютъ разъ принятое намѣреніе; проговорилъ Грей. А впрочемъ, въ настоящую минуту во всемъ Лондонѣ только и толковъ, что о подобномъ непослѣдовательномъ поступкѣ съ его стороны. Въ клубахъ говорятъ, что стоило ему захотѣть и онъ былъ бы министромъ. Но онъ забралъ себѣ въ голову эту поѣзду за-границу какъ разъ въ ту самую минуту, когда онъ былъ нуженъ въ кабинетѣ.

— Если не ошибаюсь, всему причиною его жонунка, замѣтилъ мистеръ Вавазоръ.

— Вотъ оно, несчастье-то, быть членомъ парламента, замѣтилъ Грей. Вы не можете шагу ступить, чтобы у васъ не потребовали въ немъ отчета. Государственные люди, слова нѣтъ, необходимы, но, по чести, мнѣ кажется, они приносятъ намъ большую жертву.

Слова эти напомнили Алисъ ея прежніе споры съ бывшимъ ея женихомъ. Собственно по этому-то поводу она и разошлась съ нимъ.

Онъ никогда не удостоивалъ пускаться съ ней въ разсужденія объ этомъ предметѣ; а она не могла же усвоить себѣ; замура глаза, это спокойное міросозерцаніе и философское отрѣшеніе отъ кипучей дѣятельности. Собаку можно взять съ собою изъ деревни въ городъ и заставить ее жить городевою жизнью, не приводя ей никакихъ резонновъ, но съ женщиной нельзя же обходиться, какъ съ собакой.—Хоть бы онъ, по крайней мѣрѣ, удостоилъ меня серьезнаго спора, думала она про себя. Но нѣтъ! Онъ будетъ себѣ читать свои книги, а я подавай ему туфли, да разливай для него чай.—Эти мысли мелькнули у нея въ головѣ, когда она, подъ руку съ Греемъ, шла въ столовую.

— Мнѣ кажется, проговорила она, что ваше состраданіе неумѣстно. Я не могу себѣ вообразить положенія болѣе за-виднаго, какъ положеніе людей, которыхъ вы называете нашими общественными дѣятелями.

— А! это старый нашъ споръ, замѣтилъ онъ, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ то было не болѣе, какъ случайное несогласіе, немѣшающее людямъ оставаться добрыми друзьями, а не разжогива, разлучившая ихъ на вѣки. Это старая басня про городскую и про сельскую мышь. Сколько мыши ни дѣлай другъ другу любезныхъ уступокъ, все же, если онѣ

договорятся до откровенности, окажется, что каждая предпочитает свой образъ жизни. На это она ничего не отвѣчала, и всѣ трое сѣли за столъ. Непонятнымъ казалось Алисѣ, что онъ можетъ говорить объ этихъ вещахъ, наметать на свои разбитыя надежды съ такимъ спокойствіемъ въ голосѣ и, какъ ей, по крайней мѣрѣ, казалось, съ такимъ безстрастіемъ въ сердцѣ.

— Ну, Алиса, замѣтилъ отецъ:—супъ у твоей кухарки вышелъ сегодня изъ рукъ вонъ плохъ.

— Вы не довольно поощряете ее, папа; вы такъ рѣдко даете ей случай выказать передъ вами свое искусство. Къ тому же, вы только въ два часа предупредили меня, что будете обѣдать дома.

— Что за кухарка, которая отъ двухъ часовъ до семи не умѣетъ приготовить порядочнаго супа.

— Надѣюсь, что мистеръ Грей не взыщетъ.

— А развѣ супъ и въ самомъ дѣлѣ дуренъ? Что до меня касается, то я не берусь произнести надъ нимъ приговоръ; но самъ по себѣ я, право, ничего бы не замѣтилъ.

— Гдѣ вы обыкновенно обѣдаете, когда бываете въ Лондонѣ? спросилъ мистеръ Вавазоръ.

— Въ старомъ клубѣ, на углу Соффольвской улицы. Это старѣйшій клубъ въ цѣломъ Лондонѣ. Я никогда не былъ членомъ другого клуба, а потому и не могу провести между ними параллель; но по моему мнѣнію, столъ у насъ очень и очень приличный.

— Тамъ васъ такими супами не угощаютъ? спросила Алиса.

— Славный у васъ поваръ, съ важностью замѣтилъ мистеръ Вавазоръ. Это одинъ изъ лучшихъ второстепенныхъ поваровъ въ цѣломъ Лондонѣ. Мы чуть не заарбовали его въ свой клубъ, но вы перебили его у насъ. Я его хорошо знаю.

— Ну, этимъ я не могу похвастаться. Вотъ еще одна отрасль общественной жизни, для которой я окончательно не гожусь. Меня равно затруднилъ бы выборъ, какъ перваго министра для страны, такъ и повара для клуба.

— Да оно и понятно, отвѣчалъ мистеръ Вавазоръ. Въ Лондонѣ вамъ приходится выбирать между дюжиною поваровъ; тогда какъ людей, годныхъ въ первые министры, никогда не бываетъ больше двухъ за разъ. А тамъ какъ изъ этихъ двухъ

одинъ обыкновенно подаетъ въ отставку, когда призываютъ другого, то выборъ и не представляетъ большого затрудненія. Къ тому же, въ наше время люди сами завѣдуютъ своими общественными дѣлами, а кухню свою предоставляютъ завѣдывать другимъ.

Обѣдъ сошелъ съ рувъ какъ нельзя лучше. Мистеръ Вавзоръ находилъ навянъ чуть не въ каждомъ блюдѣ, но такъ какъ пища и питье были въ эту минуту дѣломъ второстепеннымъ, то Алиса очень спокойно переносила его ворчанье. Главное было то, чтобы ей и мистеру Грею можно было оставаться другъ воалѣ друга, какъ-будто между ними въ прошломъ ничего особеннаго не произошло. Алиса кое-какъ достигала этой цѣли, вставляя слово-другое, въ шутовомъ тонѣ, въ защиту кухарки. Что же касается мистера Грея, то онъ достигалъ ея такъ хорошо, что Алиса готова была почти сердиться на него. Повидимому, это не стоило ему ни малѣйшихъ усилій.—Если онъ можетъ забыть то, что было, тѣмъ лучше; порѣшила она сама съ собою, возвращаясь въ гостиную. Она сѣла на диванъ и заплакала. О, какъ велика была ея потеря, какъ безумно, какъ жестоко поступила она! И она могла такъ поступить, сознавая, что его любить! Выплававъ свое горе, она воспѣшила умыть лицо, чтобы не позавать ему заплаканныхъ глазъ, когда онъ придетъ пить кофе въ гостиную.

— А по лицу у нея видно, что ей нехорошо, замѣтилъ Грей, какъ только она вышла изъ столовой.

— Еще бы ей было хорошо послѣ всѣхъ этихъ передрагъ! Подчасъ я, право, думаю, что поискать, такъ не найдешь человека, который бы надѣлалъ столько глупостей. Но, конечно, не мнѣ говорить худо про свое собственное дѣтище, особенно вамъ.

— Какъ бы худо вы ни говорили о ней, это не могло бы возстановить меня противъ нея. Порою мнѣ вѣжется, что я понимаю ее лучше, чѣмъ вы.

— И вы думаете, что она еще образумится?

— Этого я не могу сказать. Кто возьмется рѣшить напередъ, могутъ ли заживать подобныя раны, или нѣтъ? Есть организмъ, которыя никогда не оправляются отъ тяжелой раны; для другихъ же, напротивъ, неизлечимыхъ ранъ не суще-

ствуешь. Я знаю одно только, что если она не оправится, то вина будетъ не въ недостатокъ постоянства съ моей стороны.

— По чести, Грей, я просто не знаю, какъ и благодарить васъ.

— За эти вещи не благодарятъ.

— Это-то я самъ знаю. При обыкновенномъ порядкѣ вещей, ни одному отцу и въ голову бы не пришло благодарить человѣка за то, что онъ хочетъ жениться на его дочери. Но у насъ всѣ отношенія перевернулись. Развѣ я такъ поставленъ, какъ другіе отцы? Съ вами я могу говорить откровенно. Я понимаю, что на мнѣ лежитъ извѣстнаго рода отвѣтственность, а между тѣмъ, что же я могу сдѣлать? Она сама себѣ госпожа. Когда она мнѣ сказала, что идетъ замужъ за этого бездѣльника, ея двоюроднаго брата,—какъ могъ я ей помѣшать?

— Но это уже дѣло прошлое и намъ нечего къ нему возвращаться.

— Съ вашей стороны, вонечно, очень великодушно такъ говорить. Я и самъ думаю, что, не смотря ни на что, она все-таки добрая дѣвушка въ душѣ.

— Въ этомъ отношеніи я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія. Ея поступокъ со мною не мѣшаетъ ей оставаться вполне порядочною женщиною. Мнѣ кажется, вы всегда упускали изъ виду, что для нея это было дѣломъ совѣсти.

— Нечего сказать, хороша совѣсть! По моему, та настоящая совѣсть, которая учитъ дѣвушку держать данное слово, а не та, которая внушаетъ ей поворить близкихъ къ ней людей.

— Я не буду считать себя ошореннымъ; спокойно отвѣчалъ Грей, если она согласится быть моею женою. Навѣрненіе у нея было честное, и она болѣе заботилась о чужомъ счастьи, чѣмъ о своемъ собственномъ.

— О моемъ счастьи она не слишкомъ-то заботилась, замѣтилъ мистеръ Вавазоръ.

— Я безъ страха вѣрю ей свое, если только она дозволитъ мнѣ это сдѣлать. Но она много выстрадала и ей нужно время, чтобы оправиться.

— А пока, что намъ дѣлать, если она, въ одно прекрасное утро, объявитъ намъ, что мистеру Джоржу Вавазору понадо-

билась новая ссуда? Вѣдь двѣ тысячи фунтовъ въ три мѣсяца, какъ вы думаете?—вусаются.

— Будемъ надѣяться, что онъ удовольствуется тѣмъ, что получилъ.

— Какъ бы не такъ! Развѣ такой человѣкъ когда нибудь удовольствуется?

— Въ такомъ случаѣ, будемъ надѣяться, что она найдетъ, что съ него довольно. А теперь вы мнѣ позволяете идти наверхъ?

— Сдѣлайте одолженіе. И я пойду съ вами, а то она подумаетъ, что я съ умысломъ оставляю васъ вдвоемъ.

— Такъ вы и впрямь уѣзжаете завтра? проговорилъ Грей, стоя возлѣ самаго рабочаго столика Алисы.

Мистеръ Вавазоръ расположился въ креслѣ по другую сторону камина. Вопросъ Грея былъ предложенъ не попотомъ, но въ тонѣ его слышно было, что онъ не желаетъ, чтобы его слышали на противоположномъ концѣ комнаты.

— Я уѣзжаю завтра въ Уэстморлендъ. За-границу мы отправляемся не раньше конца будущей недѣли

— Но вы куда уже не возвратитесь?

— Нѣтъ, въ улицу Королевы Анны я больше не возвращусь.

— И вы много мѣсяцевъ пробудете на континентѣ?

— Мистеръ Паллизеръ думаетъ вернуться къ святой недѣлѣ, — по крайней мѣрѣ онъ назначилъ этотъ срокъ лэди Гленкорѣ; а сама его не видала и сговорила съ нимъ заочно.

— Что скажете вы, если въ вапикъ странствованіяхъ пострѣчаетесь гдѣ нибудь со мною?

— Это врядъ ли будетъ, отвѣчала она, не зная, что сказать.

— Напротивъ, это очень и очень вѣроятно. Самъ я терпѣть не могу неожиданностей, а потому и не рѣшился бы упасть вамъ, какъ снѣгъ на голову. Я поѣду за-границу, но это будетъ не раньше осени, когда минуютъ лѣтніе жары, и я постараюсь отыскать васъ.

— Отыскать меня, мистеръ Грей!—И въ голосѣ ея послышалось дрожаніе, котораго она не могла преодолѣть, хотя бы и дорого дала за это.—Мнѣ вѣжета, съ вашей стороны это будетъ не совѣтъ честно.

— Въ этомъ не будетъ ничего безвѣстнаго, такъ какъ я заранѣе предупреждаю васъ о своемъ намѣреніи. Я не желаю застать васъ и вашихъ родственниковъ врасплохъ.

— О нихъ-то я и не думала въ настоящую минуту. Они, само собою разумѣется, будутъ рады съ вами познакомиться.

— И точно также, само собою разумѣется, вы не будете рады меня видѣть? Это, что ли, вы хотѣли сказать?

— Я только хотѣла сказать, что намъ лучше не искать нарочныхъ встрѣчъ.

— А я совсѣмъ иначе думаю, Алиса. Чѣмъ чаще мы будемъ встрѣчаться, тѣмъ лучше. Но я не хочу утомлять васъ въ настоящую минуту. — Добраго вечера.

И съ этими словами онъ всталъ и ушелъ. Мистеръ Вазоръ послѣдовалъ за нимъ, объявивъ, что хочетъ немножко прогуляться; но Алиса очень хорошо знала, что онъ отправится прямою дорогою въ клубъ.

ГЛАВА XXIII.

ВЪЯНІЕ ГОРЬ И ДОЛИНЪ.

Между тѣмъ, мистрисъ Гринау хозяйничала въ уэстмарлэндскомъ замкѣ и ухаживала за больною Кэтъ.

Отношенія между теткой и племянницей приняли за это время очень интимный характеръ. Кэтъ созналась теткѣ, что братъ ея поступилъ съ ней дурно, очень дурно; а тетюшка, съ своей стороны, не утаила отъ Кэтъ, что считаетъ и капитана Бельфильда субъектомъ, достойнымъ состраданія.

— Такъ онъ позволилъ себѣ насиліе въ отношеніи тебя и сломалъ тебѣ руку? допрашивала мистрисъ Гринау.

Но въ этомъ Кэтъ не хотѣла сознаться. — Что я себѣ руку сломала, это былъ несчастный случай, утверждала она. Онъ ушелъ отъ меня, не зная объ этомъ. Да и наконецъ, если бы онъ мнѣ обѣ руки переломалъ, то я еще могла бы ему простить это. — Но не могла она ему простить своей собственной ошибки. Для него она сдѣлала все, что могла, чтобы разстроить свадьбу Алисы съ Джономъ Греемъ, а она

залось, что изъ-за Джоржа не стоило брать этотъ грѣхъ на душу.

— Я бы все на свѣтѣ отдава, чтобы свести ихъ опять, говорила Кэтъ.

— Не безпокойся, они и такъ сойдутся, если только любить другъ друга, утѣшала ее мистрисъ Гринау. Алиса еще молода и, какъ говорятъ, до сихъ поръ еще ничего не утратила изъ своей красоты; при ея деньгахъ, она не засидится въ дѣвкахъ, даже если это совершенство изъ Камбриджшейра не захочетъ ее снова взять.

— Вы не знаете Алису, тетушка.

— Дѣйствительно не знаю; но я знаю молодыхъ дѣвушекъ вообще и знаю молодыхъ людей. Вся эта глупая исторія съ Джоржемъ ровно ничего не значитъ. Такой человѣкъ, какъ мистеръ Грей, не придастъ ей никакой важности, особенно если Алиса сама ему о всемъ скажетъ. Я того мнѣнія, что дѣвушкѣ всякая глупость можетъ сойдти съ рукъ, лишь бы она сама во всемъ созналась.

Но другой предметъ разговора былъ гораздо пріятнѣе и тетушкѣ, и племянницѣ.

— Ты поймешь, душа моя, говаривала мистрисъ Гринау, что замужество для меня—ужь если я рѣшусь выйти въ другой разъ замужъ,—совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ для тебя или для другой молодой дѣвшки. Что касается любви, то она для меня болѣе не существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ мой бѣдный Гринау лежитъ въ сырой землѣ.—Послушайте, капитанъ Бельфильдъ, сказала я ему:—если бы вы годы прожили у моихъ ногъ, то и тогда вы не дождались бы отъ меня нѣжной страсти.

— Что же онъ отвѣчалъ на это?

— Какъ тебѣ сказать, что онъ отвѣчалъ? Какъ водится, онъ наговорилъ много вздору о моей красотѣ; всѣ эти мужчины на одинъ покровъ. Миѣ кажется, будь женщина горбатая и обѣ одномъ глазѣ, они и то стануть увѣрять ее, что она не хуже Венеры.

— Но, тетушка, вы сами знаете, что вы красивы.

— И, милая, точно я не понимаю отлично, въ чемъ тутъ самая суть! Знаешь ли, что за причина, что за нашей сестрой волочатся? Тутъ дѣло не въ красотѣ и не въ однихъ деньгахъ.

Я знавала женщинъ, у которыхъ того и другого было въ волю, а между тѣмъ, ни одинъ мужчина не рѣшался говорить имъ о любви. А отчего? Оттого, что онѣ своею чепорностью и недоступностью запугивали всякаго поклонника. Ты вѣдь и сама немножко въ этомъ родѣ, и я всегда говорила тебѣ, что это не годится.

— Увы! тетушка, я, кажется, уже слишкомъ стара, чтобы исправиться.

— Совсѣмъ нѣтъ, если только постарайшься себя передѣлать. Денегъ у тебя теперь довольно; собою ты тоже недурна, если только дашь себѣ трудъ немножко принарядиться. Но, какъ я уже тебѣ сказала, тутъ дѣло не въ деньгахъ и не въ красотѣ. Есть такія женщины, отъ которыхъ такъ и вѣтъ холодомъ; мужчины называютъ ихъ: «не тронь меня». Ну, конечно, чтобы подступиться къ такой женщинѣ, надо быть веистовымъ Орландо. Онѣ какъ-будто воображаютъ, что самый бракъ—неприличное дѣло, точно новорожденныхъ дѣтей и впрямь находятъ гдѣ нибудь подъ заборомъ. Эти женщины, по моему мнѣнiю, ужъ слишкомъ пересаливаютъ.

— Съ такими воззрѣнiями, какъ ваши, тетушка, очень удобно живется на свѣтѣ.

— Мнѣ этого-то и нужно. Я во всемъ люблю удобство; съ какой стати отказывать себѣ во всемъ, когда имѣешь средства? А одиночество, что ни говори, прескучное дѣло. Не даромъ поется въ пѣснѣ, что кочергѣ и щипцамъ другъ безъ дружки не житье. Такъ-то и женщинамъ, и мужчинамъ другъ безъ дружки не житье.

— Но можетъ случиться, что тѣмъ и другимъ будетъ плохое житье вмѣстѣ?

— Это вовсе не такъ часто случается, какъ говорятъ, милая. Люди не сахаръ, отъ кипятку не растаятъ. Я знаю, что если я пойду за Бельфильда,—а кажется я на это рѣшусь,—то мнѣ съ нимъ много будетъ хлопотъ. Онъ вѣчно будетъ ваянчить у меня денегъ и, конечно, вываянчить болѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Я вѣдь тоже не Соломонъ и не царица сабская. Онъ будетъ выкуривать слишкомъ много сигаръ, а подчасъ, можетъ, и пушшу лишнее хватить. Я знаю тоже, что онъ будетъ съ дѣвушками перемигиваться, если только найдутся такія дуры, которыя ему позволяютъ.

— Но, Боже мой, тетушка! если бы я была о немъ такого дурного мѣнїя, я ни за что бы на вашемъ мѣстѣ не пошла за него замужъ; тѣмъ болѣе, что вы говорите, что даже не любите его.

— Какая тутъ любовь, милая! ея уже для меня не существуетъ. Есть женщины, которыя могутъ любить два раза, но я не изъ такихъ. О, дорого бы я дала, чтобы быть способной на вторичную любовь! — Последнїя слова мистрисъ Гринау произнесла съ какою-то печальною торжественностью, но тонъ этотъ она быстро перемѣнила на другой. — Но, видишь ли, милая, продолжала она: — замужемъ гораздо удобнѣе живется. И въ тому же, хотя за капитаномъ и водятся грѣшники, я знаю, что въ концѣ концовъ я его все-таки приберу къ рукамъ. Я, конечно, не буду ему мѣшать курить сигары и пить пуншъ; отчего же человѣку и не доставить себѣ удовольствїе, если только онъ не переступаетъ при этомъ черезъ извѣстныя границы? Пускай его себѣ живетъ и наслаждается. Да и наконецъ, милая, заключила она, внезапно переходя въ нѣжный тонъ: — вѣдь онъ меня дѣйствительно любитъ, въ этомъ я убѣждена.

— Ужь коли на то пошло, то и мистеръ Чизаверъ васъ любить.

— Бѣдняжка Чизи! Я сама думала, что онъ меня любитъ, хотя и говоритъ все больше о деньгахъ. Я взяла себѣ за правило всегда думать лучшее о людяхъ. Но бѣда, видишь ли, въ томъ, что въ Чизи не было ни капли правды; теперь я могу тебѣ это сказать, такъ какъ ты ужь положительно рѣшила, что не пойдешь за него замужъ.

— Это-то я положительно рѣшила, тетушка.

— Ну да, конечно, съ завѣщанїемъ твоего дѣда многое измѣнилось... И такъ какъ я тебѣ говорю, я люблю въ нихъ отблескъ романтичности, чуть-чуть, знаешь ли, чтобы отъ нихъ вѣяло, какъ я выражаюсь, горами и долинами. Конечно, въ этомъ существеннаго значенїя нѣтъ, это-то я хорошо знаю, но это, подобно искусственнымъ цвѣтамъ, скрашиваетъ человѣка. Само собою разумѣется, однѣ горы и долины немного тебѣ дадутъ, если у тебя не будетъ хлѣба и сыра, но когда есть хлѣбъ насущный, — къ чему желать большаго? А благодаря моему милому Гринау... — Тутъ она привела

въ дѣйствіе носовой платокъ. — Благодаря моему милону Гринау, я никогда не буду нуждаться въ насущномъ кѣбѣ. Конечно, я не такъ глупа, чтобы давать ему, т. е. капитану-то, деньги въ руки. Но у меня ихъ, слава Богу, довольно и на насъ двоихъ станетъ. Что хорошаго всѣмъ пользоваться одной?

— Такъ вотъ какъ, тетушка! Вы не на шутку рѣшились выйдти за него замужъ и уплатить за него счетъ его прачки. Помните, что вы мнѣ говорили про него, когда я его увидѣла въ первый разъ?

— Какже, помню; но что-жъ изъ этого? Если ему нечѣмъ отдать долгъ прачкѣ, то тѣмъ болѣе мнѣ причинъ заплатить за него... Да, я, кажется, рѣшусь за него выйдти, т. е. въ томъ только случаѣ, если онъ согласится на мои условія: оборванцы не должны предлагать свои условія.

Такимъ образомъ, между тетушкой и племянницей установились самыя интимныя отношенія и мистрисъ Гринау передала Кэтъ по секрету, что нѣтъ ничего невѣроятнаго, что капитанъ Бельфильдъ, въ одно прекрасное утро, очутится въ Уэстмерландѣ.

— Вѣдь неправда ли, спросила она, бѣды большой не будетъ, если мы предложимъ ему переночевать здѣсь ночи три? Потому что, видишь ли, изъ Шэпа слишкомъ далеко ему будетъ ѣздить сюда съ утренними визитами. — Кэтъ не могла сказать, что видитъ въ этомъ особенную бѣду, но перспектива имѣть капитана Бельфильда своимъ гостемъ была ей не слишкомъ-то по душѣ. — Впрочемъ, можетъ статься, онъ и не пріѣдетъ, оговорила сь мистрисъ Гринау; — право, не знаю, откуда онъ достанетъ денегъ на эту поѣздку, такъ какъ онъ теперь въ ссорѣ съ мистеромъ Чизсакеромъ.

— Ужъ если нельзя избѣжать посѣщенія капитана Бельфильда, такъ пускай его, по крайней мѣрѣ, не пріѣзжаетъ, пока Алиса здѣсь, такъ думала Кэтъ и рѣшилась подтвердить это желаніе теткѣ. Но предупредить пріѣздъ нежеланнаго гостя не было, повидимому, никакой возможности.

— Я, ей-богу, милая, не знаю, гдѣ онъ теперь, отвѣчала мистрисъ Гринау; въ тому же, я въ жизнь свою не писала ему и не съумѣю начать.

Мистрисъ Гринау клялась и божилась, что не думала при-

глашать его, но въ истинности этого увѣренія Кэтъ позволяла себѣ сомнѣваться.

Алиса прѣвѣкала, и дня два наши дамы провели очень пріятно втроемъ. Кэтъ все еще носила руку на перевязи, но она могла уже выходить изъ дому и, на зло докторскому запрещенію, дѣлала дальнія прогулки.—Читатель догадается, что цѣлью этихъ прогулокъ были горы; не сговариваясь напередъ, кувшины отправлялись туда какъ бы по взаимному соглашенію.

— Вотъ здѣсь я упала, сказала Кэтъ, когда онѣ достигли мѣста, бывшаго свидѣтелемъ ея послѣдняго разговора съ братомъ; отсюда я его увидѣла въ послѣдній разъ, когда онъ спустился въ долину, поднявшись на ноги. Я долго глядѣла ему вслѣдъ, но онъ ни разу не обернулся.—Знаешь ли, Алиса, мнѣ кажется, что я его никогда болѣе не увижу.

— Развѣ ты думаешь, что онъ навѣренъ совсѣмъ разойдтись съ тобою?

— Какъ тебѣ сказать, что я думаю? Мнѣ казалось, что я его на вѣки теряю, какъ будто онъ на вѣки уходилъ отъ меня въ иной міръ. У меня было какое-то предчувствіе, что я его никогда болѣе не увижу.

— Онъ тебѣ не писалъ съ тѣхъ поръ?

— Ни слова. Ты не забывай, что онъ не зналъ о случившемся со мною несчастіи. Я знаю навѣрное, что онъ ни за что не напишетъ, и отъ меня онъ тоже не дождется письма. Если бы ему понадобились деньги, я бы послала ему, но писать бы не стала.

— Я боюсь, Кэтъ, что, сколько ему ни посылай денегъ, онъ никогда не удовольствуется.

— И я того же боюсь. Если бы ты знала, что я выстрадала, когда онъ заставилъ меня написать тебѣ это гнусное письмо! Но, конечно, я была кругомъ виновата: мнѣ не слѣдовало ему поддаваться.

— Я не нашла въ твоёмъ письмѣ ничего предосудительнаго.

— Не говори, то было подлое письмо, вся эта исторія была подлая. Лучше бы ему было умереть съ голоду, лучше бы ему было отказаться отъ парламента и отъ всего остальнаго, чѣмъ дотронуться до твоихъ денегъ. Моя вѣра въ него и прежде

уже начинала колебаться, но этотъ поступокъ окончательно возстановилъ меня противъ него. Тутъ только я поняла, что онъ не тотъ человекъ, за котораго я принимала его и выдавала тебѣ.

— Мнѣніе свое о немъ я составила не изъ твоихъ словъ.

— Такъ-такъ, но я старалась расположить тебя въ его пользу. Другъ мой, Алиса! обѣ мы много изъ-за негѣ пострадали; ты, быть можетъ, еще больше, чѣмъ я, но вѣдь и я тоже всѣмъ для него пожертвовала. Вся моя жизнь была отдана ему: я была его рабою, исполняла во всемъ его волю. Онъ заставлялъ меня дѣлать такія вещи, которыя были противъ моей совѣсти, противъ которыхъ все существо мое возмущалось, а между тѣмъ, я не переставала боготворить его. Даже теперь, если бы онъ вернулся, я бы, кажется, простила ему.

— Простить-то бы я, быть можетъ, простила ему, но дальше бы не могла идти.

— Но онъ никогда не вернется, никогда не попроситъ, даже не пожелаетъ, чтобы мы простили его. У него нѣтъ сердца.

— Любовь къ деньгамъ высушила его сердце, замѣтила Алиса.

— А между тѣмъ, какъ нѣженъ онъ умѣлъ быть порою, сколько ласки было въ его словахъ и взглядахъ! Помнишь, каковъ онъ былъ съ нами въ Швейцаріи? Помнишь балконъ въ Базелѣ и вечеръ, который мы тамъ провели, глядя въ Рейнъ?

— Да, помню.

— И я помню, и какъ еще помню! Все бы на свѣтѣ я отдала, Алиса, чтобы воротить эту поѣздку въ Швейцарію.

— Если ты провидишь ее изъ-за меня...

— Да, изъ-за тебя. Въ моей участи она ничего не измѣнила. Все равно, осталась ли бы я въ Уэстморлендѣ, или поѣхала за-границу—рано или поздно, я должна же была узнать, что мой идолъ сдѣланъ не изъ золота, а изъ глины. Но ты-то за что подавлена подъ обломками разбитаго идола?

— Я не подавлена, Кэтъ.

— Ты слишкомъ горда, чтобы въ этомъ совнаться.

— Если ты хочешь сказать, что я разбилась съ мистеромъ Фреемъ, то это случилось бы и безъ поѣздки за границу.

— Полю! такъ ли, милая?

— Такъ.

Кухини возвратились домой, не промолвя почти во всю дорогу ни слова. Но по выходѣ изъ лѣса, въ виду мощеной аллеи, которая веяла къ парадному подъѣзду замка, ихъ поразило неожиданное зрѣлище. Въ вѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ стоялъ господинъ съ сигарою въ зубахъ и, помахивая тросточкой, смотрѣлъ на лѣсъ. На немъ была щегольская соломенная шляпа, куртка съ мѣдными пуговицами и бѣлые панталоны. Хотя дѣло было въ половинѣ мая, но лѣто въ Уэстморландѣ настаётъ поздно, и господину этому, видимо, было не по себѣ въ этомъ легкомъ нарядѣ. Онъ еще не успѣлъ замѣтить молодыхъ дѣвушекъ, которыя остановились при входѣ въ аллею, озадаченный его появленіемъ.

— Кто это такой? шолотомъ спросила Алиса.

— Капитанъ Бельфильдъ, отвѣчала Кэтъ почти съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Какъ! тетускинъ капитанъ?

— Да, тетускинъ капитанъ. Я этого не даромъ боялась; скажи на милость, что намъ теперь съ нимъ дѣлать? Погляди на него; вотъ что у тетуски называется легкимъ вѣяніемъ гора и долины...

Капитанъ докурить сигару и бросилъ ее въ кусты; при этомъ взглядъ его упалъ на молодыхъ дѣвушекъ и онъ испустилъ легкое восклицаніе. Онъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, махая своей маленькой соломенной шляпой, и привѣтствовалъ ихъ:

— Миссъ Вавазоръ, честь имѣю кланяться... Миссъ Алиса Вавазоръ, если не ошибаюсь? Очаровательная мистрисъ Гринау поручила мнѣ отыскать васъ, но лѣсъ, по чести, смотрѣлъ такъ непривѣтливо, что я не отважился въ него заглянуть, и такъ, конечно, ни за что бы васъ не нашелъ... Кэтъ протянула ему лѣвую руку и представляла его своей кузинѣ. Онъ снова махнулъ своей шляпой, стараясь показать какъ можно больше развязности въ своемъ обращеніи; но это ему почему-то не удавалось. Онъ былъ уже не тотъ Бельфильдъ, который побѣдонесно составлялъ съ мистеромъ

Чрезвычайно на ярмоутскомъ песчаномъ прибрежьи, хотя на немъ была та же куртка и тотъ же жилетъ, и онъ, еще здѣшнѣе, долженъ былъ теперь обладать пріятною утѣренностью, что ему на будущее время нечего будетъ заботиться о кускѣ насущнаго хлѣба. При всемъ томъ, ему, видимо, было не по себѣ. Мужества его хватило на то, чтобы послѣдовать въ Уастморлендъ за своей зазнобой; но, лишь только онъ очутился на мѣстѣ, оно измѣнило ему. — Смущеніе его не ускользнуло отъ Кэтъ, которая лукаво рѣшила про себя, что ничего не сдѣлаетъ, чтобы вывести его изъ неудобнаго положенія. Сваливъ съ плечъ формальность представленій, она выразила ему свое удивленіе видѣть его въ этихъ краяхъ.

— Я и самъ никакъ не думалъ сюда попасть, отвѣчалъ онъ; ей-богу не думалъ. Но въ Норвичѣ мнѣ дѣлать было нечего, положительно нечего; а ваша тетушка такъ часто говорила о красотѣ здѣшней мѣстности, что я подумалъ: а съѣзжу-ка я туда! и по дорогѣ позволилъ себѣ заѣхать къ вамъ. У меня и въ головѣ не было остаться на ночь; увѣрю васъ, миссъ Вавазоръ, я былъ далеко отъ подобной навязчивости, но мистрисъ Гринау была такъ добра, что предложила...

— Мы живемъ въ такомъ заколустѣи, капитанъ Бельонльдъ, что всегда оставляемъ своихъ гостей ночевать.

— Да я-то на это и не думалъ разсчитывать, миссъ, ей-богу не думалъ. — Бѣдняжка капитанъ совершенно терялся. — Я на-скоро уложилъ кое-что изъ платья въ свой чемоданъ и отправился, самъ хорошенько не зная, гдѣ окончится мое путешествіе.

— Во всякомъ случаѣ, мы на нынѣшній день не пустимъ васъ дальше.

— Мистрисъ Гринау была такъ любезна, что просила меня остаться... до субботы.

Кэтъ закусила губы въ минутномъ припадкѣ досады. Видъ козявкой въ домъ была она, а не мистрисъ Гринау. Но она вспомнила, какъ добра была въ ней тетка въ Ярмоутѣ и въ Норвичѣ и подавила въ себѣ это чувство.

— Намъ будетъ очень пріятно имѣть васъ своимъ гостемъ, отвѣчала она. Насъ здѣсь собралось три женщины; я боюсь, что вамъ съ нами будетъ скучно.

— Служать въ вашемъ обществѣ! Помилуйте, возможно ли это?

— А что подѣлываетъ вашъ другъ, Мистеръ Чизанверъ?

— Ничего, покорно благодарю, онъ здоровъ. То есть, собственно говоря, за послѣднее время я его почти не видалъ. Мы съ нимъ, вѣдь вы знаете, немножко повздорили.

— Почему же мнѣ это было знать, капитанъ Бельфильдъ?

— Я думалъ, что вы, можетъ статься, какънибудь слышали. Ему какъ-будто показалось, что я перебиваю ему дорогу въ известномъ отношеніи! Ха-ха-ха! Впрочемъ это я, барышни, такъ только... шучу.

Молодые дѣвушки вошли въ домъ и капитанъ послѣдовалъ за ними. Мистрисъ Гринау не оказалось ни въ одной изъ комнатъ, въ которыхъ обыкновенно собиралось маленькое общество. И ее тоже появленіе ея поклонника лишило обычнаго ея самообладанія, и она удалилась въ свою комнату, находившуюся удобнымъ переговорить сначала съ Кэтъ наединѣ.

— Вы, конечно, уже успѣли повидаться съ моею тетусшкою? спросила Кэтъ.

— Какже, какже, я видѣлъ ее, — она-то и послала меня за вами.

— И вы видѣли вашу комнату?

— Да, она была такъ добра, что показала мнѣ ее. Премиленькая комната, окна на фасадѣ, ну и всевозможныя удобства. Очень, очень важъ благодаренъ. — Вѣднѣя, вѣроятно, сравнивалъ въ эту минуту гостепріимство Вавазорскаго замка съ плохимъ приѣзомъ, встрѣченнымъ имъ въ Олимпидѣ. — Я недолго буду надобдѣть вамъ, миссъ Вавазоръ, не дольше нѣсколькихъ либо сутокъ. Но мнѣ такъ хотѣлось снова увидѣть вашу тетусшку... и васъ тоже, по чести.

— Полноте, капитанъ Бельфильдъ, знаемъ мы, для чего вы пріѣхали.

Она сконфузится, ни дать, ни взять, какъ молодая дѣвушка, которой и пріятно-то и неловко, когда ее подразниваютъ ея возлюбленнымъ. Молодые дѣвушки оставили его одного и отправились въ свои комнаты. — Я сейчасъ же поведу къ тетусшкѣ и дознаюсь отъ нея, что намъ съ нимъ дѣлать, сказала Кэтъ.

— Она, кажется, собирается за него замужъ?

— Да, собирается, и уж если на то пошло, то чѣмъ скорѣе выйдетъ, тѣмъ лучше. Я знала, что это такъ будетъ; но надѣялась, что эта чаша минуетъ насъ, пока ты будешь здѣсь. Мнѣ просто совѣстно передъ тобою, что ты должна быть свидѣтельницей всего этого.

Кэтъ отважно постучалась въ дверь тетивной комнаты и та отворила ей съ многозначительной улыбкой.

— Я дожидалась тебя, проговорила мистрисъ Гринау.

— Вотъ я и пришла, тетушка, и чтобы приступить прямо къ дѣлу, вотъ и капитанъ Бельфильдъ пріѣхалъ и сидитъ въ настоящую минуту въ гостиной.

— Безтолковый человѣкъ!—я же ему сказала, чтобы онъ убирался куда нибудь гулять и не показывался до обѣда. Меня раздражаетъ охота отослать его опять въ Шель.

— Не дѣлайте этого, тетушка, это было бы недостаткомъ гостепріимства.

— Но кто-жъ ему велитъ быть такимъ дуракомъ? Ты, конечно, поймешь, милая, что все это случилось помимо моего желанія.

— Но, скажите, тетушка, вы не на шутку собираетесь за него замужъ?

— Да, Кэтъ, ужъ если говорить правду, я, кажется, не на шутку рѣшилась. Отчего же мнѣ и не выйти за него? Жить такъ одной куда не весело, а онъ, сколько я на него посмотрю, право не такой дурной человѣкъ.

— Я ничего противъ него и не говорю. Если я предложила вамъ этотъ вопросъ, то потому, что если это дѣйствительно такъ, то вамъ не приходится высылать его изъ дома.

— Ты думаешь? А между тѣмъ, я могла бы стоило бы мнѣ слово сказать, и если ты желаешь, я тебѣ сейчасъ докажу это.

— Ай-ай! тетушка, и вамъ не стыдно будетъ такъ поступить съ человѣкомъ, отъ котораго вѣетъ горами и долинами?

— Смѣйся, смѣйся, милая, меня отъ этого не будетъ. Стоило мнѣ захотѣть, и Чизевекъ былъ бы моимъ мужемъ и я могла бы держать свой экинажъ; но горы и долины помѣшали этому; да тутъ же, быть можетъ, замѣчалось немножко и желаніе помочь бѣдняку, котораго некому пригрѣть.

Говоря это, мистрисъ Гринау достала платокъ изъ гла-

замъ и осушила наверхушную на нихъ влагу. Слезки у мистрисъ Гринау были всегда наготовѣ; но на этотъ разъ Кэтъ посмотрѣла на нихъ почти съ уваженіемъ.

— Будьте увѣрены, телушка, что я отъ души желаю вамъ счастья.

— Если онъ сдѣлаетъ меня несчастной, то онъ же за это и поплатится.

И мистрисъ Гринау, отдавъ дань своей слезливости, тряхнула головой съ рѣшительнымъ видомъ.

За обѣдомъ всѣмъ было какъ-то не по себѣ. Угрюмая мѣстность Вавазора такъ дѣйствовала на капитана, или же открывавшаяся передъ нимъ радужная перспектива, только онъ велъ себя, какъ въ обѣдомъ, такъ и послѣ обѣда, съ изумительною скромностью и вовсе не походилъ на того капитана, который предѣлательствовалъ на пивникѣ мистрисъ Гринау.

Оставшись послѣ обѣда одинъ, онъ выпилъ всего только два стакана портвейна и послѣшилъ присоединиться къ дамамъ, которыя гуляли въ саду; когда же Кэтъ предложила ему закурить гитару, то онъ на отръвъ отказался.

На слѣдующее утро мистрисъ Гринау снова стала сама собою, но капитанъ Бельфильдъ все еще не могъ оправиться отъ своего смущенія. Послѣ завтрака, онъ сидѣлъ, какъ на утѣляхъ, въ гостиной и положительно не зналъ, что отвѣчать, когда мистрисъ Гринау спросила у него, какъ онъ думаетъ распорядиться своимъ временемъ до обѣда.

— Мнѣ кажется, всего лучше будетъ пойдти прогуляться, проговорилъ онъ; и если молодымъ хозяйнамъ угодно...

— Если вы говорите про моихъ племянницъ, отвѣчала мистрисъ Гринау, то онѣ, кажется, обѣ заняты. Но если я не слишкомъ стара, чтебъ...

Капитанъ послѣшилъ увѣрить ее, что она какъ разъ въ самой порѣ и что онъ лучшаго товарища себѣ для прогулки и не желаетъ; затѣмъ онъ пустился въ длинное объясненіе, нѣвѣрное дѣлю поправить неловкость употребленнаго имъ выраженія, и всѣ три дамы отъ души посмѣялись надъ нимъ.

— Ну, да будетъ вамъ извиняться, капитанъ, перебила его мистрисъ Гринау: рѣшено: мы съ вами отправимся гулять; а молодежь оставимъ въ покоѣ. Пойдемте.

И они пустились въ путь, — не въ горы, которыя были лю-

бликом прогункою Катю, а по французской дорогѣ; или они шакомъ, не торюясь, какъ и причествоваю людямъ ихъ дѣть. Капитанъ предложалъ было своей спутницѣ операться на его руку, но она отказалась, и они пропшли нѣвольные шаговъ молча.

— Такъ какъ же, капитанъ Бельфондъ, заговорила мистрисъ Гринау первая, и по тону ея голоса онъ тотчасъ же увидѣлъ, что она скажетъ что-то необычайное: — такъ какъ же, капитанъ Бельфондъ, раздобриться мнѣ, что ли, какъ вы думаете?

— Арабелла, вы сдѣлаете меня счастливѣйшимъ человекомъ въ мирѣ.

— Это-то все пустяки. — Она сказала бы: это все горы и долины, но онъ бы ее не понялъ.

— Не вѣрите? Даю вамъ честное слово.

— Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, что я сдѣлаю васъ нарядочнымъ человекомъ.

— О, да, конечно, это и мое твердое намѣреніе.

— Вотъ то-то и надо, чтобы вы сами этого захотѣли. Я, конечно, дѣлаю великую глупость.

— Ахъ, нѣтъ, не говорите этого.

— Если я этого не буду говорить, то скажутъ другіе. Счастье вамъ, что я не слишкомъ то обращаю вниманіе на то, что скажутъ.

— Конечно, счастье; я вполне сознаю, что мнѣ везетъ счастье. Еще когда я васъ увидѣлъ въ первый разъ, я подумалъ: видно, я родился надъ счастливою звѣздой, что повстрѣчался съ такой женщиной. Тогда, конечно, я думалъ только о вашей красотѣ.

— И, полноте, подите вы съ вашей лестью.

— Не вѣрите? Честное слово. Послушайте, Арабелла: такъ какъ мы съ вами теперь нарѣченныи мужъ и жена, то можно и...

— Говоря это, онъ подошелъ къ ней очень близко и, въ немъ, повидимому, возвратилась часть его прежней храбрости. Но она не позволила ему даже приблизиться къ ея тѣлѣ рукой.

— На большой-то дорогѣ! воскликнула она; это что за дерзость... и за глупость!

— Ну, право, позвольте, хоть одинъ разокъ.

— Капитанъ Бельфильдъ! я увела васъ сюда вовсе не для этого глупаго нѣжничанья, а чтобы поговорить съ вами о дѣлѣ. Если мы съ вами, какъ вы говорите, нарѣченные мужъ и жена, то намъ надо прежде всего условиться, въ какомъ положеніи мы будемъ стоять относительно другъ друга. Мнѣ сдается, что собственныя ваши средства небольшія?

— Мм... да, мистрисъ Гринау, большого достатка у меня нѣтъ.

— Есть у васъ какое нибудь состояніе?

Капитанъ хранилъ нерѣшимтельное молчаніе и ковырялъ землю своей тросточкой.

— Послушайте, капитанъ Бельфильдъ, ужъ лучше говорите всю правду, такъ мы скорѣе договоримся до дѣла.

Но капитанъ все еще колебался и безмолвствовалъ.

— Должны же вы чѣмъ нибудь жить, подсказала вдова.

Тутъ капитанъ нарушилъ молчаніе и, слово за слово, рассказалъ ей всю свою подноготную. Оказалось, что у него есть замужняя сестра, которая даетъ ему по гиней въ недѣлю; кромѣ же этого, у него ничего нѣтъ. Онъ былъ принужденъ продать свой чинъ въ арміи, и деньги, полученныя имъ, пошелъ на уплату долговъ. Но въ настоящую минуту онъ снова былъ кругомъ въ долгу: мистеру Чизакеру онъ былъ долженъ девяносто фунтовъ; кромѣ того, онъ былъ долженъ тридцать два фунта портному въ Ярмоутѣ и семнадцать фунтовъ за квартиру въ Норвичѣ. Въ настоящую минуту у него въ карманѣ было безъ малаго тридцать шиллинговъ. Ярмоутскій портной снабдилъ его тремя фунтами, чтобы дать ему возможность съѣздить въ Уэстморлендъ и устроить женитьбу, которая поведетъ бы ему расквитаться съ долгами.

Въ продолженіи этого допроса, мистрисъ Гринау успѣла такъ многое отъ него выпытать и, довольная сознаніемъ, что узнала если не все, то приблизительно все, просила ему все его прѣдиди.

— Ну, а теперь вы мнѣ позволите себя поцѣловать?... всего разокъ годно поцѣловать, воскликнулъ капитанъ, чувствовавшій себя наверху блаженства.

— Такъ остановила его вдовушка. Вонъ акипачъ какой-то ѣдетъ по дорогѣ, и прямо къ намъ...

ГЛАВА XXIV.

ПЕРВЫЙ ПОЦЛУЙ.

— Те! проговорила мистрисъ Гринау:—вонъ какой-то экипанжъ ъдетъ по дорогѣ и прямо на насъ.

И съ этими словами она уклонилась отъ объятій капитана, не исполнивъ его законнаго желанія. Промѣшкой она еще минуту, и бдительный взглядъ новаго посѣтителя засталъ бы ихъ врасплахъ.—По дорогѣ, описывавшей въ этомъ мѣстѣ поворотъ, ѣхала крупною рысью шепсвая почтовая лошадь, запряженная въ тотъ самый кабріолетъ, въ которомъ наканунѣ капитанъ Бельфильдъ пріѣхалъ въ Вавазоръ, а въ кабріолетѣ, везуща широко раскрытыми глазами на все окружающее, ездѣлъ... какъ бы вы думали, кто? — мистеръ Чизсаверъ.

Зрѣлище это какъ громомъ поразило капитана Бельфильда да и на мистрисъ Гринау нельзя сказать, чтобы оно особенно пріятно падѣйствовало; нуще всего ее смущало, что подумаетъ Алиса о появленіи этого новаго поклонника. Кэтъ, по крайней мѣрѣ, знала, какъ было дѣло. Но какъ объяснить Алисѣ, что она, мистрисъ Гринау, ни въ чемъ тутъ виновата и давно откровенно предупредила этого неугомоннаго господина, чтобы онъ и не думалъ надѣяться? Да и наконецъ, самая Кэтъ, которой мистрисъ Гринау возмѣтила нелѣпную мысль прочесть мистера Чизсавера въ женихи, какъ-то она посмотритъ на пріѣздъ владѣльца Ойлимида? Прежде еще, чѣмъ экипанжъ остановился, мистрисъ Гринау принялась раздумывать о томъ, нельзя ли какъ нибудь спроводить мистера Чизсавера домой, не давъ ему побывать въ замкѣ. Но если мистрисъ Гринау была въ отчаяніи, то каковы же были чувства капитана? Онъ зналъ, что мистеру Чизсаверу извѣстны кое-какіе его грѣшны, въ которыхъ онъ еще не покался. Какъ бранилъ онъ себя въ эту минуту, что въ перечнѣ своихъ долговъ, сдѣланномъ имъ мистрисъ Гринау, позволилъ себѣ нѣкоторые пропуски!

— Человѣка этого ищетъ полиція, заговорилъ мистеръ Чизсаверъ прежде еще, чѣмъ кабріолетъ успѣлъ остановиться.

Его ищетъ полиція, мистрисъ Гринау, повторилъ онъ, указывая на капитана, и въ азартѣ всталъ въ кабріолетѣ. Но какъ только въ эту минуту вдругъ остановился и мистера Чизсавера со всего размаху откинуло назадъ. — Его ищетъ полиція, прокричалъ онъ снова, какъ только голосъ къ нему возвратился.

Мистрисъ Гринау поблѣднѣла подъ своей вдовой вуалью, которую успѣла спустить себѣ на лицо. Почему знать, какія дѣла надѣлалъ ей капитанъ? Быть можетъ, побуждаемый голодомъ, онъ рѣшился на какое нибудь мошенничество. — О, Боже мой, воскликнула она, вынудивъ его руку, на которую опиралась.

— Это неправда, возразилъ капитанъ Бельфильдъ.

— Нѣтъ, правда! проговорилъ мистеръ Чизсаверъ.

— За эту клевету я буду съ вами вѣдаться, пріятель, судебнымъ порядкомъ, сказалъ Бельфильдъ.

— Отдайте мнѣ деньги, которые вы у меня занимали, сказала Чизсаверъ. Вы и тотъ и безпутный человѣкъ.

Вдавшись было очень мало дѣла до того, что ей поклонникъ и безпутный человѣкъ во мнѣніи мистера Чизсавера: подобныя обвиненія ей приходилось не впервые слышать противъ него. Но ее сильно смущали поиски полиціи, несправедливе противъ нея капитана. Если это действительно была правда, то онъ не могъ долѣе оставаться ей капитаномъ.

— Кто все это слышу про васъ, капитанъ Бельфильдъ? проговорила она.

— Это ложь и клевета. Ему только хочется разсорить насъ. — Какая такая полиція отыскиваетъ меня, мистеръ Чизсаверъ?

— Ну, полиція тамъ или команда шерифа — все равно.

— Да команда шерифа, воскликнула мистрисъ Гринау такимъ тономъ, какъ будто у нея гора съ плечъ свалилась. — И стоило вамъ пріѣзжать изъ-за этого, мистеръ Чизсаверъ! Командѣ шерифа вносить, что слышу, и дѣлу конецъ.

— Я поличу противъ него искъ за клевету, горячился капитанъ Бельфильдъ; не будь я Бельфильдъ, коли я этого не сдѣлаю!

— Полноте, капитанъ Бельфильдъ, проговорила мистрисъ Гринау: — не дѣлайте изъ себя дурака. Кто не въ состояніи платить своихъ долговъ, тотъ долженъ поворотиться подобнаго

рода неприятности. — Скажите, мистръ Чизакеръ, куда это вы ѣхали?

— Я ѣхалъ въ Вавзорскій замокъ нарочна, чтобы предостеречь васъ.

— Ваше предостереженіе пришло бы уже слишкомъ поздно, проговорила мистрисъ Гринау.

— Какъ! неужто вы уже со вчерашняго дня успѣли поѣздаться? Вѣдь онъ только сутрами раньше мѣнъ выѣхалъ... Эхъ, мистрисъ Гринау!

Онъ вышелъ изъ экипажа и всѣ трое направились къ замку пѣшкомъ, между тѣмъ, какъ кабріолетъ съ вещами мистера Чизакера поѣхалъ впередъ.

— Я, право, не знаю, проговорила мистрисъ Гринау, — можно ли намъ будетъ принять васъ: домъ и безъ того полонъ гостей, и у насъ нѣтъ ни одной свободной комнаты.

— Я не въ тѣхъ людехъ, которые навязываютъ свое присутствіе тамъ, гдѣ ихъ не желаютъ видѣть. Я въ свои денные вѣдѣ найду себѣ пѣсть, не то что иные, прочіе. — А любопытно мнѣ знать, лейтенантъ Бельфильдъ, когда вы мнѣ отдадите мой долгъ?

Но мистрисъ Гринау удалось помирить соперниковъ, не доходя до замка. Дешю до того, что они показали другъ другу руки и овечка Чизакеръ согласился лечь рядомъ съ волкомъ Бельфильдомъ. Въ добавокъ, мистръ Чизакеръ ухитрился испунуть вдовушѣ про настоящую цѣль своей побѣды въ Уэстморлендъ. Когда мистрисъ Гринау замѣтила, что онъ ей что-то хочетъ сказать, наединѣ, она безъ церемоніи отошла прочь своего жениха.

— Ну, послушайте, неужто вы такъ-таки и не смилуетесь надо мною? испунулъ Чизакеръ, идя съ нею рядомъ.

— Но мистрисъ Гринау строго взглянула на него и велѣла ему убираться. И такимъ образомъ, прогулку, начатую въ обществѣ одного пемлонника, мистрисъ Гринау окончила въ обществѣ другого.

Когда Бельфильдъ, котораго послали впередъ, принять домою, онъ засталъ Алису и Катъ рассматривавшими новопрібывшій кабріолетъ.

— Да вотъ онъ знаетъ, проговорила новинникъ, указывая на капитана.

— Это званикъ вашего стараго знакомаго, мистера Чизсаера, полсиидъ Бельфондъ, обращающа къ Кэтъ.

— Неужто и онъ прѣхалъ? воскликнула Кэтъ.

Капитанъ пожалъ плечами и согласился, что это дѣйстви-тельно пренеприятная исторiя.

— И изъ-за чего онъ бьется? продолжалъ капитанъ. Вѣдь сколько онъ ни хлопочит, ничего-то онъ тамъ этимъ не вы-граетъ.

— Отъ него слышномъ маю вѣсть горами и долинами.... такъ, что ли, капитанъ Бельфондъ, проговорила Кэтъ.

— Но капитанъ Бельфондъ ничего не смыслилъ въ горахъ и долинахъ, хотя и были люди, которые на него самого смо-трѣли, какъ на олицетворенiе вору и должнику.

Между тѣмъ, мистеръ Чизсаеръ жодатайствовалъ о своемъ дѣлѣ.

— Неужели, спросилъ онъ печальнымъ тономъ, для меня и впрямь уже нѣтъ никакой надежды? Если у васъ дѣло рѣшено, то я ни слова не скажу противъ капитала. Я не такой завистникъ, чтобы подставлять ногу бы то ни было ногу.

— Дѣло дѣйствительно рѣшено, отвѣчала мистрисъ Гринау.

Но онъ все-таки не утерпѣлъ, чтобы не намекнуть на удобство Ойлимида, и тутъ же замѣтилъ, что у Бельфондъ нѣтъ даже своего матраца. На это мистрисъ Гринау отвѣчала, что тѣмъ болѣе причинъ ей снабдить бѣдняка матрацомъ.

— Ну да, если вы съ этой точки зрѣнiя смотрите на дѣло, то конечно такъ.

Мистрисъ Гринау отвѣчала, что она именно съ этой точки зрѣнiя смотритъ на дѣло.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я ничего болѣе не скажу, проговорила мистрисъ Чизсаеръ. А что онъ мнѣ тамъ денегъ долж-женъ, то я могу и подождать, пока онъ соберется со средствами.

Мистрисъ Гринау увѣрила его, что долгъ ему будетъ заплаченъ тотчасъ же послѣ свадьбы, и даже вызвался занять немедленно, если онъ нуждается въ деньгахъ. Но на это мистеръ Чизсаеръ презрительно отвѣчалъ, что онъ въ деньгахъ никогда не нуждается, а только не любитъ терять свое добро.

Послѣ этого онъ не сразу перешелъ къ тому, что ему еще оставалось сказать; да она и полагала дѣло было щепотливое. Убѣдившись, что мистрисъ Гринау для него недоса-

твѣна, рѣчь готова была повториться и на Кэти. Объ этомъ-то дѣлѣ онъ рѣшился переговорить съ мистрисъ Гринау. До сего, безъ сомнѣнія, дошли слухи о завѣщаніи стараго свайра и онъ спѣшилъ воспользоваться посредничествомъ мистрисъ Гринау, которое та ему неоднократно предлагала.

— Видь вы сами же подали мнѣ эту мысль, добавилъ онъ.

— Но обстоятельства съ вѣхъ поръ перемѣнились, отвѣчала вдова.

— Какъ такъ перемѣнились? Я остался все тотъ же. И Ойлинды стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, и обладатель его никому не долженъ ни единого шиллинга...

— Но племянница моя получила наслѣдство!

— И это, по вашему, измѣняетъ дѣло? Не думалъ я, мистрисъ Гринау, встрѣтить въ васъ такіа нормстима соображенія. Получила наслѣдство! и изъ-за этого она такъ круто ко мнѣ перемѣнится?

Мистрисъ Гринау попробовала объяснить, что собственно перемѣны тутъ никакой не будетъ, и наконецъ, такъ какъ мистеръ Чизсаверь все стоялъ на своемъ, сдѣлала видъ, что рассердилась.

— Послушайте, мистеръ Чизсаверь, вы не можете сказать, чтобы она васъ поощрила хоть однимъ словомъ!

— Но вы мнѣ постоянно говорили, что стоитъ мнѣ не свататься и она будетъ моею женою.

— Ну, а теперь я вамъ говорю, что это не такъ-то легко. И совѣтую вамъ не соваться въ замокъ съ своимъ предложеніемъ, а то она вамъ дастъ на него такой отпѣтъ, который вамъ не понравится. Слушайте, мистеръ Чизсаверь, вы хотите жениться и вамъ дѣйствительно жора; ну, вотъ и возьмите мою приятельницу; Марли Ферстарсъ. Чѣмъ она вамъ не жена?

— Марли Ферстарсъ! проговорилъ мистеръ Чизсаверь, дѣлая презрительную гримасу. Да у нея проша мнѣ за душою Нечего сказать, была мнѣ великая навязывая себѣ эту такую обузу!

— Кто теперь руководствуется користными соображеніями, мистеръ Чизсаверь? Слушайте-ка вы домой, да подумайте объ этомъ. Если вы желаете на Марли, я приду изъ замка...

свадьбу. А свадебное платье мы ей сошьем на славу. Это уж я беру на себя.

Въ эту минуту они достигли воротъ, а мистеръ Чизаскеръ, прежде чѣмъ войти, остановился.

— Такъ вы думаете, что мнѣ тутъ нечего и пытаться счастья? спросилъ онъ.

— Положительно нечего. У насъ былъ съ ней разговоръ объ этомъ.

— Быть можетъ, выискался другой счастливецъ?

— Изъ счета этого я вамъ ничего не могу сказать, но я знаю навѣрное, что за васъ она не пойдетъ. Я-то люблю сельское хозяйство, но она его терпѣть не можетъ.

— Сельское хозяйство можно было бы и по богу, замѣнить мистеръ Чизаскеръ... по крайней мѣрѣ, на время.

— Нѣтъ-нѣтъ, все это ни къ чему не поведетъ. Вѣрите мнѣ, другъ мой, что вы тутъ ничего не подѣлаете.

Онъ все еще стоялъ передъ воротами, не трогаясь съ мѣста.

— Въ такомъ случаѣ, я, право, не вижу, зачѣмъ мнѣ и входить въ домъ, проговорилъ онъ. — На это она ничего не отвѣчала. — Я слышю гордо, продолжалъ онъ, чтобы ходить туда, гдѣ мнѣ не рады.

— А я, право, не возьму на себя, мистеръ Чизаскеръ, заѣхать васъ, что вамъ тутъ будутъ рады въ томъ смыслѣ, какъ вы хотите.

— Такъ ужъ я лучше отправляюсь назадъ. Не потрудитесь ли вы сказать мальчишкѣ, что привезъ меня сюда, чтобы онъ ѣхалъ за мною? Поѣзда эта станетъ мнѣ шесть фунтовъ десять шиллинговъ. Бельяшуду она, конечно, обошла въ дешевле; вѣдь онъ ѣхалъ во-второмъ классѣ.

— Ну, да вамъ, мистеръ Чизаскеръ, расходы ни почемъ.

Съ этимъ онъ молчаливо согласился и началъ прощаться съ мистрисъ Гриниу. Онъ протянулъ было ей руку съ видомъ оскорбленнаго достоинства, но тутъ же не выдержалъ и всталъ чуть не въ униженный тонъ. Прежде чѣмъ удалиться, онъ предложилъ ее съ капитаномъ прѣхать послѣ свадьбы въ Олдингъ и просилъ ее передать миссъ Вавазоръ, что онъ очень радъ будетъ и ее видѣть.

— Смотрите же, мистеръ Чизаскеръ, прикинула ему вслѣдъ

мистрисъ Гринау: — не забывайте мою милую Чарли Ферстеръ!

Когда мистрисъ Гринау вошла во дверь, Кэтъ, Алиса и капитанъ дожидались ея у парадной двери; тутъ же стоялъ мальчишка изъ Шэпа, вонпадъ и кабріолетъ.

— Гдѣ же онъ? спросила Кэтъ въ полголоса, и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ошндѣли отвѣта.

— Уѣхалъ, отвѣчала вдова.

Бельфильдъ такъ обрадовался, что не могъ совладѣть съ своими чувствами и, снявъ свою маленькую соломенную шляпу, подбросилъ ее въ воздухъ.

Не менѣе его обрадовалась и Кэтъ.

— Ну, слава Богу, проговорила она; а то что бы мы стали съ нимъ дѣлать!

— А я такъ въ отчаяніи, выѣхалась Алиса. Я такъ много наслышалась о мистерѣ Чизакерѣ, и вдругъ и его теперь не увижу.

Кэтъ предложила ей сѣсть въ кабріолетъ и ѣхать за нимъ въ догонку.

— Тамъ это онъ неужто далъ тягу? проговорилъ мальчишка изъ Шэпа, и лицо его вытянулось при этомъ предположеніи. Но тутъ же, съ лукавою сообразительностью, свойственною его возрасту, онъ протянулъ руку къ дорожной сумкѣ и, убѣдившись, что она не булжжиками набита, совершенно успокоился.

— Онъ пошелъ по дорогѣ въ Шэпъ и велѣлъ вамъ, молодой человекъ, ѣхать за нимъ, сказала мистрисъ Гринау.

— Смотри не забудь ему передать отъ меня поклонъ, прикинулъ обрадованный капитанъ, и сказалъ, что я ему желаю хорошей уборки рѣпы.

Этотъ небольшой эпизодъ выручилъ капитана изъ его неловкаго положенія и далъ всему маленькому обществу матеріалъ для общаго веселаго разговора, въ которомъ всѣ сильно нуждались.

— Чудакъ этотъ Чизакеръ, сказалъ капитанъ Бельфильдъ, оставшись наединѣ съ Алисою, — но при всемъ томъ недурной человекъ. Только ужъ деньги свои слишкомъ любитъ и хвастаетъ ими на каждомъ шагѣ.

— Это, должно быть, прескучно, замѣтила Алиса.

— Ужасно скучно! Терпѣть я не могу этой манеры, ивесь Вавазоръ. По моему, ну, есть у человѣка состояніе, пускай его пользуется имъ, какъ знаетъ, да не говори же о немъ всякому встрѣчному. Вотъ про меня, небось, никто не скажетъ, чтобы я хвастался своими деньгами.

Онъ зналъ, что Алиса это знаетъ за пролетарія; но все же онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи выставить себя человѣкомъ достаточнымъ.

За часъ до обѣда, мистрисъ Гринау пригласила капитана въ гостиную и имѣла съ нимъ дѣловой разговоръ. Она задала ему порядочную головомойку за то, что онъ умолчалъ ей о авансѣ, воступившемъ на него въ шерифу.

— Пока я не узнаю всей правды о вашихъ долгахъ, я не пойду за васъ, объявила она ему.

Тогда онъ сказавъ ей все или, по крайней мѣрѣ, приблизительно все. Когда долгамъ его былъ подведенъ итогъ, выяснилось, что они составляютъ не Богъ знаетъ какую сумму. И всего-то вышло на какихъ нибудь триста—четыре-реста фунтовъ; а что значили эти деньги для такой богатой женщины, какъ мистрисъ Гринау?

— Я думаю занять этотъ домъ и поселиться здѣсь, сказала она своему нареченному.

— Какъ! поселиться въ Уэстморлендѣ? воскликнулъ капитанъ съ оттѣнкомъ испуга въ голосѣ.

— Да, въ Уэстморлендѣ. А почему бы и нѣтъ? Если вамъ не нравится Уэстморлендъ, то подумайте хорошенько, пока еще ни чѣмъ не связаны.

— На это бѣдный капитанъ принужденъ былъ отвѣтить, что ничего не имѣетъ противъ Уэстморленда.

— Я уже переговариваю объ этомъ съ моей племянницей, продолжала мистрисъ Гринау, и дѣло устроивается какъ нельзя лучше. Имѣнья принадлежатъ теперь ей и ея дядѣ, отцу моей другой племянницы, и ни одинъ изъ нихъ не намѣревается жить здѣсь.

— Только не скучно ли вамъ будетъ здѣсь, моя дорогая?

— Что жъ, въ осенніе мѣсяцы намъ можно будетъ ѣздить въ Ярмутъ. — Лицо капитана нѣсколько просвѣтлѣло. — А тамъ, если вы будете вести себя благоразумно, можно будетъ какъ нибудь зимою собраться на мѣсяцъ и въ Лондонъ, что-

бы сдѣлать, знаете ли, необходимый закупки и побывать въ театрахъ. — Тутъ лицо капитана оменчательно просіяло. — А что вы про музыку говорите, то не вѣкъ же плясать. Мы съ вами не молоденькіе, гдѣ намъ думать о веселостяхъ!

Въ отвѣтъ на это, вдовушкинъ капитанъ принялся увѣщать вдовушку, что она совсѣмъ не стара. И тутъ-то была благополучно доведена до окончанія та процедура, которой помѣшало на шэпской дорогѣ появленіе мистера Чизсавера.

— Тихе, тихе, ахъ, вы съумасшедшіи! воскликнула мистрисъ Гринау: — весь чепецъ мнѣ измяли. Что-то скажете Жанета?

— А ну ее совсѣмъ, вашу Жанету, отвѣчалъ капитанъ наверху блаженства. Руки у нея не отвалятся и другой чепецъ сдѣлать.

И затѣмъ, если не ошибаюсь, та же процедура повторилась съизнова.

Рѣшено было, что капитанъ уѣдетъ въ субботу утромъ и поселится, въ ожиданіи свадьбы, въ Пенритѣ. Брачную церемонію положено было совершить въ вавазерской приходской церкви, и Кэтъ согласилась быть единственной проводатой. Была сначала рѣчь о томъ, чтобы вмѣстѣ Чарли Ферстерсъ, но потомъ мистрисъ Гринау передумала.

— Лучше я ее приглашу послѣ, когда ты уѣдешь, сказала она. Тогда она мнѣ будетъ нужнѣе. Кстати же я выпишу и Чизсавера и жену его на ней, а то, что ему на двѣ поѣдки расходовать по пустому.

Капитану Бельфильду было позволено или, вѣрнѣе, приказано прѣзжать изъ Пенрита, пока онъ женихъ, не болѣе двухъ разъ въ недѣлю. И не берусь рѣшить, каковы были его чувства, когда мистрисъ Гринау вручила ему пяти-фунтовую ассигнацію, строго на строго наказать ему, чтобы ее достало ему на двѣ недѣли: — обуюла ли его при этомъ одна радость, или же въ немъ шевельнулось чувство похвальной неловкости?

— Капитанъ Бельфильдъ изъ Вавазерскаго замка въ Уэст-морлендѣ. Что-жъ! это звучитъ недурно, суждало юнъ съ самимъ собою, оправдываясь въ первый разъ въ Пенритѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МОРЕ.

(Статья Карла Фогта.)

II.

НЕОРГАНИЧЕСКИЙ МИРЪ.

Мы сказали, что море по праву можетъ быть названо матерью всего живущаго; но чуть ли еще не съ большимъ правомъ оно можетъ быть названо матерью всего неодушевленнаго.

Мы привыкли говорить о твердой почвѣ, о землѣ; мы смотримъ на землю, на которой мы стоимъ, на которой съ наслажденіемъ, послѣ долгаго странствованія по зыбямъ океана, отдыхаетъ закаленный морякъ, какъ на единственной надежной точкѣ опоры. Ничто не производитъ такого страшнаго впечатлѣнія на людей и на звѣрей, какъ первое колебаніе почвы, первое землетрясеніе, даже первая минуты пребыванія на кораблѣ. Мало того, въ понятіе о почвѣ мы привыкли включать понятіе о землѣ вообще; суша для насъ правило,—море лишь исключеніе. На землю мы смотримъ, какъ на цѣль, а на море только, какъ на средство. Берега являются желаннымъ убѣжищемъ, къ которому спѣшить мореплаватель; моря же—большою дорогою, ведущею на родину. Всѣ эти представленія, которыми мы невольно поддаемся, обусловливаются самымъ устройствомъ нашей организаціи, дѣлающимъ насъ животными суши; нужно известнаго рода усиліе, чтобы отрѣшиться отъ этихъ основъ, присущихъ нашей организаціи, чтобы составить себѣ о морѣ иное представленіе и вдуматься въ ту роль, которую оно играло и до сихъ поръ еще играетъ въ отношенія суши. Не легко намъ усвоить себѣ то понятіе, что море—правило, а суша—исключеніе; что море—мастерская, въ которой совершаются великіе процессы ново-

образованій, преобразованій и разрушеній, а суша служитъ лишь мѣстомъ, гдѣ выработывается, шлифуется и отдѣляется по мелочамъ то, что въ главной мастерской было отлито въ большихъ размѣрахъ.

Стоитъ намъ только взглянуть на окружающую насъ почву, чтобы убѣдиться, что, по крайней мѣрѣ, десять десятыхъ горныхъ породъ, образующихъ ее, суть продукты моря или же, по крайней мѣрѣ, были произведены при его содѣйствіи.

Могучія системы пластовъ, которыя образуютъ твердый остовъ земли, видимо, образовались въ морѣ. Окаменѣлости, находящіяся въ нихъ, положеніе ихъ и отношеніе другъ къ другу—все подтверждаетъ эту догадку. Хотя между водяными животными и растениями и встрѣчаются такіе виды, которые равно могутъ жить какъ въ прѣсныхъ, такъ и въ соленыхъ водахъ, и равно водятся какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, но все же большинство организмовъ представляетъ, въ этомъ отношеніи, два строго разграниченныхъ отдѣла, и вы съ величайшею точностью можете опредѣлять: въ соленомъ или въ прѣсномъ водномъ вмѣстительствѣ существовало то или другое животное или растение. А между тѣмъ, прѣсноводные слои занимаютъ очень и очень второстепенное мѣсто въ ряду тѣхъ группъ, которыя отличаютъ геологи; какъ въ пространственномъ отношеніи, такъ и по важности ихъ для общаго строенія земли, они соотвѣтствуютъ мѣсту, занимаемому въ настоящее время прѣсными водами на лицѣ земного шара, мѣсту столь незначительному въ сравненіи съ неизмѣримымъ протяженіемъ океана.

Если мы представимъ себѣ остовъ земли въ видѣ груды пластовъ наваленныхъ другъ на друга, на подобіе досокъ, то можно будетъ сказать, что пласты, образованные прѣсными водами, могутъ быть вынуты изъ общей массы, не причинивъ замѣтнаго пониженія или разстройства въ размѣщеніи лежащихъ надъ ними досокъ. Прѣсноводные слои большею частью лишь выполняютъ промежуточные пространства, образуемые неровностями пластовъ морской фации.

Все вышесказанное вовсе не клонится къ тому, чтобы отрицать важное значеніе прѣсноводныхъ слоевъ для насъ, живыхъ людей. Мы—животныя суши, а потому изъ всѣхъ фаций земной коры, прѣсноводныя и вообще фации суши играютъ самую важную роль въ нашей жизни и въ нашемъ хозяйствѣ. Правда, остовъ земной поверхности, на которой мы живемъ, обизанъ морю своимъ об-

разнообразіи и, нерѣдко, происшедшими въ немъ въслѣдствіи измѣненіями; но мелкія и, сравнительно съ величиною земного шара, крайне незначительныя измѣненія этой поверхности обуславливаются вліяніемъ малыхъ силъ, дѣйствующихъ на сушѣ и состоящихъ въ зависимости отъ прѣсныхъ водъ и отъ атмосферы суши. Плодородныя долины, низменности и равнины, простирающіяся у подножія горъ и получающія отъ нихъ живительную влагу, служатъ любимымъ мѣстомъ жительства человѣка; а эти мѣста, болѣею частью, обязаны своимъ происхожденіемъ прѣсной водѣ: она промывала ихъ, выполняла и покрывала своими осадками. Тамъ, гдѣ первобытное морское дно проглядываетъ во всей своей неприглядной наготѣ, въ невидимыхъ равнинахъ пустынь и на крутизнахъ высокихъ горныхъ хребтовъ, вы не встрѣтите слѣдовъ человѣка, или если и встрѣтите ихъ, то разбланными очень рѣдко на большомъ протяженіи. Земледѣліе, эта основа человѣческаго общества, ограничивается тонкимъ поверхностнымъ слоемъ, нѣбольшимъ всего нѣсколько футовъ глубины; промышленность, правда, захватываетъ нѣсколько глубже, но и то только для удовлетворенія нѣкоторыхъ, очень немногихъ потребностей. Потребности эти сводятся на топливо и металлъ.

Но и въ этомъ отношеніи промышленность обязана, по крайней мѣрѣ на половину, дѣйствию прѣсныхъ водъ и суши въ прежнія времена. Каменный уголь, этотъ первый и главнѣйшій рычагъ ея, есть продуктъ растений, нѣкогда прозябавшихъ на сушѣ.

То же самое, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, можемъ мы сказать и о важнѣйшемъ металлѣ—железѣ; въ большей части составныхъ частей своихъ, оно обязано своимъ происхожденіемъ прѣснымъ торфянымъ и иловымъ водамъ, прѣснымъ источникамъ суши, прѣсной влагой, просачивающейся съ поверхности земли.

И такъ, человѣческая жизнь состоитъ въ тѣсной зависимости отъ прѣсноводныхъ формаций и отъ вывѣтриванія пещы материка. Но эта жизнь ограничивается только поверхностью земного шара, и именно поверхностью суши; она представляетъ неизвѣримо-малую величину въ сравненіи съ исторіей и жизнью самой земли, оміоніи которой, какъ планеты, какъ небеснаго тѣла, ничуть не измѣнилась бы, если бы на ней вовсе не существовало человѣка. Возвращеніе это, конечно, наноситъ жестокій ударъ нашему самолюбію; оно плохо вяжется съ древними преданіемъ, будто земля создана

только для человѣка и будто всё животныя и растенія главнымъ образомъ существуютъ только для него; быть можетъ, также, оно дерзко отнимаетъ у земли то исключительное положеніе, которое многіе желали бы дать ей между тѣлами небесными, какъ единственной носительницѣ мыслящихъ существъ. Но что же дѣлать! фактъ неумолимъ. Человѣкъ жметъ на поверхности земли; эта поверхность или, вѣрнѣе, самая незначительная часть ея, отведена ему въ вѣчный удѣлъ, который ему, при всей его дѣятельности, ни переступить, ни замѣнить нельзя. Если бы на лунѣ жили мыслящіе организмы, преданія и лѣтописи которыхъ восходили бы за эпоху появленія человѣка на землѣ, то въ этихъ лѣтописяхъ, безъ сомнѣнія, говорилось бы о такихъ измѣненіяхъ въ очертаніи морей, острововъ и материковъ на поверхности земли, видной для обитателей луны, въ которыхъ не участвовало вліяніе человѣка; о тѣхъ же измѣненіяхъ, которыя произошли со времени появленія человѣка и были вызваны его жизнью, не было бы, конечно, и помину. Физическія измѣненія, произведенныя на поверхности земли человѣкомъ, таковы, что по нимъ лунные жители никакъ не могли бы догадаться о существованіи «царя созданія». Мало того, если бы снять весь тотъ слой поверхностныхъ образованій, на которомъ гнѣздится человѣческая жизнь, то и это измѣненіе прошло бы для нихъ незамѣченнымъ.

Но вліяніе моря простирается не на однѣ горныя породы, лежащія пластами и занимающія, въ общемъ своемъ протяженіи, около восьми десятыхъ материковъ и острововъ.

Большая часть вулкановъ поднялась со дна моря; конусы многихъ изъ нихъ окружены, на далекое протяженіе, поясомъ вулканическихъ туфовъ—другими словами, золою и обломками шлака, которые были разбросаны по морскому дну и легли тамъ слоями. Такъ, напримѣръ, обширныя плоскости Неаполя и Сициліи, которыя окружаютъ Везувій и Этну, а также потухшіе кратеры Кампаніи состоятъ изъ подобныхъ туфовыхъ слоевъ, выработавшихся въ свою настоящую форму подъ вліяніемъ моря. Слои эти, въ былыя времена, составляли морское дно и, въ доказательство своего происхожденія, содержатъ въ себѣ окаменѣлыя морскія раковины, которыя когда-то зарылись въ вулканическій илъ и песокъ. Если бы эти вулканическія фармаціи, лежавшія когда-то подъ водою, обозначить на геологической картѣ особенной краской, то мы увидѣли бы на

всѣмъ протяженіи вышеупомянутыхъ плоскостей лишь, тащъ и слять, одною конусы, которые были выброшены на поверхность въ то время, когда вода уже отхлынула съ этихъ мѣстъ; конусы эти, въ отношеніи къ окружающимъ ихъ турфовымъ равнинамъ, занимаютъ самое незначительное мѣсто.

Но и въ образованіи этихъ конусовъ море, по всѣмъ вѣроятіямъ, принимало участіе, хотя мы и не можемъ объяснить, какъ это было. Всѣ извѣстные вулканы лежатъ по сосѣдству съ морями или, по крайней мѣрѣ, съ большими бассейнами, которые въ прежнее время, по всѣмъ вѣроятіямъ, были морскими бассейнами и лишь впоследствии, черезъ позднѣйшія повышенія почвы, были разобщены съ океаномъ. Таковы: Байкальское озеро въ сѣверной Азіи, Веннеръ и Веттеръ въ Швеціи; живущіе въ этихъ озерахъ тюлени и раки прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что они когда-то находились въ непосредственномъ сообщеніи съ моремъ. Самыя изверженія вулкановъ заставляютъ предполагать участіе воды въ этомъ процессѣ, и именно морской воды. Водные пары составляютъ ту движущую силу, которая выбрасываетъ изъ кратера или изъ боковыхъ трещинъ выгарки и лаву. Примѣсь хлора въ парахъ, выходящихъ изъ соплокъ, вулкановъ, остающихся, повидимому, въ бездѣйствіи, а также въ кристаллахъ солей, образующихся на плакахъ и на лавѣ, прямо указываютъ на содержаніе соли въ водѣ, выдыхающей эти пары. Едва ли не вся дѣятельность вулкановъ,—по преимуществу же ихъ образованіе,—обусловливается доступомъ морской воды черезъ подземные каналы къ ихъ горнамъ; тутъ, повидимому, черезъ посредство воды, развиваются въ обширныхъ размѣрахъ химическіе процессы, возрастающіе до степени плавильнаго жара. Съ достовѣрностью, какъ мы уже сказали, нельзя этого доказать, но все говорить въ пользу подобнаго предположенія, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, потуханіе нѣкоторыхъ вулкановъ, какъ, напримѣръ, въ прирейнской мѣстности и въ Оверяѣ, состоитъ въ связи съ высыханіемъ бухтъ и съ повышеніемъ суши, отрѣзывающимъ ихъ отъ близости моря и лишаящимъ ихъ, такимъ образомъ, стихій, необходимой для произведенія изверженій и химическихъ процессовъ въ большихъ размѣрахъ.

Если море участвовало въ образованіи вулканическихъ фарицій, которыя обыкновенно приводятъ въ прямую противоположность съ наслоенными горными породами, то оно же равнымъ образомъ было

виновникомъ образованія этихъ названныхъ вулканическихъ или метаморфическихъ породъ. Эти породы, къ которымъ принадлежатъ: гранитъ, гнейсъ, глинистъ, серпентинъ, порфиръ и т. д., стали въ настоящее время такими же камнями противенія для эмалитской и идиералогической геологикъ, какъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтїя, были вулканическія породы; подобно тому, какъ прежде ученые никакъ не могли согласиться на счетъ базальта, такъ теперь идетъ ожесточенная полемика изъ-за гранита; воззрѣнія колеблются и побѣда склоняется то на ту, то на другую сторону.

Но малая бы сторона не одержала верхъ, участіе моря остается неопровержимымъ фактомъ. Если эти породы были выдвинуты изъ нѣдръ земли и прибыли къ верху, приподнявъ, проломивъ и разорвавъ лежащіе надъ ними пласты, то двигающую силу при этомъ процессѣ, такъ же какъ и образованія вулкановъ, могла быть только вода; а если принять въ соображеніе величину и значительное протяженіе этихъ глыбъ, то станетъ очевидно, что тутъ необходимо было содѣйствіе моря. Конечно, для того, чтобы иррадировать себя такой напоръ водяныхъ паровъ, какой былъ нуженъ для медленнаго приподнятія гранитныхъ скалъ, продолжавшагося, безъ сомнѣнія дѣлами тысячелѣтїя, требуется не малое усиліе научнаго воображенія, которое, по справедливому замѣчанію Бишова, не можетъ довольствоваться наукой, а дѣйствительностью и недавно некогда не могла удовольствоваться; но если бы даже подобное предположеніе о происхожденіи гранитныхъ скалъ было справедливо, то и тогда, какъ мы сейчасъ доказали, виновникомъ этихъ образованій могло бы быть только море. И если, какъ утверждаютъ самые пламенные приверженцы огненной теорїи, нѣкоторые изъ этихъ горныхъ породъ были вприсынуты въ пустые промежутки и щели лежащихъ надъ ними пластовъ, то и тутъ дѣло не обошлось безъ содѣйствія моря, которое своими напряженными водяными парами дѣйствовало на подобіе поршня. Если же это воззрѣніе несправедливо, если граниты и родственныя ему горныя породы окажутся не произведеніями огненнаго потока, а медленными продуктами постоянныхъ измѣненій другихъ породъ, первоначально лежащихъ слоями, какъ то: известняковъ, сланца и песчаника, первоначально осаждавшихся въ водѣ, то и тутъ море окажется матерью, а кристаллизующая вода, пропитанная посторонними веществами, просочившаяся впоследствии, является лишь воспитательницей, малгающей

этому превращенію моря влѣдмо окончательнаго высшаго образованія. Мало того, весьма вѣроятно, что, въ большинствѣ случаевъ, и окончательная обработка, и усовершенствованіе были дѣломъ моря. Существуютъ предположеніе, что большая часть метаморфозъ и кристаллическихъ преобразованій въ первобытныхъ породахъ происходитъ въ глубинѣ, подъ морскимъ дномъ, куда, слѣдовательно, имѣла доступъ и могла просачиваться только морская вода, — и предположеніе это не лишено основанія.

И такъ, мы видимъ, что море участвовало въ образованіи материка и его столь разнообразныхъ горныхъ породъ; что ни одна изъ отдѣльныхъ частей земнаго скелета не ускользнула отъ вліянія моря; что суша, въ сущности, есть продуктъ моря и что вліяніе вѣсныхъ водъ и атмосферы можетъ быть развѣ уподоблено дѣятельности скульптора, рѣзецъ котораго придаетъ только окончательную отдѣлку совсѣмъ уже отлитой статуѣ.

Если же море имѣетъ такое сильное вліяніе на образованіе и дальнѣйшее развитіе нашей планеты, то оно, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ, чтобы мы поближе познакомились съ его творческою дѣятельностью и прослѣдили ее въ отдѣльныхъ ея проявленіяхъ. То, что оно творило сперва, оно не перестаетъ творить и теперь; тѣ же силы дѣйствуютъ въ этой массѣ соленой воды и въ наши дни, которыя дѣйствовали въ ней тысячи и миллионы лѣтъ тому назадъ, и тѣ же законы управляютъ ею теперь, которыми она управлялась съ незапамятныхъ временъ. Но, какъ мы увидимъ, не въ одномъ неорганическомъ элементѣ должны мы искать источника этой живущей силы: во многихъ случаяхъ, она проявляется и въ органическомъ элементѣ; какъ тотъ, такъ и другой должны были идти рука объ руку, чтобы произвести тѣ образованія, которыя мы теперь видимъ передъ глазами.

Рядомъ съ каждаго созданіемъ идетъ непремѣнно и разрушеніе; въ сущности оба процесса тождественны; они суть не болѣе, какъ переищеніе, принятіе формою иного отпечатка. Дѣйствительнаго разрушенія матеріи въ системѣ міра не существуетъ, такъ же какъ и дѣйствительнаго созданія; существуютъ только измѣненія въ формѣ и во вѣщныхъ проявленіяхъ. То же вещество, которое здѣсь, по видимому, разрушается, употребляется въ другомъ мѣстѣ на созиданіе. — И такъ, разрушающая дѣятельность моря идетъ рука объ руку съ созиданіемъ; если же мы отдѣляемъ одну отъ другой, то

дѣлаемъ это ради большей ясности, а вовсе не потому, чтобы эти два рода дѣятельности были различны по существу своему.

Все громадное отличается однообразіемъ; разнообразіе встрѣчается только въ маломъ. Воздухъ каждой комнаты, каждаго замкнутаго пространства имѣетъ свои особенности состава; воздушное же море, пась окружающее, представляетъ на всѣхъ высотахъ и во всѣхъ глубинахъ одинаковое содержаніе кислорода и азота. То же самое замѣчаемъ мы и въ водныхъ вмѣстлщахъ; каждый источникъ имѣетъ свои, ему одному свойственныя особенности состава; что ни прудъ, то другая вода, какъ по веществамъ, заключающимся въ ней, такъ и по пропорціи, въ которой они находятся. Воды суши представляютъ всевозможныя градаціи, отъ химически-чистой воды до вполне насыщеннаго солянаго раствора. Но море въ своей совокупности, необъятный океанъ, обтекающій землю, имѣетъ подъ всѣми широтами и на какой угодно глубинѣ одинъ и тотъ же составъ. Только въ заливахъ, въ береговыхъ полосахъ находящихся, въ непосредственной близости съ материкомъ, въ устьяхъ рѣкъ и въ озерахъ, неимѣющихъ другаго сообщенія съ океаномъ кромя узкихъ проливовъ, встрѣчаемъ мы нѣкоторую разницу въ пропорціи растворенныхъ веществъ; но самыя вещества и тутъ остаются одни и тѣ же. (Впрочемъ эти пространства представляютъ незначительно-малую величину въ сравненіи съ громаднымъ протяженіемъ океана.) Такъ какъ океанъ собираетъ въ себя всѣ воды, протекающія по поверхности земнаго шара, то онъ и долженъ естественнымъ образомъ содержать въ растворѣ всѣ вещества, которые вообще растворимы въ водѣ. По мѣрѣ того, какъ совершенствуются методы химическаго изслѣдованія, растетъ и число элементовъ, находимыхъ посредствомъ анализа въ морской водѣ. Кажущееся исключеніе составляютъ лишь тѣ элементы, которые встрѣчаются въ безконечно-малыхъ пропорціяхъ; но тутъ аналитическій методъ, исходя изъ принципа неразрушаемости и несоздаваемости, другими словами, изъ принципа вѣчности матеріи, ищетъ этихъ веществъ не въ самой водѣ, а въ органическихъ фильтрахъ, которые выдѣляютъ изъ воды и вбираютъ въ себя эти вещества. Если бы методы анализа были доведены до крайней степени совершенства, тогда, конечно, каждая пластинка мѣди, падающая въ море, при обшивкѣ судна на берегу Англій должна была бы по истеченіи нѣкотораго времени показывать при анализѣ свою реакцію у береговъ

Америки; точно также разсуждая теоретически, камень брошенный въ воду съ утеса Гельголанда, долженъ произвести рябь у береговъ Австрали. Но этому несовершенству методовъ, тамъ, гдѣ они живутъ дѣло съ безконечно-малыми величинами, поспѣваетъ на выручку органической мѣры. Большая часть водорослей прикрѣпляются въ скалахъ только посредствомъ едва примѣтныхъ корней, или же просто свободно плаваютъ по водѣ; моллюски, полипы и скорлупные животныя равно ничего не воспринимаютъ изъ почвы. И такъ, вещества содержащіяся въ организмѣ этихъ животныхъ и растений, могли проникнуть въ него только изъ воды; элементы, находящыеся въ ихъ остаткахъ, должны были быть впитаны изъ воды; всѣ составныя части этихъ организмовъ суть не болѣе, какъ осадокъ морской воды, обособленный отъ нея черезъ посредство органической дѣятельности. — Какъ видитъ читатель, эти выводы основаны исключительно на принципѣ неразрушаемости и несоздаваемости матеріи. Еще въ очень недавнемъ прошедшемъ не задумались бы, можетъ быть, утверждать, что, шѣдь и мышьякъ, попадающіеся въ золѣ одного морского растенія, создаются черезъ посредство органической дѣятельности въ самомъ тѣлѣ растенія; но въ наши дни послѣднему аптекарскому ученику не придется въ голову утверждать подобную нелѣпость; мальчишка, самъ того не зная, безъ малѣйшаго злого умысла, пойдетъ въ разрѣзъ со всѣми основами устарѣлаго міросозерцанія и скажетъ вамъ, что такъ какъ мѣдь содержится въ золѣ морского растенія, то слѣдовательно она должна была, заключаться въ морской водѣ. Тотъ въ точь такъ разсудилъ Берцеліусъ, когда сказалъ: въ карлсбаденскомъ источникѣ находится плавикъ, слѣдовательно въ карлсбаденской водѣ должна находиться плавиковая кислота. И точно, онъ нашелъ ее тамъ. Такъ-то и нашъ аптекарскій ученикъ отыщетъ мѣдь въ морской водѣ, если только онъ возьметъ на себя трудъ выпарить нѣсколько бочекъ этой воды, чтобы потомъ, въ оставшіеся осадкѣ, отыскать содержащееся въ немъ ничтожное количество этого металла.

Съ помощью этого-то метода, принимая въ соображеніе осадки органическихъ фильтровъ, золу морскихъ растений и животныхъ, удалось довести число элементовъ, уже открытыхъ въ морской водѣ, до тридцати, и не подлежащихъ никакому сомнѣнію, что при помощи спектральнаго анализа къ этому числу можно будетъ прибавить еще двѣнадцать или около того; а можетъ быть, удастся отыскать

и всѣ недостающіе элементы, которыхъ до сихъ поръ въ морской водѣ и въ золахъ морскихъ организмовъ не описывалось. Но слѣды большей части веществъ будутъ встрѣчаться въ неименно-малыхъ количествахъ, и море, на это всѣмъ новымъ открытіямъ, должно будетъ вообще быть разсматриваемо, какъ соленая вода, содержащая среднимъ числомъ $35\frac{1}{2}$ тысячныхъ соли въ растворѣ; количество это далеко не равняется тому, которое можетъ растворять вода, такъ что для образованія кристалловъ или осадковъ нужно, чтобы произошло сильное испареніе. Въ этой соленой массѣ главную роль играетъ обыкновенная кухонная соль или хлористый натръ, составляющій около 75 процентовъ всего соленого содержанія воды. Затѣмъ слѣдуетъ легко-растворимая, привлекающая къ себѣ влагу солено-кислая хлористая магнезія, составляющая около десяти процентовъ всей массы солей; третье мѣсто принадлежитъ солено-кислему калию (хлористому калию), который составляетъ четыре процента. Такимъ образомъ, на долю солено-кислыхъ, вообще легко-растворимыхъ солей приходится около девяноста процентовъ всего соленого содержанія воды; остальные же девять процентовъ принадлежатъ преимущественно гипсовъ и глауберовой соли (сѣрно-кислой известью и сѣрно-кислой магнезіей).

Спрашивается теперь, откуда взялось это соленое содержаніе и какъ оно сохраняется?

И на этотъ вопросъ мы можемъ только отвѣтить, руководствуясь принципомъ предполагаемой вѣчности матеріи. Куда ни взглянуть, наука, всюду ей приходится имѣть дѣло съ этимъ принципомъ.

Всѣ вещества, находящіяся растворенными въ рѣчной водѣ и стекающіяся, вмѣстѣ съ рѣками, въ море, должны находиться въ послѣднемъ. Море же отдаетъ только частые водные пары, исчезающія въ атмосферѣ въ формѣ тучъ и непримѣтнаго для глаза тумана. Оно испаряется постоянно и постоянно получаетъ новыя вещества черезъ рѣки, вода которыхъ вообще прѣснаго вкуса, — другими словами, менѣе насыщена солями, чѣмъ морская вода. — И такъ, море постоянно получаетъ новыя соли, не отдавая съ своей стороны ничего.

Уровень моря, на сколько онъ доступенъ нашимъ наблюденіямъ, постоянно остается одинъ и тотъ же. Измѣненія, замѣчаемыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, обуславливаются повышеніями и пониженіями дна, а отнюдь не общими измѣненіями въ высотѣ морской по-

верхности. Такъ какъ поверхность эта постоянно остается на одной уровнѣ, то, естественно, масса воды должна оставаться одна и та же и количество испаряющейся влаги должно уравниваться количествомъ воды, прибывающей въ рѣку.

Такъ какъ испаряется одна только вода, химически-чистый водяной паръ, черезъ рѣку же прибываетъ, хотя и слабый, но все-таки соленый растворъ, то количество соли въ морской водѣ должно постоянно увеличиваться, хотя рѣчная вода и меньше содержитъ солей, чѣмъ море.

Противъ этого силлогизма ничего нельзя возразить. Море, неизбѣжно, должно становиться все богаче и богаче солями. Но такъ какъ количество веществъ, доставляемыхъ морю сушею, неизмѣримо мало въ сравненіи съ общою массою солей, растворенныхъ въ необъятномъ океанѣ, то увеличеніе соленого содержанія должно происходить съ крайнею медленностью, такъ что только по истеченіи долгихъ періодовъ времени она можетъ дать о себѣ знать известными результатами. Это тѣмъ болѣе должно быть такъ, что тѣ соли, которыя содержатся въ рѣчной водѣ въ наибольшихъ количествахъ, въ морской играютъ второстепенную роль; такъ что для увеличенія соленого содержанія морской воды требуется еще большая масса притоковъ, чѣмъ сколько можно было предполагать, судя по количеству веществъ, растворенныхъ въ рѣчной водѣ.

Я сейчасъ поясню это примѣромъ.

Если изъ анализовъ двадцати рѣкъ, результаты которыхъ сообщать Бишофъ въ своей превосходной химической геологій (виды Рейна, Дуная, Эльбы, Мааса, Роны, Гаронны, Луары и Темзы были въ различныхъ времена и въ разныхъ пунктахъ подвергнуты подобнымъ анализамъ), сдѣлать средній выводъ, то окажется, что ето тысячныхъ рѣчной воды содержатъ въ себѣ въ растворѣ только 19 частей твердыхъ веществъ; что, слѣдовательно рѣчная вода должна испариться до одной двухсотой доли своего первоначального объема, чтобы достигнуть степени насыщенія морской воды, которая на тысячу частей воды содержитъ 35 $\frac{1}{2}$ частей твердыхъ веществъ.

Но надо еще принять въ соображеніе, что изъ этихъ 19-ти стотысячныхъ частей твердыхъ веществъ, которыя рѣчная вода содержитъ въ растворѣ, 10 $\frac{1}{2}$ стотысячныхъ приходится на долю углекислой извести, мѣла, мрамора — назовите это вещество какъ хотите, — т. е. такого вещества, которое въ морской водѣ находится

только въ крайне незначительномъ количествѣ, но тѣмъ простѣе причинѣ, что оно тотчасъ же поглощается безчисленными скорлупчанинами, полипами, раками и т. п., которые употребляютъ его на образованіе своихъ панцирей, раковинъ и коралловъ. За то на сто тысячъ долей рѣчной воды приходится не полныхъ полторы доли поваренной соли; а если еще принять въ соображеніе, что въ числѣ рѣкъ, на анализѣ которыхъ основанъ этотъ средній выводъ, находятся и такія, которыя при устьяхъ своихъ отлагаютъ отложения скатомъ и сильнымъ папоротъ волпъ, каковы, напримѣръ, Маасъ и Темза, и которыя слѣдовательно даютъ для анализа болѣе смѣшанную воду,—то окажется, что и эта пропорція соли слишкомъ велика и придется принять за норму для рѣчныхъ водъ много-много одну стотысячную долю поваренной соли. Морская же вода, на сто тысячъ частей воды содержитъ 7,500 частей поваренной соли; слѣдовательно, для того, чтобы соленое содержаніе рѣчной воды сравнялось съ морской водою, понадобилось бы испарить послѣднюю въ соответствующихъ размѣрахъ. Другими словами: 7500 оксоатовъ рѣчной воды могутъ отдать атмосферѣ 7499 оксоатовъ воды въ видѣ паровъ, и тогда оставшійся одинъ оксоатъ будетъ содержать столько же поваренной соли, какъ и морская вода.

И такъ, отношеніе составныхъ частей въ морской водѣ подвергается черезъ выпариваніе и накопленіе существеннымъ измѣненіямъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество твердыхъ веществъ, заключающихся въ ней. Одновременно съ накопленіемъ въ морѣ этихъ твердыхъ веществъ, часть ихъ осѣдаетъ на дно и тамъ служитъ для новыхъ образованій.

Здѣсь мы должны замѣтить, что за исключеніемъ гипса и кремнезема, ни одна изъ солей, содержащихся въ растворѣ въ морской водѣ, не могла бы осадиться черезъ выпариваніе и концентрированіе жидкости, если бы на помощь къ этимъ процессамъ не являлась органическая дѣятельность живущихъ въ морѣ животныхъ и растений. Мало того, самый кремнеземъ остался бы въ растворѣ, если бы органическія тѣла не оказывали на него какого-то особеннаго притягательнаго дѣйствія. Химія не дала еще намъ ключа къ разъясненію этого явленія, но геологія ознакомила насъ съ самымъ явленіемъ. Губки, панцирные кремневые растеньица, которыя прежде причислялись къ инфузоріямъ, притягиваютъ къ себѣ растворенный въ морской водѣ кремнеземъ, употребляютъ его на образованіе

своихъ панцрей, наполняютъ имъ промежутки и впадины скорлупокъ—преимущественно же тѣ пространства, которыя была наполнены животной субстанціей,—и образуютъ, такимъ образомъ, тѣ кремневыя затвердѣлости, которыя такъ часто попадаются въ мѣловыхъ и другихъ горныхъ породахъ, очевидно образовавшихся на днѣ морскомъ.

Органическія гниющія вещества, преимущественно же растенія, разлагаютъ, процессомъ своего гніенія, сѣрнокислыя соли, соединяютъ сѣру съ желѣзомъ и съ другими металлами и образуютъ, такимъ образомъ, тѣ склады желѣзняка, сѣрнистаго серебра, сѣрнистой мѣди, которые въ иныхъ пластахъ попадаютъ въ такихъ значительныхъ массахъ, что обращаютъ на себя вниманіе горныхъ промышленниковъ.

Но всего поразительнѣе оказывается вліяніе животныхъ на углекислую известь, которая приносится вливающимися въ море водами и до того исключительно присвоивается животными, что въ морской водѣ отъ нея остаются едва замѣтные слѣды. Бишофъ сообщаетъ по этому поводу наблюденія надъ дѣятельностью устрицъ, которыя можно бы считать за басню, если бы намъ не были извѣстны малѣйшія подробности строенія тѣла этихъ моллюсковъ. Онъ нашелъ, что устрица, для того, чтобы извлечь изъ воды необходимое для сооруженія ея раковины количество извести, должна прогнать черезъ себя отъ 5 до 6 кубическихъ футовъ морской воды (что составляетъ отъ 345 до 587 фунтовъ, т. е. вѣсъ, превышающій въ 30—50,000 разъ вѣсъ ихъ тѣла.) Если бы человѣкъ хотѣлъ пропускать черезъ себя такое же количество воды соотвѣтственно съ вѣсомъ его тѣла, то онъ долженъ былъ бы работать съ быстротою мельничнаго колеса. Передъ такимъ поглощеніемъ жидкости мюнгаузенскій подвигъ при дворѣ Екатерины Валиной ровно ничего не значить. Но не надо упускать изъ виду, что у устрицы обѣ поверхности четырехъ жабрныхъ лепестковъ, а также поверхности лоскутковъ, служащихъ ей вмѣсто губъ, и ея покрова устьяны микроскопическими рѣсничками, которыя находятся въ непрестанномъ движеніи и во все продолженіе жизни животнаго, т. е. иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, поддерживаютъ непрерывный и чрезвычайно сильный токъ воды, прогоняя ея черезъ всѣ промежутки тканей животнаго. Всѣ скорлупнави, мягкотѣлыя и лучистыя животныя, строящія кораллы, снабжены подобными же рѣсничными аппаратами; животныя эти

представляютъ мельничныя колеса такого совершеннаго устройства, о какомъ и во снѣ не снилось нашимъ механикамъ. Какъ скоро мы применимъ въ соображеніе это обстоятельство, то чудо перестаетъ быть чудомъ и входитъ въ рядъ естественныхъ и даже необходимыхъ явленій.

Эти процессы и подобные имъ, происходящіе на днѣ моря, служатъ блистательнымъ и разительнымъ подтвержденіемъ старой аксіомы, выведенной еще Линнеемъ изъ разсмотрѣнія богатыхъ окаменѣлостями известковыхъ слоевъ земной коры: «*Omnia salis ex vivo*», т. е. всякая известь происходитъ отъ живыхъ организмовъ. Только здѣсь принципъ этотъ находитъ свое примѣненіе даже въ самаѣйшихъ подробностяхъ, и мы, такимъ образомъ, приходимъ въ убѣжденію, что, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ совершеннаго высыханія вымнутыхъ морскихъ бассейновъ, ни одна частичка извести не могла бы отложиться въ морѣ, если бы органическая дѣятельность живущихъ въ морѣ животныхъ и растений не являлась на помощь этому отложенію.

Примѣры совершеннаго высыханія бывали, конечно, и въ прежнія времена; они попадаютъ и теперь. Осадки каменной соли въ различныхъ слояхъ раковиннаго известняка и другихъ горныхъ породъ древнѣйшаго происхожденія суть ничто иное, какъ высохшіе морскіе бассейны, отрѣзанные отъ всякаго сообщенія лагуны, на днѣ которыхъ легла соль, когда-то заключавшаяся въ растворенномъ видѣ въ морской водѣ; облегающіе ее здѣсь слои непроницаемой глины предохраняютъ ее отъ выщелачиванія. Сахара съ своею болотною почвою, для выщелачиванія которой французскіи артезіанскіи молодцамъ нужны цѣлыя годы, есть ничто иное, какъ плескій высохшій морской бассейнъ, какъ то недавно было доказано изслѣдованіями Дезора, Эшера и Мартина. — Какъ значительна можетъ быть масса соли, отлагающаяся на дно при подобномъ высыханіи, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Истокъ Харизахи находится километрахъ въ сорока отъ Эльтонскаго озера, величайшаго соленаго озера Арменіи; рѣка эта беретъ свое начало въ горахъ, питающихъ ее своими глетчерами, снѣгами и дождями, и течетъ до Эльтонскаго озера по чисто соленому грунту, и на этомъ-то обратномъ пути воды она вбираютъ въ себя до пяти процентовъ соли, такъ что, по исчисленіямъ Геделя, количество соли, ежегодно приносимое ими вышеупомянутому озеру, равняется 48,000 милліоновъ фунтовъ. От-

вонзаете Иорданъ отъ его теченія — и палищее солнце Иудей быстро выпаритъ Мертвое озеро и превратитъ его въ громадную солонку; между тѣмъ, какъ теперь оно представляетъ щелочный растворъ; противъ окончательнаго испариванія котораго еле-еле подъ силу бороться тощему Иордану съ его скуднымъ количествомъ желтой и мутной воды. Въ настоящее время, на зло провлятію, издревле лежащему на этомъ озерѣ, англійская промышленность предполагаетъ воспользоваться имъ для добыванія брома и іода, — а то, чего добраго, на берегу его устроить купальни, которыя составятъ вдвойнѣ опасную конкуренцію для Крейцпахскихъ щелочныхъ водъ. Натровыя и соленыя озера Египта, Арменіи и другихъ странъ суть ничто иное, какъ остатки подобныхъ прежнихъ морскихъ бассейновъ, которые, черезъ повышенія почвы, были отрѣзаны отъ сообщенія съ океаномъ и теперь постоянно высыхаютъ, оставляя на глинистомъ днѣ содержащуюся въ нихъ соль. Если подобныя образованія не часто встрѣчаются на поверхности земли, то причина этого лежитъ лишь въ томъ обстоятельстве, что въ другихъ мѣстахъ соль рождалась во влагѣ, осѣдающей изъ атмосферы, и уходила въ глубь вмѣстѣ съ водою, просачивавшеюся во внутренность земли.

Изъ всего этого можно видѣть, что химическая творческая дѣятельность моря крайне незначительна и что она почти равнялась бы нулю, если бы ей не помогала органическая жизнь. И потому Бишопъ правъ, когда онъ говоритъ: — подобно тому, какъ Архимедъ воскликнулъ: «дайте мнѣ точку опоры внѣ земли и я вамъ сдвину ее съ мѣста», такъ и мы можемъ сказать: «дайте намъ одно панцирное животное и мы, съ помощью его, въ короткое время выдѣлимъ всю углекислую известь и весь кремнеземъ изъ океана.

И точно, вспомнимъ, что все огромное пространство между Сѣверной Америкой и Ирландіей, телеграфическая плоскость, о которой было говорено выше, услана, на глубинѣ отъ 8 до 10 тысячъ футовъ, толстымъ слоемъ известковаго ила, ниѣющаго футовъ 30 и болѣе въ толщину; слой этотъ состоитъ исключительно изъ живыхъ и мертвыхъ скорлупняковъ, тѣхъ самыхъ корненожекъ, о которыхъ было говорено выше. Вспомнимъ, что вся известь, которую накопили здѣсь эти животныя и количество которой равняется милліонамъ центнеровъ, должнаствовала быть привлечена и удержана живенною дѣятельностью этихъ крошечныхъ организмовъ изъ такой жидкости, въ которой количество соли крайне незначительно. Вспом-

нимъ, наконецъ, что эта известъ была принесена морскими течениями издалека, быть можетъ, изъ Мексиканскаго залива, и что она, можетъ стать, произошла изъ коралловъ и коралловаго песка, слѣдовательно изъ жилищъ такихъ же маленькихъ полиповъ, тихо и таинственно дѣлающихъ про себя свое дѣло. Если вы примете все это въ соображеніе, то васъ почти охватитъ какой-то благоговѣйный ужасъ передъ этою дѣятельностью самонаибольшихъ величій природы, дѣятельностью, созидающею столь бесконечно-великое и неограничивающееся только одной поверхностью, но играющею столь же важную роль въ образованіи твердаго земнаго остава, какъ и необузданныя силы, лежація въ основѣ физическихъ и химическихъ процессовъ.

По моему мнѣнію, одной изъ величайшихъ побѣдъ, одержанныхъ наукою, было бы то, если бы она могла доказать, что органическая жизнь, преимущественно органическая жизнь моря, — не простое украшеніе земли, не придатокъ, созданный Творцомъ по собственной волѣ и для позднѣйшаго удовольствія его послѣдняго созданія, но что она есть необходимый факторъ въ исторіи и въ образованіи земли и равноправна съ химическими и физическими силами и ихъ примѣненіемъ. При господствѣ прежняго міросозерцанія, можно было только сказать: безъ земли нѣтъ органической жизни; совсѣмъ иное дѣло, если можно будетъ сказать: для органической жизни нѣтъ земли!

Но если, въ дѣлѣ новообразованія и созиданія, море не можетъ обойтись безъ органической жизни (единственное исключеніе составляютъ тѣ таинственные процессы въ морской глубинѣ, о которыхъ мы не можемъ говорить съ большою опредѣленностью, такъ какъ они еще слишкомъ мало извѣстны), если химическія силы, дремлющія въ морской водѣ не участвуютъ въ этихъ процессахъ, то совсѣмъ иное видимъ мы тамъ, гдѣ дѣло идетъ о новообразованіи изъ веществъ не растворенныхъ въ водѣ, но механически-взвѣшенныхъ и плавающихъ въ ней: тутъ органическая жизнь сходитъ со сцены и на первый планъ выступаетъ чисто физическая сила.

Едва ли можно найти воду, въ которой не было бы плавающихъ частицъ; въ послѣднее время пытались даже объяснить присутствіемъ этихъ частицъ необыкновенный голубой цвѣтъ водъ въ нѣкоторыхъ рѣкахъ, которыя, какъ, напримѣръ Рона, или Аара, непосредственно вытекаютъ изъ очищающихъ водоемовъ озеръ, тогда какъ до сихъ

порѣ, именно эти-то потоки привыкли считать за возможно-свободные отъ механическихъ примѣсей. Если бы выше сказанное предположеніе было справедливо, то оно служило бы только подтвержденіемъ той истины, что нѣтъ воды безъ взвѣшенныхъ въ ней плавающихъ частицъ, подобно тому, какъ нѣтъ воды, которая не содержала бы въ себѣ химически-растворенныхъ частицъ. Даже въ самой серединѣ океана или озера должны плавать въ водѣ механически-взвѣшенные частицы; даже въ чистѣйшемъ источникѣ должны находиться химически-растворенныя вещества. Не одни рѣки приносятъ морю плавающія частицы: оно и само отрываетъ ихъ отъ стомя береговъ, быть можетъ, даже вымываетъ изъ своего дна.

Закинутый лодъ показываетъ, что вокругъ каждаго материка, каждаго острова образуется довольно широкая полоса, наполненная свободное-плавающимъ матеріаломъ. Полосу эту даже на поверхности можно узнать по особому цвѣту воды. Нужно отплыть на нѣсколько дней пути отъ береговъ Европы, чтобы добраться до голубой воды, которую собственно и считаютъ своею стихіею истый морякъ, всегда взирающій съ нѣкоторымъ презрѣніемъ на прибрежнаго плователя, который не видалъ другой воды, кромѣ зеленой. Быть можетъ, не безполезно было бы къ существующимъ уже физическимъ атласамъ, оказывающимъ намъ столь важныя и разнообразныя услуги, присоединить карту съ обозначеніемъ предѣловъ голубой воды, хотя конечно, предѣлы эти не могли бы быть обозначены съ абсолютною точностью. Подобнаго рода карта показала бы замѣчательное соотношеніе вышеупомянутой береговой полосы къ материкамъ, какъ въ отношеніи свойства береговъ и распредѣленія большихъ материковъ рѣкъ, приносящихъ морю значительное количество мусора, такъ и къ отношенію къ пучинамъ, глубина которыхъ, безъ сомнѣнія, вездѣ сравнима съ разстояніемъ отъ суши. Есть острова, поднимающіеся, на подобіе башенъ, прямо изъ бездонной пучины океана; какъ настоящіе бастионы, стоятъ они почти отвѣсными стѣнами, и только вершины ихъ выглядываютъ надъ поверхностью воды; таковъ вулканическій островъ Св. Елены. Если вокругъ подобныхъ острововъ и существуетъ прибрежная полоса, то она только находится на такой страшной глубинѣ, что ни цвѣтомъ не можетъ давать о себѣ знать, ни лодъ намъ о ней ничего не расскажетъ. Другіе же острова, полуострова, материка возвышаются со дна моря съ крайнею постепенностью и напоминаютъ свою формою отлогую покатошь

щита, такъ что почти невозможно опредѣлить, гдѣ кончаются соленыя волны и гдѣ начинается суша. Извѣстно, что достаточно было бы повышеніе въ нѣсколько футовъ, чтобы соединить Англію съ Франціей и уничтожить каналъ, который въ настоящее время разлучаетъ двѣ страны, два народа и два міросозерцанія. Почти такого же незначительнаго повышенія было бы достаточно, чтобы осушить Балтійское и Нѣмецкое моря, Зундъ и оба Бельта и соединить Данію съ одной стороны съ Швеціей, Норвегіей, Финляндіей, Прибалтійскими провинціями и Помераніей, съ другой стороны съ Фрисландією, Голландією и Англією. И такъ, все это огромное пространство есть не болѣе, какъ рядъ отмелей, все ниже и ниже спускающихся подъ уровень воды, усѣянныхъ всевозможными обломками и перекрытыхъ иломъ и пескомъ, который и по наше время продолжаетъ прибывать во всѣхъ углахъ и поворотахъ, открытыхъ западнымъ и юго-западнымъ вѣтрамъ, дующимъ съ наибольшимъ постоянствомъ. Другой фактъ, столь же извѣстный и опирающийся на столь же важныхъ геологическихъ данныхъ, это то, что въ недавнемъ еще времени не существовало связи между Финляндією и Европейскою Россією, но что, напротивъ, отъ самаго Бѣлаго моря всю Финляндію огибалъ рукавъ Ледовитаго океана, начинавшійся подъ Архангельскомъ и кончавшійся у Финскаго залива, тамъ гдѣ теперь Кронштадтъ. Балтійское море было въ то время залитомъ Ледовитаго океана. Бельты и Зундъ были отдѣлены отъ Нѣмецкаго моря землею; Данія была соединена съ Швеціей, Англією и Францією, такъ что животныя суши, населявшія Скандинавію и Англію, могли пройти, не замечивъ подошвы своихъ ногъ, съ материка на теперешніе острова.

Подобно тому, какъ количество соли, содержащейся въ морской водѣ, постоянно, хотя и незамѣтнымъ образомъ прибываетъ черезъ притокъ прѣсной воды, такъ и уровень моря долженъ постоянно повышаться, хотя размѣры испаренія съ поверхности и количество воды въ самомъ бассейнѣ остаются неизмѣнными; потому-то заново прибывающія, взвѣшенные въ водѣ частицы осаждаются на днѣ и бассейнъ моря постоянно, хотя незамѣтно, уменьшается. Вызываемое этими причинами повышеніе дна можетъ достигать у береговъ, въ заливахъ, въ дельтахъ и въ открытыхъ устьяхъ рѣкъ весьма значительныхъ размѣровъ; перемены, обуславливаемые ими, могутъ имѣть большое значеніе для очертанія береговъ, для морскихъ ду-

тѣй, каналовъ, гаваней и нѣсть якорныхъ стоянокъ. Но эти предметы, какъ и все, касающееся суши и человѣка, не могутъ имѣть большого значенія для великаго, цѣлаго океана. По исчисленію Гумбольдта, среднее возвышеніе всѣхъ материковъ надъ уровнемъ моря составляетъ 315 футовъ; отношеніе суши къ морю равняется отношенію 1 къ 3. Изъ этого можно вычислить, что уровень морской поверхности поднялся бы на 100 футовъ, если бы вся суша была смыта и брошена въ море; вышло бы даже и того менѣе, потому что, при подобномъ снесеніи материка, море, конечно, наводнило бы всю занимаемую имъ поверхность. Но этотъ процессъ шлифовки материка черезъ разрушеніе и вывѣтриваніе идетъ съ чрезвычайною медленностью, и нужны тысячи лѣтъ и столѣтій, чтобы наполнить хотя сколько нибудь значительный заливъ или дельту, что уже можно приблизительно рассчитать, если принять въ соображеніе количество веществъ, приносимыхъ рѣкою, площадь залива, подлежащаго наполненію, и его глубину. Въ результатѣ подобныхъ вычисленій окажется баснословное число столѣтій, потребныхъ для этой громадной работы; изъ этого, съ другой стороны, мы можемъ видѣть, какъ давно продолжается работа, благодаря которой произошла существующія уже теперь повышенія морского дна. Въ дельтѣ Нила находили осколки глиняной посуды на такой глубинѣ, что если принять за норму количество образующихся въ нихъ иловыхъ осадковъ въ настоящее время, то древность упомянутаго слоя восходитъ до 67,000 лѣтъ; не мудро, что даже тѣ наносные слои, которые принадлежатъ настоящей геологической эпохѣ, имѣютъ нѣсколько сотъ тысячелѣтій давности.

Теперь представляется вопросъ: какииъ путемъ осѣдали въ морѣ и распредѣлялись въ немъ эти наносы? Бишофъ отвѣчаетъ на это: «черезъ частичное разрушеніе континентовъ и острововъ и черезъ унесеніе оторванныхъ отъ нихъ частицъ въ море, возвышается уровень послѣдняго. Если въ извѣстный періодъ времени съ суши смывается пластъ въ одинъ дюймъ вышины, и если смытый матеріалъ распредѣляется на поверхности морского дна втрое большей, тогда образуется осадокъ въ $\frac{1}{3}$ дюйма вышины. Но въ сущности это не бываетъ такъ, потому что механическіе осадки могутъ образоваться только тамъ, гдѣ нѣтъ подводныхъ теченій, каковы, напримѣръ, полярныя теченія; слѣдовательно, область образованія осадковъ огра-

ничивается лишь морями, омывающими берега, устьями рѣкъ, замкнутыми морями и морскими заливами.

«Площадь этихъ частей морского дна, безъ сомнѣнiя, гораздо меньше площади континентовъ и острововъ, а потому повышенiе дна въ этихъ частяхъ моря идетъ гораздо быстрее, чѣмъ пониженiе почвы черезъ частичное отрыванiе. Теперь становится понятнымъ, какимъ образомъ вымоины, едва замѣтныя въ нагорьяхъ, но выдающiяся въ глаза въ глубоко прорѣзанныхъ долинахъ, могли дать такую массу наносовъ тамъ, гдѣ рѣки, подобно Рейну, обладаютъ обширнымъ бассейномъ воды. Масса этихъ наносовъ такъ велика, что ими были вымощены цѣлыя озера, какъ, на примѣръ, то, которое занимало долину Рейна между Базелемъ и Бингеномъ, и цѣлыя заливы, какъ, на примѣръ, заливъ, врѣзывавшiйся когда-то въ эту долину между Кенигсвинтеромъ и устьемъ Рейна. Такiя вымощенiя наносами должны были, черезъ вытѣснѣнiе водъ въ открытое море, обусловливать повышенiе морского уровня,—хотя, конечно, при огромномъ протяженiи океана подобное повышенiе должно было оставаться крайне незначительнымъ.

«Процессъ частичнаго отрыванiя продолжается непрерывно. Настанетъ наконецъ время, когда всѣ горы исчезнутъ и останутся лишь немногiя, возвышающiяся надъ моремъ, равнины. Если въ этотъ промежутокъ времени не произойдетъ новыхъ повышенiй суши, то вся земля, за исключенiемъ выше-упомянутыхъ немногихъ остатковъ, унесется обратно въ море... Но повышенiе Скандинавiи показываетъ, что этого не будетъ....»

Если внимательнѣе взвѣсить всѣ обстоятельства дѣла, то едва-ли можно согласиться съ воззрѣнiемъ Бишопа. Онъ полагаетъ, что площадь морского дна, на которой происходятъ механическiя новообразованiя путемъ осаживанiя наносовъ, менѣе площади континентовъ и острововъ и въ то же время смотритъ на морскiя теченiя, какъ на препятствiя къ повсемѣстному покрытiю морского дна наносами. Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться въ истинности этого воззрѣнiя на слѣдующихъ основанiяхъ.

Я уже сказалъ, что синева воды можетъ отчасти считаться признакомъ отсутствiя въ ней плавающихъ частицъ. Если взять въ соображенiе, что цѣлыя моря и заливы, какъ, на примѣръ, Красное и Средиземное, Нѣмецкое и Балтiйское моря, вовсе не имѣютъ синей воды; что вода этого цвѣта встрѣчается въ открытомъ океанѣ и то

только на большомъ разстояніи отъ береговъ,—то одно уже это обстоятельство даетъ намъ право принять, что площадь занимаемая не синей водою, гораздо обширнѣе площади, занимаемой всѣми материками и островами, вмѣстѣ взятыми.

Но эту площадь еще не ограничивается область распространения свободно-плавающихъ частицъ. Грубѣйшія части, конечно, осѣдаютъ вблизи береговъ и образуютъ тамъ болѣе ограниченную область распространения, состоящую изъ песку и болѣе грубаго ила; но протяженіе даже этой полосы зависитъ отъ формы береговъ и отъ направленія преобладающихъ теченій и вѣтровъ по отношенію къ берегу: чѣмъ богаче берегъ извилинами, чѣмъ больше въ немъ глубоко врѣзывающихся бухтъ и далеко выдающихся полуострововъ, которые связаны съ большими неровностями морскаго дна, тѣмъ обширнѣе будетъ вышеупомянутая область распространения частицъ. Я уже упоминалъ, что все Нѣмецкое море между Англією, сѣверною Германією, Ютландією и Норвегією наполнено обломками, видимо нанесенными только изъ Англій и изъ рѣчныхъ долинъ Рейна, Эльбы и Везера. Это невольно приводитъ насъ къ мысли, что окружающая Европу область распространения частицъ, по крайней мѣрѣ, равняется плоскости этого столь богатаго извилинами материка; тогда какъ въ материкахъ съ малымъ береговымъ развитіемъ, какъ, напримѣръ, Африка, перевѣсъ остается на сторонѣ суши.

По всѣмъ вѣроятіямъ, теченія играютъ свою роль въ дальнѣйшемъ размѣщеніи частицъ въ морѣ и на днѣ его. Морскія теченія намъ мало извѣстны даже на поверхности, но еще менѣе извѣстны тѣ, которыя идутъ въ его глубинѣ. Подводныя теченія, которыя нерѣдко можно подмѣтить даже на незначительной глубинѣ—таковы, напримѣръ, теченія въ норвежскихъ фіордахъ,—слишкомъ часто изжѣняются, чтобы имъ можно было приписать что-либо постоянное; къ тому же, они слишкомъ поверхностны, чтобы по нимъ можно было заключить о великихъ теченіяхъ, идущихъ въ морской глубинѣ, такъ что мы принуждены принять послѣднія скорѣе теоретически, такъ какъ фактически ихъ доказать нельзя. Мнѣ самому приходилось замѣчать на нашей доброй шкунѣ Іоachimъ Гейнрихъ, что мы, при совершенномъ штилѣ и съ виду совершенно спокойной, зеркально-гладкой поверхности воды въ фіордахъ, шли въ совершенно другомъ направленіи, чѣмъ окружающія насъ рыбацкія лодки, потому только, что нашъ корабль сидѣлъ на нѣсколько футовъ глубже въ

водѣ, чѣмъ эти плоскодонныя, скользящія по поверхности суда. Нерѣдко также, при закидываніи сѣти, я имѣлъ случай убѣдиться, что на различныхъ глубинахъ нашу сѣть изгибало въ различныхъ направленіяхъ и даже кружило въ водоворотахъ. Но все это только небольшія мѣстныя неправильности, обуславливаемая нерѣдко просто приливомъ и отливомъ и идущія въ сравненіе съ большими теченіями, наполняющими нерѣдко цѣлыя моря (какъ, напримѣръ, гольостремъ и его полярное теченіе, и зависящими отъ общихъ планетарныхъ причинъ. Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ послѣднія теченія, проникая даже до самаго дна, онѣ должны по своимъ окраинамъ, гдѣ движеніе ослабѣваетъ и, наконецъ, совсѣмъ прекращается, набрасывать цѣлыя подводныя плотины, скрѣпляемая органическою дѣятельностью скорлупняковъ и, такимъ образомъ, образуются наконецъ подводныя мели и рифы, которые повышаются все болѣе, и болѣе по мѣрѣ того, какъ сами же эти мели и рифы ограничиваютъ теченіе на днѣ и вытѣсняють его въ извѣстное русло. Этимъ-то путемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, образовалась великая Ньюфаундлендская отмель, эта любимая стоянка акулы, дельфиновъ и сельдей, которая имѣетъ 120 географическихъ миль длины 40 миль ширины и поднимается подъ водою надъ окружающимъ морскимъ дномъ болѣе, чѣмъ на 700 футовъ, представляя на своей поверхности лишь очень мало неровностей. По всѣмъ вѣроятіямъ, матеріалъ, изъ котораго полярное теченіе воздвигнуло эту плотину, взятъ изъ всего сѣвернаго огромнаго моря, въ которомъ и до сихъ поръ еще ищутъ сѣверо-западнаго прохода.

Но область распространенія обломковъ должна простираться еще далѣе и даже заходить за предѣлы сишей воды.

Гольостремъ, безспорно, идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Нордъ-Капу, и вся водная масса вплоть до Исландіи находится въ постоянномъ движеніи въ этомъ направленіи.

Отъ Шпицбергена чрезъ Липъ-Майанъ и сѣверный берегъ Исландіи тянется граница между гольостремомъ и полярнымъ теченіемъ, идущемъ въ противоположномъ направленіи и ближе къ американскому берегу на югъ.

Соотвѣтствуютъ ли этимъ великимъ теченіямъ другія теченія, идущія въ глубинѣ въ противоположномъ направленіи? Двигается ли вода на днѣ морскомъ, подъ площадью гольострема, въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу, или движеніе гольострема обща-

идеть всю глубину морских водъ до дна, или же, наконецъ, вода на значительной глубинѣ остается спокойною и движется только известная часть поверхностной массы?

На всѣ эти вопросы, не смотря на изслѣдованія Мори, и Скороби, мы не можемъ дать опредѣленныхъ и категорическихъ отвѣтовъ, основанныхъ на неопровержимыхъ фактахъ. Мы можемъ только дѣлать болѣе или менѣе основательныя предположенія.

Одно только мы знаемъ, что на всемъ обширномъ протяженіи подводной телеграфической площади, которую гольеостремъ пересѣкаетъ наискось, морское дно устлано необыкновенно мелкимъ иломъ, въ который лотъ погружается на 30 футовъ и болѣе, и который, хотя и обязанъ своимъ происхожденіемъ по преимуществу органической жизни, скорлупнымъ животнымъ и корненожкамъ, но въ то же время содержитъ вкраинѣ мелкія частички глины, видимо ведущей свое начало отъ осѣвшихъ тамъ наносовъ. Что осадокъ этотъ существуетъ это фактъ, и хотя бы въ немъ и вовсе не было наносныхъ частицъ и онъ состоялъ только изъ известковыхъ скорлупокъ, то все же оставался бы несомнѣннымъ тотъ фактъ, что этотъ въ высшей степени мелкій, состоящій изъ микроскопическихъ скорлупокъ и кусочковъ скорлупокъ осадокъ покоится на днѣ, надъ которымъ катить свои волны одно изъ величайшихъ и быстрѣйшихъ морскихъ теченій, назъ известныхъ. Слѣдовательно одно изъ двухъ: или вода на значительной глубинѣ остается неподвижною, или же быстрота, съ которою гольеостремъ и, соответствующее ему, противоположное теченіе проходитъ по дну, недостаточно велика, чтобы обусловить перемѣщеніе этого легкаго осадка.

То, что, что сказано здѣсь о гольеостремѣ, примѣнимо и къ большей части остальныхъ большихъ теченій океана. Тамъ, гдѣ они тѣсно сжаты, какъ, напримеръ, тотъ же самый гольеостремъ, при выходѣ своемъ изъ Мексиканскаго залива, тамъ они, конечно, все сметають съ морского дна и не даютъ ничему осаждаться на этомъ днѣ, кромѣ раковинныхъ отмелей и коралловыхъ рифовъ—словомъ, органическихъ осадковъ, которые противятся напору теченій и даже до некоторой степени сами ищутъ его. Тамъ же, напротивъ, гдѣ теченіе выходитъ на широкій просторъ океана, оно или совсѣмъ не достигаетъ дна, или скользитъ по немъ такъ мягко и незамѣтно, что даже мельчайшіе осадки не даютъ себя уносить имъ. Но, принимая это положеніе, основанное на наблюденіи фактовъ, мы не

должны забывать свойства самих иловыхъ частицъ, которыя иногда бываютъ до того мелки, что ничто не можетъ препятствовать ихъ унесенію и распространенію по всему протяженію океана. Частицы, обуславливающія въ извѣстную пору мутность большей части рѣкъ, до того мелки, что онѣ проходятъ черезъ любой фильтръ, и что нужны цѣлые мѣсяцы стоянія въ абсолютномъ покоѣ, чтобы вода очистилась отъ этой мутности и частицы пали, въ видѣ отбоя, на дно.

Если же въ совершенно покойно остающейся рѣчной водѣ частички эти могутъ такъ долго носиться, не осѣдая, то сколько же времени имъ нужно, чтобы осѣсть въ вѣчно колеблющейся морской водѣ, которая, черезъ свое соляное содержаніе, обладаетъ значительнѣйшимъ удѣльнымъ вѣсомъ? Очевидно, что и при состояніи абсолютнаго покоя частички медленно падали бы въ ней на дно? По всѣмъ вѣроятіямъ, для этого понадобился бы вдвое большій періодъ времени, а при постоянномъ движеніи воды, періодъ этотъ, пожалуй уйдетъ въ безконечность. Море, также какъ и атмосфера, есть вѣчно-безпокойная, постоянно движущаяся стихія; взвѣшенные частички должны носиться въ ней чрезвычайно долго, а потому и осадокъ отъ нихъ, не только вѣроятно, но неизбежно, долженъ распространяться по всей плоскости, покрытой океаномъ, за исключеніемъ, какъ уже было замѣчено выше, тѣхъ немногихъ мѣстъ, гдѣ морскія течения, сжатая въ тѣсныя пространства, дѣйствительно оказываютъ сильнѣе дѣйствіе.

Это подтверждается геологическими изслѣдованіями; мы знаемъ многіе известковые слои, которые, по всѣмъ признакамъ, должны были образоваться въ открытомъ морѣ. Мы знаемъ иловыя скалы, которыя, судя по аналогіи съ телеграфною площадью, должны были образоваться подобнымъ же образомъ. Но гдѣ же та известь, тотъ илъ, которые состояли бы изъ химически-чистой углекислой извести? Гдѣ тѣ слои, которые не содержали бы извѣстнаго процента глины? Въ мергельныхъ известнякахъ эта примѣсь достигаетъ довольно значительныхъ размѣровъ; но и въ остальныхъ породахъ, даже въ чистѣйшемъ блонмъ илѣ, она не бываетъ менѣе $\frac{1}{2}$ процента или даже цѣлаго процента. Эта же глина не проходила, подобно извести, черезъ фильтръ животныхъ организмовъ; она не была растворена въ водѣ; напротивъ, она была взвѣшена въ дреннѣмъ морѣ и является намъ живымъ свидѣтелемъ осажденія носящихся

въ водѣ частичекъ въ открытомъ морѣ, на днѣ котораго, почти исключительно, проявляетъ свою дѣятельность органическая жизнь.

Никто уже теперь болѣе не сомнѣвается, что глинистый сланецъ и всѣ родственныя ему горныя породы, подвергшіяся воздействию большаго или меньшаго перекристаллизовапію, образовались изъ плавающихъ частицъ, осѣвшихъ въ предѣлахъ береговой области распространения или на ея окраинахъ; это такъ же достоверно, какъ и происхожденіе песчаниковъ и конгломератовъ, образовавшихся, по соседству береговъ и дельтъ, изъ болѣе грубаго матеріала и для перемѣщенія которыхъ необходимы были сильнѣйшія движенія.

И такъ, говоря про дѣятельность моря, въ дѣлѣ новообразованія или неорганическихъ элементовъ, мы можемъ сказать, что здѣсь химическія силы почти не идутъ въ расчетъ; здѣсь болѣе важную роль играютъ физическія силы, сила тяготѣнія, обуславливающая осѣданіе на дно взвѣшенныхъ въ водѣ частицъ; по главнымъ двигателямъ является органическая жизнь, безъ которой немислимы ни море, ни образованіе слоевъ въ морѣ. Тутъ, конечно, вовсе не идетъ рѣчь о жизненной силѣ; органическая жизнь дѣйствуетъ не сама по себѣ, не черезъ посредство какой-то таинственной силы, но просто черезъ вызываемыя ею химическія взаимодействія, которыя внѣ живого органическаго существа не могутъ быть вызваны и приведены въ дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, уже крайне ложно будетъ подтвержденіе того положенія, что органическая жизнь сама добываетъ себѣ необходимый ей неорганическій субстратъ и что образованіе земной коры немисливо безъ органической жизни.

Съ этимъ возрѣніемъ падаютъ всѣ прежнія теоріи объ огненно-жидкомъ состояніи земнаго шара, о температурѣ моря, превышавшей градусъ теплоты, свертывающей яичный бѣлокъ и, слѣдовательно исключавшей возможность органической жизни; о такомъ составѣ атмосферы, при которомъ огромное накопленіе углекислоты не позволяло дышать ни одному живому существу. Всѣ эти предположенія разрушаются теперь, на подобіе картонныхъ домиковъ, и могутъ быть причислены къ тѣмъ романамъ, которые въ прежнія времена не прочь были ввести въ науку.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ разрушающей сторонѣ морской дѣятельности, да позволимъ намъ бросить взглядъ на одинъ вопросъ, котораго мы можемъ коснуться только шелькомъ: участвовало ли море и продолжаетъ-ли оно до сихъ поръ участвовать въ образова-

них горных пород иным путем, чѣмъ обыкновенныя просачивающіяся воды?

Вопросъ этотъ крайне важенъ для геологій; большая часть горных породъ измѣнилась, со времени своего образованія, какъ форму, такъ и составъ свой. Наблюденія показываютъ намъ цѣлый рядъ послѣдующихъ измѣненій, которые заходятъ такъ далеко, что отъ прежняго не остается почти и слѣдовъ; геологическія изслѣдованія показываютъ намъ, что глинистый сланецъ перешелъ въ отлично кристаллизованный глиммерный сланецъ. Но это измѣненіе, при всей своей важности, еще не такъ разнательно для насъ, такъ какъ и глиммерный сланецъ имѣетъ почти одинъ и тотъ же химическій составъ, и требовалось только перекристаллизовавіе имѣющихся на лицо элементовъ. За то другія изслѣдованія показываютъ намъ, что изъ извести образовался доломитъ; другими словами: изъ простой соли, изъ углекислой извести, образовалась двойная соль, состоящая изъ углекислой извести и углекислой магнезій. Послѣ этого мы въ правѣ, конечно, спросить, откуда взялась магнезія и какой процессъ долженъ былъ развиваться, чтобы известную часть извести замѣнить магнезіею? Конечно, почти всѣ воды суши содержатъ известную долю магнезій, но врядъ ли онѣ имѣютъ такой обширный кругъ дѣйствія, какой заставляетъ предполагать занимающее насъ въ настоящую минуту явленіе. Дѣятельность прѣсныхъ водъ ограничивается морскими бассейнами или руслами, по которымъ онѣ бѣгутъ; но какъ представить себѣ распространеніе ихъ дѣятельности на хребты разобщенныхъ между собою горъ, занимающіе нѣсколько квадратныхъ миль? Атмосферическая влага не могла произвести это измѣненіе, потому что роса, дождь и снѣговая вода не содержатъ въ себѣ магнезій, и многія вершины горъ, съ крутыми обрывами и почти отвѣсно возвышающимися вершинами, одѣты, поверхъ доломита, известковымъ покровомъ изъ котораго атмосферная влага тоже не могла заимствовать магнезій. Не могла магнезія взяться и изъ нѣдръ земли, какъ то утверждало, на зло всѣмъ началамъ химіи, великая теорія Леопольда фонъ-Буха и его безусловныхъ почитателей. Но почему бы ей не взяться изъ моря: въдѣ въ немъ, къ великому прискорбію соляныхъ промышленниковъ, содержится достаточное количество магнезій, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что, при известныхъ условіяхъ, просачивающаяся морская вода помѣнилась частью своей магнезіей съ отложившеюся уже

на дѣйствіе моря известно. Какъ и при всякихъ условіяхъ оно случалось, этого, конечно, мы не можемъ пока ни сказать, ни доказать опытами; но что порою это должно было случаться—не подлежитъ почти никакому сомнѣнію.

Вдѣсь да позволено мнѣ будетъ замѣтить, что въ области геологической химіи мы вообще дошли до той точки, гдѣ намъ были бы крайне необходимы сложные опыты. Природа имѣетъ дѣло не съ единичными реагентами и не съ единичными растворами; она производитъ свои опыты надъ чрезвычайно сложными продуктами, заставляя ихъ дѣйствовать другъ на друга. Это совокупное и одновременное дѣйствіе даетъ совсѣмъ иные результаты, чѣмъ если бы каждая составная часть бралась порознь. Морская вода не дѣйствуетъ на горную породу: сначала—какъ вода, потомъ—какъ растворъ и варенный соли и т. д., она разомъ приступаетъ къ ней со всѣми своими 20 и болѣе кислотами и основаніями. Съ этими-то сложными реакціями наша химія далеко еще недостаточно освоилась и я убѣжденъ что химикъ, который испробовалъ бы дѣйствіе морской воды на горныхъ породахъ, какъ при обыкновенныхъ, такъ и при измѣненныхъ условіяхъ, напримѣръ, при увеличенной теплотѣ или при сильнѣйшемъ давленіи, и въ то же время терпѣливо выжидалъ бы результатовъ своихъ опытовъ,— я убѣжденъ, что такой химикъ рѣшилъ бы множество вопросовъ, съ которыми не совладать безъ вѣдога геолога и минеролога, такъ же какъ не совладать съ ними самому тщательному изслѣдователю, вооруженному только простыми реакціями.

Движущаяся вода разрушаетъ; вода въ состояніи покоя осаживаетъ, образуетъ. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ слѣды частичнаго вымыванія, тамъ, навѣрное въ прежнія времена дѣйствовали силы движущейся воды.

Море на своей поверхности никогда не бываетъ покойно. Хотя колебаніе волнъ въ замкнутыхъ бассейнахъ и бываетъ порой до того незначительно, что оно исчезаетъ въ поверхностной рабѣ, обусловленной давленіемъ воздуха и вѣтра, все же оно существуетъ, и въ открытомъ океанѣ ему, какъ извѣстно, подчиняется вся масса воды. Къ этому присоединяются еще вѣтеръ, волны и теченія.

Въ глубинѣ, правда, вода значительно спокойнѣе; безжонечно мелкіе осадки, падающіе тамъ на дно, микроскопическія животныя, живущія тамъ страшными массами, достаточно намъ это доказали.

Мнѣ слѣдовало бы сказать, что процессъ частичнаго отрыванія

ограничивается только поверхностью; это-то и составляет существенное отличие этого процесса, исключительно свойственное морю, от разрушительной деятельности прѣсноводныхъ потоковъ; деятельность послѣднихъ захватываетъ глубину, деятельность же моря распространяется въ ширь. Море работаетъ въ горизонтальномъ направленіи: оно стругаетъ; ручей или потокъ работаетъ въ отвѣсномъ направленіи: онъ долбитъ или пилитъ.

Мы до того привыкли къ этому вертикальному дѣйствию прѣсныхъ водъ, что намъ трудно представлять себѣ иное дѣйствіе. Въ твердыхъ каменныхъ породахъ горныхъ цѣпей мы встрѣчаемъ узкія ущелья съ отвѣсными стѣнами, которыя представляются цѣрой точно вырѣзанными ножемъ. Ущелья Тамины близъ Пессерса, Трионта въ Валлисѣ, Раны и Вальсерины подъ Бельгардомъ на французской границѣ близъ Женевы могутъ служить образчикомъ узкихъ глубокихъ разрѣзовъ, произведенныхъ мало по малу рѣчною водою. Твердые слои соотвѣтствуютъ другъ другу по обѣимъ краямъ разрѣза; по всѣмъ вѣроятіямъ, какая нибудь трещина, а то и просто впадина или углубленіе, дали водѣ случай ворваться и начать свою медленную работу пиленія сверху внизъ. Мой другъ, Дезоръ, предлагалъ воспользоваться мѣстнымъ названіемъ, Рофла, подъ которымъ эти ущелья извѣстны на діалектѣ восточной Швейцаріи, и перенести это названіе въ обыкновенный научный языкъ. А почему бы и нѣтъ? Развѣ мы не заимствовали кучу словъ, получившихъ теперь права гражданства въ общемъ разговорномъ языкѣ, изъ языка горцевъ, изъ діалектовъ?

Рофла есть истинный прототипъ дѣйствія текучихъ водъ. Если эти воды имѣютъ дѣло съ болѣе мягкими горными породами, то боковые плоскости, вмѣсто того, чтобы держаться въ отвѣсномъ направленіи, отодвигаются все далѣе и далѣе; чѣмъ мягче масса, тѣмъ шире разступается долина; тѣмъ отложе становятся берега. Но вездѣ, даже въ самыхъ широкихъ рѣчныхъ долинахъ, сохраняется отличительная черта подобныхъ образований, — вертикальность направленія.

Совсѣмъ иное дѣло море; его волны ударяютъ о берегъ, катятся по наклоннымъ плоскостямъ къ сушѣ, разбиваются о болѣе крутыя мѣста и продолжаютъ вдоль береговъ длинными рядами рабей. Какъ бы незначительно ни было дѣйствіе каждой отдельной волны, все же оно постоянно сохраняетъ горизонтальное направленіе и от-

зависает всего сильнее на поверхности, на плоскости, находящейся въ уровень съ водою. Дѣйствіе постояннаго и непрерывнаго мроба оказывается по истеченіи нѣкотораго времени; дѣнно и ноціо продолжающееся сильное движеніе дѣйствуетъ разрушительно на всѣ горныя породы безъ исключенія.

Но самое дѣйствіе безконечно разнообразно, смотря по свойству и расположенію матеріала, изъ котораго слагается берегъ. Какъ часто изъ моего жилища въ Ниццѣ я прислушивался къ реву прилива, который, особенно передъ наступленіемъ сирона, стремительно бросался въ пещеры, вырытыя имъ у подножья скалы, на которой стоитъ старый замокъ! Скала эта состоитъ изъ твердой доломитной извести, слои которой стоятъ почти отвѣстно и обращены узкой стороною къ морю. Въ промежуткахъ этихъ слоевъ, въ каждую трещину, въ каждую щель нашла себѣ дорогу соленая волна и размыла нѣкогда узкое отверстіе въ пещеру, въ ущелье. Съ грохотомъ кидается волна въ глубокія, извилистыя пещеры, забѣгаетъ одна на другую, ударяется о сводъ, все болѣе и болѣе округляя и выдавливая его; мѣстами даже, повинуясь сильному напору, она просверливаетъ себѣ выходъ къ верху, образуя, такимъ образомъ, громадныя пробонны, подобныя трубамъ органа, изъ которыхъ порою прямо у ногъ вашихъ брызжетъ пѣна. Подмытая скала, въ одно прекрасное утро, рушится, образуя груды неправильныхъ обломковъ, на которые волны продолжаютъ набѣгать съ прежнею яростію, пока не изотрутъ или не унесутъ ихъ.

Тутъ же рядомъ и по всему протяженію залива, тѣ же волны разбѣгаются отлогими дугами, сохраняя вовсе неживописную правильность, и забираются по отлогому скату кремнистаго берега, катя передъ собою песокъ и небольшіе валуны, которые, смотря по направленію вѣтра, сучиваются или то къ востоку, то къ западу. Только во время бури волны дальше врываются въ сушу, смыываютъ легкій слой чернозема, покрывающій кремнистую почву, и снова восстанавливаютъ первоначальную наклонную плоскость, уничтоженную растительностію и культурою. Но область этого смыванія соответствуетъ только повышенію морского уровня во время бури; она не простирается далѣе поверхности этого уровня, и уже на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ незамѣтно ни малѣйшаго дѣйствія волны на береговой откосъ, который становится все болѣе и болѣе плоскимъ, все болѣе и болѣе переходить въ горизонтальную равнину.

Нѣсколько далѣе, въ окаймленном отвѣсными скалами Шинн-Франкскомъ заливѣ, лежитъ великолѣпный заливъ Св. Госпитія и Бодье, откуда открывается живописный видъ на Монако и Вентимилью. На известковыхъ скалахъ лежитъ толстый слой глинистой земли, а поверхъ его лежитъ толстый пластъ раковинъ и чертозема. Глинистый слой нерѣдко поднимается волнами во время бури, и тогда онъ обрушивается, оставляя почти отвѣсную стѣну; лежащее подъ нимъ скалистое дно, которое, при низкомъ уровнѣ воды, едва прикрывается моремъ, образуетъ наклонную плоскость, тамъ и сямъ перерѣзанную извилистыми каналами, имѣющими значительную глубину и служащими убѣжищемъ неподвижнымъ морскимъ животнымъ. Известковые слои стоятъ почти отвѣсно; ихъ верхушки какъ будто соструганы, промежутки ихъ глубоки и богаты промоинами.

Эти ровныя скалистые плоскости, пересѣаемыя трещинами и стоящія лишь нѣсколько футовъ подъ водою, далеко тянутся вдоль берега и всюду наполняютъ бухты и углубленія между мысами, выдающимися въ море своими отвѣсными стѣнами. Онѣ, очевиднымъ образомъ, служатъ типомъ частичнаго разрушенія, производимаго моремъ. Приливъ мало по малу сострагаль твердыя верхушки слоевъ; при этомъ онъ дѣйствовалъ на подобіе сферической пилы, которая вѣдается своими мелкими зубцами въ древесныя волокна. Это состругиваніе происходило только на поверхности и въ непосредственномъ сосѣдствѣ послѣдней, на пространствѣ непосредственно доступномъ напору волнъ, которыя осенью разрушительно дѣйствуютъ при отливѣ. Пила прилива впивается въ отвѣсныя, косые, искривленные и складчатые пласты на высотѣ, соотвѣтствующей уровню воды; она постоянно нивелируетъ ихъ; когда морской уровень повышается и пила беретъ выше; при повышеніи же суши, она оставляетъ свидѣтельницами своей прежней дѣятельности бороздки, въ которыя она глубже вѣдалась, при прежнемъ отношеніи морскаго уровня къ берегу. Но эта подтачивающая и горизонтально сплывающая дѣятельность не вездѣ одинакова; въ промежутки вода вѣдается глубже, благодаря круговоротному движенію, образуемому тамъ; тамъ же, напротивъ, гдѣ слои лежатъ плотнѣе, они долѣе противятся напору волнъ, и, такимъ образомъ, нерѣдко происходятъ причудливыя формы скалъ и мысовъ, оставшіяся свидѣтелями того, что уже унесено волнами.

На всѣхъ побережьяхъ, состоящихъ изъ сланца и родственныхъ ему породъ, попадаются подобныя остатки обглоданныхъ водою твер-

ныхъ пластовъ, состоящихъ большею частью изъ діорита, траппа и базальта, проходившихъ когда-то жилами по сланцу; когда же сланецъ былъ смытъ, эти жилы обнажились и выглянули на свѣтъ бо- жій своими причудливыми формами. Нигдѣ не видалъ я болѣе причудливыхъ формъ сланца, образовавшихся подобнымъ образомъ, какъ на берегу дальняго острова Ледовитаго океана, Ляъ-Майена, гдѣ окаменѣвшая лава выдалась изъ окружавшей ее когда-то вулканической воды и стоитъ теперь во всей своей наготѣ. — И такъ, сила частичнаго разрушенія, которую способно развить море, зависитъ вполне отъ встрѣчаемаго ею сопротивленія. Чѣмъ сильнѣе сопротивление, при одинаковости прочихъ условій, тѣмъ стремительнѣе напоръ прибоя, тѣмъ глубже идетъ частичное разрушеніе; чѣмъ больше берегъ, чѣмъ подвижнѣе его составные элементы, тѣмъ слабѣе это разрушеніе. «Эхъ, сказалъ мнѣ однажды мой другъ естествоиспытатель: — человѣческая злоба, вражда и ненависть — все это ничто; и сталь, и желѣзо можно сломать; — но вотъ то пассивное сопротивление, которое являютъ намъ нравственная и матеріальная инерція — его никому не преодолѣть.» Море вполне оправдываетъ слова моего друга химика.

Можемъ ли мы измѣрить величину частичнаго разрушенія, производимаго моремъ, во всей его совокупности, въ данный періодъ времени? Положительно нѣтъ, потому что условія мѣняются, смотря по мѣстности, и нѣтъ никакой возможности производить на каждомъ отдѣльномъ пунктѣ хотя бы приблизительную оцѣнку; а между тѣмъ, сколько новыхъ промаховъ повлекла бы за собою каждая ошибка, сдѣланная при этой оцѣнкѣ! Къ счастью, мы имѣемъ подъ рукою приблизительный масштабъ въ тѣхъ плоскостяхъ, подвергшихся частичному разрушенію, которыя представляютъ намъ древнѣйшія горныя породы, видимо образовавшіяся въ морѣ. Такъ, напримеръ, если мы взглянемъ на прирейнскія сланцовыя горы, то для насъ станетъ ясно, что онѣ неоднократно смывались моремъ, которое снесло съ нихъ слой значительной толщины. Многообразно вдавленные другъ въ друга и изогнутые слои этихъ горъ были смыты почти по горизонтальной линіи прежде еще, чѣмъ успѣлъ образоваться каменноугольный кряжъ; когда же этотъ послѣдній, въ свою очередь, ослѣлъ, залегъ складками и изогнулся, море сънова принялось за него, прежде чѣмъ вестфальскій шельгъ успѣлъ ослѣсть на сѣверной оконечности, или, по крайней мѣрѣ, одновременно съ этимъ

періодомъ. Такимъ образомъ, вы имѣете постоянно подъ ногами веркуши слоевъ, которые свидѣтельствовали бы о громадной высотѣ всего хребта, если бы они, въ сущности, не были боковыми остатками спавшихся сводовъ и котловинами, верхняя половинка которыхъ была смыта моремъ. То же самое явленіе повторяется и въ старѣвшихъ слояхъ, въ срединѣ материковъ, и въ сравнительно повѣвшихъ, ближе лежащихъ къ берегу; всюду мы видимъ, что разрушеніе, которому подверглись эти слои, снесло съ нихъ гораздо большее количество матеріала, чѣмъ то, которое осталось нетронутымъ. Рамсей вычислилъ, что если возстановить въ первобытномъ видѣ сланцовые соструганные слои близъ Вульгона, въ граествѣ Вазійскомъ, имѣющіе всего какихъ нибудь 1000 футовъ высоты, то понадобилось бы воздвигнуть надъ ними глыбу, которая имѣла бы 4000 футовъ вышины. Но весь тотъ матеріалъ, который былъ оторванъ этимъ путемъ отъ суши, снова пошелъ на дно моря, на образованіе новыхъ слоевъ, въ которыхъ мы узнаемъ, по заключающимся въ нихъ остаткамъ, образованіе повдѣйшаго періода.

Обглоданныя моремъ береговыя линіи и плоскости, составляющія прежній берегъ, могутъ равнымъ образомъ служить мѣриломъ для опредѣленія разрушительной дѣятельности моря. Во многихъ мѣстахъ эти линіи тянутся на цѣлыя мили; онѣ легко узнаваемы даже для непривычнаго глаза и имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для геологін, такъ какъ по нимъ можно судить о повышеніяхъ и пониженіяхъ почвы. Нерѣдко онѣ достигаютъ значительной степени возвышенія надъ теперешнимъ уровнемъ; нерѣдко онѣ тянутся одна надъ другою, причемъ горизонтальная параллельность ихъ нарушается односторонними повышеніями материка; послѣднее обстоятельство служить лучшимъ доказательствомъ того, что не море отступало во всей своей совокупности, а скорѣе суша мѣстами поднималась.

Какъ бы то ни было, не смотря на силу разрушающихъ процессовъ близъ береговъ, создающая дѣятельность моря имѣетъ въ геологическомъ отношеніи перевѣсъ надъ разрушающей, потому что матеріалъ, отрываемый моремъ отъ береговъ и растворяемый имъ, оно присоединяетъ къ массамъ, доставляемымъ ему съ суши прѣсными водами.

Вотъ какими путями мать всего живого становится въ то же время матерью окаменѣлыхъ, съ виду безжизненныхъ формъ и служитъ средоточіемъ какъ органическаго, такъ и неорганическаго круговорота, въ которомъ вращалась, вращается и будетъ вращаться исторія земли.

ВАТЕРЛО.

ХІХ.

Такимъ образомъ, мы вшестеромъ вышли изъ этого амбара, куда за часъ до этого вошли въ числѣ пятнадцати. Бюнгъ и Зебеде остались въ живыхъ; пфальцбургцамъ была удача.

Выйдя, надо было идти въ атаку.

Мы подвигались по грудамъ убитыхъ; подъ ногами было все мягко. Никто не смотрѣлъ, ступаетъ ли онъ по лицу, на грудь или на члены раненаго; не смотря ни на что, шли впередъ. На слѣдующій день мы узнали, что эти груды пруссаковъ, наваленныя на улицѣ у маленькаго моста, были перебиты нѣсколькими орудіями батареи, устроенной передъ церковью: упорство этихъ людей погубило ихъ.

Блюхеръ ждалъ той минуты, когда могъ бы такимъ же способомъ перебить насъ; но, вмѣсто того, чтобы перейти мостъ, насъ повернули вправо и размѣстили по домамъ вдоль ручья. Пруссаки стрѣляли въ насъ изъ всѣхъ противоположныхъ оконъ. Когда мы зашли въ дома, мы открыли огонь по ихъ орудіямъ, что заставило ихъ отступить.

Шла рѣчь уже о томъ, чтобы атаковать другую часть деревни, когда вдругъ распространился слухъ, что изъ Шарлеруа, стылу, шла прусская колонна въ пятнадцать или двадцать тысячъ чловѣкъ.—Никто ничего не понималъ; мы очистили все, начиная съ береговъ Самбры. Эта колонна, шедшая стылу, вѣроятно, была спрятана въ лѣсу.

Было половина седьмого; Сентъ-Аманская битва, казалось, разросталась; Блюхеръ направлялъ всѣ свои силы въ эту сторону; удобно было бы взять другую часть деревни, но колонна эта заставляла насъ выжидать.

Ряды домовъ по обѣимъ сторонамъ ручья были заняты войсками: направо были французы, налѣво пруссаки. Перестрѣлка прекратилась; раздавались только отдѣльные выстрѣлы, которыми прицѣлывались въ когонибудь. Мы и непріятель смотрѣли другъ на друга, какъ-будто говоря:

— Отдохнемъ! и сейчасъ опять сцѣпимся.

Пруссаки, въ противоположныхъ домахъ, въ голубыхъ мундирахъ, въ мѣдныхъ каскахъ, съ закрученными къверху усами, были все люди почтенные, старые солдаты съ широкими подбородками и торчавшими врозь ушами. Можно было подумать, что они сразу одолѣли бы насъ. Офицеры смотрѣли тоже.

Вдоль двухъ улицъ, по берегамъ ручья и въ самомъ ручьѣ убитые представляли двѣ длинныя вереницы; многіе сидѣли, прислонившись спиною къ стѣнѣ: сидѣли тѣ, которые во время битвы были опасно ранены и у которыхъ достало силъ выбраться изъ драки; они прислонились къ стѣнѣ, гдѣ и умерли отъ потери крови. Въ ручьѣ многіе стояли, уцѣпившись за берегъ, чтобы вскарабкаться на него, но такъ и остались неподвижными, а въ темныхъ углахъ, куда достигалъ лучъ свѣта, видѣлись тоже несчастные, раздавленные камнями и балками.

Битва въ Сентъ-Амарѣ свѣршила, громъ пальбы все усиливался, и не стой мы лицомъ къ лицу съ смертью, мы восхищались бы этимъ величественнымъ шумомъ.

Съ каждымъ грохотомъ гибли сотни людей и грохотъ не прерывался, такъ что земля дрожала.

Мы отдыхали, но вскорѣ почувствовали страшную жажду. Во время драки жажда эта не чувствовалась, а теперь всѣмъ захотѣлось пить.

Домъ нашъ стоялъ на углу слѣва отъ моста; вода, бѣжавшая по грязи, покраснѣла отъ крови. Но между нашими домовъ и сосѣднимъ, посреди маленькаго садика, былъ колодезь для цѣлки растений; всѣ мы смотрѣли на этотъ колодезь, съ его двумя деревянными столбами и перекаждиной. Не смотря на картечь, ведра висѣли еще на цѣпи; три челоѣка лицомъ ницъ и съ протянутыми руками лежали на троникѣ, ведущей туда; имъ тоже хотѣлось пить и пруссаки убили ихъ.

Такимъ образомъ, всѣ мы стояли съ ружьемъ у ногъ и смотрѣли на колодезь. Кто-то говорилъ:

— Я отдалъ бы половину своей крови за стаканъ воды.

Другой говорилъ:

— Да, но пруссаки вѣдь ждуть!

Эта была тьма; пруссаки, стоявшие во ста шагахъ отъ насъ и, можетъ быть, тоже хотѣвшіе пить, догадывались, о чемъ мы думали.

Ружейные выстрѣлы, раздававшіеся еще изрѣдка, были направлены именно на тѣхъ, кто показывался на улицѣ; того тотчасъ же застрѣливали, и, такимъ образомъ, мы страшно мучились.

Такъ продолжалось, во крайней мѣрѣ, съ полчаса; тогда стрѣльба распространилась между Линьи и Сентъ-Аманомъ, и мы тотчасъ же увидѣли, что въ пруссаковъ стрѣляли картечью, на отлогости между обѣими деревнями, потому что съ каждымъ выстрѣломъ нѣхъ плотнымъ колоннамъ проходила пустая полоса; эта новая атака произвела сильное волненіе. Бюшъ, недвигавшійся до сихъ поръ, вышелъ черезъ садовую дорожку и побѣжалъ къ колодцу; онъ сталъ за столбомъ и изъ обоникъ домовъ напротивъ началась по немъ стрѣльба, такъ что камень колодца и столбы были осыпаны пулями. Мы начали стрѣлять въ огна, и черезъ минуту во всей деревнѣ вспикнула перестрѣлка; дымъ клубился повсюду.

Въ эту минуту слызу послышался голосъ, кричавшій: «Жозефъ!.. Жозефъ!..»

Это кричалъ Бюшъ; онъ рѣшился вытащить ведро, отстегнуть и; налившись, принести его.

Нѣсколько старыхъ солдатъ хотѣли вѣять у него ведро, но онъ кричалъ:

— Сначала товарищу! Оставьте или я все вылью!

Пришлось ждать меня. Я напился вдоволь; потомъ напились и другіе, а остальные выпили тѣ, что сошли сверху.

Бюшъ при этомъ доказалъ, какъ онъ любилъ меня.

Мы довольные вошли вмѣстѣ.

Я думаю; тогда было болѣе семи часовъ; солнце садилось; тѣнь отъ нанинъ домовъ падала до ручья; дома пруссаковъ были освѣщены; точно также и гора Бри, съ которой сходили бѣглымъ шагомъ новыя войска. Съ нашей стороны никогда не бывало такой сильной пальбы.

Теперь болѣе известно, что между семью и восьмью часами вечера; при наступленіи ночи, императоръ узналъ, что колонна пруссаковъ, которую считали въ тѣмъ у насъ составляло корпусъ генерала Эрлона, — сбившійся съ дороги между сраженіемъ Нея въ Катръ-Бра противъ англичанъ, и нанимъ, — и онъ тотчасъ же командовалъ старой гвардіи поддерживать насъ.

Действитель, бывший съ нами, говорилъ:

— Вотъ главная атака. Слушать!

Вся прусская кавалерія вопопнилась между двумя деревнями; хо-

тя не было видно, но чувствовалось: сзади насъ сильное давленіе. Лейтенантъ повторилъ:

— Слушай команду! Не оставайся никто послѣ команды! Вотъ атака.

Мы смотрѣли во всѣ глаза.

Чѣмъ болѣе смеркалось, тѣмъ небо становилось багровѣе у Сентъ-Амана. Къ шуму дальнои всѣ такъ уже привыкли, что не обращали на него вниманія; но послѣ всякаго залпа небо какъ-будто всни хивало.

Сзади насъ толпа увеличивалась.

Вдругъ большая улица вдоль ручья наполнилась нашими войсками, начиная отъ моста и до конца Линьи. Слева и гораздо дальше пруссаки стрѣляли изъ оновъ, но мы не отвѣчали. Всѣ кричали:

— Гвардія!... вотъ гвардія!

Не знаю, какимъ образомъ все это количество людей прошло черезъ ровъ, наполненный иломъ; вѣроятно, съ помощью досокъ, потому что ежеминутно на другомъ берегу появлялась бездна нашихъ войскъ.

Большая прусская батарея, наверху оврага, между двумя деревьями, пробивала цѣлыя улицы въ нашихъ колоннахъ; но онѣ тотчасъ же смыкались и продолжали подниматься.

Все, что оставалось отъ нашей дивизіи, бѣжало на мостъ; конные артиллеристы съ своими орудіями скакали въ галопъ.

Тутъ и мы сбѣжали, но не дошли еще до моста, какъ потянулись кирасиры, послѣ кирасиръ явились драгуны и конные гвардейскіе гренадеры. Они проѣзжали всюду, и чрезъ деревню, и вокругъ деревни, точно будто явилась новая армія, безчисленная армія.

Рѣзня началась сверху; на этотъ разъ, битва была въ чистомъ полѣ. Совсѣмъ стемнѣло; прусскія каре огнемъ обрисовывались на горѣ.

Мы бѣжали, шагая по убитымъ и раненымъ. Выбѣжавъ за деревню, мы увидали то, что можно назвать кавалерійскою битвой: видѣлись только бѣлыя латы мелькавшихъ по линіямъ улановъ.... Все пережѣшивалось; потомъ кирасиры смыкались и уносились, какъ туча.

Ночь была такъ темна, что за пятьдесятъ шаговъ ничего не было видно. Все колыбалось и поднималось къ мельницамъ; конскій топотъ, крики, команда, бѣлый огонь, слышавшійся издали,—все пережѣшивалось. Многія каре были прорваны. Отъ времени до времени выстрѣлъ освѣщаль нѣсколькихъ кавалеристовъ, вакого нибудь

улана, наклонившагося на лошади, врасира съ широкой бѣлой спиной, въ каскѣ и съ развѣвающимся хвостомъ лошади, летѣвшаго, какъ бомба; двухъ или трехъ пѣхотинцевъ, пробѣгавшихъ посреди битвы: все это мелькало, точно молнія! А помятая рожь, дождь, полосившій небо,—потому что разыгралась буря,—раненые подъ ногами лошадей,—все озарилось на одно мгновеніе.

Съ каждымъ выстрѣломъ изъ ружья или изъ пистолета видны были тысячи и тысячи подобныхъ необъяснимыхъ вещей. Но все поднималось; все удалялось отъ Линьи; мы побѣдили и врубились въ центръ непріятеля; пруссаки защищались только на самомъ верку горы, около мельницъ и по направленію къ Сомбрефу, вправо отъ насъ; за нами же остались Сентъ-Аманъ и Линья.

Тогда мы, по десяти, по двѣнадцати человѣкъ въ ротѣ, стоя у развалинъ мизъ, не знали, въ какую сторону повернуть. Зебеде, лейтенантъ Бретонвиль и капитанъ Флорантинъ исчезли; нами командовалъ сержантъ Рабо.—Рабо былъ небольшого роста старикъ, сухой, дурно сложенный, но стойкій, какъ желѣзо; онъ подмигивалъ глазомъ и въ молодости, должно быть, былъ рыжимъ. Говоря о немъ, мнѣ припоминается совершенно живо, какъ онъ сповойно говорилъ намъ:

— Сраженіе выиграно! Справа рядами, впередъ, марш!

Многіе просили супа, потому что часовъ двѣнадцать уже чувствовали голодъ; а сержантъ, съ ружьемъ на плечѣ, спускался по небольшой улицѣ, смѣясь про себя и повторяя съ насмѣшкой:

— Супу! супу! Подождите, придетъ распоряженіе о продовольствіи.

Мы шли за нимъ по темной улицѣ; на половинѣ дороги, мы встрѣтили врасира верхомъ, стоявшаго къ намъ спиной; онъ получилъ ударъ сабли въ животъ и отбѣхалъ туда; лошадь прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не дать ему упасть. Когда мы проходили, онъ кликнулъ насъ:

— Товарищи!

Но никто даже не обернулся. Шаговъ двадцать далѣе стоялъ старый домикъ, весь осыпанный пулями, на которомъ сохранилась еще половина соломенной кровли; вотъ почему сержантъ Рабо выбралъ этотъ домъ и мы поодиночкѣ вошли въ это убѣжище.

Въ немъ было темно, какъ въ печи; сержантъ зажегъ затравочнаго пороку и мы увидѣли, что вошли въ кухню: увидѣли очагъ направо, стѣнницу налѣво и пятерыхъ или шестерыхъ пруссаковъ и французовъ, раставувшихся на полу, съ лицами точно изъ воску и съ открытыми глазами.

— Ну, вотъ, сказалъ сержантъ, — и комната; устройайтесь, какъ знаете; товарищи наши по ночлету не затолкаютъ васъ.

Такъ какъ ясно было, что на раздачу съвѣстного повѣго было расчитывать, всѣ молча отстегнули свои мѣшки и, прислонивъ ихъ къ стѣнѣ, растянулись, положивъ на нихъ головы. Стрѣльба еще была слышна, но гораздо далѣе на горѣ: Дождь шелъ явнымъ. Сержантъ затворилъ заскрипѣвшую дверь и спохватно зажурлил трубку, тогда какъ многіе изъ товарищей уже храпѣли; я видѣлъ, какъ онъ стоялъ у маленькаго окна съ выбитыми стеклами и вурлилъ.

Это былъ человѣкъ суровый и справедливый; у него было три нашивки и онъ умѣлъ читать и писать; онъ надѣялся быть произведеннымъ въ офицеры, за раны, но онъ дурно былъ сложенъ. Подъ конецъ и онъ тоже легъ на свой мѣшокъ, и, вскорѣ послѣ этого, всѣ мы заснули.

Спали мы долго, какъ вдругъ меня разбудилъ шумъ.... Вовзвужъ нашего убѣжища ходили.... Я приподнялся на руку, послушать.... Въ ту минуту дверь нашу пытались отворить. Я не могъ удержаться и крикнулъ.

— Что такое? спросилъ сержантъ.

И услышавъ шаги убѣгавшихъ людей, онъ сказалъ, повернувшись на своемъ мѣшкѣ:

— А! ночныя птицы!... Отправляйтесь... казаль!... отправляйтесь или я пушу въ васъ пулю!

Больше онъ не сказалъ ничего. Я подошелъ къ окну и увидалъ вдоль улицы мародѣровъ, обыскивавшихъ раненныхъ и убитыхъ. Они тихо ходили отъ одного тѣла къ другому, а дождь лилъ ливнемъ: — зрѣлище это было ужасное.

Но, не смотря на это, я снова легъ и отъ сильнаго утомленія опять заснулъ.

На разсвѣтѣ сержантъ былъ уже на ногахъ и кричалъ:

— Въ дорогу!

Мы вышли изъ домика и побрели опять вверхъ по улицѣ. Краснръ лежалъ уже на землѣ, а лошадь все еще ждала его.

Сержантъ взялъ лошадь подъ уздцы и провелъ шатвъ сто въ огородъ; онъ снялъ мундштугъ и сказалъ:

— Пошла, пасись: скоро тебя опять осѣдлаютъ.

И бѣдное животное тихо побрело.

Мы шли торопливо по тропинкѣ вдоль Линья; борозды и нѣсколько грядокъ огородовъ примыкали къ этой дорогѣ. Сержантъ, проходя, смотрѣлъ; онъ наклонился, чтобы вырвать остатки морю-

ви и рѣны. Я сдѣлалъ тоже, что и онъ, между тѣмъ, какъ товарищи торопились, же обрачивая головы.

При этомъ я увидѣлъ, какъ полезно умѣть отличать омови, потому что я нашелъ двѣ прекрасныя рѣны и моржови, которыя очень вкусны въ сыромъ видѣ; но я послѣдовалъ примѣру сержанта и положилъ ихъ къ себѣ въ киверъ.

Потомъ я побѣжалъ догонять взводъ, направившійся къ огнямъ, въ Сомбрефъ.

Я и придумать не могу, какъ описать вамъ поле за Линьи, гдѣ наши кирасиры и драгуны все истребили. Тамъ лежали кучи людей и лошадей,—лошади съ длинными шеями, вытянутыми на землѣ; люди, придавленные ими, убитые или раненные. Нѣкоторые поднимали руку, чтобы подать знакъ; лошади пробовали встать и еще хуже давили ихъ, падая снова.

Кровава! все кровава! Направление ядеръ и картечи обозначалось на снѣгѣ кровавыми полосами; какъ обозначаются у насъ, послѣ снѣга, на снѣгѣ потоки. И хотите ли вы знать правду?—это почти не трогало меня.

До похода моего въ Лютценъ подобное зрѣлище свалило бы меня съ ногъ. Я подумалъ бы:

— Старшие наши, должно быть, смотрятъ на людей, какъ на животныхъ. Развѣ Господь отдастъ насъ волкамъ на съдѣніе? Развѣ въ этомъ мѣрѣ нѣтъ у насъ матерей, сестеръ, друзей, существъ насъ любящихъ, которыя взываютъ о мищеніи?

Я могъ бы думать тысячу подобныхъ вещей, еще болѣе сильныхъ и болѣе справедливыхъ; но тогда я не думалъ ничего. Види ежедневно рѣзню и всевозможныя жестокости, я повторялъ про себя:

— Сильный всегда правъ. Императоръ сильнѣе другихъ; онъ подаетъ намъ знакъ, чтобы мы шли, и, не смотря ни на что надо идти изъ Шфальцбурга, изъ Саверна или изъ какого нибудь другого мѣста, становиться въ ряды и маршировать. Тотъ, кто покажетъ хотя малѣйшій видъ сопротивленія, будетъ немедленно разстрѣлянъ. Маршалы, генералы, офицеры, унтеръ-офицеры, солдаты, отъ перваго до послѣдняго, несутъ службу; они шевельнутся не смѣютъ безъ приказанія; а другіе слушаются арміи. Императоръ хочетъ все, можетъ все и дѣлаетъ все. Ну, а развѣ Жозефъ Берта будетъ такимъ болваномъ, чтобы осмѣлиться подумать, что императоръ можетъ ошибиться хоть разъ въ жизни? Развѣ это не противно здравому смыслу?...

Вотъ что думали мы тогда, и если бы императоръ побѣдилъ, то вмѣстѣ съ нами такъ думала бы и вся Франція.

Тогда я радовался, что набралъ моркови и рѣпы, потому что подходя въ бивуакамъ, чтобы спросить, гдѣ находится нашъ батальонъ, мы узнали, что еще не было раздачи съѣстныхъ припасовъ: солдаты получили только порціи водки и заряды.

Старые солдаты пошли наливать котлы. Рекруты же, неумѣвше еще жить походною жизнью, уже съѣли, по несчастью, свой хлѣбъ, что было очень естественно для человѣка двадцати лѣтъ, при хорошемъ аппетитѣ и при большой ходкѣ; поэтому, намъ пришлось сидѣть безъ хлѣба.

Къ семи часамъ мы, наконецъ, дошли до бивуака. Зебеде, увидавъ меня, очень обрадовался; онъ пошелъ ко мнѣ на встрѣчу и сказалъ:

— Какъ я радъ тебя видѣть, Жозефъ! Что такое ты принесъ? Мы добыли очень жирнаго козленка; у насъ есть и соль, но ни крошки хлѣба.

Я показалъ ему оставшіяся у меня рисъ, морковь и рѣпы.

— Отлично! сказалъ онъ, у насъ будетъ лучший супъ въ цѣломъ батальонѣ.

Мнѣ хотѣлось, чтобы Бюшъ ѣлъ съ нами, и шесть человѣкъ, сидѣвшіе у нашего котла и случайно всѣ оставшіеся въ живыхъ, не смотря на полученные удары прикладами и царяпины, согласились на это. Барабанщикъ Паду сказалъ, смѣясь:

— Старые солдаты и дѣйствуютъ, какъ старые солдаты: они никогда не приходятъ съ пустыми руками.

Мы искоса посматривали на котель пятерыхъ рекрутовъ, въ которомъ варился рисъ въ простой водѣ, и подмигивали, потому что у насъ былъ отличный мясной супъ, распространявшій пріятный запахъ.

Въ восемь часовъ мы поѣли съ невообразимымъ аппетитомъ. Даже въ день своей свадьбы не помню я такого обѣда; мнѣ до сихъ поръ пріятно объ этомъ вспомнить. Старость унимаетъ энтузіазмъ къ подобнымъ вещамъ, но воспоминаніе остается все-таки пріятное.—И этотъ хорошій обѣдъ долго поддерживалъ насъ; бѣдные рекруты, съ остатками своего хлѣба, размоченнаго, какъ тѣсто, дождемъ, натерпѣлись на слѣдующій день, 18-го числа. Мы выдержали короткое, но ужасное сраженіе. Теперь все это миновалось; но, тѣмъ не менѣе, нельзя безъ умиленія подумать объ этихъ ужасныхъ бѣдствіяхъ и не поблагодарить Бога за свое спасеніе.

Погода начинала разгуливаться; солнце проглядывало сквозь тучи. Только-что мы поѣли, какъ по всей линіи забилъ сборъ.

Надо сказать, что въ то время пруссаки уводили свои аррьергарды изъ Сомбрефа, и дѣло шло о преслѣдованіи ихъ. Многіе говорили даже, что слѣдовало бы начать съ этого. Но говорившихъ не слушали; императоръ зналъ, что дѣлалъ.

Я помню, однако, что всѣ удивлялись, потому что всегда водилось пользоваться побѣдою. Старые солдаты никогда ничего иного не видывали. Предполагалось, что императоръ приготовляеть что нибудь рѣшительное, что онъ послалъ Нея обогнуть неприятеля, или что нибудь подобное.

Между тѣмъ, сборъ начался; генераль Жераръ пріѣхалъ дѣлать смотръ 4-му корпусу. Напѣ батальонъ пострадалъ всего болѣе, потому что былъ въ трехъ атакахъ и постоянно во главѣ:—у насъ были ранены командиръ Жемо и капитанъ Видалъ; убиты капитаны Грегуаръ и Виньо; выбили изъ батальона семь порутчиковъ и подпорутчиковъ и триста шестьдесятъ солдатъ.

Зебеде говорилъ, что было хуже, чѣмъ въ Монмиралѣ, и что передъ выступленіемъ насъ, вѣрно, пополнять.

Къ счастью, четвертый батальонъ, подъ начальствомъ Делонга, пришелъ изъ Метца замѣнить насъ въ полѣ.

Капитанъ Флорентинъ, командовавшій нами, крикнулъ:

— Слѣва рядами! и мы сошли въ деревню до самой церкви, гдѣ стояло множество телѣжекъ.

Насъ раздѣлили на небольшіе отряды для наблюденія за отправкою раненыхъ. Нѣсколько стрѣлковыхъ отрядовъ получили приказаніе проводить телѣги съ ранеными до Флеруса, потому что въ Линьи было мало мѣста; церковь была уже полна этими горемычными.

Не мы выбирали раненыхъ, а военные доктора и деревенскіе врачи, которыхъ потребовали для этого; слишкомъ было трудно отличить такое множество раненыхъ отъ убитыхъ. Мы помогали только укладывать ихъ въ телѣги на солому.

Дѣло это было мнѣ знакомо еще съ Лютцена; я зналъ, сколько надо выстрадать, чтобы освободиться и вылечиться отъ пули, картечи и удара пика, какіе наносятъ наши кирасиры. Всякій разъ, когда я видѣлъ, что уносятъ такого бѣдняка, я благодарилъ Бога, что онъ избавилъ меня отъ подобнаго положенія, и, думая, что и со мной могло это случиться, я говорилъ себѣ: «Ты не знаешь, сколько пуль и картечь пронеслось около тебя; иначе, эта мысль привела бы тебя въ уасть.»

.. Я удивлялся, что еще столько изъ насъ спасаясь въ этой рѣзвѣ, — гораздо худшей, какая была при Лютцигѣ, и даже при Лейпцигѣ, — потому что битва продолжалась пять часовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ убитыхъ было навалено на два и на три фута. Подъ ними кровь бѣжала ручьями. Въ длину всей большой улицы, по которой стрѣляли изъ орудій, грязь была краснаго цвѣта: грязь изъ мяса и сломанныхъ костей.

Надо говорить все на-голо для поученія юношей. Я драться больше не пойду, потому что вышелъ изъ лѣтъ, слава Богу! Но вся эта молодежь, которая только и думаетъ о войнѣ, вмѣсто того, чтобы стремиться честно работать и помогать своимъ старымъ родителямъ, должна знать, какъ обращаются съ людьми. Пусть они представляютъ себѣ, что должны думать несчастные, неисполнившіе своихъ обязанностей, когда они, лежа на улицѣ или на большой дорогѣ, съ оторваннымъ какимъ нибудь членомъ, слышатъ надъ собою грохотъ орудій, въ двѣнадцать, пятнадцать тысячъ фунтовъ вѣсу, и громадныхъ лошадей, подкованныхъ желѣзомъ и скачущихъ со ржаніемъ.

Вотъ въ такую-то минуту они, вѣрно, видятъ бѣдныхъ стариковъ, какъ тѣ протягивали къ нимъ руки передъ деревенскимъ маленькимъ домикомъ въ то время, какъ они, уходя, восклицали:

— Я отправлюсь!... и вернусь съ крестомъ или въ эполетахъ. Да-да! если бы они могли плакать и просить у Бога прощенія, крики и жалобы ихъ, вѣрно, были бы услышаны! Но тутъ уже нѣтъ времени: — пушки и зарядные ящики, наполненные ядрами и бомбами, приближаются; они сами заранѣе слышать, какъ хрустятъ ихъ кости.... и все это пробѣгаетъ по ихъ тѣлу, какъ по грязи.

Когда чувствуешь себя старикомъ и имѣешь дѣтей, которыхъ любишь, отвратительно подумать, что люди не могутъ уживаться безъ подобныхъ несчастій. Готовъ отдать все, до послѣдней рубашки, только бы удержать ихъ.

Но все это ни къ чему не ведетъ. Люди идутъ убивать своихъ ближнихъ не изъ любви къ славѣ.... они идутъ противъ воли и не могутъ упрекать себя: они защищаютъ свою жизнь, и пролитая кровь не падаетъ на нихъ.

Однако, надо же докончить вамъ рассказъ объ этой битвѣ и объ этомъ отыскиваніи раненныхъ.

Я видѣлъ тамъ вещи, вторымъ трудно вѣрить. Я видѣлъ людей убитыхъ въ минуту самаго страннаго бѣшенства и свирѣпыхъ лица которыхъ еще не измѣнились; они держали еще свои ружья, стволъ

прислонившись къ стѣнамъ, и глядя на нихъ, вы точно слышите, какъ они кричатъ:

— Въ штыки! Нѣтъ никому пощады!

Съ этой мыслью и съ этимъ крикомъ они вдругъ предстали предъ Господомъ.. Онъ слышалъ ихъ. Онъ могъ сказать имъ:

— Вотъ я... Ты хочешь убивать своихъ братьевъ?... Ты не хочешь давать имъ пощады? И тебѣ ея не будетъ!

Я видѣлъ другихъ полумертвыхъ, задушившихъ другъ друга! Въ Флерусѣ пришлось отдѣлать пруссаковъ отъ французовъ, потому что они вставали съ постелей или съ вучь соломы, чтобы разорвать и уничтожить другъ друга!

Война!.. война обращаетъ людей въ дикихъ звѣрей!..

XX.

Подбираніе раненыхъ продолжалось до вечера. — Около полудня, по всей линіи нашихъ бивуаковъ раздались крики: «*Да здравствуетъ императоръ!*» Они раздавались отъ деревни Бри до Сомбрефа. Наполеонъ ѣхалъ изъ Флеруса съ своимъ штабомъ и дѣлалъ въ долинѣ смотръ арміи. Крики эти длились съ часъ, потому все смолкло армія, нѣрнятно, двинулась.

Мы долго ждали приказанія слѣдовать за ней; но такъ какъ оно не являлось, капитанъ Флорентинъ поѣхалъ посмотрѣть и вернулся во весь опоръ, крича:

— Бейте сборъ!

Отряды батальона соединились и мы форсированнымъ маршемъ пошли по деревнѣ. Всѣ уже ушли. Множество другихъ взводовъ тоже не получили приказанія, и въ Сентъ-Аманѣ всѣ улицы были полны солдатами. Нѣсколько ротъ, оставшихся сзади, прямо подемъ пробирались до дороги, что шла влѣво и по которой тянулась безконечная колонна: зарядные ящики, фуры и всевозможныя телѣги.

Мнѣ часто приходило въ голову, что въ тотъ день намъ выпало счастье быть оставленными сзади, какъ дивизія Жерара въ Сентъ-Аманѣ; насъ никто не могъ бы упрекать. Такъ какъ намъ приказано было подбирать раненыхъ,—мы исполняли службу; но капитанъ Флорентинъ почелъ бы себя обезпеченнымъ.

Мы шли, сибѣна. Дождь пошелъ опять; мы скользили по грязи, и начинало смеркаться. Никогда не случалось мнѣ видѣть такой отвратительной погоды, даже въ Германіи, во время отступленія изъ Лейпцига; дождь лилъ, какъ изъ ведра, и мы шли, согнувъ спину,

съ ружьями подъ мышкой, прикрывая полою шинели огниво, и такіе вымоченные, что не замѣтили бы, если бы окунулись въ рѣку. А какая грязь-грязь! Кромѣ того, началъ чувствовать голодь. Бушъ повторялъ отъ времени до времени:

— Все равно, дюжина крупныхъ картофелей, испеченныхъ въ золѣ, какъ въ Гарбергѣ, очень порадовали бы меня. У насъ не всякій день ѣдятъ говядину, но картофель всегда есть!

Мнѣ же воображалась наша маленькая комната въ Пфальцбургѣ, теплая, съ бѣлымъ столомъ, старикъ Гульдентъ, сидѣвшій передъ своей тарелкой, и Катерина, подававшая намъ вкусный говяжій супъ, пока котлеты жарились на жаровнѣ. Меня давила печаль, что я не дома; если бы для того, чтобы избавиться отъ всего, нужно было пожелать смерти, меня давно не было бы въ живыхъ.

Наступила ночь совершенно темная; только колѣи, въ которыя мы вѣзли до колѣнъ, и обозначали дорогу; чтобы не сбиться, надо было идти по грязи.

Между семью и восьмью часами, послышался издали гулъ грома; нѣкоторые говорили:

— Это громъ!

Другіе:

— Это пушки!

За нами шло много отставшихъ солдатъ. Въ восемь часовъ мы пришли въ Катръ-Бра. Это два дома, одинъ противъ другого, на перекресткѣ дорогъ изъ Нивеля въ Намюръ и изъ Брюсселя въ Шарлеруа; дома эти были набиты ранеными. Тутъ-то маршалъ Ней и далъ битву англичанамъ, чтобы помѣшать имъ идти на помощь къ пруссакамъ по дорогѣ, по которой мы только-что пришли. У него было только двадцать тысячъ человекъ противъ сорока тысячъ, и Николай Кнутъ, кожевенникъ, до сихъ поръ утверждаетъ, что онъ долженъ былъ бы послать намъ половину своихъ войскъ, чтобы захватить пруссаковъ стыку, какъ-будто не довольно было того, что онъ остановилъ другихъ. Впрочемъ, для подобныхъ людей все легко; только если бы они командовали сами, ихъ разбили бы четырьмя человеками и однимъ капраломъ.

Внизу, въ поляхъ съ ячиенемъ и овсомъ, все было загромождено убитыми. Тамъ-то я и увидѣлъ въ первый разъ красные мундиры на убитыхъ.

Капитанъ приказалъ намъ остановиться; онъ одинъ вошелъ въ дождь, направо. Мы ждали немного, стоя подъ дождемъ, послѣ чего онъ вышелъ изъ двери съ дивизионнымъ генераломъ Донзело, который смѣялся, потому что намъ бы слѣдовало идти за арміей

Групи къ Намюру, и что, не получивъ должнаго приказанія, мы повернули къ Катръ-Бра. Намъ дали приказъ, не останавливаясь, продолжать путь.

Мнѣ всякую минуту казалось, что я упаду отъ слабости; но положеніе ухудишилось, когда мы догнали фургоны, потому что тогда пришлось идти подлѣ дороги по полю, и чѣмъ мы шли дальше, тѣмъ почва становилась вязче.

Къ одиннадцати часамъ мы пришли въ большую деревню, подъ названіемъ Генаншъ, идущую по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Скопленіе фуръ, пушекъ, обозныхъ телѣгъ въ этой улицѣ заставило насъ перейти ее направо черезъ мостъ, и съ этого мѣста мы уже постоянно шли черезъ хлѣбныя поля, черезъ воноплю, въѣвъ какіе нибудь дикіе, ничего неубажающіе. Ночь была такъ темна, что верховые драгуны, разставленные на двухстахъ шагахъ, какъ столбы, кричали:

— Сюда! сюда!

Къ полночи мы пришли къ повороту дороги, подлѣ какой-то фермы, крытой соломой и наполненной генералами и штабомъ. Это было недалеко отъ большой дороги, потому что слышался тонотъ лошадей, шумъ ѣхавшей артиллеріи и экипажей, похожій на шумъ потока.

Не успѣвъ еще капитанъ войти на ферму, какъ многіе изъ насъ черезъ заборъ бросились въ огородъ. Я послѣдовалъ за другими и хваталъ рѣпъ. Немедленно этому движенію послѣдовалъ весь батальонъ, не смотря на крики офицеровъ; всякій выривалъ штыкомъ все, что могъ, и черезъ двѣ минуты все было опустошено. Сержанты и капралы были съ нами; когда возвратился капитанъ, мы стояли уже по мѣстамъ.

Кто воруетъ и грабитъ во время похода, тотъ стоитъ, чтобы его разстрѣляли; но что же дѣлать? Въ попадавшихся намъ деревняхъ не было и четверти количества припасовъ, необходимыхъ для такого множества народа. Англичане уже почти все забрали. У насъ оставалось немного риса, но рисъ безъ говядины совѣмъ не придаетъ человѣку силы. Англичане получали изъ Брюсселя быковъ и барановъ; англичанъ кормили хорошо и они цвѣли здоровьемъ. Мы же пришли слишкомъ скоро, обозы съ припасами за нами не послѣвали, и на слѣдующій день — день страшной битвы при Ватерло, — мы получили только по порціи вѣдки.

Выйдя оттуда, мы стали подниматься на небольшую гору и, не смотря на дождь, увидали бивуаки англичанъ. Насъ разставили во ржи, между многими полками, которыхъ не было видно, потому что

отдашь быль признавъ не разводять огней, изъ божьихъ испугать неприятеля, если онъ увидитъ насъ на днѣхъ и рѣшится продолжать отступать.

Теперь представьте себѣ людей, лежащихъ во ржи подъ проливнымъ дождемъ, какъ какіе нибудь цыгане, дрожащихъ отъ холода, и мыслящихъ объ уничтоженіи себѣ подобныихъ, и довольныхъ какой нибудь брюквой, рѣпой или все равно чѣмъ нибудь, чтобъ поддержать свои силы. Развѣ такъ могутъ жить честные люди? Развѣ Господь создалъ насъ для подобной жизни? Развѣ не противно, что люди, вмѣсто того, чтобы заниматься торговлей, промышленностью, образованіемъ, доходятъ до такого положенія?... Я знаю, что это называется славкою; но какъ глупы народы, уважающіе эту славку!... Да, въ такихъ дѣйствіяхъ нѣтъ ни смисла, ни сердца, ни религіи.

Все это не мѣшало стучать нашимъ зубамъ и видѣть противъ себя англичанъ, грѣвшихся и веселившихся вокругъ большихъ огней, послѣ раздачи порцій мяса, водки и табаку. Я думалъ:

— «Это мы, несчастные, промовшіе до костей, принуждены атаковать этихъ людей, увѣренныихъ въ самихъ себя и у которыхъ нѣтъ недостатка ни въ пушкахъ, ни въ продовольствіи, ни въ чѣмъ; которые спятъ, протянувъ ноги къ огню, съ хорошо набитымъ брюхомъ, въ то время, какъ мы спимъ въ грязи.

Всю ночь зрѣлище это возмущало меня. Бюшъ говорилъ:

— Дождь мнѣ ничего не значить; я и не подъ такимъ бывалъ, когда приходилось сторожить; но, по крайней мѣрѣ, у меня всегда бывалъ хлѣбъ, лукъ и соль.

Онъ сердился. Я, съ своей стороны, такъ горевалъ о своей участи, что ничего не говорилъ.

Ночью, часовъ около двухъ или трехъ, дождь пронелъ. Мы съ Бюшемъ лежали въ глубокой межѣ, прислонившись спишками, и я наконецъ, заснулъ отъ сильнаго утомленія.

Никогда не забыть мнѣ, какъ я проснулся около пяти часовъ: колокола деревни звонили къ заутрени и звонъ ихъ разносился по этой большой долинѣ. Я взглянулъ на рожь, на всюду лежавшихъ товарищей, на сѣрое небо—и сердце мое сжалось при мысли о нашихъ ужасныхъ бѣдствіяхъ. Звукъ колокола, разносившійся до Планшенуа, Генашна, Фришмонта, Ватерло, напоминалъ мнѣ Шаландбургъ, и я говорилъ самъ себѣ:

→ Сегодня воскресенье, день покоя и мира. Вчера г. Гульдентъ повѣсилъ на спящую стула свой херемій фракъ и чистую рубашку; теперь онъ встанетъ и думаетъ о мнѣ.... Катерина тоже встанетъ;

въ нашей империальной комнатѣ; она сидитъ на постели и плачетъ; тетюшка Гредель отворяетъ теперь у себя въ *Четырехъ Вильрага* ставни; изъ шкапа она достала свой молитвенникъ, чтобы идти къ обѣднѣ.

И мнѣ казалось, я точно слышу колокола Давна, Миттельброня, Вигельберга, гудящія въ тишинѣ. Я вспомнилъ эту славную, тихую жизнь.... Мнѣ хотѣлось залиться слезами! Но начался бой барабана, глухой трескъ, намъ всегда въ сырое время, точно что-то зловѣщее. Около большой дороги били тревогу, трубы кавалеріи играли зорю. Всѣ вставали и смотрѣли черезъ рожь. Три дня ходьбы, битвы, дурная погода и недостатокъ пищи придали всѣмъ намъ еще болѣе мрачности. Никто не разговаривалъ, какъ было въ Линьи; всѣ смотрѣли и думали про себя.

Напередъ было видно, что битва будетъ большая, потому что, вѣсто деревень, занятыхъ на первомъ планѣ, и которыя образуютъ отдѣльныя битвы, передъ нами разстилалась большая долина, занятая англичанами. За ихъ линіями, наверху горы, находилась деревня Монъ-Сенъ-Жанъ, а гораздо далѣе, мили за полторы, большой лѣсъ, замыкавшій горизонтъ.

Между англичанами и нами, поляна шла отъ нихъ отлого и поднималась къ нашей сторонѣ; но надо было имѣть привычку, чтобы замѣтить этотъ маленькій пригорокъ, который становился глубже вправо и суживался въ видѣ лоцины. На склонѣ этой лоцины, съ нашей стороны, за заборами, тополи и другія деревья, и дома, покрытые соломой, изоблжчати деревушку: это было Плашпенуа. Въ томъ же направленіи, но гораздо выше и за лѣвнымъ крыломъ неприятеля, разстилалась безконечная долина, усыпанная деревнями.

Мѣстность вся становится виднѣе въ дождливое время, послѣ грозы, — все оiene-темное на свѣтломъ грунтѣ. Видна была даже деревня Сенъ-Ламберъ, мили за три вправо отъ насъ.

Слѣва и сзади правой стороны англичанъ виднѣлись тоже маленькія деревни, названія которыхъ остались мнѣ неизвѣстными.

Вотъ что увидали мы съ перваго взгляда въ этой пространной странѣ великолѣпныхъ цѣтущихъ жатвъ, и всякому приходило въ голову вопросъ: — вачѣмъ англичане расположились тутъ и что за выгода удерживать имъ это положеіе? Потому лѣцію ихъ мы разсмотрѣли лучше — на полторы или на двѣ тысячи метровъ отъ насъ, и увидали большую дорогу, по которой мы шли изъ Катръ — Бра и которая шла въ Брюссель. Эта широкая дорога, хорошо вымощенная, ширѣлась почти посрединѣ позицію неприятеля; она шла совершенно прямо и ее можно было прослѣдить глазами до дерев-

ни Монъ-Сенъ-Жанъ, и даже дальше, до самаго Суанскаго гѣса. Англичане хотѣли защитить ее, чтобы не пропустить насъ въ Брюссель.

Вглядываясь попристальнѣе, видно было, что ихъ боевая линія склонялась немного въ нашу сторону обоими крыльями и шла вдоль углубленной дороги, перекрещивавшейся съ большою бриссельскою дорогою. Эта дорога по лѣвую сторону шоссе шла со всѣмъ въ углубленіи; справа ее окаймляли изгороди изъ остролистника и небольшія буковыя деревья, столь обыкновенныя въ этой мѣстности. Тамъ за ними стояло множество красныхъ мундировъ, наблюдавшихъ за нами съ своего прикрытаго пути; передняя сторона ихъ горы спускалась скатомъ, въ родѣ гласиса, что было очень опасно.

Фланги ихъ, тянувшіеся на три четверти мили, состояли изъ кавалеріи. Кавалерія видѣлась тоже и наверху холма, въ томъ мѣстѣ, гдѣ большая дорога, пройдя черезъ пригорокъ, спускается передъ тѣмъ, чтобы подняться къ Монъ-Сенъ-Жану; понятно, что между позиціей англичанъ и этой деревней было углубленіе, не очень большое, потому что отъ насъ были видны перья кавалеріи, находившейся въ немъ, но, однако, на столько глубокое, чтобы можно было скрыть въ немъ большія резервныя силы видѣ нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Я уже видѣлъ Вейсенфельсъ, Лютценъ, Лейпцигъ и Линьи, и потому понималъ нѣсколько, что значить такая или другая позиція, и находилъ, что англичане отлично устроились для защиты большой дороги, и что резервы ихъ, хорошо прикрытыя за холмомъ, показывали въ этихъ людяхъ много здраваго смысла.

Не смотря на это, три обстоятельства казались мнѣ тогда для насъ выгодными. Англичане съ своими прикрытыми путями и съ хорошо скрытыми резервами находились точно въ большемъ укрѣпленіи. Но всѣмъ извѣстно, что въ военное время надо тотчасъ же разрушать, вокругъ укрѣпленій всѣ зданія подлѣ валовъ, чтобы не допустить непріятеля занять и прятаться за ними. Ну, а у нихъ именно въ серединѣ, вдоль большой дороги и на скатѣ гласиса, стояла ферма, въ родѣ *Рулетки* въ *Четырехъ Витрахъ*, но въ пять или въ шесть разъ больше той. Я ее ясно видѣлъ съ того возвышенія, на которомъ мы находились: она была выстроена въ видѣ большого квадратнаго строенія, домъ, конюшни и амбары въ видѣ треугольника, выдающагося къ сторонѣ англичанъ, а другой треугольникъ, состоящій изъ стѣны и навѣса, выходилъ въ нашей сторонѣ; дворъ былъ въ серединѣ. Одна сторона этой стѣны

выходила въ поле, и въ ней была маленькая дверь; другая выходила на большую дорогу, и въ ней были ворота для проѣзда экипажей. Строеіе было все прочное, изъ кирпича. Разумѣется, англичане окружили ее войсками, въ видѣ полумѣсяца; но если бы намъ удалось взять ее, мы были бы около самаго центра и могли бы выдвигать наши колонны въ атаку на нихъ, не подвергаясь сама огню неприятеля.

Вотъ что было для насъ тутъ хорошаго. Ферма эта называлась Ге-Сентъ, какъ мы тогда узнали.

Далѣе, передъ ихъ правымъ флангомъ, въ глубинѣ находилась другая ферма съ маленькимъ лѣсомъ, которую мы могли постараться тоже занять. Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, не было видно этой послѣдней фермы, но, должно быть, она была еще крѣпче Ге-Сента, потому что ее прикрывалъ огорождъ, обнесенный заборомъ, и далѣе прикрывалъ лѣсъ. Изъ оконъ можно было стрѣлять въ огорождъ, изъ огорода въ лѣсъ, изъ лѣсу на гору: неприятель могъ отступать изъ одного мѣста въ другое.

Я не видѣлъ этого собственными глазами, но мнѣ потомъ рассказывали старики атаку фермы этой, называвшейся Гугумонъ.

Когда говоришь о такой битвѣ, надо объяснить все, но, главное, объяснить то, что видѣлъ самъ; тогда можно сказать:—это я самъ видѣлъ, а другое я только слышалъ отъ людей честныхъ, способныхъ ни обманывать, ни лгать.

Наконецъ, нѣсколько болѣе впереди, передъ ихъ лѣвымъ флангомъ, гдѣ проходила дорога въ Вавръ, за нѣсколько сотъ шаговъ отъ насъ, были еще фермы: Пашелотъ и де-ла-Ге, занятія нѣмцами, и маленькіе домишки: Смогенъ, Шваль-де-Буа и Жанъ-Ло, о которыхъ я узналъ уже потомъ, желая отдать себѣ отчетъ о всемъ, что происходило. Эти домишки я видѣлъ и прежде, но не обращалъ на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что они находились внѣ нашей боевой линіи, манраво, и потому, что въ нихъ не было видно войска.

Такимъ образомъ, теперь всякій можетъ представить себѣ позидію англичанъ относительно насъ: большая брюссельская дорога, прикрывающая ее, сзади холмъ, на которомъ размѣщены резервы, другая дорога, прорѣзывающая посрединѣ и спереди три строеія: Гугумонъ, Ге-Сентъ и Пашелотъ, хорошо укрѣпленные. Всякій можетъ сообразить, что взять все это не легко.

Я глядѣлъ на это въ шесть часовъ утра, весьма внимательно, какъ человѣкъ, рискующій потерять жизнь или переломать себѣ

ребра въ предпріятіи, и который хочеть, по крайней мѣрѣ, узнать, на сколько возможно спасеніе.

Зебеде, сержантъ Рабо, капитанъ Флорентенъ, Бюшъ—словомъ, всѣ, вставая, осматривали позвнцію, не говоря ни слова. Потому они оглядывали вокругъ себя большія кучи пѣхоты, эскадроны кирасировъ, драгуновъ, стрѣлковъ, улановъ и т. д., расположенныхъ посреди хлѣбныхъ полей.

Тогда уже не боялись болѣе, что англичане стануть отступать; всѣ разводили сколько угодно огня, и по воздуху носился дымъ отъ горѣвшей сырой соломы. Тѣ, у кого оставалось еще немного риза, вѣшали котлы; другіе же смотрѣли, думая:

— У всякаго свой чередъ: вчера у насъ было мясо, мы не смотрѣли на ризу; а теперь хорошо бы поѣсть и ризу.

Къ восьми часамъ пріѣхали фуры съ зарядами и бочками съ водкой. Всѣ солдаты получили по двойной порціи; съ крахмальной хлѣба можно было бы остаться довольнымъ, но хлѣба не было. Посудите сами, какъ всѣ были мрачны. Въ этотъ день намъ больше ничего не дали, потому что, вслѣдъ за этимъ, началось сильное движеніе. Полки собрались въ бригады, бригады въ дивизіи, а дивизіи составили корпуса. Офицеры верхомъ развозили приказанія; все было на ногахъ.

Батальонъ присоединился къ дивизіи Довзелю; въ другихъ дивизіяхъ было только по восьми батальоновъ, а въ этой было девять.

Я часто слышалъ рассказы стариковъ о порядкѣ битвы, данной императоромъ: корпусъ Рейля влѣво отъ дороги, противъ Гугумона; Эрлонъ направо, противъ Ге-Сента; Ней поперегъ большой дороги и Наполеонъ сзади съ старой гвардіей, эскадронами улановъ и стрѣлковъ, и т. д. Вотъ все, что я понялъ, потому что когда старики начинаютъ говорить о движеніи одиннадцати колоннъ, о разстояніи дельловровки, и перечислять имена всѣхъ генераловъ, мнѣ кажется, будто они говорятъ о вещахъ, которыхъ я никогда не видывалъ. Поэтому я лучше расскажу вамъ просто то, что самъ помню.

Въ половинѣ девятаго часа четыре дивизіи получили приказаніе двинуться впередъ, по правую руку отъ большой дороги. Намъ было тысячь пятнадцать, двадцать; мы шли двумя линіями, съ ружьями вольно, и выжили до колѣнъ. Всѣ шли молча.

Многіе говорятъ, что мы были веселы и пѣли, но это неправда. Когда человѣкъ шагаетъ всю ночь, не получивъ ѣды, спать въ вѣдѣ и ему запрещено разводить огонь, и когда его могутъ осматривать картечью,—ему ужь не хочется пѣть; мы довольны были, вытаскивая свои башмаки изъ трясины, въ которыя проваливались на каждомъ

шагу; мокрая розь освѣжала ноги, и самые храбрые изъ насъ были недовольны.

Правда, что музыка играла марши своихъ полковъ, и что кавалерійскія трубы, барабаны пѣхотинцевъ, литавры и тромбоны, перемѣшанные вмѣстѣ, производили страшный эффектъ, какъ и всегда. Правда, что трудно представить себѣ что нибудь ужаснѣе этихъ тысячъ людей, идущихъ въ порядкѣ скорымъ шагомъ, съ мѣшкомъ за спиной, съ ружьемъ на плечѣ; этихъ бѣлыхъ линій кирасировъ, слѣдовавшихъ за красными, коричневыми, зелеными линиями драгунцовъ, гусаровъ и улановъ, маленькіе значки которыхъ, похожіе на ласточекъ, точно детали по воздуху; этихъ артиллеристовъ между бригадами, верхомъ вокругъ своихъ орудій, врѣзавшихся въ землю до самой оси, — все это, проѣзжая по жатвамъ, не оставляло ни единого колоса.

А стоявшіе напротивъ англичане въ строгомъ порядкѣ, ихъ артиллеристы съ зажженными фитилями тоже заставляли задумываться. Такое зрѣлище не можетъ доставить удовольствіе, тѣмъ болѣе, что многіе говорятъ, что люди, любящіе пушечные удары, еще очень рѣдки.

Старикъ Гульденыъ говорилъ мнѣ, что въ его время солдаты пѣли; но они пѣли потому, что шли добровольно, а не по принужденію. Они дрались, чтобы удержать свои поля, и дрались за права человѣка, что было имъ дороже всего на свѣтѣ; а вѣдь это совсѣмъ не то, что драться изъ-за того, будетъ ли новое или старое дворянство. Я никогда не слышалъ ни въ Лейпцигѣ, ни въ Ватерло, чтобы наши пѣли.

Мы шли; музыка играла по приказанію старшихъ; а когда она смолкла, наступило самое глубокое молчаніе. Тогда мы были уже наверху небольшого холма, на тысячу или тысячу двѣсти шаговъ съ лѣвой стороны отъ англичанъ. Мы составляли центръ нашей арміи; стрѣлки стояли у насъ съ праваго фланга съ ударами.

Войска разошлись на дистанціи, сомкнули интервалы, первая бригада первой дивизіи отодвинулась влѣво и стала поперегъ шоссе. Батальонъ нашъ принадлежалъ ко второй дивизіи, такъ что мы стояли на первой линіи, съ одной бригадой изъ первой дивизіи передъ нами. — Передъ нашимъ фронтомъ поставили всѣ орудія; орудія англичанъ видѣлись напротивъ, на такой же высотѣ. И долго подходили другія дивизіи на подмогу намъ. Казалось, будто движется вся земля; старшие говорили: — Батальонъ кирасиры. Мильгода! воть, стрѣлки Лефевра-Данкетто! вонъ тамъ корпусъ Лобау!

Со всѣхъ сторонъ, на разстояніи, какое могъ окватить глазъ, только и видѣлись кирасы, каски, сабли, значки и штаны.

— Какая битва! вскричалъ Бюшъ. — Бѣда англичанамъ!

Я думалъ то же, что и онъ, и мнѣ казалось, что не останется ни одного англичанина. Можно сказать, что въ тотъ день намъ не посчастливилось; мнѣ кажется, что, не будь пруссаковъ, мы уничтожили бы все.

Въ теченіи двухъ часовъ, мы стояли съ оружіемъ къ ногѣ и не успѣли еще увидѣть и половины нашихъ полковъ и нашихъ эскадроновъ, — столько подходило новыхъ. Но я помню, что черезъ часъ вдругъ слѣва раздались крики: «*Да здравствуетъ императоръ!*» и крики эти, приближаясь, становились слышнѣе; что солдаты становились на цыпочки, вытягивая шею; что это дѣлалось во всѣхъ рядахъ; что сзади ржали даже лошади, какъ-будто бы и онѣ хотѣли кричать, и что въ это время бездна генераловъ во весь опоръ промчались мимо насъ. Кажется, между ними былъ и Наполеонъ, и, мнѣ кажется, я видѣлъ его, но я не увѣренъ въ этомъ; онъ ѣхалъ такъ скоро и столько народу подняло шапки свои на штыкахъ, что едва можно было успѣть разсмотрѣть его согнутую спину и сѣрый сюртукъ между штыхъ золотомъ мундировъ. Когда капитанъ крикнулъ: «На караулъ!» все уже исчезло.

Почти всегда его видѣли такъ, если только не стояли на часахъ.

Когда онъ проѣхалъ и крики стали удаляться въ правую сторону, всѣмъ пришло въ голову, что минутъ черезъ двадцать начнется битва. Но до начала битвы прошло гораздо дольше времени. Нетерпѣніе овладѣвало нами, рекруты корпуса Орлона, небившіе наканунѣ въ дѣлѣ, начали кричать: «Впередъ!» когда наконецъ, часамъ къ двѣнадцати, загремѣла на лѣвой сторонѣ пушка и, вѣдѣ за нею, начался батальонный огонь, а потомъ и стрѣльба рядами. Намъ ничего не было видно, потому что это была атака Гугумона, по другую сторону дороги.

Сейчасъ же раздались крики: «*Да здравствуетъ императоръ!*» Артиллеристы нашихъ четырехъ батальоновъ стояли на разстояніи двадцати шаговъ другъ отъ друга при своихъ орудіяхъ, вдоль горы. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ они начали заряжать. Я ясно помню, какъ они, стоя въ рядѣ, стали выладывать пушечные заряды, вбивать ихъ, выпрямляться и встраивать фитиль въ ружья; можно было сказать, что они дѣлали все такъ вѣстѣ, точно одинъ человекъ, что морозъ пробѣгалъ по кожѣ. Начальники орудій—все старые офицеры,—стояли сзади и командовали; точно на

парадѣ; и когда восемьдесятъ орудій дали залпъ, они заглушили все и вся долина покрылась дымомъ.

Черезъ минуту, спокойный голосъ этихъ стариковъ послышался снова, не смотря на шумъ въ ушахъ:

— Заряжай! Прибей заряды! Наводи! Пали!

И такъ это безостановочно продолжалось съ полчаса. Нивого не было видно больше; англичане тоже открыли огонь; жужжаніе ихъ ядеръ, глухой шумъ ихъ въ грязи и другой въ рядахъ, когда разламываются ружья и человекъ, всего изорваднаго, отбрасываетъ назадъ шаговъ на двадцать, или когда онъ падаетъ и у него недостаетъ или руки, или ноги, — шумъ этотъ перемѣшивался съ глухимъ грохотомъ: — началось истребленіе.

Сквозь этотъ общій шумъ раздавались крики раненныхъ. Слышно было тоже, какъ ждали пронзительнымъ голосомъ лошади; крики ихъ были ужасны, потому что эти животныя уже отъ природы кровожадны; онѣ только и счастливы во время рѣзни; ихъ почти удержатъ мальца. Сзади насъ, болѣе чѣмъ на полмили разстоянія, только и слышался этотъ гвалтъ: лошади рвались впередъ.

Давно ужъ сквозъ дымъ видѣлись работавшія въ дыму тѣни на краю оврага, и вдругъ раздалась команда: «Останови огонь!» Въ ту же минуту послышались громкіе голоса полковниковъ нашихъ четырехъ дивизій:

— Сомкнитесь въ боевой порядокъ!

Всѣ шеренги сдвинулись.

— Вотъ и нашъ чередъ, сказалъ я Бюшу.

— Да, отвѣчалъ онъ: — будемъ держаться вмѣстѣ.

Дымъ отъ нашихъ орудій нѣсколько поднялся, и мы увидали вдоль заборовъ, окаймлявшихъ дорогу, англійскія батареи, продолжавшія пальбу. Первая бригада дивизіи Аликса подвигалась по дорогѣ къ Ге-Сенту форсированнымъ маршемъ. Я узналъ сзади маршала Нея съ нѣсколькими офицерами главнаго штаба.

Всѣ окна фермы, садъ и стѣны съ продѣланными въ нихъ дырами, все было въ огнѣ; съ каждымъ шагомъ нашихъ войскъ позади на дорогѣ оставалось по нѣскольку человекъ. — Ней, верхомъ на лошади, въ шляпѣ, надѣтой поперегъ, смотрѣлъ на дѣйствія, стоя посреди шоссе. Я сказалъ Бюшу:

— Вотъ маршалъ Ней; вторая бригада поддержитъ первую, а потомъ подойдемъ мы.

Но я ошибся; въ ту же минуту отданъ былъ приказъ первому батальону второй бригады двинуться линіей, вправо отъ дороги, второму батальону за первымъ, третьему за вторымъ и, наконецъ,

четвертому за третьимъ. Не было времени сформировать насъ колонной для атаки, но, тѣмъ не менѣе, дѣло казалось хорошимъ; мы шли одни за другими, по ста-пятидесяти и двѣсти человекъ въ рядъ,—капитаны между ротами, командиры между батальонами. Только ядра ужъ не валили, какъ обыкновенно, человекъ по два, а вслѣдствіе этого, падало человекъ по восьми; задніе ряды не могли стрѣлять, потому что имъ мѣшали передніе; и въ послѣдствіи оказалось, что нельзя было образовать каре. Надо было вконецъ объ этомъ подумать, но желаніе оттиснуть англичанъ и побѣдить поскорѣе было слишкомъ сильно.

Наша дивизія пошла въ томъ же порядкѣ: по мѣрѣ того, какъ подвигался первый батальонъ, второй шелъ по его слѣдамъ, и такъ далѣе. Такъ какъ движеніе началось съ лѣвой стороны, — я съ удовольствіемъ видѣлъ, что мы будемъ въ двадцать-пятьомъ ряду и что надо будетъ изрубить страшное количество людей для того, чтобы добраться до насъ.

Двѣ дивизіи, справа отъ насъ, построились тоже огромными колоннами, въ трехстахъ шагахъ одна отъ другой.

Такимъ образомъ, мы сошли въ долину, не смотря на стрѣльбу англичанъ. Глина, въ которую мы вязли, мѣшала намъ идти; мы все кричали:

— Въ штыки!

Поднимаясь, мы были обсыпаны градомъ пуль черезъ шоссе на лѣво. Не будь мы такъ скучены, эта страшная стрѣльба остановила бы насъ. Били къ атакѣ.... Офицеры кричали: «Живѣя!» Но эта страшная стрѣльба какъ-то невольно гнула насъ вправо, такъ что, подойдя къ дорогѣ, окаймленной изгородью, мы потеряли интервалы и наша дивизія образовала одно каре съ третьей дивизіей.

Тогда двѣ батареи начали насъ обсыпать картечью, вылетающей изъ-за заборовъ, шаговъ за сто, и пронизывавшей насъ насквозь. Тутъ раздался отчаянный крикъ, и мы бросились на батареи, отталкивая красные мундиры, которые хотѣли удержать насъ.

Въ эту минуту я въ первый разъ увидѣлъ вблизи англичанъ: это были здоровые, бѣлые люди, хорошо выбритые, какъ порядочные мѣщане. Они защищались хорошо,—пу, да вѣдь и мы не ударили лицомъ въ грязь! Мы, простые солдаты, невиноваты, что они насъ побѣдили: всѣмъ извѣстно, что мы были такъ же храбры, какъ они, и даже храбрѣ ихъ!

Говорили, что мы были ужъ не солдатами Аустерлица, Иены, Фридланда и Москвы. Конечно! но зачѣмъ же не поберегли тѣхъ,

если они были такъ хороши? Мы ничего лучшаго не желали бы, какъ поставить ихъ на свое мѣсто.

Всякій выстрѣлъ англичанъ убивалъ кого нибудь, что заставило насъ резервать ряды: люди—не частоволы: имъ надо защищаться, когда въ нихъ стрѣляютъ.

Такимъ образомъ, многіе отдѣлились отъ общей массы, какъ вдругъ тысяча англичанъ встали посреди ржи и въ упоръ стали стрѣлять въ нихъ, что произвело страшную рѣаню; другіе ряды ежеминутно уходили на помощь товарищамъ, и кончилось бы тѣмъ, что мы разсыпались бы по горѣ, какъ муравейникъ, если бы не услышали команды:

— Берегись! кавалерія!

Почти въ это же время, мы увидѣли бездну красныхъ драгуновъ на сѣрыхъ лошадяхъ; они мчались, какъ вихрь; всѣ тѣ изъ нашихъ, которые хотя немного отдалались, были безъ пощады изрублены.

Нельзя предполагать, что эти драгуны напали на наши колонны для того, чтобы врубиться въ нихъ: онѣ были слишкомъ широки и массивны;—они ворвались между нашими дивизіями, махам саблями направо и налево и направляя лошадей своихъ на бока колонны, для того, чтобы разрѣзать ее на двѣ части; но они не смогли этого сдѣлать; только они убили много народу и привели насъ въ безпорядокъ.

Это одна изъ самыхъ ужасныхъ минутъ въ моей жизни. Какъ старый солдатъ, я шелъ справа отъ батальона и издали видѣть, что намѣревался сдѣлать неприятель: красные мундиры мчались, наклонившись, на сколько было возможно, на правую сторону, чтобы рубить въ ряды; удары ихъ сыпались, какъ молнія, и, больше двадцати разъ, мнѣ казалось, что голова моя слетаетъ съ плечъ. Не счастье для меня, замѣкнувшимъ сержантомъ былъ Рабо, и на него-то и посыпались эти страшные удары, когда онъ защищался на жизнь и смерть. Со всякимъ ударомъ онъ кричалъ:

— Подлецы! подлецы!

И кровь его, какъ дождь, брызгала на меня. Наконецъ, онъ упалъ. У меня было еще заряжено ружье, и видя, что одинъ изъ этихъ драгуновъ издали наклоняется, чтобы проткнуть меня пикой, я убилъ его на ковалъ. Вотъ единственный человекъ, который упалъ въ глазахъ моихъ отъ моего выстрѣла.

Хуже всего то, что въ ту же минуту ихъ соединившаяся пѣхота начала по насъ стрѣлять и отважилась даже броситься на насъ въ штыки. Только два первыхъ ряда могли защищаться. Развѣ не отвратительно было сформировать насъ такимъ образомъ?

Послѣ этого красные драгуны, переимѣненные съ нашими козлами, спустились въ долину.

Наша дивизія защищалась еще лучше, потому что у насъ сократились наши знамена, а двѣ другія дивизіи, рядомъ съ нами, лишились двухъ знаменъ.

Такимъ образомъ, мы сошли въ грязь межъ кустекъ, привезенныхъ для нашего поддержанія, и лошади которыхъ были изрублены драгунами. Мы бѣжали во всѣ концы. Бюньш не отходилъ отъ меня, и только черезъ десять минутъ насъ могли собрать подлѣ шоссе во взводахъ изъ всѣхъ полковъ.

Тѣ, которые берутся командовать во время войны, должны бы всегда имѣть подобные примѣры передъ глазами и хорошенько подумать прежде, чѣмъ примѣнять новыя выдумки; эти выдумки дорого стоятъ тѣмъ, которые принуждены исполнять ихъ.

Мы обернулись назадъ, остановившись, чтобы перевести духъ, и видѣли, что драгуны уже поднимались на гору, чтобы захватить нашу большую батарею въ восемьдесятъ орудій; но, слава Богу, и до нихъ дошла очередь быть побитыми. Императоръ издали видѣлъ наше отступление, и въ то время, какъ красные драгуны поднимались на гору, на нихъ, какъ гроза, напалъ справа полкъ кирасировъ, а слева полкъ улановъ; и въ одно мгновеніе ока они были уже около нихъ. Мы слышали каждый ударъ, звенѣвшій объ латы, слышали, какъ фыркали лошади; видно было за сто шаговъ, какъ поднимались и опускались пиклы, какъ взлетали сабли, какъ наклонялись люди, чтобы бить снизу, какъ испугавшіяся лошади поднимались на дыбы и кусались съ какимъ-то страшнымъ визгомъ; и потому видны были сбитые на землю люди, пытавшіеся встать и защищавшіеся рукой.

Что за ужасная вещь война!—Бюньш кричалъ: «Смѣлѣй!» Я же чувствовалъ, какъ потъ катился у меня градомъ. Другіе, съ рубцами и съ глазами налитыми кровью, вытирались, смѣясь съ свирѣпымъ видомъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ семьсотъ драгуновъ выбили изъ рядовъ; сѣрыя лошади разбѣжались во всѣ концы, зауеивъ удмла. Нѣсколько сотенъ солдатъ скрылись за свои батареи и, нѣсколько качаясь, цѣплялись за гривы своихъ лошадей.—Они видѣли, что еще недостаточно напасть только на людей, а что могутъ случиться вещи, которыхъ и не ожидаешь.

Изъ всего этого страшнаго зрѣлища всего болѣе осталось у меня въ памяти, какъ кирасеры наши, возвращаясь съ своими большими саблями, поблгровѣвшими до рукоятки, смѣялись между собой, и

какъ каменной-то толстой напуганъ, съ большими темными усами, проѣзжая мимо насъ, подмигивалъ глазами, какъ-будто весело говоря намъ:

— Ну!... вы видѣли... мы славно отдѣлали ихъ.

Да, не вѣдь намикъ осталось въ долинѣ три тысячи человѣкъ! И это еще не былъ конецъ: роты, батальоны и бригады образовывались снова; около Ге-Санта шла перестрѣлка; далѣе около Гугумона гремѣли пушки. Все это было только началомъ; офицеры говорили:

— Надо начинать снова.

Можно было подумать, что жизнь человѣческая ничего не стоитъ.

Наконецъ, надо было брать Ге-Санта; надо было, во что бы то ни стало, прочистить большую дорогу въ центрѣ неприятельской позиціи, подобно тому какъ выламываютъ двери въ крѣпость, не смотря на стрѣльбу формостовъ и рavelиновъ. Въ первый разъ насъ отбили, но битва была начата и отступать уже не было возможности.

Послѣ атаки кпраспировъ, потребовалось не мало времени, чтобы привести насъ въ порядокъ. — Битва продолжалась въ Гугумонѣ; пушечная пальба началась у насъ направо; пріѣхали двѣ батареи, чтобы очистить шоссе позади Ге-Санта, гдѣ дорога прорѣзываетъ гору. Всѣ видѣли, что атака направляется туда.

Мы ждали съ оружіемъ въ рукѣ, и къ тремъ часамъ Бюшъ, оглянувшись назадъ на дорогу, сказалъ мнѣ:

— Вотъ ѣдетъ императоръ.

И другіе въ рядахъ тоже говорили:

— Вотъ императоръ!

Дымъ былъ такъ густъ, что на маленькомъ пригоркѣ Росомма едва можно было разглядѣть мѣховыя шапки старой гвардіи. Я тоже обернулся посмотрѣть на императора, но тутъ же мы узнали маршала Нея, съ пятью или шестью офицерами главнаго штаба; они ѣхали изъ главной квартиры галопомъ прямо къ намъ. Мы стояли къ нимъ спиною. Командиры наши поспѣшили къ нимъ на встрѣчу, и мы слышали ихъ говоръ, но отъ шума не могли разслышать, что они говорятъ.

Вслѣдъ за этимъ, маршалъ проѣхалъ передъ фронтомъ нашихъ двухъ батальоновъ и вынулъ шлягу. Съ большого смотра въ Ашафенбургѣ я не видѣлъ его такъ близко; теперь онъ казался похუ-дѣвшимъ, постарѣвшимъ, болѣе костлявымъ, но все тѣмъ же, что и прежде; онъ смотрѣлъ на насъ своими свѣтло-сѣрыми глазами, и можно было подумать, что онъ видитъ всѣхъ, и каждому казалось, что онъ глядитъ на него. — Черезъ минуту, онъ указалъ шлягой на Ге-Санта; закричавъ намъ:

— Это мы возьмемъ!.... Вы будете держаться вѣстѣ.... Это зерна битвы.... Я самъ поведу васъ.— Батальонъ, слѣва рядами!

Мы пошли ускореннымъ шагомъ. На шоссе намъ велѣли идти ротами въ три шеренги; я находился во второй. Маршалъ Ней ѣхалъ впереди, верхомъ на лошади, съ двумя командирами и капитаномъ Флорентеюмъ; шпагу свою онъ вложилъ въ ножны. Пули свистали сотнями; пушки гремѣли такъ въ глубинѣ Гугумона, направо, съзади насъ и направо, что шумъ походилъ на звонъ большого колокола, когда не слышно уже отдѣльныхъ ударовъ, а только слышенъ гулъ. Изъ насъ безпрестанно кто-нибудь падалъ и другіе проходили черезъ него.

Маршалъ обернулся два или три раза, чтобы посмотрѣть; идемъ ли мы вѣстѣ; онъ былъ такъ спокоенъ на видъ, что мнѣ показалось совершенно естественнымъ не бояться; личность его придавала всѣмъ увѣренность, и всѣ думали:

— Ней съ нами.... неприятель пропасть!

Какъ глупы, однакожь, люди, точно они не замѣчали, что столько народу остается на дорогѣ. Чѣмъ ближе подходили мы къ этому большому зданію, тѣмъ яснѣе становился шумъ стрѣльбы посреди грохота пушекъ и тѣмъ виднѣе былъ огонь отъ выстрѣловъ, летѣвшихъ изъ оконъ, большая черная крыша надъ нимъ вся въ дыму и дорога, заваленная камнями.

Мы шли вдоль забора, за которымъ мелькали огоньки нашихъ застрѣльщиковъ, такъ какъ первая бригада дивизіи Аликса не выходила изъ огородовъ; и видя, что мы идемъ по шоссе, она начала кричать: «*Da drastagetъ императоръ!*» И такъ какъ весь отбѣн нѣмцевъ былъ направленъ тогда на насъ, маршалъ Ней, вынувъ шпагу, крикнулъ голосомъ, раздавшимся далеко:

— Впередъ!

Онъ поспежалъ въ дымъ, съ двумя или тремя другими офицерами. Мы бѣжали всѣ, съ лядункой, хлопавшей насъ по бокамъ, и съ ружьями на-готовѣ. Съзади далеко били тревогу; маршала не было видно, и мы его увидѣли только подлѣ навѣса, отдѣляющаго садъ отъ дороги, передъ входною дверью, верхомъ на лошади. Кажется, что другіе уже хотѣли выломать эту дверь, потому что до середины дороги лежали груды убитыхъ, балки, камни и обломки. Огонь выходилъ изъ всѣхъ отверстій зданія; только и слышенъ былъ запахъ пороха.

— Выбейте мнѣ эту дверь! кричалъ маршалъ, лицо котораго совершенно измѣнилось.

И мы всѣ, по пятнадцати, по двадцати человѣкъ, мы всѣ по-

бросали ружья, подняли балки и били ими въ трещавшія двери и гремѣвшія, какъ громъ. Казалось, что она упадетъ съ каждымъ ударомъ. Сквозь дощечки видно было, что она до верху была заложена камнями. Она уже погнулась и, падая, раздавила бы насъ всѣхъ, но злоба совершенно ослѣпляла насъ. Мы не походили болѣе на людей: у нѣкоторыхъ не было киверовъ, другіе были оборваны и почти въ однихъ рубашкахъ; кровь лилась у нихъ по рукамъ и вдоль ногъ; и при шумѣ стрѣльбы, картечь летѣла на насъ съ горы, мостовая вокругъ насъ разсыпалась въ пыль.

Я осмотрѣлся и не видѣлъ болѣе ни Бюша, ни Зебеде и никого въ роты. Маршала тоже не было. Ярость наша удвоивалась. И въ то время, какъ удары балками сыпались на дверь и мы сдѣлались точно бѣшенными отъ ярости, вида, что дверь не подается, вдругъ, среди страшнаго шума, на дворъ раздались крики: «*Да здравствуетъ императоръ!*» Всѣ мы поняли, что наши солдаты пробрались на ферму; мы бросили балки, схватили ружья и черезъ брешь прыгнули въ садъ—посмотрѣть, откуда пробрались наши товарищи. Вошли они за фермой, черезъ дверь, выходившую въ амбаръ. Нами входили по одиночкѣ, какъ вереница волковъ. Внутри ферма, наполненная соломой, сѣновалами съ сѣномъ, конюпнями, крытыми соломой, походила на окровавленное гнѣздо, разоренное голубитникомъ.

На огромной навозной кучѣ, посреди двора, колоди нѣмцевъ; кричавшихъ и дико ругавшихся.

Я пошелъ, посреди этой рѣзни, на удачу, и услышалъ зовъ: «*Жозефъ! Жозефъ!*» и, посмотрѣвъ, подумалъ: «*Это меня зоветъ Бюшъ!*» Въ ту же минуту, направо, передъ дверью въ дровяной сарай, я увидѣлъ его, защищавшагося противъ пяти или шести нашихъ же итальвовъ. Въ то же время увидаль я и Зебеде, такъ какъ рота наша была въ этомъ углу, и, побѣжавъ на помощь Бюшу, я крикнулъ:

— Зебеде!

Потомъ, пробравшись сквозь давку, я сказалъ Бюшу:

— Что это такое?

— Они хотятъ убить моихъ плѣнныхъ.

Я сталъ на его сторону. Противники же въ ярости заряжали ружья, чтобы убить насъ; это были стрѣлки изъ другого батальона. Зебеде пришелъ съ нѣсколькими солдатами изъ нашей роты и, не зная, что это такое, онъ схватилъ за горло одного изъ самыхъ свирѣпыхъ и крикнулъ:

— Меня зовутъ Зебеде, я сержантъ 6-го легкаго!... Послѣ битвы мы поговоpимъ съ вами!

Тогда другіе отошли, а Зебеде спросилъ меня:

— Что это такое, Жозефъ?

Я сказалъ ему, что у насъ есть плѣнные, и онъ тотчасъ же поблѣднѣлъ отъ злобы на насъ; но, войдя въ сарай, онъ увидѣлъ стараго маіора, молча отдававшаго ему свою саблю, и солдата, сказавшаго ему по нѣмецки:

— Не отнимай у меня жизни, французъ!... Не отнимай у меня жизни!

Въ такую минуту, когда крики убиваемыхъ наполняли дворъ, слова эти сжимали сердце. Зебеде сказалъ имъ:

— Хорошо.... я беру васъ своими плѣнными.

Онъ вышелъ и заперъ дверь. Мы не выходили изъ фермы до тѣхъ поръ, пока не стали бить сборъ. Тогда всѣ стали по мѣстамъ, и Зебеде сказалъ капитану Флорентену, что у насъ есть въ плѣну одинъ маіоръ и солдатъ. Ихъ выпустили и они прошли черезъ дворъ безъ оружія, и въ комнаты присоединились къ тремъ или четверемъ другимъ плѣннымъ.— Вотъ все, что оставалось отъ двухъ Нассаускихъ батальоновъ, которымъ была поручена защита Ге-Санта.

Пока это происходило внутри фермы, два другихъ Нассаускихъ батальона,шедшихъ на помощь къ своимъ товарищамъ, были изрублены на дорогѣ нашими кирасирами, такъ что въ ту минуту побѣда была за нами: мы владѣли главнымъ англійскимъ форпостомъ и могли начать большія атаки на центръ, отрѣзать неприятелю дорогу въ Брюссель и отбросить его въ дурныя дороги Суанья. Труда было много, но главное въ битвѣ было сдѣлано. За двѣсти шаговъ отъ неприятеля, хорошо прикрытые, мы могли напасть на него и, безъ хвастовства, я думаю, что пробили бы ихъ линію одними штыками и при помощи нашей кавалеріи; для нападенія, намъ всѣмъ, собравшимся вмѣстѣ, надо было не болѣе часу.

Но пока мы радовались, пока офицеры, солдаты, барабанщики, трубачи всѣ вмѣстѣ отдыхали на развалинахъ, вдругъ разносится слухъ, что идутъ пруссаки, что нападутъ на насъ сбоку и что у насъ будетъ двѣ битвы, одна спереди, а другая срава, и что мы рискуемъ, что насъ окружаютъ силы вдвое большія нашихъ.

Это была ужасная вѣсть; ну, и многіе изъ насъ, у которыхъ совсѣмъ не было здраваго смысла, говорили:

— Тѣмъ лучше! пусть-ка придутъ пруссаки.... мы ихъ всѣхъ раздавимъ!

Но люди, непотерявшие голову, тотчас же поняли, какъ дурно мы сдѣлали, что не воспользовались побѣдой своей при Линьѣ и оставили пруссаковъ на ночь въ покоѣ, не пославъ имъ вслѣдъ кавалерію, какъ это обыкновенно дѣлается.—Смѣло можно сказать, что эта большая ошибка и была причиной нашей неудачи при Ватерло! — Императоръ хотя и послалъ на слѣдующій день въ полдень маршала Груши съ тридцатью двумя тысячами человекъ на конски за пруссаками, но это было слишкомъ поздно: въ эти пятнадцать часовъ они успѣли поправиться, уйти и сговориться съ англичанами. Надо знать, что на слѣдующій день, послѣ битвы при Линьѣ, у пруссаковъ было девяносто тысячъ человекъ, изъ которыхъ тридцать тысячъ было свѣжаго войска и двѣсти шестьдесятъ пушекъ. Съ такою арміею они могли дѣлать все, что имъ угодно; они могли даже дать второе сраженіе императору; но имъ больше хотѣлось ударить на насъ сбоку, въ то время, какъ спереди у насъ были англичане. Это такъ ясно и просто, что странно, какъ встрѣчаются люди, находящіе это удивительнымъ. Блюхеръ сыгралъ съ нами такую же штуку въ Лейпцигѣ, и теперь только повторялъ ее, оставляя преслѣдующаго Груши гдѣ-то далеко назади. Развѣ Груши могъ принудить его воротиться къ нему, когда Блюхеръ хотѣлъ идти впередъ? Развѣ могъ онъ помѣшать ему оставить тридцать или сорокъ тысячъ, чтобы остановить преслѣдованіе его войскъ, а самому свѣннить съ остальными на помощь къ Веллингтону?

Единственная надежда наша была на то, что Груши пошлутъ приказъ соединиться съ нами, и что онъ придетъ за пруссаками; но императоръ не послалъ этого приказа.

Вы, конечно, понимаете, что мысли эти приходили не намъ, простымъ солдатамъ, а нашимъ офицерамъ, нашимъ генераламъ; мы же ничего не знали и сидѣли вовсе не подозрѣвая, что послѣдній часъ нашъ близокъ.

Однимъ словомъ, я сказалъ все, что думаю, и теперь расскажу вамъ окончаніе битвы, такъ какъ я ее видѣлъ, чтобы всякій зналъ столько же, сколько и я.

XXI.

Почти вслѣдъ за извѣстіемъ о прибытіи пруссаковъ, начали бить сборъ; батальоны разошлись; нашъ батальонъ съ другими изъ бригады Кіе остался защищать Ге-Сэнтъ, а всѣ остальные ушли; чтобы присоединиться къ корпусу генерала Эрлона, который под-

выгнулся снова въ долину и старался атаковать англичанъ съ лѣвой стороны.

Нани два батальона постѣпшили заложить двери и бреши, на сколько это было возможно, балками и камнями. Во всѣ отверстія, сдѣланныя неприятелемъ со стороны огорода и дороги, мы спрятали людей.

Зебеде, Вюппъ, я и остальные изъ нашей роты, всѣ мы были помѣщены въ углу фермы, надъ хлѣвомъ, за тысячу или тысячу двѣсти шаговъ отъ Гугумона. Я хорошо помню отверстія, продѣланныя нѣмцами въ стѣнѣ, на высотѣ человѣческаго роста, для защиты огорода. Проходя навѣрхъ, мы остановились посмотрѣть въ эти отверстія нашу боевую линію, большую дорогу изъ Брюсселя въ Шарлеруа, маленькія фермы: Бельальянса, Росомма, Грокаю, окаймлявшія ее на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, на старую гвардію съ ружьями подъ курокъ, стоявшую поперегъ шоссе, главный штабъ на лѣво, на небольшой высотѣ, и далѣе, по тому же направленію, позади еврага Планшенуа, бѣлый дымъ, разстлавшійся надъ деревьями и безпрестанно возобновлявшійся: это была атака перваго прусскаго корпуса.

Потомъ мы узнали, что императоръ послалъ десять тысячъ человекъ, подъ начальствомъ Лобау, чтобы атаковать ихъ. Битва началась; но старая гвардія, молодая гвардія, кирасиры Мильо, кирасиры Келлерманна и стрѣлки Дефевра Денотта — словомъ, вся наша превосходная кавалерія оставалась на позиціи; большая, настоящая битва была противъ англичанъ.

Сколько мыслей являлось у человѣка, глядя на это величественное зрѣлище и эта громадную долину, которую императоръ обобрѣвалъ умомъ своимъ лучше, чѣмъ мы глазами! Мы смотрѣли бы тутъ цѣлыя часы, если бы не вошелъ вдругъ капитанъ Флорентенъ.

— Это что? Что вы тутъ дѣлаете? вскричалъ онъ: — развѣ мы будемъ защищать дорогу противъ гвардіи? Ну... живѣй... пробейте живѣе эту стѣну со стороны неприятеля.

Мы всѣ подняли лопы и пики, оставленные нѣмцами на полу, и быстро сдѣлали отверстія въ стѣнѣ. Эта работа продолжалась мѣнѣе четверти часа, и мы увидали битву при Гугумонѣ, зданія въ огнѣ, бомбы, всякую минуту разрывавшіяся въ развалинахъ, шотландскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ сзади на дорогѣ, а направо около насъ, на два ружейныхъ выстрѣла, англичанъ, выдвигавшихъ въ центръ свою передовую линію и поднимавшихъ выше своей орудіи, которая должна была сбивать наши застрѣльщики. Но остальное изъ ихъ линіи не трогалось съ мѣста; у нихъ стояли верные и красивые

каре, въ видѣ шазешницъ, — одни спереди, а другія сзади тлубовой дорожки; эти каре соединялись углами, такъ что для того, чтобы атаковать ихъ надо было пройти подъ ихъ перекрестнымъ огнемъ; орудія ихъ стояли на краю долины; дагѣ, въ ущельи горы Монъ-Сень-Жана, стояла ихъ кавалерія.

Позиція англичанъ показалась мнѣ теперь еще гораздо лучшей, чѣмъ она была утромъ; и такъ какъ намъ не удалось сбить ихъ лѣвый флангъ, такъ какъ пруссаки атаковали насъ сбоку, — мнѣ въ первый разъ пришло въ голову, что мы не увѣрены въ томъ, что выиграемъ сраженіе. Я представилъ себѣ наше страшное положеніе, — если, по несчастью, мы проиграемъ, — между двухъ армій, одной спереди, а другой сбоку; представилъ себѣ второе вторженіе, насильственные подати, осаду городовъ, возвращеніе эмигрантовъ и мечь ихъ.

... Я почувствовалъ, что поблѣднѣлъ отъ одной этой мысли.

Въ ту же минуту за нами раздались тысячи голосовъ, кричавшіе: «*Да здравствуетъ императоръ!*» Бюшъ былъ подѣвъ меня въ углу чердака; онъ кричалъ вмѣстѣ съ товарищами: «*Да здравствуетъ императоръ!*» а я наклонился черезъ его плечо и увидѣлъ съ праваго фланга всю нашу кавалерію: кирасировъ Мильо, гвардейскихъ улановъ и стрѣлковъ, болѣе пяти тысячъ человекъ, флажники рысы; они перефхали черезъ шоссе и спустились въ долину между Гугумономъ и Ге-Сэнтонъ. Я понялъ, что они шли въ атаку англійскихъ каре и что судьба наша поставлена на карту.

Начальники англійскихъ орудій командовали такимъ прокательнымъ голосомъ, что онъ слышался, не смотря на шумъ и безчисленные крики: «*Да здравствуетъ императоръ!*»

То была страшная минута, когда кирасиры наши спустились въ долину; они походили на потокъ таящаго снѣга, когда солнце миллионами искръ играетъ по льдинкамъ. Лошади съ большими голубыми сумками за сѣдломъ, ежакавшія, какъ олени, своими длинными ногами вздымали землю; трубы дико звучали посреди этого глухого треска, и первый залпъ неприятельской картечи, былъ такъ силенъ, что старшіе нашъ сарай весь задрожалъ. Вътеръ дулъ отъ Гугумона и наполнялъ дымомъ всѣ наши отверстія; мы выступили изъ вѣтъ и тогда раздался второй и третій залпы, одинъ вслѣдъ за другимъ.

Своимъ дымъ и видѣлъ, какъ англійскіе канонеры бросали свои орудія и убѣгали съ лошадьми; и почти тотчасъ же кирасиры наши налетали на каре, ружейные огни которыхъ обрешивались зигзагами вдоль горы. Только что слышны были трескъ, вопли, без-

колючее бряканье, ржаніе, отъ времени до времени заливъ; потомъ опять крики, трескъ и стоны. И въ густомъ дыму, летѣвшемъ на ферму, пробѣгали, какъ тѣни, десятками лошади, съ развѣвающимися гривой; нѣкоторые изъ нихъ тащили за собою всадниковъ, зацѣпившихся ногою за стремя.

Это длилось болѣе часа!

За кирасирами Мильо явились уланы Лефевра-Демостта; послѣ улановъ кирасиры Келлерманна; послѣ нихъ гвардейскіе конные гренадеры; послѣ гренадеровъ, драгуны... Все это рысью поднималось на гору и налетало на каре съ поднятыми саблями, крича: «*Да здравствуетъ императоръ!*» и крики эти поднимались до неба.

Съ каждой новой атакой, казалось, что все уже исчезло; но тогда трубы трубили сборъ и эскадроны, преслѣдуемые картечью, въ порядкѣ спускались въ долину, чтобы сформироваться на равнинѣ, — въ дыму опять появлялись красныя, какъ стѣны неподвижныя, полосы.

Англичане хорошіе солдаты. Надо и то сказать, что они знали, что Блюхеръ идетъ къ нимъ на помощь съ шестидесятью тысячами человекъ, и, разумѣется, мысль эта придавала имъ много храбрости.

Не смотря на это, къ шести часамъ мы уничтожили половину ихъ каре; но тогда лошади нашихъ кирасировъ, утомленные двадцатью атаками на глинистой почвѣ, смоченной дождемъ, не могли болѣе ползигаться между кучами убитыхъ.

Между тѣмъ, наступала ночь... Громадное поле битвы начало за нами пустѣть.. Наконецъ, большая долина, гдѣ мы стояли на блуакахъ наканунѣ, была уже пуста, и тамъ вдаль только стояла старая гвардія съ ружьями на руку: все отправилось направо противъ пруссаковъ, а прямо—противъ англичанъ!

Мы въ ужасѣ смотрѣли другъ на друга.

Совсѣмъ уже смерлось, когда капитанъ Флорентенъ показався наверху лѣстницы, положилъ обѣ руки на полъ и торжественнымъ голосомъ закричалъ намъ:

— Радуйте! настала часъ, когда надо или побѣдить, или умереть!

Я вспомнилъ, что эти слова были въ прокламаціи императора, и мы всѣ сошли поодиночкѣ. — Еще не совсѣмъ смерлось, но на опустошенномъ дворѣ все было сѣро и покойники лежали совершенно окончельше на навозной кучѣ и вдоль стѣнъ.

Капитанъ построилъ насъ на правой сторонѣ двора; командиръ другого батальона построилъ своихъ солдатъ на лѣвой сторонѣ;

барабаны наши ударили въ послѣдній разъ въ этомъ старомъ зданіи и мы вышли изъ маленькой двери сада въ садъ; намъ пришлось наклоняться, поодионокѣ выходя въ дверь.

За фермой вокругъ сада стѣны были повалены. Раненные заваливали себя, вдоль развалинъ, кто голову, кто ногу или руку; какая-то маркитантка, въ большой соломенной шляпѣ, прижатой къ спинѣ, лежала стоя въ углу съ своей таратайкой и осломъ; я не знаю, затѣмъ забралакъ сюда эта несчастная. Множество совершенно истощенныхъ лошадей, съ повисшей головой, покрытыя грязью и кровью, походили на старыхъ клячъ.

Какая разнища съ утромъ! тогда роты приходили, хотя и потерявъ на половину своихъ, но это все-таки были роты. Теперь наступало смятеніе; и дня черезъ три мы могли бы дойти до такого же положенія, до какого дошли въ цѣлмй годъ при Лейпцигѣ. Остатки нашего батальона и другого одни только и образовывали линію въ порядкѣ; и ужъ приходится признаться вамъ: нами овладѣло беспокойство.

Когда человѣкъ не ѣлъ цѣлыя сутки, дрался цѣлмй день, и когда, наконецъ, къ ночи, истощивъ всѣ свои силы, его начинаетъ бить лихорадка отъ голода и, кромѣ того, имъ овладѣваетъ страхъ, тогда самые храбрые теряютъ голову:— вотъ отчего и произошли всѣ наши большія несчастныя отступленія.

И все-таки, не смотря на это, мы не были побѣждены; кирасиры держались на равнинѣ; со всѣхъ сторонъ, посреди грохота пушечной пальбы и гвалта, только и слышался одинъ возгласъ:

— Идетъ гвардіа!

Да! гвардіа шла... она наконецъ шла! Мы издали видѣли на большой дорогѣ ея высокія мѣховыя шапки, приближавшіяся въ порядкѣ.

Тотъ, кто не видѣлъ приближенія гвардіи на полѣ битвы, никогда не пойметъ, какое довѣріе можетъ питать человѣкъ къ избранному отряду, какое почтеніе возбуждаетъ храбрость и сила. Солдаты старой гвардіи были почти всѣ старые крестьяне до временъ республики, люди, по крайней мѣрѣ, пяти-шести футовъ ростомъ, сухіе, статные; въ былыя времена, они работали для монастырей и замковъ; потомъ возстали всѣ вмѣстѣ съ народомъ, пошли въ Германію, въ Голландію, въ Италію, въ Египетъ, въ Польшу, въ Россію, сначала подъ начальствомъ Клебера, Гоша, Марсо, потомъ подъ начальствомъ Наполеона, который берегъ ихъ и давалъ большое жалованье. Они считали себя чѣмъ-то въ родѣ владѣтелей большой фермы, которую надо защищать и даже болѣе и болѣе расширять.

Это внушало къ нимъ уваженіе; они защищали свое собственное имущество. Они же звали болѣе ни родителей, ни братьевъ, ни земляковъ; они только и знали императора; онъ былъ ихъ Богъ! И наконецъ, они признали короля римскаго, чтобы онъ наследовалъ все, вмѣстѣ съ ними, и для того, чтобы поддерживать и почитать ихъ старость. Трудно было представить что нибудь подобное имъ; они такъ привыкли ходить, равняться, зарывать, стрѣлять, бросаться въ штыки, что все это дѣлалось въ нѣкоторомъ родѣ точно само собою, смотря по надобности. Когда они приближались съ оружіемъ въ руку, въ ихъ высокихъ шапкахъ, бѣлыхъ жилетахъ, въ ихъ штиблетахъ, они были всѣ на одно лицо; видно было, что приближается правая рука императора. Когда въ рядкахъ говорилось: «Будетъ дѣйствовать гвардія!» это было все равно, если бы говорили: «Сраженіе выиграно!»

Но въ эту минуту, послѣ таковой странной рѣзни, таковыхъ отбитыхъ атакъ, видя пруссаковъ, мажущихъ сбоку, солдаты говорили:

— Вотъ рѣшительный ударъ!

Но думали:

— Если онъ не удастся, все пропало!

Вотъ почему всѣ мы смотрѣли, какъ гвардія двигалась по дорожкѣ.—Велъ ее все тотъ же Ней, какъ и велъ въ атаку кирасировъ. Императоръ зналъ, что никто не можетъ вести гвардію лучше Ней; ему только слѣдовало бы послать ее часомъ раньше, въ то время, когда кирасиры наши были между каре,—тогда было бы все выиграно. Но императоръ берегъ свою гвардію, какъ свою собственную плоть; будь у него гвардія пять дней послѣ этого въ Парижѣ—ни Лафаетъ, ни другіе не сидѣли бы въ своей палатѣ, чтобы отрубить его; но ея у него уже не было!

Вотъ почему онъ ждалъ такъ долго и не послалъ ее. Онъ надѣялся, что кавалерія, подъ командою Ней, разобьетъ все, или что тридцать-двѣ тысячи человѣкъ Груши придутъ на палубу пушекъ, и что онъ пошлетъ ихъ, вмѣсто своей гвардіи, потому что можно всегда замѣнить рекрутствомъ тридцать и сорокъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ для образованія подобной гвардіи надо было начать въ двадцать-пять лѣтъ и одержать пятьдесятъ побѣдъ; ничего не можетъ быть лучше, стойче, тверже гвардіи.

И такъ, она приближалась... мы видѣли ее. Ней, старикъ, Фрианъ и трое или четверо другихъ шли впереди. Мы только и смотрѣли на это; остальное же—пушечные выстрѣлы, стрѣльба, крики раненныхъ—все было точно забыто. Но это не продолжалось долго, по-

тому что англичане тоже поняли, что это рѣшительный ударъ, и они спѣшили соединить всѣ свои силы; чтобы принять его.

Можно было также сказать, что по лѣвую руку у насъ поле битвы было пусто; стрѣльба прекратилась, отъ недостатка ли зарядовъ или оттого, что непріятель становился въ другой порядокъ. Направо же, въ Фришмону, напротивъ того, пальба удвоивалась—все дѣйствіе точно туда перешло,—и мы не смѣли сказать себѣ: «насъ атакуютъ пруссаки... еще армія давить насъ!» Не смѣли потому, что мысль эта казалась ужасною, какъ вдругъ примчался вихремъ штабный офицеръ, крича:

—Груши!.. маршалъ Груши идетъ!

Это было въ ту минуту, когда четыре батальона гвардіи сворачивали влѣво съ шоссе, чтобы подняться за огородами и начать атаку.

Сколько разъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ припоминалъ я эту ночную атаку и сколько разъ слышалъ, какъ другіе рассказывали о ней! Слышавъ эти рассказы, подумаешь, что въ дѣлѣ была только одна гвардія, которая двигалась, какъ рядъ частовола, и что на нее одну сыпалась картечь. Но все это совершалось въ страшнѣйшемъ смятеніи; въ этой страшной атакѣ участвовала вся наша армія, всѣ остатки лѣваго фланга и центра, все, что осталось отъ кавалеріи, истощенной шести-часовой битвой, все, что могло держаться на ногахъ и поднять руку: налѣво собралась пѣхота Рейкс; мы стояли около Ге-Сента; это было все, что оставалось въ живыхъ, и что не хотѣло погибнуть.

Пусть не говорятъ, что нами овладѣлъ паническій страхъ и что мы, какъ подлецы, хотѣли обратиться въ бѣгство, — это неправда. Когда разнесся слухъ, что идетъ Груши, тогда даже раненные поднялись и стали въ ряды; можно было подумать, что какой-то духъ заставлялъ идти даже мертвыхъ; всѣ эти несчастные, лежавшіе за Ге-Сентомъ, съ навязанной головой, рукой и ногой, въ разорванномъ платьѣ и облитые кровью, всякій, кто могъ только ступить, присоединился къ гвардіи, проходившей мимо брешей сада, и всамыи зарядилъ своимъ послѣднимъ зарядомъ.

Варабаны били тревогу; пушки наши начали опять палить. На горѣ все смолкло; цѣлые ряды англійскихъ пушекъ стояли брошенными; можно было подумать, что непріятель ушелъ, и только когда мѣховыя шапки поднялись надъ равниной, пять или шесть залповъ картечи показавали, что насъ ждали.

Тогда мы поняли, что эти англичане, нѣмцы, бельгійцы, ганноверцы, всѣ эти люди, которыхъ мы рубили и рѣзали съ утра, ста-

ли въ порядокъ сзади, и что можно, выбраться, только убивъ ихъ. Въ эту минуту отошло не мало раненныхъ, и гвардія, на которую и падалъ главный градъ, двигалась почти одна посреди пулъ и картечи, опрокидывая все; но она все болѣе и болѣе смыкалась и, видимо, убавлялась. Черезъ двадцать минутъ, всѣ офицеры, бывшіе верхомъ, уже были безъ лошадей; она остановилась передъ ружейнымъ огнемъ, такимъ ужаснымъ, что даже мы, не смотря на то, что были за двѣсти шаговъ, — мы не слышали больше своихъ собственныхъ выстрѣловъ, и намъ казалось, что мы просто жжемъ затравочный порохъ.

Наконецъ, вся эта масса неприятеля передъ нами, справа и слева, поднялась, съ кавалерією по бокамъ, и бросилась на насъ. Четыре батальона гвардіи, убавленные съ трехъ тысячъ человекъ до тысячи-двухсотъ, не могли вынести такого напора; они медленно отступали; и мы тоже отступали, защищаясь выстрѣлами и штыками.

Мы видѣли еще болѣе ужасныя битвы, но это была послѣдняя. Когда мы подошли къ окраинѣ равнины, чтобы спускаться, вся долина внизу была покрыта трупомъ и на ней господствовали смѣтеніе и безпорядокъ; все разстроивалось и бѣжало, кто пѣшкомъ, кто верхомъ; одинъ батальонъ гвардіи въ каре подлѣ фермы и три другихъ батальона, нѣсколько подальше, съ другимъ каре изъ гвардіи на перекресткѣ Планшенуа, стояли неподвижно, какъ здания среди потопа, увосившаго все остальное! — Все свалалось: гусары, стрѣлки, кирасиры, артиллерія, пѣхота; — все бѣжало въ безжорядкѣ по дорогѣ, черезъ поля, какъ свалавшаяся армія дивитъ. Вдоль оврага Планшенуа небо озарялось отъ стрѣльбы; только одно каре гвардіи держалось противъ Бюлова и не допускало его отбѣжать намъ дорогу; но ближе къ намъ другіе пруссаки — кавалеристы, — спускались въ долину, какъ рыба, прогваивая плотину. Старикъ Блюхеръ тоже подошелъ съ своими сорока тысячами народа, но наступалъ на нашъ лѣвый флангъ и уничтожалъ его передъ собою.

Что еще могу я сказать? Это былъ настоящій потопъ... Мы были окружены со всѣхъ сторонъ; англичане гнали насъ въ долину, а въ долину былъ Блюхеръ. Нашимъ генераламъ, офицерамъ, даже самому императору не было другого выхода, какъ встать въ каре; а еще говорить, что на насъ, несчастныхъ, напалъ каннибальскій страхъ! Видана ли такая несправедливость!

Я бросился къ фермѣ съ Бюшемъ и другими пятью или шестью товарищами; бомбы летали вокругъ насъ, лопаясь, и мы приближа-

ля, каковы безумные, на дорогѣ, гдѣ англичане мчались уже во весь опоръ, кричавъ:

— Нѣтъ лошадей! нѣтъ вамъ лошадей!

Въ эту минуту каре гвардіи начало отступать; оно отстрѣлало со всѣхъ четырехъ сторонъ, чтобы отогнать несчастныхъ, желавшихъ войти въ него; только офицеры и генералы могли спастись.

Еслибъ я прожилъ тысячу лѣтъ, я никогда не забылъ бы этихъ ужасныхъ, безконечныхъ криковъ, наполнявшихъ долину болѣе, чѣмъ на миль. Подальше барабаны были точно набатъ во время пожара; но это было хуже: это былъ послѣдній призывъ Франціи, этого храбраго и гордаго народа, это былъ голосъ родины, говорившей: «Ко мнѣ, дѣти мои! Я умираю!» Нѣтъ, описать этого невозможно.. Этотъ трескъ барабана старой гвардіи среди нашего наденія казался чѣмъ-то трогательнымъ и ужаснымъ. Я рыдалъ, какъ ребенокъ. Бюнь тащила меня, а я кричалъ ему:

— Жанъ, оставь меня... мы пропали... мы лишились всего!..

Мнѣ не приходила въ голову мысль о Катеринѣ и о г. Гульденѣ, и Пфальцбургѣ. Теперь меня удивляетъ, какъ это насъ не убили сто разъ на этой дорогѣ, по которой шли ряды англичанъ и пруссаковъ? Они принимали насъ, можетъ быть, за нѣмцевъ или, можетъ быть, бѣжали за императоромъ, потому что всѣ надѣялись схватить его.

Прямо противъ маленькой фермы Росомма надо было повернуть на право, въ поля; вотъ тамъ-то послѣднее каре гвардіи выдерживало еще атаку пруссаковъ; но оно больше не выдерживало, потому что черезъ двадцать минутъ неприятель наполнялъ дорогу; прусскіе стрѣлки ходили шайками останавливать тѣхъ, которые уходили въ сторону или оставались назади. Можно было сказать, что это не дорога; а мостъ, и что всѣ, сходявшіе съ нея, падали въ пропасть.

На спускѣ оврага, сзади харчевни «Пась-Аванъ», на насъ бросились прусскіе гусары; ихъ было пять или шесть человекъ и они кричали, чтобы мы сдались; но если бы мы подняли приклады, они изрубили бы насъ. Мы ридѣли въ нихъ, и видя, что мы не ранены, они пошли далѣе. Это заставило насъ пойти по дорогѣ; крики и толкотня по дорогѣ не прекращались на цѣлыя двѣ мили; кавалерія, пѣхота, артиллерія, фургоны, обозы, все въ безпорядкѣ тащилось по шоссе, съ ревомъ, стукомъ, ржаніемъ и слезами. Нѣтъ, даже при Лейпцигѣ не видѣлъ я ничего подобнаго. Мрсацъ поднимался надъ лѣсомъ изъ-за План-

штыковъ; онѣ слышали эту бедную ильховицкую псаломку, вѣсы, сабелъ, штыковъ, опрокинутыхъ зарядныхъ ящичковъ, закъранныхъ пушекъ; а отъ времени до времени даже становились слышнѣе; жалобные стоны велись съ одного конца линіи до другого; они поднимались и спускались съ горы и замирали вдали, какъ вздохъ.

Но всего печальнѣе были вопли женщинъ — этихъ несчастныхъ, изданныхъ за арміей, — когда ихъ толкали и опрокидывали вкось, вмѣстѣ съ телѣжками; онѣ кричали такъ, что покрывали своими криками этотъ страшный гвалтъ, но никто не оборачивался, ни одинъ человѣкъ не спускался помочь имъ: — всякій самъ за себя. Я давлю тебя, тѣмъ хуже; я сильнѣе тебя; ты кричишь... до этого мнѣ все равно!.. Берегись!.. берегись!.. Я на лошади... задавлю!.. Дорогу... чтобы мнѣ спастись!.. Другіе дѣлаютъ такъ же, какъ и я! — Дорогу императору!.. Дорогу маршалу!.. Сильнѣе давить слабого... въ этомъ мѣрѣ всего важнѣе сила! — Въ пути... въ пути!.. Пусть пушки давятъ все, только бы спасти ихъ! — Пушки не бьютъ больше... надо выпречь ихъ, разрѣзать построюжки и сѣсть на лошадей, чтобы ухлать!.. Пусть мчатъ во весь духъ, а потомъ околѣбываютъ!.. Что намъ до этого за дѣло? Если мы не сильнѣе другихъ, — ну, такъ мы, въ свою очередь, будемъ задавлены, будемъ кричать и надъ криками нашими будутъ смѣяться! — Спасайся, кто можетъ.... и да здравствуетъ императоръ!.. Но вѣдь императоръ умеръ!

Всѣ думали, что императоръ умеръ вмѣстѣ съ старой гвардіей: — это казалось совершенно естественнымъ.

Прусская кавалерія проѣзжала рядами, съ поднятыми саблями, крича: «Ура!» Она точно будто провожала насъ и рубила все, что сходило съ дороги; она же брала въ плѣнъ и не атаковывала колонны; нѣсколько выстрѣловъ раздавались иногда направо и налево. Сзади, далеко виднѣлось красное пламя въ темнотѣ ночи: горѣла ферма Кайю.

Мы всѣ терпелись. Утомленіе, голодъ, отчаяніе подвигали насъ и хотѣлось бы умереть; а между тѣмъ, надежда спастись немного поддерживала. Бюхтъ, ида подгѣ, говорили мнѣ:

— Жозефъ, будемъ поддерживать другъ друга! Я никогда не покину тебя!

А я отвѣчалъ ему:

— Мы умремъ вмѣстѣ... Я не могу больше стоять... это слишкомъ ужасно!.. Лучше лечь.

— Нѣтъ!.. пойдѣмъ дальше, говорилъ онъ: — пруссаки не берутъ

въ мѣнѣ. Смотря... они безопасно убиваютъ всѣхъ, какъ убивали мы въ Линьи.

Мы шли все вдоль дороги, съ тысячами другихъ солдатъ, мрачныхъ, убитыхъ, и которые, не смотря на это, всѣ сразу оборачивались, чтобы дать залпъ, когда какой-нибудь прусскій эскадронъ подъѣзжалъ слишкомъ близко. Мы были еще крѣпче и бодрѣ другихъ. Но временамъ на дорогѣ намъ попадались брошенные лафеты, пушки, зарядные ящики; рвы по обѣимъ сторонамъ были полны мѣшками, лягушками, ружьями, саблями:—солдаты бросили все, чтобы идти поскорѣе!

Но ужаснѣе этого представляли лазаретныя фурмы, остановленныя посреди дороги и набитыя ранеными. — Бѣдвые обрѣзали постромки и уѣхали на лошадяхъ, изъ страха быть захваченными. — Несчастные, полумертвые съ повнешними руками, смотрѣли, какъ мы проходили мимо, съ выраженіемъ отчаянія; когда я вспоминаю о нихъ, мнѣ они напоминаютъ ключи соломы и сѣна, зацѣпившіяся за кустарники послѣ наводненія; глядя на это, народъ говорить: «Вотъ нашъ сборъ... вотъ наша жатва... вотъ что оставила намъ буря.» Да, я думаю объ этомъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ!

Среди этой гибели, мнѣ всего больше надрывало сердце то, что я не видалъ никого изъ нашего батальона, крохѣ насъ. Я говорилъ себѣ: «не можетъ же быть, чтобы они всѣ были убиты!» И я восклицалъ:

— Жанъ, если бы я нашелъ Зебеде, это придало бы мнѣ храбрости!

Но онъ не отвѣчалъ мнѣ и говорилъ:

— Постараемся только спастись, Жозефъ! Если я буду имѣть счастье опять увидѣть Гарбертъ, я не буду больше жаловаться, что приходится ѣсть картофель... Нѣтъ!.. нѣтъ!.. это Богъ наказалъ меня... Я буду очень радъ работать и идти въ лѣсъ съ топоромъ на плечѣ. Только бы не вернуться домой безъ какого-нибудь члена, чтобы не пришлось протягивать руку за милостыней на большой дорогѣ, какъ многіе другіе! Постараемся выбраться по добру, по здорову.

Я находилъ, что у него много здраваго смысла.

Около половины одиннадцатаго, мы подошли къ Жѣнапкю; издали слышались ужасные крики. Посреди большой улицы была зажжена солома, чтобы освѣтить толпу, и мы увидѣли, что тамъ дома и улицы были такъ полны народомъ, лошадьми и повляжой, что двинуться было некуда. Мы тотчасъ же поняли, что съ минуты на

минуту могутъ прѣхать: пруссаки съ пушками и что для насъ гораздо лучше обойти вокругъ деревни, чѣмъ попасться въ плѣнъ со всѣми бывшими въ деревнѣ. Вслѣдствіе этого, мы повернули на лѣво, черезъ рожь, съ многими другими. Перешли Ты глубиною до пояса и къ двѣнадцати часамъ пришли къ двумъ домамъ Катъ-Бра.

Мы хорошо сдѣлали, что не вошли въ Генаптъ, потому что вскорѣ уже услышали пушечные выстрѣлы пруссаковъ, входившихъ въ эту деревню, и стрѣльбу изъ ружей. По дорогѣ показалось много бѣжавшихъ кирасировъ, улановъ, стрѣлковъ... Никто не останавливался!

Голодь мучилъ насъ ужасно. Хотя мы и предполагали, что въ этихъ домахъ все давно уже съѣдено, но, тѣмъ не менѣе, вошли въ домъ, находившійся по лѣвую руку. Полъ былъ покрытъ соломой, на которой лежали раненные. Только-что открыли мы двери, какъ всѣ они начали кричать... и, говоря по правдѣ, запахъ былъ такъ нехорошъ, что мы тотчасъ же вышли и направились по дорогѣ въ Шарлеруа.

Мѣсяцъ свѣтилъ великолѣпно. Направо во ржи валилось множество непогребенныхъ убитыхъ. Бюшъ сошелъ въ межу, гдѣ лежало три или четыре англичанина, шагахъ въ двадцати пяти другъ отъ друга. Я спрашивалъ себя, зачѣмъ онъ пошелъ къ покойникамъ, когда онъ возвратился съ жестяной фляжкой, которую онъ встрахивалъ у своего уха, и сказалъ мнѣ:

— Жозефа... она полна!

Но прежде, чѣмъ откупорить, онъ обмакнулъ ее въ ровъ, полный воды, потомъ открылъ и выпилъ, говоря:

— Это водка!

Онъ передалъ мнѣ, и я выпилъ тоже. Я чувствовалъ, какъ оживалъ, и возвратилъ ему фляжку, выпитую только до половины, благословляя Бога за внушенную намъ мысль.

Мы осмотрѣли, нѣтъ ли у покойниковъ хлѣба. Но такъ какъ шумъ усиливался и насъ было слишкомъ мало, чтобы устоять противъ атакъ пруссаковъ, если они насъ окружаютъ,—мы снова пустились въ путь, полные силъ и отваги. Водка заставляла глядѣть насъ въ розовое стекло; я говорилъ:

— Жажъ, теперь самое страшное миновалось; мы увидимъ еще разъ Пфальцбургъ и Гарбергъ. Мы на настоящей дорогѣ къ Франціи. А если бы мы побѣдили, то мы должны были бы идти дальше, въ глубь Германіи. Надо было бы бить австрійцевъ и русскихъ;

а если бы намъ удалось избавиться отъ нихъ, насъ поставили бы гарнизономъ въ Птитъ-Пьеръ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Вотъ какія дурныя мысли лѣзли мнѣ въ голову; но это не мѣшало мнѣ идти съ большою храбростью, и Бюшъ говорилъ:

— Англичане умны, что несли жестыя фляжки; если бы я не увидѣлъ, какъ блеснула жезъ отъ мѣсяца, мнѣ никогда не пришло бы въ голову пойдти посмотрѣть.

Пока мы разговаривали такимъ образомъ, кавалеристы безпрестанно проѣзжали мимо насъ: лошади ихъ едва держались на ногахъ, но отъ безпрестанныхъ ударовъ шпоръ онѣ кое-какъ тащились. Шумъ битвы послышался вдаль, вмѣстѣ съ ружейными выстрѣлами; къ счастью, мы были значительно впереди.

Быль часъ ночи; мы думали, что уже спасены, какъ вдругъ Бюшъ сказалъ мнѣ:

— Жозефъ... смотри: пруссаки!.

Взглянувъ назадъ, я увидѣлъ при свѣтѣ луны пять воричневыхъ гусаровъ изъ того же полка, какъ тѣ, которые, годъ тому назадъ, изрубили Клинефеля; это показалось мнѣ дурнымъ предзнаменованіемъ.

— Заряжено у тебя ружье? сказалъ я Бюшу.

— Да!

— Ну, такъ будемъ ждать... Надо защищаться... я не сдамся.

— И я тоже, сказалъ онъ:—по мнѣ, лучше умереть, чѣмъ сдаться въ плѣнъ.

Въ это время прусскій офицеръ нахальнымъ тономъ крикнулъ намъ:

— Положите оружіе!

А Бюшъ, вмѣсто того, чтобы ждать, какъ я, выстрѣлить ему въ грудь.

Тогда четыре оставшихся солдата бросились на насъ. Бюша ударили саблей по головѣ и пробили киверъ до козырька; но ударомъ птицы онъ убилъ ранившаго его. Пруссаковъ оставалось еще трое. У меня ружье было еще заряжено. Бюшъ сталъ спиною къ оруженнику, и всякій разъ, какъ отступившіе пруссаки хотѣли приблизиться, я прицѣливался въ нихъ:—никто изъ нихъ не хотѣлъ быть убитымъ первымъ! Въ то время, какъ мы ожидали—Бюшъ съ ружьемъ на руку, я съ прикладомъ у плеча, — вдругъ послышался по дорогѣ лошадиный топотъ; мы испугались, думая, что это пруссаки, но это бѣжали наши уланы. Тогда гусары спрятались въ рожъ; направо, а Бюшъ поскорѣе зарядилъ свое ружье.

Уланы наши проѣхали и мы пустились за ними бѣгомъ. Офи-

церь, вѣхавшій съ ними, сказалъ намъ, что императоръ уѣхалъ въ Парижъ, а что король Жеромъ принялъ командованіе арміей.

У Бюша была прорублена вся кожа на головѣ, но кость не была повреждена; кровь бѣжала у него по щекамъ. Онъ завязалъ голову платкомъ, и съ того времени мы не встрѣчали болѣе пруссаковъ.

Къ двумъ часамъ мы были такъ утомлены, что ногги не могли ужь идти; за пятьсотъ или шестьсотъ шаговъ влѣво отъ большой дороги, мы увидали маленькій буковый лѣсъ, и Бюшъ связалъ.

— Войдемъ, Жозефъ, туда.. ляжемъ и заснемъ:

Я былъ очень радъ.

Мы сошли съ дороги къ самому лѣсу овсянымъ полемъ, и вошли въ густой лѣсокъ небольшихъ частыхъ деревьевъ. У насъ у обоихъ сохранились ружья, мѣшки и ядунки. Мы положили мѣшки на землю, растянулись, положивъ на нихъ головы, и проснулись, когда уже совершенно разсвѣло и толпа уже давно тянулась по дорогѣ, и мы спокойно отправились дальше.

XXII.

Множество товарищей и раненыхъ осталось въ Госли, но большая часть продолжала свой нуть, и въ девяти часамъ показали колокольни Шарлеруа, какъ вдругъ за полмили передъ нами послышались крики, жалобы и выстрѣлы. Вся колонна несчастныхъ остановилась, крича:

— Городъ запираетъ ворота! Мы остановлены тутъ!..

Всѣ лица выражали горе и отчаяніе. Но черезъ минуту разнесся слухъ, что приближались обозы съ продовольствіемъ и что отказывались раздавать съѣстное. Тогда бѣшенство смѣнило страхъ и вдоль всей дороги несли только одинъ крикъ:

— Нападемте на нихъ! Убьемъ негодяевъ, морящихъ насъ голодомъ; намъ измѣнили!

Самые боязливые и самые утомленные начали торопиться, поднявъ наверхъ сабли или заряжая ружья,

Напередъ можно было видѣть, что это будетъ настоящая рѣзня, если вѣдовые обозы не сдадутся. Даже Бюшъ кричалъ:

— Надо все уничтожить... намъ измѣнили!.. Идемъ, Жозефъ!.. Мицение!..

Но и схватить его за воротъ, крича ему:

— Нѣтъ, Жанъ, нѣтъ!.. Ужъ довольно было рѣзни и безъ того... Мы отъ всего отдѣлялись; не тутъ же дать французамъ зарѣзать себя. Идемъ!..

Она отбивалась. Но, наконецъ, я показалъ ему нѣкую отъ дороги деревню и сказалъ:

— Смотри! вотъ Парбергская дорога, вотъ дома точно въ Четырехъ Вѣтрахъ! Пойдемъ лучше туда просить хлѣба. У меня есть деньги; мы, навѣрно, доставимъ. Идемъ! Это лучше, нежели атаковать обозъ, какъ какая нибудь стая волковъ.

Она согласилась и пошелъ. Мы еще разъ прошли по хлѣбнымъ полямъ. Но толи насъ голодъ, толи саднильскъ бы на каждомъ шагу на тропинкѣ. Не черезъ полчаса мы, слава Богу, пришли къ какой-то заброшенной фермѣ, съ разбитыми окнами, съ настежь отворенной дверью и съ большими кучами чернозема вокругъ. Мы вошли въ комнату, крича:

— Развѣ нѣтъ никого?

Мы стучали по мебели прикладами, — никто не отвѣчалъ. Ярость наша увеличивалась, потому что мы видѣли, что по нашей же дорогѣ идутъ нѣсколько несчастныхъ, и мы думали:

— Они идутъ ѣсть нашъ хлѣбъ!

Кто не испыталъ подобныхъ лишеній, тотъ не знаетъ ярости людей. Она ужасна!.. ужасна! Мы уже сломали одинъ шкафъ, на полшестерый сбѣжеть, и штыками переворачивали все, когда изъ подъ кухоннаго стола, которымъ былъ заставленъ входъ въ погребъ, вытѣла старуха и, рыдая, сказала:

— Господи! Господи! сжался надъ нами!

Ярость моя была разорена еще рано утромъ. Лошади были уведены, хозяйникъ исчезъ, прислуга разбѣжалась. Не смотря на нашу ярость, видъ этой старухи заставилъ насъ устыдиться самихъ себя, и я сказалъ ей:

— Не бойсь... мы не звѣри... Дайте только хлѣба, а то мы умремъ.

Она же сѣла на старыи стулъ, сложила руки на колѣни и сказала:

— У меня ничего нѣтъ больше. Они взяли все, Господи!.. все... все!..

Ея сѣдые волосы висѣли по щекамъ. Мнѣ хотѣлось плакать и за нее, и за себя.

— Ну, какъ мы пойдемъ покчемъ сами, сказала я Бюну.

И мы пошли по всѣмъ комнатамъ, и даже въ конюшни. Никдѣ ничего не было; все было разграблено, сломано.

Я ужь хотѣлъ выйти, какъ за старой дверью, въ тѣни, увидѣлъ, что виситъ что-то бѣлое на стѣнѣ. Я остановился, протянувъ руку: это была холщевая мѣшокъ съ завязками; а горлошко зналъ его.

Бюшъ смотрѣлъ на меня... Мѣшокъ былъ тяжелъ... я открылъ... Въ немъ были двѣ большія черныя рѣдьки, полкѣба, сухого и жесткаго, какъ камень; большія ножницы для обрѣзыванія городовъ и на днѣ нѣсколько луговицъ и круной соли въ бумажкѣ.

Мы крикнули, увидавъ это, со страху, что могутъ придти немцы; мы убѣжали къ задней сторонѣ дома, въ ячмень, наклонясь, какъ воры. Силы къ намъ воротились и мы сѣли у маленькаго ручейка. Бюшъ говорилъ мнѣ:

— Вѣдь тутъ есть и мнѣ на долю!

— Да... половину всего, сказалъ я ему; — ты дажь мнѣ выпить изъ твоей фляжки... я раздѣлю.

Тутъ онъ успокоился.

И разрѣзавъ хлѣбъ саблей, говоря:

— Выбирай, Жанъ: вотъ тебѣ рѣдька... вотъ половина луки и вотъ намъ обоямъ соль.

Мы сѣли хлѣбъ, не помачивая его въ воду, сѣли рѣдьку, лукъ и соль. Мы ѣли не останавливаясь, а между тѣмъ, были ужь совсѣмъ сыты! Потому мы встали на колѣни около ручейка, захватили горстью воды и напились.

— Теперь идемъ, сказалъ Бюшъ:—и оставимъ мѣшокъ!

Не смотря на то, что ноги у насъ ныли отъ усталости, мы опять пошли влѣво; въ то время, какъ направо къ Шарлеруа крики и выстрѣлы усиливались и вдоль дороги только и видно было, какъ люди дрались. Но это уже было далеко. Мы тогда обернулись и Бюшъ говорилъ мнѣ:

— Ты хорошо сдѣлалъ, Жозефъ, что утѣшилъ меня... Не будь тебя, я, можетъ быть, ужь лежалъ бы тамъ, около дороги, убитый какимъ нибудь франкузомъ. Мнѣ слишкомъ хотѣлось жить. Но куда идти теперь?

Я отвѣчалъ ему:

— Иди за мною.

Всморъ мы прошли мимо большой, отличной деревни, тоже разграбленной и брошенной. Далѣе мы встрѣтили мужиковъ, смотрѣвшихъ на насъ недоувѣрчиво и сторонившихся съ дороги. Должно быть, видъ нашъ былъ нехорошъ, въ особенности Бюшъ съ

своей заставной головой и съ небригою уже дѣлаю надѣлю боро-
дой, густой и жесткой, какъ свиная щетина.

На насъ пополудня мы перешли мѣресь Самбру, черезъ мостъ
Милле; но такъ какъ пруссаки шли за нами, то мы не остано-
вливались. У меня, одинокъ, было легко на сердцѣ и я думалъ:

— Если пруссаки будутъ продолжать преслѣдовать, они вѣрно,
пойдутъ за большой толпой, чтобы забрать больше въ плѣвъ и
собрать пушки, зарядные ящики и обозы.

Вотъ какъ принуждены были разсуждать люди, которые, три дня
тому назадъ, еще заставляли трепетать передъ собою все!

Я помню, что, придя въ три часа въ маленькую деревню, мы
остановились передъ кузницей—спросить нить. Тотчасъ же насъ
около деревенскіе жители, и вузнецъ смуглый и высокій муж-
чина, пригласилъ насъ напротивъ въ харчевню, говоря, что придетъ
выпить съ нами пива.

Конечно, это обрадовало насъ, тѣмъ болѣе, что мы боялись, что
насъ арестуютъ, а увидѣли, что эти люди за насъ.

Мнѣ пришло въ голову, что въ мѣшкѣ у меня есть деньги и
я могу употребить ихъ.

Мы вошли въ харчевню, которая была не харчевня, а просто
кабакъ, съ двумя маленькими окнами, выходящими на улицу,
дверь круглая, отворавшаяся обѣими половинками, какъ у насъ въ
деревняхъ. Когда мы усѣлись, комната такъ наполнилась мужчи-
нами и женщинами, пришедшими послушать новости, что едва мож-
но было дышать въ ней.

Пришедъ вузнецъ. Онъ смалъ свой кожаный передникъ и былъ
въ синей блузѣ; онъ вождь за нами, вождь еще мать или щестъ
лестный буржуа: мѣръ, помощникъ и мѣстные совѣтники.

Они сѣли на скамейки противъ насъ и велѣли подать намъ
кусеньяго пива, какое любятъ въ той мѣстности. Бюдь спро-
сить хлѣба; жена хозяйки харчевни принесла хлѣбъ и большой
кусокъ говядины на блюдѣ. Всѣ говорили намъ:

— Кушайте, кушайте!

Когда кто нибудь спрашивалъ насъ о битвѣ, тогда мѣръ или
кузнецъ говорили:

— Оставьте ихъ, пусть они кончатъ. Вы видите, что они идутъ
издалека.

И только когда мы кончили, они спросили насъ, что правда ли,
будто французы проиграли битву при Ватерло? Сначала имъ сказали,
что мы побѣдили, а теперь разносится слухъ, что насъ побѣди-

Мы говорили, что они слышали о Ланьи и что это и случилось ихъ.

Мнѣ стыдно было признаться: нѣтъ въ нашей пещерѣ, а стрѣль на Бюша, а тотъ сказалъ:

— Намъ измѣнили!.. предатели издали наши знамена... Армия была полна предателями, которыми вѣрно было кричать: «спасайся, кто можетъ!» Какже вы хотите, чтобы при такихъ дѣлахъ мы не проиграли?

Я въ первый разъ слышалъ объ этой измѣнѣ; правда, что нѣкоторые раненые кричали: «намъ измѣнили!» но я не обращалъ вниманія на ихъ слова; и когда Бюшъ вывелъ насъ изъ затрудненія этими словами, я былъ доволенъ и удивленъ.

Эти люди сердились, вмѣстѣ съ нами, на предателей. И мнѣ пришлось рассказать о битвѣ и объ измѣнѣ. Бюшъ говорилъ, что пруссаки приняли, вслѣдствіе измѣны маршала Груши. Хотя это и казалось мнѣ нѣсколько несправедливымъ, но разстроганные крестьяне дали намъ еще пива и дали даже табаку и трубки, и я сталъ говорить то же, что и Бюшъ. Только потомъ, уйдя отсюда, я устыдился при мысли о нашей отвратительной лжи и вопрекалъ:

— Знаешь, Жанъ, наши сказки о предателяхъ не совсѣмъ-то хороши! Если всякій станетъ рассказывать столько, то вычленимъ тѣмъ, что всѣ мы сдѣлаемся измѣнниками и только одинъ императоръ выйдетъ честнымъ человекомъ. Вѣдь для родины нашей позорно говорить, что между нами было столько предателей... это неправда.

— Ну-ну!.. говорилъ онъ: — намъ измѣнили, а иначе никогда ни пруссаки, ни англичане не могли бы обратить насъ въ бѣгство.

И мы спорили до восьми часовъ вечера. Тогда мы пришли въ другую деревню, по имени Бувиньи. Мы были такъ утомлены, что ноги у насъ совершенно одеревенѣли и что давно мы уже ихъ едва волочили.

Мы полагали, что далеко ушли отъ пруссаковъ. Такъ какъ у меня были деньги, то мы вошли въ харчевню и просили воеводу.

Я вынулъ монету въ шесть ливровъ, чтобы показать, что съездѣмъ заплатить. Я рѣшилъ перемѣнить на слѣдующій день платье, бросить ружье, мѣшокъ, ладушку и вернуться къ себѣ; потому что считалъ войну конченною и радовался, не смотря на всѣ эти страшныя бѣдствія, что узналъ цѣль и невредимъ изъ этого дѣла.

Въ эту ночь мы съ Бюшомъ свали, какъ праведные, въ маленькой коннотѣ, съ Богородицею и Спасителемъ въ нѣмѣ надъ нами между занавѣсками.

На слѣдующій день, вмѣсто того, чтобы идти дальше, мы такъ

были довольны, что можем сидѣть на стулѣ въ кухнѣ, протянувъ ноги и покуривая трубку, и смотрѣть, какъ кипятъ горшки, что мы сказали другъ другу:

— Останемся спокойно здѣсь! Завтра мы отдохнемъ, кунимъ двое полотняныхъ кантаонъ, двѣ блузы, вырѣжемъ изъ забора двѣ палки и помаленьку добредемъ до дому.

Мы чуть не плакали, думая о такихъ приятныхъ вещахъ!

Изъ этой харчевни я написалъ Катеринѣ, тетуси въ Гредель и г. Гульдему. Я написалъ имъ только:

— «Я спасенъ... Поблагодаримъ Господа!.. Я иду... Цѣлую васъ отъ всего сердца тысячу и тысячу разъ! Жозефъ Берта».

Пиша это, я благодарилъ Господа; но многое еще случилось со мной прежде, чѣмъ мнѣ привелось подниматься на лѣстницу дома на углу Фуке, противъ *Краснаго Быка*. — Когда человѣкъ попалъ въ рекруты, ему нельзя торопиться писать, что онъ отпущенъ. Счастье это не отъ насъ зависитъ и желаніе уйдти ничего не значить.

Письмо мое отправилось по почтѣ, и весь этотъ день мы оставались въ харчевнѣ *Золотою Барана*.

Плотно поужинавъ, мы пошли спать. Я говорилъ Бюму:

— Совсѣмъ другое дѣло, Жанъ, дѣлать, что хочешь, нежели отвѣчать на перекличкѣ.

Мы оба смѣялись, не смотря на бѣдствія отечества, — не думая о нихъ, конечно; иначе мы были бы негодяями.

Второй разъ легли мы въ нашу хорошую постель, какъ вдругъ въ часъ ночи насъ разбудило что-то такое странное: — былъ барабанъ... по деревнѣ раздавались шаги. — Я толкнулъ Бюша, который сказалъ мнѣ:

— Слышу, слышу... тамъ пруссаки!

Можно представить себѣ нашу ужасъ. Но черезъ минуту ужасъ еще увеличился, потому что стучались въ дверь, которая отворилась, и черезъ двѣ минуты вся нижняя комната наполнилась народомъ. Кто-то поднимался по лѣстницѣ. Мы съ Бюшемъ встали; онъ говорилъ:

— Я буду защищаться, если меня захотятъ взять!

Я же не смѣлъ думать, что буду дѣлать.

Мы уже почти были одѣты и я надѣялся, что успѣю скрыться ночью прежде, чѣмъ меня узнаютъ, какъ вдругъ въ дверь нашу стали стучать и кричать:

— Отворите!

Надо было отворить.

Вошелъ какой-то нехотный офицеръ, вимоченный дождемъ, въ

толстой синей шинели, пристегнутой къ запятамъ, и въ сопровожденіи стараго сержанта, державшаго фонарь. Мы узнали, что это французъ. Офицеръ рѣзко сказалъ намъ:

— Откуда вы?

— Изъ Монъ-Сень-Жана, г. поручикъ, отвѣчалъ я ему.

— Изъ какого полка?

— Изъ 6-го легкаго.

Онъ посмотрѣлъ номеръ на моей фуражкѣ, лежавшей на столѣ, и въ то же время я увидѣлъ его номеръ: онъ былъ тоже изъ 6-го легкаго.

— Какого батальона? спросилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Третьяго.

Бюджъ поблѣднѣлъ и не говорилъ ни слова. Офицеръ посмотрѣлъ на наши руки, мѣшки и ядунки въ углу за постелью.

— Вы дезертировали! сказалъ онъ.

— Нѣтъ, г. поручикъ, мы ушли послѣдними изъ Монъ-Сень-Жана, въ восемь часовъ вечера...

— Сходите, мы посмотримъ.

Мы сошли.

Офицеръ шелъ за нами, а передъ нами шелъ сержантъ съ фонаремъ.

Нижняя комната была полна офицерами 12-го стрѣльцоваго и 6-го легкаго. Командиръ 4-го батальона 6-го легкаго ходилъ взадъ и впередъ, покуривая маленькую деревянную трубочку. Всѣ офицеры были мокры и покрыты грязью.

Офицеръ сказалъ нѣсколько словъ командиру, который остановился, устремивъ на меня свои черные глаза. У него былъ горбатый носъ, смотрѣвшій въ сѣдые усъ. Онъ не казался человѣкомъ нѣжнаго характера и тотчасъ же одѣлалъ намъ пять или шесть вопросовъ: объ уходѣ нашемъ изъ Линьи, о дорогѣ въ Катръ-Вра и о битвѣ; онъ подмигивалъ глазами, сжимая губы. Другіе уходили и приходили, волоча свои сабли и не слушая насъ. Наконецъ, командиръ сказалъ:

— Сержантъ.. эти двое поступаютъ во вторую роту.—Идите!

Онъ опять взялъ свою трубку съ краини печки, а мы вышли съ сержантомъ, довольные, что еще такъ дешево одѣлались, потому что насъ могли бы разстрѣлять, какъ дезертировавшихъ передъ неприятелемъ. Сержантъ провелъ насъ шаговъ въ двѣсти, къ концѣ деревни, къ навѣсу. Далѣе въ полѣ были разведены огни; но въ навѣсомъ спали солдаты, прислонившись къ дверямъ конюшни и къ столбамъ. На улицѣ моросилъ мелкій дождь; всѣ мужчины дро-

жали, освѣщенные свѣрой и затуманенной луной. Мы стали подъ крышу на углу какого-то стараго дома, размышляя о нашихъ бѣдствіяхъ.

Черезъ часъ забили въ барабанъ; солдаты стряхнули солому и съѣли съ своихъ платьяевъ и мы пошли. Было еще совсѣмъ темно; за нами стрѣлки играли сигналъ садиться на лошадь.

«Около трехъ или четырехъ часовъ на разсвѣтъ, мы увидали множество другихъ полковъ, кавалеріи, пѣхоты и артилеріи; шедшихъ, подобно намъ, по различнымъ дорогамъ: — весь корпусъ маршала Груши отступалъ! Сырая погода, нелюбое небо, вереницы людей, утомленныхъ и удрученныхъ горемъ—быть захваченными и думать, что столько усилій, столько пролитой крови послужили только ко второму вторженію,—все это заставляло понурить голову. Только и слышеть было звукъ шаговъ по грязи.

Тяжелое грустное настроеніе продолжалось уже долго, какъ вдругъ какой-то голосъ сказалъ мнѣ:

— «Вдвратствуй, Жозефъ!»

Я встрепенулся, взглянувъ на окликавшаго меня, и узналъ сына товарища Мартена, сосѣда нашего въ Пфальцбургѣ; онъ былъ капраломъ и шелъ съ краю, держа ружье вольно. Мы пожали другъ другу руки. Мнѣ было истиннымъ утѣшеніемъ увидать кого нибудь изъ своихъ земляковъ.

Не смотря на все еще педшій дождь, на сильную усталость, мы все время говорили объ этой страшной компаніи. — Я рассказывалъ ему о ватерлооской битвѣ; онъ же говорилъ мнѣ, что 4-й батальонъ съ самаго Флерюса ходилъ на Вавръ, со всѣмъ армейскимъ корпусомъ Груши; что на другой день послѣ 18-го, послѣ обѣда, подымались съ лѣвой стороны пушечная пальба, и что всѣ хотѣли идти по этому направленію, что и генералы были того же мнѣнія, но что маршалъ, получившій положительное приказаніе продолжалъ идти на Вавръ. Только между шестью и семью часами, когда совсѣмъ разсвѣло, пруссаки скрылись, тогда наши повернули влѣво, чтобы соединиться съ императоромъ; къ несчастью, уже было слишкомъ поздно, и къ двѣнадцати часамъ ночи надо было остановиться бивуаками въ полѣ. Всѣ батальоны стали въ каре. Въ три часа утра, пушки пруссаковъ разбудили нашихъ, и они перестрѣливались до двухъ часовъ пополудни, пока не пришелъ приказъ отступать. И на этотъ разъ было опять слишкомъ поздно, потому что часть арміи, побившая армію императора, уже зашла намъ стнаду и это заставило насъ идти весь остальной день и ночь до шести часовъ утра, чтобы избавиться отъ нея. — Въ шесть

часовъ. Батальонъ занялъ позицію около деревни Танлу; въ десять явились пруссаки съ большими силами; наши отчаянно стояли противъ нихъ, для того, чтобы дать время пробраться черезъ Намюрскій мостъ артиллерии и обозамъ. Весь армейскій корпусъ счастливо пробрался черезъ городъ, за исключеніемъ 4-го батальона, по винѣ командира Делона, который повернулъ вправо отъ дороги и долженъ былъ броситься въ Самбру, чтобы не быть изрубленнымъ. Нѣсколько человѣкъ было взято въ плѣнъ, другіе же потонули, стараясь переплыть черезъ рѣку. — Вотъ все, что рассказъ мнѣ Мартенъ; а нашихъ онъ не знаетъ ничего.

Въ этотъ же день мы прошли черезъ Живе; батальонъ остался на бивуаки около деревни Гьершъ, съ подмидию подальше. На другой день, пройдя черезъ Фюмей и Рокруа, мы понеслись въ Буръ-Фидели; 23 іюня въ Бломбей, 24-го, въ Сосъ-Лануа, — гдѣ мы узнали объ отреченіи императора, — а на слѣдующіе дни въ Витри, около Реймса, въ Жоншери, подѣ Суассона; отсюда батальонъ повернулъ на Виллерсъ-Коттере; но такъ какъ неприятель опередилъ насъ, мы переимѣнили направленіе черезъ Ферте-Милонъ и расположились бивуаками въ Нешеллѣ, деревнѣ разоренной вторженіемъ 1814 г. и которую еще не отстроили.

Мы вышли отсюда 29-го, около часа утра, и прошли черезъ Мо. Пришлось идти по дорогѣ Линьи, потому что пруссаки заняли дорогу Клей; мы шли весь день и всю слѣдующую ночь.

Тридцатаго, въ пять часовъ утра, мы были уже на мосту Сентъ-Моръ. Въ тотъ же день, въ три часа, мы ободили Парижъ и расположились бивуаками въ богатомъ во всѣхъ отношеніяхъ мѣстечкѣ, по имени Вожираръ, по Версальской дорогѣ. Перваго іюля, мы пошли стать бивуаками въ предѣльное мѣстечко Медонъ. По садамъ, по огородамъ, обнесеннымъ стѣнами, по величинѣ домовъ, по ихъ чистотѣ, видно было, что это окрестности самаго лучшаго города въ мірѣ, а между тѣмъ, мы жили въ нищетѣ и среди опасностей; сердце обливалось у насъ кровью! Народъ добръ, онъ любитъ солдатъ; насъ называли защитниками отечества, и самые бѣднѣе хотѣли идти драться вмѣстѣ съ нами.

Перваго іюля, въ 11 часовъ вечера, мы оставили позицію и отправились въ Сентъ-Клу, мѣстечко съ множествомъ дворцовъ, садовъ, большихъ деревьевъ и великолѣпныхъ аллея; трудно представить себѣ что нибудь лучше. Въ шесть часовъ, мы выжили изъ Сентъ-Клу, чтобы опять занять позицію въ Вожирарѣ. Въ пародѣ носились ужасныя слухи... Императоръ ухажалъ въ Рошфоръ... Народъ говорилъ:

— Римскій король возвращается... Людовикъ XVIII уже ѣдет... Въ этомъ городѣ не знали ничего, хотя должны были бы все знать прежде другихъ.

Неприятель атаковалъ насъ въ Вожвирарѣ, въ часъ полудни, въ окрестностяхъ деревни Иси. Мы дрались до полуночи за нашу столицу. Народъ помогалъ намъ; онъ ходилъ подбирать нашихъ раненыхъ подъ неприятельскимъ огнемъ; женщины жалѣли насъ.

Страданія наши, что мы доведены до этого, были невыразимы... Я видѣлъ, что даже Бюшь плакалъ, потому что мы были, въ нѣкоторомъ родѣ, обезначены.—Лучше бы не видѣть этого!—Двадцать дней тому назадъ, я не воображалъ себѣ Францію такою. Видя Паризъ, съ его колокольнями, съ его безчисленными дворцами, я думалъ:

— Вотъ Франція!.. Вотъ что старики наши созидали столѣтіями. Какое несчастье, что англичане и пруссаки идутъ сюда.

Въ четыре часа утра, мы атаковали пруссаковъ съ новою яростью и вяли у нихъ козачи, потерявша навадунѣ. Вотъ тогда-то генералы и принесли объявить намъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій.—Это происходило 3-го іюля 1815 г. Мы думали, что это прекращеніе военныхъ дѣйствій дѣлается для того, чтобы предупредить неприятеля, что если онъ не выйдетъ, то Франція поднимется, какъ въ 92 году, и раздавить его! Мы всё это думали; а я, видя этотъ народъ, поддерживавшій насъ, вспоминалъ тѣ восстанія маасами, о которыхъ говорилъ мнѣ всегда старикъ Гульденъ.

Къ несчастью, большинство было такъ утомлено Наполеономъ и солдатами, что готово было пожертвовать даже родной, только бы избавиться отъ нихъ; они все сваливали на Наполеона и говорили, что безъ него, неприятелю никогда не достало бы ни силы, ни храбрости придти, и что императоръ насъ такъ истощилъ, и что даже пруссаки дали бы намъ больше свободы.

Народъ говорилъ то же самое, что говорилъ г. Гульденъ, но у него не было ни ружей, ни зарядовъ; для него сдѣланы были вини.

Въ то время, какъ мы размышляли объ этихъ предметахъ, 4-го намъ объявили перемиріе, вслѣдствіе котораго пруссаки и англичане должны были занять парижскія заставы, а французская армія удалиться за Дуару.

Тогда негодование всѣхъ честныхъ людей было такъ сильно, что злоба приводила насъ въ ярость; одни ломали свои ружья, другіе разрывали мундиры и всё кричали:

— Намъ навѣнили!.. насъ выдали!..

У старыхъ офицеровъ, блѣдныхъ, какъ смерть, слезы струились

но щелкаютъ. Никто не могъ уснокоить насъ. Мы уяали слишккомъ нивкомъ—мы были побѣжденный народъ!

Черезъ двѣ тысячи лѣтъ будутъ говорить, что Паризъ былъ взятъ пруссаками и англичанами... это вѣчный позоръ, но позоръ этотъ не падаетъ на насъ.

Батальонъ вышелъ изъ Вокирара въ пять часовъ вечера, пятана іюля, чтобы идти на бивуаки въ Монружъ. При видѣ движенія къ Луарѣ, всѣ говорили:

— Что мы такое? Развѣ мы подъ командою у пруссаковъ? Оттого, что пруссакамъ угодно, чтобы мы были по другую сторону Луары, развѣ мы обяваны слушаться? Нѣтъ! нѣтъ! такъ дѣло идти не можеть. Намъ измѣняютъ, ну, такъ уйдемъ! Тутъ ничего до насъ не касается. Мы исполнили свой долгъ... Мы не хотимъ слушаться Блюхера!

И съ этого же вечера начались небѣги. Всѣ солдаты уходили, которые направо, которые налево. Блузники и бѣдныя старушонки хотѣли увести насъ въ свои безчисленные улицы, стараясь насъ утѣшить; но мы не хотѣли утѣшениъ. — Я сажалъ Бюшу:

— Бросимъ все это... воротимся въ Пфальцбургъ... въ Гербертъ... возмемъ опять за свое дѣло и будемъ жить, какъ честные люди. Если пруссаки, австрійцы или русскіе придутъ туда, жители горъ и города съумѣютъ защититься. Намъ не надо будетъ большихъ сраженій, чтобы уничтожить ихъ тысячами тысячами.— Въ дорогу!

Въ батальонѣ у насъ было человекъ пятнадцать лотарингцевъ; мы вышеть отправились изъ Монружа, гдѣ находилась главная квартира, и мы прошли черезъ Иври и Берси, мѣста необыкновенно красивыя; но горе не дѣвало намъ видѣть и одной четверти того, что слѣдовало бы видѣть. Нѣкоторые шли въ шундирахъ, другіе въ шинеляхъ, а третьи кунгли себѣ блузы.

За Сентъ-Манде, около лѣса, изъ котораго видѣются высокія башни Бенсенна, мы наконецъ, напали Страсбургскую дорогу. Это было 6-го путромъ, и съ этого дня мы каждый день аккуратно шли по двѣнадцати лье въ день.

Восьмого іюля было уже извѣстно, что вернется Людовикъ XVIII и что графъ д'Артуа пойдетъ на богомолье. На всѣхъ экипажахъ, каретахъ и дилижансахъ видѣлся уже бѣлый флагъ; во всѣхъ деревняхъ, гдѣ мы проходили, служили молебны; жеры, помощники, совѣтники благодарили и восхваляли Господа за возвращеніе Людовика Возлюбленнаго.

Негодян, видя насъ, называли насъ *бонапартистами* и науськивали на насъ даже собакъ... Но лучше мнѣ не говорить объ этомъ;

такого рода люди почитать родъ медовѣческій. Мы отъчади имъ презрительными взглядами, что дѣлало ихъ нахальнѣе и злобнѣе. Многие изъ насъ махали палками, какъ будто говоря:

— Если бы мы примерили васъ, вы бы прилепли какъ бараны.

Но жандармы поддерживали эту породу Пинаклей; въ двухъ или трехъ мѣстахъ крики этихъ негодяевъ заставили остановать насъ. Жандармы пришли спросить наши бумаги; насъ свели въ мѣрство, гдѣ негодяи заставили насъ закричать: *«Да здравствуетъ король!»*

Все это было отвратительно; старые солдаты готовы были скорѣе идти въ тюрьму, нежели кричать это. Бюшъ хотѣлъ последовать ихъ примѣру, но я ему сказалъ:

— Не все ли равно кричать: да здравствуетъ Жанъ Клодъ или да здравствуетъ Жанъ Николай? Все эти Людовики, Наполеоны, старые и новые, не пожертвуютъ ни единымъ волоскомъ съ своей головы, чтобы спасти насъ, а мы будемъ надрыватьея, крича за ничьё тѣ или другое. Нѣтъ, это до насъ не касается. Такъ какъ люди такъ глупы, то надо исполнить ихъ требованье, тѣмъ болѣе, что сила не на нашей сторонѣ. Потому они будутъ кричать другое, а потомъ еще другое... Все мѣняется!.. остаются только вѣрный смыслъ и хорошее сердце.

Бюшъ не хотѣлъ слушать этихъ доводовъ; но когда появлялись жандармы, онъ, тѣмъ не менѣе, дѣлалъ, что они хотѣли.

По мѣрѣ того, какъ мы шли, то одинъ, то другой отдѣлялся отъ насъ, оставаясь у себя въ деревнѣ, такъ что послѣ Тули мы съ Бюшемъ остались одни:

И намъ-то и пришлось увидѣть печальное зрѣлище, какъ нѣмцы и русскіе завладѣли Лотарингіей и Альзасомъ. Они дѣлали ученія въ Люневялѣ, въ Бламонтѣ, въ Сарбургѣ, съ дубовыми вѣтками на своихъ дрянныхъ киверахъ. — Какъ грустно видѣть, что такіе дикари, какъ они, живутъ и угощаются на счетъ нашихъ крестьянъ!.. Да! старикъ Гульденъ былъ правъ, говоря, что военная слава дорого стоитъ... Я желаю только, чтобы Господь Богъ избавилъ насъ отъ нихъ на цѣлые вѣка.

Наконецъ, 16 іюля 1815, въ одиннадцать часовъ, мы пришли въ Миттельбронъ, — послѣднюю деревню на горѣ передъ Ифальцбургомъ. Со времени перемирія блокада была снята и мѣстность была полна казаковъ, ополченцевъ, кайзерликовъ; батареи ихъ стояли еще въ позиціи около городовъ, но пальбы уже не было; ворота города были отворены, народъ шелъ на жатву.

Ужъ давно чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ и ячменѣ, потому что легко себѣ представить бѣдствіе при тысячахъ лишняго народа,

который надо было кормить и который ни въ чемъ себѣ не отъивалъ и каждый день требовалъ и водни, и свиного сала.

Во всѣхъ дверяхъ и во всѣхъ окнахъ только и видѣлись курносые носы, длинныя рыжи и грязныя бороды, бѣлые мундиры, наполненные насѣкомыми, плоскіе кивера, и весь этотъ народъ смотрѣлъ на васъ, покуривая трубки и наслаждаясь лѣнью и пьянствомъ. Надо было за нихъ работать, и, наконецъ, честнымъ людямъ еще пришлось дать имъ два миллиарда для того, чтобы они ушли.

Сколько можно было бы разсказать объ этихъ русскихъ и нѣмецкихъ шалопаяхъ, если бы сами мы не дѣлали въ десять разъ больше у нихъ въ странѣ!... Но пусть лучше всякій подумаетъ самъ за себя и вообразитъ себѣ остальное.

Передъ харчевнею Гетцъ я сказалъ Бюшу:

— Войдемъ.... у меня подкашиваются ноги.

Тетушка Гетцъ, въ то время еще молодая женщина, уже кричала, поднявъ руки:

— Ахъ, Господи!... да это г. Жозефъ Берта!... Господи, вотъ удивятся-то въ городѣ!...

Я вошелъ, сѣлъ и наклонился на столъ, чтобы въ волю выплакаться. Тетушка Гетцъ побѣжала въ погребъ за бутылкой вина; я услышалъ, что и Бюшъ рыдалъ въ углу. Мы оба не могли говорить ни слова, думая о радости нашихъ родныхъ; родина наша взволновала насъ и мы счастливы были, думая, что наши кости успокоятся когда нибудь на кладбищѣ нашей родины. А между тѣмъ, теперь мы можемъ обнять тѣхъ, кого любимъ болѣе всего на свѣтѣ.

Когда мы нѣсколько пришли въ себя, я сказалъ Бюшу:

— Ты пойдн впередъ, а я пойду за тобой издали для того, чтобы не поразить жены и г. Гульдена. Ты скажи имъ сначала, что встрѣтилъ меня на другой день послѣ битвы, что я не былъ раненъ; потомъ, что ты встрѣтилъ меня около Парима... и даже по дорогѣ... и только подъ конецъ ты скажешь: «Я думаю, онъ уже недалеко и сейчасъ придетъ!» Понимаешь?

— Да, понимаю, сказалъ онъ и, вставши, выпилъ свой стаканъ: — я сдѣлаю точно также съ бабушкой, которая любитъ меня больше, нежели другихъ внуковъ. Я пошлю кого нибудь впередъ.

Онъ ушелъ и я подождать нѣсколько минутъ. Тетушка Гетцъ говорила со мной, но я не слушалъ ее; я думалъ, много ли прошелъ Бюшъ; я представлялъ себѣ, что вотъ онъ у форпоста, подъ воротами... Вдругъ я бросился, закричавъ:

— Тетюшка Тетцъ, я заплачу вамъ послѣ.

Я пустился обнять. Мнѣ казалось, что я встрѣтилъ трехъ или четырехъ знакомыхъ, говорившихъ:

— Э! да это Жозефъ Верта!

Но въ этомъ я не увѣренъ. Я влетѣлъ, не знаю ужъ какъ, на лѣстницу нашего дома и услышалъ страшный крикъ. — Катерина лежала въ моихъ объятіяхъ!... У меня кружилась голова, и только черезъ минуту я точно очнулся и увидѣлъ комнату, г. Гульдена, Жана Бюна, Катерину и началъ такъ рыдать, какъ-будто со мной случилось ужасное несчастье. Ни г. Гульденъ, ни Бюнь не говорили ни слова. Я посадилъ Катерину къ себѣ на колѣни и цѣловалъ ее; она тоже плакала. И спустя долгое время, потомъ я закричалъ:

— Ахъ, господинъ Гульденъ, простите меня! Я вѣдь и васъ хотѣлъ обнять, васъ, моего отца, котораго люблю, какъ самого себя!

— Хорошо, Жозефъ; сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ. — Я знаю.... и не ревную.

Онъ вытеръ глаза.

— Да.... да.... любовь.... семейство.... и потомъ друзья.... Это естественно, дѣтя мое.... Не смущайся.

Тутъ я всталъ и пошелъ обнять его.

Катерина сказала мнѣ прежде всего:

— Жозефъ, я знала, что ты воротиться, я надѣялась на Бога!... Теперь главныя несчастія наши миновались. Мы никогда не разлучимся.

Я опять посадилъ ее къ себѣ на колѣни и, положивъ ей руку къ себѣ на плечо, я посмотрѣлъ на нее, а она потупила глаза: то, на что мы надѣялись передъ моимъ уходомъ, случилось. Мы были такъ счастливы!

Г. Гульденъ, стоя у прилавка, улыбался, а Жанъ говорилъ, направляясь къ двери:

— Теперь я пойду, Жозефъ, я пойду въ Гарбергъ: отецъ и бабушка ждутъ меня.

Онъ протянулъ мнѣ руку, а я, удерживая его, сказалъ:

— Останься Жанъ... пообѣдай съ нами.

Г. Гульденъ и Катерина тоже просили его, но онъ не хотѣлъ ждать. Цѣлуя его на лѣстницѣ, я почувствовалъ, что люблю его, какъ брата.

Съ тѣхъ поръ онъ часто приходилъ къ намъ; въ теченіи тридцати лѣтъ, вскаіи разъ, какъ онъ пріѣзжалъ въ городъ, онъ оставался у насъ. Теперь онъ поводитъ за Гюммертскою церко-

вью. Это былъ хорошій человекъ, человекъ съ душою.... Не о чемъ это я задумался.

Надо же вѣдь кончить этотъ разсказъ, а я еще ничего не сказалъ о тетускѣ Гредель, пришедшей черезъ часъ послѣ насъ.— Ужъ поднимала же она руки, ужъ обнимала же она децъ, восклицая:

— Жозефъ!... Жозефъ!... такъ вотъ ты выбрался оттуда! Пусть-ка теперь попробуютъ взять тебя.... пусть-ка придутъ! Ахъ, какъ я раскаивалась, что отпустила тебя.... Какъ проклинала я рекрутство и все другое.... Но ты тутъ.... хорошо.... хорошо! Господь скалился надъ нами.

Да, все это, вся эта старина вызываетъ слезы, какъ вспомнишь о ней; все это точно сонъ, точно бредъ, уже давно и давно забытый, а между тѣмъ, вѣдь это жизнь. Эти радости и горе только и привязываютъ къ землѣ, и, вслѣдствіе ихъ-то, въ старости, когда силы пропадаютъ, зрѣніе слабѣетъ и дѣлаешься тѣнью самого себя, все-таки не хочется умирать, и никогда не можешь сказать: «Ну, теперь довольно!»

Эти старыя воспоминанія вѣчно живы: когда говоришь о прошедшихъ опасностяхъ, кажется, будто испытываешь еще ихъ; о старыхъ друзьяхъ — кажется, будто жмешь имъ еще руку; о той, которую любилъ, думаешь, что держишь ее у себя на колѣняхъ; а глядя на нее, говоришь про себя: «Какъ она хороша!» И что казалось вамъ дѣкогда справедливымъ, честнымъ, умнымъ, такъ и осталось справедливымъ, честнымъ и умнымъ.

Я помню, — и этимъ закончу свой разсказъ, — что послѣ моего возвращенія, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже годовъ въ семействахъ царствовало большое уныніе; никто не смѣлъ говорить откровенно, ни выражать любви къ отечеству. Даже Зебеде, возвратившійся въ числѣ тѣхъ, которыхъ распустили за Дуарой, даже Зебеде потерялъ вѣру. Это происходило отъ мщеній, приговоровъ, разстрѣливаній, убійствъ и всякаго рода преступленій; это происходило отъ нашего униженія: — двѣсти-пятьдесятъ тысячъ нѣмцевъ, англичанъ и русскихъ стояли гарнизономъ въ нашихъ крѣпостяхъ; плата за военныя издержки, миллиарды эмигрантовъ, пагубныя контрибуціи и въ особенности законы противъ подозрительныхъ людей, противъ святотатства и за право старшинства, которое хотѣли возстановить.

Всѣ эти вещи, противныя здравому смыслу, противныя чести наци, — не говоря уже о доносахъ этихъ Цинклей и мерзостяхъ, совершаемыхъ съ старыми солдатами, — всѣ эти вещи омрачали народъ. Часто, оставшись съ Катериной и съ маленькими

Жозефомъ, дробившимъ намъ Господомъ для нашего утѣшенія средѣ тѣхъ великихъ бѣдствій; господику Гудвилью, сначала гонимымъ нами, но потомъ нашимъ другомъ... И теперь, когда я стою передъ Жозефомъ, какъ павшая царица несчастной родины!.. Обида! Наполеонъ взялъ Францію; она была самая великая, самая свободная, самая могущественная страна; всѣ другія націи поклонились и завидовали намъ!.. Теперь мы побѣждены, разорены, истекаемъ кровью; неприятели наполняютъ наши крѣпости; они придавливаютъ насъ ногой за горло!.. Это слышано съ тѣмъ пророчествомъ, какъ случается. Франція, — иностранцы господствуютъ у насъ въ столицѣ, а мы видѣли ихъ два раза въ теченіи дружбы!.. Вопросъ: что значить отдать свою свободу, имущество и честь въ руки честолюбца!.. Мы находимся въ очень печальномъ положеніи; можно подумать, что великая наша революція умерла и что права человѣка уничтожены!.. Но не надо терять мужества,—все это пройдетъ!.. Всѣ тѣ, кто противится справедливости, будутъ изгнаны; тѣ, которые хотятъ возстановить старыя злоупотребленія, сочтутся сумасшедшими. Великая нація отдыхаетъ; она размышляетъ о своихъ ошибкахъ; она наблюдаетъ за тѣми, кто хочетъ вести ее противъ ея интересовъ; она читаетъ въ глубинѣ ихъ души, и, не смотря на швейцарцевъ, не смотря на королевскую гвардію, не смотря на священный союзъ, когда она будетъ утомлена своими бѣдствіями, она въ одинъ день выгонитъ этихъ негодяевъ. И это кончится, потому что Франція хочетъ справедливости! Намъ недостаетъ только образованія; но народъ образовывается съ каждымъ днемъ; онъ пользуется нашимъ опытомъ и нашими несчастіями. Я, можетъ быть, не буду имѣть счастья видѣть пробужденіе родины: я слишкомъ старъ и не могу надѣяться на это; но ты... ты увидишь, и это утѣшитъ тебя за все; ты будешь гордиться тѣмъ, что принадлежишь къ этой великодушной націи, идущей впереди другихъ; остановки ея ничто иное, какъ небольшіе отдыхи во время страднаго пути.

Этотъ добрый человѣкъ до послѣдней минуты своей сохранилъ спокойствіе и вѣру.

Я видѣлъ исполненіе его предсказаній: я видѣлъ возвращеніе знамени трехцвѣтнаго; я видѣлъ, какъ нація процвѣтала въ богатствѣ, счастья и образованіи; я видѣлъ, какъ тѣ, которые хотѣли отвергнуть справедливость и возстановить старый порядокъ вещей, должны были бѣжать; и я вижу, что мысль идетъ впередъ, что крестьяне отдали бы все, до послѣдней рубашки, чтобы образовать своихъ дѣтей.

Къ несчастью, у насъ мало нисольныхъ учителей. Да, если бы у насъ было немного солдатъ, да побольше нисольныхъ учителей, все пошло бы гораздо скорѣе. Но потерпимъ, это придетъ! Народъ начинаетъ понимать свои права; онъ знаетъ, что война ему не приноситъ ничего, кромѣ увеличенія податей, и когда онъ скажетъ: «Вмѣсто того, чтобы посылать смншей своихъ на войну, губить ихъ тысячами подъ саблями и пушками, я хочу, чтобы ихъ учили и одѣвали изъ нихъ людей!» кто осмѣлится говорить противное, въ особенности теперь, когда народу возвращены его права?

Съ этой надеждой, я прощаюсь съ вами, друзья мои, и обнимаю васъ отъ всего сердца.

ЖЕНСКІЯ НЕМОЩИ.

VIII.

Не много радостей, а только пуще раздраженіе принесла Танѣ любовь: Коклюшкинъ просто боялся ея... Но все-таки любовь привязывала молодую дѣвушку къ жизни и усиливала нежеланіе идти въ монастырь. Между тѣмъ, Раиса Сергѣевна чаще и чаще стала заговаривать о томъ, что пора отвезти ее, а Петръ Петровичъ налегаль на эту мысль еще пуще. Такіе разговоры погружали Таню въ угрюмое расположеніе духа: хотѣлось протестовать, а словъ не было, смѣлости не хватало.

Лѣто уже проходило, какъ въ Рѣшетиловымъ пріѣхала старшая дочь съ мужемъ: она собралась въ Петербургъ, чтобы полечиться, и заѣхала проститься съ отцомъ и матерью. Анна Петровна еще сохранила признаки миловидности: красивыя черты лица, добрые, голубые глаза и необыкновенно привлекательную улыбку. Но какъ скоро и какъ рѣзко поблекла ея прежняя миловидность: пожелтѣло, сморщилось и осунулось ея когда-то красивое лицо, похудѣлъ, точно высохъ стройный станъ, а руки висѣли, какъ плети. Грустное впечатлѣніе производила эта преждевременно-увядшая женщина съ яркимъ выраженіемъ болѣзни во всемъ ея существѣ... Мужъ обращался съ нею довольно небрежно. Мы уже говорили, что господинъ Словъ не отличался презентабельною наружностью: въ немъ съ головы до пятокъ былъ виднъ помѣщикъ-собачникъ, цѣлый вѣкъ бившій бакуши. Ни длинные волосы до плечъ, ни ухарскіе усы не сглаживали глубо-

чайшей пошлости и положительнаго безсмыслия, выражавшихся въ обрюзгой физиономіи этого негодяя.

— Ну, каково у васъ тутъ живутъ? спрашивалъ онъ Петра Петровича, закуривая сигарку. Эхъ, къ намъ бы вы переѣзжали,—у насъ житье хорошее: пикники, вечера, игра... лихо!...

— Не до пикниковъ бы вамъ, Василій Федоровичъ, съ неудовольствіемъ отозвалась Раиса Сергѣевна:—жена-то у васъ на что похожа, еле-еле душа въ тѣлѣ...

— Что-жъ, матушка, мнѣ прикажете съ ней дѣлать: пусть лечится; я ничего не пожалѣю, по золотому за визитъ всякому доктору платить буду... А себя ограничить ужъ не могу,—нѣтъ-съ...

— Откуда въ ней болѣзнь-то взялась, Василій Федоровичъ, — объ этомъ-то вы подумали бы...

— А откуда бы?

— То-то...

— И что особеннаго нашли вы въ ея болѣзни?.. Ровно ничего такого необыкновеннаго нѣтъ...

— То необыкновенно, что была дѣвушка здоровая, плотная, а вышла замужъ — ни съ того, ни съ сего, высохла, какъ щенка...

— То ли еще бываетъ...

— Мало ли что бываетъ, Василій Федоровичъ, — промолвила Раиса Сергѣевна:—бываетъ, что и корабли ломаетъ, — да не о томъ рѣчь... Жену-то зачѣмъ измаяли?

— Чѣмъ же я тутъ виноватъ, позвольте узнать? Какъ вы можете позволять себѣ говорить такія вещи?

— Скажите, какой воевода явился! Я думаю, вы не у себя дома, къ тещѣ пріѣхали...

Въ эту минугу вошла Анна Петровна.

— Маменька! Василій Федоричъ! полноте, ради бога! — удерживала она мать и мужа.

— Твоя матушка, кажется, совсѣмъ съ ума сходить! — крикнулъ Словей и вышелъ изъ комнаты.

Впрочемъ, черезъ часъ онъ уже преспокойно игралъ въ пикетъ съ Петромъ Петровичемъ и рассказывалъ ему о своей необыкновенной собацѣ, которая чудеснымъ образомъ деньги размѣиваетъ: проглотитъ золотой и возвратитъ его пятачка-

«я и не зову ее иначе; какъ мѣняло, — удивительная собака!» заключилъ онъ, между тѣмъ, какъ Петръ Петровичъ со смѣху, какъ говорится, животикъ надервалъ, повторяя: «ну, ужь вратъ ловокъ, чортъ тебя дери, ловокъ! «А Ранса Сергѣевна прослезилась и жестоко бранила больной дочери ея безпутнаго мужа.

— Поздно ужь теперь, маменька, говорила Анна Петровна: — надо было раньше разбирать, а теперь поздно; какъ нибудь дотяну жизнь-то ..

— Кто его зналъ, Аннушка: вѣдь добра я желала тебѣ, ну, и сама ты не прочь была...

— Я-то была глупа, маменька, — ну, а вы... конечно, добра желали. Да что объ этомъ толковать! Дай Богъ, чтобы сестры счастливые были...

— Кабы понравилъ тебя Господь, Аннушка, во всякъ бы деревняхъ и молебны отслужила, пѣнкомъ бы къ угодникамъ сподилъ. Совершила ты меня!..

— Можетъ и поправлюсь... Плохо вѣрится...

— Охъ, не говори ты этого, ради бога! Вѣрить надо, Аннушка. Вотъ Ташку на зиму въ монастырь свезу — пусть Богу молится; ея молитвы доступны...

— Охотой ли она идетъ въ монастырь-то, маменька?

— А какже! Сама видишь, для свѣта ли она уродилась? и наружностью, и характеромъ...

Дни два прогостили Слюеры у Рѣшетилыхъ, а на третій собрались въ путь. Раиса Сергѣевна плакала, провожая дочь, и усердно крестила ее, а Петръ Петровичъ говорилъ вѣчно: «ну, братъ, изъ Питера-то, поди, навезешь не такихъ еще дѣвоценокъ!

— Жену-то, главное, здоровую привезь бы!

— Будетъ здорова, не беспокойтесь!

Василій Федорычъ проводилъ жену до пятой станци, гдѣ дождалась его собственная лихая тройка; тутъ они попрощались.

— Ты, другъ мой, помахайста, не стѣняйся: устройся тамъ съ полнымъ комфортомъ, позови лучинихъ докторовъ, вообще денегъ не жалѣй, — говорилъ онъ.

— Тамъ увижу... Только, кажется, напрасно я обманула маменьку, будто ты ѣдешь со мной: узнаютъ все равно!..

— Ну, когда-то еще узнаютъ... Знаешь, оно все, какъ-то

спокойнѣе для нихъ... Хотя въ сущности это вѣденье, и сама ты сказала, что никакой надобности нѣтъ, чтобы я ѣхала, но вѣдь они, сама знаешь, люди съ глухими предразсудками...

— Впрочемъ, теперь ужь и поздно объ этомъ разсуждать. Пора мнѣ отправляться...

Они простились: Анна Петровна совершенно сухо и равнодушно, чтобы не сказать болѣе, а Василий Федорычъ съ напускной нѣжностью.

Между этими супругами поселилась видимая холодность, или, иначе сказать, они просто надоѣли другъ другу и ради были позить врозь: Василию Федорычу большая, следышащая жена представлялась несноснымъ бременемъ, ни на что непригоднымъ, только отягчающимъ напрасно его карманъ; а Анна Петровна, унывшаи этого человека близко, презирала его. Съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, она много думала и читала: какъ нелѣпы, какъ уродливы, какъ дико показались ей понятія, вынесенныя изъ родительскаго дома! Какъ захотѣлось пожить совсѣмъ иной жизнью.... но тутъ подошла болѣзнь и приняла такой оборотъ, что приходилось думать не о жизни, а о смерти. Аннѣ Петровнѣ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, позаботиться о сестрахъ, но и это было невозможно: большую часть времени, пока гостила она у матери, ей приходилось лежать; притомъ же, сестры отвыкли отъ нея, а Таня вовсе дичилась... «Съѣзду въ Петербургъ, поправдись», рѣшила Анна Петровна.

Вотъ какого рода исторія случилась въ это время у купца Птицына.

Иванъ Никифорычъ, воздвѣвъ мѣдныя очки на глаза, просматривалъ святцы, какъ въ нему вошла Матрена Наклыорова, видимо раздраженная и взволнованная.

— Вотъ дочка твоя, начала она: — вотъ до чего дошли мы, теперь и въ люди-то срамъ показаться... Говорила я, смотри за дочерью, не давай ей потяжки... Миѣ ужь гдѣ умотрѣть: стара стала... Еще постояльцевъ такъ въпустилъ...

— Да, что такое случилось-то? спрашивалъ съ удивленіемъ Иванъ Никифорычъ, поднимая на лобъ очки.

— Хорошъ отецъ! не знаетъ, что съ дочерью приключи-

вась.... Говорила я тебѣ.... теперь и принимай поворъ на свою голову... Дожили!...

— Да скажешь ли ты, старая, толкомъ-то? раскудахта-лась, чортъ знаетъ изъ-за чего, и не поймешь.... Ну, что же адъялось-то?

— Что? передрезала его Матрена Никифоровна, — а то, что дочка-то у тебя съ прибылью!

Ивана Никифорыча съ перваго разу это озадачило.

— Что, небось, одурило? злобно продолжала сестра: — говорила я тебѣ, смотри за дочерью, — шутки да прибаутки у тебя все; вотъ и допутился!..

Но Иванъ Никифорычъ ужъ оправился.

— Ну, такъ что-жъ, — съ прибылью, такъ и съ прибылью! Отъ Алешки, небось?

— Отъ кого-жъ больше? Не даромъ онъ, то и дѣло, шлепалъ сюда, веръ здавай!

— Позвать его сюда!..

Позвали прикащика Алексѣя. А Иванъ Никифорычъ, между тѣмъ, отыскавъ томъ «Свода», нашелъ въ немъ подобающую статью и заложилъ бумажной. — Птицынъ когда-то служилъ въ палатѣ засѣдателемъ отъ купечества и тогда криобрилъ «Сводъ законовъ».

— Звалъ меня, Иванъ Никифорычъ?

— Звалъ. Поди-ка, братъ, сюда!

Онъ взялъ томъ и ткнулъ пальцемъ на подходящую статью.

— Читай!

Прикащикъ прочиталъ.

— Понялъ?

— Понялъ-съ.

— Ну?

— Что-жъ? я готовъ, Иванъ Никифорычъ, коли ваше родительское благословеніе будетъ.

— Дѣло!

— А что согрѣшилъ, такъ въ томъ у васъ прощенія просимъ, — и за себя, и за Авдотью Ивановну...

Онъ въ ноги.

— Богъ васъ проститъ.. Люди молоде, кровь горячая... Отъ владывать не по что... Сестра, а сестра!

Вошла Матрена Никифоровна.

— Уй ты, разбойникъ, заговорила она:— думцень, управи на тебя нѣтъ? найдемъ, голубчикъ!...

— Перестань, сестра, нечего пустое-то болтать. Вотъ черезъ недѣлю у насъ свадьба, такъ приданое готовь...

— Приданое! еще приданое имъ подавай!.. Взять бы плеть хорошую, да проучить толкомъ, — вотъ бы нѣтъ и приданое!...

— Ну, сестра, ужь люта ты браться, нечего славать, а ума у тебя, какъ посмотрю я, немного, даромъ что до старости дожила!

— Ушки вы, не татчики!.. у такихъ-то отцовъ и доверитеро эдакія выходятъ!.. ворчала Матрена Никитиловна и таки выжила брата изъ дома:

Еще недѣлю посамодурствовала старикъ двѣнадцать! Дуней, и посамодурствовала всласть: срамила и ругала и ее, и жениха, какъ говорится, на обѣ морки, за работой морила съ утра до вечера, а чуть не поладилось что-нибудь рыло...

Дуня выносила все терпѣливо: во-первыхъ, новаго въ этомъ яичего не было, — ощущеній знакомыхъ, привычныхъ; во-вторыхъ, скоро предвидѣлось освобожденіе, — лучше ли, хуже ли будетъ, да, по крайней мѣрѣ, тетка съ глазъ долой, новая жизнь и свое хозяйство.

Черезъ недѣлю Дуню обвинчали и она переехалась къ Алексѣю, у котораго были свои дѣла. Женясь, онъ отошелъ отъ Птицына и на женнины деньги отиралъ любовию мелочную широчку.

IX.

— Слышали вы, Райса Сергѣевна, сообщала г-жа Рвештиловой Ковлюшкинъ:— Родионъ Сергѣевичъ приказалъ долго жить.

— Что вы говорите, Андрей Николаичъ?

— Да-съ, скончался вчера, въ десять часовъ вечеромъ. Я навѣрно знаю; мнѣ сегодня сказалъ объ этомъ докторъ Колосовскій: вчера за нимъ лошадей присылали; онъ поставилъ, пульки не доиграли, потому что старикъ по десяти рублей за визитъ ему платилъ. Однако, помочь не могъ: ударъ, что ли, или аневризмъ. Пришелъ — Родионъ Сергѣевичъ скончался.

— А не знаете, осталась послѣ него духовная, или такъ никакого распоряженія онъ и не успѣлъ сдѣлать?

— Докторъ говоритъ, что никакой духовной не осталось. Очень жалѣеть воспитанницу такая образованная, нѣжная, говоритъ, привыкла къ роскоши, и теперь хоть по міру иди....

— Вотъ судьба-то человѣческая! томно произнесла Раиса Сергѣевна, видимо ободрившись и проясняя свой озабоченный видъ. Жаль брата! какой былъ умный, воспитанный человѣкъ, сколько благотвореній дѣлалъ! вотъ хоть-бы эта воспитанница: вѣдь, онъ воспитаніе ей далъ, развѣ этого мало?.. Не ладилъ мы съ нимъ, а я всегда сважу: жаль, очень жаль! Хоть и ругалъ онъ насъ всякому, — я нероптала: пусть бы жилъ, да жилъ, годы его были еще не старые....

— Конечно, жаль, по человѣчеству. Говорили, что онъ воспитанницу хотѣлъ щедро наградить при замужествѣ...

— Чѣловѣкъ предполагаетъ, Андрей Николаевичъ, а Богъ располагаетъ. Безъ божьяго-то распоряженія мы такъ напутали бы, что и не распутать бы. Вотъ женишокъ-то теперь, пожалуй, и вильнетъ хвостомъ. Да, поди, она нагрѣла руку-то около брата, не даромъ Колосовскій образованность-то ея превозноситъ... Конечно, жаль ее, что съ мечтаніями своими должна распроститься, а съ другой стороны—знай сверчокъ свой шестокъ?..

При Колюшкинѣ Раиса Сергѣевна нѣсколько умѣрила свою радость, но встрѣчая Петра Петровича, она совершенно откровенно воскликнула:

— Околѣлъ-таки, ничего и подѣлать не успѣлъ, такъ прихлопнуло!

— Кто околѣлъ?

— Вотъ! будто не можешь догадаться...

— Чорта въ ступѣ догадаешься... Слоевъ, что ли?..

— Ну тебѣ, со... Слоевымъ-то... Братецъ мой любезный приказалъ долго жить и духовной сдѣлать не успѣлъ...

— Неужели?

— Вѣрно...

— Ну, теперь знай нашихъ! Вотъ такъ разодралъ... а къ воспитанницѣ, говорятъ, ужъ и женихъ пріѣхалъ...

— Съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уйдетъ... А, впрочемъ,

дай богъ, чтобы хорошій человекъ: послѣ такой раскени-да ни причемъ остаться—легче ли дѣло! Однако, намъ-то, Петръ Петровичъ, звать нечего,—нѣтъ не уйдетъ, а двиньность-то, чего добраго, раскрадутъ; та же воспитанница, кто ее зянетъ, чиста ли она на руку.

— Это пожалуй. Надо мѣры принять.

Рагозинъ, предназначенный въ женихи Наташѣ, остановился въ лучшей губернской гостиницѣ. Молодой человекъ хоть куда: наружности приличной, плавный въ движеніяхъ, неторопливый въ разговорахъ... Онъ, какъ слѣдуетъ, хорошенько выпался послѣ дороги и только на другой день вознамерился поѣхать къ Котову...

— Скажи, пожалуйста, любезный, далеко отсюда усадьба Родіона Сергѣича Котова? спросилъ онъ официанта, допивая стаканъ чаю.

— Это Раздольное?

— Да-да, Раздольное...

— Недалеко-то, недалеко, да важъ кого?...

— Ну, это ужъ не твое дѣло... замѣтилъ Рагозинъ, улыбаясь.

— Если Родіона Сергѣича, такъ они померли...

— Что ты говоришь?

— Померли, ей богу-съ. Господа всѣ сегодня на канихуду въ Раздольное-то ѣздили. Барышню-то жалѣють болыю. И людишки ихніе забѣгали: славная, сказываютъ, барышня, добрая, а теперь, значить, не при чемъ осталась: все мѣшечки говорятъ, въ Рѣшетилихѣ поступить. А эта злющая, да жидко дичеетъ, сказываютъ очень жадна, клѣбной корки барышнѣ не оставить...

— Какъ же это такъ?

— Такъ-съ, потому Родіонъ Сергѣичъ никакого распоряженія сдѣлать не успѣли, — значить, по закону, все и пойдетъ сестрѣ его родной—это Рѣшетилихѣ-то, значить! А барышня-воспитанница у нихъ была, — ей по закону никакого наслѣдства, стало быть, не положено.

— Ну, хорошо, любезный, ступай, ты миѣ неучай...

— Если вамъ лошадей угодно будетъ въ Раздольное ѣхать или что... лошади тутъ и есть рядомъ, самыя наилучшія...

— Хорошо. Теперь иди...

«Вотъ тебѣ и разъядумалъ! Разовидишь, оставшись одинъ: тебѣ дѣло виднѣть, значить, дошло, и думать нечего: Все же надо сдѣлать, поклониться врагу; катитъ взглянуть на невесту... Бѣдная дѣвушка! каково непріятное положеніе! Вотъ эти старики благотворители: воспытають, нѣжить, приулаживаютъ къ роскоши, а потомъ пускаютъ по міру только изъ-за того, что страшно имъ о смерти часъ подумать!... Можешь быть, я магу быть ей полезнымъ. Женись на бѣдной дѣвушкѣ я не могу, будь она хоть ангелъ, чудо красотою и умомъ, а помочь, услужить обязанъ, какъ честный человѣкъ.»

И дакъ, читатель, Родионъ Сергѣичъ Котовъ отправился навѣщать свѣтъ, не пристроивъ, какъ хотѣлъ, свою воспитанницу.

Положеніе Наташи было затруднительно вдвойнѣ: во-первыхъ, у нея ничего не было, и та комфортабельная жизнь, къ которой она привыкла, стала невозможною для нея; во-вторыхъ, она ничего не смыслила въ практическихъ дѣйствіяхъ и отклоненіяхъ и самыя обыкновенныя вещи для нея были мудреной, незнакомою грамотой.

Само собою разумѣется, что сама Наташа вовсе не признавала, въ какой степени затруднительно ея положеніе, вся погружившись въ горести и не отходя отъ гроба своего воспитателя.

Всѣ посѣтители съ уваженіемъ относились къ этой тихой, молчаливой горестно.

Только одна Варса Сергѣевна не утерпѣла, чтобы не отвлечь Наташу отъ ея горести на несприятный разговоръ:

«Вы, миленькая, сказали она, послѣ девятидней ужъ нещадно выѣжайте несюдова...»

«Зачѣмъ? куда?»

«Видите ли, я наследница покойнаго брата, а я васъ держать не могу... у меня свое семейство, всѣхъ нищихъ не приютить у себя. Очень мнѣ жаль васъ, а держать у себя и даромъ хлѣбомъ кормить не могу...»

«Что вы говорите? Я не понимаю...»

«Какая вы бездѣятная! А еще, говорите, образованная... Худобушная васъ братецъ...»

Она старательно начала вразумлять Наташу, въ вещь дѣло и все-таки плохо вразумила. Наташа вынесла изъ этого раз-

говора только ту мысль, что она—видная, которую выгоняют изъ дома. Но и этого было достаточно, чтобы произвести въ головѣ бѣдной молодой дѣвушки совершенный хаосъ.

Первый визитъ Рагозина былъ очень коротокъ: онъ откомендовался, отстоялъ панихиду, поклонился покойнику и уѣхалъ, не сказавъ ни слова Натальѣ. При этомъ находилась и Ранса Сергѣевна.

— Не это ли, сударыни, вашъ женишокъ-то? насмѣшливо спросила она Наташу:—коротенькій визитъ что-то сдѣлалъ. Ужъ вы, миленькая, и не рассчитывайте на него лучше; не женится онъ теперь на васъ; небось, тоже на братнино добро рассчитывалъ. Лучше ужъ какого ни на есть чиновничья небогатенькаго пощтите, лишь бы кусокъ хлѣба былъ, а этотъ не по васъ,—видите, какая птица—петербургскаго конста!

Второй визитъ Рагозинъ сдѣлалъ два черезъ три послѣ покорень. Онъ спросилъ Наталью Алексѣевну, т. е. Наташу, и встрѣтилъ ее такими словами:

— Наталья Алексѣевна, я хотѣлъ васъ видѣть передъ отъѣздомъ въ Петербургъ...

Онъ на мигъ остановился, чтобы видѣть, какое впечатлѣнiе произвели его слова объ отъѣздѣ. Наташа вѣскольцо неблѣднѣла, но не была поражена, и Ранса Сергѣевна на сей разъ пользу сдѣлала, подготовивъ бѣдную дѣвушку къ новому удару.

— Между нами были такія странныя отклоненiя, продолжалъ Рагозинъ, не торопясь и ясно выговаривая слова, что я поставленъ въ необходимость откровенно съ вами объясниться. Конечно, я могъ бы уѣхать безъ всякаго объясненiя, но это не въ моихъ правилахъ: я хочу дѣйствовать прямо и откровенно. Наконецъ, я, можетъ быть, могу чѣмъ-либо служить вамъ. И такъ, вы позволяете мнѣ быть откровеннымъ съ вами?

— Говорите.

— Вамъ извѣстно, что предполагаемый бракъ былъ заманъ и почти рѣшенъ безъ личнаго знакомства между женихомъ и невестой, которые если и знали другъ друга, тѣ очень мало, по слухамъ и рассказамъ. Очевидно, что такой бракъ не предполагалъ любви: — женихъ и невеста, конечно, узнавъ другъ друга, могли и полюбить впоследствии, но бракъ былъ

задуманъ при такихъ условіяхъ, что любви была еще невозможна. Слѣдовательно, онъ былъ основанъ на расчетѣ, въ чемъ я и сознаюсь... Теперь внезапная смерть Родіона Сергѣича разрушила всѣ расчеты, и для брака не остается никакихъ основаній... Не правда ли, Наталья Алексѣевна?

— Да, вы правы.

— Вы не сердитесь на меня за это крайне-непріятное объясненіе? Я полагалъ, что оно необходимо для обоихъ насъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, чтобы не было никакихъ недоразумѣній...

— Нѣтъ, я нисколько не сержусь; напротивъ, я очень благодарна вамъ...

— Затѣмъ я не считаю себя въ правѣ оставить у себя вотъ эту вещь, а также два письма...

Онъ подалъ ей портретъ и письма.

— Теперь мнѣ остается просить откровенности съ вашей стороны. Не могу ли я быть полезнымъ для васъ въ чемъ нибудь. Я понимаю затруднительность вашего положенія и, повѣрьте, готовъ услужить вамъ... Можетъ быть, вы поручите мнѣ что-либо передать друзьямъ Родіона Сергѣича...

Наташѣ повравилась откровенность Рагозина и внушила довѣріе къ нему.

— Да, я нуждаюсь, очень нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ. Вы знаете мое положеніе,—научите, что мнѣ дѣлать, какъ жить?..

— Знаете что, Наталья Алексѣевна: обратитесь къ друзьямъ Родіона Сергѣевича, они, вѣроятно, помогутъ вамъ. Или, можетъ быть, предполагаете поѣхать къ родственникамъ своимъ; можетъ быть, вы нуждаетесь въ деньгахъ... Я готовъ служить вамъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не то. Вчера вспомнила я, что у меня деньги есть: Родіонъ Сергѣичъ подарилъ мнѣ два раза по тысячѣ рублей, два билета. Признаться, я тогда и цѣны имъ не знала... Я вѣдь и не думала, что мнѣ придется позаботиться о кускѣ хлѣба. Научите, что мнѣ дѣлать съ этими деньгами, какъ распорядиться ими?

— Все таки совѣтую вамъ, Наталья Алексѣевна, въ Петербургъ ѣхать: друзья Родіона Сергѣича доставятъ вамъ мѣсто какое нибудь; а въ ожиданіи мѣста, вы можете существовать

на эти деньги... Видь можете вы за работу какую-нибудь взяться?

— За какую работу? Я ничего не умю...

— Ну, хоть гувернанткой, что ли, быть... Ямки знаете?

— Знаю...

— На фортепiano играете?

— Играю.

— Учить дѣтей можете?

— Никогда не учила...

— Попробуйте, припомните, какъ васъ учили, что наметен дурнымъ въ вашихъ бышихъ учителяхъ, того избегайте. Нехитрое дѣло. А при протекціи, вы можете получить хорошее, выгодное мѣсто. Право, побужайте.

— Ну, спасибо вамъ за совѣтъ. До отъѣзда еще увидимся?

— Если позволите.

— О, я очень рада.

Понравилась Рагозину Наташа: «Прелесть дѣвушка, размышлялъ онъ, а все: такъ жениться на ней не могу... Если бы такъ... это дѣло другого рода. Эхъ, посоветовать бы я ей другое, не въ гувернантки идти, да не втолкуюшь, неопытна очень... Развѣ пригласить вмѣстѣ въ Петербургъ ѣхать—и для нея было-бы хорошо; она въ дорогахъ не бывала,—и мнѣ бы веселье...»—При первомъ свиданьи, онъ предложилъ Наташѣ свою компанію: «я васъ введу въ Петербургъ и познакомлю съ нимъ!» говорилъ онъ.

Наташа недолго думала: ей во всѣхъ отношеніяхъ выгодно было принять предложеніе Рагозина...

Говорятъ, что изъ Наташи вышла прелестькая камелия; первые уроки на этомъ поприщѣ она получила отъ благодушнаго Рагозина, да и уроки покойнаго Котова пригодились... Исполать имъ обоимъ: добрые люди!

Не для одной Наташи скоростная смерть Котова имѣла роковое значеніе. Вотъ какой случай произошелъ у Рѣшетиловыхъ.

Между тѣмъ, какъ Петръ Петровичъ, Ранса Сергѣевича, Сашенька и Любочка не скрывали своей радости и торжествовали полученіе богатаго наслѣдства, не обращая никакого вниманія на Таню, будущая монахиня мучилась двойнѣ: и отъ любви, запроектированной плохъ подумывать Юкиевъ

внѣ, и отъ мысли о приближающемся затворничествѣ. Тяжело ей приходилось, и нерѣдко, проходя мимо большого, глубокаго пруда, который былъ выкопанъ на дворѣ Птицына, она думала: «броситься развѣ, да утопиться?... но крайней мѣрѣ, всему конецъ!» Но каждая жизни перескливала, и Таня утѣшала себя сладкими мечтами.

Рѣдко удавалось ей оставаться наединѣ съ Ковлюшкнинымъ: приходилъ къ нему по утрамъ она не могла, потому что съ нимъ поселилась его мать; а когда онъ бывалъ у Рѣшетиловаха, Саша и Любочка не отходили отъ орантеватаго сада и отбѣсали Таню. Она прислушивалась къ его голосу, любила его взглядъ, волновалась, а потомъ впадала въ истерическіе припадки и проводила мучительныя ночи, за которыми слѣдовали отупѣніе и безпредметная, тоскливая задумчивость... Еще дѣтомъ ей случилось нѣсколько разъ въ саду поймавъ Ковлюшкина одного: онъ на скоро дѣловать ее, а она вдругъ дѣлалась счастлива, вся схваченная страстью, и пролетали счастливыя минуты почти безъ словъ. Съ осени и такихъ минутъ не стало. Тяжелое время наступило!

Одинъ разъ Таня совершенно случайно подслушала такой разговоръ между матерью и Анисьей Михайловной.

— Вотъ, матушка, она, старуха-то, и говорить: «чтобы, говорить, послѣ заботы не было, надо, говорить, досконально узнать, сколько за ней даютъ — имѣньемъ, и деньгами, и платьемъ, и вещами... всему чтобы роспись была»... А онъ: «эхъ, говорить, маменька, не на приданомъ я хочу жениться, а на человѣкѣ, — нравится, говорить, мнѣ Александра Петровна»... А она: «женись на обумъ — нѣтъ тебѣ моего благословенія; я, говорить, мать, должна о сынѣ попеченіе имѣть»... «Ну, говорить онъ, какъ хотите, маменька, такъ и дѣлайте»... Она меня и послала.

— Ты скажи ей, Анисьюшка, все, какъ быть слѣдуетъ, какъ я тебѣ говорила. Мы для дочерей не жалѣемъ, сама ты знаешь; вотъ я послѣ покойнаго брата наследство получила, кому же все пойдетъ, какъ не Сашѣ съ Любочкой?.. Таня въ монастырь скоро поступить, значить, все на двоихъ...

— Я вѣдь сказывала ей, да старуха такая несговорчивая, все свое плететь.

— Ты намеки ей, что, молъ, у Сашеньки жениховъ бу-

дочь, — слава Богу, она не уродъ, не дура, не безприданница... Конечно, Андрей Николаичъ намъ нравится, ну, и Сашенька, кажется, тоже...

Таня чуть не упала, подслушавъ этотъ разговоръ изъ другой комнаты. Вся кровь прилила къ головѣ, и, шатаясь, побрѣла она сперва изъ комнаты, потомъ изъ дому на крыльцо.

Старый осенній день нахмурился, выливаемый вѣтеръ обрывалъ листья съ деревьевъ, хлысталъ на землю проливной дождь, небо устилалось безобразными облаками.

Холодный воздухъ освѣжилъ Таню; она вздрогнула отъ холода и съ какой-то злостью посмотрѣла вокругъ; потомъ она поспѣшно побѣжала съ крыльца — туда, гдѣ находился глубочайшій прудъ...

Едва ли нужно досказывать читателю, что Таня утопилась въ припадкѣ помѣшательства, которое, рано или поздно, должно было случиться съ ней: къ тому готовили дѣвушку воспитаніе, обстановка и всѣ жизненныя вліянія.

X.

Анна Петровна въ Петербургѣ вздохнула свободно; наконецъ, она живетъ одна, свободно располагаетъ своимъ временемъ и занятіями, она больше не вернется къ мужу; и будетъ жить въ Петербургѣ. — Бѣдная, одинакая, но самостоятельная и свободная жизнь, устроенная на свой счетъ, своимъ трудомъ, независимая въ обществѣ, выбранная по своему вкусу, успокоила Анну Петровну. Такая жизнь для нея лучше барскаго комфорта, которымъ наслаждалась она съ Словеснымъ... Но прежде всего нужно здоровье; возвратитъ ли она свое здоровье?...

Анна Петровна совѣтовалась съ лучшими докторами и мало по малу.... падала духомъ: доктора отказывались одинъ за другимъ. Наконецъ, одинъ рѣшился прямо, хотя не безъ предосторожностей, сказать ей всю правду. Онъ сказалъ, что излеченіе невозможно, что она слишкомъ поздно пріѣхала и медицина только можетъ облегчить ея страданія и замедлить приближеніе развязки. При этомъ онъ совѣтовалъ ей помѣститься въ лечебницѣ и ужалъ, заключивъ совѣтъ свой не-

опредѣленной фразой: «можетъ быть, постоянный надзоръ и тѣ благопріятныя условія, которыя невозможны дома, помогутъ вамъ»... и т. п.

Все пропало все оборвалось! Она будетъ готовиться въ смерти, отбросивъ всё мечты о разумной, независимой жизни... Послушаться ли совѣта доктора, или дожидаться дома?... Нѣтъ, надо ждать, чтобы послѣднія недѣли, можетъ быть, дни, были облегчены, по возможности... Что же она будетъ дѣлать, чѣмъ ей заняться? Читать... для чего? съ какой цѣлью?.. Нѣтъ, она будетъ обдумывать и писать свои записки... можетъ быть, онѣ пригодятся для когонибудь, — ну, хоть для сестеръ...

И вотъ Анна Петровна переѣзжаетъ въ лечебницу.

Мы оканчиваемъ ея исторію, приведа начало и конецъ ея вѣнсока.

....«Слабая, одинокая, никѣмъ непротомаемая, тащилась я по петербургскимъ улицамъ. Установился зимній первоутокъ. Петербургъ былъ уже освѣщенъ и кипѣлъ жизнью, шумомъ, дѣятельностью. Колеса каретъ визжали по снѣгу. Я засматривала въ кареты, и мнѣ воображались молодыя, здоровыя лица; въ глазахъ у нихъ я читала наслажденіе жизнью, любовью. Счастливы здоровые люди!... У подъѣзда освѣщенного дома стояло нѣсколько троечныхъ саней; лошади взрывали снѣгъ копытами, вучера охоранивались. Я всматривалась въ окна дома, и мнѣ мерещились веселыя пары, поторя шенчутся и веселятся... Гдѣ-то звучала разбитая шарманка и подъ ея звуки женскій голосъ визгливо пѣлъ:

«И пошелъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,
Молодую вдову
Обнимать, цѣловать...»

И чудилась мнѣ въ голосѣ уличной пѣвицы такая глубина страсти, что сердце зануло.

«Когда я вѣхала въ ворота больницы, меня охватила какая-то мертвая, унылая тишина. Звуки жизни и суеты раздавались отсюда такъ далеко-далеко, точно я въ лоуглу входила.

«Тамъ шумъ, движеніе, тамъ праздникъ жизни, — думалось мнѣ, — а я ъду умирать; я отжила, хотя не успѣла еще состарѣться. Въѣзжаютъ же сюда и другіе, и, можетъ быть, никто не испытывалъ такой болѣзненной тоски, какъ я. Въѣзжаютъ они съ надеждой выѣхать отсюда съ новыми силами, чтобы снова жить, наслаждаться и любить, — а я?...

«Да, я въѣзжала безъ всякихъ надеждъ вернуться въ жизнь. Нѣтъ силъ, нѣтъ искусства, нѣтъ знаній, вогорны могли бы возвратити мнѣ здоровье и дать возможность жить. Я въѣзжала съ полнымъ сознаніемъ своей безпомощности, и проклинала прошедшее. Безполезныя провѣтїя!...

«И въ какое время!... Я могла быть свободной, а распутала уже тенета, въ которыя засадилъ меня, во имя моего собственнаго блага... Еще не поводно приняла моя рѣшимость — начать иную жизнь, разорвать связь съ прошедшимъ: я не состарѣлась, я не потеряла энергїи, не прошло время для труда. Правда, мои собственныя средства не велики, но трудъ помогъ бы мнѣ и далъ возможность жить, не обращаясь ни къ отцу, ни къ мужу съ унизительною просьбой о помощи. Не къ чему теперь все это?... Развѣ не рѣшена моя судьба: сты должна проститься съ жизнью, твой болѣзнь неизлечима, твоя смерть близка и будетъ мучительна; наука только можетъ облегчить твои страданія, но возвратити тебя къ жизни не можетъ никто на свѣтѣ, — развѣ чудо случится! — Нѣтъ, ужъ прошло время чудесъ!... И всѣ эти несокрушимыя болѣзни — подарокъ этого мерзкаго и развратнаго человѣка, которому отдали меня насильно; потому что развращать роскошья, нарядами и всяческимъ блескомъ глупенькую, скверно воспитанную дѣвочку, намекая при этомъ ей о плодомъ положенія родительскихъ средствъ, разстроенныхъ воспитаніемъ этой преглупенькой дѣвочки, — развѣ это не насидіе? Они хотѣли устроить мою жизнь, дать мнѣ положеніе въ свѣтѣ и всяческое довольство; они насильовали меня во имя любви ко мнѣ!...

На этомъ записки Анны Петровны и остановились...

Смерть пришла раньше, нежели она предполагала.

XI.

Худая слава пошла про Дуню. Известно, что хоронимъ слава лежитъ, а худая-то бѣжить.

Сосѣдка-мѣщанна, наивѣщая Птицыннѣхъ, принесла имъ страннныя вѣсти.

— Что это, матушка Матрена Никифоровна, у васъ племянница-то... Изъ хорошаго дома, кажись... Ужь чего лучше вашего дома, во всѣ глаза за ней глядѣли, уму-разуму учили... А вотъ поди!..

— О чемъ ты говоришь-то, Петровна, — не пойму я тебя?

— Грѣхъ говорить-то, сосѣдушка, а нехорошо, больно не красиво. Миѣ какъ сказали, я первоначалу-то не повѣрила. Статочное ли, молъ, это дѣло? не таковой она семьи, не такіе примѣры дома видѣла!..

— Въ чемъ же дѣло-то, мать моя?

— Да ужь нехорошая слава про молодку-то, нехорошая. Мѣсяць то послѣ родинѣ, слышь, пожила съ мужемъ по закону...

— Ну?..

— Да ты не нукай, — не лошадь вѣдь. — А тамъ пошла, да пошла: загуляла, да еще какъ — во всю ивановскую!..

— Врала!

— Какъ врала! я ты спреси сосѣдей-то. Чего ужь? не тайкомъ, а въявь. Какъ мужъ-отъ тернить. Сама слышала; своими ушами, какъ Сальниковскій прикащикъ на улицѣ ваговаривалъ съ ней: «Пойдемъ, говоритъ, Дуняшка, въ слободку гулять...» Вотъ дѣло какое, — вотъ разрази меня, коли соврала!

— Притча! проговорилъ Птицынъ, призадумываясь: — ровно бы это на дѣло непохоже, — не такая она дѣвка была, смиренная, работячая...

— Въ тихомъ-то омутѣ черти и водятся.

Когда сосѣдка ушла, Матрена Никифоровна заворчала: «охъ, грѣхи-грѣхи тяжкіе! Вотъ до чего дожили! А все отцы-баловняки виноваты, все родители-потатчики! Они и отвѣтъ на страшномъ судѣ дадутъ!

— Ты такъ и вѣришь, что тебѣ эта плеха-то наврала? Охъ, вы, бабье!..

— Не вѣрь, не вѣрь, — ладно!.. заилась старуха; — чѣмъ бы бѣжать да уму-разуму дуру поучить, ты, пожалуй, затѣешь шутки шутить! Ладно! дошутисься опять до добра!

— На то мужъ у ней есть — пусть учитъ. не наше тепе-

рича дѣло. Выдана — значить, отрубанный ломоть, отъ отцовскихъ ругь отошла...

— А съ тебя, думаешь, не спросится? Ты чужакъ ей, что ли?

— Ну, увидимъ.

На самоѣ дѣлѣ, извѣстія, сообщенныя Петровной, сильно озаботили Ивана Никифорыча. По справкамъ оказалось, что худме толки про Дуню не даромъ прошли.

— Что за чудо съ ней сотворилось, разсуждалъ Птицынъ: кажись, въ страхѣ божьемъ выростала, примѣровъ худыхъ не видала, замужъ вышла любя. Развѣ болѣсть какая привинулась?

— Какая тамъ болѣсть!.. Дьяволь-то силенъ, — разъ смутилъ, вотъ и тѣшится теперь... Охъ, помилуй Господи!

Матрена Никифоровна вздыхала и крестилась, хотя ее дьяволъ едва ли могъ бы теперь смутить, если бы это и взбѣло ему на умъ.

Мы связали, что дурная слава не наирасно пропгла про Дуню, не обнесли ее сосѣди-сплетницы. Дѣйствительно, похоронивъ перваго ребенка, молодая баба начала потуливать не на шутку. А съ мужемъ она оставалась ласкова по прежнему, даже ласковѣ стала, — только худѣть начала, да все задумывалась.

— Что съ тобой, Дуня? ровно какъ-будто ты скучлива стала? говорить ей мужъ.

Дуня усмѣхнется и ласкается. Слухи до Алексѣя не доходили; потому что о подобныхъ вещахъ, какъ извѣстно, позже узнаютъ отцы и мужья, и никакого дурного помысла у него на счетъ жены не было; пока ужъ самъ онъ не сталъ замѣчать что-то неладное.

Придутъ, на примѣръ, къ нему рядскіе въ гости и съ женой обращаются такъ безцеремонно, что хоть вонъ гони.

— Здравствуйте-съ, Дунечка! — усмѣхается какой нибудь молодецъ.

— Какая она тебѣ Дунечка, говоритъ Алексѣй.

— Ну, Авдотья Савишна, не вчерашня — давишна!!!

Дуня отмалчивается, а уйдутъ гости — пуще ласкается къ мужу.

Стала, наконецъ, она по вечерамъ пропадать. Тутъ солидныя рядскіе стали говорить мужу:

— Ты бы за женой-то смотрилъ!

— А что?

— Да гдѣ она по вечерамъ-то шляется?..

Алексѣй привадутился, да все не вѣрилось ему.

А Дуня худѣла и все чаще и чаще пропадала изъ дому. Разъ, по обыкновенію, собралась она идти.

— Куда? спросилъ мужъ.

— Къ тетюшкѣ!

— Ладно.

А самъ за ней.

Дуня вышла за ворота, да сейчасъ же бѣгомъ побѣжала совсѣмъ на въ ту сторону, гдѣ тетка живетъ. Алексѣй такъ и обомлѣлъ, даже остановился, потомъ махнулъ рукой и вернулся къ себѣ.

Дуня возвратилась домой поздно.

— Гдѣ ты была?

— У тетюшки...

— Врешь!

Она поблѣднѣла, стала было ласкаться. Онъ оттолкнулъ.

— Гулять вздумала, шура! ты барабанная! Я-жъ тебѣ...

— Голубчикъ Алеша, — вранье, сметки одной...

— Я тебѣ дамъ сплетки, подлая!

— Не буду я больше...

— Ахъ ты, глаза твои безстыжкіе! Съ чего ты это затѣяла, худо тебѣ живется съ мужемъ, что ли?

— Грѣхъ попуталъ... Не буду... Сама не знаю, что со мной дѣлается... Чортъ во мнѣ сидитъ...

— Вотъ я его выживу!

Сталъ онъ колотить жену. Онъ бьетъ, а она молится да плачетъ... Побилъ и бросилъ, и спать съ ней не деръ: «пошла, въ кухню, си тамъ одна, подлая!»

А ночью Дуня опять пропала. Алексѣю не спалось, да онъ замѣтилъ, что жены нѣтъ.

Вернулась Дуня дѣмъ свѣтъ.

— Опять!

— Прости меня, ради Христа! Навольна я въ себѣ, дьяволь...

— Слыхали ми это! Видишь, до чего додумала, что удерку на тебя нѣтъ, а я то, дурань, ничего не знаю. Въ глаза миѣ смѣются, а я не замѣчаю... Шельма!

И снова бьетъ онъ жену: «научу», думаетъ.

Съ этихъ поръ и водворилась въ домѣ вражда; иногда раза по три билъ Алексѣй жену, а толку не выходило изъ этого.

— Что-жь съ тобой дѣлать я буду, проклятая душа?

— Дѣлай, что хочешь... Невольна я въ себя... твердить, а сама высохла, какъ щепка, кости да кожа.

— Обездолила ты меня, сверная! Передъ всѣми бѣлыми свѣтомъ опозорила, будь ты проклята, апафема!.. Вотъ пойду къ отцу: пусть учитъ по родительски...

— Ой, не ходи, Христа ради, не ходи! Отпусти ты меня на богомолье: можетъ, царь небесный помилуетъ меня...

— Ступай...

И жаль Алексѣю жены, потому что, видимо, баба совсѣмъ изныла, отошала, и зло-то беретъ его.

Запиль онъ съ горя.

Прежде, чѣмъ идти на богомолье, Дуня зашла къ Анисѣй Михайловнѣ, рассказала ей о всемъ: «Сама съ собой справиться, говорить, не могу, точно бѣсъ въ меня засѣлъ,— посоветуй, Анисьюшка-голубушная, что миѣ дѣлать? Такъ-то миѣ тошно—кашется, сама бы на себя руки наложила..»

— Эка ты, горькая! отвѣчала Анисья Михайловна: — надо быть, это болѣзнь такая; слыхала я, что это находятъ. Сходи-ка ты къ лекарю, — знаешь, что у Николи живетъ, — можетъ, онъ пропишетъ что ни на есть...

Пошла Дуня въ доктору, долго въ передней ждала. Наконецъ вышелъ докторъ, позвалъ въ кабинетъ: «Что съ тобой, матушка?»

Сначала Дуни стыдно было, потому она собралась съ духомъ и рассказала.

— Ахъ, ты дура! съ чѣмъ же ты во миѣ лѣзешь! въ развратъ пустилась, да лечиться хочешь! Вить васъ надо, чтобы вы не развратничали... Пошла вонъ, негодная!

Пошла Дуня пѣшкомъ на богомолье, вероть на сорокъ отъ города. Черезъ недѣлю вернулась, — худо себя чувствуетъ, чуть ли не хуже прежняго; за хозяйство принималась, для три

изъ дома не выходила. Только однажды утромъ, безъ мужа, ввалились къ ней три молодца:

— Дунича, что тебя не слышать, не видать?— милости просимъ съ нами погулять!

— Проваливайте!— ошривается Дуня.

— Что больно сердита стала, рыльце-то воротилы!

Ее хватаютъ; она борется, да не надолго хватило силы бороться...

Они начали приставать къ ней, но Дуня успѣла выпроводить гостей до мужа, а вечеромъ ей самой ужь хочется вырваться изъ дому, и провалинаетъ она опять эту поганую силу, что тянетъ ее...

— Еще средство испытаю! пришло ей въ голову:— въ шептуньѣ пойду, не поможетъ ли!

Сходила, снесла послѣдній рубль,— не помогло.

«Господи, Боже мой! да что же это будетъ-то!»— съ горькими слезами взывала бѣдная, стараясь освободиться отъ гнетущей ее болѣзни и отчаянной тоски.

А мужъ, какъ нарочно, только хмурится и приласкать ее даже не хочетъ.

Итуде она загуляла.

Надоело, наконецъ, Алексѣю бить жену. Пошелъ онъ къ Птицынымъ:

— Ну, Иванъ Микифорычъ, спасибо за жену,— наградишь сокровищемъ. И глаза-то на бѣлый свѣтъ стыдно показать...

Птицынъ ужь зналъ все.

— Эхъ, братъ, не я тебя наградишь женой,— самъ, безъ спросу, взялъ... Да не самъ ли ты всему зачинъ-голова?.. Известное дѣло, отчего жоны мужнія гудяютъ: значить, мужа хорони.

— На меня вы, Иванъ Микифорычъ, поклеповъ не вводишь,— она и сама вамъ скажетъ, по закону жидъ я съ ней, алы и бить?

— Такъ дакой же ты мужъ, коли жоны выучить не сможешь,

— Учили, да въ прокъ неидеть ученье; мнѣ ужь и бить-то постыло...

— Экой прѣкъ! Ну, мы съ теткой доучимъ.

Задамъ же я ей! отозвалась тетка. Что ты раньше-то

миѣ не сказать; взялъ бы за коси-то, да приволокъ,—научила бы я ее...

— Думалъ, самъ справлюсь.

— То-то самъ. Много вы на себя надѣетесь...

Вотъ явилась Дуня передъ отномъ и теткой,—вся дрожить.

— Срамница ты... говорить Иванъ Никифоричь, опозорила мою головушку!—а у самого слезы катятся.

Дуня въ ноги:—тятеньва, голубчикъ ты мой, пожилуй, спаси ты меня!..

— Вотъ погоди, вмѣшалась тетва:—я тебя спасу плетью,

— Тятеньва, смилуйся! невиновна я... Богомъ влянусь, невиновна. Врагъ одолѣлъ меня, справиться съ нимъ моченьки нѣтъ...

— Мало тебѣ мужа-то, безстыдница!

— Повѣрь Богу, справиться съ собой не могу... Бей, пожалуй, меня, сколько хочешь, только пользы не будетъ...

— Посмотримъ!

И били Дуню, врѣпко били, а толку все не было. Вездѣ ей мерещились бѣсы, всюду преслѣдовало ее отчаянне и страхъ мученій адскихъ, и старалась, бѣдная, заглушить въ себѣ свои муки пьянствомъ и болѣзненнымъ развратомъ: чѣмъ больше били ее, тѣмъ хуже было. Такая жизнь скоро окончательно подточила и безъ того расстроенное ея здоровье.

Цѣлую коллекцію разнообразныхъ женскихъ личностей представили мы читателю. Повѣсть вышла «больничная»: всѣ наши героини были одержимы недугами, которые испортили ихъ жизнь и вели къ гибели... И какъ онѣ гибли—безсознательно, роковымъ образомъ, точно на роду имъ было написано сгнѣнуть... Не исключительныя ли это явленія, поражающія наблюдателя, какъ рѣдкіе, по своей гнусности, факты?... Нѣтъ, онѣ не исключенія; это обыкновенные женскіе субъекты, каковыхъ много, какіе никого не поражаютъ. Онѣ родились и выросли, какъ многія, и каждая изъ нихъ можетъ служить представительницей цѣлой группы явленій. Въ нихъ нѣтъ ничего нео-

обыкновеннаго, не исключая самой гибели ихъ: такъ или иначе, гибнуть многія, вызывая позднiя сожалѣнiя и толки.

Что же сгубило бѣдныхъ героинь моихъ, непредставляющихъ собою ничего необыкновеннаго, ничего исключительнаго? Несчастные случаи, сважуть... Будто случаи эти такъ поразительны, такъ необыкновенны, такъ диковинны? Не безпрестанно ли повторяются они въ той или другой формѣ?... Не множество ли дѣвушекъ воспитывается такъ, какъ воспитывались дѣвицы Рѣшетилковы? Не множество ли родителей распоряжается своими дочерьми такъ, какъ г-жа Рѣшетилова распорядилась Анной Петровной и Таней? Не множество ли у насъ такихъ скотоподобныхъ мужей, какъ г-нъ Слоевъ? Не множество ли такихъ селадоновъ, какъ г-нъ Ковлюшкинъ? Не множество ли такихъ благотворителей и воспитателей, движимыхъ только одной барской прихотью, какъ Родионъ Сергѣичъ Котовъ? Не очень ли часто встрѣчается это невинное невѣденiе самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ вещей, какое мы видѣли въ Анисѣ Михайловнѣ, Наташѣ и Танѣ? Не сплошь ли да рядомъ, вмѣсто леченiя, у насъ употребляются побои — и болѣзнь принимается за преступленiе, и самое естественное явленiе вызываетъ стыдъ, который, нерѣдко, влечетъ за собой дѣйствительное преступленiе?... Если все это такъ обыкновенно въ нашей жизни, такъ обыденно, то къ чему ссылаться на несчастные случаи: не случаи виноваты, а общее направление жизни, весь складъ ея. Конечно, не всѣ Тани, не всѣ Дуни гибнуть, подобно нашимъ героинямъ, но всѣ онѣ нисколько не гарантированы отъ подобной гибели, и смѣло можно сказать, что каждая изъ нихъ стоитъ на краю пропасти....

И. Федеровичъ.

ТРУЖЕНИКУ МЫСЛИ.

Съ цѣлью жизни, съ цѣлью честной
И съ надеждою въ груди,
По пути тебѣ неизвѣстномъ
Ты безропотно иди.
Пусть повсюду за тобою
Вслѣдъ проклятiя летятъ,
Пусть тебя насмѣшкой злою
Оскорбляютъ и клеймятъ,
Пусть враги, съ ожесточеньемъ
Дѣло честное губятъ,
Съ глупой злобой и съ презрѣньемъ
Яму роютъ для тебя;
Не страшись ихъ!.. Гордо, смѣло
Честный путь свой проходи!
Не замретъ благое дѣло,
Будетъ счастье впереди!..

Ф. Орловъ.

ЖИТЕЙСКАЯ ШКОЛА.

I.

Наступаетъ въ степи, вокругъ «Забытаго города», тихій и грустный весенній вечеръ; солнце уже не играетъ въ рѣкѣ своими лучами; въ воздухѣ холодѣетъ; засыпають мухи и всякія прочія твари. Темнѣетъ рѣка, замолкаетъ въ степи журчанье воды, не видно на потемнѣвшей травѣ ея блеска, и мертво въ воздухѣ, холодно въ немъ; грусть и боль беретъ человѣка послѣ перехода отъ тепла, свѣта и жизни къ холоду, полумраку и совсѣму молчанію... Пусто въ степи за «Забытымъ городомъ». Съ двухъ сторонъ, — какъ ни смотри пристально, сколько ни вглядывайся, — не увидишь ничего, кромѣ ровной, какъ море, степи, въ которой изрѣдка, вдалекѣ, проѣдетъ верхомъ киргизъ; какъ ни прислушивайся, — не услышишь ничего, кромѣ стука копытъ его коня; — а въ противоположномъ направленіи стоятъ по берегу рѣки высокія, однообразныя, какъ сахарныя головы, скалы, за которыми спрятался городъ. Пусто и мертво, — хоть бы птица пролетѣла, хоть бы кривнула и оживила на минуту степь.

Между высокими береговыми скалами, внизу, около самой рѣки, кто-то громко крикнулъ. Эхо звучно и протяжно повторило крикъ. Затѣмъ тотъ же голосъ быстро и громко запѣлъ пѣсню, и эхо разомъ, точно въ десять голосовъ, подхватило ее. Въ это же время на вершинѣ скалы взошли два человѣка.

Одинъ былъ Андрей Болотовъ, военный лекаръ; другой — его племянникъ Степанъ Гребцовъ, учитель уѣзднаго училища

въ «забытомъ городѣ». И дядя, и племянникъ были одинаково высоки ростомъ, одинаково худощавы; оба ходили немного согорбившись и немного наклонивъ голову. Однимъ словомъ, въ общемъ строеніи ихъ организмовъ было много сходства, но при этомъ съ перваго взгляда можно было замѣтить, что не одинъ и тотъ же житейскій молотъ ковалъ ихъ характеры. Дядя былъ хоть не старъ, но лысъ, если не блѣденъ то желтъ, если не печаленъ, то серъезенъ, — тогда какъ у племянника волосы были еще густы, на щекахъ игралъ румянецъ, въ словахъ слышалось много еще спокойствія и вѣры.

Болотовъ закурилъ папиросу и прилегъ на вершинѣ скалы; Гребцовъ сѣлъ на краю обрыва и завернулся въ плащъ.

— Усталъ, тихо сказалъ Болотовъ.

Внизу, между высокими берегами, текла рѣка темная и тихая; за скалами противоположнаго берега безконечно далеко тянулась степь съ свѣтлыми, чуть видными озерами, мелкими лѣсами и курганами, а на самомъ краю ея заходило солнце.

Болотовъ медленно покуривалъ и пристально смотрѣлъ въ степь.

— Эвая, братъ, пустыня голая! — сказалъ онъ наконецъ. Вороны и тѣ тутъ со скуки волѣютъ. Такъ нѣтъ, и отсюда гонять: жирно, говорятъ, тутъ тебѣ жить, не хочешь ли еще подалее прогуляться...

— Отчего-жъ не прогуляться, замѣтилъ Гребцовъ.

Болотовъ оперся локтями о землю, положилъ голову на ладони и долго угрюмо смотрѣлъ на степь и завывающуюсея солнце.

— На Амуръ, такъ на Амуръ: и Амуръ страна хорошая, — заговорилъ онъ. Въ Камчатку, такъ въ Камчатку: и Камчатка земля благодатная. Жить вездѣ можно. Не замуровать же вѣдь меня тамъ въ какуюнибудь стѣну. Людей, значить, можно будетъ видѣть; а затѣмъ, конечно, и пріятелей можно будетъ найти, тѣмъ больше, что судьба мѣстнаго декаря такая, что хочешь, не хочешь, а етъ людей отбою не бываетъ, — выбирай друзей по душѣ себѣ, сколько хочешь. Хочешь — женись, обзаводись цодругой жизни, мурами, телятами и прочю хозяйственностью; хочешь — братайся; хочешь — про-бавляйся жо цѣлымъ днямъ душеспасительными разговорами; хочешь — ругайся, хочъ тамъ, что въ полгода выльзуть и осталь-

ние волоси. Практики мѣстному врачу всегда пропасть: сегодня открыты два мертвѣя тѣла, неизвѣстно кому принадлежащія, завтра самоубійство произведено, послѣ-завтра насиліе и блудъ учинены, а затѣмъ, смотришь, цѣлый край мереть почаль отъ неизвѣстной болѣзни.... Экая благодать-то какая! Чего, хочешь, того и просишь...—Ну, и прощай, значить, сторона распрекрасная, — продолжалъ Болотовъ, осматривая степь и городъ. Сѣверно, братъ, то только, что чуть уживешься гдѣ нибудь, найдешь людей по душѣ, добьешься, что они понимать тебя стануть, — сейчасъ же тебя опять посылають въ какія нибудь неизвѣданныя страны. И такъ, братъ, Степанъ, бываетъ, что не только сойдешься съ людьми, а даже горячо привяжешься къ одному человѣку, чувствуешь, что дышать въ его присутствіи легче, вровь становится теплѣе, мысли свѣтлѣе, — хорошо, однимъ словомъ...

Болотовъ останоуился.

— Ну... смотришь — и переведуть за три тысячи девятьсотъ девяносто девять верстъ.... Что, братъ, ни толкуй, какими стоическими фразами ни прикрывайся, а на самомъ-то дѣлѣ, оно весьма и весьма сѣверно...

— Радости мало....

— Да, братъ, немного... Что ни говори, а боль невыдуманная, не съ жиру явившаяся. Намъ съ тобой вліять нечего и утѣшать себя ложными надеждами поздно.

— Конечно, — подтвердилъ Гребцовъ.

— Да, тяжко, братъ, мнѣ отъ этихъ переѣздовъ. Справедливо, что жить вездѣ можно и люди вездѣ есть, да вѣдь руда-то все же отрѣзана, рана-то все же болить, закроется не скоро, а и закроется, такъ глядишь, опять гдѣ нибудь новый клочокъ мяса вырвутъ. Какъ ты хочешь, а всѣ дорогіе мнѣ люди или за Волгой, или на Волгѣ, а Волга, въ какую сторону отсюда ни сунься, не ближе полуторы тысячи верстъ. Проложамъ, отсиѣдѣлся я здѣсь, сошелся съ другими людьми, значить, боль понемногу утихла; да, къ тому же, и надѣялся до сихъ поръ свидѣться еще кое съ кѣмъ, — переписка, еще, кромѣ того, шла самая горячая, откровенная... Ну, а теперь, братъ, какія надежды? Амуръ вѣдь страна не близкая... Это первое. Второе, если такъ повели дѣло, такъ ужь, конечно,

безповоротно рѣшили, что такъ или иначе, а лешари Болотова слѣдуетъ удалить отъ здѣшнихъ мірскихъ дѣлъ. Въ-третьихъ, братъ, и самое главное — здоровье северное: въ горахъ катарръ, въ легкихъ и того хуже, въ костяхъ ревматизмы, — а вѣдь это не шутка, потому что Амуръ послѣдній предѣлъ, — дальше некуда ѣхать. Что же я подѣлаю въ такомъ положеніи, гдѣ каждый шагъ придется брать съ бою?

— Предложить, братъ, тебѣ: — не хочешь ли въ сѣверо-американскія владѣнія отправиться, замѣтилъ Гребцовъ.

Болотовъ посмотрѣлъ на него и оба расхохотались.

— Предложить, братъ, непременно предложить, — сказалъ Болотовъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, прикажешь имъ дѣлать? Вѣдь просто имъ моя физиономія не нравится... фактовъ никакихъ: — денегъ не владу, дебоширствъ не дѣлаю, даже какихъ нибудь неприличныхъ фотографическихъ карточекъ не имѣю, между книгами не найдешь ни одной строчки нецензурной — никакихъ и никакихъ фактовъ! Ну, тѣмъ и ограничатся, что предложить, для пользы общества, осчастливить своимъ присутствіемъ мало-населенныя страны... Вотъ, братъ, тебѣ примѣръ: учишь дѣла-то вести, шестуешь тою же дорогой. Да ты не хочешь ли со мной отправиться?..

Гребцовъ задумался.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ наконецъ.

— А почему бы, напримѣръ? — съ грустной улыбкой спросилъ Болотовъ.

— Любовь, братъ, крылья обрѣзываетъ...

— Резонъ, — тихо сказалъ Болотовъ.

— Ребятишекъ тоже, учениковъ моихъ жаль...

— Такъ, братъ... Только въ школѣ тебѣ не учить долго: очень вѣроятно, что, въ скоромъ времени, общимъ совѣтомъ туземныхъ педагоговъ пугнуть тебя оттуда въ плечо... На тебя сильно зубы точать...

— Это еще посмотримъ — пугнуть ли, — жолчно замѣтилъ Гребцовъ съ судорожнымъ движеніемъ. Потребуемъ объясненія, потребуемъ сличенія результатовъ моего и ихняго преподаванія... На счетъ изгнанія-то бабушка еще на двое сказала... Резоны нужны.

— Резоновъ, братъ, не выдумывать статью. Кошку содрать можно и сдерутъ по всѣмъ правиламъ...

— Волна бояться—въ лѣсъ не ходить,—съ той же жолчью отвѣтилъ Гребцовъ. А мы и въ лѣсъ поидемъ, и съ волка, если онъ на дорогѣ станетъ, попробуемъ шкуру содрать.... Намъ не подобаетъ обходить волковъ, не подобаетъ оставлять имъ полную свободу дѣйствій, а слѣдуетъ колотить ихъ при каждой встрѣчѣ и вездѣ, гдѣ только возможно, ограничивать ихъ притязанія.

— Само по себѣ разумѣется... Только все-таки, другъ милый, результаты твоей схватки съ этими волками врядъ ли будутъ для тебя благоприятны...

— Ну, и это предположить, пожалуй, можно. Только ничего изъ этого выводить не слѣдуетъ... Пока я сижу еще на мѣстѣ, буду крѣпко работать, и если опихнуть съ мѣста, тогда пойдѣ на другое поприще, а преждевременно отступать съ поля битвы не слѣдъ...

— Не слѣдъ,—подтвердилъ Болотовъ.—Слѣдовательно, резонъ твой въ томъ заключается, что и привязанности у тебя здѣсь находятся, и дѣло на рукахъ не бесполезное.

Болотовъ легъ на спинну и сжалъ ладонями лобъ.

— Гдѣ же, братъ, моя-то любовь? Гдѣ же мое-то счастье? тихо сказалъ онъ.—Люби, братъ, пока не втянулся въ самый веверотъ... Тогда не дадутъ ужъ любить... И я бы любилъ... Люби, дружище, тѣмъ больше, что женщина она хорошая... Ну, а если переменяются обстоятельства, такъ не забивай меня: мѣстѣ станемъ въ сѣверо-американскихъ владѣнїяхъ наукой заниматься... Тамъ, что ли?

— Тамъ, братъ...

— Ну, и ладно... А я продержусь какъ нибудъ до твоего прїѣзда... Покажу я имъ, что съ лекаремъ Болотовымъ, они все-таки ничего не подѣлаютъ... У меня камни тамъ вопїятъ stanno, не только что люди. Порадѣю имъ на послѣдокъ. Какъ змїй, буду мудръ и, какъ голубь, кротокъ, только ужъ меня помнить будутъ долго...

Внизу опять кто-то крикнулъ и эхо опять звучно повторило этотъ крикъ...

— Здѣсь,—отозвался Гребцовъ.

Послышался глухой, мягкій ступъ, какъ-будто кто-то про-

бываеь норовъ крѣпость земли или камня, выдававшася надъ рѣкой; покатались камни въ воду, потомъ послышались медленныя, осторожныя шаги и, наконецъ, показался молодой человекъ въ холщевомъ пальто и въ фуражкѣ съ разорваннымъ козырькомъ.

— Можеть быть, гимнастика и полезна, — отрывисто говорилъ онъ, ложась на скаду, — но я, какъ видно, здѣсь человекъ исключительный. Кровь колотитъ въ голову, точно въ нее помѣстилось на время сердце.. Руки и ноги дрожатъ, не повинуются... Что сіе значить, докторъ?..

— Плоко, — лаконически сказалъ лекаръ..

— Вижу, что не особенно хорошо... Незамыкаетъ разстрой-ство силъ.. Что противъ этого надо предпринять..

— Живнь переменить слѣдуетъ...

— А въ противномъ случаѣ?..

— Въ противномъ случаѣ, нельзя за нее ручаться...

— За жизнь-то? Ай-ай!..

— Слѣдуетъ, Владиміръ Алексѣичъ, жить болѣе правильно.

— Гмъ!..

— То есть, нужно бросить употребленіе спиртныхъ напитковъ, ночныя вутени и всякія иныя возбуждающія вещи, — пояснилъ Гребцовъ..

— Гмъ! съ гримасой готовадся Владиміръ Алексѣевичъ. Бросить, значить, всё радости жизни.. и, ради здоровья, выбрать подходящую жену. Затѣмъ обзавестись дѣтми, послѣ обѣда спать по пяти часовъ, вмѣстѣ болѣе или менѣе чистаго алкоголя употреблять пиво, задувать по десяти самоваровъ въ сутки, ради моціона, прогуливаться на базаръ, въ огородъ, по погребамъ и сараямъ. О, господа! вы ли это содѣтуете мнѣ? Васъ ли я слышу?..

— Нѣтъ, Владиміръ Алексѣичъ, не насъ, замѣтилъ лекаръ. Собственныя ваши грезы вы слушаете..

— То-то... А какая же ваша утопія житія правильнаго?

— А прежде всего я тебѣ скажу, то, отвѣтилъ Гребцовъ, что ты слишвомъ ужъ свысока смотришь на обыденную жизнь. Слишкомъ заносишься въ эфирныя области поэзіи. По долему мнѣнію, ты не имѣешь права свысока взирать на эту прозу житейскую. Если я справляю каждый день дѣльную работу, послѣ которой мнѣ захочется виснаться, захочется видѣть те-

сать самозаровъ чаю или полведра пива,—такъ отчего и не выснагься? отчего и нива не вынуть?... А что тутъ не видно эстетики; такъ мнѣ плевать на это... Разгудиваніе твое по трактирамъ, интересная твоя блѣдность, да разсужденія твои о средѣ, тебя завышей,—хоть все это выходитъ и эстетично, да мнѣ плевать на эту красивую дряблость... Во всякой обидѣнщинѣ сказывается хоть физическая сила, хоть какое нибудь знаніе или умѣнье, хоть здорѣе, наконецъ, лошадиное, которое можетъ народить ирѣвннхъ дѣтей, а въ эстетической-то размашистости что сказывается?.. Ни труда, ни знанія, ни умѣнья, ни силы, ни здорѣя...

Владиміръ Алексѣичъ махнулъ рукой и замолчалъ...

Владиміръ Алексѣичъ Володыкинъ, извѣстный въ «Забытомъ городѣ» подъ именемъ Володыня, былъ красивый молодой человекъ, невысокаго роста, довольно ирѣвно сложенный, съ блѣднымъ лицомъ, очень хорошими, добрыми и умными глазами, въ которыхъ, впрочемъ, иногда проглядывало плутоватое выраженіе. Въ тревожномъ состояніи, онъ говорилъ бойко и рѣзко, жестивулировалъ, горячился, вслѣдствіе чего, исторія его жизни была полна самыхъ удивительныхъ выходовъ и безалаберныхъ побовцъ, происходившихъ часто изъ-за пустяковъ. Въ пьяномъ видѣ, Володыка былъ болѣе сосредоточенъ и владелъ своеобразнымъ даромъ юмора; то спокойнаго, то ѣдкаго, смотря по количеству выпитой водки.

Онъ во всѣхъ отношеніяхъ сильно отличался отъ Гребцова, который вообще былъ мраченъ, говорилъ рѣдко и спокойно, ходилъ и двигался сосредоточенно-ровно, разгорячался не легко и немногими вещами, но за то если ужъ разгорячался, то за него страшно становилось: —чувствовалось, что дрожить каждый нервъ человека, кипитъ каждая капля его крови, и каждая вспышка тяжело отзывалась на его организмѣ. Володыка былъ швыицей и гулякой отъявленнымъ, а Гребцовъ во всю свою прошедшую жизнь выпилъ, кажется, всего только два раза, и то тогда, когда ему приходилось черезчуръ горько.

Изъ разницы между этими господами слѣдуетъ, что не одни и тѣ же вѣтры ихъ продували, не однѣ и тѣ же непогоды ихъ вымачивали, не однѣ и тѣ же жизненные вліянія уродовали ихъ жизнь. Подъ вліяніемъ этихъ вліяній, Гребцовъ уже въ дѣтствѣ сильно развилъ свои мыслительныя силы и,

вслѣдствіе чего, рано пришелъ къ такимъ мыслямъ, которыя, при всей своей вѣрности, оказались стоящими въ разрѣзъ со всѣмъ его положеніемъ, дѣйствіями и отношеніями; и изъ этого-то періода, когда пришлось приводить свою жизнь въ согласіе съ явившимися новыми мыслями, вынесъ онъ привычку самаго беспощаднаго анализа своей собственной особы и каждаго своего поступка. А Володька, подѣ влияніемъ своей житейской школы, выработалъ себѣ прошедшее, полное разнообразныхъ сценъ, личностей, любопытныхъ похороженій, вообще представляющихъ переходы отъ голодной смерти къ полному изобилію, вынесъ, однимъ словомъ, только множество фактовъ, относительно которыхъ онъ и понять-то не могъ, откуда бы они могли свалиться въ его жизнь. Дѣло было въ томъ, что изъ отеческихъ и школьных нѣдръ онъ выступилъ въ жизнь безъ всякаго умѣнья основательно различить черное отъ бѣлаго и, вслѣдствіе этого невѣрнаго невѣжества, совалъ свой носъ во всякія помойныя ямы; потомъ, пронюхавъ окружающую мерзость, онъ отступалъ назадъ, голодалъ, терзался, затѣмъ опять бросался во всѣ стороны и, большею частью, опять-таки чувствовалъ, что сунулся въ какую нибудь грязную яму.

— Вы, милостивые государи, скажите мнѣ лучше: какава ваша утопія житія правильнаго и безмолвнаго, — заговорилъ опять Володька.

— Вдоволь работы, вдоволь отдыха, вдоволь пици и никакихъ излишествъ—вотъ и вся утопія, — сказалъ лекарь съ нежнаго насмѣшливой улыбкой.

— То есть, сколько же это *вдоволь*?

— Работайте, пока не устанете, отдыхайте, пока не отдохнете, а отдохнувши, опять за работу...

— За какую работу?...

— Умственную имѣете вы въ вашихъ урокахъ и книгахъ, а мускульной, физической работы не искать стать: хоть огороды копайте, хоть плотничайте, хоть займитесь вашимъ переплетнымъ мастерствомъ, въ которомъ, вы говорите, упражнялись нѣкогда...

— Ты вѣдь знаешь Савву? спросилъ Гребцовъ.

— Какъ не знать его!

— Ну, и поучайся... Онъ и въ школѣ своей орудуетъ, и

на пашинѣ, вмѣстѣ съ женой, работаетъ, и съ мельницей справляется, и книжки усидѣваетъ читать, да кромѣ того, еще апостоломъ зовется.

— Овому талантъ, а овому и ничего нѣтъ...

— Ну, братъ, и врешь. Была бы охота, а такіе-то таланты пріобрѣсть нетрудно.

— Обижаете вы меня, милостивые государи, — лѣниво замѣтилъ Володька.

— Ну, вотъ и толкуй съ нимъ, поди, — жолчно сказалъ Гребцовъ. Охъ да вздохъ, тошно да скверно, скучно да гадко, а станешь говорить резонно, такъ обижаете, говоритъ, меня.

— Будетъ, братъ.... Не стану никогда исповѣдываться тебѣ въ моихъ печалѣхъ.

— Ну, и няньчайся съ ними, воли есть охота.

— Аминь, — замѣтилъ лекарь.

II.

На другой день, въ опустѣвшей почти комнатѣ Болотова, у стола, сидѣлъ самъ хозяинъ и противъ него Гребцовъ. Лекарь былъ уже готовъ въ дорогу и сидѣлъ въ истертомъ, старенькомъ сюртукѣ, который, какъ говаривалъ Болотовъ, былъ насквозь пропитанъ всякими жирами и микроскопическими испареніями безчисленнаго множества вскрытыхъ имъ труповъ; поверхъ сюртука былъ уже вздѣтъ револьверъ, такъ что оставалось только надѣть шинель и шапку. Но, какъ видно, Болотову хотѣлось еще сказать нѣсколько послѣднихъ задушевныхъ словъ своему племяннику.

Дверь въ сѣни была отворена и вѣялъ въ комнату чистый весенній воздухъ, виднѣлось надъ черной, неровной стѣнной плетня небо, ярко свѣтились на немъ большая медвѣдица и полярная звѣзда; у плетня ржали и топали уже готовые лошади.

— Выкуримъ, братъ, послѣднюю папиросу, сказалъ Болотовъ, грустно улыбаясь. — Вѣроятно, больше не придется курить вмѣстѣ.

— Можетъ быть, и придется...

— Мало на это шансовъ... Ну, да все равно... Расскажи

ты мнѣ теперь, что ты дѣлать намѣренъ; вѣдь могутъ подойти такія обстоятельства, что и перенисываться трудно будетъ...

— Да, что дѣлать... До тѣхъ поръ, пока есть возможность держаться на мѣстѣ, стану учительствовать. Если же мѣсто потеряю или если представится болѣе широкая работа, то тогда возьмусь за болѣе подходящее дѣло... Во всякомъ случаѣ, цѣль одна и та же останется...

Болотовъ, подперевъ лобъ рукою, долго и съ любовью смотрѣлъ на племянника, какъ-будто стараясь запомнить его задумчивую, сосредоточенную фигуру.

— А хотѣлось бы мнѣ пожить съ тобой еще годика два,—сказалъ онъ задумчиво. — Ужъ очень, братъ, ты впечатлительнъ и сильно тебя переламываютъ всякіе житейскіе пассажи. Обстановка твоя незавидна...

Болотовъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, покуривая папиросу и скрестивъ руки...

— Судьба нашего брата, мѣстнаго врача, печего говорить—плоха; да некрасива она тоже и у мелкаго добросовѣстнаго учителя. Пакостей всякихъ на этомъ поприщѣ не оберешься... Кромѣ того, молодъ ты, братъ, жить, значить, хочется и больше радостей найти,—такъ не потребуешь ли ты отъ жизни слишкомъ многого, чего въ ней нѣтъ еще?.. не упадешь ли ты духомъ, въ апатію не впадешь ли, когда увидишь, что жизнь пока не можетъ дать тебѣ того, что тебѣ нужно? Былъ бы я тебѣ полезенъ въ этомъ случаѣ хоть тѣмъ, что моимъ скептицизмомъ уничтожалъ бы твои надежды. Скептицизмъ братъ, хорошая вещь. Ненавистью и отрицаніемъ прожить можно, потому что для самой глубокой ненависти у насъ найдется нищи, сколько хочешь; а любовью трудно прожить, потому что съ горячей любовью приходитъ много разочарованій, много боли и тяжелыхъ страданій... Не забывай, братъ, что мы здѣсь чужіе и терпятъ насъ до тѣхъ только поръ, пока нѣтъ предлоговъ насъ выпроводить отсюда. Не наша, братъ, эта жизнь... Встрѣтите радость — отдохни въ ней, но не отдавайся ей весь... Иначе пропадешь.

Болотовъ остановился и положилъ руку на плечо племянника.

— Не думай, что я хочу доучать тебя! Дѣлай, какъ зна-

ешь, —вольному воля; только считаю нужнымъ предупредить тебя. Все это я самъ пережилъ... Мнѣ тридцать лѣтъ, а я вѣдь лысъ, братъ...

— Что же? — сказалъ Гребцовъ. Отвѣтить тебѣ на это я могу только обѣщаніемъ, что ни подлецомъ, ни тунеядцемъ не сдѣлаюсь. Не такой вкусъ имѣю...

— Въ этомъ, дружище, я увѣренъ, —сказалъ Болотовъ съ улыбкой...

— Такъ что же?...

Болотовъ засмѣялся.

— Боюсь, что въ тридцать лѣтъ ты будешь такъ же лысъ, какъ и я, и такъ же, какъ я, изломанъ физически. При твоёмъ же характерѣ, перенести и перевидать такую порцию ежедневныхъ радостей, — значить, дойти до страшнѣйшаго напряженія. Ты или кончишь горячечной, необдуманной вспышкой, или полнѣйшимъ отчаяньемъ...

— Можетъ быть.

— Этого-то и не должно быть. Я тебя напередъ предупреждаю, что возмутительнѣйшихъ мерзостей придется тебѣ видѣть достаточное количество, а красотъ и радостей, можетъ быть, и понюхать не придется. Ты долженъ это предвидѣть и долженъ быть во всему готовъ.

— А если я и глаго кончу, —сказалъ Гребцовъ, —такъ значить, что плохъ былъ человекъ и жалѣть о мнѣ не стоитъ.

— Во всякомъ случаѣ, —продолжалъ Болотовъ, —помни, что я всегда готовъ къ твоимъ услугамъ, и поэтому ниши мнѣ откровенно, по возможности, о всемъ... Что въ моихъ силахъ, то всегда сдѣлаю.

Болотовъ еще нѣсколько минутъ задумчиво ходилъ по комнатѣ. Сильнѣе и нетерпѣливѣе затопали на дворѣ лошади и порывисто зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Пора, братъ, —сказалъ Болотовъ и остановился.

— Прощай, другъ мой, надолго, а можетъ быть, и навсегда, сказалъ онъ тихо, и дрогнули всѣ черты его суроваго, загорѣлаго лица, нахмурились широкія брови. —Прощай, другъ мой, повторилъ онъ грустно и медленно, понуривъ голову, пошелъ на дворъ.

III.

Хочется мнѣ рассказать читателю сцену изъ первой любви Гребцова, сцену происходившую въ тихую лѣтнюю ночь и получившую много красоты отъ ночной тишины, свѣжести и блеска близкой рѣки, запаха травы, приносившагося съ другого берега, на которомъ начиналась уже длинная, ровная и безлюдная степь. Тихо текла рѣка между скалистыми берегами, шумѣли въ береговыхъ расщелинахъ холодные вьюги и расходился отъ рѣки и ключей освѣжающій воздухъ; онъ заставлялъ вдрагивать усталое тѣло, заставлялъ сильнѣе и полнѣе дышать. И рѣчная свѣжесть, и раздражающій запахъ травы и степныхъ цвѣтовъ безпрепятственно проникали въ раскрытыя окна маленькаго деревяннаго дома, стоявшаго на берегу рѣки. Передъ этимъ домикомъ, надъ самымъ обрывомъ берега, помѣщался палисадникъ, обнесенный заборомъ и заключавшій въ себѣ великолѣпный кустъ сирени, множество всякихъ мелкихъ цвѣтовъ и кусты малины и смородины, тянувшіеся около забора.

Не такъ мрачны и безнадежны становятся мои мысли, когда я вспоминаю этотъ невзрачный домикъ съ его свѣтлыми окнами, душистыми цвѣтами и массивными заборами; не такъ гадокъ и безнадеженъ, становится мнѣ «забытый городъ», когда я вспоминаю дѣятельныхъ и умныхъ работниковъ, живущихъ въ этомъ домѣ, вспоминаю сцены, происходившія въ его тихихъ комнатахъ. Отрадно отдохнуть мнѣ на этихъ сценахъ и потому съ удовольствіемъ вызываю я воспоминанія о невзрачномъ домѣ и милыхъ обитателяхъ его.

Вспоминается мнѣ, какъ въ раннія лѣтнія утра, чуть ли не съ восходомъ солнца, приходитъ въ палисадникъ Катерина Александровна Вепрева, приходитъ въ своемъ вѣчно черномъ шерстяномъ платьѣ, съ граблями, лейкой и прочими садовническими орудіями, и возится со всякимъ соромъ, кустами, цвѣтами и опавшими листьями, — возится до того, что загорится у ней румянецъ во всю щечу, заблестятъ ея слабые черные глаза, полураскроются губы и дышетъ она быстро, и еще быстрѣе дѣлаются ея движенія. Видится мнѣ, какъ иногда выходитъ въ палисадникъ и хозяйка невзрачнаго дома, старшая сестра Катерины Александровны, Вѣра Александровна

Домашнева; иногда тихо и спойно помогаетъ она сестрѣ, а иногда просто сядетъ на скамью, задумается о чемъ-то и еще грустнѣе сдѣлается ея лицо, рѣзче обыкновеннаго обозначатся морщины вокругъ ея глазъ, губъ и на лбу.

Въ качествѣ раскшица, я считаю своею обязанностью не только описывать жизнь и ея явленія, которыя и безъ того всякій человекъ видитъ на каждомъ шагѣ, но, по мѣрѣ возможности, анализировать эти явленія, отыскивать ихъ причины и говорить читателю, что вотъ моль, мой братъ и ближній, вотъ какія причины вызываютъ задумчивость Вѣры Александровны; вотъ что давитъ и парализируетъ дѣятельность; вотъ въ чемъ заключается причина ея тяжелаго чувства. Знай ее, мой возлюбленный ближній, и когда тебѣ встрѣтится эта же тягостная причина, съумѣй узнать ее, назвать настоящимъ именемъ и отвернись отъ нея!..

Относительно Вѣры Александровны скажу пока только то, что причина ея тоски была важная, неизгладимая, сказывающаяся во всемъ ея организмѣ, въ каждой морщинѣ ея исхудалаго тѣла, въ каждомъ ея словѣ, въ каждой мысли; и составляла эту причину вся ея безвозвратно-прошедшая жизнь, въ которой Вѣра Александровна не могла теперь найти ничего, кромѣ мерзостей и бесполезно растроченныхъ силъ. Теперь только поняла она, что много, много въ жизни хорошаго, что много радостей можно было бы найти въ этой оплеванной, жизни, и манять ее въ себѣ эти радости, тоскуетъ она по нимъ, потому что ей жить хочется, потому что радости эти представляются ей въ ослѣпительно-свѣтломъ видѣ, и въ то же время чувствуется ей, что отжита ея жизнь, пропали безвозвратно ея силы, пропали преждевременно, и въ отчаяннѣи горько клянетъ она прожитую жизнь, недвижную ей ничего и отнявшую все ея силы. Горька твоя судьба, Вѣра Александровна! Но знаю я, что ты не безсознательно клянешь прожитое тобой, что осязательно ясно ты видишь всю сущность испытанныхъ тобою мерзостей, освященныхъ преданіемъ и законами общественнаго мнѣнія; горькій опытъ научилъ тебя глядѣть честно и прямо на окружающія тебя явленія; не съ одной гадости сорвешь ты маску, не одного человека спасешь отъ погибели. Особенно люблю я вспоминать тебя въ тѣ минуты, когда случается тебѣ говорить съ

молодежью о твоей прожитой жизни, и ясно видится мнѣ, какъ загораются твои глаза, показывается на щеккахъ лихорадочный румянецъ, жолчь кипитъ въ каждомъ твоёмъ безопасно-рѣзкомъ словѣ, злобно дрожатъ твои губы, и весело тебѣ, когда ненависть твоя и тяжелая тоска передаются слушателямъ твоихъ рассказовъ о твоей украденной обществомъ жизни.

Еще видится мнѣ, при воспоминаніи о невзрачномъ домикѣ съ травой и грибами на крышѣ, смуглая капризная Маша, идущая, съ восходомъ солнца, изъ воротъ палисадника къ рѣкѣ за водой. Образъ Маши наводитъ меня на воспоминанія о томъ, какъ встрѣтилась съ этой капризною, энергичной дѣвушкой Катерина Александровна, изъ какихъ трущобъ она вытащила ее; а затѣмъ разомъ вспоминаются мнѣ всѣ факты, на основаніи которыхъ я съ такою любовью останавливаюсь на домѣ съ грибами на крышѣ и не отчаиваюсь «за забытый городъ». Видится мнѣ, какъ съ утра до вечера въ этомъ домѣ стучитъ швейная машина, кипитъ работа, расшвырываются капризницей Машей пѣсенки; какъ, подъ влияніемъ практическихъ совѣтовъ Катерины Александровны, устроивается здѣсь и другое швейное заведеніе; какъ, подъ влияніемъ обидъ сестеръ, задумывается въ «забытомъ городѣ» женская школа, — и весело мнѣ становится отъ этихъ воспоминаній, весело потираю я руки и чувствую сильное желаніе положить перо, чтобы не касаться общаго хода жизни этихъ полезныхъ работниковъ. — Не весела ихъ жизнь, читатель, но я разскажу тебѣ нѣкоторые эпизоды изъ нея, чтобы ты видѣлъ, что можно жить хорошо, и что знаютъ эти люди, какъ можно жить хорошо, но что вся окружающая ихъ жизнь и обстоятельства, подъ влияніемъ которыхъ сложились ихъ понятія, развились ихъ силы, страшно тяготѣютъ надъ ними, и часто приходится имъ вырывать у себя живое мясо, чтобы освободиться, какъ нибудь отъ этого тяготѣнія...

Гребцовъ пришелъ часовъ въ девять вечера нѣсколько мрачный и сердитый; молча онъ положилъ на столъ двѣ публическихъ вѣдомостей и молча пожалъ руку Вѣры Александровны, сидѣвшей за работой.

— Сюда милости просить, сюда, — повелевъ ея рукой другой комнаты Катерина Александровна, уминая рука...

Кончивъ работу, Катерина Александровна объявляетъ...

ствовала себя отлично и начинала, какъ она выражалась, «справлять свой праздникъ», то есть, иногда усаживалась къ чайному столу и нѣжилась, а иногда затѣвала играть въ горѣлки, въ кольцо или просто бѣгать по огромному, поросшему муравой двору.

Гребцовъ пошелъ къ ней.

— Держите, сказала ему Катерина Александровна, подавая кувшинъ съ водой. Потомъ я скажу вамъ спасибо и дамъ мою руку, а теперь скажите: отчего вы какъ-будто злитесь?

— А вотъ умывайтесь, я вамъ расскажу кое-что...

— Скерное что нибудь?...

— Да, не очень хорошее...

Катерина Александровна задумалась и притихла.

— Письмо вѣрно? спросила она, съ безпокойствомъ взглянувъ на Гребцова.

— Нѣтъ...

— И, скажите прямо, ѣхать нивуда не приходится?..

— И ѣхать нивуда не приходится, повторилъ Гребцовъ.

— Ну, хоть это хорошо, тихо говорила Катерина Александровна. А то мнѣ все думается, что вдругъ, въ одно прекрасное утро, придетъ ко мнѣ Степанъ Андриячъ и объявить, что, по стеченію обстоятельствъ, ему нужно ѣхать отсюда неизвестно на сколько времени, а можетъ быть, и навсегда... Вотъ сюрпризъ-то сдѣлаетъ.

Гребцовъ грустно улыбнулся, и хорошо было въ это время его рѣзкое лицо, пронизанное любовью и нѣжностью...

— Могу я чѣмъ нибудь помочь тебѣ? спросила Катерина Александровна...

— Нѣтъ, ничѣмъ...

— Будто ужъ и ничѣмъ...

— Съ тобой я забудусь на время отъ этой гадости — это вотъ правда... Впрочемъ и этого отдыха мнѣ слишкомъ достаточно...

— То-то, дѣталь неустанный, говорила, подсмѣиваясь, Катерина Александровна, вытирая руки. — Съ бабой и дѣла свои забываешь... Стыдно!..

Гребцовъ всмѣялся.

— Ну, нате вамъ мою руку, громко заговорила она: — пойдете и объясняйте намъ ваши обстоятельства.

Гребцовъ подалъ ей принесенную имъ сѣренькую газету, развернулъ ее, указалъ Катеринѣ Александровнѣ на одну статью и началъ ходить по комнатѣ. Въ статьѣ заключался отчетъ о годовомъ экзаменѣ въ училищѣ, въ которомъ учительствовалъ Гребцовъ, и, между прочимъ, былъ помѣщенъ не очень лестный отзывъ объ успѣхахъ учениковъ въ предметѣ, преподаваемомъ Гребцовымъ.

— Что же въ этомъ? спросила Катерина Александровна, прочитавъ статью вслухъ и оборачиваясь къ Гребцову...

— Тутъ чистѣйшая ложь, вотъ что,—жолчно отвѣтилъ учитель, не поднимая головы. По экзаменнымъ листамъ средней балль моего предмета выше всѣхъ прочихъ,—я самъ свѣрялъ, а здѣсь сказано, что онъ ниже всѣхъ; лекцій я пропускалъ положительно меньше, чѣмъ любой изъ прочихъ педагоговъ, а здѣсь возвѣщается, что я нѣсколько negliжировалъ назначеннымъ программой посѣщеніемъ лекцій.—Прекрасно, господа воспитатели, просвѣтители и путеводители юношества, прекрасно!...

— Какихъ же послѣдствій вы ожидаете отъ подобной статьи?—спросила Вѣра Александровна.

— Да хорошаго нельзя ожидать... Я увѣренъ, что эта статья будетъ имѣть для меня плохія послѣдствія.

— Что же вы будете дѣлать?

— Я дѣлалъ и буду дѣлать все, что возможно. Благоволенія отъ моихъ собратьевъ я не могъ ожидать, штучки ихъ предвидѣлъ, и хотъ подобной гадости, признаться, не ожидать, но все-таки на экзамены мои пригласилъ двухъ-трехъ порядочныхъ господъ, прямая обязанность которыхъ теперь опровергнуть эту печатную клевету, и опровергнуть печатно же.... Самъ я тоже стану писать и печатать....

— А если это не поможетъ?

— Если отставку дадутъ?... Ну, и значить, что пока еще обстоятельства здѣсь не благоприятствуютъ добросовѣстному учителю, значить, что сила не въ дѣльности. А все-таки въ результатъ будетъ, что я сдѣлалъ на педагогическомъ поприщѣ все, что нашему брату можно сдѣлать въ теперешнее время; придется только переимѣнить занятіе, а погибать и бѣдствовать я не намѣренъ, во-первыхъ потому, что голова у меня есть на плечахъ, а во-вторыхъ потому, что я, какъ

вамъ извѣстно, состою въ долѣ съ нѣкимъ Саввой, деревенскимъ учителемъ, который имѣетъ мельницу и пахать землю... Мельница дастъ мнѣ на этотъ годъ рублей двѣсти, да на хлѣбъ, вѣроятно, достанется на мою долю столько же. Жить, значить, можно бы, и дѣло дѣлать можно бы, да досадно вѣдь, право, что приходится бросать дѣло, которое началось такъ славно... Что вѣдь за юношество у меня есть!... Посмотрѣли бы вы на моего Силку, на моего почтеннаго Силу Игнатьевича, когда онъ, въ своемъ прадѣдовскомъ кафтанѣ и съ нахмуреннымъ лбомъ, шевелить своими толстыми губами и сердито излагаетъ древнія судьбы народа русскаго. Такъ вѣдь практическимъ дѣятелемъ и смотреть. «Старому князю, говоритъ, другой князь на свадьбѣ нагрубилъ, ну, такъ поэтому самому старый-то князь и разсердился — войну началъ. И много, говоритъ, изъ-за этого народу было побито на смерть и городовъ выжжено.» А то приходитъ какъ-то Сила Игнатьевичъ ко мнѣ чай пить, да и предупреждаетъ: «Я, говоритъ, Степанъ Андреичъ, не злой человѣкъ, а только ежели Мишка Кокоринъ и Ванька Добронравовъ еще станутъ лѣзть ко мнѣ, да ругать меня медвѣжонкомъ, такъ я имъ кости переломаяю; я имъ разъ говорилъ добромъ, другой разъ говорилъ добромъ, десять разъ ихъ усовѣщевалъ, а теперича не втерпежъ стало,—прибью, не говоря добраго слова... Ты ужъ не сердись на меня, Степанъ Андреичъ,—ей-богу, не втерпежъ стало...

— Ну, что же вы ему отвѣтили?—смѣясь, спросили сестры.

— Ну, и съ Богомъ, говорю... Что, въ самомъ дѣлѣ, прикажете предпринять, когда резонномъ ничего не подѣлаешь? Скажи разъ, скажи другой, но если увидишь, что надъ такими дубовыми организмами нужно работать не словомъ, а кулакомъ, такъ кулакомъ и дѣйствуй... Нужно вамъ сказать, что Сила Игнатьевичъ—честная личность, и если онъ говорить, что десять разъ усовѣщевалъ когонибудь, то это и значить, что онъ ровно десять разъ производилъ эту операцію... Да, хорошій парень... Ну, и кромѣ него, у меня есть еще человѣкъ пять-шесть дѣльныхъ учениковъ, которые всѣ такъ и смотрятъ будущими деревенскими учителями. Все крѣпкій, здоровый, мыслящій народъ... Слушать весело, когда

они станутъ раздѣрживать по косточкамъ какую нибудь древнюю легенду.

— А вѣдь сильно любите вы своихъ питомцевъ, — сказала Катерина Александровна съ легкимъ вздохомъ.

— Въ томъ-то и дѣло, Катерина Александровна. Оттого-то и горько мнѣ бросать моихъ ребятшекъ. Забываютъ вѣдь ихъ, изуродуютъ, сдѣлаютъ изъ нихъ такихъ чучель, что и взглянуть будетъ страшно... А что такъ и будетъ—это вѣрно. Гдѣ въ нашемъ мѣщанствѣ свѣтлыя личности? Кого до сихъ поръ производили наши многопочтенные здѣшніе педагогъ?.. Ну, этихъ же идиотовъ, пьяницъ, самодуравъ, бездѣльниковъ они и будутъ производить... Новаго нельзя ожидать отъ нихъ...

Гребцовъ быстро ходилъ по комнатѣ, задумчиво опустивъ голову.

— Чѣмъ-то кончится это дѣло?—тихо замѣтила Катерина Александровна.

— Въ томъ и бѣда вся, что такой хаосъ кругомъ, такъ мало можно разсчитывать— жь не говорю на добросовѣстность, а просто на послѣдовательность,—что никакого исхода нельзя предвидѣть. Все какая-то глупая случайность.

Катерина Александровна встала и остановила Гребцова:

— Сядь, тихо проговорила она:—будетъ ходить, будетъ сердиться.

Гребцовъ сѣлъ.

— Вздоръ, сказалъ онъ, махнувъ рукой:—выгонять, такъ выгонять, а съ Силою Игнатьичемъ и съ будущими учителями я не разстанусь... Стану давать имъ частные уроки, въ гимназію стану ихъ готовить, а средства для поступленія соберемъ какъ нибудь.—Такъ вѣдь?

— Ну, и славно; станемъ ихъ готовить въ гимназію, станемъ ихъ поддерживать во время учебнаго поприща, станемъ изъ нихъ людей готовить, заговорила Катерина Александровна съ комическимъ педантствомъ и въ то же время преспокойно разрушала прическу учителя и опускала на лицо его длинныя волосы. А затѣмъ она обратилась къ работавшей Вѣрѣ Александровнѣ и стала бросать въ нее листья и цвѣты.

И Вѣру Александровну, подъ вліяніемъ любви близкихъ ей людей, подъ вліяніемъ тихой и теплой лѣтней ночи, глубокой

ночной тишины, блеска звѣздъ и чистаго степного воздуха, охватила на минуту глубокая нѣжность и любовь къ жизни, и выразилась эта нѣжность въ добродушномъ юморѣ. Стала Вѣра Александровна разыгрывать роль отжившей бабушки.

— Работать надо, дѣти; не мѣшайте старой работницѣ дѣломъ заниматься, говорила она ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, сбрасывая съ своей работы изобильно сыпавшіеся на нее листья и цвѣты.

А Катерина Александровна уже шла къ ней своей быстрой походкой, обняла ее и прижалась своими губами къ ея блѣдному, красивому лбу.

Вѣра Александровна оставила работу.

— Что тебѣ нужно, дитя мое?... спросила она невозмутимо ровно и спокойно.

— Будетъ работать.

— А! шалунья, вамъ все бы шалить да шалить, а намъ шалить ужъ не приходится,—мы свое стили, отшалили.—Иди себѣ съ Богомъ...

— Пойдемъ лучше въ садъ, погуляемъ немного, проехала ее Катерина Александровна.

— Ну, въ садъ, пожалуй, можно пойти. Сегодня праздникъ вѣдь, дѣти,—можно поэтому и погулять немного.

Вышли они въ палисадникъ. Вѣра Александровна закуталась въ свою шаль и сѣла на дерновую свамью около забора, шедшаго по обрыву берега.

— Садитесь здѣсь, дѣти,—вмѣстѣ лучше будетъ.

Но и безъ того хорошо было. Далеко еще было до утра, сіяли въ вышинѣ всѣ звѣзды, ярко свѣтилъ мѣсяцъ, темной массой стояли между мѣсяцемъ и нашей семьей высокіе кусты сирени и ярко блестяла подъ луннымъ свѣтомъ вершина забора. Въ воздухѣ все еще жарко было, располагало къ нѣгѣ, и тѣмъ свѣжѣе казался влажный воздухъ, приносимый вѣтромъ съ рѣки.

— Знаете что, дѣти?—сказала Вѣра Александровна.

Ей не хотѣлось бросить своей роли, да и весь ея добродушный юморъ какъ-то особенно хорошо подходилъ къ ея теперешнему настроенію.

— Знаете что?.. Давайте поочередно разсказывать исторію нашей жизни.

— Давайте, согласилась Катерина Александровна..

— Хорошо, сказала учитель.

— Младшій пусть начинаетъ,—продолжала Вѣра Александровна,—а мнѣ, старухѣ, оставьте сказать послѣднее слово. Только съ уговоромъ, дѣти: если ужъ рассказывать, такъ не шалить, не врать, а то лучше ужъ совсѣмъ не говорить ничего. Это вѣдь очень поучительно будетъ...

III.

Гребцовъ рассказывалъ исторію своей жизни.

— Во-первыхъ, я не здѣшній. Я родился и провелъ дѣтство въ хорошей сѣверной губерніи, которая отличается отъ здѣшняго края тѣмъ, что климатъ тамъ хододнѣе, лѣсами тамъ называются не вѣники, въ которыхъ нельзя отыскать хорошей палки, а лѣса настоящіе, идущіе верстъ на сотню и на тысячу, вмѣсто слова пень, употребляется тамъ слово кокора; вмѣсто слова пруть—въ большомъ ходу слово вица. Небо на моей родинѣ неказисто лѣтомъ, но зимой и особенно ночью великолѣпное; рѣки большія, необыкновенно чистыя и прозрачныя, лѣса громадные; климатъ, правда, суровый, но не расслабляющій человѣка; вся природа угрюмая. И эта-то суровая внѣшняя обстановка, можетъ быть, главнымъ образомъ и способствовала образованію моего мрачноватаго характера. А что эта обстановка сильно вліяла на меня, такъ лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что и теперь еще нерѣдко одолеваетъ меня тоска по моей родинѣ, — тоска не по родственнымъ и родительскимъ ласкамъ, а просто по нашимъ лѣсамъ, рѣкамъ, болотамъ и прочей угрюмой, дорогой благодати.... Кромѣ мрачноватости, у меня имѣется еще много злости; но ею снабдили меня не мѣстныя климатическія условія, а воспитатели мои, наставники, друзья, знакомые и вообще мои ближніе. Всѣ они черезчуръ заботились о спасеніи моеѣ души отъ всякой гордости, свободомыслія и вывели меня изъ терпѣнія своими неотступными проповѣдями о терпѣніи, смиреніи и прочихъ добродѣтеляхъ, убыточныхъ для плоти, разсудка и фizioноміи. Хотѣлъ ли я ѣсть — мнѣ говорили, что нужно терпѣть; хотѣлъ ли я читать — мнѣ говорили, что нужно смирять порывы дерзкаго разума; хотѣлъ ли

я знать какуюнибудь штуку, хоть то, напримѣръ, какимъ способомъ зажигаются разомъ всѣ небесныя лампы, называемыя въ просторѣчїи звѣздами, хоть то, напримѣръ, за что какойнибудь танцмейстеръ Эдлерзель носить золотыя украшения и удивительныя сапоги, а работающій бурлакъ ходитъ въ рубищѣ,—словомъ, по поводу чего испрошилъ бы я, всегда мнѣ тыкали въ голову разные предрасудки и старались исказить правду. Таково было мое воспитаніе. Въ воспитаніи была теорія, а въ жизни настала практика. Разница была въ томъ, что ѣлъ ли я, любилъ ли, учился ли, говорилъ ли, дѣлалъ ли чтонибудь—ведѣ и всегда мея, просто на просто, смиряли, а не поучали уже смиренію. Провѣдѣ о смиреніи и практическое прихлопываніе сопровождали меня при каждой моей встрѣчѣ съ моими ближними:—ну, я и началъ смотрѣть на смиреніе, какъ на вещь, которую подставлять мнѣ подъ ноги при каждомъ моемъ шагѣ; началъ смотрѣть на моихъ ближнихъ, какъ на существа, которымъ очень пріятно будетъ свалить меня и притиснуть бревномъ, если я не захочу смириться... Говорю я моему ближнему: «братъ мой возлюбленный, не дури ты, не подличай, не пакости бѣлый свѣтъ, а живи вотъ какъ»... Братъ мой и отвѣчаетъ мнѣ, что «все это мечты, порывы и наводненія...»—Не мечты, говорю я ему, а сила, которая, пожалуй, со временемъ, кости тебѣ переломаетъ.... — Хе-хе-хе, говорить: молодость, государь мой.... Въ молодости, значить, мысли эти были и у отупѣвшаго ближняго моего, да родственное, учительское и пріятельское тыканье въ голову ухлопали ихъ, смирили... Ну, и является отупѣвшій братъ мой движущимся одицетвореніемъ смиренія...

— Въ этомъ заключается *предисловіе* въ моей жизни, продолжалъ Гребцовъ. Оно, кажется, вѣрно опредѣляетъ мое положеніе. Радостей особенныхъ въ совершеніи жизненнаго круга я не вижу, но жить хочу, потому что ближніе мои ведутъ со мной слѣдующій разговоръ: — Смирись, говорятъ.— Не хочу.— Ой, говорятъ, смирись, братъ, — не проживешь безъ насъ, поклонись.— Проживу, говорю, не поклонюсь.— Вслѣдствіе этого-то разговора, я и имѣю сильный вкусъ къ жизни, потому что тутъ предложена игра довольно серьезная, игра, въ которой должно рѣшиться кто сильнѣе: — люди ли,

закотѣвшіе слѣдовать голосу своего разума, или люди, разумъ свой смирившіе?—Вкусъ къ жизни, поэтому, имѣю я смѣлый...

— Я не отупѣлъ, не смирился и сталъ на сторону людей, уважающихъ разумъ и идущихъ за нимъ. Я страстно любилъ читать, значить, переживалъ цѣлыя жизни, бесѣдовалъ, страдалъ и наслаждался съ людьми не совсѣмъ такими, какими была наполнена и переполнена моя угрюмая родина, съ людьми всякихъ націй, всякихъ образовъ жизни и всякихъ убѣжденій. Развиваться, значить, можно было. Мать моя любила меня тогда безгранично. Это значить, что не было глупости, подлости, безразсудства и вообще какого бы то ни было сумасброднаго поступка, на который она не пошла бы ради меня.

— Жива она?

— Жива.

— Гдѣ же она теперь?...

— А вотъ подождите, дойдетъ и до нея очередь, сказалъ Гребцовъ и горько улыбнулся... Отецъ мой любилъ меня безъ тонкостей, а просто и дружески, какъ кровный плебей, — тѣмъ больше, что онъ былъ честный, желѣзный ломовикъ, собственными своими здоровыми плечами, боками и кровью пробившійся, на старость лѣтъ, изъ рядовъ солдатчины въ ряды гражданъ, неопасающихся остаться, вслѣдствіе увѣчій, безъ возможности работать и пойдти по міру. Простой ломовикъ былъ мой батька, въ тонкости не пускался и не мѣшалъ мнѣ... Схватывались мы съ нимъ тогда только, когда я съ моими безалаберными дѣтскими руками и ногами влиамывался въ его интересы. Разъ я разбилъ его любимый стаканъ; батька охлялся. — Становись, говорить, на колѣни. — Я ревіть... — Прощен, говорить, прощенья... — Я ломаюсь... — Ну, говорить, если ты хочешь у меня разбойничать, такъ вотъ тебѣ гривна денегъ и иди себѣ съ Богомъ, куда знаешь. Хочешь мой хлѣбъ жрать, такъ не разбойничай и слушайся!.. — Обидѣлся мой батька... Славный былъ старикъ.

— Ты не взялъ денегъ, не ушелъ?

— Нѣтъ, разчувствовался и разнѣжился, а отчасти и испугался. — А потомъ, бывало, приду къ нему и говорю: давай денегъ, я уйду, не хочу у тебя жить... Старикъ хохочетъ. — Врешь, говорить, придешь опять. — Не приду, говорю. —

Ладно, говорить, иди себѣ. — Ну, я и уберусь, дня два не показываюсь, таскаюсь гдѣ нибудь по базару, по знако-мищѣ, за городомъ, а потомъ и приду, какъ ни въ чемъ не бывало. Старикѣ моему и горя мало, подсмѣивается только.

— А мать?

— Мать плачетъ... Однимъ словомъ, отецъ былъ человѣкъ хороший и не мѣшалъ мнѣ читать, сколько душѣ угодно; а чтеніе-то мое въ дѣтствѣ и былъ тотъ архимедовъ рычагъ, который повернулъ всю мою жизнь въ известную сторону и потомъ сдерживалъ меня въ одномъ и томъ же направленіи, не смотря на всѣ смиряющіе и смирительные толчки... Нужно вамъ сказать, что до сихъ поръ не было еще человѣка, который имѣлъ бы на меня какое бы то ни было вліяніе, не было никого, кто бы уваживалъ мнѣ настоящую дорогу; а между тѣмъ, со стороны общества употреблены были всѣ старанія пришибить меня, принизить, изуродовать, т. е. смирить, однимъ словомъ...

— При жизни отца я ходилъ сначала въ увѣдное училище, а потомъ началъ ходить въ гимназію... Тутъ-то и умеръ мой ломовикъ-отецъ... Ну, умеръ и кирпичами забросанъ, глиной замазанъ; что тутъ особеннаго? Смерть его не произвела во мнѣ никакого потрясенія и даже тоски большой не было; даже въ тотъ же вечеръ и на салазкахъ катался... Теперь только жаль мнѣ моего ломовика, потому что онъ-то, этотъ грубый ломовикъ, и былъ для меня несокрушимою оградой, черезъ которую не могли до меня добраться жизненные жерзости. Умеръ онъ—и рушилась ограда, всякая нечисть обильно обдала меня. — Мать очень, видите ли, заинтересовалась устройствомъ моей жизни до самаго гроба, да и замуравила меня въ нѣкое закрытое воспитательное заведеніе... Ну, что-жъ? Только и есть, что у меня пропало чуть ли не совершенно бесплодно десять лѣтъ жизни, больше ничего. Правда, разлагалась кругомъ меня всякая гадость, дѣятельно работали надо мной безчисленные воспитатели, съ трудолюбіемъ и успѣхомъ фабриковавшіе изъ моихъ товарищей вѣдотовъ и вообще интересныхъ джентльментовъ, и, вѣроятно, въѣлись отчасти и въ меня эти разлагающіеся гнилые соки, но все-таки они, какъ мнѣ кажется, не могутъ имѣть че-

сти считаться преобладающей во мнѣ матеріей, потому что сильнѣе всего притягивало меня все-таки чтошіе, притягивала наука, хоть и не школьная. Лѣтъ въ девятнадцать я рѣшился оставить нашъ разсадникъ юношества. Ну, и оставилъ съ помощью дяди.

— Болотова?

— Да... Прибавить нужно, что яростнѣе и ревностнѣе всѣхъ старалась сдерживать меня и прихлопнуть въ этомъ разсадникѣ— мать моя, искренно меня любящая мать... Пріѣхавъ я едва оперившимся птенцомъ въ мою угрюмую родню, вздохнулъ родимымъ воздухомъ и изо всей силы размахнулъ своими молодыми крыльями. Горячо высказалъ я матери всѣ мои дорогія мысли и мои понятія о мірѣ, чловѣкѣ и жизни; прокляла меня за нихъ мать, осыпала меня упреками, слезами, проповѣдями о смиреніи гордаго разума—и, съ злобой и тоской, улетѣлъ я изъ моей родины. Прилетѣлъ въ столицу, нашелъ себѣ занятіе, которымъ можно было хлѣбъ добывать, и опять принялся за ученье. Учился, толкался между народомъ, сводилъ знакомства съ людьми, считавшимися порядочными, мечталъ о томъ, что скоро начнутъ эти люди дѣйствовать, приводить жизнь въ согласіе съ своими великими идеями, краснорѣчиво проповѣдывалъ, вобуждалъ и другихъ, и себя, мало спалъ, мало ѣлъ и...

Гребцовъ засмѣялся.

— И смиренны были?

— И былъ смиренъ этими же порядочными людьми, озававшимися большею частью простыми, кроткими и безобидными существами, легко могшими отрѣшиться отъ своей излщной ненависти ради дюжей жены, вуръ и поросятъ, воловъ и ословъ, рабовъ и рабынь... Правда, зналъ я нѣсколько личностей, для которыхъ любовь и ненависть не были вещью посторонней, а были жизнью и кровью организма. Но немного было такихъ личностей, да и страшна была ихъ роковая жизнь. Сходили онѣ съ ума, пропадали безъ вѣсти и вообще быстро сходили съ жизненной сцены.

— Смирился и я, наконецъ, на время. Тогда-то родилась моя первая любовь, родилась безъ плача и крика, въ свѣтлый лѣтній день, и скоро умерла, и тоже безъ слезъ и воплей, но съ невыносимой болью.

— Опять смиренны были?

— Опять... Принесъ я ей мое юношеское горячее чувство, принесъ я ей всё мои молодыя силы, отдалъ я къ ея услугамъ всю мою трудовую жизнь—и мечталъ, что моя жизнь полнѣе будетъ, но...

— Что же вышло?

— Да что говорить! Вышло наружу, что чужую-то жизнь къ своей пристроить она не прочь, а своя-то ей и самой годится; вышло, что и честна-то она по своему, т. е. того правила держится, что тотъ не воръ, кто не попался, и потому съ ней могла сойтись какая угодно живая натура, только бы все снаружи шито да крыто было. Честень тотъ воръ, который прямо говорить, чтобы съ нимъ ухо остро держали, но тяжело сойтись съ воромъ, играющимъ роль честнаго и чистаго существа и воображающаго себя такимъ существомъ. Плюнулъ я на мою любовь, плюнулъ на кроткихъ дѣтелей и рѣшился сдѣлаться простымъ ломовикомъ, собственными плечами раздвигающимъ передъ собой жизненные пути, изъ грошей шивающимъ себѣ сносное платье... Уѣхалъ я изъ столицы... Долго бродилъ по землѣ русской и пѣшкомъ, и верхомъ, и водой, и съ обозами, а затѣмъ и сюда пріѣхалъ.

Гребцовъ замолчалъ.

Вѣра Александровна встала.

— За вами послѣднее слово, напомнилъ ей Гребцовъ.

— За мной, сказала она и ушла въ комнаты.

Скоро понеслись изъ комнаты грустные, ноющіе, хватающіе за сердце звуки фортепяно, и то затихали они, то опять звучно раздавались въ тихомъ палисадникѣ, точно волнами прорываясь сквозь листья и вѣтви деревьевъ. Слышалась въ этихъ ноющихъ звукахъ страшная, безысходная тоска, плакала и билась въ ихъ безнадежныхъ нотахъ какая-то скованная, палящая сила.

— Она давно ужъ не играла,—тихо сказала Катерина Александровна.

Звучно раздавалась по комнатамъ и въ палисадникѣ импровизація Вѣры Александровны, и плотнѣе прижалась къ Гребцову младшая сестра, нѣжнѣе сдѣлались ея ласки.

— Что же? теперь за тобой очередь рассказывать свою жизнь.

— Не хочется, тихо отвѣтила Катерина Александровна.

— Отчего же?

— Грустно что-то.

— Вѣрно вся жизнь твоя невесела была?

— Да...

— Милая, милая! съ глубокой нѣжностью говорилъ Гребцовъ и съ любовью цѣловалъ ея худыя руки.

— Дѣтство только и было у меня хорошее, а затѣмъ все шло гадко. Выдали меня замужъ чуть не ребенкомъ... И за кого бы выдали, а то за безпутнаго пьяницу и дармоеда. Опротивѣлъ онъ мнѣ хуже всякой напасти, такъ что хотя я избалована была, въ каретахъ ѣздила, повара имѣла, всѣми удовольствіями пользовалась, а все-таки бросила это богатство и уѣхала въ Петербургъ. И тамъ было очень тяжело: терпѣла я и голодъ, и холодъ, и одиночество, и болѣзни, и безъ работы приходилось сидѣть, и часто впереди виднѣлась голодная смерть. Улыбнулось было одинъ разъ мнѣ счастье, но скоро опять все пошло по старому... Видишь ли, какая исторія была, мой милый: полюбилъ меня въ то время хорошій, очень хорошій человѣкъ; полюбила и я его... Сошлись мы, начали общими силами обстроивать жизнь нашу, и хорошо уже пошло наше дѣло, даже мужъ мой умеръ встати, но, какъ нарочно, какъ-будто въ насмѣшку надо мной, судьба отняла у меня этого человѣка...

— Какъ отняла?

— Тревожное было тогда время... Пропалъ человѣкъ безъ вѣсти, безъ слѣда...—Вотъ тебѣ и вся жизнь моя въ двухъ частяхъ: одна часть содержитъ въ себѣ полное довольство и рабство, а другая—полную независимость и чуть не нищету.

Звучище раздалась импровизація Вѣры Александровны и вдругъ разомъ замолегла.

— Пойдемъ къ ней, сказала вдовушка.

Вѣра Александровна сидѣла за фортепьяно. Огня не было въ комнатѣ, но свѣтло свѣтиль въ нее мѣсяцъ и ярко освѣщала стройную фигуру старшей сестры.

— Что, дѣти, спросила она: — хотите спать?

— Нѣтъ еще.

— Ну, такъ садитесь, а я сыграю вамъ кое-что; только

вы вникайте въ смыслъ моей музыки, потому что музыкой я расскажу вамъ мою жизнь.

Звученъ и рѣзокъ былъ голосъ Вѣры Александровны, ярко сверкали ея глаза.

— Дѣтство мое, дѣти, было хорошее дѣтство. Жила я на позной волѣ, здоровья много было, друзей было пропасть и всѣ они были тогда хорошими существами. Теперь, дѣти, они подлецами сдѣлались или погибли преждевременно. Сыграю я прощальную пѣсню моему дѣтству, надгробный плачь надъ преждевременно-погибшими и искреннее проклятіе моимъ опекунамъ и воспитателямъ. Мечтала я въ моемъ дѣтствѣ о радостяхъ жизни, мечтала, что свѣтла и роскошна будетъ моя жизнь, — и сыграю я вамъ содержаніе моихъ мечтаній... Не вышла еще я изъ дѣтства, какъ продали меня мерзавцу, котораго назвали моимъ мужемъ, и женой котораго мнѣ велѣли быть... Много лѣтъ погибло въ этомъ замужествѣ, много силъ было разметано на вѣтеръ, много грязи вѣлось въ меня въ это время... Не вытерпѣла я такого семейнаго счастья и отдалась другому человѣку, — и увидѣла, что изъ рукъ одного негодяя перешла въ грязныя объятія другого... Вышла я изъ этой любви поруганной, отравленной физически, неизлечимо больной, немогущей больше любить; и не знаю, что я сыграю объ этой моей любви, но чувствую, что сыграю что-то страшное, нехорошее... Вотъ мое оглавленіе.. Слушайте теперь самый рассказъ...

И началась торопливая, тревожная и грустная музыка.

IV.

Въ концѣ «забытаго города», на самомъ верху берега, есть деревянный домишка, окруженный огородами, и здѣсь въ мезонинѣ находится комната, составляющая резиденцію Володьки. Темна и грязна лѣстница, ведущая въ его обитель, неказисто ея убранство, ограничивающееся кожанымъ диваномъ, бѣлымъ деревяннымъ столомъ и тремя кожаными стульями.

Хозяинъ дома. Сидитъ онъ передъ столомъ, облокотившись на раскрытую книгу, сидитъ неподвижно, забывъ уже простывшій чай и полу-потухшую папироску, готовую выпасть

изъ рукъ, и задумчиво смотреть въ открытое окно. Блестить, передъ нимъ рѣка, блестять далекія озера, бѣгутъ скалы, ржутъ въ степи лошади, играетъ гдѣ-то гармоника, только на сѣверѣ лежитъ на горизонтѣ темная, синяя, подернутая туманомъ полоса, и смотреть на нее Володька, и невесело ему. У него что-то ноетъ въ груди, точно сердце сдавливается.

Внизу, чуть ли не у самой рѣки, качаются дѣвушки на качеляхъ, мелькаютъ разноцвѣтныя платья, развѣваются красныя ленты, слышится звонкій дѣвическій смѣхъ,—но Володькѣ не до нихъ теперь, и еще томительнѣе смотреть онъ на синѣющуюся полосу.

Ушелъ бы онъ въ ту неизвѣданную даль, искалъ бы себѣ другой жизни, попробовалъ бы вылечить свою болѣющую грудь. Чувствуетъ онъ теперь, что, чуть ли не съ самаго дѣтства, скрутила его какая-то невѣдомая сила и понесла впередъ съ неудержимой быстротой чрезъ трущобы, дебри и всякую нечисть, изломала члены, разбила нервы, закружила голову, и теперь не знаетъ онъ, все ли еще неудержимо несетъ его несокрушимая сила, или уже кинула она его и онъ несется впередъ уже по инерціи, какъ несется камень, брошенный рукой человѣка. Чувствуется ему, что не того онъ ждалъ и искалъ въ жизни, и хотѣлось бы ему теперь воротить свое дѣтство, начать жить съизнова.

Обращается Володька ко всей своей прожитой жизни и съ страшною яркостью и быстротой проносится она передъ нимъ, и сердце его тоскливо сжимается. Что было въ его прошломъ? Какъ развивалась исторія его жизни? Чѣмъ началась эта грустная жизнь?

Началась она въ грубой семьѣ, началась колотушками, болѣзнями и страданіями юнаго организма, попавшаго въ душную мурью, малоудобную для человѣческой жизни; началась созерцаніемъ деспотиама, съ попреками, руганью и побоями, отъ которыхъ валялись въ обморокъ и мать, и сестры бѣднаго Володьки. Главнымъ фактомъ въ дѣтствѣ бѣднаго малаго было то, что отецъ его, крутой и дикій деспотъ, удостоилъ обратить на него особенное вниманіе, т. е. начать баловать, нѣжить ребенка и сдѣлалъ изъ него домашняго шпіона. И было это дѣло родительскихъ рукъ первымъ урокомъ для Володьки, первымъ зерномъ, изъ котораго не за-

медлили повылѣзти цвѣточки, нашедшіе себѣ обильную пищу во всѣхъ уголкахъ русской земли. Пересадили это многообѣщавшее зерно изъ семейнаго парника въ школьную теплицу, представлявшую самыя благопріятнѣйшія условія для произростанія подобныхъ злаковъ, — и злакъ не замедлилъ развернуться во всей своей прелести, то есть, вышелъ изъ бѣднаго малаго юный шпионъ, могшій сдѣлать честь любому полицейскому бюро. Не влюбили его за это товарищи, стали они бить шпиона.

Побой, несчетное количество товарищескихъ пощечинъ, педагогическія розги, мертвечина школьной науки, полученная въ родительскомъ домѣ, привычка къ нѣгѣ — все это разомъ свалилось на его особу и, не получая противоудѣйствія ни отъ одной живой силы, ни отъ единой свѣжей мысли, глубоко въѣлось въ его молодое тѣло и повернуло его по обычной дорогѣ побиваемыхъ, опошляемыхъ, но не совсѣмъ еще одурѣвшихъ субъектовъ.

Запилъ бѣдный малый, загулялъ, махнулъ рукой и на школу, и на товарищѣй, и на книги, изъ которыхъ оставилъ для своей умственной пищи только романы да повѣсти французскихъ и прочихъ писателей.

Съ головой уже купался Володька во всѣхъ этихъ житейскихъ прелестяхъ, но все-таки нерѣдко сказывались въ немъ требованія живой человѣческой натуры и нерѣдко приходилъ онъ въ себя, раздумывалъ, принимался за болѣе дѣльное чтеніе, за работу и на цѣлые мѣсяцы дѣлался дѣльнымъ работникомъ: бѣгалъ на кондиціи, просиживалъ ночи за перепиской бумагъ, а мѣсяца черезъ два, черезъ три, опять прорывало его на пьянство. Въ эти рабочіе дни и свѣтлые образы новой жизни не совсѣмъ обходили его. Была, напримѣръ, у него любовь, любовь къ довольно рѣдкой, трудящейся женщинѣ, поразившей его исключительностью своего положенія, своимъ тяжелымъ, честнымъ трудомъ и свѣтлостью, и практичностью мыслей. Эта-то женщина, пользуясь своимъ вліяніемъ на бѣднаго малаго, сильно переработала его безалаберную натуру, но все-таки не смогла уничтожить вліянія на него всей прожитой уже имъ жизни и, наконецъ, сама отшатнулась отъ Володьки. И опять остался бѣдняга въ кругу своихъ убогихъ пьяницъ-пріятелей, опять окружили его разныя

размашистыя натуры. Прежде весело было Володькѣ въ кругу ихъ, но послѣ этой любви, запало въ него нѣчто грустное, тоскливое, будто угрызение совѣсти...

Что впереди у него?..

Болезненно закрылись глаза Володьки. Но вотъ приринули ихъ чьи-то теплыя, влажныя руки, отвели назадъ его горячую голову и мягкія губы нѣжно прильнули къ его головѣ. Володька оглянулся. Пришла и поцѣловала его капризная, смуглая Маша, которую мы видали уже между жильцами невзрачнаго домика. Любила Маша жалкаго Володьку, убиравала его тихую обитель, наставляла на окно цѣтвовъ, нѣжила его, какъ больного ребенка, и, приходя домой, горько плакала о его проклятой судьбѣ.

— Здорова?

— Здорова.

— Ну, и отлично, милочка, — сказала Володька, обнимая дѣвушку и покрывая ее лицо поцѣлуями.

Темнѣетъ степь, темнѣютъ скалы, начинаютъ мерцать звѣзды, съ рѣки и со степи льется въ тихую Володькину обитель ночной вѣтеръ, залетаетъ въ нее тихій ночной говоръ степи и «забытаго города» — и тихо рассказываетъ Маша въ потемнѣвшей комнатѣ свои молодыя мечты...

Говорить она, что думаетъ уѣхать съ нимъ въ другой городъ, гдѣ они обвѣнчаются, будутъ работать, и будетъ у нихъ всякая благодать божья: будутъ и дѣти хорошія, и житіе ангельское, будетъ имъ солнце свѣтло свѣтить, и день и ночь соловьи будутъ пѣсни пѣть, цвѣты будутъ рассказывать имъ сказки, и не будетъ въ томъ краю ни печалей, ни воздыханій, ни болѣзней.

— Не будешь вѣдь пить? спрашивала увлеченная своими мечтами Маша.

— Не буду, отвѣтилъ Володька, и небывалой энергіей загорѣлись его глаза.

Любилъ бѣдный малый Машу, выучилъ онъ ее читать и писать, читалъ съ ней вмѣстѣ, объяснялъ прочитанное, рассказывалъ ей свою жизнь и самъ не разъ горько плакалъ надъ своими рассказами изъ собственнаго прошлаго... Бывали у него такія хорошія минуты!.. Но чаще являлся онъ Машѣ

злой, безобразно-веселый, пьяный, циничный,—и страшно становилось Машѣ, хотѣлось ей убѣжать отъ него...

Но теперь онъ спокоенъ и счастливъ. Кстати пришла къ нему Маша...

VII.

Быстро шелъ Гребцовъ по улицѣ къ невзрачному домику и напѣвалъ энергичную пѣсенку. Напѣвалъ Гребцовъ, что «идеть младъ къ знець изъ кузницы—и слава кузнецу; несетъ онъ подь полой три вострыхъ ножа—и слава ему»; но благодушно смотрѣлъ нашъ пѣвецъ и на кривую улицу, и на мирныя увеселительныя пристанища, озарившіяся гостепріимными огнями; благодушно улыбнулся онъ встрѣтившемуся ослу, навьюченному подушкой и босоногимъ бухарцемъ; благодушно улыбался, поглядывая на освѣщенное окно хорошаго невзрачнаго домика и весело постукивалъ своей дубиной.

— Здравствуйте, Маша,—весело сказалъ онъ встрѣтившейся ему на дворѣ смуглой капризницѣ Машѣ.—Дома Катерина Александровна?..

— Дома...

Катерина Александровна задумчиво сидѣла у окна, противъ обыкновенія, безъ работы, и курила. Пристально и грустно посмотрѣла она на вошедшаго Гребцова; задрожала на минуту ея рука, выпала недокуренная папироса. Судорожно облокотилась она на подоконникъ, не спуская глазъ съ Гребцова.

— Милости просимъ,—привѣтствовала его Вѣра Александровна, поднимаясь изъ-за своей работы.

Катерина Александровна крѣпко сжала его руку и не выпустила ея.

— Садись здѣсь, тихо сказала она, указывая на стулъ противъ нея.

Гребцовъ сѣлъ.

— Здоровъ?

— Конечно.

— И ничего нѣтъ дурного?

— Ничего. Все благополучно.

Катерина Александровна замолчала и опустила глаза.

— Я дамъ тебѣ прочитатъ одно письмо, заговорила она

неръшительно: — но только обѣщай ты мнѣ, что не будешь сердиться...

Гребцовъ засмѣялся.

— А мнѣ непременно нужно прочитать это письмо?..

— Нужно...

— Такъ давай же его... Какія тутъ могутъ быть предварительныя обѣщанія съ закрытыми глазами?..

Катерина Александровна задумалась на минуту. Гребцовъ всталъ и прошепелъ по комнатѣ. Онъ начиналъ ожидать чего-то сквернаго. Широкія брови его начали сдвигаться; губы подергивались.

— Возьми, сказала, наконецъ, Катерина Александровна.

Гребцовъ взялъ письмо, причѣмъ рука его задрожала, и сѣлъ къ лампѣ. Письмо было отъ стараго, безъ вѣсти пропавшаго друга Катерины Александровны, о которомъ она упоминала въ своей біографіи. Глубокой любовью дышала каждая строка этого письма; оманчивалось оно просьбой ѣхать къ нему.

Катерина Александровна подвинулась къ столу, а сестра ея оставила работу и не спускала глазъ съ учителя. Страшная блѣдность постепенно покрывала его лицо; письмо вздрагивало въ его загорѣлыхъ рукахъ.

— Прочиталъ? спросила Катерина Александровна.

Гребцовъ посмотрѣлъ на нее, и страшно было въ эту минуту его горько улыбавшееся лицо.

Вѣра Александровна встала и ушла изъ комнаты.

— Что же? спросила Катерина Александровна...

— Ёдете? спросилъ, вмѣсто отвѣта, учитель.

— Ёду...

Тихо поднялся учитель, тихо взялъ фуражку и, шатаясь, пошелъ изъ комнаты.

На порогѣ его остановила Катерина Александровна.

— Куда?.. спросила она, тяжело дыша...

— Домой...

Катерина Александровна задыхалась...

— Подожди, сказала она и повела его за руку назадъ.

Гребцовъ остановился...

— Сядь...

Онъ сѣлъ...

— Можешь ты выслушать меня хладновротно? тихо заговорила она, и рыданія послышались въ ея голосѣ...

— Отчего же нѣтъ?..

— Такъ слушай же... Вѣдь мы съ нимъ были искреннѣйшими друзьями... Онъ горячо меня любилъ; и хуже ли сдѣлался онъ оттого, что такъ много выстрадалъ? Слѣдуетъ ли мнѣ теперь, когда онъ опять вышелъ на свѣтъ, когда онъ зоветъ меня, чтобы отдохнуть со мной, какъ съ лучшимъ другомъ,—слѣдуетъ ли мнѣ оттолкнуть его? За что я оттолкну его любовью? Слѣдуетъ ли оскорблять его, когда я до сихъ поръ еще дорожу его дружбой?

— Не слѣдуетъ, угрюмо отвѣтилъ учитель.

— Зачѣмъ же ты не хочешь ссавать мнѣ дружескаго слова? Неужели ты думаешь, что мнѣ легко смотрѣть на твое страданіе?..

Гребцовъ горько усмѣхнулся. Непримируемая, беспощадная злоба закипѣла въ его груди; порывисто раздѣвались его ноздри и, задыхаясь, кусалъ онъ губы... Послышались горькія, тихія рыданія Катерины Александровны... Гребцовъ всталъ и быстро вышелъ изъ комнаты. И досада, и обида, и злость сверкали въ его кровью налившихся глазахъ, сказывались въ каждомъ его движеніи.

VIII.

Гребцовъ пришелъ въ свою квартиру измученный, блѣдный и злой. Сильно рвануль онъ дверной замокъ, и до того у него дрожала рука, что онъ не скоро отперъ его.

Сталь Гребцовъ зажигать свѣчу—вспыхнула спичка, переломилась, погасла и упала на полъ. Гребцовъ устало взглянулъ на нее, усмѣхнулся, облокотился на выступъ печи, положилъ лобъ на ладонь и, тяжело дыша, стоялъ съ веробкой спичекъ въ рукѣ, пока не почувствовать, какъ сильно и быстро бились жилы подъ его влажной ладонью.

— Тьфу! подумалъ онъ. Болѣвнъ, что ли, еще схвачу какуюнибудь?

Зажегъ онъ свѣчу, прошелъ въ другую комнату, остановился надъ письменнымъ столомъ, посмотрѣлъ на книги, и опять невыносимо стало ему.

Было время, когда онъ жадно брался за дѣльную книгу, просиживалъ за нею цѣлыя ночи, и глубоко было его наслаждение, когда, окончивая ее, чувствовалъ онъ, что свѣтлѣе стала его взгляды на жизнь и людей, что понятнѣе сдѣлалась для него и его собственная жизнь, и жизнь природы; было время, когда онъ весело и спокойно принимался за всякое дѣло, гдѣ, по его мнѣнію, слѣдовало принять участіе. И теперь, когда невыносимо-тяжело стало ему отъ мыслей, возбужденныхъ его любовью, когда онъ замѣтилъ, что эти мысли тяжело отзывались на всемъ его организмѣ,—онъ сознательно рванулся къ работѣ, за которой можно было бы отдохнуть его мозгу, измученному односторонней дѣятельностью.

Долго Гребцовъ сидѣлъ за своимъ столомъ надъ раскрытой книгой, перечитывалъ каждую фразу два-три раза, но понималъ прочитанное плохо, и по прежнему было ему невыносимо-тяжело и горько, — по прежнему *преобладающей* мыслью въ немъ была мысль о его жалкой любовной исторіи. Стиснулъ онъ зубы, захолопнулъ книгу, оттолкнулъ ее отъ себя и отынулся къ спинкѣ стула.

— Къ Давиду развѣ отправиться пѣшкомъ? провѣтриться стати...

Онъ апатично посмотрѣлъ на окна и повѣсилъ голову.

— Что я тамъ стану дѣлать? Какая радость-то?

Не было, значить, не нашлось ни одной мысли, которая заставила бы его забыть исторію любви; не было, значить, никакого дѣла, за которымъ можно было бы отдохнуть и успокоить измученный мозгъ.

Злость и горечь взяли Гребцова.

— Вздоръ, думалъ онъ:—проживу и безъ нея.... Звѣремъ стаду, а проживу; не вспомню...

Всталъ онъ и быстро началъ ходить по комнатѣ.

— И пропадай теперь, значить, моя лучшая радость; не намъ видно, наслаждаться любовью, да семейнымъ счастьемъ...

Дрогнули его сжатые губы, болѣзненно сжались глаза и опять невыносимая тоска овладѣла имъ.

— Будь ты проклята, жизнь, будь ты и любовь проклята! — подумалъ онъ и бросился на кровать лицомъ къ подушкѣ, а слезы такъ и хлынули изъ его глазъ...

«Вдоль да по улицѣ, вдоль по широкой

«Добрый молодецъ идетъ.

Запѣлъ на улицѣ Володька и мѣрно, въ тактъ своей пѣснѣ, простучалъ въ ставень.

— Вставай, молодежь! крикнулъ онъ и опять запѣлъ и замаршировалъ, въ тактъ своей пѣснѣ, къ воротамъ...

Залаяла собака, хлопнула жалитка, застучалъ Володька своими сапогами въ сѣняхъ, а Гребцовъ повернулся лицомъ къ потолку и апатично слушалъ.

— «Благоденствіе и мѣрное житіе», сказалъ Володька, входя въ комнату. — Добраго здравія и всякихъ коврижекъ желаю на лѣта многія. Съ тобой что, философъ? спросилъ онъ, останавливаясь передъ кроватью Гребцова.

— А что? — апатично спросилъ Гребцовъ.

— Некрасивъ. Покойники бываютъ красивѣе тебя.

Гребцовъ усмѣхнулся.

— Ты, братъ, мокрый? — равнодушно спросилъ онъ, помолчавъ. — Видно, хляби небесныя и земныя на тебя вліяли? —

— Вліяли, братъ.

— А плаща, видно, тебѣ ненужно?.. Въ омовеніи нуждался?..

— Плаща-то? переспросилъ Володька и отправился къ столу за папирсой. — Но селамъ спать, по деревнямъ спать, всѣ люди спать! торжественно и съ глубокимъ чувствомъ декламировалъ онъ; одна баба не спитъ, на моей шкурѣ сидитъ, ибо я заложилъ мою шкуру, т. е. мой плащъ, бабѣ въ кабакъ; слѣдовательно, плаща у меня нѣтъ; а такъ какъ въ атмосферѣ совершается орошеніе земныхъ жилъ, стогнонь, людей и всѣхъ иныхъ бродячихъ подъ небомъ свотовъ, то я и мокръ поэтому.

Гребцовъ апатично слушалъ и не было теперь въ немъ ни злости, ни горечи, а просто овладѣла имъ сильная усталость и чувствовалось лихорадочное состояніе.

— Станешь ты за мной ухаживать, когда я заболѣю? — спросилъ онъ апатично.

— Гмъ! — отвѣтилъ Володька, съ недоумѣніемъ поглядывая на Гребцова.

— Станешь или нѣтъ? — повторилъ Гребцовъ, вставая и садясь къ столу.

— Не понимаю, братъ, что съ тобой дѣлается. — Подозрѣваю, что ты или, просто на-просто, захворалъ по волѣ божьей, или тебя передернуло что-то.

Гребцовъ тяжело вздохнулъ.

— Передернуло, братъ, — сказалъ онъ мрачно и пристально посмотрѣлъ на Володьку.

— Ты, братъ, догадывался, что у меня любовь была?

— Зналъ.....

— Зналъ ли, что честная, горячая была моя любовь?

— Зналъ.....

— Догадывался ли, что она всю мою жизнь освѣтила, что дышала она въ каждомъ моемъ словѣ?

Володька кивнулъ головой.

— Ну, такъ знай же ты и то, что пропала моя любовь, погибла любовь!

Слезы слышались въ голосѣ Гребцова и болѣзненные судороги бѣгали по его лицу.

У Володьки сердце облилось кровью при взглядѣ на этого желѣзнаго человѣка, чуть не рыдавшего теперь отъ невиносимой боли.

— Какъ такъ? спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ и сѣлъ на кровать.

— Такъ..... она уѣхала, потому что ея присутствіе желательно было ея старому, страдающему другу.—

Володька зло выругался.

— Чего ты ругаешься?.. Глухо, братъ, тихо сказалъ Гребцовъ: — развѣ она виновата?

— Она...

Гребцовъ разсмѣялся.

Онъ задумался и долго думалъ, и горькія мысли налетѣли на него. Закипѣла злорада, тоска, начали иронически подергиваться его губы. Заговорилъ онъ, наконецъ, съ своей безпощадной ироніей и притихъ передъ ней бѣдный малый Володька.

— Ну, давай же, милый человѣкъ, умомъ испытующимъ дѣйствовать. Въ послѣднее время смотрѣлъ я на міръ (божій прямо и честно, не придерживаясь никакихъ мечтаній, и высказывалъ сужденія вполне человѣческія.—Такъ?

— Такъ!

— Это вѣрно... Говорилъ я, что привязывать неразрывно чужую жизнь къ своей жизни не слѣдуетъ. — Говорилъ вѣдь?

— Говорилъ.

— И это было непритворно говорено; я былъ тогда убѣж-

демъ и теперь даже убѣжденъ, что такъ и слѣдуетъ дѣйствовать... Сважи же ты мнѣ, милый человѣкъ, отчего вотъ теперь вздумалъ я приковать къ своей жизни чужую жизнь, отчего, когда эта чужая жизнь думаетъ идти своей вольной дорогой, для меня точно мiръ разрушился, точно заразился я какой-то странной болѣзью, отъ которой у меня болятъ сердце, грудь, болятъ важныя нервы, каждый суставъ моего тѣла?

— Не понимаю .

— Вѣдь, по моему убѣжденію, такъ и слѣдовало ей поступить?

— Слѣдовало.....

— Отчего же я чувствую себя обиженнымъ, оскорбленнымъ, обманутымъ, и, чертъ знаетъ, чѣмъ,—когда я самъ знаю, что она поступила такъ, какъ и слѣдовало поступить честному человѣку?

— Голова, значить, противорѣчитъ чувствамъ.

Гребцовъ бѣшено поднялся.

— А! заговорилъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ....— Такъ значить, что я могу быть убѣжденнымъ въ безобразіи мордобитія, съ пафосомъ проповѣдывать о безобразіи мордобитія и въ то же время заѣзжать своему ближнему въ рожу?.. Могу съ полнымъ убѣжденіемъ негодовать противъ воровства и залѣзать своему сосѣду въ карманъ? Такъ что-ли?

— Ну, это иное дѣло!

— Врешь, оно самое и есть, — горько сказалъ Гребцовъ, порывисто бросилъ папиросу и опять легъ на кровать.

Настало молчаніе.

— Дьяволы, дьяволы!—горько ругался Гребцовъ, ворочаясь на кровати.

— Что?

— Дьяволы, я говорю...

— Кто?

— А, братъ, вся жизнь дьявольская!... Голова чувствамъ противорѣчитъ! И выходитъ, милый человѣкъ, что измышленія умныхъ людей только мои мозги шевелятъ, а въ плоть и кровь мою не входятъ. Въ плоть и кровь мою вошли не измышленія умныхъ людей, которыхъ, еси-богу же, мало; а пропаганда лицъ, окружающихъ мою колыбель,

грязныя мыслишки моихъ дорогихъ ближнихъ и непроходимая ерунда поэтическая, склеенная изъ идеаловъ всякихъ чувствъ и семейнаго тиранства, прикрытаго научными прелестями... Страшнымъ деспотомъ выглянулъ я въ этомъ дѣлѣ! Экая, братъ, благодать! Экая натура моя богатая, такою умъ могучій!

Гребцовъ злобно расхохотался и опять принялся расхаживать по комнатѣ.

— Вотъ что, милый человекъ — я, еще будучи щенкомъ невиннымъ, когда въ книгахъ меня картинки больше всего занимали, въ то еще время въ уголку за дверью, обнимался, цѣловался и всякіе амуры творилъ съ такимъ же щенкомъ пола женсваго. Вонъ еще когда въ меня идеализмъ-то запускали, настроивали нервы на любовныя впечатлѣнія!.. Еще въ то время, когда я, сидя въ школѣ, не видалъ ни одной женщины близко, — въ то время строилъ я, подѣ влияніемъ всякихъ поэтическихъ книжекъ, романы любовные, разрисовывалъ своимъ молодымъ умомъ разныя картинки нѣжныя! Такъ вотъ, братъ, изъ какого посява разумнаго развивались ткани моего характера. Вонъ еще гдѣ причины того разлада между мыслью и чувствомъ, который ощутилъ я теперь! По крайней мѣрѣ, теперь знать буду, чѣмъ я обязанъ этой жизненной школѣ.

— Среда, значить, тебя заѣла? сказалъ Володька.

— Ну, это ужъ пустяки, милый человекъ, гордо отвѣтилъ Гребцовъ. Ткнулся я носомъ теперь въ живыя, а не въ теоретическія жизненныя отношенія—ну, и сталъ въ тупикъ; за то ужъ въ другой разъ такой гадости постараюсь избѣжать; съумѣю приложить къ своей жизни разумныя понятія. Жить разумнѣе стану—закалюсь и не окажусь заѣденнымъ.

Гребцовъ замолчалъ, и страшная усталость и тоска объ отравленныхъ радостяхъ овладѣли имъ. Долго шагаль онъ по своей комнатѣ, скрестивъ на груди руки и понуривъ голову.

— Ну, братъ, сказалъ онъ наконецъ, остановившись передъ Володькой:—эту глупость надо поправить. Надо разуму вступить въ свои права и повязать средѣ шашки. Завтра отправлюсь провожать Катерину Александровну и, по возможности, поправлю дѣло.

Ш. Холодецъ.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.)

ЖЕНСКОЕ БЕЗДѢЛЬЕ.

(Посвящается прекрасному полу.)

III.

Изложивъ теорію непрерывнаго труда, я возбудилъ непремѣнно враждебныя мысли къ такому нелѣпому и смѣшному ученію,—но не въ васъ, читательница, живущая работой и собственными руками добывающая себѣ честное, хоть и можетъ быть, и очень слудное существованіе. Вы не скажете, что я говорилъ глупости, потому что вы знаете, что значить трудъ, какое высокое наслажденіе быть честнымъ работникомъ, совнавать себя независимымъ и не считать себя лишнимъ на землѣ. Не возбуждалъ я неудовольствія и въ васъ, моя юная читательница и, можетъ быть, кисейная барышня, потому что хотя вы и не дѣлаете ровно ничего полезнаго и ни разу въ жизни не являлись вамъ вопросъ, кто именно трудится для того, чтобы къ вашему обѣду сметались жареные рябчики и куропатки, чтобы къ вашему чаю являлись вкусныя булки и жирныя сливки, чтобы къ пикникамъ и къ танцевальнымъ вечерамъ приносилась вамъ разныя бальныя обновки, и вообще кто устраиваетъ жизнь, для васъ веселую; но я знаю, что вы дѣвушка прогрессивная: это значить, что у васъ честная и умная натура; что если вамъ не явятся никогда никакіе дѣльные вопросы, то это только потому, что вы не встрѣтились еще ни разу ни съ однимъ умнымъ человекомъ, ни съ одной умной книжкой; что все окружавшее васъ было тупой, закрывавшей толстымъ слоемъ все, что природа дала вамъ хорошаго, и не позволяло этому хорошему пробиться наружу. Я знаю также, что, не смотря на всѣ удобства, которыми

вы окружены, не смотря на покойную и разбѣнную жизнь, вамъ все-таки не весело и на душѣ у васъ не легко. Вы считаете, что вамъ хорошо только потому, что вы не видѣли никогда ничего лучшаго, какъ человѣкъ, лакомявшійся только качарыжками, не имѣетъ понятія объ ананасѣ. Но, среди воображаемыхъ вами радостей, къ вамъ являются минуты непонятнаго для васъ неудовольствія или, какъ выражаются поэты, душевной пустоты, и вамъ хочется чего-то другого, а не того, чѣмъ вы пользуетесь. Чѣмъ чаще посѣщаютъ васъ минуты такого неудовольствія, тѣмъ очевиднѣе, что вы не тамъ, гдѣ вамъ нужно быть, и что вы дѣлаете не то, что вамъ дѣлать слѣдуетъ. Въ васъ сказывается ваша хорошая натура и ваши тонкіе нервы не удовлетворяются впечатлѣніями, которыя приподносятъ вамъ окружающая васъ тупая и грубая жизнь. Поблагоприятствуютъ вамъ обстоятельства, т. е. встрѣтитесь вы съ хорошимъ и умнымъ мужчиной—вы спасены, и въ одинъ мѣсяць совершите въ васъ такой поворотъ, что вы переверните окончательно со всѣмъ своимъ прошлымъ и начнете перерабатывать себя... не встрѣтите ни одного умнаго человѣка, ни одной дѣльной, руководящей книги, и ваши нравственные неудовольствія кончатся пощениною; примиритесь вы со всемъ, что васъ не удовлетворяло прежде, и съ тупымъ смиреніемъ, подчинившись своей судьбѣ, вы превратитесь въ мать семейства, способную только варить манную кашу для своихъ дѣтей и воспитывать въ нихъ ту же тупую поворность, которая и въ васъ убила все человеческое, со всѣми его благородными порывами и стремленіями. Когда вы дойдете до этого мертвящаго состоянія, тогда вы одѣлаетесь неспособны не только читать, но и думать о чемъ бы то ни было, и, слѣдовательно, и совершенно застрахованы отъ вашего неудовольствія или удовольствія; но пока вы еще прогрессивная дѣвушка, вы согласитесь со мной, я это знаю.

Но есть и такія читательницы-дѣвицы, въ которыхъ нѣтъ ничего кисейнаго. Это сортъ особенный, выработывающій всю житейскую пустоту, съ ея злобностью противъ всего хорошаго и полезнаго, съ ея тупостью, недонускающей ни одного шага впередъ. Этотъ почтенный сортъ созданъ преимущественно для того, чтобы отравлять жизнь порядочныхъ людей и, слѣдовательно, укрѣплять въ нихъ стремленіе къ прогрессу и силы на борьбу. Дѣвствуя для себя, онѣ дѣйствуютъ противъ себя. Пока дѣвушки этого сорта еще

молоды, въ нихъ есть порывы къ умной жизни и способность къ порядочности; по порывы и способности слабы, такъ что, при тупой обстановкѣ, очень рано, даже около 20 съ небольшимъ лѣтъ, для нихъ наступаетъ періодъ той умственной неподвижности, которая дѣлаетъ изъ нихъ переходъ къ низшему человѣческому типу. Если такое злое существо выйдетъ замужъ, оно дѣлается мучителемъ мужа и дѣтей и руководителемъ или однимъ изъ главныхъ голосовъ общественнаго мнѣнія своего кружка, т. е. такихъ же дурь, какъ она сама. Если же она остается старой дѣвой, то превращается въ злючку, живетъ только сплетнями и пересудами и, высяхая пошемному, обращается, наконецъ, въ подобіе египетской муміи, съ той только разницей, что муміей можно топить печку, а это деревянное существо не годится даже и на дрова. — Рѣчь моя жестка и не поправится тѣмъ, кто привыкъ къ красивымъ словамъ и къ салоннымъ выраженіямъ. Но я говорю не о формѣ, а о сущности дѣла; о дурной же сущности говорить иначе нельзя. По манерамъ и по формѣ жизни, благовоспитанныя злючки мало отличаются отъ хорошихъ людей, такъ что человѣкъ, мало наблюдательный, принимаетъ ихъ обыкновенно не за то, чѣмъ онѣ дѣйствительно бываютъ. Но если со злючки снять ея салонныя украшенія, стереть ея пріятныя улыбки, то окажется, что въ этомъ деревянномъ тѣлѣ такого же дерева нервы, такого дерева мозгъ. Этотъ человѣческій остовъ отличается безопасностью своихъ приговоровъ и неумолимостью сужденій. Несчастье тѣхъ, у кого недостаетъ силы не бояться этой безопасности и неумолимости; хорошая дѣвушка, находящаяся въ эконолической зависимости отъ мумій и отъ благодушныхъ дурь, думающихъ деревянными мозгами злючекъ, и неимѣющая довольно энергіи, чтобы, всвидѣтельствовать имъ свое почтеніе, бросить ихъ навсегда, — погибнетъ нравственно, какъ погибли уже миліоны людей, засосавшихъ этой тinou. Не спасетъ тутъ ни умный мужчина, ни умная книга. Слабый человѣкъ будетъ только охать и плакать, и жаловаться на свою судьбу, но у него никогда не достанетъ силы высечь изъ болота на сухой, зеленый лугъ, хотя онъ и знаетъ, что на лугу будетъ счастливъ. Энергическимъ дѣвушкамъ лучше, потому что онѣ идутъ тѣмъ путемъ, который былъ всегда единственно вѣрнымъ и такимъ же останется впередъ. Притѣсняютъ только того, кто позволяетъ себя притѣснять. Вѣдь злючекъ не притѣсняютъ; а отчего? — Оттого, что въ нихъ всегда много энергіи.

Держитесь ихъ системы и платите имъ тою же монетою. Конечно, если у васъ нѣтъ энергій, — платить вамъ нечѣмъ и сильная злочка одолѣетъ васъ; но сдѣлайте опытъ неуступчивости и выдержите его до конца, и вы увидите, какъ злочка смирится передъ вами и какъ вамъ будетъ это пріятно. Побѣда всегда радуешь. Нѣтъ такой силы, которая могла бы устоять противъ силы большей; если васъ жмутъ, то только потому, что вы, какъ тѣсто, расплзаетесь въ тискахъ. Величайшій знатокъ челоуѣческаго сердца сказалъ еще очень давно: «оттого вы со мной и дерзки, что я кротокъ.»

Не смотря на этотъ мудрый афоризмъ, приведенный мною въ поученіе вроткой читательницѣ, я самъ какъ разъ хочу дѣйствовать иначе. Я знаю, что злочки и муміи, къ какому бы полу онѣ ни принадлежали, найдутъ все, что я говорилъ въ первой статьѣ и что буду говорить въ этой, пустыми словами, мечтами, теоріей, умозрѣніями, или какъ имъ тамъ заблагоразсудится, — однимъ словомъ, чѣмъ-то никому негоднымъ. Я знаю также, что онѣ обвинять во всемъ лично меня, какъ творца всѣхъ этихъ непригодностей. Но мнѣ будетъ весьма прискорбно, если люди, даже этого почтеннаго сорта, посрамятся невѣжествомъ, потому что всякое посрамленіе, какого бы оно ни было рода, всегда нехорошо, даже со стороны. Чтобы этого не могло случиться, я открою своимъ порицательницамъ одинъ неизвѣстный имъ, но чрезвычайно важный литературный секретъ. Не обвиняйте, почтенные люди, въ умозрительности тѣхъ, чьи понятія и знанія не сходятся съ вашими, кто, по вашему мнѣнію, является разрушителемъ завѣтныхъ преданій и той древней сути, на которой, какъ на трехъ китахъ, покоится все наше семейное и общественное міросозерцаніе. Люди, докладывающие вамъ, что земля держится не на трехъ китахъ, конечно, причиняютъ вамъ непріятность; но вы несправедливо изливаете на нихъ свою злобу, потому что вся вина ихъ только въ томъ, что ихъ умственный взглядъ чище и дальше вашего. Физически-слѣпые не сердятся на зрячихъ и близорукіе — на людей видящихъ хорошо; за что же вы-то сердитесь на тѣхъ, кто вѣрнѣ васъ судить о вещахъ и легче понимаетъ, что дважды два — четыре? Но вы говорите другое; вы утверждаете, что именно зрячіе только вы одни, — всѣ же остальные заблуждаются. Въ такомъ случаѣ, обратите вниманіе на то, что на свѣтѣ существуетъ одна штука, называемая наукой, и что всѣ тѣ, кто позволяетъ себѣ смѣлость отвергать вашихъ трехъ китовъ, говорятъ только то, что говорятъ

эта наука. Люди эти не сочиняютъ ничего своего; они только раз-
виваютъ, разъясняютъ на разные лады и въ примѣненіи къ раз-
нымъ вопросамъ то, что уже давно порѣшено современнымъ зна-
ніемъ и давно извѣстно людямъ, читавшимъ что нибудь порядочное.
И про васъ нельзя сказать, чтобы вы дошли до всего своимъ умомъ;
для васъ такая работа труднѣе, чѣмъ для кого-либо; и у васъ есть
тоже знанія, но ваши знанія не восходятъ выше знаній приходскаго
училища и понятій времени патріарха Шикона. Если вы не согласны
съ мыслями, излагаемыми къ нибудь изъ непризнающихъ вашихъ
трехъ нитовъ, то не посрамляйтесь, дѣлая личныя нападки на ав-
тора, а нападайте на тѣ знанія, которыя онъ высказываетъ, раз-
виваетъ или примѣняетъ. Не нравятся ли вамъ примѣненіе поло-
женій экономической науки къ разнымъ вопросамъ жизни, оставьте
въ покоѣ автора, ищущаго статью, а нападайте на науку, пред-
ставителемъ которой онъ является; доказывайте, что дичь вся со-
ціальная экономія. Ну, что вамъ за охота ратоборствовать съ од-
нимъ человѣкомъ; то ли дѣло одержать побѣду надъ цѣлою огром-
ной массой мыслящихъ людей, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе
трудятся надъ исканіемъ истины и, наконецъ, нашли ее; то ли дѣло
опрокинуть все зданіе—и почетно, да и мраку выйдетъ много; а вѣдь
вамъ только этого и нужно! Что же касается до автора, то вы
сдѣлаете лучше всего, если, не поднимая полемической бури, во вся-
комъ случаѣ, вредной для вашего здоровья и только портящей цвѣтъ
вашего лица, докажете, что онъ сдѣлалъ невѣрное примѣненіе или
примѣненіе своихъ знаній. Автору, конечно, сдѣлается стыдно, а вамъ,
побѣдительницѣ, — почетъ. При той же системѣ, которой вы
держитесь нынче, всякія нападки на автора доказываютъ только то,
что вы не знаете той науки, которой онъ слѣдуетъ; что вы при-
нимаете его за выдумщика того, что онъ говоритъ; тогда какъ онъ
не выдумываетъ равно ни одной изъ тѣхъ основныхъ истинъ, ко-
торыя развиваетъ. Понимаете ли теперь, какую роль вы разыгры-
вали до сихъ поръ? Если понимаете, то не посрамляйтесь впередъ
и лучше молчите, потому что это для васъ выгоднѣе: люди подумаютъ,
что вы кое-что читали и кое-что знаете; если же не пони-
маете, то Богъ съ вами—сидите въ своемъ болотѣ; но не претен-
дуйте на порядочность; кромѣ того, знайте, что и всѣ, кто къ вамъ
ходитъ, чтобы проводить съ вами время,—люди тоже глуповатые.
Я знаю, что все, что я говорю, васъ не убѣждаетъ,—да вѣдь, что

же съ вами дѣлать; впрочемъ, я говорю совѣмъ не для того, чтобы научить васъ думать правильно—это невозможно; я говорю я это въ сущности не для васъ, а для тѣхъ, надъ кѣмъ вы забрали власть, кто, по молодости или вслѣдствіе загона, еще слушаетъ васъ: пусть эти неоперившіяся еще дѣвушки знаютъ, что вы люди непорядочные и что васъ слушать не слѣдуетъ; что вашего общественного мнѣнія бояться пенужно, потому что это мнѣніе людей нехорошихъ, людей никогда недумавшихъ, ничего нечитавшихъ.

Какъ мнѣ ни непріятно, что я возбуждаю непримиримую къ себѣ ненависть того сорта читательницъ, которому приподношу подобныя комплименты, но мнѣ будетъ еще непріятнѣе, если онѣ перетолкуютъ въ свою пользу хоть одно мое слово. А мнѣ представляется подобная возможность въ вопросѣ о непрерывномъ трудѣ. Мумія, какъ вамъ извѣстно, обыкновенно вяжутъ чулки, карпетки, полушарчатки, тамбурныя салфетки и т. п. и очень гордятся этимъ. Онѣ говорятъ, что не могутъ сидѣть, сложа руки, и проводить время правдою, и говорятъ это такимъ тономъ и съ такимъ лучезарнымъ лицомъ, точно онѣ читали теорію Прудона. Правда, слышали вы звонъ, да только не знаете, откуда онъ. Прудонъ и всѣ социальные мыслители говорятъ, дѣйствительно, о необходимости труда, да только не такого, какимъ вы занимаетесь. Вашъ трудъ вовсе не трудъ, а правдою. Трудомъ называется полезное для общества дѣйствіе, а какая польза обществу отъ вашей тамбурной салфетки и что оно проиграетъ, если этой салфетки совѣмъ не будетъ на свѣтѣ? Я не знаю, дѣйствительно ли нужны для благоденствія рода человеческого тамбурныя салфетки, но допускаю, что онѣ нужны, потому что онѣ существуютъ. Въ такомъ случаѣ, ясно вотъ что: ваши разнородныя вязанья не составляютъ для васъ куска насущнаго хлѣба: будете ли вы ихъ произвести, или нѣтъ—съ голоду вы не умрете, потому что все, чѣмъ вы пользуетесь, добывается для васъ другими. Вашъ трудъ — прихоть, ибо смолоду намъ натолковали, что нужно работать, а не сидѣть сложа руки, ибо «правдою есть мать всѣхъ пороковъ». По своей воображаемой безукоризненной правдивости, вы очень боитесь порока, не смотря на то, что не имѣете ровно никакого понятія о томъ, что нравственно и что безнравственно, что порочно, что непорочно. И вотъ вы держитесь теоріи непрерывнаго труда, и не только занимаетесь вязаньемъ дома, но даже тащите свой клубокъ и иголки въ гости и

исполните такъ пальцами часовъ до 11—12 вечера. Вы называете это трудомъ и добродушно думаете, что застраховываетесь отъ правды и неразлучной съ нею дочерности. О добродушныя вазальщицы и штопальщицы! Попросите умнаго человѣка разъяснить вамъ, какого рода мысли живутъ въ вашихъ головахъ въ то время, какъ вы застраховываете себя такъ усердно противъ порока, и вы увидите, что у васъ нѣтъ другихъ мыслей, кромѣ порочныхъ и безправственныхъ; все, что вы ни думаете, все, что вы ни дѣлаете, есть вредъ, вредъ и вредъ; ваше сухое, деревянное сердце точитъ изъ себя только жолчь; вы постоянно злобитесь на всѣхъ, кто умнѣе и моложе васъ, кто хочетъ жить своимъ умомъ, а не вашимъ; для васъ не существуетъ наука и знаніе, и мысли передовыхъ людей жолтятъ вамъ глаза. Ну, а это-то все и есть безправственность. Если, такимъ образомъ, вашъ непрерывный трудъ не спасаетъ васъ отъ порока, если вы живете на всемъ готовомъ и другіе доставляютъ вамъ все необходимое для вашего матеріальнаго благосостоянія, если отъ связанной вами пары чулокъ родъ человѣческій ровно ничего не выигрываетъ, о чемъ же вы хлопочете? Чѣмъ вы гордитесь? Какая отъ васъ польза? Вы не только не приносите пользы—вы приносите вредъ, потому что то, что вы вѣжете, ради развлечения и предохраненія себя отъ порока, могли бы вязать люди, которымъ трудъ служить кускомъ насущнаго хлѣба; лишая ихъ этого труда, вы лишаете ихъ хлѣба. Если вы хотите гордиться своимъ трудомъ—поступайте такъ, какъ поступаютъ женщины изъ престонородья, занимающіяся вязаньемъ, какъ ремесломъ: продавайте пару чулокъ за 18—20 н. изъ вашихъ нитокъ, или берите за работу 3 н. съ пары. Но это вамъ обидно; вы, благородная старая дѣва, у которой есть служанки и кучера, вы можете имѣть хлѣбъ, не добывая его своими руками; въ такомъ случаѣ, я повторю вамъ опять: сидите омирно въ своемъ муравейникѣ и молчите; вы меньше, чѣмъ кто-либо, имѣете право говорить, а тѣмъ болѣе осуждать кого-нибудь или толковать объ умѣ и нравственности. Ваша теорія непрерывнаго труда —пустословіе и празднословіе, какъ и все, что вы ни говорите и что вы ни дѣлаете. Послушайте, какъ долженъ быть организованъ трудъ, и вы согласитесь, что правда на сторонѣ науки, а не на вашей сторонѣ. Но наука не ошибается; значитъ, ошибаетесь вы. Если же вы не хотите ошибаться, а хотите жить правдой, то поступайте такъ, какъ говоритъ экономическая теорія; а для этого

вамъ нужно думать и поступать иначе, чѣмъ вы думали и поступали до сихъ поръ. Можете вы извиниться — вы вступите въ ряды прогрессивныхъ людей; нѣтъ — будете составлять армию отсталого человечества.

Познакомьтесь съ теоріей социально-экономической науки, и, при помощи только самой маленькой сообразительности и способности находить аналогіи, вы постигнете всю главнѣйшую сущность всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ; вамъ откроется вся общественная правда и неправда; вы узнаете, чѣмъ больно человечество, чѣмъ оно можетъ вылечиться; вы узнаете, отчего страдаете и вы сами, и почему вы больны, и при какихъ условіяхъ вы станете здоровы.

До сихъ поръ я говорилъ только о трудѣ и буду говорить о немъ много. Но я говорилъ о трудѣ вообще, какъ о необходимомъ элементѣ матеріальнаго благосостоянія и матеріальнаго довольства человечества. Вы знаете, что все, чѣмъ живутъ люди, создается ихъ трудомъ; вы знаете, что общее благосостояніе возможно только тогда, когда будетъ трудиться всякій человекъ безъ исключенія — трудиться полезнымъ, производительнымъ образомъ, а не забавляясь на счетъ бѣднаго работника. — Но человекъ живетъ не одинъ; въ общества ему жить невозможно. Даже Робинзону Крузе стало жить легче, когда онъ обзавелся Пятницей. Между тѣмъ, у Робинзона жизнь была простая, несложная. Одевался онъ въ звѣриныя кожи, ходилъ босикомъ, ѣлъ коренья. Такъ просто живутъ только дикари. По мѣрѣ развитія потребностей, развивается и экономическій бытъ. Это значить, что вмѣсто десяти вещей, которыми удовлетворялись Робинзонъ и Пятница, приготовляя всѣ эти десять вещей своими собственными руками, людямъ становятся нужны уже сотни вещей, и Робинзону съ Пятницей своими руками ихъ не приготовить. Въ этомъ случаѣ, наступаетъ пора раздѣленія труда. Обратите вниманіе на экономическую сложность вашей жизни, и вамъ станетъ совершенно ясно, какой экономической порядокъ долженъ установиться въ раздѣленія труда. Посмотрите, что вамъ надо за чашку, за кофе, за обѣдомъ. Робинзонъ и Пятница, когда чувствовали голодъ, отправлялись въ свой огородъ, вырывали въ немъ какую нибудь рѣпу, шли въ лѣсъ, ловили дикаго вола, застрѣли на пальму, срывали кокосъ и затѣмъ всѣ эти драгоценности поглощали въ ихъ простѣйшемъ видѣ: рѣпу и кокосъ сырыми, а

когда на манеръ провиннаго англійскаго бичштакса. Жить по способу Робинзона вѣтъ, конечно, неудобно и невозможно. Вамъ доставляется чай, шоломичъ, безъ особенныхъ затрудненій въ какомъ нибудь магазинѣ съ Невскаго проспекта или Кузнечскаго моста. Но не такъ просто получить чай въ магазинѣ, какъ онъ попадается въ вашу чайницу. Населеніе пѣсьвольныхъ огромныхъ провинцій огромнаго государства занимается специально возвращеніемъ и приготовленіемъ этого растенія; тысячи извозчиковъ и судовщиковъ везуть его сухимъ путемъ и рѣками до главныхъ торговыхъ центровъ своей страны, гдѣ опять сотни европейскихъ купцовъ покупають его, грузять въ корабли или наваливаютъ на повозки и отправляютъ въ европейскіе торговые центры; едѣсь опять являются новые купцы, но уже не сотни и не тысячи, а десятки тысячъ; едѣсь являются опять и новые возницы, судовщики, рабочіе для грузовъ и выгрузки, дорожные приказчики; являются, накопецъ, купцы большихъ чайныхъ магазиновъ и мелкихъ торговцевъ, продавцы чая для васъ; моя богатая читательница, и особые продавцы для бѣдной старушки-вдовы, покупающей его флотскими. Чай, вароченный, высушенный и приготовленный въ одной части свѣта, при посредствѣ сотенъ тысячъ людей, занимающихся каждый своимъ дѣломъ, расходится по городамъ, городкамъ, селамъ, деревнямъ всей Европы и Америки. Ну, могли ли бы сдѣлать подобную штуку Робинзонъ Крузе и Пятница, предполагая даже, что одинъ бы шилъ въ Китаѣ, а другой въ Европѣ? Конечно, нѣтъ. Чтобы дѣло шло въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. именно въ томъ, какъ оно дѣлается, и чтобы чай попадалъ въ вашу чайницу съ тѣми удобствами, съ какими онъ попадаетъ теперь, нужно непременно, чтобы многочисленныя отдѣльныя группы людей занимались многоразличными манипуляціями возвращенія, приготовленія чая, приготовленіемъ для него ящиковъ, упаковкой, перевозкой сухимъ путемъ, моремъ, сплавомъ по рѣкамъ, опять выгрузкой, продажей, покупкой и распродажей. И все это въ нѣсколькихъ частяхъ свѣта. Будь все это иначе, т. е. тѣ же самые китайцы, которые возвращаютъ и готовятъ чай, сами бы упаковывали его, сами бы развозили до корабельныхъ пристаней, сами бы доставляли въ Европу и едѣсь, развозя повсюду, сами бы его и распродавали въ городахъ и деревняхъ и, распродавъ все, снова бы отправлялись домой, чтобы снова повторить ту же исторію, то чай, за который вы платите теперь два рубля, стоилъ бы тогда шесть.

Я выразился такъ для наглядности, и если это вышло ненужно, то смыслъ для васъ въ такомъ видѣ понятнѣе. Научный смыслъ въ томъ, что при томъ способѣ производства и распредѣленія чая между потребителями, какой существуетъ нынче, производится гораздо меньше затраты силъ и меньшій расходъ труда, выражающійся нагляднымъ для васъ образомъ въ томъ, что вы платите за фунтъ два рубля; но если бы тѣми же самыми операціями стали заниматься сами производители чая, то трата силъ вышла бы значительно большая и за излишекъ труда вамъ пришлось бы заплатить лишнихъ четыре рубля. Такой распорядокъ занятій, при которомъ отдѣльные люди занимаются отдѣльными дѣлами, приводящими къ одному общему результату, называется раздѣленіемъ труда.

Тѣмъ, что вы пользуетесь въ своей цивилизованной жизни такими разнообразными матеріальными удобствами, начиная съ пренелевыхъ ботинокъ, которыхъ тоже не зналъ Робинзонъ, и до вапороваго баднаго платья и золотыхъ съ эмалью женеvскихъ часовъ, вы обязаны исключительно системѣ раздѣленія труда, при которой одни люди дѣлаютъ одно, другіе другое, третьи третье. Только при раздѣленіи занятій возможно довести производства до того совершенства и дешевизны, до которой они доведены нынче. Адамъ Смитъ первый показавъ важность этой формы сочетанія труда и привелъ примѣръ, который съ тѣхъ поръ цитируется всѣми экономическими писателями. Такъ какъ примѣръ этотъ хорошій, то я приведу его здѣсь. Адамъ Смитъ говоритъ о процессѣ приготовленія булавокъ. Процессъ этотъ заключается въ себѣ 18 особыхъ операцій. Одинъ человекъ тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ отръзки, пятый приготовляетъ противоположные концы для головки; затѣмъ слѣдуетъ насаживаніе головокъ, требующее трехъ особыхъ операцій; потомъ бѣленіе, вдавливаніе на бумажку... Я, говоритъ Адамъ Смитъ, видѣлъ маленькую фабрику, на которой работало только 10 человекъ, такъ что имъ приходилось дѣлать двѣ или три разныя операціи. Но хотя они были очень бѣдны и потому инструменты, нужные для дѣла, были у нихъ довольно плохи, они все-таки, когда работали прилежно, могли сдѣлать все вмѣстѣ около 12 фунтовъ булавокъ въ день. Въ фунтѣ считается больше 4,000 булавокъ средней величины. И такъ, эти 10 человекъ могли сдѣлать больше 48,000 булавокъ въ день,—то есть, можно считать, что каждый изъ нихъ, исполняя десятую часть изъ 48,000

булавокъ, дѣлалъ по 4,800 булавокъ въ день. А если бы они работали врозь другъ отъ друга и если бы каждый изъ нихъ не былъ обученъ своему особенному дѣлу, то, навѣрное, всякій изъ нихъ не сдѣлалъ бы и 20 булавокъ въ день,—можетъ быть, не сдѣлалъ бы ни одной».

Приведу еще одинъ примѣръ. Въ часахъ каждая отдѣльная часть готовится особыми рабочими, и чтобы часы явились въ томъ видѣ, въ какомъ вы ими владѣете, имъ нужно пройти 43 операціи. Вотъ перечисленіе этихъ операцій: выдѣлка матеріала для часовъ, приготовленіе ходовъ, приготовленіе колесныхъ скользящихъ, державокъ баланса, зубчатыхъ колесъ, колесъ и зубчиковъ для ходовъ, колесныхъ приборовъ, различныхъ составныхъ частей часового механизма, регуляторовъ, вружинъ, фузей, волосковъ и замочковъ для закрыванія часовъ, цѣпочекъ, балансовъ, стрѣлокъ, колечекъ для часовыхъ корпусовъ, внутреннихъ дощечекъ, дощечекъ для циферблатовъ, покрываемыхъ эмалью, металлическихъ циферблатовъ, росписываніе циферблатовъ, шлифованіе приборовъ для позолоты, позолота, гравированіе, украшеніе часовъ разными фигурами и арабесками, гравированіе буквъ, и проч., и проч. Въ Швейцаріи считается 40,000 человекъ, занимающихся приготовленіемъ часовъ. Они готовятъ въ годъ 1 $\frac{1}{4}$ милліона часовъ, т. е. на каждого мастера приходится ежегодно около 31 часовъ. Но если бы каждый изъ рабочихъ занимался всѣми 43 операціями, то, конечно, онъ едва приготовилъ бы и четверть.

Въ приведенныхъ мною примѣрахъ вы можете усмотрѣть два рода сочетанія труда. Въ приготовленіи булавокъ и часовъ сочетаніе простое, т. е. большее или меньшее число лицъ въ известной послѣдовательности занимаются однимъ общимъ дѣломъ и въ результатъ получается известный предметъ. На фабрикѣ или на мануфактурѣ, на которой готовится матеріалъ для вашего шолового платья, готовятся ленты для вашей шляпки, прюнель для вашихъ багетокъ; — сочетаніе тоже простое. Здѣсь люди видятъ, что всѣ ихъ усилія и весь ихъ трудъ, какъ бы онъ ни былъ изолированъ, направлены къ одному дѣлу, въ результатъ котораго получается или шоловая матерія, или ленты, или прюнель. Если нѣсколько человекъ рубить одно толстое дерево, то хотя каждый изъ нихъ дѣйствуетъ отдѣльно своимъ топоромъ, но они понимаютъ очень хорошо, что трудъ у нихъ общій и на сколько они помогаютъ другъ другу.

Слѣдовательно, при простомъ сочетаніи, безъ всякихъ особыхъ умственныхъ усилій, очевидно сущность и значеніе кооперативнаго труда. Но въ сочетаніи сложномъ это нѣсколько дѣлѣе. Возчикъ, нагружающій свою телегу чайными цѣбуками гдѣ либо въ Казани, чтобы везти чай въ Стерлитамакъ, не имѣетъ ровно никакого понятія о томъ, какой пружиной служить онъ во всей чайной операціи и какое его отношеніе къ китайцу, обрывающему чайные листочки въ Фучанской провинціи поднебесной имперіи. А между тѣмъ, какъ необходимо для стерлитамакскихъ барышень казанскій возчикъ, такъ же необходимо для нихъ и китаецъ Фучанской провинціи. Предположите, что возчики, доставлявшіе до сихъ поръ чай изъ Казани въ Стерлитамакъ, исчезаютъ съ лица земли; очевидно, что стерлитамакскія барышни останутся безъ чая, потому что кто же имъ его привезетъ? Не все ли это равно, какъ если бы исчезли съ лица земли всѣ китайцы Фучанской провинціи? Въ результатѣ у стерлитамакскихъ жителей не было бы тоже чая. Или предположите, что въ уѣздныхъ городахъ исчезаютъ всѣ мелочные чайные торговцы,—кто же станетъ продавать чай и будетъ ли чай въ уѣздныхъ городахъ? Ясно, что для уѣздныхъ городовъ наступитъ такой порядокъ вещей, какъ если бы Китай со всѣми своими чайными плантаціями провалился сквозь землю. Слѣдовательно, какъ въ простомъ сочетаніи, которое въ то же время есть и раздѣленіе труда, каждый рабочій, занимающійся отдѣльной операціей, необходимъ для успѣшности дѣла и для возможности его существованія, такъ точно и въ сочетаніи сложномъ, обнимающемъ цѣлый рядъ, повидимому, самостоятельныхъ операцій, каждая отдѣльная операція необходима для существованія цѣлаго. Выньте въ часахъ какое нибудь колесо, и часы перестанутъ ходить, т. е. результатъ тотъ же, какъ если бы часовъ совсѣмъ не было. Подобнымъ же образомъ связаны между собою всѣ отдѣльные отрасли экономическаго труда и всѣ экономическіе производствы. Надѣвая бальное платье, украшенное лентами, жемчужками, бантами, кружевами, бархатомъ и т. д., вы совсѣмъ и не воображаете, какой передъ вами поучительный матеріалъ для поучительныхъ экономическихъ соображеній. На этомъ платьѣ вы можете понять сущность той экономической солидарности, которая связываетъ человѣка съ человѣкомъ и, наконецъ, весь человѣчскій родъ. Чтобы могло явиться на свѣтъ ваше обламу-подобное платье, нужно было прежде всего, чтобы когда-то, очень давно, жилъ на свѣтѣ Робин-

зодъ Крузе или нечто ему подобно; чтобы у Робинсона явилась жена, чтобы рядомъ съ Робинсономъ поселилась Патница и обзавелся бы тоже женой. Сначала Робинзонъ и Патница, съ ихъ семействами, питались въ сыромъ видѣ волосами и кореньями, и англійскимъ биситерсомъ изъ дикаго козла, и одѣвались въ сырыя кожи. Устроившись хозяйствомъ и обзаведясь достаточнымъ количествомъ волосовъ, всякихъ кореньевъ, козами и козлами, Робинзонъ и Патница, съ ихъ семействами, достигли того экономическаго благосостоянія дикарей, при которомъ является уже досугъ, а слѣдовательно, и возможность умственнаго развитія и стремленія къ улучшенію своего быта. Заручившись этой возможностью, Робинзонъ и Патница начали находить, что прежняя рѣпа, которую они поглощали въ сыромъ видѣ, не такъ вкусна; кокосъ также; что постоянное потребленіе волосовъ, рѣпы и козлятины, наконецъ, наслаждаетъ. И вотъ дикіе люди стали измышлять, какъ бы изъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ приготовить что нибудь повкуснѣе. Подумали—и догадались. Потому точно также имъ перестало нравиться и ихъ козлиное одѣяніе. Однѣ ли жены Робинсона и Патницы занимались соображеніями объ улучшеніи своего туалета, или въ компаніи съ своими мужьями—сказать вамъ положительно не могу; очень можетъ быть, что и вмѣстѣ; послѣднее даже вѣроятнѣе, и я расположёнъ думать, что въ этомъ дѣлѣ помогла имъ счастливая случайность. Дѣло происходило, конечно, такъ. Въ одинъ праздничный день, накушавшись рѣпы, въ новомъ, усовершенствованномъ кулинарномъ видѣ, и башки-бармаку изъ козлятины, счастливые супруги отправились погулять. На островѣ, на которомъ они жили, растительность была богатая; слѣдовательно, нечего удивляться, что между многообразными растеніями находились ленъ и пенька. Молодые люди, какъ извѣстно, любить рвать цвѣты и мять въ рукахъ стебли. Для чего она это дѣлаютъ, я не знаю; но она это дѣлаетъ. Этой унаслѣдованной привычкой нынѣшнихъ молодыхъ людей владѣли и Робинзонъ съ Патницей, и ихъ жены, и владѣли въ болѣе сильной степени, потому что желаніе замѣнить разные, неудовлетворявшіе ихъ предметы матеріальнаго быта другими, болѣе удобными, заставляло ихъ непременно наблюдать окружающую ихъ природу и искать въ ней источниковъ и матеріаловъ для жизни болѣе комфортабельной.—Вы отъ меня не потребуете, чтобы я шагъ за шагомъ рассказывалъ бы вамъ исторію вашего бѣднаго платья. Во-первыхъ потому, что пришлось бы со-

общить вамъ догадки и соображенія, а главное, что это вышло бы очень длинно и скучно. Довольно того, что жена Робинзона нашла лентъ и коноплю, и цѣлою компаніею они придумали, наконецъ тянуть изъ нихъ нитки, а изъ нитокъ приговлать ткань. Это изобрѣтеніе было самое трудное. Какъ только была придумана ткань изъ пеньки, остроумный Робинзонъ началъ соображать, что для дождливой осени пеньковая и льняная ткань не совсѣмъ удобна, въ особенности если въ мѣстности нѣтъ ни одного доктора и ни одной аптеки. Пятница былъ того же мнѣнія; а когда два человѣка доходятъ до такого единомыслія, то въ концѣ концовъ является непремѣнно какое нибудь полезное изобрѣтеніе. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Въ слѣдующей осени, и Робинзонъ, и Пятница сшили себѣ суконовые пальто, брюки и жилеты, а своимъ жонамъ суконовые бурнусы. Ни агрантовъ, ни бахрмы тогда еще не было придумано. Впрочемъ, первый бурнусъ очень нравился женѣ Робинзона и безъ украшеній. Потомкамъ Робинзона и Пятницы, унаслѣдовавшимъ отъ своихъ изобрѣтательныхъ родоначальниковъ суконовые пальто, бурнусы и панталоны, а также и нѣкоторое кулинарное искусство, было уже нетрудно идти по этому пути дальше. Если, однако, по части одежды и ѣды слѣдуетъ отдать пальму первенства изобрѣтательности ихъ родоначальниковъ, то нельзя не признать тоже важнаго экономическаго значенія и потомковъ. Когда фамилія Робинзона и Пятницы очень размножилась и, пережившись, образовали многочисленныя отдѣльныя роды, такъ что весь нѣкогда необитаемый островъ наполнился людьми, то они сообразили, что въ распредѣленіи экономическихъ занятій они могутъ держаться системы болѣе выгодной, чѣмъ ихъ пращуръ, достопочтенные Пятница и Робинзонъ. Эти господа приготовляли все необходимое сами. Понадобятся ли Пятницѣ поршни или сандалии—сапоги, а особенно ботинки были придуманы гораздо послѣ,—онъ отправляется въ чуланъ, беретъ съ полки козлиную кожу и выкраиваетъ, что ему нужно; потребуются ли ему панталоны, онъ точно также настрижетъ овечьей шерсти, отдастъ ее женѣ, та нарядетъ нитокъ, соткетъ матерію; затѣмъ Пятница собственноручно скроетъ два мѣшка, долженствовавшіе вмѣстить въ себѣ его ноги, и супруга Пятницы приведетъ эти мѣшки въ такое состояніе, чтобы ноги Пятницы могли въ нихъ дѣйствительно вмѣститься. Придетъ ли нора подумать о завасахъ състныхъ предметовъ, потому что прѣсніе подоцнл къ концу, —Пят-

ища точно также отправляется въ конюшню, выводитъ своего коня, запрягаетъ его въ соху и пашеть свое поле; затѣмъ сѣетъ, жнетъ, молотить, молотъ и, наконецъ, насыпаетъ свои закромы мукой, крушой и всякой сельско-хозяйственной благодатью. Затѣмъ госпожѣ Нятницѣ остается только печь, варить и жарить. — Порядокъ этотъ былъ очень хорошъ, пока нельзя было выдумать ничего болѣе выгоднаго и населеніе было мало; но когда людей поприбавилось, то экономическій расчетъ заставилъ ихъ организовать другой порядокъ. — Представьте себѣ, что каждый житель густо-населеннаго острова занимался бы самъ приготовленіемъ всего ему необходимаго, по приговору Робинзона и Пятницы. Тамъ какъ эти господа въ своихъ собственныхъ особахъ соединили всѣ имъ необходимыя ремесленные знанія, т. е. каждый изъ нихъ былъ земледѣльцемъ, мельникомъ, столяромъ, плотникомъ, портнымъ, сапожникомъ, тачемъ, кузнецомъ, бондыремъ, горшечникомъ, печникомъ, т. е. изображалъ изъ себя ту разностороннюю ремесленную гениальность, какую представляетъ въ 1865 году каждый житель Забайкалья, то очевидно, что каждому слѣдовало имѣть у себя и всѣ инструменты, необходимыя для каждаго ремесла, — сохи, плуги, бороны, амбары, закромы, скотные дворы, овины, риги, мельницы, рубанки, стамески, пилы, верстакъ, топоры, долота, иголки, утюги, швейные столы, шила, колодки, тнатьціе станки, кузницы, наковальни, всякія клещи и молоты, рѣзаны и косари, и т. д. Вообразите, на что былъ бы похожъ Петербургъ или уѣздный городъ, въ которомъ вы обитаете, если бы каждый житель обзавелся воѣми этими предметами и въ каждомъ домѣ соединялись бы всевозможныя мастерскія? Теперь въ вашемъ городѣ, имѣющемъ тысячъ восемь жителей, всего человѣкъ 50 плотниковъ, человѣкъ 10 слесарей, 5 столяровъ, 1 модистка и ни одного земледѣльца; а тогда было бы 8,000 плотниковъ, 8,000 слесарей, 8,000 столяровъ, 8,000 модистокъ и 8,000 земледѣльцевъ. Въ Петербургѣ же всего этого было бы по 700,000. Много! Это бы, положимъ, еще ничего; но зачѣмъ бы въ вашемъ восьмитысячномъ городѣ заводиться 8,000 топоровъ, 32,000 рубанковъ, 16,000 пилъ, 40,000 напилковъ и т. д., когда, при томъ числѣ мастеровыхъ, какое нынче удовлетворять всѣмъ вашимъ потребностямъ, совершенно достаточно 50 топоровъ, 40 напилковъ, 20 рубанковъ, 10 пилъ. Все остальное, считаемое десятками тысячъ,

составляет совершенно напрасную трату денег, которая бы могла идти на что нибудь болѣе полезное.

Сообразивъ все это, обитатели острова порѣшили раздѣлить свои занятія. Это было первымъ шагомъ къ раздѣленію и, видѣть съ тѣмъ, къ сочетанію труда. Одни занялись земледѣліемъ, другіе обработкой сырыхъ земледѣльческихъ продуктовъ, третьи приготовленіемъ изъ нихъ разныхъ предметовъ для дальнѣйшаго употребленія, четвертые взяли на себя разнообразную ремесленную, фабричную и заводскую дѣятельность, пятыя, пошла въ возчики, судовщики, и, такимъ образомъ, первоначальный Пятница, бывшій одинъ всѣмъ на свѣтѣ, какъ только онъ распался на многочисленное потомство, то распались и его многочисленныя таланты. Каждый талантъ нашолъ себѣ отдѣльнаго представителя; и въ цѣлой совокупности они составляютъ того Пятницу, который нѣзавгда одинъ дѣлалъ все. Какъ для Пятницы всѣ его таланты были необходимы, такъ необходимы и всѣ развѣтвленія занятій для его потомковъ, потому что только общей ихъ совокупностью составляется общая экономическая гармонія и создается общее матеріальное удовлетвореніе. Однимъ словомъ, теперешій экономическій міръ — это гигантскій Пятница, производящій все самъ на себя; какъ бы ни были, повидимому, различны и отдалены одни производства отъ другихъ, но они тѣсно связаны между собою: каждое изъ нихъ зависитъ отъ другого и ни одно изъ нихъ не можетъ существовать безъ помощи другихъ.

Посмотрите на ваше облачное платье: что можетъ быть общаго между нимъ и сиволоанымъ мужикомъ, къ которому вы относитесь сверху, или между нимъ и краснощекимъ мясникомъ или булочникомъ нѣмцемъ, снабжающими своими произведеніями обитателей Навслага проспекта? А между тѣмъ, не потрудись сиволоапъ, въ потѣ лица, пахъ своимъ полемъ — не было бы хлѣба; а не было бы хлѣба — нечего было бы ѣсть тому рабочему, который ткалъ матерію для вашего платья; нечего было бы ѣсть и той модисткѣ, которая его шила. Предположите, что сиволоапъ наготовилъ бы хлѣба ровно столько, сколько ему нужно для себя и для своего семейства; и въ этомъ случаѣ, вамъ тоже не имѣть бы платья, потому что ткачъ модистка бы самъ пахалъ землю, чтобы не умереть съ голоду; да и модистка принадлежала бы не той же причинѣ за замладѣіе. Но земледѣлецъ человекъ протій и трудолюбивый. Онъ произвелъ столько хлѣба и другихъ земледѣль-

часовыхъ произведеній, онъ развелъ столько скота, что даетъ возможность существовать всѣмъ тѣмъ людямъ, кто приготовляетъ для васъ гавы, тюли и бархаты, кто печетъ для васъ булки, пряники и пирожки, кто доставляетъ въ вашему обѣду сладкое мясо, саржу, салатъ и ранніе огурцы и зелень; кто дѣлаетъ для васъ люстры и бронзу; кто играетъ для васъ на балу на разнообразныхъ инструментахъ; кто пишетъ для васъ разныя назидательныя книжки и популярныя статьи. Если бы земледѣлецъ не производилъ столько излишковъ, чтобы они могли предовольствоваться всѣ эти трудящія, то имъ бы пришлось самимъ пахать землю; а если бы они при этомъ производили хлѣба ровно столько, сколько имъ необходимо для себя, то вы, моя многоуважаемая и ничего недѣлающая читательница, очутились бы въ положеніи не особенно веселымъ: вамъ предстала бы весьма грустная альтернатива, т. е. выборъ между двумя крайностями—или самой пахать землю, или умереть съ голоду; я думаю, вы согласились бы скорѣе на первое, потому что съ чего же вамъ, такой красивой и молодой, умирать, не проживши?

Теперь же, при той протости, какой отличаются земледѣльцы, организовался слѣдующій порядокъ. Земледѣльцы производятъ хлѣба и всякаго сельско-хозяйственнаго сырья столько, что даютъ возможность быть сытыми всѣмъ тѣмъ, кто занимается ремеслами, торговлей, разными заводскими и фабричными производствами, и тѣмъ, кто ровно ничего не дѣлаетъ или же, гоняясь за бабочками и мотыльками, полагаетъ, что Богъ создалъ ихъ для нѣжной любви и больше ни для чего. Этотъ излишекъ пищи кормитъ всѣхъ жителей городовъ. Такъ какъ у земледѣльца все его время уходитъ на возвращеніе хлѣба, воспитаніе скота и онъ изображаетъ изъ себя основной элементъ экономической производительности, дающій возможность развитія и существованія всѣмъ остальнымъ производствамъ, то изъ этого, во-первыхъ, читательница можетъ усмотрѣть великую экономическую важность земледѣльческаго сословія; а во-вторыхъ, можетъ понять, чѣмъ она одолжена ему. Но кромѣ того, читательница можетъ усмотрѣть, какого рода связь находится между земледѣльческими и всѣми остальными экономическими производствами. Почему существуютъ булочки и мясяки, колбаски, вортинки, сашонки, медиски и весь остальной людъ, промышляющій въ городкахъ и на фабрикахъ? Всѣ они прежде всего зависятъ пря-

мо отъ земледѣльцевъ, которые доставляютъ имъ не только материалъ для обработки, но и питательные предметы на все время переработки этого материала.—Проницательная читательница, конечно, можетъ заподозрить меня въ неискренности или въ лукавствѣ. Обративъ вниманіе на бытъ земледѣльца и на свой собственный, она задастъ мнѣ такой вопросъ: если вы говорите, что земледѣлецъ есть основной экономической производитель, потому что пища—самый важный элементъ, обуславливающий всѣ дальнѣйшія производства, и если, производя много излишковъ, земледѣлецъ не даромъ ихъ даритъ, а вымѣниваетъ, то какже происходитъ то, что разныя бальные платья, ботинки, бархаты и т. д. украшаютъ гардеробъ не крестьянки, а мой,—между тѣмъ, какъ я, во всю свою жизнь, не произвела ни одного ржаного зерна и не взростила ни одного теленка?—Этотъ вопросъ, дѣлающій большую честь сообразительности моей проницательной читательницы, становится меня въ нѣкоторое затрудненіе,—не потому, чтобы я не знала, что на него отвѣтить, а потому что не знаю, какъ мнѣ выразиться безобидно. Впрочемъ я лучше совсѣмъ не буду отвѣчать на этотъ вопросъ; а такъ какъ вы и сами замѣтили, что бальные и другія платья у васъ, недѣлающей ничего полезнаго барышни, висятъ въ гардеробѣ какъ бы не по праву, то вы, вѣроятно, сообразите и сами, почему такой разсудительный экономическій производитель, какъ Пятница, преобразившись въ многочисленное потомство, дозволилъ себѣ такую экономическую несправедливость и нарушеніе гармоніи экономическихъ отношеній. Но въ экономической жизни Пятницы не было дисгармоній, ему жилось лучше, и не онъ виноватъ что потомки его, по своей неразсудительности и вслѣдствіе грубыхъ наклонностей и кулачнаго права, не сумѣли устроиться, какъ прилично потомкамъ такого почтеннаго человѣка, что имъ живется гораздо хуже, чѣмъ ему. т. е. если все теперешнее такъ называемое цивилизованное человечество мы представимъ себѣ въ видѣ одного исполнисаго Пятницы, то окажется, что однѣ части его тѣла получаютъ болѣе сильное и совершенное питаніе, а другія нѣтъ; что однѣ части тѣла украшены и одѣты не только удобно, тепло, прилично, а пожалуй, и роскошно, а другія прикрыты рубищемъ и заплатами или, пожалуй, и совсѣмъ не прикрыты. У достопочтеннаго же Пятницы это было совсѣмъ иначе. Его здоровый желудокъ варилъ правильно и разносилъ питательные соки равномерно по всему тѣлу; одѣвался онъ, поло-

жить, хотя и не особенно красиво, но, по крайней мѣрѣ, онъ однажды прикрывалъ и ноги, и туловище и не обижалъ живота на счетъ рукъ и ногъ. Отъ этого маленькій Пятница бывшихъ временъ была здоровѣе нынѣшняго испанскаго Пятницы.— Впрочемъ, если вы, читательница, принимаете живое участіе въ современномъ Пятницѣ, то я прошу васъ не огорчаться; смѣю васъ увѣрить, что онъ сдѣлается наконецъ разсудительнѣе и выздоровѣетъ; а что это случится непременно, вы и сами можете заключить изъ того, что, по мѣрѣ знакомства съ экономическими теоріями и экономическимъ бытомъ современнаго Пятницы, въ вашихъ понятіяхъ совершаются такіе измѣненія, что многое, что вы считали прежде себѣ дозволеннымъ, теперь дѣлать не станете. Такъ и другіе. А чѣмъ больше прибавляется умныхъ и знающихъ людей, тѣмъ здоровѣе Пятницы становится лучше и питаніе его громаднаго тѣла совершается равномернѣе. Хлопочите только о томъ, чтобы увеличивалось число умныхъ и знающихъ людей и чтобы, сдѣлавшись матерью, вы создали бы изъ своихъ дѣтей не небокопителей, а разумныхъ экономическихъ производителей.

IV.

Самая ближайшая и основная форма сочетанія и раздѣленія труда для васъ, моя читательница, есть бракъ, и въ этой главѣ я буду говорить объ этой формѣ, рассматривая бракъ исключительно съ точки экономической теоріи.

Обратите вниманіе на воспитаніе, которое вы получили дома или гдѣ бы то ни было, и вы замѣтите, что васъ приготавливали не для труда, а для наслажденія жизнью. Васъ воспитывали такъ, какъ если бы весь шаръ земной изображалъ одинъ мягкій, бархатный зеленый лугъ, усыянный цвѣтами, уставленный готовыми превосходными яствами и прохладительными напитками; какъ если бы повсюду носились ароматы восточныхъ благоуханій и весь родъ чело-вѣческій, облачившись—мужчины во фраки, а женщины въ бальныя платья,—занимались специально игрой въ серсо и любовными похождениями. Конечно, все это пріятно; отчего же и не играть въ серсо? отчего же и не любить? отчего же не носить фраковъ и бальныхъ платьевъ? Но всякой вещи свое время. Я не отвергаю того, что

на земномъ шарѣ найдутся кое-гдѣ небольшія лужайки, очень удобныя для игры въ серсо и для любовныхъ упражненій; но простирайте свое требованье до того, чтобы рѣшительно вамъ землю считали назначенной исключительно для такого пріятнаго дѣла, это уже слишкомъ, моя благосклонная читательница.

Но съ другой стороны, я полагаю, что ваше воспитаніе, имѣющее исключительной задачей создать васъ для наслажденій жизнью, меньше всего достигло своей цѣли. Оно именно и не научило васъ тому, какъ устроить свою жизнь.

Посмотрите на Пятницу; это былъ человѣкъ, отъ котораго хотя и не несло благоуханіями восточныхъ ароматовъ, котораго жалко называли скорѣе мучной мѣшочекъ, чѣмъ одѣяніе, но все это не мешало ему быть человѣкомъ простымъ и прямымъ, практически смотрящимъ на свою жизнь и на свои экономическія отношенія къ жемъ и къ дѣтямъ. У него не было сантиментальныхъ порывовъ и времени для пѣшыхъ вздоховъ; ему нужно было трудиться, чтобы имѣть что пить и ѣсть, и во что одѣваться. Почтенная госпожа Пятница вела себя такимъ же разсудительнымъ образомъ; конечно, она не отказывалась отъ любви, но любовь не была для нея спеціальностью, потому что у нея были дѣла поважнѣе, а для воркованій оставался у нея свободнымъ только одинъ день въ недѣлю—воскресенье. Вы мнѣ возразите, что госпожѣ Пятницѣ нужно было самой печь хлѣбы, стряпать кушанье, обмывать мужа и дѣтей и производить собственноручно разныя мелочныя домашнія и сельскохозяйственныя работы, тогда какъ для всего этого есть нынче деревенскіе мужики и бабы, пекаря и булочники, повара, портные и т. д. Это совершенно справедливо; но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы вы умѣли воспользоваться своимъ громаднымъ достугомъ для созданія себѣ счастливой жизни. Для васъ бракъ не имѣетъ ровно никакого экономическаго значенія, тогда какъ у Пятницы экономическій вопросъ стоялъ на первомъ планѣ. Не думайте, что экономическая точка зрѣнія требуетъ отъ человѣка непремѣнно деревянности и полнаго отреченія отъ всего того, что не можетъ быть переложено въ рубли и копѣйки или превращено въ хлѣбъ и говядину. Я буду имѣть честь представить вамъ ниже доказательства того, что экономическая теорія, занимающаяся такимъ, повиднмому, сухимъ дѣломъ, понимаетъ гораздо шире и вѣрнѣе всѣ сердечныя вопросы и относится къ нимъ либеральнѣе, чѣмъ вы, моя читатель-

ница, считающая любовь своимъ специальнымъ предметомъ и затѣмъ уже познающая ровно ничего. Повторяю еще разъ: не бойтесь социальнo-экономической теорiи, занимайтесь этой наукой, и она научитъ васъ тому, чего вы не знаете, что вамъ знать всего необходимо и чего вы не найдете ни въ одной другой наукѣ: она научитъ васъ оберегать свои собственные интересы и создавать себѣ тѣ выгоды, которыми вы нынче не пользуетесь. А это и будетъ вашимъ счастьемъ; счастье простое, безъ вычуръ и утонченнѣй, но въ видѣ истинное счастье всегда просто и спокоейно. Только черновезъ бурлитъ и бродитъ и только утонченный развратъ создаетъ утонченныя наслажденiя, распалаяющiя и разстроивающiя воображенiе.

Исторiя вашего супружества, если вы уже замужемъ, или вашего будущаго супружества, если вы дѣвица, очень просто. Чтобы не оскорблять вашего дѣвственнаго чувства и вашего идеальнаго представленiя о происходящихъ въ васъ психологическихъ процессахъ, я не стану касаться этого вопроса съ физиологической точки зрѣнiя. И это я дѣлаю, между прочимъ, и въ интересахъ «Русскаго Слова». Одна изъ читательницъ этого журнала — конечно дѣвица, — передала ему такой приговоръ: «Русское Слово» совѣтъ читать невозможно; оно говоритъ все объ органическихъ потребностяхъ. О, многоуважаемая читательница, затѣмъ вы такъ неосторожны? Не слышите вы этого, никто бы и не зная, чего вамъ нужно. Не желая рекомендовать себя материалистомъ — по провинциальнымъ понятiямъ, материалистъ ѣсть, пьеть, спать и все это дѣлаетъ онъ безъ шѣры, и, къ довершенiю всего, разсуждаетъ еще объ органическихъ потребностяхъ; идеальность же ничѣмъ этимъ не занимается, — я уклонюсь отъ всего того, что можетъ оскорбить дѣвственное чувство идеальныхъ дѣвицъ. — Когда вамъ исполнилось 16 лѣтъ, нѣсколько ранѣе или нѣсколько позже, для васъ каждый красивый юноша получалъ небывалое до того значенiе; романисты зовутъ это чувство обаянiемъ. Въ чемъ заключается источникъ обаянiя и почему только съ 16 лѣтъ вы почувствовали его, я вамъ не скажу, потому что вы опять слышите, что «Русское Слово» читать невозможно. Сущности, во всякомъ случаѣ, въ томъ, что для васъ, какъ выражаются знатоки женскаго сердца, наступила пора любви. Вы начинаете тщетливо обдѣваться, желаете быть красивой; васъ посѣщаютъ непонятныя для васъ томшенья, является какое-то смутное для васъ чувство ожиданiя чего-то вамъ неизвѣстнаго, но прiятнаго, време-

нами даже — особенно у дѣвушекъ сангвиническаго темперамента, — бываетъ даже круженіе головы и проводить онѣ безпокойныя, горячія ночи. Въ восемнадцати годахъ, всѣ эти симптомы вступленія въ фазу новой жизни усиливаются въ значительной степени, и мечты о супружествѣ берутъ перевѣсъ надъ всѣми остальными стремленіями, надеждами и ожданіями. Съ этихъ поръ вопросъ о бракѣ получаетъ для дѣвушки такую же важность, какъ для выпускнаго кадета чинъ прапорщика, какъ для нештатнаго канцелярскаго чиновника мѣсто помощника столоначальника. Богата ли, бѣдна ли дѣвица-невѣста, существенная важность вопроса отъ этого несомнѣно не убавляется; вся разница только въ томъ, что на сторонѣ богатой больше шансовъ вѣроятія на успѣхъ, а бѣдную сильнѣе ломаетъ боязнь остаться незамужней.

Для чего же дѣвушка такъ понадобилось выйти замужъ? Объ одной изъ причинъ я, изъ уваженія къ идеальнымъ представленіямъ своей читательницы, считающей себя выше обыкновенныхъ людей, созданныхъ изъ мяса и крови, умолчу. Въ числѣ же другихъ причинъ, важную роль играютъ зажигающіе разговоры подругъ, помѣшанныхъ на замужествѣ, стыдъ остаться старой дѣвой; а сплошь и рядомъ, особенно у вдовыхъ и небогатыхъ маменокъ, желаніе этихъ почетныхъ особъ сбыть съ рукъ лишнюю обузу, наносящую непоправимый дефицитъ ихъ вдовьему пенсіону.

Ни въ одной изъ этихъ стремительныхъ женскихъ головъ, мечтающихъ о замужествѣ, не является никогда вопросъ о томъ, что такое бракъ и для чего порядочные люди женятся. Онѣ ищутся въ неизвѣстное имъ новое положеніе съ какимъ-то отчаяннымъ мужествомъ военнаго человѣка, бросающагося въ атаку. Конечно, Наполеонъ рассуждалъ совершенно умно, когда говорилъ, что въ военномъ дѣлѣ можно рассчитать только треть, а двѣ трети предоставить счастью. Но наши дѣвушки предоставляютъ всѣ три трети счастью и удачѣ, а это много. Раздразнивъ свое воображеніе и доведя себя до экзальтаціи, онѣ cadaго, хотя нѣсколько подходящаго мужчину съумѣютъ украсить цвѣтами своей фантазіи, и какъ только онѣ, какимъ-либо намекомъ, заявятъ о своемъ желаніи сочетаться съ ними бракомъ, тотчасъ же раскрываютъ всѣ вланы своихъ пылающихъ сердець и бросаются на всѣхъ парахъ въ объятія избранника, размышляя при этомъ, что «съ милымъ рай и вѣ шалашъ.» Какой же рай нуженъ вамъ, милыя мои барышни? И что

вы понимаете подъ именовъ рай? Огорчу я васъ своимъ отвѣтомъ, а все-таки скажу, что ничего вы не понимаете въ этомъ дѣлѣ и никакого не найдете вы рай, потому что и рай, какъ всякую хорошую и полезную вещь, нужно создать своими собственными руками; ну, а что вы въ состояніи создать своими руками, когда вы не знаете даже той простой вещи, что нельзя бросаться въ глубокую воду, не умѣя плавать. Вѣдь только отъ этого васъ такъ много и гибнетъ въ волнахъ супружеской жизни!

Выходя замужъ, вы убѣждены, что любите своего будущаго супруга. Положимъ, такъ. Но загляните въ себя поглубже, разъясните себѣ процессъ образованія и развитія того, что вы называете любовью, и вы увидите, что если это и любовь, то все-таки не така, какая вамъ нужна для насажденія своего будущаго рая и постройки въ немъ шалаша. Жена господина Пятицы лучше васъ понимала, что значить сажаніе деревъ и постройка шалашей. Доведа себя до экзальтаціи, вы безразлично можете выйти замужъ почти за всякаго мужчину, который сдѣлаетъ вамъ предложеніе. Хотите доказательствъ? Вотъ вамъ сто мужчинъ всякихъ лѣтъ, кромѣ старцевъ; есть между этими мужчинами и красивые, и некрасивые, и умные, и глупые, и бѣдные, и богатые. Боянь остаться дѣвушкой васъ уже замучила, ибо вамъ наступилъ роковой двадцатилѣтній возрастъ, — я говорю роковой въ вашемъ смыслѣ; по моему же, въ этомъ возрастѣ выходитъ замужъ еще рано, если только разгоряченное воображеніе и тѣ причины, которыхъ вы не хотите признавать, не дѣлаютъ болѣе продолжительной безбрачной жизни вредной для вашего здоровья; — я предполагаю еще больше: одинъ изъ ста ущемилъ ваше сердце и вы тайнѣ мечтаете о томъ, что какой бы чудный рай вышелъ въ шалашѣ, если бы поселился въ немъ съ вами именно сей самый плѣнительный юноша. Но плѣнительный юноша не обращаетъ на васъ никакого вниманія; а между тѣмъ, время идетъ и, вмѣсто юноши, обращаетъ на васъ свое нѣжное око мужъ менѣе плѣнительный. Какъ же вы поступите? Чтобы остаться послѣдовательной, вамъ слѣдовало бы выйти только за плѣнительнаго юношу и больше ни за кого; а между тѣмъ, вы выйдете за другого и простую непротивность человѣка, обратившаго на васъ благосклонное вниманіе, при посредствѣ разныхъ союзмовъ и напускного чувства, обратите въ любовь, т. е. окрестите этимъ именовъ то, что никогда не бывало, не будетъ и не можетъ быть любовью. Шалашъ, конечно, вы вы-

строите, но гдѣ только будетъ ванъ рай? А между тѣмъ, весь вопросъ и заключался только въ немъ. Только ради удовлетворенія стремленію къ райскому счастью, вы мучились нѣсколько лѣтъ разными, болѣе или менѣе сильными надеждами и ощущеніями; вы выносили пытку, хотя подчасъ и пріятную, но подчасъ и мучительную. Сообразите, сколько провели вы тревожныхъ ночей, сколько бывало разочарованій, сколько вы думали и передумали, сколько чувствовали и переживали, сколько выслушали наставленій своей мамелани— не будучи дѣвицей-невѣстой, а не могу специализировать этого вопроса; но вѣдь вы меня понимаете,—и чѣмъ же все это кончается? Взяли вы все-таки, вмѣсто ананаса, къ которому стремились, рѣпу, и затѣмъ еще начали, разными соображеніями, убѣждать себя, что рѣпа тоже ананасъ. Къ чему же повело все ваше воспитаніе? Васъ приготовляли для ухода въ оранжерею за ананасами, а вы пошли въ огородъ сажать капусту и рѣпу. Правду ли я говорю?—Не полагайте, что судьба соединила васъ именно съ тѣмъ плѣнительнымъ ананасомъ, который одинъ привлекъ ваше вниманіе изъ всей сотни мужчинъ вашего города. Почему вы знаете, что этотъ плѣнительный ананасъ есть именно тотъ самый плодъ знаменитаго дерева помяну добра и зла, которое должно украсить рай вашей души; что на свѣтѣ существуетъ для этого всего только одинъ ананасъ и что этотъ самый ананасъ судьба помѣстила какъ разъ въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ вы проживаете? Вы скажете, что это вопросъ будущаго и что въ настоящемъ вамъ именно то и нужно, что вамъ больше всего нравится. Возражать не стану, но замѣчу, что вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ въ экономическомъ отношеніи, и важенъ не для васъ, юныя невѣсты, а для васъ, молодые дамы. Вѣдь и вы были дѣвицами, вѣдь и вы вышли замужъ по приведенному выше образцу, и только года черезъ четыре, а можетъ быть, и 5, 6, 7 лѣтъ супружества, т. е. тогда, какъ была голова созрѣла для крѣпкой мысли, а сердце созрѣло для серьезнаго чувства, вы начинаете понимать, что вышла въ вашей жизни какъ-то не-сладка; только тутъ вы поймете, что экономическій элементъ въ женскомъ воспитаніи есть самый существенный, потому что нѣтъ ничего важнѣе, чемъ обеспечивается матеріальная свобода, и что нѣтъ ничего важнѣе вопросовъ экономическихъ, если человѣкъ хочетъ создать себѣ то, что онъ называетъ счастьемъ.

Но я не желаю, чтобы меня обвинили въ несправедливости от-

воспитанно дѣвкамъ и женщинамъ, къ которымъ я исполненъ такого глубокаго уваженія, какое желаю имъ встрѣтить во всѣхъ мужчинахъ безъ исключенія. Въ качествѣ мужчины, я имъ отерю секретъ той мудрой плѣнительности, которая такъ очаровываетъ 18-ти лѣтнихъ дѣвкамъ и наполняетъ ихъ иллюзіями, представляющими имъ простой кирпичъ яркой розой и неотесанный чурбанъ—Байромомъ. Какъ я не обвинялъ васъ, такъ не стану я обвинять и мужчинъ. И вы, и мужчины поступали и поступаете искренно; никто не виноватъ въ томъ, что, въ извѣстные моменты жизни, ваши главные нервы переполняются особенной цвѣтной жидкостью, представляющей вамъ всѣ предметы не въ натуральномъ ихъ видѣ. Тутъ нѣтъ никого обманутокъ, кромѣ васъ самихъ, и никто же не страдаетъ, кромѣ самихъ же васъ.

Когда вы, воспылавъ любовью къ кому нибудь, имѣете случай съ нимъ видѣться и говорить, развѣ вы не чувствуете, что въ васъ совершается какой-то особенный внутренний процессъ, по которому все ваше умственное, сердечное и нравственное содержаніе или, короче, всѣ душевные силы, распадаются на двѣ части? Все, что можетъ имѣть магнитныя свойства и привлечь того, кто вамъ нуженъ, выдѣляется впередъ, и все, что, напротивъ, можетъ вредить вашимъ стремленіямъ, отступить на второй планъ. Первое — ваша артиллерія, которую одну вы и пускаете въ дѣло; второе — жалкій гарнизонъ, немогущій оказать вамъ никакой пользы и способный скорѣе повредить. Выставивъ впередъ всю свою лучшую силу, вы дѣйствуете только ею одной, и оттого вы кажетесь любимому вами человеку не тѣмъ химически-нравственнымъ тѣломъ, каковы вы въ действительности, а болѣе утонченнымъ и не совсѣмъ-то похожимъ на себя, когда составные ваши элементы находятся въ нормальной, равномерной смѣси. Процессъ этого выдѣленія лучшихъ силъ и дѣйствіе только ими есть то, что называютъ обыкновенно желаніемъ нравиться.

Въ мужчинахъ происходитъ тотъ же самый процессъ. Вотъ отчего и мужчины, и женщины обманываются такъ часто другъ въ другѣ, и женихъ съ невѣстой, бывшіе одними людьми, послѣ года супружества ето то и ранѣе, становятся людьми совсѣмъ другими. Мужчина, выставляющій все умное, благородное и сильное, что въ немъ есть, и уславивая всѣ свои хорошія качества случайной энергіей, возбужденной въ немъ женщиной, любовь которой онъ хочетъ

приобрѣсть, дѣйствовать вполне искренно; точно такъ же, какъ искренна и женщина, если она дѣвницей угодливается, въ присутствіи мужчины, «ангелу» и не позволяеть сидящему въ ней неистоволю показывать въ обществѣ постороннихъ людей свою непримичную физиономію. Но вотъ бракъ заключенъ. Люди, распустившіе въ своемъ парѣ, въ то время, какъ ихъ стремленіе достигнуть своей цѣли находилось въ моментѣ сильнѣйшаго возбужденія, чувствуютъ теперь, что больше паровъ въ нихъ нѣтъ; энергія падаетъ, потому что цѣль достигнута и человекъ, выступившій, подобно рѣкѣ, на время изъ береговъ, вступаетъ опять въ берега. Дряблая натура высказывается во всей своей сонливости: размазня дѣлается по прежнему размазней, злючка — злючкой, а дуракъ становится еще глупѣе, потому что его жизнь усложнилась новыми обстоятельствами, съ которыми ему справиться не подъ силу.

При томъ изыщномъ воспитаніи, какое получила 18-лѣтняя дѣвица, отъ нея, разумѣется, нельзя требовать земной мудрости и проничательности Соломона, когда она, съ грѣхомъ пополамъ, знаетъ нѣсколько proverb'овъ и умѣетъ граціозно сжимать губы и опускать глазки въ обществѣ. Первый шагъ къ наученію практической жизни наступаетъ для нея только со дня супружества, и страшна можетъ быть жизнь той, чья натура еще не сказалась во время выбора себѣ мужа, чье развитіе было задержано глупымъ воспитаніемъ, а постоянный деспотизмъ родителей забивалъ всѣ проявленія самостоятельности.

Всѣ ошибки супружества происходятъ только оттого, что въ основаніе его кладется какое-то смутное, неопредѣленное стремленіе къ какому-то неопредѣленному счастью. Скажите, что такое счастье, которое вы стараетесь найти въ супружествѣ? Есть ли это то физиологическое удовлетвореніе, смыслъ и значеніе котораго вы такъ бережно скрываете отъ самихъ себя, или это есть нѣчто другое? Если другое, то скажите, что такое именно? Я знаю, что вамъ не отвѣтить на этотъ вопросъ, потому что вы никогда его себѣ не задавали. Вамъ, просто, хотѣлось чего-то другого, чего-то хорошаго, а между тѣмъ, вы и сами не знали, чего именно. Васъ сбили романтическія представленія разныхъ писателей стараго времени, мистификаторовъ о жизни ровно никакого понятія и полагавшихъ, что вся задача человека заключается въ томъ, чтобы, пріиславъ себѣ нару, умчаться весь свой вѣкъ пріятныя прогулки съ нею въ померанце-

выхъ рощахъ и въ розовыхъ садахъ. Васъ увѣрили, что выше любви нѣтъ ничего на свѣтѣ, и это правда, но только никто не потрудился вамъ объяснить, что такое любовь, отдѣляваясь круглой фразой, что любовь слѣпа, тогда какъ были слѣпы только мудрецы, сочинившіе этотъ, неимѣющій смысла, афоризмъ. Въ томъ видѣ, какъ вы любите, чувство это точно слѣпое; но только потому, что не видитъ ничего ваше умственное око. Если бы оно видѣло что нибудь, вы бы не выходили безразлично замужъ, за кого случится; вы бы не смѣшивали ананасъ съ рѣпой, за тѣмъ, чтобы бросить ее потомъ и искать плодъ болѣе вкусный и соответствующій требованіямъ вашего нравственного организма. Для развитаго человѣка любовь не слѣпа, и если онъ любитъ—онъ знаетъ, кого онъ любитъ и почему онъ любитъ. Вы знаете поговорку, что для каждаго чорта есть своя чертовка. Я согласенъ, что поговорка эта не отличается салоннымъ изяществомъ, но, тѣмъ не менѣе, смыслъ ея совершенно правильный, и значить это вотъ что. Люди устроены, повидимому, всѣ одинаково. У каждаго человѣка одинъ носъ, два глаза, два уха; но, не смотря на такое сходство, у каждаго носъ своего собственного фасона, уши и глаза тоже. У каждаго человѣка органы чувствъ имѣютъ нервы, и эти нервы, повидимому, тоже устроены одинаково, а между тѣмъ, вы не найдете двухъ людей, у которыхъ чувствительность и отправленіе нервовъ были бы вполне одинаковы. Такъ что у каждаго человѣка свои собственные органы чувствъ и нервы, имѣющіе свои спеціальныя особенности; у каждаго человѣка своя собственная душа. Встрѣчаясь съ человѣкомъ въ первый разъ, вы воспринимаете впечатлѣнія, производимыя имъ на васъ, и, смотря по характеру впечатлѣній, называете его симпатіей или антипатіей. Это значить, что посторонній организмъ возбуждалъ въ вашихъ нервахъ ощущеніе пріятнаго или непріятнаго чувства. Пріятность является вслѣдствіе однородности вашихъ нервовъ и отправленій вашего чувствующаго организма; непріятность—вслѣдствіе несходства этихъ отправленій. Любовь есть только высшее развитіе этого обоюднo-пріятнаго впечатлѣнія и потому можетъ существовать только между сходственными организмами. Чѣмъ сильнѣе сходство, тѣмъ любовь можетъ быть сильнѣе, т. е. человѣкъ чувствуетъ большую необходимость пріятнаго впечатлѣнія, производимаго на него другимъ человѣкомъ, и тѣмъ человѣкъ этотъ дорожитъ и необходимѣе. При полномъ отсутствіи сходства, любовь

невозможна и является, напротивъ, врожденность. Такъ какъ, вслѣдствіе однородности настроенія всѣхъ человѣческихъ организмовъ, въ нихъ, неизбѣжно, существуетъ сходство известнаго размаха, сходство, имѣющее болѣе или менѣе частный характеръ, т. е. въ отвлеченіяхъ известныхъ нервовъ и органовъ чувствъ, то поэтому, между двумя, какими бы то ни было произвольно-взятыми людьми, всегда найдутся одна, двѣ или нѣсколько родственныхъ, однородныхъ сторонъ, вслѣдствіе чего эти люди воспринимаютъ известныя впечатлѣнія одинаковымъ образомъ. Вы можете провѣрить это легко на себѣ. Вы, положимъ, человѣкъ серьезный; это значитъ, что всѣ впечатлѣнія вы воспринимаете болѣе строгимъ, мрачнымъ образомъ; вотъ господинъ веселаго и шутилаго нрава, т. е. воспринимающій все такъ, что, вмѣсто вашей мрачности и досады, въ немъ возбуждается чувство кроткое — смѣхъ; вотъ еще третій господинъ — не мрачный и невеселый, но имѣющій на все въ мірѣ взглядъ, насколько неподходящій къ вашему взгляду. Думаете ли вы, что оо всѣми этими господами у васъ нѣтъ ничего общаго? Напротивъ, у всѣхъ у васъ найдется нѣсколько общихъ сторонъ, и этими сторонами вы будете вліять другъ на друга. При всей своей серьезности, вы не лишены способности быть веселымъ и владѣть нервами, которымъ необходимо впечатлѣніе, проявляющееся, внѣшнимъ образомъ, смѣхомъ. Точно также и у веселаго человѣка есть нервы, которымъ необходимо впечатлѣніе серьезности. Наконецъ, у третьяго господина—повидимому, на васъ ни въ чемъ непохожаго и иное мировоззрѣніе котораго явилось вслѣдствіе особеннаго воспитанія и особенныхъ обстоятельствъ, притупившихъ чувствительность известныхъ нервовъ, — есть гораздо больше общихъ съ вами сторонъ, чѣмъ это вамъ кажется. На этой спеціальной нервной особенности каждаго человѣка основанъ тотъ интересъ, который возбуждаетъ въ насъ общество. Мы испытываемъ разнообразіе впечатлѣній и, являясь всѣми сторонами чувствующаго организма, получаемъ ощущенія въ такой удовлетворяющей насъ полнотѣ, которая заставляетъ насъ стремиться въ общество. Отъ этого же вы легко можете провести нѣсколько пріятныхъ минутъ съ человѣкомъ, повидимому, совсѣмъ на васъ непохожимъ, и доставить ему равномерное удовольствіе. Нужно только, чтобы задержать у васъ дѣятельность несогласныхъ нервовъ, а согласные обпаружили бы всю свою силу.—Совершенно подобный же процессъ происходитъ и въ томъ, что вы называете лю-

бовью, и каждый человекъ въ состояніи произвести въ вѣсь ощущеніе пріятнаго, если только нѣтъ особенныхъ органическихъ причинъ, по которымъ онъ не можетъ обнаружить дѣятельность согласныхъ съ вѣсь нервовъ. Если согласіе слабо—будетъ несильна и любовь; согласіе велико—явится любовь сильная. Вотъ почему такъ удобно дѣвушкамъ выходить замужъ за какую нибудь рѣпу и отказываться отъ ананаса. Не будь въ самой дѣвушкѣ нервовъ рѣпнаго свойства, она бы этого не сдѣлала. Еще легче это для дѣвушекъ и мужчинъ сангвиническаго темперамента, когда, въ усиленной степени, развивается въ нихъ дѣятельность кровеносной системы и когда является въ нихъ сильное физиологическое возбужденіе. Разнообразныя тонкія ощущенія въ нихъ подавлены крайнимъ перевѣсомъ одной стороны дѣятельности чувствующаго организма, и такая односторонность ведетъ чаще всего къ быстрому обоюдному охлажденію, какъ только наступитъ пора полного удовлетворенія. Чѣмъ меньше у мужчины и женщины сторонъ взаимно-удовлетворяющихъ, тѣмъ менѣе прочно ихъ чувство и тѣмъ легче и быстрѣе переходъ къ потребности новыхъ ощущеній, въ случаѣ встрѣчи съ человекомъ болѣе сходной нервной организаціи. Прочность отношеній зависитъ именно отъ разнообразія и богатства сходственной впечатлительности и равносильности ощущеній.

Влюбляющіяся и выходящія замужъ дѣвушки, конечно, не знаютъ ничего этого, и потому онѣ ошибаются на каждомъ шагѣ. Онѣ полагаютъ, что любовь является *такъ*, неизвѣстно откуда и почему, и что онѣ даже любятъ и мужчину *такъ*. Если же женщины были бы пріучены къ мысли, если бы онѣ умѣли анализировать каждое свое малѣйшее ощущеніе, онѣ бы поняли, что *такъ* не дѣлается на свѣтѣ ничего, не происходитъ въ человекѣ ни одинъ внутренній процессъ. При нормальномъ развитіи чувства, т. е. если бы не являлись разныя побочныя, неотносящіяся прямо къ дѣлу возбужденія, какъ, напримѣръ, зажигательныя рѣчи и совѣты подругъ, наставленія вдовствующихъ маменокъ и т. п., то сходились бы вѣсть исключительно сходственной природы, имѣющія наибольшее число однородныхъ нравственныхъ сторонъ; а если бы женщины умѣли сознавать себя, то онѣ знали бы, почему онѣ любятъ и за что именно. Одна изъ главныхъ ошибокъ, ведущая за собой вѣсть пудачи въ жепской жизни, заключается въ томъ, что дѣвушки выходятъ замужъ слишкомъ рано, когда въ нихъ еще не установились

и не овѣрили ни мысль, ни чувство. Обыкновенно принято думать, что женщина развивается раньше мужчины; но это не такъ. Если 16-лѣтняя дѣвушка способна сдѣлаться матерью, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что, при существующемъ нынче воспитаніи, она понимаетъ обязанности матери и свое социальное значеніе. 18-лѣтняя дѣвушка знаетъ не больше, и ея физическая зрѣлость не служитъ нисколько доказательствомъ ея умственного развитія. Только женщина старше 22 лѣтъ и испытавшая нѣсколько практическую жизнь, можетъ относиться спокойнымъ головнымъ образомъ къ тому серьезному шагу, который дѣлаютъ такъ легкомысленно всѣ молодыя дѣвушки. Какъ требуетъ развитія умъ, такъ точно требуетъ развитія и чувство. Только та жизнь выдѣлываетъ человѣка, которая заставляетъ его думать. Безъ упражненія умственныхъ способностей невозможно достигнуть умственного развитія, а безъ упражненія чувства нельзя достигнуть сознательной зрѣлости ощущеній. Если ничто не наводитъ человѣка на размышленіе, онъ навсегда останется глупъ умомъ и сердцемъ. А лучше всего наводитъ на размышленіе и зрѣлость то, что обыкновенно зовутъ несчастьемъ. Въ этомъ несчастіи только и заключается все счастье человѣка. Дрянная натура забьется и разобьется; натура сильная станетъ еще сильнѣе и тоньше умомъ и ощущеніями. Тѣ, кто толкуютъ о несчастіяхъ, сами не знаютъ, что они говорятъ; потому что воображаемое ими несчастье есть такое же физиологическое состояніе, т. е. здоровое, нормальное, какъ боля при родахъ. Если человѣкъ, при своемъ умственномъ ростѣ, достигаетъ полного развитія только путемъ ошибокъ и умственныхъ пробъ и приспособленій всякаго рода, такъ точно и въ ощущеніяхъ онъ можетъ достигнуть зрѣлости только подобнымъ же путемъ. Я думаю, что нельзя высказать женщинамъ большаго уваженія и вниманія, какъ пожелавъ имъ влюбляться и разочаровываться, какъ можно чаще. Только не приходите въ отчаяніе и не пейте уксусъ, если васъ постигнетъ неудача или коварный мужчина васъ разлюбитъ для другой, или, изъ трусости, измѣнитъ своему обѣщанію. Знайте, что все это на пользу вамъ же самимъ. Ну, на что вамъ коварный человѣкъ или трусъ, или на столько несходный съ вами мужъ, котораго тотчасъ же отвлечетъ отъ васъ женщина болѣе съ нимъ сходная? Уксусъ только разстроитъ вамъ желудокъ и черезъ мѣсяцъ вы будете уже горько раскаиваться въ своей опрометчивости. Знайте что до 22 лѣтъ вамъ нужно испытать много неудачъ, и умѣйте встрѣчать

къ опокойно и переносить съ достоинствомъ мыслящаго и сознающаго человѣка. Я не утверждаю, что сердечныя неудачи доставляютъ удовольствіе, но я говорю о томъ, что не слѣдуетъ пить уксусъ; вмѣсто питья уксуса, лучше анализировать свой внутренній процессъ, начиная съ самаго его рожденія, и понять причины, почему вашъ романъ кончился печальнымъ образомъ. Пойдете вы этимъ путемъ—изъ васъ выйдетъ мыслящая женщина; пойдете вы путемъ стремительнымъ легкомысленныхъ женщинъ—изъ васъ не выйдетъ ничего. Въ первомъ случаѣ, для васъ все счастье жизни будетъ именно и заключаться въ томъ, что безпрестанные толчки будутъ будить въ васъ мысль и, наконецъ, вы поймете людей и что, и кто нужны вамъ для жизни, и въ выборѣ не сдѣлаете ошибки; а во второмъ—накинувшись, съ безразсудной стремительностью и потерпѣвъ неудачу, вы или упадете духомъ и сохраните навсегда уксусный вдовій видъ, или же, при большемъ запасѣ легкомыслія, будете кидаться отъ неудачи къ неудачѣ, подобно распрыгавшемуся резинчатому мячу, и затѣмъ покончите все-таки какою нибудь глупостью. О! почтенныя маменьки, вынесшія изъ своего 70-лѣтняго опыта только эти два мудрые афоризма: «суженаго конемъ не объѣдешь» и «стерпится—слюбится!»—пѣтъ на землѣ такой силы, которая бы вразумила васъ, что напрасно жили вы такъ долго, и умри вы, какъ только вы произвели своихъ дѣтей на свѣтъ, они были бы счастливѣе и не смотрѣли бы на васъ, какъ на единственную причину всего того, что имъ пришлось вынести въ жизни.

Развитіе дѣвицъ важно еще и въ томъ отношеніи, что, вступая въ бракъ женщиной, уже вполне сложившейся умственно, онѣ могутъ измѣнить совершенно взглядъ мужчинъ на супружескія отношенія. Теперъ мужчина, болѣе богатый опытомъ жизни, является въ супружествѣ представителемъ умственной силы и опорой жены, а жена—представительницей умственного безсилія и нѣжнымъ цвѣткомъ, который никакъ не можетъ держаться самъ собой. Неудивительно, что мужа съ не турецкими наклонностями такъ же рѣдки, какъ настоящія сирпки Амати. Извѣстно, что люди не дѣлаютъ только того, чего имъ нельзя дѣлать, и что для сырого, черноземнаго человѣка самая пріятная вещь—дѣлать всякихъ сортовъ насиліе и утѣснять, кого только можно. Какъ представители грубой силы, люди эти живутъ еще понятіями среднихъ вѣковъ. Совершенныхъ мужескихъ организмовъ, такого тонкаго развитія, чтобы они были

неспособны производить въ супружеской жизни турецкіе подвиги и обнаруживать янычарскую храбрость, еще очень мало. Всмотритесь попристальнѣе въ мужчинъ — не тогда, когда они напускаютъ на себя добродѣтели Катона и свободомысліе Жанъ-Жака Руссо, а въ практическихъ мелочахъ ихъ повседневной жизни, — и васъ поразитъ разногласіе между красивыми словами и глупыми дѣлами. На словахъ вамъ приписываютъ фразы и мысли, профильтрованные чрезъ новѣйшій, утонченный либерализмъ, а на дѣлѣ вы увидите черноземъ сырой, некультуриванной природы, неумѣющей справиться съ своими дикими порывами. Когда этотъ черноземъ превратится въ ту совершенную почву, которая будетъ создавать только одни усладительные плоды, лишенные всякой горечи, — сказать нельзя, хотя превращеніе это совершится непременно. Современный благосчитанный европеецъ не станетъ не только ругать свою жену или дѣтей и стѣснять ихъ личную свободу, — онъ не станетъ грубить даже своему дворнику; и не станетъ онъ дѣлать этого совѣмъ не потому, чтобы его удерживала разсудочность, а просто потому, что въ его организмѣ нѣтъ ни зерна тѣхъ грубыхъ черноземныхъ порывовъ, которые, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, проявляются въ формѣ грубости, брани, побоевъ. Это больше ничего, какъ тонкое развитіе первной системы, доведенной до неспособности производить янычарскіе подвиги, какъ фортепіано неспособно производить звукъ барабана. Подобный черноземъ, составляющій высшее, крайнее проявленіе мужской грубости, распускается постепенно въ болѣе слабая проявленія супружескаго деспотизма и насилія, и окончательно вымираетъ только въ небольшой кучкѣ мужчинъ, умѣющихъ разжеваться безобидно съ своими жонами и жить, писколько не оскорбляя обоеудной свободы и нравственной независимости. Недостатокъ гармоніи въ супружескихъ отношеніяхъ является оттого, что, какъ бы мужчины ни кричали громко о свободѣ, независимости и равенствѣ, они все-таки не понимаютъ, что они говорятъ. Для нихъ свобода и равенство пока красивые слова и больше ничего. Но какъ только приходится имъ дѣйствовать, красивые слова отгадываются въ сторону и медвѣдь выпускаетъ когти. Нужно ждать, однако, слѣдующаго, пока медвѣдь въ тонія чувствъ уподобится Лорду Пальмерстону. Поэтому, остается одно средство, чтобы вы, моя прекрасная читательница, не выходили бы замужъ ранѣе 22 лѣтъ, т. е. когда достигнете умственной самостоятельности и сложится вполнѣ вашъ

характеръ; тогда вы несомнѣнно упротите медвѣдя, потому что онъ — звѣрь страшный только для дѣтей.

Изъ всѣхъ этикъ длинныхъ разсужденій читательница видитъ, что я желаю ей всякаго благополучія и что мое желаніе такъ велико, что я даже открываю ей нѣкоторыя слабости своего пола, чего мужичины, по закону солидарности, вообще не имѣютъ привычки дѣлать. Но снисходительная читательница очень ошибется, если подумаетъ, что подробности супружества, въ которыя я вдался, не имѣютъ никакого экономическаго значенія. Конечно, экономическая наука не занимается теоріей брака, и какая наука занимается этимъ дѣломъ, я признаться и не знаю, хотя по важности вопроса, имъ несомнѣнно долженъ же кто нибудь заниматься. Экономическая теорія говоритъ только о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ человѣческая дѣятельность достигаетъ своего высшаго результата. А первое условіе этого, при основной формѣ сочетанія труда, представляемой бракомъ, заключается въ томъ, чтобы силы были не только приго-товлены соответственнымъ экономическимъ образомъ, но и чтобы онѣ находились въ условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для ихъ проявленія. О всемъ этомъ самая благосклонная читательница слышитъ въ первый разъ, потому что ей никто никогда не говорилъ, чтобы люди женились для чего нибудь другого, какъ для нѣжныхъ воркованій въ шалашѣ. Обратите вниманіе на то, какъ ваши цивилизованныя понятія извращены противъ понятій достопочтеннаго Пятницы, ближайшія представители котораго служатъ въ наше время простолюдины. Дѣвушка изъ простаго быта воспитывается не для воркованій, а для труда, для экономической дѣятельности. Дѣвичество служить ей не для того, чтобы изощрять свои изящныя таланты и уловлять жениховъ; она даже вовсе и не думаетъ о женихахъ, и если плачетъ, выходя замужъ, то имѣетъ основательную для того причину, потому что, дѣйствительно, разстается съ своей дѣвической волей, чтобы выступить на путь тяжелаго, мучительнаго труда. Если бы взяли на себя хоть часть этого труда, деревенской бабѣ было бы легче, а вамъ выгоднѣе, чѣмъ теперь. Въ то время, какъ у деревенской дѣвушки пора дѣвичества служила временемъ ея свободы, а жизнь труда и разныхъ обязанностей наступаетъ съ момента супружества, — для васъ, напротивъ, дѣвичество есть время заключенія и экзотическаго произрастанія, а супружество, о которомъ вы мечтаете, — пора свободы. Для деревенской дѣ-

вунки дѣвичество есть практическая школа жизни, въ которой она проходить полный курсъ житейскихъ отношеній, на сколько они выработаны деревенской средой, и, становясь женщиной, она уже знаетъ, что впереди не встрѣтитъ ничего, что бы ей было незнакомо. Отъ этого быстрый, почти мгновенный переходъ въ одного положенія въ другое у деревенской женщины можно сравнить съ тѣмъ мгновеннымъ переломомъ нѣнца, который опредѣляется поговоркой, что «нѣмецъ до двадцати-пяти лѣтъ Иванъ Ивановичъ, а съ двадцати пяти—Адамъ Адамовичъ». Въ вашей же жизни дѣвичество, напротивъ, не есть практическая школа жизни, выработывающая и подготавливающая человѣка къ его будущимъ обязанностямъ; это время мечтаній, поэтическихъ грезъ, непонятныхъ стремленій, тайныхъ смутныхъ желаній и вообще какой-то туманъ и экзальтація, т. е. ненормальное, болѣзненное состояніе. Пора здоровыхъ отправленій мозга и нервовъ наступаетъ для васъ съ супружества, и тутъ, очнувшись отъ дѣвческаго сна, вы начинаете видѣть впервые цѣлый рядъ ошибокъ, приведшій васъ, наконецъ, къ ошибкѣ самой крупной и, нерѣдко, совершенно неоправданной — къ несчастному супружеству. — Я знаю, что вы возразите мнѣ тѣмъ, что жизнь простонародья вовсе не такое идеальное совершенство, какъ выходитъ, повидимому, изъ моихъ словъ, и что экономическій элементъ въ вашихъ супружескихъ отношеніяхъ занимаетъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Но я вовсе и не говорю о томъ, что жизнь простонародья—идиллія. Въ ней есть много грубаго, невыработаннаго и даже варварскаго; но она всегда практически зрѣлая, въ отношеніи общаго уровня понятій простолюдиновъ, тогда какъ ваша не имѣетъ въ себѣ ни одной былинки того пракческаго значенія, какое ей имѣть слѣдуетъ, потому что вся ваша дѣвическая житейская практика приспособлена только къ развитію въ васъ тѣхъ стремленій и понятій, съ которыми, можетъ быть, очень хорошо жить въ раю Магомета, но вовсе невыгодно жить на землѣ. Что же касается до экономическаго элемента, то увы! это элементъ вовсе не экономическій, а противо-экономическій. Вы считаете глубокими экономическими соображеніями тѣ разнообразныя комбинаціи, которыми ваша маменька старается проникнуть въ глубь кармана жениха; но экономическая теорія не учитъ жить на счетъ ближняго; она, напротивъ, проповѣдуетъ ученіе о томъ, что всякій долженъ жить своими личными трудами. Въ соображеніяхъ жениховъ,

ищущихъ богатыхъ невѣсть, гораздо больше экономическаго смысла. Мужчина, добывающій средства существованія своими руками, очень хорошо знаетъ свои экономическія силы и вѣрно соображаетъ обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть будущая экономическая успѣшность его труда. Столоначальникъ знаетъ хорошо, что онъ получаетъ жалованья 500 руб., и, что онъ тамъ ни дѣлай, эти 500 рублей не превратятся въ тысячу. Онъ знаетъ также, что ему нужно, по меньшей мѣрѣ, прослужить еще десять лѣтъ, чтобы, даже при благопріятныхъ условіяхъ, достигнуть повышенія, съ содержаніемъ, положимъ, въ 700 рублей. Жениась, онъ пріобрѣтаетъ въ хозяйствѣ лишній желудокъ, который, при извѣстномъ приращеніи семейнаго населенія, поглотитъ половину его жалованья. Положимъ, что жена будетъ заниматься хозяйствомъ; но вѣдь она не станетъ носить воду, колоть дрова, мыть полы и бѣлье. Да если бы она и вѣдумала дѣлать все это, то экономія вышла бы не особенно поразительная, потому что деревенская работница оказываетъ тѣ же самыя услуги всего за 1 р. въ мѣсяцъ, да проѣстъ на два — итого 3 р. Слѣдовательно, экономію 36 руб. въ годъ приходится купить за 250 р. Ненужно быть большимъ математикомъ, чтобы сообразить, что это не особенно выгодно. Слѣдовательно, столоначальникъ, рассчитывающій взять жену съ порядочнымъ приданымъ, поступаетъ вполне, какъ разсудительный человекъ, ибо ему нужно, чтобы жена сама и окупала бы свой супружескій *far-niente*. Самообольщеніе дѣвушекъ, полагающихъ, что онѣ, своими услаждающими обаяніями и нѣжными ласками, въ состояніи внести свою экономическую долю въ супружескую складчину, достойно, дѣйствительно, удивленія, если бы на свѣтѣ было что нибудь достойное такого празднаго занятія. Гнушаясь турецкими понятіями и магометанскими учрежденіями, женщины въ то же время не въ состояніи понять, что ихъ супружеская праздность, за которую онѣ платятъ своимъ мужьямъ ласками, имѣетъ въ основаніи ту же самую мысль, изъ которой вышло и турецкое воззрѣніе на женщину. Но и у магометанъ эти понятія имѣютъ практическое значеніе только у людей богатыхъ; простонародье же, исповѣдая одну религію, дѣйствуетъ практически по другимъ правиламъ. Только наша цивилизація извращаетъ понятія женщинъ, и изъ полезныхъ, какими онѣ являются въ быту простолюдиновъ, превращаетъ ихъ въ бесполезныхъ.

Хотя мужчины и рассчитываютъ брать жонъ съ приличнымъ при-

даннымъ, и въ этомъ отношеніи они совершенно правы, тѣмъ же менѣе, подобный суррогатъ экономической дѣятельности дражайшей половины нельзя оправдать никакой экономической теоріей. Для правильности экономическихъ отношеній супруговъ и для общей гармоніи всего человеческого труда, во всей его совокупности, нужно, чтобы жена изображала такую же производительную экономическую силу, какъ и мужъ. — Но что же мнѣ нужно производить, чтобы явиться дѣйствительною экономической силой? спросите вы. На это я вамъ отвѣчу, что никакая журнальная статья не научитъ васъ этому. Я знаю, что у насъ теперь вышло много женщинъ, которыя самымъ искреннимъ образомъ спрашиваютъ: что же намъ дѣлать? Научите! И всѣмъ такимъ женщинамъ можно дать только одинъ отвѣтъ: подумайте, сообразите и займитесь тѣмъ, что вы можете дѣлать выгоднѣе всего. Если же васъ не удовлетворитъ такой отвѣтъ и вы не въ состояніи понять, почему именно вамъ дастся отвѣтъ такой, а не другой, то это служить лучшимъ доказательствомъ, что вы еще не созрѣли для экономической дѣятельности, что въ васъ еще нѣтъ самостоятельности, потому что вы просите уназку, и что въ васъ нѣтъ никакихъ полезныхъ практическихъ знаній. Предположите, что, желая удовлетворить васъ, я бы вамъ сказалъ: дѣлайте кирпичи. Вы бы мнѣ отвѣтили: «кирпичи я дѣлать не умѣю, да не достанетъ у меня для того и силы». Ну, такъ шейте башманы. — «Башманы шить тоже не умѣю». — Рисуйте на фарфорѣ. — «Рисовать я не училась». — Давайте уроки музыки, чтенія, письма, постушайте въ гувернантки, классныя дамы. — «Частью не могу, сама не приготовлена, да нѣтъ и жѣсть». — Ну, пишите повѣсти, романы, ученые статьи. — «Не имѣю способностей». Однимъ словомъ, что вамъ ни предлагай, впередъ можешь рассчитывать на отрицательный отвѣтъ. Какой же послѣ этого можно дать вамъ полезный совѣтъ? Обратите вниманіе еще и на то, что есть много насвѣтъ — ну, положимъ, что не особенно много, — дѣйствительно превосходныхъ женщинъ, чрезвычайно честныхъ убѣжденій, понимающихъ вполне всю неловкость своего экономического положенія и ту оскорбительную нравственную зависимость, въ которой онѣ находятся; у этихъ женщинъ есть и энергія, и желаніе выйдти изъ своего зависимаго положенія, и при всемъ томъ, онѣ не могутъ рѣшиться сдѣлать первый шагъ и, вѣроятно, никогда его не сдѣлаютъ, если не помогутъ имъ какія нибудь случайныя счастливыя обстоятельства. Отчего же

это проходить? Просто оттого, что нѣтъ энергія, при всей своей силѣ, не доразвилась до возможности самостоятельнаго проявленія. Ихъ испортило воспитаніе и вѣчное хожденіе на помочахъ; онѣ не дѣлали ни одного шага въ жизни безъ того, чтобы не опираться на чью-либо руку, и теперь имъ нужна подобная же помощь. По обыкновенному порядку вещей, эта помощь является всегда со стороны и руководство беретъ на себя мужчина, изображающій въ этомъ случаѣ своей первою случайное счастливое обстоятельство. Хорошо, если встрѣтится такая счастливая случайность, а если нѣтъ? Но если и встрѣтится, то и тутъ требуется цѣлое перевоспитаніе человѣка, т. е. нужно, чтобы энергія женщины переходила или перевоспитывалась постепенно въ дѣйствительную, активную дѣятельность, пока не достигнетъ полной самостоятельности. Для этого нужно не годъ, не два, а больше, и во все это время женщина должна чувствовать подлѣ себя поддержку, на которую она можетъ смѣло опереться, въ случаѣ нужды. А если все это нужно для натуръ сильныхъ, то что же потребуется для натуръ слабыхъ, неспособныхъ, легкомысленныхъ? Тѣ, кто говорятъ: «научите», не знаютъ той простой вещи, что всякой активности предшествуетъ зрѣлость мысли. Надобно, чтобы вамъ сдѣлалось очень-очень свѣрсно жить, чтобы свѣрсно дошла рѣшительно до невозможности ее переносить, тогда ваша стремительность, доведенная до высшаго возбужденія, поставитъ васъ на ноги и вы пойдете. Сначала будете идти боязно, но потомъ привыкнете и сдѣлается вамъ легко и хорошо. Но для всего этого нужно себя воспитать, и если ваше прежнее воспитаніе было много характера, то, значитъ, нужно себя перевоспитать. Отчего мужчины смѣлы и безъ страха идутъ по одиночкѣ по пути жизни? Не потому это, чтобы они были сдѣланы изъ другой глины, а только потому, что они получили другое воспитаніе. Есть и порченые мужчины, но порченныхъ женщинъ гораздо больше. И здѣсь вы можете позавидовать дѣвушкамъ изъ престанородья. Сравните себя хоть съ вашей горничной. Посмотрите, какъ твердо стоитъ она на своихъ ногахъ и нисколько не дадаетъ духомъ, не чувствуя подлѣ себя опоры. А если вы останетесь, одинъ, у васъ сейчасъ же явится сердечное замираніе, точно васъ, неумѣющую плавать, бросили въ глубокую и быструю рѣку. Не бойтесь, барахтайтесь руками и ногами—и не утонете. Конечно, пріятнѣе совершить путь жизни подъ руку съ хорошимъ человѣкомъ,

но хорошие люди не сваливаются съ облаковъ; ихъ нужно находить; а для этого нужно уметь ходить и искать. Безъ этого вы будете похожи на тѣхъ дѣвушекъ, которыя въ Троицынъ день выставляютъ себя въ лѣтнемъ саду напоказъ женихамъ, — хорошие къ вамъ не пойдутъ. Устройте свою жизнь по экономической теоріи, и исчезнутъ всѣ тѣ неудобства, отъ которыхъ вы терпите нынче такъ много. Прежде всего забудьте, что жизнь есть рядъ мясныхъ наслажденій и восторговъ, что вы созданы для любви и что, кромѣ любви, человѣку на землѣ заниматься нечѣмъ. Не воспитывая себя для любви, вы отъ любви не уйдете, потому что она такая же физиологическая потребность, какъ необходимость пить, ѣсть, думать. Но воспитывая себя для любви въ томъ видѣ, какъ она содалась въ вашемъ разгоряченномъ воображеніи, вы не воспитываете себя для дѣла болѣе важнаго, въ которомъ и заключается вся сущность, — для труда. Отъ этого въ дѣлѣ, о которомъ и хлопотать ненужно, вы перетоните себя до разстройства нервовъ; а въ томъ, что важнѣе всего и чѣмъ обуславливается возможность любви, вы являетесь беспомощнымъ человѣкомъ, который безъ посторонней поддержки умретъ съ голоду. Помните мудрый афоризмъ Базарова, что жизнь — не хранишь, а мастерская. Можетъ быть, она будетъ когда нибудь хранимъ, но мы, по крайней мѣрѣ, живемъ не въ такое время. Потому, если смѣшно, когда, принявъ изящный видъ и надѣвъ бальные одежды, вы расположитесь на жительство въ кузницѣ, гдѣ идетъ работа, такъ точно смѣшно, если вы воспитаете себя для наслажденій въ то время, когда нужно трудиться. Учтите только тому, что можетъ принести вамъ практическую пользу и дать самостоятельность въ жизни, такъ чтобы, въ какомъ положеніи вы не очутились, всегда могли рассчитывать на свои собственные силы. Зачѣмъ вы учитесь музыкѣ, не имѣя музыкальной способности и не думая сдѣлать изъ нея кусокъ насущнаго хлѣба? Зачѣмъ вы занимаетесь разнообразными изящными женскими работами, которыя точно также не принесутъ вамъ въ жизни ни малѣйшей существенной пользы? Продолжительное сидѣнье за ними только ослабляетъ вашъ желудокъ и ведетъ къ празднымъ мыслямъ, порождающимъ фальшивыя желанія и разгорячающимъ воображеніе. Прежде всего читайте, — но не повѣсти и романы, и даже не журнальныя статьи, а книги; вы учились языкамъ и потому умѣйте извлекать изъ знанія ихъ дѣйствительную пользу, не ограничиваясь лео-

британіемъ салонныхъ французскихъ фразъ, потому что ни одинъ умный человѣкъ такимъ дѣломъ не занимается. Читайте, читайте и читайте, чтобы пріобрѣсть прочныя и существенныя знанія и правильный взглядъ на вещи. Если вы спросите, что значать существенныя знанія и правильный взглядъ, то я вамъ на это отвѣчу, что есть же въ русской литературѣ журналы, въ честности которыхъ нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться; читайте тѣ книги, которыя они будутъ вамъ рекомендовать; проживаютъ, кромѣ того, въ вашемъ городѣ и хорошіе люди—они вамъ помогутъ тоже; наконецъ, читайте хорошіе русскіе журналы,—ихъ хотя и мало, но они есть. Ваша добрая прогрессивная натура васъ не обманетъ при выборѣ чтенія, развивающаго понятія: что вамъ понравится, возбудитъ въ васъ головную дѣятельность и заставитъ васъ думать, то для васъ хорошо, т. е. полезно. Тѣмъ же, кто не умѣетъ понимать правильно ничего печатнаго, не поможетъ никакое чтеніе, никакіе совѣты. Люди эти годятся только стоять въ арьергардѣ человѣчества и шлепаться за тѣми, кто идетъ впереди. Однимъ словомъ, главная забота должна заключаться для васъ въ самообразованіи, а о замужествѣ думать вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ. Къ какой экономической дѣятельности вамъ себя готовить—зависитъ отъ вашихъ способностей, наклонностей и условій мѣстности, въ которой вы живете. Конечно, наша женщина не находится въ обстоятельствахъ особенно благоприятныхъ для экономической самостоятельности, но вопросъ пока и не въ этомъ. Вопросъ въ поворотѣ мыслей и въ томъ, чтобы женщина поняла свое положеніе, сильно бы захотѣла стать въ лучшія условія и для этого начала бы себя образовывать; потому что то воспитаніе, которое она получала до сихъ поръ, вы можете назвать чѣмъ вамъ угодно, но только не образованіемъ.

Когда дѣвушка употребитъ съ пользою свое время, лѣтъ до 22-хъ, а пожалуй, и больше, когда, учась и наблюдая жизнь и людей, она останется на опредѣленномъ планѣ жизни, выяснивъ всѣ главные вопросы, она можетъ выходить замужъ, потому что въ мужѣ будетъ искать не юношу, способнаго только гулять, въ лайковыхъ перчаткахъ, въ тѣни померанцевыхъ деревъ, а соратника и экономического производителя, и въ бракѣ будетъ видѣть такой же союзъ, какъ понимаютъ его всѣ простые люди, живущіе трудомъ своимъ ругъ. Развита дѣвушка можетъ соединиться только съ

развитымъ мужчиной, слѣдовательно, очевидно, что такой бракъ будетъ несовершенная царность, какая только возможна въ данной мѣстности и въ данныхъ обстоятельствахъ, т. е. совершится при условіяхъ, обеспечивающихъ inevitable благополучіе супруговъ. Если бракъ понимается супругами, какъ основная форма сочетанія труда, въ такомъ случаѣ, нечего бояться, что люди эти не съумѣютъ размежеваться въ жизни безобиднымъ другъ для друга образомъ, или что они поставятъ на первомъ планѣ тѣ отношенія, которыя нѣрѣдко—превращаютъ мужей въ турецкихъ пашей, а жонъ въ гаремныхъ невольницъ. Пора сладостныхъ порывовъ минуешь скоро, и если вся прочность брака рассчитывалась только на это, то очевидно, что связь ослабѣетъ и единство интереса исчезнетъ. Только одинъ экономическій интересъ вѣченъ и потому проченъ, и бракъ, основанный на сочетаніи труда, включаетъ въ себя такую гармонію благоприятной, спокойной жизни, что ошибочныя супружества явятся исключеніемъ, а не правиломъ. Я не хочу сказать этимъ, что однородность рабочихъ способностей служатъ непремѣнно доказательствомъ и однородности всѣхъ остальныхъ нравственныхъ качествъ; но если вы выходите замужъ, какъ зрѣлый человѣкъ, то вы съумѣете и поступить умно, т. е., если вы умны, вы не выберете себя въ сотрудницы дурака; если вы добры, вы не выберете злого; если вы честны—не возьмете плута и мошенника. Подобное соединеніе противоположностей возможно только тогда, когда дѣвушка, выходя замужъ, сама не знаетъ, что и для чего онѣ дѣлаютъ. Вы же, зрѣлая и разсудительная дѣвушка, будете знать, что страстная порывистость доказываетъ не способность любить, а силу человеческого чернозема; что, сидя спокойно и смиренно въ своемъ уголкѣ, можно любить гораздо сильнѣе, глубже и прочнѣе, чѣмъ проповоля всякія неистовства и выражая силу любви битьемъ стеколъ и глубокими порывистыми тѣлодвиженіями. Такъ любили люди только въ старину, когда интеллектуальное развитіе стояло на второмъ планѣ, да нынче любятъ еще турки и зуавы. Нравится вамъ, болѣе турецкій способъ—выбирайте себя зуава, и Богъ съ вами, но за то не претендуйте на разсудительность и европеизмъ. Какъ зрѣлый человѣкъ, знакомый съ экономическими требованіями, вы, разумѣется, не сдѣлаете ошибки въ выборѣ, ибо знаете, что вамъ нужны для успѣшнаго труда. Трудъ требуетъ прежде всего положительныхъ ему способностей и такихъ условій, при которыхъ производительная

сила проявлялась бы возможно-выгоднымъ способомъ. Если у васъ, положимъ, литературныя способности, то вы, разумѣется, попадете въ литературный кружокъ и въ немъ же найдете себѣ и мужа. Какъ экономическіе производители, и вы, и вашъ мужъ будете знать, что прежде всего вамъ нужно расположить свой супружескій лагерь такъ, чтобы ваши способности подавлялись какъ можно менше; это значитъ, что каждый долженъ пользоваться принадлежащей ему полной свободой и дѣйствовать другъ на друга ободрительнымъ образомъ, потому что все, дѣйствующее иначе, пойдетъ во вредъ вашей производительности. Гдѣ, вмѣсто рая, адъ, тамъ работать нельзя; а какъ вы вышли замужъ для труда, то, очевидно, постараетесь, чтобы вамъ можно было трудиться, а не изнывать отъ сердечныхъ болей со сложенными руками. — Видите, какъ экономическая теорія учить хорошо любить! Она учить тому, что люди должны уважать другъ друга и не терзать и мучить себя, потому что иначе повторится басня о лебедѣ, щуцѣ и рацѣ, и не выйдетъ ничего, кромѣ пошлхъ, безтолковщины и убийствъ. Но вѣдь вы не для этого выходили замужъ. Ваша же любовная теорія бесплодныхъ воздушныхъ учить только тому, отчетъ является вселяя безтолочь и супруги уподобляются, наконецъ, лебедю и щуцѣ, впряженнымъ въ возъ. Какая теорія лучше? Какіе бы роды труда вы ни взяли, условія успѣшности его останутся всегда одѣ и тѣ же. Столяру, сапожнику, обшивнику, всѣмъ мастерамъ и всѣмъ людямъ нужна спокойная, свободная жизнь; нужно въ бракѣ то, что называется обоюднымъ уваженіемъ супруговъ и что до сихъ поръ составляло въ жизни людей не правило, а исключеніе. Если на первомъ планѣ стоитъ у васъ не трудъ, то, при известной долѣ романтизма и сатаизма, вы, пожалуй, еще ухитритесь найти усладу въ своихъ мученіяхъ; но если, вмѣсто этого нежелательнаго масштаба, вы будете держать въ рукахъ экономическій аршинъ, то онъ, какъ термометръ, покажетъ вамъ всаго пониженіе или повышеніе вашей производительной дѣятельности при разныхъ условіяхъ супружескихъ отношений. Каждое пониженіе выразится очевиднымъ для васъ образомъ въ ослабленіи результатовъ труда, а каждое повышеніе въ увеличеніи производимыхъ вами полезныхъ предметовъ; следовательно, вашъ достопамятный мужъ, если касса находится въ его рукахъ, великій разъ можетъ увидѣть высоту супружескаго термометра, то прибавитъ вамъ убавитъ стонкой монеты въ своемъ кошмкѣ. — И знаю, что созо-

ставленіе звѣнкой монеты и любви производить на васъ непріятное впечатлѣніе, но я, въ самомъ началѣ этой главы, объяснилъ вамъ, что буду говорить о бракѣ исключительно съ экономической точки зрѣнія. А теперь прибавлю, что рассматривая я бракъ съ эстетической, метафизической или какой нибудь другой подобной точки, то ни термометръ супружества, ни кошелекъ не посмѣли бы явиться не только на первомъ, но даже и на послѣднемъ планѣ.

Какъ только супруги станутъ смотрѣть на свои отношенія съ точки экономической выгоды и успѣшности труда, то все то, съ чѣмъ они теперь не въ состояніи управиться, само собой займетъ соответственное ему мѣсто. Если бракъ—союзъ людей для наслажденія, то, конечно, и всю жизнь свою нужно устроить такъ, чтобы достигалась какъ можно совершеннѣе эта цѣль. Но что значить наслажденіе? Съ эстетической точки зрѣнія, это нѣчто весьма смутное и непонятное. Однимъ кажется, что великое наслажденіе вставать въ 12 часовъ и сидѣть до трехъ за туалетомъ, умащая волосы французской помадой, посыпая лицо пудрой и потирая тѣло равными ароматическими веществами. Имъ же кажется великимъ наслажденіемъ принимать визиты праздныхъ болтуновъ и проводить время въ разговорахъ объ изящныхъ предметахъ, какъ, наприимѣръ, итальянская опера, послѣдній маскарадъ въ дворянскомъ собраніи, удивительные прыжки фальшиваго Донато и т. п. Имъ же кажется наслажденіемъ пріятный отдыхъ въ театрѣ или прогулка по острову послѣ дня, проведеннаго за такимъ утомительнымъ трудомъ, какъ принианіе визитовъ праздныхъ людей. Люди менѣе изящнаго воспитанія считаютъ великой пріятностью устроить у себя по вечерамъ шумныя компаніи смѣющихся, поющихъ и болтающихъ пустяки людей. И привычка къ такому веселому образу жизни становится, наконецъ, такъ велика, что если не собираются всякіе шумилы, то супруги уже очень недовольны своимъ днемъ и даже эвваютъ отъ скуки, потому что сами по себѣ они несколько необходимы другъ другу и не въ состояніи наполнить обоюдную нравственную пустоту. При эстетической точкѣ зрѣнія, главнѣйшая сущность заключается въ томъ, чтобы ровно ничего не дѣлать и происходящую отъ праздности скуку заглушать разнообразнымъ одуряющимъ шумомъ. Супружеская жизнь, построенная на такомъ началѣ, придаетъ супружеской ассоціаціи совершенно противо-экономическій характеръ, гдѣ все рассчитано на убыточный расходъ силъ и

экономическихъ средствъ. Всѣ знакомства и связи устрояются на основаніи принципа наслажденія. Знакомятся съ тѣми, кто владѣеть разсѣвающими скуку супруговъ талантами; будь человѣкъ уменъ, какъ французская академія, но если онъ не умѣетъ забавлять или быть занимательнымъ, онъ считается неприятнымъ гостемъ, отъ котораго съ удовольствіемъ заперли бы двери. Самымъ драгоценнымъ знакомымъ считается тотъ, кто умѣетъ производить очень веселый шумъ, заставляющій всю компанію забывать, что ее заѣдаетъ скука праздности. Люди, убивающіе свое время, шлются другъ къ другу и очень этимъ довольны; они устраиваютъ разныя катанья, загородныя прогулки съ виномъ и безъ вина, съ дамами и безъ дамъ, и вообще изобрѣтаютъ все то, что, по ихъ мнѣнію, ведетъ къ наиболѣе совершенному наслажденію. Однимъ словомъ, каждый кружокъ знакомыхъ составляетъ праздную компанію, съ спеціальной цѣлью убивать время пріятнымъ, въ эстетическомъ отношеніи, образомъ.

Супружеская жизнь, устроенная по экономическому принципу, складывается иначе. Тамъ пріятнымъ считается то, что ведетъ къ пользѣ, къ экономіи производительныхъ силъ и къ успѣшности труда. Ничего смутнаго и неопредѣленнаго нѣтъ въ этомъ основаніи, потому что оно принадлежитъ къ категоріи основаній математическихъ. Здѣсь все можетъ быть рассчитано, взвѣшено и точно опредѣлено. Люди здѣсь уже не спятъ до 12 часовъ, потому что «звара даетъ денежку», какъ говорятъ простолюдины; здѣсь уже не расходуются три-четыре часа на помаженіе волосъ и на втираніе въ тѣло ароматовъ, потому что чистая холодная вода лучше всего освѣжаетъ тѣло, всего опрятнѣе и всего здоровѣе. На туалетъ употребляется ровно столько времени, чтобы нанести какъ можно меньшій ущербъ рабочимъ часамъ. Затѣмъ наступаетъ пора труда, и никакіе праздные визиты не предпринимаются, потому что они идутъ въ убытокъ. Люди ходятъ только по дѣламъ и тратятъ на нихъ времени ровно столько, сколько нужно для дѣла — ни минутой больше, ни минутой меньше. Все, что люди ни дѣлаютъ, имѣетъ экономическій смыслъ и рассчитано на усиленіе производительности. Отдыхъ имѣетъ цѣлью не наслажденіе въ томъ видѣ, какъ понимаютъ его эстетическіе супруги, а возстановленіе силъ, и не бываетъ продолжительнѣе того, сколько нужно, чтобы приняться снова за работу. Трудъ и отдыхъ для труда — вотъ вся сущность жизни; и сознание своей

полезной деятельности составляет для труженников такое высокое наслаждение, какого не доставит праздному человеку никакой самый очаровательный пикникъ, никакая пирушка, попойка и т. п. Непрерывность труда является ближайшимъ слѣдствиемъ строгаго взгляда на свои обязанности, и самый трудъ получаетъ такую пріятность, какую не доставитъ праздной дѣвицѣ никакая полька и вальсъ, если бы приходилось танцовать ихъ даже съ самими Аполлономъ и Белведерскимъ подъ звуки оркестра Штрауса.

Знакомства при этомъ порядкѣ устроиваются тоже на иныхъ основаніяхъ. Сходятся только люди экономически-полезные другъ другу. Молчаливый господинъ, непригодный для людей, ищущихъ наслажденій, можетъ сдѣлаться первымъ гостемъ, если онъ умелъ и выгоденъ. Кто неполезенъ и невыгоденъ тотъ ненуженъ, какъ ненуженъ въ веселой компаніи человекъ, неумѣющий веселиться и наводящій на компанію тоску. Всѣ знакомства имѣютъ уже положительную экономическую цѣль, и тѣ новыя отношенія, въ которыхъ вступаютъ супруги съ своими знакомыми, имѣютъ задачей возвышеніе экономической дѣятельности супруговъ. Тутъ является уже слѣдующая высшая форма сочетанія труда многихъ для одной цѣли, и форма эта называется ассоціаціей. Въ то время, какъ у праздныхъ людей ассоціація знакомыхъ имѣетъ своей задачей производить какъ можно больше веселаго для нихъ шума, ассоціація экономическихъ производителей стремится создать какъ можно больше экономическихъ полезностей. Въ первомъ случаѣ, получается такой же результатъ, какъ отъ сожженного блестящаго фейерверка; во второмъ является осязательный результатъ, въ видѣ полезныхъ предметовъ, возвышающихъ матеріальное благосостояніе трудящихся членовъ ассоціаціи. Читательница понимаетъ, что люди, собирающіеся для общаго полезнаго дѣла, говорятъ и дѣлаютъ только то, что можетъ приносить существенную пользу самому дѣлу; они не говорятъ другъ другу комплиментовъ и не расходуютъ своихъ умственныхъ силъ на изобрѣтеніе разныхъ изящныхъ непригодностей бальнаго или кедрильнаго характера.

Въ слѣдующей статьѣ я буду говорить подробнѣе объ этой ближайшей формѣ ассоціаціи, развивающейся изъ союза мужчины съ женщиной.

И. Исагучевъ.

ПОДВИГИ ЕВРОПЕЙСКИХЪ АВТОРИТЕТОВЪ.

I.

Въ быдое время, когда приемы и орудія наблюденія были очень несовершенны, — многіе умные и, по тогдашнему, ученые люди объясняли себѣ самымъ неосновательнымъ образомъ происхожденіе различныхъ мелкихъ животныхъ. Аристотель думалъ, что большая часть насѣкомыхъ родится сама собою, изъ земли, изъ разлагающихся растеній или изъ частей тѣла другихъ животныхъ. Платархъ полагалъ, что почва Египта порождаетъ изъ себя крысъ. Плиній прии-малъ за чистую истину рассказъ Виргилія о пчелахъ Аристея, родившихся изъ трупа быка. Еще въ XVII вѣкѣ, ученый Кирхеръ утверждалъ очень серьезно, что мясо амфи, высушенное и истолчен-ное въ порошокъ, потомъ посѣянное въ землю и подвергнутое дѣй-ствію дождя, порождаетъ изъ себя червей, которые со временемъ пре-вращаются въ амфи. Но, въ томъ же XVII вѣкѣ, начались основательныя изслѣдованія по вопросу о размноженіи насѣкомыхъ и дру-гихъ мелкихъ животныхъ. Флорентійскій медикъ, Францискъ Реди, доказалъ въ это время, что мелкіе червячки, покрывающіе разлагаю-щееся мясо, родятся не изъ самаго мяса, а изъ личекъ, ползави-мыхъ на него различными породами мухъ. Ученикъ Франциска Реди, Валиснери, объяснилъ точно такимъ же образомъ присутствіе чер-вячковъ въ различныхъ плодахъ. Современникъ Реди и Валиснери, Сваммердамъ, пронавелъ множество наблюденій надъ размноженіемъ насекомыхъ, птицъ и равныхъ другимъ насѣкомыхъ. Оказалось, что воды они происходятъ отъ подобныхъ себѣ родителей и что ни в сущности да-же животныхъ не возникаетъ, посредствомъ таковыхъ.

произвольнаго зарожденія, ни изъ земли, ни изъ растительныхъ веществъ, ни изъ тѣла другихъ животныхъ. Послѣ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ изслѣдованій, большинство ученыхъ стало относиться къ произвольному зарожденію съ крайней недовѣрчивостью и съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Напуганные смѣшными ошибками старинныхъ натуралистовъ, они ударились въ противоположную крайность и смѣло причислили всякое произвольное зарожденіе къ тѣмъ мифамъ, надъ которыми наука одержала рѣшительную побѣду. Однако, въ концѣ того же XVII столѣтія, идея произвольнаго зарожденія нашла себѣ новый пріютъ, изъ котораго ее, повидимому, не выгонять никакія дальнѣйшія изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что, въ концѣ XVII вѣка, Левенгукъ открылъ въ каплѣ дождевой воды цѣлый міръ микроскопическихъ животныхъ и растений. Вслѣдъ затѣмъ, тотъ же изслѣдователь нашелъ, что міриады этихъ простѣйшихъ организмовъ, незамѣтныхъ для невооруженнаго глаза, развиваются съ изумительною быстротою во всякомъ настоѣ, то есть, въ такой водѣ, въ которую положено какое нибудь растительное вещество. Это свойство доставило микроскопическимъ животнымъ названіе *инфузорій*, то есть, *наливчатыхъ* животныхъ. Возникъ, разумѣется, вопросъ: откуда берутся эти мельчайшіе организмы? Одни ученые стали поддерживать то мнѣніе, что они зарождаются въ самомъ настоѣ, изъ частичекъ той матеріи, которая плаваетъ въ водѣ. Другіе высказали то предположеніе, что въ воздухѣ носятся тучи яичекъ и сѣмянъ, порожденныхъ прежними поколѣніями микроскопическихъ животныхъ и растений; что эти яички и сѣмена падаютъ изъ воздуха въ настой и развиваются въ этомъ настоѣ. Первая доктрина называется теоріею произвольнаго зарожденія или *этерогениею*. Вторая называется *анисперміею*, то есть, теоріею повсемѣстнаго присутствія зародышей. — Чтобы окончательно рѣшить вопросъ въ пользу той или другой доктрины, надо было устроить такъ, чтобы настой находился въ соприкосновеніи съ воздухомъ, но чтобы этотъ воздухъ былъ совершенно очищенъ отъ всякихъ органическихъ зародышей. Если, при этихъ условіяхъ, въ настоѣ все-таки разовьется микроскопическое населеніе, тогда побѣда останется на сторонѣ этерогенистовъ. Если же въ настоѣ не окажется ни растений, ни животныхъ, тогда восторжествуютъ аниспермисты. Очищеніе воздуха отъ органическихъ зародышей производится на основаніи самыхъ простыхъ соображеній. Известно, что изъ варенаго яйца не выведется цыпленокъ

и что вареный горохъ не дастъ ростка. Эти общезвѣстные явленія выражаютъ собою общій законъ, который распространяется на весь органическій міръ и состоитъ въ томъ, что всѣ растенія и всѣ животныя, всѣ сѣмена и всѣ яйца умираютъ, когда подвергаются, такъ или иначе, дѣйствию очень сильнаго жара. Кромѣ того, извѣстно, что очень сильныя кислоты также убиваютъ всякую органическую жизнь. Стало быть, чтобы уничтожить зародыши, заключающіеся въ самомъ настоѣ, надо его вскипятить; а чтобы уничтожить эти зародыши въ томъ воздухѣ, который будетъ прикасаться къ настою во время опыта, надо пропускать этотъ воздухъ черезъ раскаленную трубку или черезъ пузырекъ, наполненный сѣрною кислотою. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, нѣмецкій ученый Шульце сдѣлалъ нѣсколько опытовъ по данному вопросу, пропуская воздухъ черезъ сѣрную кислоту. Около того же времени, Шваннъ произвелъ такіе же опыты, пропуская воздухъ черезъ раскаленную трубку. Въ обоихъ случаяхъ не получалось ни животныхъ, ни растеній; панспермисты восторжествовали и почислили вопросъ окончательно рѣшеннымъ. Парижская академія наукъ и всѣ европейскіе университеты признали произвольное зарожденіе суевѣрною фантазією и совершенно успокоились на опытахъ Шванна и Шульце. Такимъ образомъ, прошло двадцать лѣтъ. Въ концѣ 1858 года, отпѣтый и покороненный вопросъ воскресъ съ новою силою. Одинъ изъ авторитетовъ ученаго міра, руанскій профессоръ Пуше, корреспондентъ парижской академіи наукъ, повторилъ со всевозможными предосторожностями опыты Шванна и Шульце, произвелъ множество самостоятельныхъ опытовъ и микроскопическихкихъ наблюденій и, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ трудовъ, извѣстилъ парижскую академію о томъ, что микроскопическія животныя и растенія возникаютъ и развиваются въ настояхъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ ихъ появленіе можетъ быть объяснено только произвольнымъ зарожденіемъ. Академія взволновалась и громко выразила свое недовѣріе. Химикъ Дюма и физиологъ Мильнъ-Эдвардсъ стали утверждать въ публичномъ засѣданіи, что зародыши животныхъ и растеній попали въ аппараты Пуше изъ воздуха, что, по своей мелкости, эти зародыши могутъ пробраться въ сосуды, закупоренные самымъ тщательнымъ образомъ, и что, по своей живучести, эти зародыши могутъ съ полнымъ успѣхомъ сопротивляться жару, далеко превышающему температуру кипящей воды. Выдвигая противъ Пуше эти аргументы, Мильнъ-Эдвардсъ счелъ да-

же своимъ долгомъ явиться передъ своими товарищами до академіи въ томъ, что рассуждаетъ въ ихъ присутствіи о вопросѣ, сталь недостойномъ ихъ просвѣщеннаго вниманія. Нисколько не смущаясь величественнымъ презрѣніемъ Мильнъ-Эдвардса, Пуше подорвалъ аргументацію своихъ оппонентовъ въ самомъ основаніи. Прямыми микроскопическими наблюденіями надъ тѣми пылинками, которыя носятся въ воздухѣ, онъ доказалъ, что воздухъ не заключаетъ въ себѣ ни личекъ, ни сѣмянъ; тѣ мельчайшія круглыя частички, которыя принимались прежними наблюдателями за яички и за сѣмена, оказались, по изслѣдованіямъ Пуше, *des grains de féculе* и *des grains de аіісе*, то есть, теми же веществами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ зародышами живыхъ организмовъ. Въ началѣ 1859 года, итальянскій ученый Мантегацца пришелъ къ тѣмъ самымъ результатамъ, за которые боролся Пуше. Мантегацца видѣлъ собственными глазами, какъ возникали и развивались въ настоѣ *бактеріи*, одинъ изъ видовъ простѣйшихъ инфузорій. Онъ прослѣдилъ, посредствомъ самыхъ усидчивыхъ микроскопическихъ наблюденій, всѣ фазы развитія этихъ животныхъ и совершенно убѣдился въ томъ, что самыя яички формируются въ настоѣ. Академія поколебалась и, 14 марта 1859 года, предложила для конкурса на 1862 годъ тотъ самый вопросъ, который, нѣсколько недѣль тому назадъ, Мильнъ-Эдвардсъ находилъ недостойнымъ ея просвѣщеннаго вниманія. Въ августъ того же года, вышелъ въ свѣтъ обширный ученый трудъ Пуше, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Hétérogénie ou Traité de la génération spontanée, basé sur de nouvelles expériences.*» (Этарогенія или трактатъ о произвольномъ зарожденіи, основанный на новыхъ опытахъ). Эта книга, заключающая въ себѣ около 700 страницъ и наполненная фактическими доказательствами, убѣдила всѣхъ безпристрастныхъ специалистовъ. Академія, по настоящему, оставалось только признаться въ томъ, что она ошибалась, и принять съ полною благодарностью новую теорію, какъ драгоценный вкладъ французскаго мыслителя въ сокровищницу общечеловѣческой мысли. Ни одинъ изъ академиковъ не представилъ противъ книги Пуше ни малѣйшаго возраженія. Въ теченіи шести мѣсяцевъ, теорія произвольнаго зарожденія не находила себѣ во Франціи ни одного противника. Наконецъ, въ февралѣ 1860 года, на помощь къ смущенной академіи наукъ подоспѣлъ химикъ Пастеръ. Опыты этого ученаго привели его къ тому убѣжденію, что зародыши дѣйстви-

только носятся въ воздухѣ, но не повсемѣстно, и что число ихъ, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста, то увеличивается, то уменьшается. Пастеръ беретъ нѣсколько стеклянныхъ сосудовъ одинаковой величины, наливаетъ въ каждый изъ нихъ небольшое количество настоя, кипятитъ ихъ и потомъ, во время кипѣнія воды, запаиваетъ узкія отверстія этихъ сосудовъ надъ огнемъ спиртовой лампы. Затѣмъ онъ переноситъ ихъ въ то мѣсто, гдѣ онъ хочетъ производить опыты надъ составомъ атмосферы, открываетъ ихъ тамъ, наполняетъ ихъ воздухомъ и потомъ опять запаиваетъ ихъ наглухо. Въ нѣкоторыхъ сосудахъ развивается органическая жизнь, а въ другихъ не развивается. Сравнивая число первыхъ съ числомъ вторыхъ, Пастеръ замѣчаетъ, что число вторыхъ становится тѣмъ значительнѣе, чѣмъ чище и спокойнѣе воздухъ того мѣста, въ которомъ совершалось открытіе и наполненіе сосуда. Изъ двадцати сосудовъ, наполненныхъ воздухомъ у подошвы Юры, *девять* сосудовъ наполнились инфузоріями, а *одиннадцать* остались безплодными. Изъ двадцати сосудовъ, наполненныхъ воздухомъ на одной изъ вершинъ Юры, на высотѣ 850 метровъ надъ уровнемъ моря, *пять* сосудовъ наполнились инфузоріями, а *пятнадцать* остались безплодными. Наконецъ, изъ двадцати сосудовъ, наполненныхъ воздухомъ на склонѣ Монблана, на высотѣ 2000 метровъ, *девятнадцать* остались безплодными и только *одинъ* наполнился инфузоріями. Изъ этихъ опытовъ Пастеръ выводитъ то заключеніе, что развитіе инфузорій въ настояхъ зависитъ отъ присутствія въ воздухѣ органическихъ зародышей: гдѣ эти зародыши особенно многочисленны, тамъ и инфузоріи развиваются особенно успѣшно; гдѣ этихъ зародышей почти совсѣмъ нѣтъ, тамъ и настой остается безплоднымъ. Свѣтила науки съ самою нѣжною любовью усыновили теорію Пастера и немедленно приняли творца этой теоріи подъ свое высокое покровительство. Отличіе Пастера отъ прежнихъ панспермистовъ состоитъ въ томъ, что прежніе признавали *повсемѣстное* существованіе зародышей въ атмосферѣ, а Пастеръ признаетъ только *мѣстное* ихъ существованіе. Прежніе говорили *везде*, а Пастеръ говоритъ *каждѣ*. Поэтому доктрина Пастера, въ отличіе отъ прежней *пансперміи*, называется *полу-панспермію* (*semi-panspérisme*) или *мѣстною панспермію* (*panspérisme localisée*).— Въ то время, когда Пастеръ своею полу-панспермію покорялъ сердца парижскихъ академиковъ, въ академію было прислано изъ Тулузы: «*Микробиологическое изслѣдованіе воздуха*»;

ученая работа профессора Жоли и доктора естественных наук Мюссе. Въ этой работѣ говорилось, что въ воздухѣ нѣтъ ни яичекъ, ни сѣмянъ. Вскорѣ послѣ того, Жоли и Мюссе посредствомъ собственныхъ опытовъ убѣдились въ томъ, что Пуше совершенно правъ и что произвольное зарожденіе составляетъ дѣйствительно существующій фактъ. Съ этой минуты они сдѣлались постоянными союзниками Пуше въ той упорной борьбѣ, которая завязалась по вопросу о произвольномъ зарожденіи между наукою истинною съ одной стороны и парижскою академіею, усыновившею Пастера, съ другой стороны. Ученыя заслуги Пастера, какъ химика, не подлежатъ сомнѣнію; ученая репутація Мильнъ-Эдварса, Дюма, Флуранса, Клода Бернара и другихъ противниковъ этерогеніи также совершенно невызлема; но, въ настоящее время, поле науки до такой степени обширно и раздѣленіе научнаго труда дошло уже до такихъ размѣровъ, что изслѣдователи принуждены выбирать себѣ не только отдѣльную науку, но еще, кромѣ того, отдѣльную часть отдѣльной науки. Можно быть превосходнымъ воологомъ и въ то же время имѣть самыя общія и неопредѣленныя понятія объ отдѣльныхъ видахъ микроскопическихъ животныхъ, объ ихъ яичкахъ и о томъ, какъ они развиваются. Кто хочетъ дойти до такого совершенства, чтобы узнавать безошибочно одну породу инфузорій отъ другой, и яички одной породы отъ яичекъ другой, тотъ, конечно, долженъ провести надъ сильнѣйшимъ микроскопомъ значительную долю своей жизни. Пастеру, какъ химику, разумѣется, объ этомъ нечего было и думать. Поэтому онъ очень удивился, когда этерогенисты требовали отъ него, чтобы онъ показалъ и назвалъ поименно тѣ яички и тѣ сѣмена, которыя, по его мнѣнію, носятъ въ воздухѣ. «Можно ли сказать, отвѣчалъ онъ имъ съ трогательною откровенностью: вотъ это сѣмечко, а вотъ это яичко? И это даже не все; г. Пуше хочетъ, кромѣ того, чтобы я сказалъ: вотъ это сѣмечко такой-то плесени, а вотъ это яичко такой-то инфузоріи. Право, мнѣ это кажется невозможнымъ. Можно только подмѣтить внѣшнее сходство этихъ частичекъ съ зародышами низшихъ организмовъ; вотъ и все.»—Для жестокаго Пуше этого было мало, потому что онъ самъ показывалъ своимъ слушателямъ въ Руанѣ яички и сѣмена, называлъ ихъ поименно и слѣдилъ за различными фазами ихъ развитія. Изъ ученыхъ покровителей Пастера, ни Мильнъ-Эдвардсъ, ни Флурансъ, ни Бернаръ не занимались специально ми-

кроскопическою эмбриологією, и въ то же время ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ откровенно признаться въ собственной некомпетентности. Изъ этого обстоятельства получился тотъ уродливый результатъ, что специалисты: Пуше, Жоли и Мюссе принуждены были подвергать свои труды суду такихъ людей, которые въ данномъ отдѣлѣ науки годились итъ въ ученики, но которые за то, въ качествѣ заслуженныхъ академиковъ, были гораздо старше ихъ по чину. Изученіе природы было, такимъ образомъ, поставлено въ прямую зависимость отъ табели о рангахъ.

II.

Пастеръ, успѣвшій вытасить заслуженныхъ академиковъ изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставила ихъ невозможность опровергнуть ученый трудъ Пуше, Пастеръ, говорю я, сталъ быстро хватать одно академическое отличіе за другимъ. Въ декабрѣ 1861 академія присудила ему жекеровскую премію; черезъ годъ его выбаллатировали въ академики; вскорѣ послѣ этихъ выборовъ, въ послѣднихъ числахъ 1862 года, ему присудили премію за обсужденіе вопроса о произвольномъ зарожденіи. Присужденіе этой послѣдней преміи было особенно замѣчательно. Комиссія, которой поручено было разсматривать сочиненія, представленныя на конкурсъ, была составлена изъ пяти членовъ. Вотъ ихъ имена: Мильль-Эдвардъ, Флурансъ, Броньяръ, Серръ и Изидоръ Жоффуа Сентъ-Илеръ. Первые трое были отъявленными противниками этерогенія. Послѣдніе два не имѣли противъ нея никакихъ теоретическихъ предубѣжденій. Пуше написалъ для конкурса новую книгу подъ заглавіемъ: *Nouvelles expériences sur la génération spontanée et la résistance vitale*. (Новые опыты на счетъ произвольнаго зарожденія и на счетъ живучести организмовъ.) Это сочиненіе, однако, не попало на конкурсъ, и Пуше въ предисловіи къ нему объясняетъ причины этого послѣдняго обстоятельства. «Хотя, говорить онъ, въ комиссіи противники этерогенія имѣли на своей сторонѣ большинство, я, однако, не унывалъ. Я надѣялся, что серьезный трудъ, наполненный добросовѣстными изслѣдованіями, найдетъ себѣ достаточную защиту со стороны гг. Жоффуа и Серра, которые одни только не имѣли предвзятыхъ намѣреній. — Жоффуа умеръ, и у меня остался одинъ г. Серръ, который предупреждалъ меня, что его, безъ сомнѣнія,

отзываютъ изъ комиссіи. Я считалъ это невозможнымъ. Отказно, случилось именно такъ. Въ комиссію вступили гг. Костъ и Клодъ Вернаръ; такимъ образомъ, вса комиссіи оказалась составленною изъ противниковъ этерогеніи. Я все-таки оставался при прежнемъ своемъ намѣреніи. Но когда я имѣлъ честь побывать у г. Мильнъ-Эдварда; онъ сказалъ мнѣ напрямикъ: «я даю премію г. Пастеру, потому что я видѣлъ его опыты и они совершенно убѣдили меня». Этотъ пріемъ сразу поразилъ острализовомъ всю провинцію. Я немедленно объявилъ знаменитому зоологу, что я отказываюсь отъ конкурса. Мою примѣру послѣдовали господа Жоли и Мюссе, двое самыхъ замѣчательныхъ и ученыхъ защитниковъ этерогеніи. Вотъ какія удивительныя дѣла творятся въ наше время въ знаменитѣйшей изъ европейскихъ академій. Однако, неутомимые этерогенисты оказались такими жестокосердичными и медликатными людьми, что продолжали огорчать и водновать несчастную академію различными заявленіями, которыя, очевидно, были для нея совершенно неинтересны и даже въ высшей степени неприятны. Академіи не угодно было, чтобы микроскопическія животныя и растенія развивались сами собою въ настояхъ; академія уже достаточно ясно выражала свое полное отвращеніе къ теоріи Пуше и свое столь же полное сочувствіе къ доктринѣ Пастера. Этерогенистамъ, очевидно, оставалось только взглянуть на таблицу о рангахъ, смиряться духомъ и раскатыться въ темъ, что они, помимо старинныхъ чиновничьихъ наукъ, осмѣлились дѣлать открытія и создавать теоріи. Пуше, Жоли и Мюссе поступили какъ разъ наоборотъ. Въ 1863 году, они строемъ отправились нарочно въ Пиренейскія горы и вѣзвали на вершину Маладетты, чтобы произвести тамъ надъ стеклянными сосудами тѣ операціи, которыя были произведены Пастеромъ на Юрѣ и на Мобланѣ. На вершинѣ Маладетты, среди вѣчныхъ снѣговъ, этерогенисты всыпали, наполнили воздухомъ и запаляли снова восемь стеклянныхъ сосудовъ. Такъ какъ высота Маладетты вовсе не уступаетъ высотѣ того пункта на Мобланѣ, на которомъ Пастеръ производилъ свои опыты, и такъ какъ воздухъ среди вѣчныхъ снѣговъ долженъ быть одинаково чистъ въ Альпахъ и въ Пиренеяхъ, то, принимая въ соображеніе результаты, полученные Пастеромъ (изъ 20 сосудовъ 19 безплодныхъ), надо было ожидать, что всѣ восемь сосудовъ Пуше, Жоли и Мюссе останутся денаселенными. Вышло какъ разъ наоборотъ. Всѣ восемь обнаружили въ себѣ на пятый день присутствіе растительной и животной жизни. Этимъ извѣстіемъ

злые и етерогенисты. не простили огорчить несчастную академию. Академія, какъ и слѣдовало ожидать, заткнула себѣ уши, зажмурила глаза и, отмахиваясь руками, стала повторять на разные лады, что ея Пастеръ отличный человѣкъ, что онъ сдѣлалъ множество превосходнѣйшихъ опытовъ, что вопросъ окончательно рѣшенъ и что отъ добра добра не ищутъ. Зоологи: Мильль-Эдвардъ и Катроажъ, химики: Реньо и Сентъ-Клеръ-Девиль, и самъ непрѣмный секретарь академіи, Флурансъ, въ публичномъ засѣданіи стали раскидываться за безукоризненность пастеровыхъ опытовъ. Злые люди сомнѣваются впрочемъ въ томъ, чтобы химики могли быть компетентными судьями въ запутанномъ физиологическомъ вопросѣ; злые люди припоминаютъ, кромѣ того, нѣкоторые опыты самого Мильль-Эдвардса и нѣкоторые наблюденія самого Катроажа, которые никакъ не могутъ быть названы безукоризненными; Мильль-Эдвардъ держалъ настой въ безвоздушномъ пространствѣ и потому праздновалъ побѣду надъ теорією произвольнаго зарожденія, опираясь на то обстоятельство, что въ время настоѣ не появлялось ни животныхъ, ни растений. Катроажъ принималъ круглыя и овальныя пылинки, попадающіяся въ воздухъ, за яички и сѣмена, и успокоился на этомъ вѣрованіи, не подвергая его дальнѣйшему анализу. Наконецъ, злые люди не оставляютъ въ покоѣ даже непрѣмнаго секретаря академіи. О немъ разсказываются во французской печати слѣдующія двѣ легенды, которые, конечно, даютъ достаточное понятіе о злости и коварствѣ его враговъ, осмѣлившихся взводить на него такую напраслину: «Однажды, пишетъ злой человѣкъ, Викторъ Менье, одинъ етерогенистъ вручилъ одну стлянку одному изъ членовъ академіи наукъ. Эта стлянка заключала въ себѣ обильную растительность aspergillus, образовавшій въ ней роскошный зеленый коверъ. Въ несчастіи (точно ли это несчастіе?), етерогенистъ забылъ сказать академикку, съему судѣ, названіе той вещи, которую онъ ему показывалъ.

Съ стлянкою въ лѣвой рукѣ, съ лупою въ правой, прилежавшійся лбомъ къ увеличенному стеклу, авторитетъ долго предавался созерцанію. Затѣмъ, ставя стлянку на столъ: «хорошо! сказалъ онъ. Назовите же вы мнѣ теперь эти знаменитые aspergillus, о которыхъ было говорено такъ много.

Т. А. Р. приближалъ ко мнѣ; онъ видѣлъ мои опыты; онъ

уѣхалъ окончательно убѣжденнымъ, говорилъ тогда же этерогенность тому же академику.

— Это не авторитетъ!

— Но этерогенія, осмѣянная во Франціи, съ каждымъ днемъ привлекаетъ къ себѣ новыхъ приверженцевъ въ заграничныхъ академіяхъ и университетахъ.

— (Ударяя себя въ грудь). Нѣтъ другой академіи наукъ!

— Но вашъ товарищъ по академіи Т. С. видѣлъ и остался доволенъ.

— Ахъ! видите ли, надо, чтобы я самъ провѣрилъ ваши опыты.

— Я къ вашимъ услугамъ. Я пробуду здѣсь двѣ недѣли, мѣсяць...

— Нѣтъ; мои занятія... слабость моего здоровья...

Тѣмъ дѣло и кончилось. Можетъ быть, я поступаю нескромно, но я знаю навѣрное, что я не искажаю фактовъ. Возвращаясь къ г. Флурансу (точно ли мы разставались съ нимъ?), я замѣчу, что этотъ физиологъ въ жизни своей не сдѣлалъ ни одного опыта, относящагося къ этерогеніи.» (*La science et les savants en 1864* p. 168). Однако, какія бы неправдоподобныя легенды ни распространяли злые люди, академія, проникнутая высокимъ сознаниемъ своего генеральнаго чина, сдѣлала свое дѣло очень успѣшно. Ея непоколебимая ненависть къ этерогеніи навела такой ужасъ на огромное большинство официальныхъ представителей французской науки, что очень многіе тайные доброжелатели отверженной теоріи остерегаются выразить громко свои грѣховныя симпатіи, потому что эти симпатіи съ величайшимъ удобствомъ могутъ совершенно испортить ихъ ученую карьеру. Однажды Пуше получилъ отъ *одного изъ самыхъ замѣчательныхъ профессоровъ медицинскаго факультета* сочувственное письмо, изъ котораго онъ въ своей послѣдней книгѣ напечаталъ слѣдующій отрывокъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ классическихкихъ пеленокъ, и съ тѣхъ поръ, какъ я началъ размышлять собственнымъ умомъ, я примкнулъ къ приверженцамъ произвольнаго зарожденія, и я въ настоящее время дивлюсь только тому, какимъ образомъ есть до сихъ поръ умные люди, способные удовлетворяться смѣшной выдумкою пансерми! Но вы не надѣйтесь, чтобы кто нибудь изъ пансермистовъ обратился на путь истины. Чѣмъ пристальнѣе я изучаю ходъ прогресса, тѣмъ сильнѣе я убѣждаюсь въ томъ, что только носъ времени способна его осуществить, потому что только одна смерть побѣждаетъ упрямство ученыхъ». Авторъ этого

писма не уполномочилъ Пуше назвать его по имени. Онъ не желаетъ ссориться съ академическимъ генералитетомъ и поэтому не осмѣливается заявить публично свое мнѣніе объ отверженномъ ученіи этерогенистовъ. «Да, замѣчаетъ по этому случаю Менье, есть такія научныя истины, о которыхъ неудобно говорить; кто не хочетъ жертвовать собою, тому часто приходится жертвовать истиною; кто не имѣетъ мѣста и желаетъ его получить; кто лишенъ рабочихъ инструментовъ и желаетъ приобрести казенную лабораторію, кто, по недостатку средствъ, не можетъ работать и просить себѣ денежнаго вспомошествованія; кто, доведя работу до конца, стремится къ преміи или къ почетному отзыву; кто, живя въ захолустѣ, мечтаетъ о томъ, чтобы его вызвали въ Парижъ; кто, будучи честнымъ человѣкомъ, желаетъ украсить свою петлицу видимыми знаками своихъ достоинствъ; кто, будучи кавалеромъ (почетнаго легіона) хочетъ сдѣлаться офицеромъ того же ордена; кто, непричастный къ академіи, жаждетъ получить титулъ корреспондента; кто, сдѣлавшись корреспондентомъ, стремится сдѣлаться членомъ; кто, занимая одну кафедру, простираетъ свои виды на другую и т. д. всѣ такіе ученые осуществляютъ свои стремленія только въ томъ случаѣ, если они будутъ служить въ одно время, но не съ одинаковымъ усердіемъ двумъ господамъ, напримѣръ, астрономіи и господину такому-то, физіологіи и господину такому-то, химіи и господину такому-то, зоологіи и господину такому-то, искусственному разведенію устрицъ и господину такому.» (Тамъ же р. 164).

III.

Распря между наукою и академическими генералами продолжалась уже пять лѣтъ; когда, наконецъ, въ ноябрѣ 1863, этерогенисты Жюли и Мюссе сдѣлали академіи слѣдующее предложеніе: «Есть возможность, писали они, рѣшить очень просто этотъ безконечный споръ. Пусть академія наукъ соблаговолитъ назначить комиссію, передъ которою г. Пастеръ и мы повторимъ главные опыты, на которыхъ основываются, съ этой и съ другой стороны, столь противоналожныя заключенія. Что касается до насъ, то мы считали бы себя счастливыми, если бы знаменитое общество обратило серьезное вниманіе на ту просьбу, которую мы осмѣливаемся передъ нимъ вы-

разить». — Когда это письмо было прочитано въ засѣданіи академіи, тогда Пастеръ изъявилъ, съ своей стороны, полное согласіе. Двѣ недѣли спустя послѣ этого засѣданія, Пуше также присоединился къ прошенію своихъ союзниковъ, Жюли и Мюссе. Въ декабрѣ, президентъ академіи, генералъ Моренъ, назначилъ членами комиссіи Флуранса, Дюма, Мильтя-Эдварса, Броньяра и Балара. Любопытно замѣтить, что этотъ генералъ Моренъ, тотъ самый, который, по именованію «Московскихъ Вѣдомостей», можетъ рѣшать безапелляціонно вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ, подобралъ для комиссіи такихъ людей, которые несчетное число разъ декламировали противъ этерогеніи и которыхъ, слѣдовательно, личное самолюбіе сильнѣйшимъ образомъ побуждало къ тому, чтобы оправдать Пастера и обвинить Пуше, Жюли и Мюссе. — Противъ своеобразнаго распоряженія генерала Морена не возражалъ ни одинъ изъ присутствовавшихъ академиковъ; такая манера составить комиссію, очевидно, начинается обращаться въ привычку; комиссія по поводу конкурса была составлена точно такимъ же образомъ. Флурансу, Мильтя-Эдварсу и Броньяру, увѣчавшимъ Пастера и отстранившимъ отъ конкурса всю провинцію этерогенистовъ, предстоялъ теперь удобный случай забрать этихъ этерогенистовъ живьемъ и приковать ихъ къ триумфальной колесницѣ великаго изобрѣтателя полу-пансперміи. Можно было сомнѣваться только въ одномъ: именно въ томъ, окажутся ли этерогенисты на столько добродушными и довѣрчивыми, чтобы по собственному желанію отдаться въ руки тѣхъ самыхъ судей, которые уже одинъ разъ заявили блистательно въ отношеніи къ нимъ все величіе своего безпристрастія и своей компетентности? Можно было думать, что, увидѣвъ слишкомъ знакомыя имена: Мильтя-Эдварса, Флуранса и Броньяра, они примутъ такой составъ комиссіи за пріятную шутку со стороны генерала Морена и отвѣтятъ этому любящему «Московскихъ Вѣдомостей», что если ему угодно шутить, то имъ нисколько не угодно тратить время на бесполезное путешествіе въ Парижъ и на увеселеніе чиновныхъ благодѣтелей счастливаго полу-панспермиста. Однако, вышло совсѣмъ не то. Этерогенисты оказались невинными дѣтьми золотого вѣка, и даже самъ Пуше, описавшій въ предисловіи къ своей книгѣ свой оригинальный разговоръ съ Мильтя-Эдварсомъ по поводу конкурса, даже самъ Пуше согласился подчиниться суду комиссіи, составленной генераломъ Мореномъ. Конечно, такая идиллическая довѣрчивость заслуживала строгаго на-

казанія, и академики дѣйствительно позаботились о томъ, чтобы ихъ опрочечивые противники перечувствовали понемногу всѣ неприятности, составляющія естественное слѣдствіе ихъ непростительной неосторожности.—Комиссія пригласила этерогенистовъ пріѣхать въ Парижъ въ первыхъ числахъ марта. Этерогенисты отвѣчали на это приглашеніе, что для полнаго успѣха ихъ опытовъ необходима лѣтняя температура, которая не можетъ быть замѣнена въ этомъ случаѣ никакими искусственными средствами; поэтому, они попросили себя отсрочки до іюня. Пастеръ, конечно, не замедилъ возликовать публично. Онъ всталъ и, въ полномъ засѣданіи академіи, громко выразилъ свое изумленіе по поводу той отговорки, которую представляютъ гг. Пуше, Жоли и Мюссе. «Что касается до меня, прибавилъ онъ, то я спѣшу объявить, что я готовъ къ услугамъ академіи: лѣтомъ, весной, и во всякое другое время года, я всегда могу повторить мои опыты.» Своею смѣлою рѣчью и своею всегдашней готовностью Пастеръ хотѣлъ отгнать съ самой невыгодной стороны робость и уклончивость своихъ противниковъ; друзья Пастера, разумѣется, оцѣнили вполне его несокрушимую храбрость и съ великодушнѣмъ, достойнымъ ихъ высокаго чина, согласились дать просимую отсрочку его трепещущимъ противникамъ. Геройское мужество Пастера и поворное малодушіе этерогенистовъ объясняются совершенно удовлетворительно особенными свойствами ихъ противоположныхъ доктринъ. Представьте себѣ, что Пастеръ и Пуше производятъ одновременно одинъ и тотъ же опытъ надъ одинаковымъ количествомъ стеклянныхъ сосудовъ, заключающихъ въ себѣ одинаковыя порціи одного и того же настоя. Спрашивается, какой результатъ долженъ получить Пуше для того, чтобы отстаить свою теорію? Очевидно, тотъ результатъ, чтобы всѣ его сосуды наполнились живыми и растениями. Если изъ сотни его сосудовъ *одинъ* останется безплоднымъ, то противники его скажутъ тотчасъ, что остальные девяносто-девять наполнились иноузоріями только благодаря случайному присутствію органическихъ зародышей въ окружающей атмосферѣ. Полунаспермія оппразднуеть тотчасъ шумную и блестящую побѣду. Если возникновеніе органической жизни составляетъ естественное и необходимое слѣдствіе извѣстныхъ условий, то органическая жизнь должна развиваться всегда и вездѣ, когда и гдѣ оказываются соблюденными эти условія. Исключеній быть не можетъ, потому что законы природы никакихъ исключеній не до-

пускаютъ. Поэтому понятно, что Пуше и его товарищи соглашались производить свои опыты только лѣтомъ, то есть, тогда, когда соединяются всѣ условія, необходимыя для возбужденія органической жизни.—А какой же результатъ долженъ получить Пастеръ для того, чтобы отстоять свою полупанспермию?—Какой угодно результатъ. Ему рѣшительно все равно. Его теорія особенно удобна въ томъ отношеніи, что она даетъ ему возможность выигрывать процессъ во всякомъ случаѣ. Если вся сотня сосудовъ наполнится животными и растениями, то Пуше, конечно, окажется правъ, но и Пастеръ тоже окажется правъ. Пастеръ скажетъ только, что въ воздухѣ носились, во время открыванія сосудовъ, цѣлыя тучи органическихъ зародышей. Если вся сотня останется безплодною, то Пуше будетъ разбитъ на голову, а Пастеръ восторжествуетъ. Онъ скажетъ, что воздухъ былъ совершенно чистъ. Если въ однихъ сосудахъ появится органическая жизнь, а въ другихъ не появится, то Пуше опять будетъ разбитъ на голову, а Пастеръ не будетъ знать границъ своему ликованію. Вотъ она и есть, моя полупанспермія, скажетъ онъ съ гордостью. Въ однихъ мѣстахъ попались зародыши, а въ другихъ не попались. Вы видите, такимъ образомъ, что Пастеръ неомѣдимъ и неуязвимъ. Его опыты не допускаютъ никакой неудачи, то есть, нѣтъ возможности придумать такую комбинацію, при которой эти опыты повернулись бы противъ его теоріи. Мильнъ-Эдвардсъ, въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ январскомъ номерѣ *Annales de Zoologie* за 1865 годъ, даетъ намъ наглядное доказательство этой истины. Онъ упоминаетъ объ опытахъ Пуше, Жоли и Мюссе на вершинѣ Маладетты и находитъ, что эти опыты ровно ничего не доказываютъ въ пользу этерогеніи и противъ полупансперміи. «Если, говорить онъ, мы предположимъ, что опыты гг. Пуше, Жоли и Мюссе были сдѣланы правильно, то и тогда эти опыты доказываютъ только, что въ томъ мѣстѣ и въ ту минуту, гдѣ и когда восемь сосудовъ этихъ натуралистовъ наполнялись воздухомъ, атмосфера заключала въ себѣ болыне органической пыли, чѣмъ сколько ея было на вершинѣ Юры въ то время, когда тамъ находился г. Пастеръ.» (р. 36.) Послѣ этого понятно, что Пастеръ обнаруживаетъ несокрушимую храбрость и вызывается повторять свои опыты днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ, на экваторѣ и за полярнымъ кругомъ. Понятно также, что въ этомъ отношеніи этерогенисты никакъ не могутъ за нимъ угоняться. Покуражившись

надъ малодушными этерогенистами въ академіи, Пастеръ, вслѣдъ за тѣмъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы очернить, опозорить и осмѣять ихъ передъ парижскимъ beau monde, въ публичной леици, читанной по спорному вопросу въ Сорбоннѣ, 7-го апрѣля 1864 года. Онъ началъ свою лекцію съ того, что обвинилъ этерогенистовъ въ матеріализмъ и въ атеизмъ. «Какое торжество, милостивые государи, сказалъ онъ, какое торжество для матеріализма, если бы онъ могъ утверждать, что матерія дѣйствительно организуется и оживляется сама собою; матерія, которая уже заключаетъ въ себѣ всѣ извѣстныя силы... Ахъ! если бы мы еще могли придать ей ту силу которая называется жизнью, если бы мы могли придать ей такую жизнь, которая видоизмѣнялась бы въ своихъ проявленіяхъ вмѣстѣ съ условіями нашихъ опытовъ, то, естественнымъ образомъ, мы должны были бы придти къ обоготворенію этой самой матеріи. Къ чему тогда допускать первобытное твореніе, передъ тайною котораго мы поневолѣ должны преклоняться? Къ чему тогда идея Бога-создателя?» Доказавши добродушнымъ парижанамъ, посредствомъ такихъ вселициательныхъ и вопросительныхъ тирадъ, что Пуше и его союзники—великіе грѣшники, праведный Пастеръ началъ доказывать такими же солидными аргументами, что Пуше и его союзники—плохіе экспериментаторы, дилеттанты въ наукѣ и ограниченные люди, неспособные построить ни одного правильнаго силлогизма. Чтобы убить этерогенистовъ насмѣшками, Пастеръ откопалъ въ лѣтописяхъ науки опыты Ванъ-Гелмонта, жившаго въ XVII вѣкѣ и утверждавшаго, съ свойственною тогдашнимъ людямъ серьезностью, что мыши родятся отъ химическаго дѣйствія грязнаго бѣлья на хлѣбныя зерна. Этими мышцами Ванъ-Гелмонта, остроумный Пастеръ настойчиво колеть глаза современнымъ этерогенистамъ; онъ проводитъ язвительную параллель между ихъ опытами и опытами Ванъ-Гелмонта, и публика, разумѣется, приходитъ въ восхищеніе, смѣется и аплодируетъ, во-первыхъ, потому, что ей очень пріятно понимать совершенно ясно несостоятельность теоріи Ванъ-Гелмонта, во-вторыхъ, потому, что ей еще болѣе пріятно видѣть передъ собою на кафедрѣ любезнаго шутника, превращающагося по временамъ въ пламеннаго защитника оскорбляемой нравственности, и, въ-третьихъ, потому, что ей всего пріятнѣе, безъ всякаго умственнаго напряженія, относиться сверху внизъ къ трудамъ и размышле-

нямъ серьезныхъ работниковъ, подобныхъ Пуше, Жоли и Мюссе. Овладевъши, такимъ образомъ, вниманіемъ и благосклонностью своихъ безхитростныхъ слушателей, искусный Пастеръ начинаетъ безбоязненно хвалить и величать самого себя, какъ разрушителя всякихъ гелмонтовскихъ фантазмагорій и предается этому сладостному занятію до самого конца своей лекціи. Когда лекція Пастера появилась въ печати, Викторъ Менье принялъ на себя трудъ сосчитать, сколько разъ въ этой лекціи употреблено мѣстоимѣніе *я*. Оказалось, что оно встрѣчается въ ней *сто тридцать семь* разъ. Если бы Пастеру заблагоразсудилось прочесть публикѣ обширную главу изъ своей автобіографіи, то и тогда его собственная особа врядъ ли могла бы играть въ его лекціи болѣе значительную роль. Даже академическіе благодѣтели краснорѣчиваго Пастера нашли послѣ этой лекціи, что полупанспермистское усердіе ихъ *protégé* завлекло его слишкомъ далеко и заставило его хватить черезъ край. На нѣкоторыхъ не совсѣмъ наивныхъ слушателей Пастера, его тирады, его сарказмы, его самохвалство и весь догматическій тонъ его лекціи произвели самое непріязненное впечатлѣніе. «Я вошелъ сюда, сказалъ одинъ журналистъ, обращаясь къ Менье, не имѣя никакого опредѣленнаго мнѣнія о произвольныхъ зарожденіяхъ. Я уйду отсюда съ полнымъ убѣжденіемъ, что г. Пастеръ ошибается, и я это напечатаю». Само собою разумѣется, что далеко не все журналисты взглянули на дѣло съ этой точки зрѣнія и что у Пастера нашлось между пишущими и печатающими людьми достаточное количество панегиристовъ. «Надо было, писалъ объ его лекціи іезуитъ Муаньо въ одномъ изъ періодическихъ изданій, надо было обратить къ спиритуализму скептиковъ и матеріалистовъ. Г. Пастеръ сознавалъ свою миссію; онъ чувствовалъ, что на немъ лежитъ обязанность спасти человѣческія души.» Ученые благодѣтели произвели Пастера въ академики; клерикальная партія провозглашаетъ его пастыремъ человѣческихъ душъ; не мудрено, что, списавъ себѣ своею догадливостью такую сильную и разнообразную протекцію, безукоризненный Пастеръ сдѣлается со временемъ сенаторомъ и министромъ. Что же касается до его противниковъ, то, разумѣется, они не получаютъ ничего, кромѣ всемірной и вѣчной извѣстности. О такихъ неосвященныхъ пустякахъ благовумные люди никогда не заботятся.

IV.

Въ половинѣ юня 1864 года, этерогенисты пріѣхали въ Парижъ. Первое засѣданіе комиссіи показало имъ немедленно, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и въ какомъ направленіи будетъ происходить все изслѣдованіе. Мильнъ-Эдвардсъ, съ свойственнымъ ему юпитерствомъ, сказалъ имъ прямо: «Вы будете дѣлать то, что мы вамъ скажемъ, и такъ, какъ мы того пожелаемъ.» Флурансъ, въ частномъ разговорѣ съ этерогенистами, увѣрялъ ихъ, что комиссія предоставитъ имъ полную свободу въ выборѣ и въ расположеніи тѣхъ опытовъ, на которыхъ они основывали свою теорію; но, въ засѣданіи комиссіи, тотъ же Флурансъ прикинулъ къ Мильнъ-Эдвардсу и къ его союзнику, Броньяру. Остальные члены комиссіи, химики Дюма и Баларъ, соглашаясь съ своими товарищами, хотѣли совершенно устранить изъ программы испытанія все, что выходило за предѣлы органической химіи и относилось къ области физиологіи. Словомъ, комиссія требовала единогласно, чтобы этерогенисты сдѣлали опытъ Пастера и чтобы, кромѣ этого опыта, они не дѣлали ровно ничего. Но, какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, самъ Мильнъ-Эдвардсъ объявляетъ печатно, что опытъ Пастера, при какомъ угодно исходѣ, не даетъ никакого доказательства въ пользу произвольнаго зарожденія. Значитъ, принуждая этерогенистовъ ограничиваться опытомъ Пастера, комиссія заранѣе отнимала у нихъ всякую возможность доказать вѣрность ихъ теоріи. Комиссія заставляла этерогенистовъ играть въ такую игру, въ которой для нихъ не было выигрыша. На это этерогенисты, разумѣется, не могли согласиться. Не отказываясь повторить опытъ Пастера, они говорили въ то же время, что этотъ опытъ самъ по себѣ ничтоженъ и что ихъ теорія основывается на множествѣ другихъ опытовъ, гораздо болѣе важныхъ и знаменательныхъ. Прежде всего говорили они, надо заняться микрографіею воздуха. Яички крупнѣйшихъ инфузорій, покрытыхъ рѣсничными волосками, на столько велики, что сильный микроскопъ даетъ намъ возможность очень явственно различать ихъ фигуру и специфическія особенности. Эти яички извѣстны микрографамъ, подробно описаны и тщательно нарисованы ими. Значитъ, надо прежде всего, посредствомъ тщательныхъ микроскопическихъ изслѣдованій, доказать комиссіи, что яички *крупнѣйшихъ* инфузорій никогда не встрѣча-

ются въ воздухѣ. Когда это отсутствіе яичекъ будетъ доказано, тогда можно будетъ производить опыты, не пропуская воздухъ ни черезъ сѣрную кислоту, ни черезъ раскаленные трубки; кромѣ того, можно будетъ допустить, чтобы къ настою прикасались не кубическіе дюймы, а цѣлыя кубическіе метры воздуха, что оказывается невозможнымъ, когда опытъ производится въ закупоренномъ сосудѣ или когда воздухъ проводится въ сосудъ съ вѣзью узенькія трубочки, загроможденныя разными химическими ингредиентами. При свободномъ притоцѣ цѣлыхъ массъ чистаго воздуха, въ настояхъ будутъ появляться *крупныя* инфузориі, и породы этихъ животныхъ будутъ измѣняться, смотря по тому, какое вещество положено въ настой, смотря по тому, какъ велико количество всего настоя, и смотря по тому, на сколько данный настой крѣпокъ или слабъ. Форма и размѣры сосудовъ также будутъ имѣть вліяніе на характеръ микроскопической фауны и флоры. Этерогенисты хотѣли произвести въ присутствіи комиссіи множество другихъ опытовъ, о которыхъ я не буду распространяться. Приведеннаго примѣра вполне достаточно, чтобы показать читателямъ, до какой степени далеко расходились между собою розовыя надежды подсудимыхъ этерогенистовъ и суровыя требованія академическаго ареопага. «Я химикъ, говоритъ имъ Дюма, и согласился засѣдать въ комиссіи для того, чтобы присутствовать при химическомъ опытѣ. До остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ». — «Я не микрографъ», возражаетъ Баларъ, когда этерогенисты заикаются о микроскопическомъ изслѣдованіи воздуха. Одинъ изъ этерогенистовъ, Мюссе, обращается наконецъ къ самому Пастеру: «Мы надѣемся, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, что г. Пастерь покажетъ намъ тѣ зародыши, которымъ онъ приписываетъ такое важное значеніе.—Я показывалъ ихъ всему Парижу, отвѣчаетъ Пастерь съ неудержимою храбростью.—Вы *намъ* должны ихъ показать, возражаетъ Мюссе.—На этотъ разъ Пастерь не удостоиваетъ его отвѣта и поступаетъ въ этомъ случаѣ весьма благоразумно, потому что показать какую нибудь штуку знающему человѣку гораздо труднѣе, чѣмъ показать ее всему Парижу. Кромѣ того, даже и всему Парижу Пастерь никогда не *показывалъ* ничего похожаго на органическіе зародыши. Онъ очень много говорилъ объ этихъ зародышахъ, но говорить и показывать двѣ вещи разные, а Пуше, Мюссе и Жоли держатся того правила, что соловья баснями не кормятъ. Наконецъ, видя, что ареопагъ упорствуетъ въ своемъ напѣ-

решеніи остановиться исключительно на одномъ опытѣ Пастера, этерогенисты ссылаются на бузву условій, заключенныхъ ими съ академіею. Въ письмѣ Жоли и Мюссе было положительно сказано, что они просятъ академію назначить комиссію, передъ которою они могли бы повторить *главные опыты*, на которыхъ основываются съ той и съ другой стороны, столь противоположныя заключенія.» Когда Пастерь, съ своей стороны, поддержалъ эту просьбу этерогенистовъ, тогда онъ повторилъ буквально эти же самыя слова. Когда академія назначила комиссію, тогда она поручила ей присутствовать при тѣхъ опытахъ, которыхъ результаты считаются противными или благопріятными для доктрины произвольныхъ зарожденій. Всѣ переговоры по этому дѣлу, всѣ рѣшенія академіи напечатаны въ академическихъ отчетахъ (*Comptes rendus*). Этерогенисты указывали на печатные документы; они говорили, что *повторить главные опыты* не значить сдѣлать одинъ опытъ Пастера, и притомъ такой опытъ, который они вовсе не причисляютъ къ разряду главныхъ. Наконецъ, они сдѣлали комиссіи слѣдующее предложеніе: «Мы согласны начать съ опыта г. Пастера, но, въ такомъ случаѣ, вы даете намъ обѣщаніе присутствовать при другихъ опытахъ, которые, по нашему мнѣнію, гораздо важнѣе перваго.» — Комиссія отказалась; этимъ кончилось первое засѣданіе. Черезъ нѣсколько дней, Флурансъ увѣдомилъ этерогенистовъ, что комиссія остается при своемъ прежнемъ рѣшеніи. Въ отвѣтъ на письмо Флуранса, этерогенисты изложили ему письменно ту программу, по которой они намѣрены расположить свои опыты. Тогда комиссія пригласила ихъ явиться въ Музеумъ Естественной исторіи, въ лабораторію Шевреля, въ которой должно было происходить изслѣдованіе. Этерогенисты подумали, что комиссія принимаетъ ихъ программу, и со всѣми своими приборами, рисунками и инструментами отправились въ назначенное мѣсто. Второе засѣданіе комиссіи открылось тѣмъ, что комиссія пригласила Пастера приступить къ его извѣстному опыту. Пастерь поставилъ передъ собою большой сосудъ, заключавшій около десяти метровъ (⁴/₅ ведра) раствора пивной гущи, и началъ разливать этотъ растворъ въ маленькіе стеклянные сосуды съ узкимъ горлышкомъ. Пуше спросилъ въ это время, принимаетъ ли комиссія ихъ программу, и не получалъ на этотъ вопросъ никакого опредѣленнаго отвѣта. Отъ нечего дѣлать, этерогенисты стали вглядываться въ манипуляціи Пастера и тотчасъ подмѣтили слабыя стороны его

экспериментовъ. Во-первыхъ, растворъ былъ чересчуръ жидокъ, что составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ препятствій для зараженія микроскопическихъ организмовъ. Во-вторыхъ, Пастеръ не забалтывалъ большого сосуда передъ наливаніемъ жидкости въ мелкіе сосуды; понятно, что жидкость успѣла отстояться, что твердыя частицы раствора опустились на дно и что, вслѣдствіе этого, въ мелкихъ сосудахъ долженъ оказаться растворъ различной плотности, который, сообразно съ своею различною плотностью, дастъ непремѣнно различные результаты. Въ-третьихъ, Пастеръ кипятилъ жидкость мелкихъ сосудовъ совершенно произвольнымъ образомъ: одинъ сосудъ онъ держалъ надъ огнемъ двѣ минуты, другой три, третій пять, четвертый одну и такъ далѣе. — Жидкость употребленнаго раствора объясняется, по мнѣнію этерогенистовъ, отсутствіе органической жизни въ большей части пастеровскихъ сосудовъ; а присутствіе микроскопическихъ организмовъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сосудовъ объясняется тѣмъ, что въ эти сосуды, по небрежности экспериментатора, попался растворъ болѣе густой или подвергнутый менѣе продолжительному кипяченію. Когда этерогенисты высказали эти замѣчанія, тогда никто изъ членовъ комиссіи не нашелъ противъ нихъ ни одного возраженія, что, однако, нисколько не помѣшало всѣмъ этимъ членамъ впоследствии превозносить по прѣжнему любезнаго Пастера, какъ искуснѣйшаго и остроумнѣйшаго экспериментатора. Наконецъ, великій магикъ Пастеръ окончилъ свое переливаніе изъ пустого въ порожнее; онъ наполнилъ, вскипятилъ и запаялъ всѣ свои сосуды. Тогда этерогенисты предложили, съ своей стороны, сдѣлать нѣсколько опытовъ, которые они считали рѣшительными. Ареопэгъ отвѣчалъ имъ на это, что онъ будетъ смотрѣть на ихъ опыты, когда самъ сочтетъ это нужнымъ и своевременнымъ. — «Скажите же намъ, наконецъ, принимаете ли вы нашу программу?» спросили этерогенисты. — Мильнъ-Эдвардъ до самаго конца остался вѣренъ своему юпитеровскому характеру. «Было бы нелѣзно требовать, отвѣтилъ онъ, чтобы комиссіа слушалась вашихъ приказаній.» Остальные члены комиссіи своимъ молчаніемъ подтвердили его величественное рѣшеніе. Этерогенисты раскланялись съ своими судьями и объявили имъ, что они считаютъ дѣло оконченнымъ. 27-го юня, Пуше, Жоли и Мюссе представили академіи письмо, которое оканчивается слѣдующими словами: «Такъ какъ мы встрѣтили совершенно неожиданныя препятствія, то мы думаемъ, по совѣсти, что

намъ остается только протестовать, во имя науки, и предоставить рѣшеніе нашего дѣла будущему.»

У.

Не смотря на колоссальныя усилія академіи задавить этерогенію всѣми правдами и неправдами, эта доктрина въ настоящее время принята уже многими замѣчательными учеными. Къ ней склонились, на основаніи самостоятельныхъ опытовъ, Ричардъ Оуэнъ въ Лондонѣ, Шафгаузенъ въ Базелѣ, Мантегацца въ Павіи, Кастольди въ Миланѣ, Уайманъ въ Кембриджѣ (въ сѣверной Америкѣ). Бюхнеръ и Карлъ Фохтъ распространяютъ эту доктрину въ кругу своихъ многочисленныхъ нѣмецкихъ читателей. Словомъ, истина непремѣнно пробьетъ себѣ дорогу; но любопытно замѣтить, что это пробиваніе совершается не при содѣйствіи, а помимо и вопреки усиліямъ тѣхъ людей, которые осыпаны деньгами и почестями, какъ официальные хранители, искатели и распространители научной истины. Если мы оглянемся назадъ на исторію науки въ послѣдніе два-три столѣтія, то мы увидимъ, съ немалымъ изумленіемъ, что почти каждое великое открытіе, почти каждая плодотворная идея встрѣчали себѣ въ ученыхъ корпораціяхъ самое грубое непониманіе, самое близорукое презрѣніе и самое недобросовѣстное преслѣдованіе. Гонимыми новой истины оказывались постоянно тѣ личные или коллегіальныя авторитеты, въ пользу которыхъ масса такъ называемыхъ образованныхъ обществъ такъ охотно и такъ неосторожно отказывается отъ своего естественнаго и драгоцѣннаго права взглядываться и вдумываться въ явленія природы и человѣческой жизни.—Кто въ XVII столѣтіи отвергалъ дифференціальное исчисленіе, созданное Лейбницемъ?—Парижская академія наукъ.—Кто въ это же самое время отвергалъ законы тяготѣнія, открытыя Ньютономъ?—Лейбницъ.—Кто въ XVIII столѣтіи отвергалъ существованіе аэролитовъ, то есть, камней, падающихъ на землю изъ небснаго пространства?—Парижская академія наукъ.—Кто смѣялся надъ громоотводомъ Франклина?—Лондонское Королевское Общество.—Кто относился съ презрѣніемъ къ электрическому телеграфу?—Парижская академія наукъ.—Кто осмѣялъ Пейссонеля за его наблюденія надъ животными свойствами полиповъ?—Опять-таки Парижская академія наукъ.—Та же самая академія, въ 1783, году не обратила никакого вниманія на опыты

маркиза Жусефуа, построившаго въ Лионѣ первый пароходъ; и та же академія, двадцать лѣтъ спустя, вынрводила изъ Франціи, какъ пустого прожектера, вторичнаго изобрѣтателя пароходства, Фультона.—Когда мы видимъ, такимъ образомъ, что величайшіе авторитеты умственнаго міра впадаютъ иногда въ самыя грубыя ошибки, когда мы видимъ, кромѣ того, что очень многіе изъ этихъ авторитетовъ смотрятъ на свои знанія, идеи и изслѣдованія, какъ на стадо дойныхъ коровъ, которыя доставляютъ имъ молоко и масло, то есть, деньги, чины и ордена, и къ которымъ, вслѣдствіе этого, не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ подпускать постороннихъ людей, когда мы видимъ наконецъ, что академіи, зараженныя кумовствомъ, nepотизмомъ и предразсудками, превращаются въ замкнутыя касты жрецовъ,—тогда мы начинаемъ понимать, до какой степени нелѣпо и nepозволительно было бы, съ нашей стороны ссылаться на авторитеты въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ заинтересовано наше собственное, личное или общественное благосостояніе.—Познакомившись изъ этой небольшой статьи съ нѣкоторыми подвигами и закулисными тайнами европейскихъ авторитетовъ, читатель оцѣнитъ по достоинству то наивное подобострастіе, съ которымъ публицистъ «Московскихъ Вѣдомостей», неспособный работать силами собственного ума, передаетъ въ руки европейскихъ авторитетовъ, генерала Морена и господина Шнида, вопросъ о нашемъ народномъ образованіи. Есть основаніе думать, что этотъ послѣдній вопросъ рѣшенъ авторитетами такъ же добросовѣстно и безпристрастно, какъ рѣшено ими дѣло французскихъ этерогенистовъ.

Д. Писаревъ.

БРОДЯГИ-СТРАННИКИ.

(ОЧЕРКЪ СЪ НАТУРЫ.)

Стемнѣло. Мелкій осенній дождь зарядилъ, какъ видно, надолго.

На широкомъ сѣновалѣ постоялаго двора человекъ двадцать мужескаго пола съ шумомъ укладывались спать. То была партія нищихъ-странниковъ, пробирающихся въ сосѣдній монастырь на храмовой праздникъ. Тутъ были и старые, и малые, съ бородами и безъ бородъ, пришельцы изъ какихъ-то невѣдомыхъ обителей, нищие съ искалѣченными, для возбужденія жалости, членами, разные хвостотрепки и оборвыши,—словомъ, тотъ жалкій, нищенствующій людъ, который богомолье обратилъ для себя въ хлѣбный промыселъ и прикрываетъ свое бездѣлье разными религіозными побужденіями. Хозяинъ постоялаго двора съ засаленнымъ фонаремъ въ рукѣ стоялъ у дверей и давалъ отрывистыя приказанія, въ родѣ слѣдующихъ: «ты, рыжій, заberi сѣна-то справа!», «головами вмѣстѣ ложись, — эдакъ удобнѣе» и т. п. Не совсѣмъ привѣтливо глядѣлъ онъ на всю эту оборванную, забрызганную грязью и вонючую толпу. Особенно подозрительно косился онъ на какого-то послушника съ испитымъ и подбитымъ лицомъ, который, не смотря на общую сумятицу, прилежно молился Богу и въ то же время зорко оглядывалъ стѣны и потолокъ сѣновала.

Наконецъ общество улеглось. Хозяинъ оглядѣлся еще разъ и повернулъ къ двери.

— Ч. рь, огня не зажигать, да трубокъ не запаливать!—

крикнулъ онъ на прощаньи,—а то долго-ль до грѣха; мы и то въ прошломъ годѣ горѣли. Слышите, ребята?

— Слышимъ. Ладно.

— Такъ спите-жь смирно. Утромъ взбужу.

Хозяинъ заперъ дверь, обошелъ кругомъ дворъ и осторожно прислушался къ воротамъ сарая, гдѣ, за недостаткомъ мѣста, расположились на ночлегъ всякія убогія странницы. Оттуда слышались визгливые споры...

— Слышь, Кузьма! окликнулъ онъ вполголоса.

— Чего? долетѣло съ другого конца двора.

— Ты тово... поглядывай! Ишь народу-то нанесло сегодня.

— Ладно.

— Хомуты-то чтобъ тово... А возки гдѣ у тебя?

— Здѣсь. Цѣло будетъ.

— То-то; не ровень часъ...

Затѣмъ, постоявъ немного посреди двора и обмывъ мимоходомъ въ лужѣ свои сапоги, онъ отправился въ избу, гдѣ нашли себѣ мѣсто уюкоенія проѣзжіе баре.

На сѣновалѣ темно, хоть глазъ выколи. Въ разныхъ бопцахъ его полушопотомъ разговоръ идетъ; сѣно шелеститъ и хруститъ подъ лежачими; кто-то въ потьмахъ мѣдныя пятаки пересчитываетъ... А дождь мѣрно, однообразно стучитъ и перекатывается по кровлѣ.

— Эва дождь-то дупитъ какой! громко произнесъ кто-то, зѣвая во весь ротъ.—Кабы не дождь, знатно бы въ полѣ ночевать можно.

Отвѣта ему не было. Въ дальнемъ углу осторожно звякнула стекляница и струйка пропитаннаго хмѣлемъ воздуха пронеслась надъ лежачими. Сѣно пуще захрустѣло: знать, знакомый запахъ раздражилъ нищую братію; посыпались шуточки на счетъ «живой водицы». Потомъ въ углу кто-то началъ вполголоса напѣвать аллилуйю и праздничные акафисты... Дряблый голоеъ пѣвца дребезжалъ, какъ разбитое стекло, и перерывался унылыми вздохами. Скоро вздохи перешли въ схищиванье и плачь о грѣхахъ своихъ...

— Кто это хнычетъ тамъ? послышался вопросъ. Это ты, Никита многогрѣшный?

— Кому-жь больше плавать? все я плачу, окаянный.

— Чего-жь ты опять?

— А ты самъ заплакалъ бы, еслибъ понимать могъ... Бѣдныя вы, мушкетеры необразованные!... чему васъ учили, какая у васъ вѣра? Нѣтъ, я пойду по всѣмъ деревнямъ и селамъ, я научу васъ, какъ надо жить по евангелію... Я научу, я скажу вамъ правду истинную и вы послушаете меня... Умудри мя, Господи.

— Притворяется, бестія! проголосилъ густой басъ.

— Нѣтъ, Ипатій, ты его не замай, это святой человѣкъ, потому—убогой.

— Ей-богу притворяется, еще положительнѣе замѣтилъ басъ.—Чего тутъ толковать еще? Здѣсь свои вѣды. А про это-го сейчасъ видать, что раскольникъ.

— Это онъ выпилъ по малости, такъ и плачетъ. Нѣтъ, онъ всему обучень, все знаетъ...

— Толкуй тутъ!

Стихли. Опять слышны глубокіе вздохи и причитанье: «я пойду, я скажу имъ». Въ другомъ углу вполголоса разговоръ идетъ по ученому:

— Ты скажи мнѣ, отчего это важнаго человѣка тошнить передъ смертью? Какъ только придется кому умирать, такъ онъ и чувствуетъ тошноту.

— А ты почему это знаешь?

— Нашъ пономарь связывалъ на селѣ.

— Такъ ты у него и спроси. Я, братъ, не умираю, не знаю.

— А оттого тошнить, что въ это время душа съ тѣломъ разлучается. Душа обнаковенно въ тѣлѣ находится; теперича ей выходить надо вонъ, а тѣло, значить, ее не пускаетъ; вотъ и тошнить. Понялъ?

— Хороша, значить, у тебя душа, коли тошнить съ нее, замѣтилъ кто-то со стороны.

Всѣ захохотали.

— Нешто я про свою душу-то говорю, жѣшій?

— Про чью же?

— Да хоть про твою.

Хохотъ прокатился по всему сѣновалу, шутки и остроты посыпались со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ вотъ, братцы; угадайте загадку, ницаль оттуда-то

тоненькій голосокъ. Вы вотъ по писанью научены, а небось не скажете: когда Богъ мясо ѣлъ?

— Дуракъ, братъ ты, вотъ что.

— Ты не ругайся, а говори толкомъ.

— И говорить-то съ тобой послѣ этого грѣхъ.

— А ѣлъ вѣдь.

— Ну, когда же?

— А когда у Авраама въ видѣ трехъ странниковъ былъ. Авраамъ подавалъ мясо,—странники ѣли, значить, и Богъ ѣлъ...

— Ишь вѣдь сплелъ штуку какую нечистую...

Нѣкоторые изъ лежащихъ хихикнули, остальные остались въ недоумѣніи, что тутъ дѣлать приличнѣе: смѣяться, или ругаться?

— Ну, а что такое дьячокъ?

— Извѣстно—псаломщикъ.

— А по другому какъ?

— Ну, человѣкъ, что-ли, церковнослужитель.

— Нѣтъ, не то: дьячекъ это *дудка*, сквозь которую проходитъ гласъ божій; ее самое-то не задѣваетъ, а другимъ слышно.

Опять хохотъ пошелъ.

— Ты насъ не замай, а то мы еще получше вашего штуку скажемъ, отозвался на это голосъ, молчавшій до сихъ поръ.

— А ты самъ вѣрно изъ дьячковъ?

— Бываеъ когда-то. Чего-жь смѣтесъ-то?

— Какъ-же не смѣяться, коли дудкой прозвали. Небось, изъ вѣтъи?

— Бывали-съ.

— Ну, что-жь у васъ тамъ, въ кутѣ-то? а?

— Всего, братъ, было. Ради науки и заушеніе, и бѣненіе потерпѣли. Уможь меня Богъ не наградишь, ну и дали титулку; а мнѣ плевать на этотъ умъ-то! Не въ умѣ дѣло: была бы только душа.

— Это ты вѣрно: безъ души нельзя.

— Дѣлай все по душѣ, какъ душа просить, и во вѣки не согрѣшишь, потому что душа, значить, часть міра ангельскаго, ибо бессмертна... вотъ что. Вотъ теперь, примѣрно, слышу я, что откуда-то водочвой попахиваетъ, и такъ, зна-

читать, сильно душа моя водки просить, что не знаю, какъ и быть... Дайте, братцы, водки; распотѣшу! кривнуль онъ на весь сѣноваль.

— Это ты, дудка? донеслось изъ далекаго угла.

— А то кто-же? Коли водки кто просить, такъ ужъ это я.

— Ну, иди, пока не выпили.

— Эхъ, добрые люди, дуй васъ горой!

Отставной дьячокъ проворно поднялся и пошелъ на знакомый запахъ по головамъ спящей братіи. Всполошились спящіе и посыпались на дьячка пинки, толчки и возгласы непечатные. Шумъ поднялся неописанный, а дьячокъ только ухмыляется да текстами рѣжетъ направо и налѣво. Отыскалъ онъ наконецъ, пристанище себѣ гдѣ-то въ углу, и долго оттуда слышался смѣхъ закатыстый, неуправимый, вырывающійся изъ самой глубины сальной, полупьяной утробы;—смѣхъ, которымъ смѣются только пьяные, разговаривая подъ ушко о предметахъ своромныхъ. Остальные силились заснуть, да не могли, конечно. Сѣно хрустѣло, странники ворочались и ругали хохотавшихъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Въ промежуткахъ этого хохота и ругани по прежнему слышались всхлипыванья Никиты многогрѣшнаго, котораго, видимо, возмущала эта картина. Но что тутъ могъ подѣлать Никита съ своимъ драблѣмъ, стариковскимъ голосомъ?..

— Да уймитесь же вы, черти!—пробасилъ Ипатій:—спать вѣдь нельзя.

— А завтра, небось, рожи постныя корчить станутъ.

— Свиньи; право свиньи!.. А-а-а! Господи помилуй! Вотъ вѣдь досада-то: пока шелъ, такъ глаза сами слипались, а теперь и сонъ куда дѣвался!

— Не васнуть теперь, гдѣ тутъ заснешь?

— Не заснешь и есть. Да вы кто таковой?

— Я Савелій.

— Откудава?

— Съ Тихвина, послушникъ.

— Давно по богомолью ходите?

— Третве лѣто.

— А!... Такъ вотъ я и говорю теперь, что не заснуть никакъ.

— Это справедливо-съ.

— Ну что, какъ тамъ въ Тихвинѣ-то, сносно жить теперь?

— Ничего, Богъ помогаетъ. Тамъ съ городу дохода много, народъ все благочестивый, особливо по женскому полу-сь. Каждая барыня ужь безпримѣнно что нибудь пожертвуетъ за годъ-то; только нашего брата, странниковъ, тамъ больно много развелось, — хлѣбъ отбиваютъ.

— Безъ этого нельзя.

— Конечно. А что, осмѣлюсь спросить, вы, я слышала, въ старомъ Ерусалимѣ бывали-сь?

— Какже, бывалъ.

— Взаправду были-сь?

— Чего-жъ мнѣ врать-то! Всю поцѣпшнюю зиму пробылъ тамъ; по веснѣ только воротился.

— А я, какъ-съ, разъ чуть въ просакъ не попался съ этимъ самымъ Ерусалимомъ.

— А вы не были?

— Нѣтъ, нечего грѣха таить, прямо говорю: не былъ-сь. Да нынче, сами знаете, такія времена, что кіевскими да соловецкими-то угодинками ничего у насъ не возьмешь, только грекамъ и есть доходъ. Вотъ я равъ съ голоду и пригинулся грекомъ. И ничего сперва: ломаю языкъ, какъ слѣдуетъ, по иностранному: слышалъ тоже, какъ греки-те объясняются. Только разъ забрался я къ одной богатой графинѣ въ Москвѣ, — можетъ знаете? Авдотья Карповна...

— Нѣтъ не слышалъ.

— На бульварѣ живетъ. Ну-сь, такъ вотъ и рассказываю я этой графинѣ, какъ проживалъ въ Ерусалимѣ, какъ гробъ Христовъ цѣловалъ; а съ боку тутъ самъ графъ сидитъ, какія-то бумаги читаетъ. Только графъ этотъ и спрашиваетъ у меня: «знаешь, молъ, говорить по гречески?» — Какже, говорю, не знать: самъ грекъ. А онъ вдругъ и наговорилъ со мной что-то по ихнему. Вижу, — дѣло плохо, потъ холодный прошибаетъ, — трясу головой въ разныя стороны, будто понимаю, а у самого поджилки трясутся. — «Ахъ ты, такой, сивой-немазанный, закричалъ графъ, — да ты притворяешься, даналья? Хочешь я тебя въ часть отправлю?» Что тутъ сделаешь дѣлать? И бухъ ему въ ноги: такъ я такъ, говорю, по обязанности, молъ, — не погубите!... Нѣтъ таки отправилъ на съѣзжую, какъ бродягу.

— Ну и что-жь?

— Ничего; къ счастью, тамъ знакомые были, а то бы бѣда.

— Да, надо такія дѣла вести поосторожниѣе, а то вѣдь полиція-то не свой братъ.

— Хуже ее нѣтъ, ей-Богу-съ. Вотъ тоже съ этими пачпортами, возни сколько, а что толку въ нихъ? Я понимаю такъ, что всѣ святые, почитай, безъ пачпортовъ жили: одинъ убѣгъ отъ родителей, другой убѣгъ изъ города въ пустыню, третій отъ службы и почестей убѣгъ, — и всѣхъ ихъ спасъ Господь. А поди-ка, скажи имъ это...

— Въ тѣ поры, видно, полиціи такой не было, такъ и бѣгали, — вмѣшался, ворочаясь, другой сосѣдъ, видимо слѣдившій за ходомъ разговора. — Теперь, братъ, попробуй-ка сбѣжать; нашъ полицмейстеръ, Иванъ Ивановичъ, такой взлупки задасть, что и спастись не захочешь.

— Видно, попробоваль, что говоришь?

— Про то мы знаемъ...

— А что, кажись, ужь скоро свѣтать начнетъ? сказалъ Ипатій, потягиваясь.

— Нѣтъ еще, до свѣту далеко.

— Ну, какъ же тамъ, въ Ерусалимѣ-то, осмѣлюсь спросить, — заговорилъ опять Савелій заискивающимъ голосомъ; — мощей-то тамъ много-съ?

— Мощей не видалъ.

— Одна знакомая сказывала, что тамъ мощи Михаила архангела есть, только крылушко одно больно помято...

— Можетъ и есть, не знаю. Да вретъ она: архангель это духъ, какія жь тутъ мощи?

— Такъ-съ. Ну, а гробъ-то Христовъ видѣли?

— Еще бы!

— Что-жь онъ, какой?

— Да что: по правдѣ сказать, тамъ гроба-то настоящаго нѣту а простая, каменная плита гробомъ Христовымъ прозывается. Эдакая, знаешь, часовня посреди церкви стоитъ, и въ нее ползкомъ влѣзть надо, потому дверь у ней только въ поясъ; а какъ влѣзешь, такъ тутъ справа сейчасъ будетъ тебѣ плита, вотъ какъ на владбищахъ бываетъ. Это и есть гробъ Христовъ.

— Почему-жь настоящаго-то нѣту?

— А на что онъ? Вѣдь апостолы знали, что Христосъ на третій день воскреснетъ, такъ они гроба-то и не дѣлали. Положили на плиту, вотъ и все тутъ.

Савелій задумался. Въ углу сѣновала вполголоса папѣвали хоромъ: «мати убо позналася еси»... Кое-гдѣ слышалось смачное чавканье; нѣкоторые храпѣли во всѣ голосовыя связки...

— А народу-то тамъ видимо-невидимо, продолжалъ Ипатій, увлекаясь воспоминаніями. По улицамъ толкаются, ругаются, что бабъ-то однѣхъ — страсть! Ходишь да оглядываешься кругомъ, и все-то святыни тамъ, вездѣ благодать... Тамъ, примѣрно, каменный столбъ есть, у собора стоитъ, а на этомъ самомъ столбѣ пѣтухъ сидѣлъ, когда апостоль Петръ отъ Христа отрекался. Теперь его молонья разбля, еле держится. Церввей-то церквей что понастроено, что шагъ, то и церковь, да все больше не наши — турецкія... Кой чортъ тутъ ползаетъ—пауки или тараканы какіе? Сейчасъ по рожѣ проѣхалъ.

— Стрекоза, знать; тутъ ее много.

— Щекотитъ, шельма, шибко... А на субботу-то великую тамъ, батенька мой, чудеса такія бывають, что только гляди да дивись. Какъ пойдутъ это съ вкрестнымъ-то ходомъ во гробу, такъ тутъ однихъ поповъ, чай, со всего свѣту собрано. Сперва тихо все; попы молятся, — и вдругъ съ неба огонь небесный такъ искоркой и спустится на гробъ; тамъ нарочно для этого въ крышѣ большая дыра сдѣлана, такъ въ эту-то дыру онъ спустится и сразу запалитъ свѣчи у гроба. Батюшки, крикъ какой пойдетъ, — кто во что гораздъ, да всѣ къ огню-то; другъ на дружку лѣзутъ, толкаются: давка такая, что только держись. Всѣ паникадилы церковныя заразъ сами собой зажигаются; сказывали, что ангелы божіи зажигаютъ ихъ, да я не видѣлъ, потому дыму было много, — не видать. А дымъ-то все отъ свѣчей отъ этихъ такъ и валитъ на всю церковь... Если глядѣть долго на огонь святой въ самую пасху, такъ можно, говорятъ, въ этомъ огнѣ воскресеніе христово увидѣть; я глядѣлъ шибко, да что тутъ увидишь, — толкаются очень, народу-то страсть сколько. Тутъ рядомъ со мной парнишка маленькій стоялъ. Стоитъ онъ себѣ, только вдругъ... Слушай ты, соня проклятая! крикнулъ неожиданно Ипатій, толкая дру-гого сосѣда.

... — Чего тебѣ? отозвался тотъ.

— А ты чего плюешься на меня, дьяволъ? Мало тебѣ мѣста-то?

— Тутъ куда не плюнь, все человѣкъ будетъ.

— Вотъ попробуй-ка еще! Я-те плюну.

Сосѣдъ не отвѣтилъ и плюнулъ въ другую сторону. Ипатій все еще ворчалъ и обтирался.

— Ну, что-жъ дальше? Сказывайте, это очень занятно, вставилъ теноркомъ Савелій.

— Да я все позабылъ, что говорилъ, нехотя проворчалъ Ипатій.

— Вы сказали, что парнишка маленькой стоялъ...

— Ну чего-жъ еще? Стоялъ, да и все тутъ.

Видя, что Ипатій все еще гнѣвается и рассказывать больше не намѣренъ, Савелій замолчалъ. Минутъ десять Ипатій ворочался съ боку на бокъ, но заснуть не могъ. Савелій зѣвалъ во весь ротъ и что-то соображалъ, поглядывая на Ипатія.

— Тутъ хоть тресни, никакъ не заснешь, проговорилъ тотъ, приподнимаясь и оглядываясь въ потемкахъ. — Спать-то еще немногіе, нажется.

— Нѣтъ еще-съ.

— А все это дудка проклятая надѣлалъ.

— Опъ и есть... А я вотъ что все думаю, отче: у васъ чай есть съ собой что нибудь изъ Ерусалима, кресты тамъ, али что? ась?

— Есть. Безъ этого нельзя.

— Покажите-ка мнѣ, христа ради! Я погляжу да и приложусь встать..

— Что-жъ ты увидишь въ потьмахъ-то?

— На счетъ этого не извольте думать. Я сейчасъ огонь вздую, у меня и свѣчка есть.

— А какъ хозяинъ увидитъ?

— Я рукой заслоню огонь отъ двери-то; не увидитъ.

— Ну, ладно, зажигай.

Савелій полѣзъ въ свою торбу, добылъ огня и зажегъ запывшійся огарокъ восковой свѣчки. На свѣтъ поднялось нѣсколько косматыхъ, полусонныхъ головъ и послышалось недовольное ворчанье. Нѣкоторые, замѣтивъ, что Ипатій хочетъ

что-то показывать, приползли къ мѣсту дѣйствія, и около него скоро образовался небольшой кружокъ испитыхъ, убогихъ физиономій, между которыми рѣзко бросалась въ глаза какая-то мозглявая личность, въ вывороченной на изнанку скуфейкѣ, съ нахальнымъ выраженіемъ лица и лукавой улыбкой. Эта мозглявая личность ухарски оглядывала присутствующихъ, злостно хихикала и въ то же время смачно сосала полу своего истасканнаго подрясника. Самъ Ипатій, мрачный съ виду и худой, какъ скелетъ, молча рылся въ своей, когда-то плюсовой и порыжѣвшей отъ непогоды камилавкѣ и вынималъ оттуда разныя тряпочки, въ которыхъ хранились палестинскія сокровища.

— Тутъ все четки да кресты разные, — проговорилъ онъ, откладывая въ сторону нѣсколько узелковъ, — а вотъ тутъ у меня есть такія вещи, какихъ, чай, ни у кого изъ васъ нѣту.

У зрителей глаза разгорѣлись отъ усиленнаго вниманія. Ипатій осторожно развернулъ старую, истертую тряпицу и вынулъ оттуда засохшій сучекъ какого-то дерева.

— Это масличная вѣтка изъ того гефсиманскаго сада, въ которомъ Спаситель благоволилъ молиться за грѣхи міра, — проговорилъ онъ съ разстановкой и по княжному. На этомъ самомъ деревѣ ангелъ сидѣлъ и укрѣплялъ его на молитву.

— А самого-то ангела отчего ты не привезъ? спросила нахальная личность, ядовито хихикая.

— Молчи, Аксенка, — толенуль его въ бокъ товарищъ, — тутъ нечего уродствовать: вишь святыня.

— Нѣтъ ангела бы лучше, хи хи-хи!..

Народъ осматривалъ святыню молча, не обращая вниманія на юродиваго; только Ипатій хмурился, косясь на него, и усиленно мигалъ, когда взгляды ихъ встрѣчались.

— А вотъ это горохъ чудесный, — продолжалъ Ипатій, вынимая изъ узелка щепотку кругленькихъ камушковъ, на подобіе гороха. — Сказываютъ, что Богородица шла разъ по дорогѣ и проголодалась, а тутъ было поле горохомъ засѣяно. Вотъ Богородица и спрашиваетъ огородника: «дай, моля, горошку поѣсть?» а огородникъ посунился: «не дамъ», говорить. Богородица осерчала и сейчасъ же весь горохъ обратила въ камни... Вотъ это тотъ самый горохъ и есть.

— Да это-жь камушки простые, а не горохъ, — замѣтилъ юродивый, разсматривая рѣдкость.

— А про что-жь я говорю-то тебѣ?

— Про горохъ, хи-хи-хи!...

— Врешь, я говорю, что Богородица однажды....

— Да ладно, молчи Аксенка, кого тутъ дивить?—вступились зрители.—Показывай дальше!

Ипатій вынулъ и показалъ публикѣ какую-то косточку.

— Вотъ это, прибавилъ онъ нерѣшительно, я и самъ не знаю что; у армянскаго монаха купилъ въ Ерусалимѣ; сказывалъ, что отъ мощей Понтийскаго Пилата...

Зрители осмотрѣли и косточку Пилатову. Всѣхъ внимательнѣе смотрѣлъ и слушалъ Савелій. Юродивый хихикалъ.

— А это земля съ горы Голгофы, на которую кровь Спасителя проливалась.

— Эта святыня въ каждой церкви есть, замѣтилъ юродивый.

— Ну-ка, гдѣ, примѣрно, укажи?

— А чѣмъ же ты причащаешься-то? хи-хи-хи!..

Ипатій надулся и ни слова не отвѣтилъ. Потомъ онъ показалъ еще съ приличными толкованіями, кой-какія вещицы: масло святое, разные камушки, куски дерева и т. п. затѣмъ сталъ складывать свои сокровища обратно въ камплавку.

— Все? спросилъ его нѣкто косою, въ одеждѣ послушника, молчавшій до сихъ поръ.

— Мало, что ли, тебѣ? Ну, хочешь, четки разныя покажу?

— Четки мы сами имѣемъ, да у насъ есть и вещицы почище вашихъ. Не хотѣлъ показывать, да ужъ больно хвастаешься.

Послушникъ развязалъ свой кушакъ и вынулъ оттуда ящичекъ, а въ ящичкѣ былъ серебряный крестъ съ мощами «животворящаго древа». Запахло розовымъ масломъ. Всѣ поняли, что святыня-то очень важная.

— Видалъ? спросилъ онъ торжественно.

Игнатій молчалъ. Послушникъ изъ того же кушака вынулъ свертокъ и развернулъ его. Тамъ было нѣсколько разрѣшительныхъ грамотъ іерусалимскаго патріарха.

— А это видалъ?

— Что же такое? спросили зрители.

— А это отпускные листы. Кому дамъ — всѣ грѣхи про-

стятся. Видите: прощаю, разрѣшаю; а вотъ и печать патриаршая.

Игнатій узналъ эти грамоты, замѣтилъ, что ихъ тутъ штукъ десять есть и почувствовалъ досаду, что, по безденежью, не могъ заpastись ими.

— Ты самъ былъ, что ли? спросилъ онъ не своимъ голосомъ.

— Значить былъ. А тебѣ кто повѣритъ, что ты былъ? Чѣмъ докажешь?

— А кресты-то?

— Да ты можетъ быть купишь ихъ, можетъ съ полу гдѣ поднать? Турецкой пачпортъ цѣль у тебя, съ которыми ты ѣздилъ?

— Нѣту.

— А у меня и пачпортъ есть по турецки написанъ, значить, не вру,— вотъ что. Я бы и не то еще показалъ, да довольно; не хвастай впередъ!

И косой послушникъ отошелъ въ уголь и завалился спать.

Эффектъ вышелъ полный. Ипатій стоялъ, какъ оплеваннй, и чувствовалъ сильное угрызеніе совѣсти. Зрители начали подсмѣиваться надъ нимъ; Ипатій злился и отгрызался, какъ могъ, и не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, если бы сильный стукъ въ двери не заставилъ странниковъ прекратить эту бесѣду. Мигомъ они задули огонь и взапуски бросились на свои мѣста, толкаясь и натыкаясь другъ на друга. Въ дверяхъ показался караульный съ фонаремъ и дубиной.

— Вы чего тутъ не спите? крикнулъ онъ. Сказано было, чтобъ огня не запаливать, потому сѣно кругомъ. Эй вы, кто тутъ жегъ?

Отвѣта, конечно, не было, а въ потьмахъ трудно разобратъ что нибудь.

— Право, хозяина кликну, продолжалъ караульный, а онъ васъ въ шею отсюда вытолкаетъ. Слышите, что ли? Вотъ ужъ, какъ увижу еще, ей богу хозяина приведу.

Онъ постоялъ нѣсколько минутъ на порогѣ и видя, что никто не отелявается, захлопнулъ дверь, проговоривъ: «сволочь!».

Послѣ этого погрома на сѣновалѣ стало тихо. Нѣкоторые изъ неугомонныхъ попробовали было опять похихикать и за-

вести общіе разговоры, но ихъ съобща заставили замолчать, на томъ основаніи, что спать надо.

Ипатію не спится. Съ досадою ворочается онъ съ боку на бокъ, а сонъ нейдетъ, и все-то ему теперь мерещатся грамотки разныя, да крестъ съ мощами. Какъ вспомнить онъ, что этотъ воевой послушникъ отобьетъ у него завтра много доходу, такъ у него отъ зависти все нутро переворачивается. — «Не украсть ли?» мелькнула у него злодѣйская мысль, а затѣмъ такъ и нарисовалась въ воображеніи самая заманчивая картинка. Онъ поднялъ голову и оглядѣлся. Всѣ, какъ видно, спятъ крѣпко; въ щели сарая чуть пробиваются первые лучи утренней зари, но разобрать еще ничего нельзя.

— Ей-богу украду; это теперича очень удобно! думаетъ Ипатій, а у самого уже сердце сжимается и поджилки трястись начинаютъ. — А какъ не на того вдругъ наѣду? представилось ему, и вотъ онъ уже предчувствуетъ общую суматоху, всѣ на него навинутся, крикъ подымутъ, станутъ бить и калѣчить его, приговаривая: «не воруй, не кощунствуй!» и т. п. И морозъ по кожѣ подираетъ его отъ этихъ думъ. Онъ вытянулъ шею и безцѣльно пялитъ глаза въ непроницаемую тьму сѣновала. Кто-то кашлянулъ. Никита многогрѣшный вздохнулъ перерывисто и не-то бредитъ, не-то молится...

— Сирыхъ Богъ не оставитъ, шепчетъ онъ въ полузабытѣ. О, горе мнѣ, грѣшнику суццу... запѣлъ было Никита, но не допѣлъ и смолкъ.

— Нѣтъ, лучше спать лягу, подальше отъ грѣха будетъ, — пробормоталъ Ипатій и опустилсѣ на сѣно. Вдругъ онъ слышитъ, кто-то около него ползаетъ, шелеститъ сѣномъ и даже дотрогивается до его одежды.

— Кто тутъ? спросилъ онъ, тараща глаза и ощупавъ чью-то руку.

— Тш... Это я, Савелій...

— Чего-жь тебѣ надо?

— Вотъ что, отче, — заговорилъ тотъ шопотомъ: — хочешь завтра деньги большую нажать?

— Хочу.

— Такъ я вотъ что сдѣлаю: я сведу тебя завтра къ одной знакомой купчихѣ... Она богомольная такая и съ деньгами. Если ты продашь ей кавую нибудь вещицу изъ Ерусалима,

такъ она тебѣ такую деньгицу дастъ, что вѣкъ благодарить меня будешь...

— А ты не врешь, голубчикъ?

— Чего врать, только чуръ, третью часть мнѣ давай за хлопоты.

— Ладно, а ты тово... не соври; я и самъ-те удружу когда нибудь.

— Какъ святъ Богъ, говорю, это вѣрно. Завтра, смотри, не отставай отъ меня, вмѣстѣ и пойдемъ.

— Хорошо, спасибо.

— Ну, такъ спи же!

Савелій уползъ, а мысли Ипатія приняла теперь совсѣмъ другое направленіе, болѣе пріятное. «Вѣдь, можетъ быть, сотни двѣ-три сорву, думалъ онъ, только бы поспѣть къ ней раньше косога послушника. А какъ получу деньги, стану жить, какъ древніе святители жили: уйду сейчасъ въ какую нибудь пустынь, игуменомъ сдѣлаюсь черезъ нѣсколько лѣтъ, спастись въ строгости стану, и народъ будетъ ѣздить ко мнѣ для наставленій...» И воображеніе рисуетъ Ипатію картины одна другой заманчивѣе. Вотъ онъ прославился на землѣ своими подвигами; народъ къ нему такъ и валить, въ землю ему кланяется, руки цѣлуетъ; отъ головы у него лучами сіянье вокругъ идетъ и чудеса онъ разные дѣлать можетъ: что только онъ пожелаетъ, то сейчасъ и явится передъ нимъ, потому — святой человекъ. И имя его стало извѣстно по всѣмъ монастырямъ; вездѣ узнали, что Ипатій святымъ сдѣлался, сами архіереи къ нему на поклонъ ѣхать собираются... Вотъ онъ померъ: ангелы взяли душу его и понесли въ рай, а въ раю цвѣты да фрукты разные, и сидитъ Ипатій на цвѣтахъ и яблоки разные ѣстъ... А на землѣ его мощи открылись: отъ нихъ благоуханіе идетъ во всѣ стороны; попы въ ризахъ поютъ акафисты... Вотъ и знакомый его попъ Семень спрашиваетъ у дьячка Захарыча, — «Неужели, это тотъ самый Ипатій, который у насъ воду-то возилъ на подворьѣ?» — «Онъ самый и есть», отвѣчаетъ Захарычъ, и оба молятся... И Ипатій отъ такихъ грезъ сладостно ѣжится на снѣгъ и силится прошептать молитву.

А на снѣговалѣ всѣ уже спятъ крѣпкимъ сномъ; замолкъ даже Никита многогрѣшный. Тихо. Въ щеляхъ ясиѣ про-

сбѣивается заря; вотъ уже зачиркали рѣвнѣ воробьи... А дождь по дрежнему однообразно стучитъ и перевативается по кровлѣ.

Утромъ хозяинъ разбудилъ гостей и торопитъ ихъ въ дорогу. Не охота странникамъ разставаться съ уютнымъ помѣщеніемъ: погода сѣрая, непріятная, дождь идетъ по вчерашнему. На дворѣ закладываютъ чей-то провѣній гарантасъ и таскаютъ изъ избы подушки и погребцы разные; ямщики бродятъ, позевывая и крестя рты, но еще рано: движенія мало на дворѣ,

— Батюшки, да вѣдь меня никакъ обокрали!.. судорожнымъ голосомъ пробормоталъ косою послушникъ «съ грамотками.»

Странники всполюшились и со страхомъ оглянулись на него.

— Такъ и есть; все унесли, мошенники, кушакъ даже сръзали: тамъ и деньги были...

— Какъ, что такое? слышались участливые голоса.

— Обокрали...

— Это ужъ не тотъ-ли, Тихвинской-то? Онъ вчера что-то больно васъ спрашивалъ.

— А гдѣ онъ?

— Ушелъ давно.

— Онъ и есть.

— Пропадай моя голова! крикнулъ послушникъ и, сломя голову, бросился бѣжать.

— Какже, догонишь теперь, говорили вслѣдъ ему.

Ипатій, поблѣднѣвъ, полѣзъ за пазуху: узелка нѣту; осмотрѣлъ камилавку — нѣтъ ничего, даже подкладка выворочена.

— Ты, что ли, взялъ? — спросилъ онъ, растерявшись, у сосѣда, надѣвавшего чуйку.

— Каво?

— Да мои вресты-то?

— А у тебя тоже украли??

— У-кра-ли.

— Это вѣрно все тотъ.

— Ну, живѣй, живѣй, братцы, буду сѣноваль заирать, — торопилъ хозяинъ, выпроваживая гостей. — Вонъ ужъ бабы-те давно пошли, раньше васъ будутъ у праздника.

Странники помаленьку стали выбираться, на ходу подвывая потопки. А Ипатій все еще рылся около того мѣста, гдѣ спалъ, и старательно ворочалъ и встряхивалъ сѣно.

— Ты чего тутъ? спросилъ хозяинъ.

— Да вотъ кресты тутъ были...

— А теперь нѣту?

— Нѣту.

— Такъ гдѣ-жъ ихъ взять, коли нѣту! Заходи-ко лучше сюда обратно, можетъ найду.

— Поищи, родной, Богъ не оставитъ,—слезливо взмолился Ипатій, выходя изъ сѣновала.

— Ладно, поищу. Чужого мнѣ не надо.

Ипатій медленно пошелъ за своими, оглядываясь то на сѣноваль, то на хозяина. Онъ долго шелъ съ открытой головой и все еще теребилъ въ разныхъ стороны подкладку своей вамявки...

Не знаю, нашелъ ли онъ потомъ свои вещи. Едва ли...

Ш. А. Благовѣщенскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

ПУШКИНЪ И БѢЛИНСКІЙ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ЛИРИКА ПУШКИНА.

I.

Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1844 году, была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» пятая статья Бѣлинскаго о Пушкинѣ. Вотъ оглавленіе этой статьи: «Взглядъ на русскую критику.—Понятіе о современной критикѣ.—Ислѣдованіе пафоса поэта, какъ первая задача критики.—Пафосъ поэзіи Пушкина вообще.—Разборъ лирическихъ произведеній Пушкина».— Въ этой статьѣ Бѣлинскаго встрѣчаются болѣе или менѣе опредѣленные намеки на всѣ тѣ идеи, которыми живетъ наша теперешняя реальная критика. Въ этой же самой статьѣ Бѣлинскій предается самымъ необузданнымъ эстетическимъ восторгамъ. Читая внимательно эту статью, мы видимъ, какъ эстетикъ борется въ Бѣлинскомъ съ общественнымъ дѣятелемъ, и прелчувствуемъ, что побѣда непременно должна склониться на сторону послѣдняго. Чтобы доказать читающей публикѣ кровное родство реальной критики съ Бѣлинскимъ, я приведу изъ этой статьи, напечатанной двадцать лѣтъ тому назадъ, нѣсколько обширныхъ выписокъ.

«Гёте гдѣ-то сказалъ: «какого читателя желаю я?—такого, который бы меня, себя и цѣлый міръ забылъ, и жилъ бы только въ книгѣ моей». Нѣкоторые нѣмецкіе аристархи оперлись на это выраженіе великаго поэта, какъ на основной краеугольный камень эстетической критики. И однакожь, односторонность гётевой мысли очевидна. Подобное требованье очень выгодно для всякаго поэта, не только великаго, но и маленькаго; принявъ его на вѣру и безусловно, критика только и дѣлала бы, что кланялась въ поясъ то тому, то другому поэту, ибо такъ какъ все имѣетъ свою причину и основаніе—даже эгоизмъ, дурное направленіе, самое невѣжество поэта, то если критикъ будетъ смотрѣть на произведеніе поэта безъ всякаго отношенія къ его личности, забывъ о самомъ себѣ и цѣломъ мірѣ, — естественно, что творенія этого поэта, будь они только ознаменованы болѣею или меньшею степенью таланта, явятся непогрѣшительными и достойными безусловной похвалы».

Изъ приведенныхъ словъ читатель видитъ, что у Гёте была губа не дура, и что онъ придумалъ очень вѣрное средство затушевать слабыя стороны своей поэтической дѣятельности. Чистые эстетики приняли искусную выдумку Гёте за святую истину, но Бѣлинскій оказался гораздо проникательнѣе *нѣмецкихъ аристарховъ* и, такимъ образомъ, внесъ въ критику элементъ, совершенно враждебный эстетикѣ. Въ словахъ Бѣлинскаго мы видимъ ясное выраженіе той идеи, что поэтической талантъ одинъ, самъ по себѣ, еще не даетъ поэту права пользоваться уваженіемъ и сочувствіемъ современниковъ и потомства. Бѣлинскій относится очень сурово къ *невѣжеству* поэта, къ *дурному направленію* и къ *эгоизму*. Слово *эгоизмъ*, конечно, употреблено неправильно; но такъ какъ этимъ словомъ Бѣлинскій, очевидно, хочетъ обозначить узость ума и мелкость чувства, то съ его идеею мы можемъ совершенно согласиться. Если, такимъ образомъ, критика, по мнѣнію Бѣлинскаго, должна непремѣнно требовать отъ поэта широкаго умственнаго развитія, хорошаго, то есть, честнаго направленія и разумной любви къ человѣчеству, то, очевидно, критика Добролюбова и теперешняя критика «Русскаго Слова», по своему основному принципу, совершенно соотвѣтствуютъ стремленіямъ Бѣлинскаго. Критика Бѣлинскаго, критика Добролюбова и критика «Русскаго Слова» оказываются развитіемъ одной и той же идеи, которая съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе очищается отъ всякихъ постороннихъ примѣсей.

«При нѣмецкой апатической терпимости ко всему, продолжаетъ Бѣлинскій, что бываетъ и дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, при нѣмецкой безличной универсальности, которая, признавая все, сама не

можетъ сдѣлаться ничѣмъ, мысль, высказанная Гете, поставялетъ искусство цѣлью самому себѣ и черезъ это самое освобождаетъ его отъ всякаго соотношенія съ жизнью, которая всегда выше искусства, потому что искусство есть только одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни».

Какъ вамъ это нравится, господа читатели? Уже въ 1844 году, была провозглашена въ русской журналистикѣ та великая идея, что *искусство не должно быть цѣлью самому себѣ, и что жизнь выше искусства*. А слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, тотъ самый журналъ, который бросилъ русскому обществу эти двѣ блестящія и плодотворныя идеи, съ тупымъ самодовольствомъ возстаетъ противъ «Эстетическихъ отношеній», которыя цѣлкомъ построены на этихъ двухъ идеяхъ. Этотъ поучительный фактъ доказываетъ ясно, что человѣческая мысль не можетъ стоять на одномъ мѣстѣ. Когда она не хочетъ или не умѣетъ двигаться впередъ, тогда она поневолѣ платится назадъ. «Отечественныя записки» хотѣли забастовать на Бѣлинскомъ. Оказывается теперь, что онѣ забыли Бѣлинскаго и подвинулись къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. «Современникъ» хотѣлъ забастовать на Добролюбовѣ, и мы видимъ, дѣйствительно, что «Современникъ» быстро забываетъ Добролюбова и также путешествуетъ въ область двадцатыхъ годовъ. Повторять слова учителя—не значить быть его продолжателемъ. Надо понимать ту цѣль, къ которой шелъ учитель. Идя къ извѣстной цѣли, учитель произносилъ извѣстные слова. Въ ту минуту, когда эти слова произносились, они дѣйствительно подвигали людей впередъ къ предположенной цѣли. Но когда эти слова уже подѣйствовали, когда люди, подчиняясь ихъ вліянію, сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, тогда все положеніе вопроса обрисовывается иначе, тогда произнесенныя слова теряютъ свою двигательную силу и, слѣдовательно, перестаютъ быть умѣстными, полезными и цѣлесообразными. Тогда надо произносить новыя слова, примѣняя ихъ къ новымъ потребностямъ времени; эти новыя слова могутъ находиться въ рѣзкомъ разногласіи съ старыми словами, и это разногласіе нисколько не мѣшаетъ ни тѣмъ, ни другимъ быть одинаково вѣрными выраженіями одной и той же основной тенденціи. Основная тенденція всей критической школы Бѣлинскаго, продолжающей дѣйствовать и развиваться до настоящей минуты, выражается совершенно ясно и отчетливо въ тѣхъ двухъ положеніяхъ, что *искусство не должно быть цѣлью самому себѣ* и что *жизнь выше искусства*. Изъ этихъ двухъ простыхъ и скромныхъ положеній выводятся совершенно логично и неизбежно всѣ самые смѣлые и блистательные *salto mortale*.

моего уважаемаго сотрудника, г. Зайцева, на котораго смотреть до сихъ поръ съ такимъ непритворнымъ ужасомъ и съ такимъ комическимъ недоумѣніемъ всѣ солидные тихходы нашей періодической литературы.— При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ развивался и дѣйствовалъ Бѣлинскій, онъ, конечно, не могъ вывести изъ этихъ двухъ положеній всѣ ихъ логическія послѣдствія. Въ сороковыхъ годахъ онъ даже не могъ ихъ предвидѣть. Онъ ежеминутно уклоняется въ своей дѣятельности отъ этихъ двухъ основныхъ положеній, но смыслъ и сила его дѣятельности заключаются, конечно, не въ этихъ случайныхъ нарушеніяхъ логики. Высказать вѣрную мысль, еще не значитъ послѣдовательно провести эту мысль въ анализъ всѣхъ явленій жизни, науки и искусства. Вторая задача, разумѣется, гораздо труднѣе и многосложнѣе первой. Если высказанная мысль дѣйствительно велика и плодотворна, то на ея послѣдовательное проведеніе могутъ потратиться силы нѣсколькихъ поколѣній. Эта завидная участь выпала на долю мыслямъ Бѣлинскаго. Въ продолженіе двадцати лѣтъ, лучшие люди русской литературы развиваютъ его мысли, и впереди еще не видно конца этой работѣ. Та тѣсная родственная связь, которая несомнѣнно существуетъ между Бѣлинскимъ и темерешними реалистами, доказываетъ, съ одной стороны, умственное величіе нашего общаго учителя, а съ другой стороны, то обстоятельство, что такъ называемый нигилизмъ есть дитя нашего времени, имѣющее своихъ законныхъ и весьма почтенныхъ родителей въ прошедшемъ періодѣ нашей умственной жизни. Проклиная нигилизмъ, солидные люди очень охотно вычеркиваютъ изъ исторіи русской литературы «Эстетическія отношенія» и Добролюбова, въ которыхъ они видятъ случайныя или болѣзненные явленія. Теперь я попрошу солидныхъ людей, для радикальнаго уничтоженія нигилистовъ, начать работу вычеркиванія съ Виссариома Бѣлинскаго. Года четыре тому назадъ, «Русскій Вѣстникъ», какъ самый послѣдовательный и дальновидный врагъ нигилизма, дѣйствительно попробовалъ занести руку и на Бѣлинскаго. Въ 1861 году, г. Лонгиновъ сдѣлался уличить Бѣлинскаго въ заносчивомъ невѣжествѣ. Если бы эта попытка увѣнчалась успѣхомъ, тогда, по всей вѣроятности, ядъ вольнодумства былъ бы искорененъ вполне, и настоящими, здоровыми и совершенно незаподозрѣнными представителями русской мысли оказались бы: въ прошедшемъ—гг. Мерзляковъ и Шевыревъ, а въ настоящемъ—гг. Лонгиновъ и Анненковъ. Вся остальная русская критика была бы причислена къ ложнымъ и отреченнымъ книгамъ. Этотъ результатъ былъ бы, конечно, очень блистательный и утѣ-

шителейъ, но, къ сожалѣнію, усердная попытка г. Лонгинова осталась, по какой-то необъяснимой случайности, совершенно незамѣченной.—Совѣтую солиднымъ людямъ повторить эту попытку, потому что для искорененія нигилизма необходимо убить Бѣлинскаго во мнѣніи русскаго общества.

II.

«Дѣйствительно, продолжаетъ Бѣлинскій, нѣмецкая критика, при разсматриваніи произведеній искусства, всегда опирается на само искусство и на духъ художника, и потому исключительно вращается въ тѣсной сферѣ эстетики, выходя изъ нея только для того, чтобы обращаться изрѣдка къ характеристикѣ личности поэта, а на исторію, общество, словомъ, на жизнь не обращаетъ никакого вниманія. И оттого жизнь давно уже оставила тѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ, которые своими произведеніями угождаютъ такой критикѣ.» (Т. VIII. Стр. 343).

Нѣмецкая критика, противъ которой возстаютъ Бѣлинскій и сама жизнь, поступаетъ въ высшей степени благоразумно. Она тщательно поддерживаетъ тѣ перегородки, которыхъ паденіе краснорѣчиво оплакиваетъ несчастный преемникъ Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», г. Incognito. Когда эта нѣмецкая критика говоритъ объ искусствѣ, тогда она и опирается на само искусство.

Если же Бѣлинскій находитъ сферу эстетики *тѣсною*, если онъ требуетъ, чтобы критика вырвалась изъ этой *тѣсной сферы* и вступила въ безпредѣльный міръ дѣйствительной жизни—прошедшей и настоящей,—то онъ, очевидно, оказывается гнуснымъ сообщникомъ нынѣшней реальной критики.—Но чтобы показать солиднымъ людямъ, что Бѣлинскій еще не совсѣмъ пропащій человекъ, и чтобы напомнить несолиднымъ мальчишкамъ и дѣвчонкамъ, что Бѣлинскій еще не совсѣмъ послѣдовательный реалистъ, я прошу господъ читателей, солидныхъ и несолидныхъ, отыскать въ томъ же VIII томѣ и въ той же критической статьѣ страницу 352, на которой изображены слѣдующія строки:

«Каждое поэтическое произведеніе есть плодъ могучей мысли, овладѣвшей поэтомъ. Еслибъ мы допустили, что эта мысль есть только результатъ дѣятельности его разсудка, мы убили бы этимъ не только искусство, но и самую возможность искусства. Въ самомъ дѣлѣ, что мудреннаго было бы сдѣлаться поэтомъ и кто бы не въ состояніи былъ сдѣлаться поэтомъ, по нуждѣ, по выгодѣ или по

прихоти, еслибъ для этого стоило только придумать какую нибудь мысль, да и втиснуть ее въ придуманную же форму? Нѣтъ, не такъ это дѣлается поэтами по натурѣ и по призванію! У того, кто не поэтъ по натурѣ, пусть придуманная имъ мысль будетъ глубока, истинна, даже свята, — произведеніе все-таки выйдетъ мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое, и никого не убѣдитъ оно, а скорѣе разочаруетъ cadaго въ выраженной имъ мысли, не смотря на всю ея правдивость! Но, между тѣмъ, такъ-то именно и понимаетъ толпа искусство, этого-то именно и требуетъ она отъ поэтовъ! Придумайте ей, на досугѣ, мысль получше, да потомъ и обдѣляйте ее въ какой нибудь вымыселъ, словно брильянтъ въ золото. Вотъ и дѣло съ концомъ!»

Здѣсь Бѣлинскій, очевидно, платитъ очень богатую дань тому эстетическому мистицизму, который проводитъ рѣзкую раздѣлительную черту между поэтами и простыми смертными. Поэтомъ надо родиться, поэтъ — высшая натура, на его высокомъ челѣ горитъ печать его высокаго призванія, процессъ творчества составляетъ непостижимую тайну, — всѣ эти глупыя фразы принимаются эстетиками за чистую монету, и даже острый умъ Бѣлинскаго не всегда умѣетъ устоять противъ одуряющей атмосферы подобныхъ фразъ. Поэты, разумѣется, очень рады производить себя въ полубоги и, видя, что имъ вѣрятъ на слово, интересничаютъ и шарлатанятъ безъ зазрѣнія совѣсти. Большая часть ихъ времени и ихъ умственныхъ силъ уходитъ на дѣлишки, на картишки, на интрижки, а между тѣмъ, они стараются увѣрить и себя, и другихъ, что постоянно созерцаютъ духовными очами высокія идеи или прекрасные образы. Ни дать, ни взять, тотъ Александръ Ивановичъ, который навязываетъ Зюсюшкѣ бумажку на хвостъ, а между тѣмъ, при появленіи пріятеля, тотчасъ принимаетъ удрученный видъ, свойственный ревностному администратору, преобразовавшему цѣлый департаментъ. Шарлатанство поэтовъ проявляется особенно ярко въ томъ высокомъ и туманномъ слогѣ, которымъ они любятъ говорить о таинственномъ процессѣ творчества. Одинъ увѣряетъ, что онъ, какъ богъ, ходитъ по чертогамъ Зевса; другой заявляетъ, что его сердце не полый мускуль, а родникъ, и что его стихи не рифмованныя строчки, а волна; третій объясняетъ, что юная Татьяна и съ нею Онѣгинъ являлись ему въ смутномъ снѣ, и что онъ не ясно различалъ даль свободнаго романа сквозь магическій кристаллъ. Наслушается добродушный и довѣрчивый человекъ этихъ удивительныхъ рѣчей, отъ которыхъ уши вянутъ, наслушается и поневолѣ погрузится въ недоумѣніе. Вѣдь вотъ, подумаетъ онъ, я тоже

размышляю, тоже увлекаюсь моими мыслями, ихъ тоже излагаю иногда на бумагѣ, а между тѣмъ, со мною никогда не происходитъ ничего такого, что привело бы мнѣ въ голову чертога Зевса или сердце, выпускающее изъ себя рифмованную волну, или магическій кристалль, заключающій въ себѣ даль свободнаго романа. Не можетъ же быть, чтобы всѣ эти стихотворцы говорили чистую и ни на чемъ неоснованную ложь; надо, стало быть, полагать, что въ ихъ нервной системѣ дѣйствительно происходятъ какія-то такія эволюціи, которыхъ я не испытываю и неспособенъ испытать. Значитъ, они — высшія природы, а я — низшая или обыкновенная натура. И рождается, такимъ образомъ, благодаря отъявленному шарлатанству однихъ и трогательной довѣрчивости другихъ, тотъ эстетическій мистицизмъ, которымъ глубоко зараженъ Бѣлинскій и отъ котораго не совсѣмъ уберегся даже Добролюбовъ. Этотъ мистическій туманъ разсѣвается, однако, при первомъ прикосновеніи трезвой критики. — Если для существованія искусства необходима привилегированная каста жрецовъ Аполлона, то, разумѣется, трезвая критика убиваетъ искусство, потому что она превращаетъ его въ общее достояніе всѣхъ умныхъ людей. Бѣлинскій полагаетъ, что не мудрено было бы создавать поэтическія произведенія, если бы для этого надо было *только придумать какую нибудь мысль, да и втиснуть ее въ придуманную же форму*. На самомъ дѣлѣ, всѣ поэтическія произведенія создаются именно такимъ образомъ: тотъ человекъ, котораго мы называемъ поэтомъ, придумываетъ какую нибудь мысль и потомъ втискиваетъ ее въ придуманную форму. Это втискиваніе обыкновенно стоитъ поэту очень большого труда; сначала онъ набрасываетъ планъ своего будущаго произведенія, потомъ придумываетъ отдѣльныя сцены, картины и подробности, потомъ шлифуетъ языкъ или стихъ. Ни стройность плана, ни красота подробностей, ни картинность языка, ни внѣшнее изящество стиха, — словомъ, ни одно изъ достоинствъ поэческаго произведенія не даются поэту сразу. Оконченное произведеніе обыкновенно представляетъ очень мало сходства съ первоначальнымъ замысломъ. Весь остовъ поэческаго произведенія подвергается во время работы очень значительнымъ и глубокимъ видоизмѣненіямъ. Однѣ подробности, которыя сначала казались поэту необходимыми, оказываются излишними и неумѣстными; другія подробности, которыхъ онъ сначала не имѣлъ въ виду, оказываются необходимыми. Поэтъ, какъ плохой портной, кроитъ и перекраиваетъ, урѣзываетъ и приставляетъ, сшиваетъ и утюжитъ до тѣхъ поръ, пока не получится въ окончательномъ результатѣ нѣчто правдоподобное и

благообразное. Желающие могут найти въ «Материалахъ для біографіи Пушкина», собранныхъ г. Анненковымъ, многочисленныя примѣры той тяжелой черной работы, посредствомъ которой Пушкинъ втискивалъ придуманную мысль въ придуманную форму. Если поэтъ дѣйствительно придумываетъ и втискиваетъ, то, стало быть, всякій, кто умѣетъ хорошо придумать и хорошо втиснуть, можетъ сдѣлаться замѣчательнымъ поэтомъ. Это несомнѣнно, но слѣдуетъ ли изъ этого то заключеніе, что поэтось сдѣлаться мудропо?—Нисколько не слѣдуетъ. *Придумать мысль*, какъ выражается Бѣлинскій, совсѣмъ не легко. Умныя мысли приходятъ въ голову только умнымъ людямъ, и приходятъ сами, помимо нашей воли. Придумать мысль, то есть, привести ее насильно къ себѣ въ голову, нѣтъ даже никакой возможности. Затѣмъ, когда мысль пришла въ голову, необходимо много энергіи и напряженнаго умственнаго труда для того, чтобы разсмотрѣть эту мысль со всѣхъ сторонъ и чтобы развить изъ нея всѣ ея послѣдствія. Наконецъ, для того, чтобы передать другимъ людямъ ясно и отчетливо то, что вы сами поняли и почувствовали, надо потратить очень много труда на втискиваніе мысли въ форму. Умъ, энергія, трудолюбіе, техническая ловкость или споровка, — всѣ эти качества необходимы тому человѣку, который хочетъ сдѣлаться поэтомъ, — необходимы точно въ такой же мѣрѣ, въ какой они необходимы тому человѣку, который хочетъ сдѣлаться ораторомъ, профессоромъ, адвокатомъ, историкомъ, публицистомъ, критикомъ или вообще словесныхъ дѣлъ мастеромъ, по какой бы то ни было отрасли словеснаго искусства. Такой человѣкъ, къ которому заходятъ въ голову умныя мысли, который умѣетъ задерживать и разрабатывать эти мысли въ своей головѣ и который, посредствомъ упражненія, сдѣлался мастеромъ словесныхъ дѣлъ, такой человѣкъ, говорю я, можетъ, если только пожелаетъ, сдѣлаться поэтомъ, то есть, создать нѣсколько произведеній, которыя подѣйствуютъ на читателей такъ точно, какъ дѣйствуютъ на нихъ произведенія, созданныя настоящими, патентованными поэтами. Бѣлинскій говоритъ: «у того, кто не поэтъ по натурѣ, пусть придуманная имъ мысль будетъ глубока, истинна, даже свята, — произведеніе все-таки выйдетъ мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое, и никого не убѣдитъ оно, а скорѣе разочаруетъ cadaго въ выраженной имъ мысли, не смотря на всю ея правдивость.» — Любопытно было бы узнать, что сказали бы Бѣлинскій, если бы ему пришлось прочесть эпопею о бѣлой Арапіи. Сказалъ ли бы онъ объ этой эпопее, что она — произведеніе *мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое*? Если бы даже, паче чаянія, Бѣлинскій

рѣшился произнести надъ нею этотъ приговоръ, то, во всякомъ случаѣ, онъ не имѣлъ бы никакой возможности сказать, что эта эпопея никого не убѣдила и всѣхъ разочаровала. Тутъ сама жизнь опровергнула бы сужденіе Вѣлинскаго. Всѣмъ друзьямъ и врагамъ этой эпопеи одинаково извѣстно, что она произвела на читающее общество такое глубокое впечатлѣніе, какого не производило до сихъ поръ ни одно твореніе патентованныхъ поэтовъ. Но неужели же мы, на основаніи этого глубокаго впечатлѣнія, должны будемъ сказать, что авторъ эпопеи — *поэтъ по натурѣ и по призванію*? Если онъ, трезвѣйшій изъ трезвыхъ мыслителей, обяжется поэтомъ по натурѣ и по призванію, то тогда надо будетъ признать поэтами всѣхъ умныхъ людей безъ исключенія. — Значить, *толпа*, надъ которою смѣется Вѣлинскій, совершенно права, когда она требуетъ отъ поэта, чтобы онъ придумывалъ ей мысль получше и потомъ обдѣлывалъ эту мысль въ какой нибудь вымыселъ, словно брильянтъ въ золото. — Вѣлинскій поясняетъ далѣе, что настоящій поэтъ является страстно влюбленнымъ въ идею, страстно проникнутымъ ею, и что онъ созерцаетъ ее не разумомъ, не разсудкомъ, не чувствомъ, но всею полнотою и цѣлостью своего нравственнаго бытія. — Все это очень хорошо, но эти страстныя отношенія къ идеѣ вовсе не составляютъ исключительной особенности поэта. Всѣ великія дѣла, совершенныя замѣчательными людьми, были совершены именно посредствомъ страсти. Развѣ Колумбъ не былъ страстно влюбленъ въ свою идею, ради которой онъ, человѣкъ очень гордый и самостоятельный, таскался, въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, въ качествѣ смиреннаго и убогаго просителя, по приходамъ разныхъ португальскихъ и испанскихъ вельможъ? Развѣ Джонъ Говардъ не былъ страстно влюбленъ въ свою идею, ради которой онъ, въ теченіе своей жизни, шлялся по тюрьмамъ и госпиталямъ? Развѣ аболіціонистъ Джонъ Броунъ не былъ страстно влюбленъ въ свою идею, ради которой онъ, на старости лѣтъ, пошелъ на висѣлицу? Бокль, за нѣсколько минутъ до своей смерти, сокрушался исключительно о томъ, что ему не удастся дописать до конца «Исторію цивилизаціи въ Англіи». Развѣ этотъ человѣкъ не былъ страстно влюбленъ въ свою идею? Когда Ньютонъ повѣрялъ свою теорію мірового тяготѣнія посредствомъ вычисленій надъ движеніемъ луны, тогда онъ, подъ конецъ вычисленія, почувствовалъ такое сильное волненіе, что принужденъ былъ оставить работу, и попросилъ одного изъ своихъ друзей докончить за него самую простую математическую выкладку. Развѣ этотъ человѣкъ не *созерцалъ свою идею всею полнотою и цѣлостью своего нравственнаго бытія*? —

Желая изслѣдовать вопросъ о питательныхъ свойствахъ сахара, докторъ Старкъ сталъ производить опыты надъ самимъ собою, и такъ долго продовольствовалъ себя исключительно сахаромъ, что, наконецъ, занемогъ и умеръ отъ истощенія силъ. Кажется, страстнѣе, безграничнѣе и даже безумнѣе этой любви къ идеѣ невозможно себѣ ничего вообразить. Вообще, если вы хотите собрать самые крупные и рельефные примѣры тѣхъ странныхъ отношеній, которыя могутъ существовать между человѣкомъ и идеей, то вы должны будете обратиться не къ художникамъ, а къ изслѣдователямъ или къ политическимъ дѣятелямъ. Къ чести человѣческой природы вообще и человѣческаго ума въ особенности, надо замѣтить, что до сихъ поръ, кажется, ни одинъ человѣкъ не пошелъ на смерть за то, что онъ считалъ красивымъ, и что, напротивъ того, нѣтъ числа тѣмъ людямъ, которые съ радостью отдавали жизнь за то, что они считали истиннымъ или общепользнымъ. У искусства не было и не можетъ быть мучениковъ. Наука и общественная жизнь, напротивъ того, уже давно потеряли счетъ своимъ мученикамъ. — Такимъ образомъ, мы видимъ, что способность влюбляться въ идею никакъ не должна считаться исключительною привилегією художниковъ. Эта способность составляетъ тотъ священный огонь, безъ котораго вообще невозможенъ и немислямъ сознательный прогрессъ человѣчества. Этою способностью, въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ художники, обладаютъ тѣ люди, которыхъ мы привыкли называть холодными и положительными прозаиками, спокойными, суровыми и чорствыми дѣятелями жизни или науки. Вильгельмъ Оранскій, освободитель Нидерландовъ, Фердинандъ Магелланъ, сѣвшій, вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ, всѣхъ мышей и всѣ кожанныя вещи своего корабля для того, чтобы довести до конца свое кругосвѣтное плаваніе, Джонъ Лилбернъ, боровшійся въ теченіе всей своей жизни, словомъ и перомъ, сначала съ самовластіемъ Карла I, а потомъ съ самовластіемъ Кромвеля, — всѣ эти люди, разумѣется, любили идею гораздо страстнѣе, чѣмъ умѣли любить ее тѣ господа, которые, изъ любви къ ней, писали пріятныя стихи или потрясательныя драмы. Если дѣятели науки и жизни не пишутъ стиховъ и драмъ, то, разумѣется, это происходитъ не оттого, что у нихъ не хватаетъ ума, и не оттого, что въ нихъ слаба любовь къ идеѣ, а напротивъ, именно оттого, что размѣры ихъ ума и сила ихъ любви не позволяютъ имъ удовлетворяться создаваніемъ красивыхъ беллетристическихъ произведеній. Эти люди тоже поэты, но ихъ поэмами оказываются ихъ великія дѣла, которыя, разумѣется, не только полезнѣе, но даже грандіознѣе

и въ всевозможныхъ илладѣ и всевозможныхъ шекспировскихъ драмъ. И различіе между поэтами и не поэтами, которое хотятъ установить эстетики и, вмѣстѣ съ ними, полу-эстетикъ Бѣлинскій, оказывается нутнымъ оптическимъ обманомъ. То извѣстное латинское изрѣченіе, что ораторомъ можно сдѣлаться, а поэтомъ надо родиться, оказывается чистотелъностью. Поэтомъ можно *сдѣлаться*, точно также, какъ можно сдѣлаться адвокатомъ, профессоромъ, публицистомъ, сапожникомъ или часовщикомъ. Стихотворецъ или вообще балетристъ, или, еще шире, вообще художникъ — такой же точно ремесленникъ, какъ и всѣ остальные ремесленники, удовлетворяющіе своимъ трудомъ различнымъ естественнымъ или искусственнымъ потребностямъ общества. Подобно всѣмъ остальнымъ ремесленникамъ, поэтъ или художникъ нуждается въ извѣстныхъ врожденныхъ способностяхъ; но та доза способностей, которая необходима для того, чтобы человѣкъ могъ приступить къ изученію ремесла, встрѣчается обыкновенно у всѣхъ нормальныхъ и здоровыхъ экземпляровъ человѣческой породы. Затѣмъ, все остальное довершается въ образованіи художника впечатлѣніями жизни, чтеніемъ и размышленіемъ, и преимущественно, упражненіемъ и навыкомъ. Какъ только эти предварительныя занятія дали человѣку способность придумывать идеи и втискивать ихъ въ формы, такъ поэтъ оказывается готовымъ къ услугамъ всѣхъ любителей легкаго чтенія.

III.

Чтобы окончательно реабилитировать Бѣлинскаго въ глазахъ солидныхъ людей, я приведу его отзывъ о стихѣ Пушкина. «И что же это за стихъ! восклицаетъ нашъ критикъ. Античная пластика и строгая простота сочетались въ немъ съ обаятельною игрою романтической рифмы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явились въ немъ въ удивительной полнотѣ; онъ нѣженъ, сладостенъ, мягокъ, какъ ропотъ воды, тагучъ и густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча въ рукѣ богатыря.» — Напрасно Бѣлинскій не прибавилъ еще, что стихъ Пушкина красенъ, какъ вареный ракъ, сладокъ, какъ сотовый медъ, питателенъ, какъ гороховый кисель, вкусенъ, какъ жареная тетерка, упоителенъ, какъ рижскій бальзамъ, и ѣдокъ, какъ сарептская горчица. Если можно сравнивать стихъ съ водою:

съ смолою, съ молніею, съ кристалломъ, съ весною, съ ударомъ меча, то я не вижу резона, почему не сравнить его съ варенымъ ракомъ, съ гороховымъ киселемъ, съ сарептскою горчицею и вообще со всѣми предметами, существующими въ землѣ, на землѣ и подъ землею. — Простые смертные смотреть, конечно, съ нѣмымъ изумленіемъ на ту эстетическую оргію, которой предается Бѣлинскій; но это изумленіе въ порядкѣ вещей; простые смертные не могутъ и не должны понимать тѣхъ высшихъ красотъ, которыми упиваются посвященные. Это существованіе высшихъ красотъ, доступныхъ только избраннымъ натурамъ, подтверждаетъ своимъ свидѣтельствомъ другой посвященный, Гоголь, котораго слова съ особеннымъ удовольствіемъ, сочувствіемъ и уваженіемъ цитируетъ Бѣлинскій въ концѣ той же пятой статьи о Пушкинѣ. «Чтобы быть способену понимать ихъ, разсуждаетъ Гоголь, нужно имѣть слишкомъ тонкое обоняніе; нуженъ вкусъ выше того, который можетъ понимать только одніи слишкомъ рѣзкія и крупныя черты. Для этого нужно быть въ нѣкоторомъ отношеніи сибаритомъ, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ѣсть птичку не болѣе наперстка и услаждается такимъ блюдомъ, котораго вкусъ кажется совсѣмъ неопредѣленнымъ, страннымъ; безъ всякой пріятности привыкшему глотать надѣлія крѣпостного повара.» — Можно было бы захотѣться вдоволь, глядя на Гоголя и Бѣлинскаго, съ умиленіемъ и съ гастрономическимъ благоговѣніемъ бесѣдующихъ между собою о необходимости *слишкомъ тонкаго обонянія*, о смолистой тягучести пушкинскаго стиха и о непостижимыхъ достоинствахъ *птички не болѣе наперстка*. Но не до смѣха будетъ тому читателю, который подумаетъ, что не съ жиру, а съ горя бесѣдовали эти люди о птичкахъ величиною съ наперстокъ. Поневоля приходилось разсуждать о подобныхъ птичкахъ, когда о болѣе крупной дичи разсуждать было неудобно. Отъ недостатка упражненія, въ тогдашнихъ людяхъ слабѣла способность и, наконецъ, замирало даже желаніе подвергать анализу такія явленія жизни, которыми нельзя *услаждаться*, какъ жареною птичкою. Удивительно не то, что Бѣлинскій поетъ нелѣпный дифирамбъ во славу жаренымъ птичкамъ, соединяющимъ въ себѣ тягучесть смолы съ благовоніемъ весны и съ яркостью молніи, а то, что онъ еще умѣетъ находить область эстетики *тѣсною* и душною для мыслящаго критика. Удивительно то, что Бѣлинскій, въ самомъ разгарѣ своего эстетическаго восторга, не упустилъ изъ виду ни одного изъ существенныхъ недостатковъ пушкинской поэзіи. Вслѣдъ за тою неистовою тирадою, которая приписываетъ пушкинскому стиху свой-

ства смолы, весны и молніи, является слѣдующее, очень вѣрное, хотя, конечно, черезчуръ любовное опредѣленіе характеристическихъ особенностей нашего поэта. «Въ Пушкинѣ, *какъ* прежде всего увидите вы художника, вооруженнаго всѣми чарами поэзіи, призваннаго для искусства, *какъ* для искусства, исполненнаго любви, интереса ко всему эстетически-прекрасному, любящаго все и потому терпимаго ко всему. Отсюда всѣ достоинства, всѣ недостатки его поэзіи; и если вы будете разсматривать его съ этой точки, то съ удвоенною полнотою насладитесь его достоинствами и оправдаете его недостатки, какъ необходимое слѣдствіе, какъ оборотную сторону его же достоинствъ». (Стр. 368). Въ этихъ кроткихъ и ласковыхъ словахъ заключается самое полное и безпопадное осужденіе не только одной пушкинской поэзіи, но и вообще всякаго чистаго искусства. Кто любитъ все, тотъ не любитъ ровно ничего; кто любитъ одинаково сильно истца и отвѣтчика, страдалца и обидчика, истину и предрасудокъ, тупого обскуранта и гениальнаго мыслителя, тотъ, очевидно, не можетъ желать, чтобы истецъ выигралъ свой процессъ, чтобы страдалецъ поборолъ обидчика, чтобы истина истребила предрасудокъ и чтобы гениальный мыслитель одержалъ рѣшительную побѣду надъ тупыми обскурантами. Всеобъемлющая, тепловатая любовь, по совершенно справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, непременно ведетъ за собою всестороннюю терпимость, возможную только при совершенно бессмысленномъ, безучастномъ и безстрастномъ взглядѣ на жизнь. Кто во всѣхъ явленіяхъ жизни ищетъ только эстетически-прекраснаго, тотъ, очевидно, долженъ смотрѣть на людей такъ, какъ ребенокъ смотритъ на цестрые камушки и цвѣтныя стеклышки калейдоскопа. При такихъ отношеніяхъ къ жизни, не можетъ быть ни любви къ людямъ, ни вѣрнаго и глубокаго пониманія ихъ стремленій и страданій. Это реблическое равнодушіе къ людямъ, это тупое непониманіе жизни составляютъ дѣйствительно, какъ замѣчаетъ Бѣлинскій, необходимое слѣдствіе или *оборотную сторону* тѣхъ достоинствъ, которыми восхищаются эстетики въ произведеніяхъ чистаго художника. Если бы не было этой *оборотной стороны*, тогда чистый художникъ превратился бы въ страстнаго бойца за ту или другую идею, и тогда онъ уже потерялъ бы способность угощать эстетическихъ гастрономовъ птичками величиною съ наперстокъ. Но такъ какъ эта *оборотная сторона* достойна самаго полного и неумолимаго презрѣнія и такъ какъ она составляетъ, по словамъ самого же Бѣлинскаго, необходимую принадлежность самой медали, то нетрудно сообразить, что и вся ме-

даль совѣтъ нигде не годится. Не смотря на всю ласковость словъ отношеній къ Пушкину, Бѣлинскій самъ глубоко чувствуетъ неудовлетворительность этой медали. Во-первыхъ, я попрошу читателей обратить вниманіе на слово *напротивъ*, подчеркнутое мною въ моей послѣдней выпискѣ изъ Бѣлинскаго. Это слово поставлено Бѣлинскимъ потому, что онъ противопоставляетъ Пушкина Шекспиру, Байрону, Гете и Шиллеру. — Шекспиръ, по словамъ Бѣлинскаго, «*глубокій сердцеѣдецъ, мірообъемлющій созерцатель.*» Въ Байронѣ Бѣлинскаго поражаетъ «*ужасомъ удивленія колоссальная личность поэта, титаническая смѣлость и гордость его чувствъ и мыслей.*» Гете — «*поэтически-созерцательный мыслитель, могучій царь и властелинъ внутренняго міра души человека.*» Передъ Шиллеромъ Бѣлинскій преклоняется «*съ любовью и благоговѣніемъ*», какъ «*передъ трибуномъ человечества, провозвѣстителемъ гуманности, страстнымъ поклонникомъ всего высокаго и нравственно-прекраснаго.*» Набросавъ, такимъ образомъ, эти четыре характеристики, Бѣлинскій вводитъ въ это избранное общество гениальныхъ поэтовъ нашего маленькаго Пушкина. Вводя его, онъ произноситъ ту рекомендательную фразу, которую я выписалъ выше. Благодарность этой рекомендательной фразы выставляетъ особенно рельефно то печально-комическое обстоятельство, что нашему маленькому Пушкину рѣшительно нечего дѣлать въ той знатной компаніи, въ которую онъ попалъ совершенно не кстати, по милости своего лукаваго доброжелателя, Бѣлинскаго. Нашъ маленький и миленькій Пушкинъ неспособенъ не только вставить свое слово въ разговоръ важныхъ господъ, но даже и понять то, о чемъ эти господа между собою толкуютъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Пушкинъ и что такое тѣ люди, съ которыми сводитъ его Бѣлинскій? Одинъ изъ этихъ людей — *глубокій сердцеѣдецъ*, другой — *смѣлый и гордый титанъ*, третій — *царь и властелинъ внутренняго міра*, четвертый — *трибунъ человечества*. Какъ видите, народъ все чиновный! Все тузы литературной колоды и у cadaго туза своя собственная физіономія. Ну, а Пушкинъ-то что же такое? — Пушкинъ — художникъ?! Вотъ тебѣ разъ! — Это что же за рекомендація? А Шекспиръ, небось, не художникъ? Байронъ — не художникъ? Гете — не художникъ? Шиллеръ — не художникъ? — Кажется, воѣ они художники, но, кромѣ того, каждый изъ нихъ оказывается еще крупнымъ человекомъ, съ ясно-обозначеннымъ характеромъ и съ совершенно своеобразнымъ складомъ ума. Художественная виртуозность для cadaго изъ нихъ является только средствомъ выразить въ об-

щепотныхъ и привлекательныхъ формахъ то, что составляетъ внутреннее содержаніе, внутренній смыслъ, жизнь и силу ихъ энергическихъ и рѣзко-очерченныхъ личностей. Художественная виртуозность для нихъ то же самое, что приличное платье для каждаго изъ насъ. Когда вы отправляетесь въ общество, вы, конечно, заботитесь о томъ, чтобы ваше платье было опрятно и неизорвано; но, разумѣется, вы отправляетесь въ общество не за тѣмъ, чтобы показать людямъ ваше новое платье. Бываютъ, конечно, и такіе господа, которые выѣзжаютъ въ свѣтъ именно съ этою послѣднею цѣлью, но такихъ господъ умные люди не уважаютъ и клеймятъ названіемъ праздношатающихся шалопаевъ или ходячихъ вѣшалокъ, или говорящихъ манекеновъ (*mannequin*). Если бы, собирая свѣденія о незнакомомъ вамъ человѣкѣ, вы слышали бы о немъ, отъ самыхъ близкихъ его друзей, только то, что онъ отчасти хорошо одѣвается, то вы, безъ сомнѣнія, подумали бы о немъ, что онъ совершенно пустой, ничтожный и ограниченный человѣкъ, потому что, въ противномъ случаѣ, его друзья обратили бы вниманіе не на покрой его платья, а на особенности его ума и характера. Представьте же себѣ, что отзывъ Бѣлинскаго о Пушкинѣ совершенно равносильнъ этому отзыву близкихъ друзей о господнѣ, одѣтомъ по послѣдней модѣ. Пушкинъ—художникъ и больше ничего! Это значить, что Пушкинъ пользуется своею художественною виртуозностью, какъ средствомъ посвятить всю читающую Россію въ печальныя тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственного безсилія. Этотъ неотразимый выводъ особенно настоятельно напрашивается на вниманіе читателя именно потому, что Бѣлинскій свелъ своего *protégé* Пушкина съ такими людьми, которыхъ значеніе состоитъ совсѣмъ не въ безукоризненномъ покроѣ платья. Было бы очень неосновательно думать, что это сопоставленіе Пушкина съ тузами поэзіи было сдѣлано нечаянно, или что Бѣлинскій самъ не предвидѣлъ тѣхъ опасныхъ послѣдствій, которыя можетъ повести за собою, для литературной славы Пушкина, это коварное сопоставленіе. Бѣлинскій, на каждой страницѣ своихъ статей, наноситъ Пушкину жестокіе удары, которые проходили и до сихъ поръ проходятъ незамѣченными только потому, что они облечены въ чрезвычайно почтительную форму и сопровождаются самыми глубокими реверансами. «И такъ какъ его назначеніе, говорить Бѣлинскій о Пушкинѣ, на стр. 363, было завоевать, усвоить навсегда русской землѣ поэзію, какъ искусство, такъ чтобы русская поэзія имѣла потомъ возможность бытъ выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія, не боясь пе-

рестать быть поэзіею и перейти въ рифмованную прозу, — то естественно, что Пушкинъ долженъ былъ явѣться художникомъ.» — Соскребите съ этой фразы шелуху гегелизма и переведите ее съ высокаго эстетическаго языка на общепонятный русскій языкъ, и знаете ли, что вы получите?—Получите вы то, что я сказалъ о Пушкинѣ въ третьей части «Нерѣшеннаго вопроса» (Русское Слово, 1864, Ноябрь), а именно то, что Пушкинъ — просто великій стилистъ и что усовершенствованіе русскаго стиха составляетъ его единственную заслугу передъ лицомъ русскаго общества и русской литературы, если только это усовершенствованіе дѣйствительно можно назвать заслугою. Шелухою гегелизма я называю идею органическаго развитія, которая засѣла очень глубоко въ головѣ Бѣлинскаго и которую онъ, всѣми правдами и неправдами, старается провести даже тамъ, гдѣ она совершенно неприложима. Увлкаясь этою идеею, онъ видитъ что-то органическое и необходимое во всѣхъ стихотворныхъ шалостяхъ Батюшкова, Жуковскаго и Пушкина. Онъ полагаетъ, что каждый изъ этихъ господъ имѣлъ и исполнилъ свое особенное назначеніе, свою спеціальную миссію въ исторіи развитія русской поэзіи. Въ настоящее время, такія добродушныя мечтанія, разумѣется, кажутся намъ странными и смѣшными. Мы знаемъ очень хорошо, что во времена Батюшкова, Жуковскаго и Пушкина русская мысль спала крѣпкимъ сномъ, а русская поэзія представляла собою даже не тепличное растеніе, а просто картонную декорацию. Мы знаемъ также, что всѣ эти господа, которымъ Бѣлинскій навязываетъ миссіи и назначенія, были просто *quelques gentilshommes*, которые, по выраженію госпожи Сталь, *se sont occupés de littérature en Russie*, точно такъ, какъ они могли *s'occuper en Russie* разведеніемъ борзыхъ собакъ или воздѣлываніемъ тюльпановъ, или плеваніемъ въ потолокъ. Появленіе комедіи: «Горе отъ ума» нисколько не опровергаетъ моей мысли о совершенной мертвенности и искусственности тогдашней поэзіи. Напротивъ, оно даже подтверждаетъ мою мысль. «Горе отъ ума» стоитъ совершенно одиноко. Оно ничѣмъ не связано ни съ тѣмъ, что было до него, ни съ тѣмъ, что существовало рядомъ съ нимъ, ни съ тѣмъ, что было послѣ него. До него былъ Озеровъ, послѣ него былъ Кукольникъ; въ одно время съ нимъ блистали стихотворныя шалости Жуковскаго и Пушкина.—И такъ, Грибоѣдовъ оказывается преемникомъ Озерова, предшественникомъ Кукольника и сподвижникомъ романтика Жуковскаго. Какое превосходное органическое развитіе! Какъ много заимствовалъ Грибоѣдовъ у Озерова и какъ много онъ далъ Кукольнику! И какъ легко догадаться, что Грибоѣдовъ

и Жуковскій были современниками! — И такъ, шелуху гегелизма надо соскабливать съ сочиненій Вѣдинскаго. Толковать о значеніи Пушкина — напрасный трудъ. Та фраза, что Пушкинъ завоевалъ русской землѣ поэзію, или не имѣетъ никакого осязательнаго смысла, или заключаетъ въ себѣ тотъ очень скромный смыслъ, что Пушкинъ усовершенствовалъ русскій стихъ и осмѣлился заговорить въ стихахъ о *тихой кружкѣ* и о *Бобровомъ воротникѣ*, между тѣмъ, какъ его предшественники говорили только о *филахъ* и о *гламидахъ*. — Изъ этого слѣдуетъ, очевидно, то заключеніе, что Пушкинъ можетъ имѣть теперь только историческое значеніе, а для тѣхъ людей, которымъ некогда и не зачѣмъ заниматься исторіей литературы, не имѣетъ даже совсѣмъ никакого значенія. — Вѣдинскій очень ясно понималъ даже и это сокрушительное обстоятельство. «Какъ бы то ни было, говорить онъ на стр. 398, но, по своему возрѣнію, Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ и которая даже у насъ не можетъ пронавести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только, какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные, болѣзненные вопросы настоящаго.» Если *жизнью всякой истинной поэзіи* сдѣлалось *страстное мышленіе, полное вражды и любви*, то, очевидно, поэзія Пушкина — уже не поэзія, а только археологическій образецъ того, что считалось поэзіей въ старые годы. Мѣсто Пушкина — не на письменномъ столѣ современнаго работника, а въ пыльномъ кабинетѣ антикварія, рядомъ съ заржавленнымъ латомъ и съ изломанными архебузами. Вѣдинскій осмѣливается высказать даже и эту печальную истину. «Каждый умный человекъ, говоритъ онъ на стр. 400, въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, превирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній.» Ага! какой пассажъ! И все это съ глубокими реверансами и съ неизмѣнною ласковостью голоса! Видите, какой пастельный озорникъ этотъ Вѣдинскій и какія онъ произноситъ дерзкія и злощастія пророчества! Если Вѣдинскій могъ говорить такіа вещи, въ *сороковыхъ* годахъ, то меня, человекъ, пишущаго въ *шестидесятыхъ* годахъ, можно упрекать не въ томъ,

что я говорю неслыханныя дерзости, а развѣ только въ томъ, что я надѣдаю читателямъ повтореніемъ слишкомъ старыхъ истинъ.

IV.

Внутреннія противорѣчія, которыми переполнены статьи Бѣлинскаго, не должны возбуждать въ читателѣ ни изумленія, ни негодованія. Читатель долженъ постоянно помнить, что Бѣлинскій стоитъ на рубежѣ двухъ противоположныхъ міросозерцаній и въ его могучей личности совершается мучительный переходъ къ тому строю понятій, съ которымъ, даже до настоящей минуты, еще не сѣумѣли освоиться и помириться солидные люди нашей литературы. Во время такого перехода, колебанія, ошибки и внутреннія противорѣчія оказываются совершенно неизбѣжными даже для самыхъ сильныхъ и здоровыхъ умовъ. «Есть, говоритъ Бѣлинскій на стр. 391, всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ чловѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоого пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства». — Въ концѣ своего труда о Пушкинѣ, на стр. 701, Бѣлинскій повторяетъ ту же мысль въ слѣдующихъ словахъ: «придетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство.» — Сопоставляя эти изреченія Бѣлинскаго съ тѣми сужденіями того же критика, которыя были приведены и разобраны мною въ концѣ предыдущей главы, мы получаемъ тотъ неожиданный и изумительный результатъ, что «для молодыхъ людей обоого пола особенно полезно» чтеніе такого поэта, котораго произведенія для нашего времени уже перестали быть поэзією; даѣе, что поэтъ, который *рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній*, «будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ»; и наконецъ, что «можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ чловѣка», читая творенія такого поэта, который систематически уклоняется отъ отвѣта «на тревожные, болѣзненные вопросы настоящаго» и который «поетъ про себя и для себя, презирая толпу». — Если бы мы приняли слова Бѣлинскаго о благотворномъ вліяніи Пушкина на молодыхъ людей обоого пола за выраженіе прочно-установивша

шагося убѣжденія, то мы принуждены были бы назвать Вѣлинскаго 'закоснѣлымъ поборникомъ квіетизма и индифферентизма, туиымъ обожателемъ застоя и рутины и систематическимъ развратителемъ молодого поколѣнія. Дѣйствительно, для тѣхъ людей, въ которыхъ произведенія Пушкина не возбуждаютъ истерической зѣвоты, — эти произведенія оказываются вѣрнѣйшимъ средствомъ притупить здоровый умъ и усыпить человѣческое чувство. Кому Пушкинъ безвреденъ, тотъ не станетъ его читать; а кому онъ понравится, того онъ испортитъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Испортитъ онъ не тѣмъ, что дастъ ложное направленіе силамъ молодого ума, а тѣмъ, что не дастъ имъ совсѣмъ никакого направленія, тѣмъ, что приучитъ *«молодыхъ людей обою пола»* обходиться въ жизни безъ всякихъ убѣжденій и относиться съ воробьинымъ легкомысліемъ къ самымъ серьезнымъ вопросамъ, поглощающимъ всѣ силы лучшихъ дѣятелей данной эпохи.

Воспитывать молодыхъ людей на Пушкинѣ, значитъ готовить изъ нихъ трутней или тѣхъ сибаритовъ, которые, по словамъ Гоголя, пресытившись грубыми и тяжелыми яствами, услаждаются жареными птичками величиною съ наперстокъ. — Чтобы доказать вѣрность моей мысли на отдѣльныхъ примѣрахъ, я приступаю теперь къ анализу Пушкинской лирики. Изъ всей массы лирическихъ стихотвореній Пушкина, занимающихъ въ изданіи г. Анненкова до *шестисотъ* страницъ, я буду выбирать только тѣ, которыя считаются самыми лучшими, которыя заключаютъ въ себѣ пополюзованіе къ мысли и которыя Вѣлинскій рекомендуетъ съ особеннымъ жаромъ молодымъ людямъ обою пола. — Съ чего бы начать? Возьмемъ, напримѣръ, стихотвореніе: «19 октября», написанное въ 1825 году и пользующееся полнѣйшимъ сочувствіемъ Вѣлинскаго. — 19 октября, какъ извѣстно, — день открытія лица, въ которомъ воспитывался Пушкинъ. Въ 1825 году, Пушкину было 26 лѣтъ, и онъ пользовался уже громкою извѣстностью. — И такъ, молодой и блестящій поэтъ, полный жизни и энергіи, обращается въ своимъ бывшимъ лицейскимъ товарищамъ и бесѣдуетъ съ ними шестистопнымъ ямбомъ на пяти большихъ страницахъ. Какъ много чувства и мысли должно заключать въ себѣ это стихотвореніе! Подумайте, въ самомъ дѣлѣ: человекъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, уже познакомившійся съ волненіями и съ радостями жизни, уже протѣрявшій житейскимъ опытомъ юношескія мечты, уже отбросившій прочь воздушные замки, но сохранившій юношескую смѣлость мысли и свѣжесть чувства, такой человекъ, говорю я, вступаетъ въ раз-

говоръ съ тѣми людьми, которые знали его, когда онъ былъ мальчишкой, которые вмѣстѣ съ нимъ росли и развивались, вмѣстѣ съ нимъ мечтали о жизни, чертили роскошные планы и строили воздушные замки. Въ откровенномъ разговорѣ съ друзьями своего дѣтства, поэтъ развернетъ, конечно, всю свою житейскую философію. Мы узнаемъ отъ него, какъ онъ смотритъ на свое прошлое, чего онъ требуетъ отъ будущаго, какое мѣсто отводитъ онъ своей собственной дѣятельности въ общей толкотнѣ и суетѣ житейскихъ явленій. Вообще мы въ правѣ ожидать отъ поэта серьезнаго слова: тѣ люди, къ которымъ онъ обращается, знаютъ его насквозь, слѣдовательно, онъ можетъ и долженъ быть съ ними совершенно откровененъ; онъ самъ дорожитъ дружбою и уваженіемъ этихъ людей, слѣдовательно, онъ, по всей вѣроятности, чувствуетъ потребность высказаться передъ ними такъ, чтобы они получили полное и вѣрное понятіе объ его сложившейся и возмужалой личности. Тутъ нѣтъ мѣста легкомыслію и фразерству. Если Пушкинъ вообще способенъ смотрѣть серьезно и разумно на людей и на жизнь, то эта способность должна непремѣнно проявиться въ стихотвореніи: «19 октября 1825 года.»

Въ первыхъ сорока восьми строкахъ Пушкинъ говоритъ, что онъ проводитъ этотъ день одинъ въ своей «пустынной кельѣ»; потомъ вспоминаетъ о товарищѣ, умершемъ въ Италіи, и о другомъ товарищѣ, служащемъ во флотѣ. Идой въ этихъ сорока восьми строкахъ нѣтъ; есть только фактическія подробности и неопредѣленные выраженія дружелюбія и чувствительности.

«Друзья мои, говоритъ, вслѣдъ затѣмъ, Пушкинъ,—прекрасенъ нашъ союзъ! Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ. Неколебимъ, свободенъ и беспеченъ сросался онъ подъ сѣнью дружныхъ Музъ. Куда бы насъ ни бросила судьбина и счастье куда-бъ ни повело,—все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина; отечество намъ Царское Село». Случалось ли вамъ, читатель мой, бывать на официальныхъ обѣдахъ, которые даются чиновниками въ честь благодѣтельнаго начальника? На такихъ обѣдахъ, послѣ жаркого, солиднѣйшій изъ чиновниковъ обращается обыкновенно къ герою торжества съ неистово-хвалебною и безукоризненно-официальною рѣчью, которая, также обыкновенно, заставляетъ скромнаго героя уронить въ полный бокалъ шампанскаго такую же безукоризненно-официальную слезу умиленія. Эта неизбежная рѣчь приписывается присутствующему герою такіе изумительные подвиги усердія и человѣколюбія, которыхъ онъ никогда не совершалъ и даже, по своему чину и положенію, никогда не могъ совершить.

Я долженъ признаться, что дифирамбъ Пушкина въ честь прекраснаго союза, который нераздѣлимъ и вѣченъ, какъ душа, очень сильно напоминаетъ мнѣ тонъ безукоризненно-официальныхъ рѣчей, произносимыхъ, послѣ жаркаго, во славу благодѣтельнаго начальства. Весь куплетъ состоитъ изъ гиперболъ. Какъ вамъ нравится, наприимѣръ, тотъ возгласъ, что имъ цѣлый міръ чужбина; и что ихъ отечество находится исключительно въ Царскомъ Селѣ? Если это неправда, то какая плоскость! Надо быть совершенно исконверканнымъ человѣкомъ, двойникомъ Онѣгина, чтобы говорить приторные и завѣдомо-ложные комплименты школьнымъ товарищамъ и друзьямъ дѣтства. Если даже тутъ нѣтъ мѣста искренности, то гдѣ же она умрется и какіе тайники человѣческаго чувства останутся застрахованными отъ наплыва безукоризненной официальности?—А если Пушкинъ говоритъ правду, то какая узкость ума и какал дряблость чувства! Человѣкъ во всемъ мірѣ любитъ только то училище, въ которомъ онъ воспитывался. Человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ отворачивается отъ будущаго и утѣшается только воспоминаніями дѣтства. Хорошъ мужчина, хорошъ боецъ, хорошъ общественный дѣятель! А если онъ не мужчина, не боецъ и не общественный дѣятель, то какъ же онъ можетъ быть замѣчательнымъ поэтомъ? И такъ, одно изъ двухъ: или это плоскій и лживый комплиментъ, или росписка въ собственномъ ничтожествѣ. Какъ то, такъ и другое одинаково недостойно умнаго и энергическаго человѣка.—Одинъ изъ послѣдующихъ куплетовъ показываетъ намъ ясно, какую цѣну мы должны придавать гиперболамъ Пушкина: «Ты, ***, обращается онъ къ одному изъ своихъ товарищей, счастливецъ съ первыхъ дней, хвала тебѣ! Фортуны блескъ холодный не измѣнилъ души твоей свободной: все тотъ же ты для чести и друзей. Намъ розный путь судьбою назначенъ строгой; ступая въ жизнь, мы быстро разошлись: но невзначай проселочной дорогой мы встрѣтились и братски обнялись.» — Поняли вы, за что Пушкинъ воздаетъ *хвалу* своему товарищу? За то, что этотъ товарищъ не отвернулся отъ него при нечаянной встрѣчѣ; за то, что онъ дружески поздоровался съ нимъ. Значить, этотъ поступокъ былъ для Пушкина неожиданностью, если онъ вмѣняетъ его въ заслугу своему бывшему товарищу. Значить, Пушкинъ ожидалъ, что одинъ изъ членовъ *прекраснаго союза, нераздѣлимаго и вѣчнаго, какъ душа*, при свиданьи съ другимъ членомъ того же прекраснаго и душеподобнаго союза, можетъ посмотреть на этого другаго члена съ высоты своего величія и протянуть ему для пожатія вончики двухъ пальцевъ или даже совсѣмъ ничего не про-

тянуть и при этомъ спросить сивозъ зубов:—Кого и имѣю удовольствіе видѣть? — Еслибъ я не былъ твердо убѣжденъ въ чистотѣ пушкинскаго сердца и въ совершенной неспособности его ума къ лукавымъ сомнѣніямъ, то я подумалъ бы, что, сравнивая *прекрасный союзъ* съ душою, Пушкинъ этимъ лукавымъ /сравненіемъ/ старается поколебать въ своихъ читателяхъ вѣру въ безсмертіе души. Всего восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ разстался съ лицемъ, и онъ уже приходитъ въ восторгъ отъ того, что *блескъ холодной фортуны не измѣнилъ свободной души* его товарища. Плохо же онъ вѣритъ въ прочность того союза, который онъ, для пущей сладости, называетъ вѣчнымъ и нераздѣлимымъ, какъ душа. И какой же это такой особенный *блескъ фортуны* могъ озарить его товарища въ теченіе восьми лѣтъ? И могли ли они, въ это время, дѣйствительно разойтись на очень далекое разстояніе? — Ничуть не бывало. Пушкинъ никогда не былъ ни мученикомъ, ни даже нищимъ. Что же касается до *счастливица съ первымъ днемъ*, то, очевидно, какъ бы ни былъ онъ счастливъ, онъ, въ восемь лѣтъ, не могъ сдѣлаться ни фельдмаршаломъ, ни министромъ, ни чрезвычайнымъ посломъ, ни генералъ-губернаторомъ. Значить, встрѣтившись на проселочной дорогѣ, Пушкинъ и *счастливецъ* вовсе не стояли на двухъ крайнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Вся разница между ними могла состоять только въ томъ, что одинъ былъ двумя или тремя чинами старше другого. Союзъ *вѣчный и нераздѣлимый, какъ душа*, оказался столь крѣпкимъ, что не лопнулъ даже отъ этого громаднаго различія; коллежскій совѣтникъ великодушно обнялъ титулярнаго, и Пушкинъ восклицаетъ съ восторгомъ: хвала тебѣ ваше высокоблагородіе!

Затѣмъ Пушкинъ обращается къ другому, не столь чиновному члену *прекраснаго союза*. «Съ младенчества, говоритъ онъ ему, духъ пѣсень въ насъ горѣлъ и дивное волненье мы познали; съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали, и сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ: но я любилъ уже руюолесканыя, ты гордый пѣлъ для Музъ и для души; свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья, ты гений свой воспитывалъ въ тиши. Служенье Музъ не тернить суеты: прекрасное должно быть величаво; но юность намъ совѣтуетъ лукаво и шумныя насъ радуютъ мечты... Опомнись, но поздно! И уныло глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ. Скажи, * * *, не толь и съ нами было, мой братъ родной по Музѣ, по судьбамъ? Пора, пора! Душевныхъ нашихъ мукъ не стойтъ мѣръ; оставимъ заблужденья! Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!»

Если всю эту рифмованную болтовню переложить на простой и

ясный прозаическій языкъ, то получится слѣдующій, весьма тощій и блѣдный смыслъ: — мы съ тобою оба пописывали стихи; я отдавалъ свои стихи въ печать, а ты своихъ не отдавалъ; теперь и я перестану печатать мои стихотворенія.— Почему Пушкину пришла въ голову эта послѣдняя фантазія и почему онъ оставилъ ее безъ исполненія—этого недоумѣвающій читатель никогда не узнаетъ. Что значать громкія фразы о служеніи Музъ, которое не терпитъ суеты, и о прекрасномъ, которое должно быть величаво—это также остается неизвѣстнымъ. Вѣрнѣ всего то, что эти фразы ровно ничего не значать и изображаютъ собою стилистическія упражненія и риторическія амплификации. Какія душевныя муки принялъ на себя Пушкинъ изъ любви къ міру и чѣмъ провинился передъ Пушкиннымъ неблагодарный міръ—объ этомъ также молчитъ исторія. Надо полагать, что подъ благозвучнымъ именемъ душевныхъ мукъ здѣсь подразумѣвается многотрудное исканіе рифмы. Что же касается до сокрытія жизни подъ сѣнь уединенія, то этою меланхолическою фразою, очевидно, плѣнился и вдохновился Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, приглашавшій прелестную городничиху удалиться вмѣстѣ съ нимъ подъ сѣнь струй.

Перехожу къ послѣднимъ двумъ куплетамъ, которые особенно понравились Вѣлинскому.—«Пируйте же, говоритъ Пушкинъ, пока еще мы тутъ! Увы, нашъ кругъ часть отъ часу рѣдѣетъ, кто въ гробъ спитъ, кто дальній сиротѣетъ; судьба глядитъ (?), мы вянемъ; дни бѣгутъ; невидимо склоняясь и хладѣя, мы близимся въ началу своему... Кому-жъ изъ насъ подъ старость день лица торжествовать придется одному? Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній доучный гость и лишній, и чужой, онъ вспомнить насъ и дни соединеній, закрывъ глаза дрожащею рукою.» — Выписавъ эти строки, Вѣлинскій разсуждаетъ о нихъ или, вѣрнѣе, восторгается ими слѣдующимъ образомъ: «Какая глубокая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтлая скорбь! Каждая мысль сама по себѣ такъ исполнена поэзіи, независимо отъ формы, вполне художественной, легкой и прозрачной, простой и чуждой всякихъ метафоръ! (Гм! А «судьба глядитъ»? Это—не метафора?) Этотъ пережившій всѣхъ друзей своихъ другъ, доучный, лишній и чужой гость среди новыхъ поколѣній, дрожащею рукою закрывающій глаза при воспоминаніи о своихъ друзьяхъ,—это не просто поэтическіе стихи, это—поэтическая картина.» (Стр. 378). А по моему, эта поэтическая картина составляетъ именно самое крупное пятно во всемъ стихотвореніи, которое, по правдѣ сказать, есть ничто иное, какъ сплошной рядъ болѣе или менѣе крупныхъ пятенъ. Эта поэтическая картина показываетъ

намъ особенно наглядно жалкую неспособность автора возвыситься до разумнаго пониманія жизни. Авторъ думаетъ, повидимому, что новыя поколѣнія будутъ уже не людьми, а орангутангами, и что, вслѣдствіе этого, «несчастный другъ» непременно долженъ оказаться среди этихъ новыхъ поколѣній *докучнымъ, мнимымъ и чужимъ гостемъ*.—Автору было 26 лѣтъ, когда онъ писалъ свое стихотвореніе; рисуя поэтическую картину несчастнаго друга, закрывающаго глаза дрожащею рукою, онъ захватывалъ впередъ лѣтъ на сорокъ. И, между тѣмъ, хватая такъ далеко впередъ, онъ не умѣетъ указать *несчастному другу* никакого предохранительнаго средства противъ того печальнаго положенія, которое онъ ему пророчитъ въ далекомъ будущемъ. Видя впереди разладъ съ молодыми поколѣніями и холодное одиночество, Пушкинъ даже не задаетъ себѣ вопроса о томъ, есть ли возможность избѣгнуть этого печальнаго разлада и избавиться отъ этого тягостнаго одиночества. Онъ, безъ малѣйшаго размысленія, принимаетъ разладъ и одиночество за роковую необходимость. Конечно, тѣмъ людямъ, для которыхъ «цѣлый міръ чужбина, а отечество — Царское Село», дѣйствительно, на старости лѣтъ придется непременно закрывать глаза дрожащею рукою. Но имъ за это надо будетъ пенять на самихъ себя, а никакъ не на новыя поколѣнія. Вольно-же было этимъ людямъ смотрѣть на весь міръ, какъ на чужбину, и сосредоточивать въ самомъ тѣсномъ и ограниченномъ кругу всѣ свои симпатіи и стремленія. Если бы они, съ ранней молодости, умѣли полюбить всѣми силами своего существа тѣ идеи, въ которыхъ заключается весь смыслъ и весь интересъ текущаго историческаго періода; если бы они, въ зрѣломъ возрастѣ, умѣли съ наслажденіемъ прилагать всѣ свои способности къ добыванію теоретическихкихъ истинъ или къ проведенію добытыхъ истинъ въ дѣйствительную жизнь; если бы они состарѣлись и посѣдѣли въ этихъ общепользныхъ трудахъ, — тогда цѣлый міръ былъ бы ихъ отечествомъ, тогда лицейская годовщина не имѣла бы для нихъ мистически-торжественнаго значенія, тогда преждевременная смерть двухъ-трехъ товарищей не приводила бы ихъ въ отчаяніе и тогда новыя поколѣнія были бы для нихъ не дикими орангутангами, а молодыми, нѣжными и почтительными друзьями, среди которыхъ старые и утомленные работники съ законнымъ удовольствіемъ отдыхали бы отъ своихъ честныхъ и полезныхъ трудовъ. Такіе старики, какъ Ньютонъ, Вольтеръ, Франклинъ, Александръ Гумбольдтъ, никогда не могли чувствовать себя докучнымъ, мнимымъ и чужими гостями. Въ наше время также много такихъ стариковъ,

которыхъ жизнь драгоценна для всего образованнаго міра и которые, по своей кипучей энергіи и по своей страстной любви ко всему живому, могутъ смѣло потягаться съ любимъ юношей. И эту свѣтлую и радостную старость можетъ приготовить себѣ каждый человѣкъ, хотя бы онъ былъ одаренъ очень обыкновенными умственными способностями. Для этого ему надо только постоянно и добросовѣстно, по мѣрѣ силъ своихъ, жить и работать въ кругу тѣхъ идей, которыми увлечены лучшие люди даннаго общества. Для этого ему надо только дѣлать какъ разъ противное тому, что совѣтуетъ Пушкинъ, желающій устранить суету изъ служенія Музъ, отказаться отъ душевныхъ мукъ и скрыть жизнь подъ сѣнь уединенія. Благоразумные совѣты Пушкина, разумѣется, превратятъ живого и сильнаго человѣка въ ходячую окаменѣлость, и уже съ 26-лѣтняго возраста воспитають въ здоровомъ мужчинѣ вялаго, плаксиваго и брюзгливаго старика, который будетъ закрывать себѣ глаза дрожащею рукою, отчасти для того, чтобы проливать бесполезныя и бессмысленныя слезы надъ невозвратимымъ прошедшимъ, а отчасти и даже преимущественно для того, чтобы не видѣть отвратительныхъ молодыхъ орангутанговъ. «Но, продолжаетъ Бѣлинскій, не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ: словно торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ, оканчивается пѣеса этими полными бодрога чувства стихами: «пускай же онъ съ отрадой хоть печальной тогда сей день за чашей проведетъ, какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный, его провелъ безъ горя и заботъ». Пушкинъ, говоритъ Бѣлинскій, не даетъ судьбѣ побѣды надъ собою; онъ вырываетъ у ней хоть часть отнятой у него отрады».

Переведите *торжественный музыкальный аккордъ* на общепонятительный человѣческій языкъ, и вы получите слѣдующій, очень удобоисполнимый совѣтъ: «Несчастный другъ! Когда ты останешься одинъ, то постарайся нализаться за обѣдомъ до положенія ризъ, а послѣ обѣда завались спать вплоть до слѣдующаго утра». — Если *несчастный другъ* твердо запомнитъ совѣтъ великаго художника, то можно сказать навѣрное, что, усердно прилагая этотъ совѣтъ къ дѣлу, *несчастный другъ* приобрететъ себѣ багровый носъ, который и будетъ изображать собою часть отрады, вырванную имъ у коварной судьбы. Если бы такіе полезныя совѣты были предложены топорною прозою, Бѣлинскій, безъ сомнѣнія, назвалъ бы такіе совѣты вопіющею пошлостью. Но эти совѣты втиснуты въ рифмованныя строчки, и Бѣлинскій называетъ ихъ «*торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ*». Бѣлинскій въ этихъ строчкахъ видитъ

даже «*бодрое чувство*». Я, напротив того, вижу въ нихъ, во-первыхъ, умственную трусость, а во-вторыхъ, всю напущенность фальшиваго и неискренняго чувства. Умственная трусость состоитъ въ томъ, что Пушкинъ самъ не смѣетъ смотрѣть прямо и спокойно на ту печальную картину, которую онъ нарисовалъ. Поставивъ своего *несчастнаго друга* въ очень скверное положеніе, Пушкинъ не умѣетъ найти выхода изъ этого положенія и, въ то же время, не осмѣливается сознаться передъ собою и передъ читателями въ томъ, что онъ считаетъ это положеніе безвыходнымъ. Тогда онъ на-скоро отыскиваетъ ложный выходъ и выдаетъ его за истинный, хотя самъ онъ, при всей своей колоссальной неразвитости, все-таки не можетъ думать, что рюмка водки или стаканъ шампанскаго дѣйствительно составляютъ полезное лекарство противъ глубокаго огорченія. — Напущенность и неискренность чувства обнаруживаются именно въ томъ обстоятельстве, что Пушкинъ рѣшается поднести *несчастному другу* рюмку водки. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ: развѣ вы осмѣлитесь поступить такимъ образомъ съ тѣмъ человѣкомъ, котораго вы уважаете, котораго огорченіе вы вполне понимаете и сами глубоко прочувствовали? Не покажется ли вамъ, въ такомъ случаѣ, рюмка водки нелѣпою и дерзкою профанаціею того чувства и той личности, съ которыми вы имѣете дѣло? Но для Пушкина *несчастный другъ* есть лицо чисто фантастическое, придуманное только для того, чтобы закончить раста-нутую пѣсу эффектною картиною. Поэтому Пушкинъ, на самомъ дѣлѣ, нисколько не сочувствуетъ фантастическому горю этого фантастическаго лица. Поэтому Пушкинъ обходится съ *несчастливымъ другомъ* самымъ нахальнымъ образомъ. Ничего, молъ, старый чортъ: хлебнешь малую толику, и всю твою печаль какъ рукой сниметь. Съ такимъ циническимъ неуваженіемъ, съ такимъ возмутительнымъ легкомысліемъ, конечно, никогда не отнесутся къ огорченію бѣднаго, одинокаго старика тѣ молодые и свирѣпые орангутанги, отъ которыхъ старикъ будетъ закрываться дрожащею рукою. — Кстати объ орангутангахъ. Изъ разобранныхъ стиховъ Пушкина читатели видятъ ясно, что мысль о необходимомъ разладѣ между различными поколѣніями существовала въ нашемъ обществѣ за-долго до появленія реальной критики и базаровскаго типа. Суровая и злобная реальная критика не только не старается усилить этого разлада, а напротивъ того, указываетъ единственное вѣрное средство противъ этой общественной болѣзни, которую кроткій и любвеобильный Пушкинъ совѣтуетъ заливать водкою и шампанскимъ. Реальная критика доказываетъ, что любовь къ идеѣ мо-

жетъ образовать неразрывную связь между различными поколѣніями. Пушкинъ, напротивъ того, не имѣетъ никакого понятія ни объ идеѣ, ни о связывающей любви. Читатель видитъ, такимъ образомъ, что весь теперешній разладъ заготовленъ нашимъ прошедшимъ, и что намъ приходится теперь сводить неприятные и убыточные счета съ тѣмъ, что выросло и укрѣпилось задолго до нашего появленія на свѣтъ, во время обаятельнаго господства чистаго искусства, гегелевской философіи и тѣхъ историческихъ условій, которыя обнаруживаютъ всегда и вездѣ трогательную солидарность съ этими милыми явленіями умственной жизни.

V.

Пушкинъ неоднократно выражалъ свой взглядъ на призваніе поэта. Поэтъ разговариваетъ съ книгопродавцемъ, потомъ съ черныю, потомъ съ другомъ, и во всѣхъ этихъ разговорахъ высказываетъ много самыхъ диковинныхъ штукъ, имѣющихъ претензію быть мыслями. Кромѣ того, Пушкинъ не разъ обращается къ поэту со стороны и усматриваетъ въ немъ то орла, то эхо, то жреца. Видно, что Пушкину было очень пріятно позировать передъ зеркаломъ и примѣривать на себѣ разныя риторическія наряды. Такъ какъ эти бесѣды съ поэтомъ и о поэтѣ, то есть, съ собою и о себѣ, составляютъ все-таки самую глубокомысленную часть пушкинской лирики, то я разберу эти бесѣды одну за другою, въ хронологическомъ порядкѣ. Въ стихотвореніяхъ 1824 года находится «разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.» Книгопродавцу желательно купить у поэта его произведеніе, а поэту, по всей вѣроятности, желательно взять за это произведеніе какъ можно дороже. Желанія обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ одинаково естественны и законны, и поэту, повидимому, просто слѣдовало бы потютоваться съ книгопродавцемъ, такъ какъ торгуются вообще всякіе поэты, прозаики и простые смертные. Но поэту, выведенному Пушкинымъ и составляющему, по всей вѣроятности, идеаль Пушкина, хочется сначала поломаться, и поэтому онъ душитъ несчастнаго книгопродавца длиннѣйшими монологами, неимѣющими никакого отношенія ни къ книжной торговлѣ, ни къ цѣнѣ того товара, который поэтъ держитъ въ своемъ портфель. Книгопродавецъ, разумѣется, слушаетъ болтливаго «любимца Музъ и Грацій» съ почтительнымъ вниманіемъ и отвѣчаетъ на его монологи приличными комплиментами, потому что предвидитъ отъ его лиры много добра или, проще, надѣется зашибить на его новой поэмѣ передочный барышъ. Ко-

нечно, поэтъ прежде всего старается заявить, что ему тяжело и больно продавать свое вдохновеніе. Когда книгопродавецъ говорить ему: «стишки любимца Музъ и Грацій, мы вамъ рублями замѣнимъ», тогда поэтъ вздыхаетъ, и притомъ столь глубоко, что книгопродавецъ, изъ вѣжливости, принужденъ изъяснить свое участіе и освѣдомиться о причинѣ такого вздоха. Поэту только того и нужно было. Придравшись къ вопросу книгопродавца, онъ немедленно приступаетъ къ изготавленію монологовъ. «Я былъ далеко, говоритъ онъ, я время то вспоминалъ, когда, надеждами богатый, поэтъ безпечный, я писалъ изъ вдохновенья, не изъ платы. Я видѣлъ вновь пріюты скаль»... ну, и такъ далѣе; начинаются картины природы, потомъ оказывается, что какой-то демонъ обладалъ его играми и шепталъ ему дивные звуки, что его голова была полна тяжкимъ пламеннымъ недугомъ, что его соперникомъ въ гармоніи былъ шумъ лѣсовъ и буйный вихрь, и живой напѣвъ иволги; что онъ не унижалъ постыднымъ торгомъ сладостныхъ даровъ музы и не хотѣлъ дѣлиться съ толпою пламеннымъ восторгомъ. Видя, что поэтъ напираетъ на какую-то постыдность торга, и предчувствуя, съ содроганіемъ сердца, въ этомъ возвышенномъ разговорѣ коварнѣйшій маневръ, направленный къ тому, чтобы набить цѣну, которая, очевидно, должна будетъ покрыть собою не только трудъ поэта, но еще и *позоръ* торговой сдѣлки,—несчастный книгопродавецъ, не кстаті освѣдомившійся о причинѣ вздоха, старается показать своему собесѣднику лицевую сторону медали и заговариваетъ о славѣ, которая, по его мнѣнію, замѣнила поэту «мечтанья тайнаго отрады.» Но поэтъ твердо рѣшился ободрать книгопродавца, какъ липку, и поэтому относится къ славѣ очень сурово. «Что слава? спрашиваетъ онъ; шопоть ли чтеца? Гоненьель низкаго невѣжды? Иль восхищеніе глупца?» Тутъ поэтъ видимо, самъ признается въ томъ, что только глупецъ можетъ восхищаться его произведеніями. Не будемъ съ нимъ спорить. Книгопродавецъ, изъ чувства самосохраненія, никакъ не хочетъ, однако, согласиться съ тѣмъ, что слава—звукъ пустой. Онъ напоминаетъ поэту, что «сердце женщинъ славы просить: для нихъ пишите.»—Поэтъ, продолжая жеманиться и кривляться, увѣряетъ, что ему и до женщинъ нѣтъ никакого дѣла, тѣмъ болѣе, что для него это не дивовинка. Тутъ онъ никакъ не можетъ утерпѣть, чтобы не намекнуть книгопродавцу о своихъ побѣдахъ: «глаза прелестные читали, говоритъ онъ, меня съ улыбкою любви; уста волшебные шептали мнѣ звуки сладкіе мои.» Но мнѣ, дескать, это все ни по чемъ. «Нечисто въ нихъ воображенье: не понимаетъ насъ

оно, и признакъ Бога, вдохновеніе для нихъ и чуждо, и смѣшно». Значить, не стоитъ съ ними и связываться. Но книгопродавецъ является галантерейнымъ защитникомъ прекраснаго пола, у котораго оказалось такое пакостное воображеніе. «Ужели, спрашиваетъ онъ, ни одна не стоитъ ни вдохновенія, ни страстей и вашихъ пѣсень не присвоить всеильной красотѣ своей?»—Поэтъ отвѣчаетъ весьма пространно и восторженно, что такая отѣнно-хорошая барыня, безъ нечистаго воображенія, дѣйствительно существуетъ, но что, къ сожалѣнію, она его знать не хочетъ. Книгопродавцу, въ это время, уже до смерти надоѣло выслушивать и почтительно одобрять безтолковые монологи. Поэтому онъ торопится придти къ практическому заключенію. «Теперь, говоритъ онъ, оставя шумный свѣтъ и Музъ, и вѣтрѣнную моду, что-жъ выберете вы?» Поэтъ отвѣчаетъ: «свободу!» Это неожиданное рѣшеніе можетъ показаться читателю черезчуръ храбрымъ и, пожалуй, даже неисполнимымъ. Но читатель долженъ помнить, что вѣдь эта пушкинская свобода—свобода самая смиренная и неприхотливая, и даже незамѣтная, въ томъ смыслѣ, что ее можно принять за нѣчто—вовсе непохожее на свободу. Пушкинъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ прославляетъ свободу, но это обстоятельство нисколько не должно вредить его репутаціи въ глазахъ солидныхъ и добродѣтельныхъ людей. Книгопродавецъ очень хорошо понимаетъ, о какой свободѣ тутъ идетъ рѣчь, и, вслѣдствіе этого, очень основательно замѣчаетъ поэту, что «въ сей вѣкъ желѣзный безъ денегъ и свободы нѣтъ.» Вы, дескать, сначала извольте мнѣ продать вашу поэмочку, а потомъ ложитесь на диванъ, задерите ноги къверху и плюйте въ потолокъ, то есть, наслаждайтесь вашею свободою до тѣхъ поръ, пока не истратите всѣхъ полученныхъ денегъ. Поэту, повидимому, тоже надоѣло кривляться и пустословить. Онъ отвѣчаетъ книгопродавцу провой: «вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.»—Тѣмъ и оканчивается вся пѣса. Не знаю, стоитъ ли эта пѣса выше или ниже критики, но знаю навѣрное, что она стоитъ внѣ критики, потому что въ ней нѣтъ рѣшительно ни одной мысли,—ни такой, противъ которой можно было бы спорить, ни такой, съ которою можно было бы согласиться. Во всемъ разговорѣ нѣтъ ничего, кромѣ непреходимаго пустословія, и все это пустословіе выставляетъ поэта въ самомъ мизерномъ видѣ. Онъ оказывается похожимъ на старую бокетку, которой до смерти хочется согрѣшить, но которая при этомъ непремѣнно желаетъ, чтобы ее вовлекли въ грѣхъ почти насильно. Если Пушкинъ самъ смотрѣлъ на своего поэта съ уваженіемъ и, если

онъ хотѣлъ внушить это чувство своимъ читателямъ, то мнѣ остается только подивиться какъ проницательности Пушкина, такъ и его искусству. Если же Пушкинъ хотѣлъ дѣйствительно написать сатиру на поэтовъ, то можно замѣтить, что эта сатира длинна скучна и страдает полнымъ отсутствіемъ остроумія.

Въ 1827 году, Пушкинъ написалъ стихотвореніе: «Поэтъ.» Вотъ оно. «Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ; молчитъ его святая лира, душа вкушаетъ хладный сонъ, и межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ. Но лишь божественный глаголь до слуха чуткаго коснется, душа поэта вострепететъ, какъ пробудившійся орелъ. Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра, людской чуждается молвы; къ ногамъ народнаго кумира не клонить гордой головы; бѣжитъ онъ, дикій и суровый, и звуковъ, и смятенья полнь, на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубровы.»—Хотя Бѣлинскій и превосноситъ Пушкина за то, что Пушкинъ замѣнилъ *фіалы пионными кружками*, однако, нельзя не замѣтить, что нашъ поэтъ до самаго конца своей жизни не отдѣлялся вполне отъ стараго и совершенно безсмысленнаго мифологическаго языка. Этотъ языкъ невыносимъ для тѣхъ писателей, которые чувствуютъ въ себѣ потребность высказывать обществу какія нибудь опредѣленныя и ясно-сознанныя мысли. Но для тѣхъ писателей, которые, подобно пушкинскому поэту, полны не мыслей, а только *звуковъ и смятенья*, мифологическій языкъ составляетъ незамѣнимое сокровище, потому что разные Аполлоны, Музы, Граціи, Киприды, Парки даютъ такимъ писателямъ, кромя богатаго запаса подставныхъ рифмъ, полную возможность не высказывать въ своихъ стихахъ ровно ничего, притворяясь въ то же время, будто они высказываютъ чрезвычайно много. Въ стихотвореніи: «Поэтъ» мифологическій языкъ оказалъ Пушкину драгоценную услугу. Попробуйте выгнать изъ этого стихотворенія — Аполлона, и все стихотвореніе окажется несуществующимъ, потому что тогда немедленно откроется вся его бессмысленность. Въ этомъ стихотвореніи поэтъ приведенъ въ зависимость отъ какой-то верховной, таинственной власти, неизбѣжной никакимъ необходимымъ отношеній къ интересамъ и волненіямъ живыхъ людей. Аполлонъ призываетъ поэта къ священной жертвѣ, божественный глаголь касается до чуткаго слуха—это, конечно, только поэтическіе образы или, вѣрнѣе, аллегорическіе обороты рѣчи; но именно только эти аллегорическіе обороты могутъ до нѣкоторой степени заслонить, какъ отъ самаго автора, такъ и

отъ читателя, совершенную несостоятельность основного мотива. Называя Аполлономъ ту силу, которая побуждаетъ поэта творить, Пушкинъ, однимъ этимъ риторическимъ маневромъ, приписываетъ этой силѣ совершенно самостоятельное существованіе. По теоріи Пушкинна, поэтъ творить не тогда, когда онъ взволнованъ, такъ или иначе, впечатлѣніями, воспринятыми изъ окружающей жизни, то есть, изъ сношеній съ людьми, изъ созерцанія природы или изъ чтенія книгъ, а тогда, когда на него, безъ всякой посторонней и видимой причины, находятъ какое-то особенное, священное бѣшенство, во время котораго онъ бѣгаетъ по берегамъ пустынныхъ волнъ и по широкошумнымъ дубровамъ. Вся теорія, очень любезная многимъ поэтамъ и превращающая поэта въ совершенно исключительное существо, непохожее на обыкновенныхъ людей, выразилась чрезвычайно ярко въ той фикціи, что Аполлонъ требуетъ поэта къ священной жертвѣ. Эта фикція оказывается непереводаемою на обыкновенный человѣческій языкъ, потому что въ дѣйствительной жизни нѣтъ такого процесса, который соотвѣтствовалъ бы призыванію поэта къ священной жертвѣ. Уничтожая Аполлона, то есть, обособленіе и олицетвореніе вдохновляющей силы, вы уничтожаете не только внѣшнюю форму, но также и все внутреннее содержаніе пушкинской піэсы. Въ дѣйствительности, вся поэтическая дѣятельность всякаго поэта зависитъ безусловно, во-первыхъ, отъ его организма, то есть, отъ склада его ума и характера, а во-вторыхъ, отъ того общества, въ которомъ онъ живетъ. Стало быть, въ дѣйствительности, между личностью поэта и его дѣятельностью никогда не бываетъ и не можетъ быть того рѣзкаго противорѣчія, которое такъ эффектно воспѣваетъ Пушкинъ. Если самъ поэтъ ничтоженъ и если онъ живетъ среди ничтожныхъ дѣтей міра, то и произведенія его окажутся вполне ничтожными. Въ дѣйствительности, роль *божественнаго глагола* могутъ играть, въ отношеніи къ поэту, только впечатлѣнія окружающей жизни. Но этотъ *божественный глаголъ* не умоляетъ ни на одну минуту; жизнь постоянно волнуется, такъ или иначе, умъ и чувство того человѣка, который способенъ вглядываться въ ея явленія и понимать ея выразительный, но не для всѣхъ одинаково доступный языкъ. Стало быть, если человѣкъ обладаетъ *чуткимъ слухомъ* и если душа этого человѣка способна *встрепенуться, какъ пробудившійся орелъ*, заслышавъ *божественный глаголъ* жизни, то этому человѣку некогда будетъ *малодушна покоржаться въ заботы суетнаго сѣтя*, и этой душѣ некогда будетъ *окушать холодный сонъ*. Душа, способная слышать и понимать *божественный глаголъ* жизни, будетъ

слушать его постоянно и, слѣдовательно, будетъ постоянно находиться въ страстно-напряженномъ положеніи бодрствующаго орда. На это можно возразить, что человѣческіе нервы не выносятъ постояннаго напряженія. Это справедливо. Поэтъ, какъ и всякій другой человѣкъ, нуждается въ отдыхѣ, но отдыхъ, то есть, полоса бездѣйствія, необходимаго для возстановленія потраченныхъ силъ, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ *малодушнымъ погруженіемъ въ суетныя заботы свѣта*. Это малодушное погруженіе для каждаго умнаго и замѣчательнаго человѣка бываетъ обыкновенно гораздо изнурительнѣе, чѣмъ самый напряженный процессъ творчества. Во время отдыха, поэтъ, изслѣдователь или какой нибудь другой общественный дѣятель откладываютъ въ сторону трудъ, но они все-таки постоянно остаются на той высотѣ умственнаго развитія, на которую они сумѣли поставить себя въ томъ процессомъ своей трудовой жизни. Если поэтъ искренно презираетъ дряблость и мелочность того общества, среди котораго ему приходится жить, то это презрѣніе будетъ оставаться въ его душѣ даже и тогда, когда оно не будетъ служить ему тѣмою и канвою для стихотвореній или для романовъ. Если изслѣдователь сумѣлъ отдѣлаться, посредствомъ своихъ научныхъ занятій, отъ различныхъ предразсудковъ, то онъ не подчинится этимъ предразсудкамъ въ то время, когда будетъ отдыхать отъ своихъ работъ. Если членъ парламента глубоко проникнуть извѣстными политическими стремленіями, то онъ не откажется отъ этихъ стремленій тогда, когда превратится на нѣсколько недѣль въ беззаботнаго туриста или въ скромнаго сельскаго джентльмена. Спящій атлетъ все-таки остается атлетомъ, то есть, не превращается въ плюгаваго и безсильнаго карлика, хотя, разумѣется, онъ не можетъ совершать во время сна никакихъ подвиговъ силы, ловкости и мужества. Бываютъ, конечно, минуты, когда *божественный маголь* жизни раздается особенно громко, такъ что становится вразумительнымъ даже для тѣхъ медвѣжъ, легкомысленныхъ или тупоумныхъ людей, которые не замѣчаютъ или не понимаютъ его въ обыкновенное время. Въ жизни человѣческихъ обществъ бываютъ такія торжественныя или критическія минуты, когда все общество, сверху до низу, чувствуетъ необходимость сосредоточить всѣ свои силы для ожесточенной борьбы съ внѣшними или съ внутренними врагами. Въ такія минуты появляются обыкновенно цѣлыя тучи пороковъ, порожденныхъ тревожнымъ настроеніемъ общества. Въ 1854 году, такіе скороспѣлые поэты сулили возможныя бѣдствія французамъ, англичанамъ и туркамъ. Въ 1857 году, такіе же точно поэты стѣдвали насъ тѣмъ, что мы очень долго спали, и увѣрили

насъ честию, что теперь мы проснулись. Нѣтъ сомнѣнія, что и крымская война, и всѣ послѣдовавшія за нею преобразованія составляютъ очень знаменательную эпоху въ исторической жизни нашего общества; но нѣтъ также ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ поэты, ругавшіе лорда Пальмерстона и толковавшіе о нашемъ возрожденіи, не произвели ровно ничего, кромѣ утомительнаго жужжанія. *Божественный* *малою* жизни дошелъ до нихъ тогда, когда его уже услышали и почувствовали всѣ классы русскаго общества. Поэты не сдѣлали ровно ничего для разъясненія тѣхъ событий, которыми было поражено вниманіе общества; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, поэты наигрывали только различныя вариации на тѣ тѣмы, которыя были даны имъ настоящими руководителями общественнаго сознанія. Значить, хотя души мелкихъ людишекъ, вообразившихъ себя поэтами, дѣйствительно встрепенулись отъ громкихъ нотъ *божественнаго малою*, однако, эти души оказались все-таки не *пробудившимися орлами*, а только безсильными и пискливыми трясогузками. И эта участь всегда и вездѣ постигаетъ тѣхъ людей, которые стремятся быть поэтами, не умѣя и не желая предварительно сдѣлаться мыслящими людьми и честными гражданами. Такіе господа, разужьется, готовы превознести до небесъ то стихотвореніе Пушкина, которое я разбираю въ настоящей минутѣ. Блестящія фигуры и фразы этого стихотворенія предоставляютъ каждому рифмоплету полнѣйшее право быть пошлымъ дуракомъ и отъявленнымъ негодяемъ; эти фигуры и фразы даютъ ему даже драгоценную возможность рисоваться своею глупостью и своимъ негодяйствомъ. Другъ любезный, спрашиваете вы у такого господина, зачѣмъ ты баклуши бьешь?—За тѣмъ, *mon cher*, отвѣчаетъ онъ вамъ съ благородною гордостью, что Аполлонъ не требуетъ меня къ священной жертвѣ. А когда-жъ онъ тебя потребуетъ?—А я почему знаю! Поди спроси у Аполлона.—А зачѣмъ ты пьянствуешь?—Зачѣмъ, что душа моя вкушаетъ хладный сонъ. — А взятки зачѣмъ берешь? — Зачѣмъ, что я малодушно погруженъ въ заботы суетнаго свѣта.—А зачѣмъ ты своего вице-директора въ плечико цѣлуешь?—Зачѣмъ, что я, быть можетъ, ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра.—Да вѣдь все это, братецъ ты мой, очень скверно.—Нисколько не скверно. Все это доказываетъ только, что я самый настоящій поэтъ, что душа моя встрепенется, какъ пробудившійся орелъ, что у меня зазвенитъ въ ушахъ и что я убѣгу отъ моего вице-директора въ широкшумныя дубровы.—Скатертью тебѣ дорога, любезный другъ.

VI.

Въ 1828 году, Пушкинъ написалъ стихотвореніе: «Чернь», въ которомъ, по словамъ Бѣлинскаго, заключается его «художническое profession de foi». Выдержками изъ этого стихотворенія любители чистаго искусства обыкновенно подкрѣпляютъ свои умозрѣнія. Я приведу это стихотвореніе вполнѣ, потому что въ немъ каждое слово есть драгоценный перлъ для безпристрастной оцѣнки Пушкина.

«Поэтъ по лирѣ вдохновенной рукой разсѣянной бряцалъ. Онъ пѣлъ,—а хладный и надменный, кругомъ народъ непосвященный, ему бессмысленно внималъ».

Лири и *тъни* составляютъ также обломки того стараго мифологическаго балласта, съ которымъ никакъ не можетъ разстаться Пушкинъ. Превращая поэта въ жреца *Аполлона*, давая ему въ руки *вдохновенную лиру*, заставляя его *пѣть*, Пушкинъ этими ветхими побрякушками глубоко искажаетъ не только внѣшній видъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и внутренней смыслъ того явленія, которое, въ наше время, называется поэзіею. Современный поэтъ — не *полицейскій*, а *писатель* и продавецъ исписанной бумаги. Современная публика — не *слушатели*, а *читатели* и покупщики печатной бумаги. Между поэтомъ и публикой являются посредниками цѣлыя обширныя отрасли промышленности. Произведеніе поэта проходитъ черезъ типографію, черезъ мастерскую переплетчика, черезъ книжную лавку и, въ случаѣ успѣха, распространяется по цѣлой обширной странѣ, иногда по цѣлой части свѣта, иногда даже по всему образованному міру. Когда слово поэта было пѣснью, которая безслѣдно улетала въ воздухъ или запоминалась только немногими восторженными слушателями, тогда поэтъ имѣлъ полное право бряцать по лирѣ разсѣянною рукою, особенно если у него было нѣсколько десятковъ рабовъ, одаренныхъ менѣе разсѣянными руками и употреблявшихъ эти руки не на бряцаніе, а на паханіе и засѣваніе земли. Но когда слово поэта, пройдя черезъ печатный станокъ, приобретаетъ себѣ способность дѣйствовать на сотни тысячъ людей и управлять умственнымъ развитіемъ цѣлыхъ поколеній, когда поэтъ призываетъ къ себѣ на помощь десятки рабочихъ рукъ, которыя набираютъ, отгискиваютъ, корректируютъ, брошюруютъ, перевозятъ и распродаютъ его произведенія, когда онъ, наконецъ, беретъ себѣ деньги съ своихъ читателей и обожателей,—тогда *разсѣянное* бряцаніе становится уже дѣломъ въ высшей степени неприличнымъ. Живя въ такомъ обществѣ, которое отрицаетъ рабство и, слѣдо-

вательно, но всѣмъ правиламъ здоровой логики, принуждено относиться серьезно и благоразумно въ человѣческому труду, поэтъ постоянно долженъ отдавать себѣ самый строгій отчетъ въ томъ, зачѣмъ онъ посягаетъ на трудъ наборщиковъ, печатниковъ, корректоровъ, переплетчиковъ, разносчиковъ; зачѣмъ онъ посягаетъ на деньги и на время своихъ читателей, то есть, также на трудъ этихъ читателей или какихъ нибудь другихъ людей, находящихся отъ нихъ въ экономической зависимости, и, наконецъ, зачѣмъ онъ самъ тратитъ свое время и свой трудъ, которые онъ могъ бы употребить на какое нибудь дѣло, выгодное для него самого и полезное для общества? Удовлетворительный отвѣтъ на всѣ эти неизбежныя и неотразимыя вопросы должно давать содержаніе и направленіе той пѣсни, которую поэтъ поетъ для толпы, или, проще и точнѣе, того произведенія, которое онъ пишетъ для своихъ читателей и продаетъ своему издателю. На самомъ дѣлѣ, *разсыпанное бряцаніе* или, другими словами, бессознательное творчество, въ настоящее время, не только неприлично, но даже совершенно невозможно. Тѣ самые поэты, которые горячо защищаютъ *разсыпанное бряцаніе* въ теоріи, на практикѣ оказываются вовсе не разсыпанными бряцателями, а напротивъ того, очень тщательными и усидчивыми шлифовальщиками сценъ, картинъ, подробностей, языка и стиха. Усерднѣйшій адвокатъ *разсыпаннаго бряцанія*, Пушкинъ жестоко черкалъ и перемарывалъ свои рукописи, что уже нѣсколько непохоже ни на разсыпанное бряцаніе, ни на бессознательное творчество. Если бы Пушкину вздумалось подражать на практикѣ тому поэту, который «по лирѣ вдохновенной рукой разсыпанной бряцалъ», то мы, въ настоящую минуту, конечно, не имѣли бы никакого понятія о томъ, что жилъ на свѣтѣ вѣжкій Пушкинъ, о чемъ-то разсыпано бряцавшій. Продукты разсыпаннаго бряцанія, небрежно написанные, вялые, блѣдные и неблагозвучные стихи не нашли бы себѣ ни издателей, ни покупателей, ни читателей, ни обожателей, ни подражателей. Имя Пушкина кануло бы въ вѣчность, вмѣстѣ съ его разсыпаннымъ бряцаніемъ. Чувство самосохраненія заставляетъ, такимъ образомъ, поэтовъ откладывать въ сторону горделивую разсыпанность, когда они приступаютъ къ той сторонѣ своего труда, которая затрагиваетъ особенно близко ихъ собственные интересы. Они знаютъ, что публику надо приманивать красотой и яркостью внѣшней формы; они знаютъ, что безъ этой приманки имъ не добыть себѣ ни денегъ, ни извѣстности; поэтому они и трудятся надъ внѣшнею формою, безъ малѣйшей разсыпанности, какъ простые черноработчіе. Но, тщательно выгораживая, такимъ образомъ, свои соб-

ственные выгоды, тщательно обеспечивая за собою, посредством самого напряженного труда, вѣрный и прибыльный сбытъ своихъ произведеній, поэты пушкинскаго закала напускаютъ на себя неслыханную разсѣянность, какъ только заходитъ рѣчь о выгодахъ тѣхъ людей, которые покупаютъ и читаютъ ихъ произведенія. Передъ самимъ собою поэтъ совершенно правъ. На вопросъ: «зачѣмъ вы тратите трудъ и время»,—онъ можетъ отвѣчать преспокойно: «зачѣмъ, чтобы пріобрѣсти деньги и извѣстность».—Резонъ совершенно достаточный. Деньги и извѣстность — такія хорошія вещи, за которыми гоняются безъ отдыха всѣ люди, не совсѣмъ задолженные нуждою, имѣющіе возможность думать о чемъ нибудь, кромѣ чорствата куска насущнаго хлѣба. Но о томъ, чтобы оказаться правымъ передъ другими людьми, поэтъ, по своей милой *разсѣянности*, совершенно не умѣетъ и не желаетъ думать. На вопросъ: «зачѣмъ вы предлагаете вашимъ соотѣчественникамъ такое чтеніе, которое не даетъ имъ ни новыхъ идей, ни фактическихъ знаній?» Поэтъ отвѣтитъ вамъ: «а мнѣ какое дѣло? *Chacun chez soi, chacun pour soi!* Я ихъ не заставляю покупать мои произведенія.—Спросите у купца толкучаго рынка: зачѣмъ вы, мой почтенный, торговлю ведете? — Онъ вамъ отвѣтитъ: зачѣмъ, чтобы капиталы свои пріумножить.—Спросите у него далѣе: а зачѣмъ вы, мой почтенный, продаете такой товаръ, который никуда не годится?—Онъ вамъ отвѣтитъ: стало быть, годится-сь, когда покупаютъ. Наше дѣло продать-сь, а ихъ дѣло смотрѣть-сь. На то имъ отъ Бога глаза даны-сь, а насильно-сь мы никому товара нашего не всучиваемъ.—Сходство между общественною дѣятельностью *разсѣяннаго* поэта и торговыми операціями искуснаго шуевинскаго негодіанта окажется полное и поразительное, особенно если мы припомнимъ, что просвѣщенный нашъ негодіантъ очень сильно заботится о внѣшней благовидности того товара, котораго онъ никому не всучиваетъ насильно, подобно тому, какъ вдохновенный бряцатель очень сильно трудится надъ внѣшнею отдѣлкою тѣхъ произведеній, которыхъ онъ также никому не навязываетъ насильно.—Пушкинъ говоритъ, что поэту *безмысленно* внималъ *хладный и надменный* народъ. Всѣ три ругательные эпитета, которыми охарактеризованъ народъ, не только сами по себѣ нелѣпы, но даже совершенно противорѣчатъ тѣмъ чертамъ, которыми самъ же Пушкинъ обрисовываетъ народъ въ томъ же стихотвореніи. Что народъ слушаетъ *не безмысленно*, это видно изъ того, что онъ высказываетъ о ибснѣ поэта очень вѣрные замѣчанія, противъ которыхъ поэтъ не находитъ никакихъ аргументовъ, кромѣ энергическихъ ругательствъ и ничтожныхъ на-

смѣшекъ, желающихъ быть явительными. Что народъ не можетъ быть названъ *хладнымъ*, — видно изъ того, что онъ поддается влиянію даже той пѣсни, которой безцѣльность онъ самъ замѣчаетъ и осуждаетъ. Народъ говоритъ о поэтѣ: «зачѣмъ сердца волнуешь мучить, какъ своенравный чародѣй.» Если народъ чувствуетъ въ своемъ сердцѣ волненія и мученія въ таковой сильной степени, что даже уподобляетъ поэта своенравному чародѣю, то гдѣ же та *хладность*, въ которой упрекаетъ его Пушкинъ? — Что народъ не можетъ быть названъ *надменнымъ*, — видно изъ того, что этотъ народъ смиренно кается передъ поэтомъ въ своихъ грѣхахъ, проситъ поэта быть его руководителемъ и общается терпѣливо и внимательно выслушивать его рѣзкія наставленія. А *надменнымъ* оказывается, напротивъ того, поэтъ, который, на эту смиренную просьбу народа, отвѣчаетъ: убирайтесь въ чорту! *Хладнымъ* оказывается также поэтъ, котораго не трогаютъ ни пороки ближнихъ, ни ихъ раскаяніе, ни ихъ желаніе исправиться. *Безъмозговымъ* оказывается опять-таки тотъ же поэтъ, который, какъ мы увидимъ дальше, совѣтуетъ народу врачевать душевные недуги *бичами, тампачами и топорами*. Если можно въ чемъ нибудь упрекнуть *непосвященный* народъ, то развѣ только въ томъ, что онъ, по свойственной всякому народу склонности ротозѣйничать и кланяться въ поясъ, остановился слушать пѣніе такого отъявленнаго кретина, а потомъ, у этого же безнадежнаго кретина вздумалъ выпрашивать себя разумныхъ совѣтовъ.

VII.

«И толковала чернь тупая (это уже четвертое ругательное слово, измышленное любвеобильнымъ Пушкинымъ для посрамленія непосвященнаго народа): зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ? Напрасно упо- пораяая, въ какой онъ цѣли насъ ведетъ? (Поэзія сама себѣ цѣль, т. е., когда творенія поэта раскулены, тогда высшая и послѣдняя цѣль достигнута.) О чемъ бречить? Чему насъ учить? Зачѣмъ сердца волнуешь, мучить, какъ своенравный чародѣй? Какъ вѣтеръ, пѣсь его свободна, за то, какъ вѣтеръ, и бесплодна; какая польза намъ отъ ней?»

Приписывая *тупой черни* эти слова, Пушкинъ, очевидно, желаетъ выразить ими то, что непосвященный народъ, не смотря на всю грубость своихъ чувствъ, не смотря на силу своихъ анти-эстетическихъ предубѣжденій, невольно и даже неохотно, но все-таки подчиняется неодолимому и волшебному обаянію поэтической

своей пѣсни. Не смотря на свои недоброжелательныя отноше-
 нія къ чистому искусству, народъ сознается, что поэтъ *поетъ*
звучно и что онъ даже *волнуетъ и мучитъ сердца, какъ свое-*
нравный чародѣй. Заставляя чернь произносить эти послѣднія
 слова, Пушкинъ черезчуръ увлекся своимъ желаніемъ превознести
 волшебную силу поэзіи. Спрашивается: можетъ ли дѣйствительно
 волновать и мучить сердца такой поэтъ, который ничему не учитъ
 своихъ читателей, не ведетъ ихъ ни къ какой опредѣленной цѣли
 и не приноситъ имъ никакой пользы? О чемъ пѣлъ или, какъ вы-
 ражается *тупая чернь*, брэнчалъ поэтъ, — этого мы не знаемъ по-
 тому что Пушкинъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ намъ его пѣсни.
 Если бы онъ пѣлъ о нравахъ и обязанностяхъ человѣка, о стрем-
 леніи къ свѣтлому будущему, о недостаткахъ современной дѣйстви-
 тельности, о борьбѣ человѣческаго разума съ вѣковыми заблужде-
 ніями, о сознательной любви къ отечеству и къ человѣчеству, о
 значеніи того или другого историческаго переворота, — то, разу-
 мѣется, его пѣніе волновало и мучило бы сердца, но въ то же
 время самый тупой, самый хладный, надменный и бессмысленный
 народъ не могъ бы упрекнуть это пѣніе въ томъ, что оно ничему
 не учитъ, не ведетъ ни къ какой цѣли и не приноситъ никакой
 пользы. Если бы пѣніе поэта наводило слушателей на серьезныя
 размышленія, если бы оно пробуждало или усиливало въ нихъ лю-
 бовь къ истинѣ, ненависть къ обману и къ эксплуатаціи, презрѣ-
 ніе къ двоедушію и къ тупоумію, то народу оставалось бы только
 слушать и благодарить, а поэту не было бы ни малѣйшаго осно-
 ванія ссориться съ *тупою чернью*, зараженною грубыми утилитар-
 ными предрасудками. — Чтобы объяснить себѣ размолвку, проис-
 шедшую между пѣвцомъ и его слушателями, надо предположить,
 что поэтъ пѣлъ о красотѣ лѣтняго утра или о томъ, что какой
 нибудь *онъ* очень сильно любилъ и ерѣпко цѣловалъ какуюнибудь
ее. Воспѣваніе лѣтняго утра не могло волновать и мучить сердца,
 потому что подобныя воспѣванія играютъ въ поэзіи такую же скром-
 ную и невинную роль, какую играютъ въ общезитіи поучительныя
 бесѣды о прекрасной погодѣ. Воспѣваніе любви и поцѣлуевъ мо-
 жетъ, конечно, волновать и мучить, но, для большей точности,
 надо было бы сказать, что это воспѣваніе волнуетъ и мучитъ не
 сердца, а чувственность. Эротическія пѣсни находятъ себѣ обык-
 новенно многочисленныхъ и усердныхъ слушателей; если же эроти-
 ческая пѣсня пушкинскаго поэта казалась народу *бесплодною*, и
 если онъ, вмѣсто нея, требовалъ себѣ такого пѣнія, которое вело
 бы его къ извѣстной цѣли и приносило бы ему осязательную поль-

зу, если онъ не довольствовался тѣмъ, что *воображало* его чувственность, то надо сознаться, что поэтъ имѣлъ дѣло съ такою *чернью*, которая стояла на необыкновенно высокой степени умственного развитія и отличалась замѣчательно-серьезнымъ и разумнымъ взглядомъ на жизнь. Миѣ могутъ возразить, что пѣснь пушкинскаго поэта не была эротическою пѣснью, и что, слѣдовательно, неудовольствіе черни противъ этой пѣсни не доказываетъ еще, чтобы эта чернь относилась презрительно и насмѣшливо къ пріятному щевотанію чувственности. Но, въ такомъ случаѣ, я спрошу: какую же пѣснь могъ пѣть поэтъ?—Потрудитесь найдти, кромѣ эротической пѣсни, какую нибудь пѣснь, которая могла бы волновать и мучить сердце, не удовлетворяя въ то же время всѣмъ требованіямъ утилитарнаго взгляда на жизнь. *Тупая чернь*, очевидно, требуетъ отъ поэта плодотворныхъ мыслей; а поэтъ, неспособный мыслить, даетъ ей яркое описаніе мелкихъ ощущеній, которыя всякому явѣстны, всякому понятны и пріятны въ дѣйствительной жизни, но въ пѣснѣ интересны только для шаловливыхъ отроковъ или для безсильно-сластолюбивыхъ стариковъ. Чернь не удовлетворяется соблазнительными картинками, и это обстоятельство, конечно, дѣлаетъ честь ея здоровымъ умственнымъ способностямъ. Приписавши черни слова о томъ, что пѣснь поэта волнуетъ и мучитъ сердца, Пушкинъ, совершенно неожиданно для самого себя, затронулъ вопросъ: можетъ ли бесполезная поэзія сильно дѣйствовать на человѣка? Я рассмотрѣлъ теперь этотъ вопросъ и пришелъ къ тому заключенію, что бесполезная поэзія всегда бываетъ въ то же время безсильною поэзіею, т. е. она или не производитъ совсѣмъ никакого впечатлѣнія, или дѣйствуетъ самымъ поверхностнымъ образомъ только на тѣхъ умственно-недорѣзанныхъ субъектовъ, которые способны упиваться балетными позами. — Услышавъ разсужденія черни, крестинъ, произведенный Пушкинымъ въ поэты, начинаетъ ругаться:

«Молчи, бессмысленный народъ, поденщикъ, рабъ нужды, заботы (*поденщикъ*, по мнѣнію крестина, бранное слово. Попрекать человѣка тѣмъ, что онъ бѣденъ и трудится, значитъ, по мнѣнію того же крестина, обнаруживать благородство чувствъ и возвышенность помысловъ.) Несносенъ миѣ твой ропотъ дерзкой. Ты червь земли, не сынъ небесъ! (Дѣтьми небесъ оказываются, во-первыхъ, *разсѣянные* поэты, а во-вторыхъ, тѣ искусные негодяи толкачаго рынка, которые, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, обходятся съ публикою столь же *разсѣянно*, какъ самые ревностные жрецы чистаго искусства). Тебѣ бы пользы все (ишь чего захотѣлъ!

Тебѣ бы все хорошаго товару! думаетъ про себя искусный негодянтъ), на вѣсь кумирь ты цѣнишь бельведерскій. Ты кошель, пользы въ немъ не зришь. Но мраморъ сей вѣдь богъ! (Собѣ дороже-сь! Самой настоящей англійской доброты! распинается негодянтъ за такую гниль, которая неидетъ у него съ рукъ.) Такъ что-же? Печной горшокъ тебѣ дороже: ты пищу въ немъ себѣ варишь.» — Ну, а ты, возвышенный кретинъ, ты сынъ небесъ, ты въ чемъ варишь себѣ пищу, въ горшкѣ или въ бельведерскомъ кумирѣ? Или, можетъ быть, ты питаешься такою амброзією, которая ни въ чемъ не варится, а присылается къ тебѣ въ готовомъ видѣ изъ твоей небесной родины? Или, можетъ быть, ты скажешь, что совсѣмъ не твое дѣло разсуждать о пищѣ, и отошлешь насъ за справками къ твоему повару, т. е. къ одному изъ *червей земли*, къ одному изъ тѣхъ жалкихъ *рабовъ нужды*, которые дѣляютъ на вѣсь твоего мраморнаго бога? — Поварь твой, о кретинъ, скажетъ намъ, навѣрное, что твоя пища варится въ горшкахъ и въ кастрюляхъ, а не въ кумирахъ, и скажетъ намъ, кромѣ того, въ какую цѣну обходится тебѣ твой обѣдъ. Тогда мы узнаемъ, что ты съѣдаешь въ одинъ день такую массу человѣческаго труда, которая можетъ прокормить *раба нужды* съ женою и съ дѣтьми въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Тогда, поговоривши съ твоимъ поваромъ, мы увидимъ ясно, въ чемъ состоитъ несомнѣнное превосходство *датеи неба* надъ *червями земли*. *Червь земли* живетъ впроголодь, а *сынъ неба* приобретаетъ себѣ надежный слой жира, который даетъ ему полную возможность создавать себѣ мраморныхъ боговъ и беззаотѣчливо плевать въ печные горшки немущихъ соотечественниковъ. «Онъ ничего не отрицаетъ, говорить Вѣлинскій о Пушкинѣ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ»... «Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической—внутренняя красота человѣка и дѣлющая душу гуманность»... «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина»... «Никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ читателей, какъ Пушкинъ.»—Всѣ эти сладкія слова Вѣлинскаго превращаются въ жесточайшую провину, когда вы ставите ихъ рядомъ съ словами самого Пушкина: *взятъ изъ того стихотворенія, которое самъ же Вѣлинскій считаетъ его «поэтическимъ profession de foi.» Онъ ничего не отрицаетъ и не проклинаетъ—кромѣ всего трудящагося человѣчества. Онъ смотритъ*

сь любовью и благословеніемъ на все—то есть, на весь петербургскій *beau monde*, и даже на всѣхъ людей *comme il faut*, живущихъ въ Москвѣ и въ провинціи. *Общій колоритъ поэмы Пушкина—отсутствіе красота челоуька...* проводящаго свою жизнь въ загородной праздности и посвящающаго свои досуги пищеваренію и созерцанію мраморныхъ боговъ; и *зельющая душу гуманность* въ отношеніи къ дѣтямъ небесъ, которыя презираютъ и топчуть въ грязь червей земли. *Есть всегда что-то особенно благородное (о да!) кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное* въ томъ презрѣніи, съ которымъ Пушкинъ кричитъ на *безмысленный народъ*, бросая ему въ лицо, какъ сильныя ругательства, святыя слова; *податики и рабъ нужды.*—*Никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себя такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юнать, и озамужалить, и даже старухъ читательей, какъ Пушкинъ*, потому что никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не можетъ внушить своимъ читателямъ такого безпредѣльнаго равнодушія къ народнымъ страданіямъ, такого глубокаго презрѣнія къ честной бѣдности и такого систематическаго отвращенія къ полезному труду, какъ Пушкинъ.—Не для того я произвелъ это убійственное сопоставленіе, чтобы глумиться надъ священною памятью нашего великаго учителя, Бѣлинскаго, а для того, чтобы показать читателямъ, до какой степени опасны и губительны бывають эстетическія увлеченія даже для самыхъ сильныхъ и замѣчательныхъ умовъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, *какого* воспитателя рекомендуетъ Бѣлинскій всей читающей Россіи! Хороши бы мы были, если бы мы принимали каждое слово Бѣлинскаго за изреченіе оракула!—На ругательства *сына небесъ черви земли* отвѣчаютъ слѣдующею смиренною просьбою:

«Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ, свой даръ, божественный посланникъ, во благо намъ употребляй: сердца собратьевъ исправляй. Мы малодушны, мы коварны, безстыдны, злы, неблагодарны; мы сердцемъ хладны скопцы, клеветники, рабы, глупцы; гнѣздатся клубомъ въ насъ пороки: ты можешь, ближняго любя, давать намъ смѣлые уроки, а мы послушаемъ тебя.»—Бывають ли въ дѣйствительной жизни какія нибудь явленія, соответствующія до нѣкоторой степени этому обращенію черни къ поэту?—Бывають, и одно изъ такихъ явленій совершилось на глазахъ тѣхъ русскихъ людей, которые живы и здоровы до настоящей минуты. Мы всѣ помнимъ очень живо тотъ нафосъ самообличенія и публичнаго покаянія, который овладѣлъ нашимъ обществомъ послѣ окончанія крымской войны, и который, къ вокалнню, по простествіи двухъ-

трекъ лѣтъ, снова замѣнился для большинства соннымъ и тупымъ самодовольствомъ катковской школы. «Въ тѣ дни, когда намъ были новы» всѣ невинныя проявленія нашей робкой и скромной полу-гласности, въ тѣ веселые и счастливые дни, для нашего общества не существовало никакой беллетристики, кромѣ обличительной. На вниманіе публики могли разсчитывать только тѣ писатели, которые обнаруживали въ своихъ произведеніяхъ искреннее или неискреннее, но, во всякомъ случаѣ, громкое негодованіе противъ различныхъ общественныхъ золъ, подлежащихъ вѣдѣнію нашей тогдашней полу-гласности. Даже катковская школа, всегда питавшая наклонность къ сладостному оптимизму, не въ силахъ была сопротивляться требованіямъ читающей публики; громадный и быстрый успѣхъ «Губернскихъ очерковъ» положилъ, какъ извѣстно, самое прочное основаніе могуществу «Русскаго Вѣстника.» И такъ, *тупая чернь* требовала въ то время отъ своихъ поэтовъ, чтобы они, «любя ближняго», давали ей «смѣлые уроки» и постоянно держали передъ ея глазами длинный списокъ ея глупостей и подлостей. А что же дѣлали въ то время поэты? Что дѣлали самые ревностные жрецы чистаго искусства?—О! какъ только *тупая чернь* ясно сформулировала свои требованія, какъ только обнаружился сильный запросъ на обличительный товаръ, на прогрессивныя стремленія и на гражданскія чувства,—такъ тотчасъ самые эфирные мотыльки нашего поэтическаго вертограда, наперерывъ другъ передъ другомъ, стали прикладывать къ дѣлу русскую поговорку: «Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.» Всѣ оказались раболѣпными угодниками *тупой черни*, всѣ начали усердно поддаиваться подъ господствующій тонъ, всѣ почувствовали neodолжимую потребность заявить въ стихахъ и въ прозѣ, что они тоже любятъ отечество, что они тоже тяготеютъ застоємъ мысли и жизни, что они тоже печалются о бѣдности русскаго мужика и что они вообще не послѣдняя спица въ колесницѣ русскаго прогресса. Словомъ, *тупая чернь* сдѣлала знакъ своимъ поэтамъ, и поэты, какъ расторопные слуги, со всѣхъ ногъ кинулись исполнять приказанія своего властелина, то есть, той самой *тупой черни*, съ которою такъ кавалерственно обращается неправдоподобный поэтъ, придуманный Пушкинымъ. И никому изъ жрецовъ чистаго искусства не пришло въ голову крикнуть печатно: «молчи, бессмысленный народъ!» Ни у кого не хватило храбрости открыто и рѣшительно пойти противъ теченія. Всякій, кто только могъ двумя-тремя дешовыми гражданственными фразами заработать себѣ дватри взрыва столь же дешовыхъ рукоплесканій, нивакъ не рѣшался

отказать своему мелкому тщеславію въ этомъ кощѣчномъ удовлетвореніи. Въ потѣ лица своего склеивалъ жрецъ чистаго искусства какую нибудь неуклюжую и блѣдную поддѣлку подъ некрасовскій тонъ, и потомъ мѣлъ и сіялъ отъ удовольствія, когда неприхотливые слушатели встрѣчали и провожали его рукоплесканіями на публичномъ чтеніи. Стало быть, если бы когда нибудь *туная черна* обратилась прямо къ извѣстному лицу, требуя себѣ отъ него смѣлыхъ уроковъ во имя любви къ ближнему, если бы общественное мнѣніе цѣлой страны съ любовью и съ надеждою остановилось на имени извѣстнаго поэта и провозгласило этого поэта учителемъ и руководителемъ общества и народа, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что любимецъ Музъ и Грацій, не слыша подъ собою ногъ, винулся бы въ ту сторону, куда посылалъ бы его народный голосъ. Если не любовь къ народу, то тщеславіе, если не тщеславіе, то боязнь быть осмѣяннымъ и оплеваннымъ заставили бы его поступить такимъ образомъ. Тщеславіе составляетъ преобладающую, быть можетъ, даже единственную сильную страсть чистыхъ художниковъ, то есть, тѣхъ художниковъ, которые воображаютъ себѣ, что всѣ ихъ способности поглощены безкорыстнымъ и безцѣльнымъ служеніемъ искусству. Нетрудно себѣ представить, какъ сильно должна разыгаться эта преобладающая страсть, когда художникъ увидитъ себя предметомъ всеобщаго вниманія и самыхъ напряженныхъ ожиданій, возбужденныхъ въ читающей массѣ силою и яркостью его таланта. Въ эту минуту, отъ самаго художника, то есть, отъ того направленія, которое приметъ его дѣятельность, будетъ зависѣть—сдѣлаться идоломъ толпы или ея посмѣшищемъ. Тщеславіе, конечно, потянетъ его внизъ по теченію. Спрашивается теперь, какая же сила составитъ противовѣсъ этому тщеславію? Какая сила застрахуетъ поэта противъ того эпидемическаго увлеченія, которое обыкновенно овладѣваетъ всѣми впечатлительными людьми, когда они видятъ, какъ увлекаются тою или другою идеею цѣлыя массы? Какая сила заставитъ поэта плыть противъ течения и, такимъ образомъ, накликавъ на себя, со стороны увлеченныхъ соотечественниковъ, упреки, насмѣшки и оскорбленія? Какая сила, наконецъ, заставитъ его подвергаться еще болѣе страшной опасности, самой страшной изъ всѣхъ опасностей, угрожающихъ художнику,—опасности превратиться въ ходячій анахронизмъ и затеряться заживо въ пыльной грудѣ забытой литературной старины? — Единственной силою, которая должна отдуваться за все, про все, оказывается любовь поэта къ чистому искусству, къ *служенію Музъ*, которое *не терпитъ суеты*. Мечтать о томъ, чтобы это туманно-

метафизическое или антично-мифологическое чувство одержало победу надъ всѣми искушеніями предстоящей популярности, — было бы просто смѣшно. Достаточно припомнить, что всѣ отрасли искусства всегда и вездѣ подчинялись мельчайшимъ и глупѣйшимъ требованіямъ измѣнчиваго общественнаго вкуса и прихотливой моды. Красота художественнаго произведенія сама по себѣ вещь чисто-условная; поэтому, привязанность человѣка къ этой условной и относительной красотѣ никогда не можетъ быть на столько сильною, чтобы служить ему надежною опорой въ серьезной борьбѣ съ господствующими требованіями времени и народа. Идти наперекоръ ясно-выраженнымъ желаніямъ массы можно только изъ горячей любви къ этой же самой массѣ. Только живая, естественная и искренняя любовь человѣка къ людямъ можетъ дать передовому мыслителю или дѣятелю непоколебимую самоувѣренность, силу и мужество, необходимыя для того, чтобы встрѣтить и выдержать жестокою бурю близорукаго общественнаго негодованія и медленную истку незаслуженнаго презрѣнія. Всякія искусственныя, телмичныя и напущенныя чувства, въ томъ числѣ, разумѣется, и уморительная любовь художника къ служенію Музъ, нетерпящему суеты, изломаются и исчезнутъ безъ слѣда при первомъ столкновеніи съ требованіями общества, хотя бы даже эти требованія были сами по себѣ совершенно неосновательны. Въ стихотвореніи Пушкина выходитъ совсѣмъ наоборотъ: поэтъ торжественно отказывается отъ популярности, громко проклинаетъ *тупую чернь* и погружается въ одинокое созерцаніе чистой красоты, понятной только для посвященныхъ. Эта совершенно неправдоподобная развязка объясняется очень легко и совершенно удовлетворительно тѣмъ обстоятельствомъ, что общество, въ которомъ жилъ Пушкинъ, спало мертвымъ сномъ, такъ что Пушкинъ не имѣлъ возможности составить себѣ приблизительно-вѣрнаго понятія о томъ, что такое общественное мнѣніе, что такое голосъ *тупой черни* и въ какой степени заразительны и увлекательны бываютъ общественныя страсти. Можно предположить даже, что все стихотвореніе Пушкина было вызвано какою нибудь тупою и пошлою критическою статьею Булгарина, упрекавшего его въ безнравственности и требовавшего отъ него поучительныхъ стиховъ и медоточивыхъ разсказовъ. Булгаринъ или какой нибудь другой артистъ того же достоинства, во всей вѣроятности, показался Пушкину представителемъ массы и проводникомъ ея утвенныхъ требованій; дрянное помолвленіе булгаринской клики къ пошлой правоучительности принято Пушкинымъ за чистѣйшее выраженіе принципа утлитарности. Это предположеніе въ высшей

степени правдоподобно, потому что, дѣйствительно, во времена Пушкина, въ нашей литературѣ не было еще ни одного писателя, который постоянно и добросовѣстно защищалъ бы интересы массы и смотрѣлъ бы съ чисто-утилитарной точки зрѣнія на всѣ явленія жизни, науки и искусства. Значить, Пушкинъ, ругая чернь и глумясь надъ идеею пользы, ратуетъ противъ такихъ вещей, которыхъ онъ никогда не видалъ въ глаза. Отсюда происходитъ та неосновательная храбрость и то комическое озлобленіе, которыя обнаруживаетъ пушкинскій поэтъ въ отношеніи къ *тупой черни*, терпящей горькую напраслину за глупости и подлости болгаринской кляки. Подобное зрѣлище намъ случилось видѣть очень недавно. Разгоряченный нападеніями «Искры», г. Писемскій написалъ противъ нея огромный романъ, въ которомъ старался доказать, что отечество находится въ опасности и что молодое поколѣніе погибаетъ въ безднѣ заблужденій. Въ дѣлахъ отечества и молодого поколѣнія г. Писемскій оказывается совершенно такимъ же компетентнымъ судьей, каковымъ оказывается Пушкинъ въ вопросѣ о требованіяхъ общественнаго мнѣнія и объ идеѣ утилитарности. Оба говорятъ о томъ, чего они не знаютъ, и оба принимаютъ за воплощеніе принципа такую случайную и ничтожную мелочь, которая ни съ каковымъ принципомъ не можетъ имѣть ничего общаго. Такія комическія ошибки, конечно, не дѣлаютъ особенной чести ни природному ихъ остроумію, ни широтѣ и основательности ихъ благопріобрѣтеннаго умственнаго развитія.

VIII.

«Подите прочь, отвѣчаетъ поэтъ, какое дѣло поэту мирному до васъ! Въ развратѣ каменѣйте смѣло: не оживить васъ лиры пласъ; душѣ противны вы, какъ гробы. Для вашей глупости и злости имѣли вы до сей поры бичи, темницы, топоры: довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ! Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ сметаютъ соръ — полезный трудъ! — Но, позабывъ свое служенье, алтарь и жертвоприношенье, жрецы-ль у васъ метлу берутъ? Не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ, мы рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ молитвъ.»

Этими торжественными словами оканчивается стихотвореніе, и тутъ можно именно сказать, что конецъ вѣнчаетъ дѣло. Если бы какойнибудь злѣйшій врагъ чистаго искусства захотѣлъ закидать его грязью и погубить его во мнѣніи общества, то врядъ ли бы онъ придумалъ для своей обвинительной рѣчи чтонибудь сильнѣе

и убийственнѣе тѣхъ словъ, которыя Пушкинъ такъ простоудушно и откровенно приписываетъ своему поэту. — Мирному поэту нѣтъ дѣла до умственныхъ и нравственныхъ потребностей народа; ему нѣтъ дѣла до пороковъ и страданій окружающихъ людей; ему нѣтъ дѣла до того, что эти люди желаютъ мыслить и совершенствоваться и просить себѣ живого слова и разумнаго совѣта у того, кто самъ себя величаетъ *сыномъ небесъ* и въ комъ они также признаютъ *избранника небесъ* и *божественнаго посланника*. Спрашивается, въ такомъ случаѣ, до кого и до чего же ему есть дѣло? — До самого себя и до своихъ собственныхъ ощущеній? До веселой попойки съ любезнымъ другомъ Ивановымъ, до пріятной болтовни съ чудеснымъ малымъ Семеновымъ, до катанья на тройкѣ съ отличнымъ товарищемъ Андреевымъ? До золотыхъ локоновъ прелестной *А.*, до лебединой шеи очаровательной *В.*, до маленькой ножки несравненной *С.*, до голубыхъ очей восхитительной *Д.*? — Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, если отодвинуть въ сторону всѣ мифологическія фіоритурны, — служеніе *Музъ*, которое не терпитъ суеты, и священная жертва, въ которой *Аполлонъ* требуетъ поэта, окажутся просто интимною болтовнею поэта съ милыми друзьями о милыхъ подругахъ и съ милыми подругами о ихъ собственныхъ прелестяхъ. Такая болтовня очень интересна для самого поэта, для его милыхъ друзей и для его милыхъ подругъ; но такъ какъ у каждаго отдѣльнаго человѣка есть свои собственные милые друзья и свои собственные милыя подруги, то, при такомъ направленіи творческой дѣятельности, поэзія превращается въ дѣло или, вѣрнѣе, въ забаву частныхъ кружковъ, и совершенно теряетъ свою способность служить высшею нравственною связью между всѣми грамотными членами извѣстной націи. Такъ оно и было дѣйствительно у насъ, въ Россіи, въ первой четверти минувшаго столѣтія. Чтобы дать читателямъ легкое понятіе о томъ, какимъ граціозно-младенческимъ забавамъ предавались тогдашніе корифеи поэзіи, я приведу здѣсь небольшую выписку изъ «Материаловъ для біографіи Пушкина», собранныхъ г. Анненковымъ. — «Въ 1815 году еще продолжалась борьба, возникшая по поводу нововведеній Карамзина, и противники его направленія сосредоточились въ обществѣ: Беседа любителей Русскаго слова (должно быть, не нашего), къ членамъ которой принадлежали многіе даровитые люди: въ числѣ ихъ былъ и кн. Шаховской. Все молодое, желавшее новыхъ формъ для поэзіи и языка и свѣжихъ источниковъ для искусства вообще, пристроилось къ другому обществу, Арзамасу. Арзамасъ порожденъ былъ шуткой и сохранялъ основной характеръ свой до конца. Одинъ веселый и остроумный разговоръ

подъ названіемъ: *Видѣніе во градѣ*, вызвалъ его на свѣтъ. Въ разказѣ переданъ былъ анекдотъ о нѣкоторыхъ скромныхъ людяхъ, собравшихся разъ на обѣдѣ въ бѣдный Арзамасскій трактиръ. Столъ ихъ былъ покрытъ скатертью, бѣлизны не совсѣмъ безпорочной, и нисколько не былъ отягощенъ изобиліемъ брашенъ. Въ срединѣ бесѣды прислужникъ возвѣстилъ имъ, что какой-то проѣзжій остановился въ трактирѣ и, повидимому, находится въ магнетическомъ снѣ.—Хотя любопытство и приписывается исключительно прекрасному полу, но друзья Арзамаса доказали противное. Они отправились наблюдать новаго ясновидящаго у дверей и увидѣли высокаго, толстаго человѣка, который ходилъ безпрестанно по комнатамъ, произноси непонятныя тирады и афоризмы. Послѣдніе они тутъ же записали, но скрыли всѣ собственныя имена, потому что незлобивость и добродушіе составляли и составляютъ отличительную черту Арзамаса. Едва разнеслась эта шутка, въ которой нетрудно было отгадать всѣ тонкіе намеки ея, какъ авторъ получилъ отъ одного изъ своихъ друзей приглашеніе на первый *Арзамасскій вечеръ*. Продолжая шутку, лица Арзамасскаго вечера назвали именами изъ балладъ В. А. Жуковскаго и, на подобіе Французской Академіи, положили правило: всякій новоизбранный членъ обязанъ былъ сказать похвальное слово—не умершему своему предшественнику, потому что такихъ не было, а какому-либо члену Бесѣды любителей Русскаго слова или другому извѣстному литератору. Такъ, произнесены были похвальныя слова Г. Захарову, переводчику Авелевой смерти Геснера, Велисарія г-жи Жанлисъ и Странствованій Телемака Фенелона; Г. А. Волкову—автору Арфы стихогласной и мног. др. Секретарь общества, В. А. Жуковскій, велъ журналъ заведеній, и протоколы его представляютъ автора Людмилы, съ другой стороны, еще неуловленной біографами (ахъ, біографы! чего вы смотрите?) со стороны вообще веселаго характера. Это образцы самой забавной и, вмѣстѣ, самой приличной шутки. (Стр. 50, 51). Вотъ каковы были тѣ господа, по поводу которыхъ Вѣлинскій проводилъ идею органическаго развитія. И вотъ каково было то высокое служеніе Музъ, которое налагало на поэта обязанность игнорировать и презирать потребности, пороки и страданія *тупой черни*, то есть, всего русскаго общества. Здѣсь, какъ видите, навязываніе бумажки на Зююшкинъ хвостъ было возведено въ принципъ и обставлено торжественными обрядами. Къ этому многотрудному и систематическому навязыванію Пушкинъ, по свидѣтельству того же г. Анненкова, относился постоянно съ непоколебимою нѣжностью. «Такъ важно было, говорить г. Анненковъ,

вліяніе Арзамаса на литературу нашу, и, надо прибавить къ этому, что Пушкинъ уже сохранилъ навсегда уваженіе, какъ къ лицамъ признаннымъ авторитетами (по части навязыванія бумажки?) въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствования во имя идей, обуженныхъ цѣльмъ обществомъ. Онъ сильно порицалъ у друзей своихъ попытки разьединенія (а чѣмъ такимъ они были соединены? Должно быть, общею ненавистью къ М. Каченовскому?), проявившіяся одно время въ видѣ нападокъ на произведенія Жуковскаго (это значить: нашихъ не тронь! и рука руку моетъ), и вообще всѣ такого рода попытки; да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія.» (Оно и видно, стало быть, что поэтъ «къ ногамъ народнаго кумира не клонить гордой головы.» Здѣсь роль народа играетъ кружокъ, и поэтъ оказывается покорнымъ слугою этого кружка).—Въ другомъ мѣстѣ (стр. 54) г. Анненковъ говоритъ о Пушкинѣ, что «онъ сохранилъ до конца своей жизни существенныя, характеристическія черты члена старыхъ литературныхъ обществъ и уже не имѣлъ симпатіи къ произволу (а въ кружкахъ его не было?) журнальныхъ сужденій, вскорѣ замѣтившему ихъ и захватившему довольно обширный кругъ дѣйствія.» — Эти біографическія подробности составляютъ очень выразительный комментарий къ тому *поэтическому profession de foi*, которое изложилъ Пушкинъ въ стихотвореніи: «Чернь».—Мы видимъ теперь довольно ясно, *во имя чего* поэтъ отвертывается отъ разумныхъ и реальныхъ требованій общества. Углубленный въ игрушечные интересы разныхъ Арзамасовъ, поэтъ приглашаетъ живыхъ людей «смѣло *каменитъ въ развратъ*»; онъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что *масса* его *миръ*, посвященной воспѣванію Зюзюшки и ея хвоста, *не оживитъ* людей, требующихъ себѣ нравственнаго обновленія. Эти люди, дерзающіе чего-то требовать, *противны* его *душѣ*, какъ *зробы*, потому что они, своимъ докучливымъ ропотомъ, мѣшаютъ этой арзамасской душѣ погрузиться безраздѣльно въ глубокомысленное созерцаніе зюзюшкинаго хвоста. Легко себѣ представить, какимъ *зробомъ* долженъ былъ показаться Пушкину одинъ неизвѣстный *червь земли*, написавшій къ *сыну небесъ* энергическое письмо, изъ котораго г. Анненковъ приводитъ слѣдующія замѣчательныя строки: «когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣбствующаго передъ обычаями и привычками толпы,—человѣкъ остаивается посреди пути и спрашиваетъ самаго себя: почему преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вожатымъ? Подоб-

ная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о васъ,—а думаю и объ васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія души, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который, несомнѣнно, присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша.» (Стр. 88.). Здоровымъ и мужественнымъ, не арзамасскимъ и не пушкинскимъ взглядомъ на жизнь проникнуты эти строки. Тому *иробу*, который просилъ у Пушкина *позволенія идти*, и всѣмъ другимъ, подобнымъ ему, *иробамъ* любвеобильный поэтъ великодушно совѣтуетъ обратиться за умственнымъ и нравственнымъ совершенствованіемъ къ бичамъ, къ темницамъ и къ топорамъ:

Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры.—
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!

Это невѣроятное четверостишіе слѣдуетъ выгравировать золотыми буквами на подножии того монумента, который благодарная Россія, безъ сомнѣнія, воздвигнетъ изъ своихъ трудовыхъ копѣекъ своему величайшему поэту. А въ ожиданіи монумента, это же самое четверостишіе должно сдѣлаться эпитафией къ тому изданію сочиненій Пушкина, по которому *молодые люди обою пола будутъ воспитывать въ себѣ человека*.—Предоставивъ, такимъ образомъ, нравственное воспитаніе народа бичамъ, темницамъ и топорамъ, пушкинскій поэтъ объявляетъ, что подобныя ему дѣти небесъ рождены не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ, а для вдохновенія, для сладкихъ звуковъ для молитвъ. Все это прекрасно, любезныя дѣти небесъ, но все это въ высшей степени неопредѣленно. Вы рождены для вдохновенія—очень хорошо! Но чѣмъ именно вы будете вдохновляться?—вотъ вопросъ, на который вамъ не мѣшало бы принести отвѣтъ. Вы рождены для сладкихъ звуковъ—это тоже недурно! Но кому именно эти звуки будутъ казаться сладкими? Вы рождены для молитвъ—превосходно! Но о комъ и о чемъ вы будете молиться?—Если вы, дѣти небесъ, будете вдохновляться такими явленіями жизни, которыя въ каждомъ неглупомъ человѣкѣ возбуждаютъ негодованіе и отвращеніе, если вы, напримѣръ, будете прославлять дикое насилие, вашу темпальную твердость, а низкую угодливость, какъ безкорыст-

ную преданность, то легко можете случиться, что все ваше вдохновение будет стоять въ глазахъ вашихъ соотечественниковъ неизмѣримо ниже, чѣмъ сметаніе сора съ улицъ гнущихся, о которомъ вы отзываетесь съ самымъ великолѣпнымъ презрѣніемъ. Если вы, дѣти небесъ, передъ толпою голодныхъ людей будете воспѣвать достоинства страсбургскаго пирога и лимбургскаго сыра, то можно сказать навѣрное, что ваши звуки, очень сладкіе для васъ самихъ и для подобныхъ вамъ тунеядцовъ, покажутся вашимъ голоднымъ слушателямъ горькою и отвратительною насмѣшкою надъ ихъ безпомощнымъ положеніемъ. Если вы, дѣти небесъ, имѣя въ своихъ амбарахъ тысячи четвертей продажной пшеницы, будете молиться о ниспосланіи на землю града или саранчи, для надлежащаго повышенія рыночныхъ цѣнъ, то я не совѣтую вамъ высказывать вашу молитву во всеуслышаніе, потому что, въ какіе бы смолисто-тягучіе и кристаллы-прозрачныя ямбы или хорей вы ни облекли вашу молитву о градѣ и о саранчѣ, во всякомъ случаѣ, эта молитва не доставитъ ни малѣйшаго удовольствія вашимъ добродушнымъ и трудолюбивымъ сѣсѣдямъ. Такимъ образомъ, вы видите, о дѣти небесъ, что не всякое вдохновеніе возбуждаетъ въ людяхъ чувство уваженія и признательности, что не всякій сладкій звукъ оказывается сладкимъ для всѣхъ слушателей и что не всякая молитва можетъ быть названа высокимъ подвигомъ человѣколюбія. Стало быть, ты, о пушкинскій поэтъ, объявляя *тунной черти*, что вы рождены для вдохновеній, для сладкихъ звуковъ и для молитвъ, занимаешься произнесеніемъ словъ, не заключающихъ въ себѣ никакого опредѣляемаго смысла. Кромѣ того, не мѣшаетъ замѣтить, что у Пушкина слово расходится съ дѣломъ, или поэтическое profession de foi расходится съ поэтической дѣятельностью. Объявляя категорически, что поэты рождены *не для бытовъ*, Пушкинъ, въ то же время, пишетъ свои два слишкомъ извѣстныхъ стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина». И онъ не только написалъ и напечаталъ эти два, въ буквальномъ смыслѣ слова, *воицтвенныя* стихотворенія, но даже самъ придавалъ имъ серьезное европейское значеніе. «Пушкинъ, говоритъ г. Анненковъ, выразилъ во французскомъ письмѣ къ князю Н. Б. Голицыну (переводчику по французски «Чернецъ» Козлова и пьесы: «Клеветникамъ Россіи») чувства, одушевлявшія его во время созданія самаго стихотворенія: «Merci mille fois, говоритъ онъ, cher Prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers, la-

cée contre les ennemis de notre pays... Que ne traduisites-vous pas cette pièce en temps opportun? Je l'aurais fais passer en France, pour donner sur le nez à tous ces vociférateurs de la Chambre des députés.» (Тысячу разъ благодарю васъ, любезный князь, за вашъ несравненный переводъ моего стихотворенія, направленного противъ враговъ нашей земли... Зачѣмъ не перевели вы его во время? — Я бы переслалъ его во Францію, чтобы ударить по носу всѣхъ этихъ крикуновъ Палаты депутатовъ.) (Стр. 818). Видите, въ самомъ дѣлѣ, какъ это жалко, что князь Голицынъ опоздалъ сдѣлать переводъ. Попали только это стихотвореніе во Францію, тогда, само собою разумѣется, всѣ крикливые французскіе депутаты, узнавши, что въ Россіи существуетъ воинственный и сердитый стихотворецъ, monsieur Pouschkinе, тотчасъ понизили бы тонъ и немедленно уразумѣли бы, что съ Россіею спориться опасно, ибо эта Россія можетъ засыпать Францію растаянутыми стихотвореніями, тщательно переведенными съ русскаго на французскій. — Но какъ же мы, однако, ухитримся помирить воинственный азартъ Пушкина съ тѣмъ категорическимъ объявленіемъ, что поэты рождены не для битвъ? Для чего же, въ самомъ дѣлѣ, по понятіямъ Пушкина, рождены поэты и для чего они не рождены? — Если мы окинемъ общимъ взглядомъ теорію и практику Пушкина, то мы получимъ тотъ результатъ, что поэты рождены для того, чтобы никогда ни о чемъ не думать и всегда говорить исключительно о такихъ предметахъ, которые не требуютъ ни малѣйшаго размышленія. Эта формула объясняетъ совершенно удовлетворительно какъ уклоненіе поэта отъ головоломныхъ требованій *тупой черни*, такъ и воинственный азартъ, стремившійся бить носы французскимъ депутатамъ. Поэтъ отказывается отъ тѣхъ битвъ, которыя требуютъ умственного труда, и кидается очень охотно въ тѣ битвы, въ которыхъ ненужно ничего, кромѣ рифмованнаго крика. Въ самомъ дѣлѣ, если бы поэту захотѣлось давать *тупой черни* тѣ *слѣдые уроки*, которыхъ она отъ него требуетъ, то ему пришлось бы очень глубоко задумываться надъ явленіями общественной жизни, пришлось бы, тряся пороки общества, анализировать причины этихъ пороковъ, пришлось бы отъ ближайшихъ и частныхъ причинъ переходить къ болѣе общимъ и отдаленнымъ, — словомъ, пришлось бы не столько *блещать*, сколько размышлять. Такая умственная работа, во-первыхъ, не всякому *блещательно* по силамъ, а во-вторыхъ, она сопряжена со многими неудобствами; вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, Богъ знаетъ, до чего можно додуматься; пожалуй, даже до такихъ вещей, до которыхъ совсѣмъ не слѣдуетъ додумываться. Даже г. Половскій, и тотъ

знаеть, что «думы съ вѣтромъ носятся, вѣтра не догнать.» Напротивъ того, когда поэту приходитъ въ голову воспѣть военныя доблести русскихъ богатырей или сдѣлать строжайшій выговоръ непочтительнымъ французскимъ депутатамъ, тогда поэту не предстоитъ ни умственного труда, ни неудобствъ, ни опасностей. Все дѣло его состоитъ въ томъ, чтобы придумывать сильныя выраженія и громкія восклицанія. — Кто выигралъ сраженіе или взялъ штурмомъ крѣпость, тотъ обдумывалъ планъ, тотъ умѣлъ воодушевить солдатъ, тотъ подвергалъ опасности собственную жизнь, тотъ оказалъ услугу государству, тотъ можетъ быть названъ умнымъ человекомъ, даже героемъ, даже спасителемъ отечества. Но кто воспѣваетъ одержанную побѣду, тотъ просто перекладываетъ въ стихи газетную реляцію, тотъ оказывается не поэтомъ, а стиходѣлателемъ, тотъ не мыслить, а подбираетъ фразы и рифмы, и тотъ рискуетъ разсмѣшить своимъ напущеннымъ восторгомъ тѣхъ самыхъ враговъ отечества, которымъ онъ стремится сокрушать носы.

IX.

Какими же глазами смотреть Бѣлинскій на то «художническое profession de foi» Пушкина, о которомъ я говорилъ до сихъ поръ? Отношенія Бѣлинскаго къ этому стихотворенію въ высшей степени неопредѣленны. «Онъ презираетъ чернь, говоритъ Бѣлинскій о Пушкинѣ, и на ея приглашеніе — исправлять ее звуками лиры, отвѣчаетъ словами, полными благородной гордости и энергическаго негодованія.» — Затѣмъ Бѣлинскій выписываетъ — просто трудно довѣрить глазамъ! — заключительный монологъ поэта, тотъ самый монологъ, въ которомъ народу предоставляются въ вѣчное потомственное владѣніе *бичи, темницы, топоры*, а поэтамъ отмежевывается область *вдохновенія, сладкихъ звуковъ и молитвъ*. И Бѣлинскій въ этихъ безумныхъ словахъ находитъ *благородную гордость*. — Выписавши монологъ поэта, Бѣлинскій разсуждаетъ такъ: «Дѣйствительно, смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ рифмами разныя нравоучительныя мысли и требуютъ отъ поэта непременно, чтобы онъ воспѣвалъ имъ все любовь да дружбу и пр., и которые неспособны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ.» — Затѣмъ Бѣлинскій придумалъ здѣсь какія-то *глупости*, которымъ онъ приписалъ какія-то глупыя требованія — этого я рѣшительно не по-

нимаю. *Тупая чернь* никогда не требовала отъ поэта, чтобы онъ воспѣвалъ ей все любовь да дружбу. Она требовала отъ поэта не обидѣть нравоучительныхъ мѣстъ, а смѣлыхъ уроковъ, что нисколько непохоже ни на общія нравоучительная мѣста, ни на любовь да дружбу. Если бы *тупая чернь* состояла изъ тѣхъ *мушцовъ*, которыхъ БѢлинскій называетъ *смѣшными и жалкими*, тогда она совершенно удовлетворилась бы пушкинскою поэзіею, потому что эта поэзія заключаетъ въ себѣ именно то, что нравится *смѣшнымъ и жалкимъ мушцамъ*. Это не я говорю, это говоритъ самъ БѢлинскій. На стр. 399 онъ объявляетъ намъ, что смѣшные и жалкіе *глупцы* заставляютъ поэта воспѣвать *все любовь да дружбу*, а на стр. 391 БѢлинскій спрашиваетъ: «что составляетъ содержаніе мелкиѣхъ піесъ Пушкина?» и отвѣчаетъ такъ: «почти всегда любовь и дружба, какъ чувства, наиболѣе обладавшія поэтомъ и бывшія непосредственнымъ источникомъ счастья и горя всей его жизни.» — Значитъ, *смѣшные и жалкіе мушцы* БѢлинскаго оказываются для Пушкина не *тупою чернью*, а напротивъ того, избранною и посвященною публикою, читающею съ восторгомъ его стихотворенія. Значитъ, Пушкинъ *отвѣчаетъ словами, полными благородной гордости*, не *смѣшнымъ и жалкимъ мушцамъ*, а честнымъ и мыслящимъ гражданамъ, которымъ непременно долженъ сочувствовать и самъ БѢлинскій; значитъ, наконецъ, самъ БѢлинскій, стараясь прикрити промахи Пушкина, такъ запутывается въ противорѣчіяхъ, что вытащить его изъ нихъ не остается ни малѣйшей возможности. На страницѣ 398 онъ хвалитъ Пушкина за *благородную гордость*, а на страницѣ 400 овазывается, что, при этой *благородной гордости*, поэтъ *рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній*. Впрочемъ, у эстетиковъ и полу-эстетиковъ такіа противорѣчія даже не считаются противорѣчіями. На той же 400 страницѣ, БѢлинскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что стихотвореніе: «Поэтъ» *превосходно*, но что мысль этого стихотворенія *совершенно ложна*. Съ нашей реальной точки зрѣнія, такое явленіе немислимо; по нашему, если мысль совершенно ложна, то и все стихотвореніе никуда не годится; но такъ какъ эстетикъ обладаютъ спеціальною способностью услаждаться стихотвореніями, какъ *жареными птичками величійю съ наперстокъ*, то, разумѣется, на ихъ кабалистическомъ языкѣ, слово *превосходно* можетъ имѣть гастрономическое или какое нибудь другое, столь же непостижимое для насъ значеніе. — Та гордость, съ которою Пушкинъ гонитъ прочь *тупую чернь*, по всей вѣроятности, показала БѢлинскому *благородною* съ какою нибудь спеці-

ально-эстетической точки зрѣнія. Въ этой гордости, на своемъ дѣлѣ, нѣтъ рѣшительно ничего благороднаго: во-первыхъ потому, что она совершенно безсмысленна, а во-вторыхъ потому, что она поддѣльна, какъ стонческое равнодушіе голодной лисицы къ недоступному винограду. Тотъ фактъ, что читающая масса значительно охладѣла къ Пушкину во время послѣдняго десятилѣтія его литературной дѣятельности,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Объ этомъ фактѣ говорятъ очень откровенно и Вѣлиискій, и Гоголь, и г. Анненковъ, и всѣ прочіе обожатели Пушкина. Стало бытъ, поэтъ гонитъ отъ себя чернь заднимъ числомъ, то есть, тогда, когда она сама удалилась отъ него и когда онъ увидѣлъ свою неспособность воротить ее назадъ. — Стихотвореніе: «Поэту», написанное въ 1830 году, также наполнено завидательными размышленіями о незрѣлости винограда. «Поэтъ, говоритъ Пушкинъ, не дорожи любовію народной! Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ; услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной (это, очевидно, говорится по опыту); но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ (а что же больше-то дѣлать? Вѣдь не плавать же публично объ утраченной популярности?). Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободною иди, куда влечетъ тебя свободный умъ, усовершенствуя плоды любимыхъ думъ, не требуя награды за подвигъ благородный (поэтъ убѣдительно проситъ самого себя не нищенствовать передъ толпою и доказываетъ самому себѣ очень основательно, что получить отъ толпы подаяніе не предвидится ни малѣйшей надежды). Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ; всѣхъ строже оцѣнишь умѣешь ты свой трудъ (строже, можетъ быть, но только не съ той точки зрѣнія, съ какой его цѣнятъ другіе). Ты имъ доволецъ ли, взыскательный художникъ? Доволецъ? Такъ пуская толпа его бранитъ и плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ я, въ дѣтской рѣзвости, колеблетъ явой треножникъ». — Въ этомъ стихотвореніи, которое у Вѣлиискаго также оказывается *прееосаднымъ*, мнѣ особенно нравится та рѣшимость, съ которою взыскательный художникъ, въ пику равнодушной толпѣ, провозглашаетъ себя царемъ. — Вы, молъ, негодяи, не хотите называть меня въ вашихъ глупыхъ журналахъ гениальнымъ поэтомъ, а я самъ возьму да и прозову себя царемъ; вотъ вы и останетесь въ дуракахъ. — Впрочемъ, этотъ произвольно-зародившійся царь оказывается царемъ самаго страшнаго фасона: у него нѣтъ ни придворнаго штата, ни льстецовъ, ни подданныхъ, ни средствъ дѣйствовать, такъ или иначе, на жизнь окружающаго общества. Этотъ своеобразный царь можетъ смѣло завести дипломатическія сношенія съ тѣми царями, которыми резиден-

ція находится въ Бедламѣ или въ Бюстрѣ и которые также *жизнутъ одни*, потому что, вступивши на престоль, потеряли способность жить скромно и прилично въ обществѣ здравомыслящихъ людей. — Въ 1831 году, въ стихотвореніи: «Эхо» Пушкинъ жалуется на то, что поэтъ, какъ эхо, откликается на всякій звукъ живой природы, а между тѣмъ, самъ не находитъ себѣ отзыва нигдѣ. Жалоба неосновательна и сравненіе неудачно. Поэтъ не находитъ себѣ отзыва только въ томъ случаѣ, когда онъ самъ не откликается на тѣ явленія, идеи, чувства и стремленія, которыя составляютъ преобладающій интересъ въ жизни его современниковъ и соотечественниковъ. Другими словами: только тотъ поэтъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній, который поетъ про себя и для себя, презирая толпу. — Въ стихотвореніи: «Памятникъ», написанномъ въ 1836 году, Пушкинъ, уже шесть лѣтъ тому назадъ провозгласившій себя царемъ, производитъ себя въ бессмертные гении и въ благодѣтели челоуѣчества. «Я, говорить бессмертный гений, памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный; къ нему не заростетъ народная тропа; вознеся выше онъ главою непокорной Наполеонова столпа (это называется: *excusez du peu!*). Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ — и славень буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ пинтъ. Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой, и назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ: и гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой Тунгусъ, и другъ степей, Калмыкъ. — И долго буду тѣмъ народу я любезенъ, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ (?), что прелестью живого стиховъ я былъ полезенъ (?) и милость къ падшимъ призывалъ. (?)» — Превознеся самого себя выше облава ходячаго и умилвшисъ достаточно надъ всѣми своими челоуѣческими и даже гражданскими добродѣтелями, Пушкинъ вдругъ напускаетъ на себя кротость, смиреніе и равнодушіе въ той самой славѣ, въ которой онъ превознеслъ Наполеона и передъ которою преклонятся со временемъ тунгусы и калмыки. «Велѣнью Божию, о Муза, будь послушна! Обиды не страшись, не требуй и вѣнца, хвалу и клевету приеми равнодушно и не оспаривай глупца». — Призывая къ себѣ на помощь дикаго тунгуса и друга степей калмыка, Пушкинъ поступаетъ очень расчетливо и благоразумно, потому что легко можетъ случиться, что болѣе развитыя племена російской имперіи, именно финнъ и гордый (?) внукъ славянъ, въ самое непродолжительномъ времени, жестоко обманутъ честолюбивыя и несбыточныя надежды искуснаго версификатора, самовольно надѣвшаго себѣ на голову вѣнецъ без-

смертія, на который онъ не имѣетъ никакого законнаго права. — Любопытно замѣтить, что въ основаніе своего нерукотворнаго памятника Пушкинъ кладетъ такіе резоны, которые дѣйствительно замствованы изъ осмѣяннаго и оплеваннаго имъ міросозерцанія *тупой черни*. Когда поэту приходится предъявлять свои права на бессмертіе, тогда онъ поневолѣ принужденъ заговорить серьезнымъ языкомъ мыслящаго реалиста; онъ признаетъ надъ собою судъ того народа, который прежде украшался, обыкновенно, эпитетомъ: «*безмысленный*»; онъ заговариваетъ о *добрыхъ чувствахъ*, тогда какъ прежде у него шла рѣчь только о *сладкихъ звукахъ*; наконецъ, онъ даже произноситъ слово *полезенъ* и соглашается, такимъ образомъ, вступить въ состязаніе съ *печеными зорышками*. Эти невольныя уступки гордаго поэта доказываютъ, очевидно, что утилитарныя аксіомы заключаютъ въ себѣ естественную обязательную силу даже для тѣхъ поверхностныхъ умовъ, которые неспособны вывести изъ этихъ аксіомъ все основное направленіе собственной жизни и дѣятельности. Но, обнаруживая собою непоколебимую прочность утилитарныхъ истинъ, вынужденныя уступки эти, конечно, не могутъ принести ни малѣйшей пользы личному дѣлу самого Пушкина. Это дѣло окончательно проиграно, и уступки, сдѣланныя Пушкинымъ, даютъ мыслящимъ реалистамъ полное право осудить его безапелляціонно, во имя тѣхъ самыхъ принциповъ, на которые онъ старается опереться и которые онъ, слѣдовательно, признаетъ истинными. Я буду бессмертенъ, говоритъ Пушкинъ, потому что я пробуждалъ лирой добрыя чувства. — Позвольте, господинъ Пушкинъ, скажутъ мыслящіе реалисты, какія же добрыя чувства вы пробуждали? Привязанность къ друзьямъ и товарищамъ дѣтства? Но развѣ же эти чувства нуждаются въ пробужденіи? Развѣ есть на свѣтѣ такіе люди, которые были бы неспособны любить своихъ друзей? И развѣ эти каменные люди, — если только они существуютъ, — при звукахъ вашей лиры сдѣлаются нѣжными и любвеобильными? — Любовь къ красивымъ женщинамъ? Любовь къ хорошему шампанскому? Презрѣніе къ полезному труду? Уваженіе къ благородной праздности? Равнодушіе къ общественнымъ интересамъ? Робость и неподвижность мысли во всѣхъ основныхъ вопросахъ міросозерцанія? Лучшее изъ всѣхъ этихъ *добрыхъ чувствъ*, пробуждавшихся при звукахъ вашей лиры, есть, разумѣется, любовь къ красивымъ женщинамъ. Въ этомъ чувствѣ, дѣйствительно, нѣтъ ничего предосудительнаго, но, во-первыхъ, можно замѣтить, что

оно достаточнo сильно само по себѣ, безъ всякихъ искусственныхъ возбужденій; а во-вторыхъ, должно сознаться, что учредители новѣйшихъ петербургскихъ танц-классовъ умѣютъ пробуждать и воспитывать это чувство несравненно успѣшнѣе, чѣмъ звуки вашей лиры. Что же касается до всѣхъ остальныхъ *добрыхъ чувствъ*, то было бы несравненно лучше, если бы вы ихъ совсѣмъ не пробуждали.—Я буду безсмертенъ, говоритъ далѣе Пушкинъ, потому что я былъ полезенъ.— Чѣмъ? спросятъ реалисты, и на этотъ вопросъ не воспослѣдуетъ ни откуда никакого отвѣта.— Я буду безсмертенъ, говоритъ, наконецъ, Пушкинъ, потому что я призывалъ милость къ надшимъ. Господинъ Пушкинъ! скажутъ реалисты, мы совѣтуемъ вамъ обратиться съ этимъ аргументомъ къ тунгусамъ и къ калмыкамъ. Эти дѣти природы и друзья степей, быть можетъ, повѣрятъ вамъ на слово и поймутъ именно въ этомъ филантропическомъ смыслѣ ваши воинственные стихотворенія, писанныя не во время войны, а послѣ побѣды. Что же касается до *гордаго внука Славяны* и до *Финна*, то эти люди уже слишкомъ испорчены европейскою цивилизаціею, чтобы принимать воинственные восклицанія за проявленіе кротости и человѣколюбія.

X.

Я полагаю, что я могу теперь проститься съ Пушкинымъ и что эта вторая статья имѣетъ полное право сдѣлаться послѣднею. Принимая за эту работу, я вовсе не имѣлъ намѣренія представить читателямъ полный и подробный разборъ всѣхъ лирическихъ, эпическихъ и драматическихъ произведеній Пушкина. Предпринять такой объемистый и утомительный трудъ, въ настоящее время, значило бы придавать вопросу о Пушкинѣ слишкомъ важное значеніе, —такое значеніе, котораго онъ уже не можетъ имѣть въ 1865 году.— Приступая къ этой работѣ, я хотѣлъ только высказать громко и открыто и подкрѣпить фактическими доказательствами то мнѣніе, которое уже очень многіе мыслящіе люди составили себѣ о Пушкинѣ и о всѣхъ поэтахъ и художникахъ его школы. Теперь это дѣло сдѣлано; въ такъ называемомъ великомъ поэтѣ я показывалъ моимъ читателямъ легкомысленнаго версификатора, опутаннаго мелкими предразсудками, погруженнаго въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній и совершенно неспособнаго анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка. Если, паче чаянія, наши литературные противники представятъ мнѣ какія нибудь дѣльныя возраженія, то я возвра-

ищу къ вопросу о Пушкинѣ и разберу эти возраженія подробно и обстоятельно. Если же—въ чемъ я почти не сомнѣваюсь,—обожа-тели Пушкина отвѣтятъ мнѣ только скромнымъ молчаніемъ или бевсильными воплями комическаго негодованія, то читающая публика увидитъ ясно, безъ всякихъ дальнѣйшихъ толкованій, полную ветхость того кумира, предъ которымъ, по старой привычкѣ и по обязанности службы, преклоняется до сихъ поръ все наше пишущее филистерство.—Въ заключеніе этой статьи, я скажу еще нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ. Я уже показалъ читателямъ, какимъ образомъ въ этомъ сильномъ умѣ происходила упорная борьба между реализмомъ и эстетикою. Я цитировалъ какъ тѣ мнѣнія Бѣлинскаго, въ которыхъ я соглашаюсь съ нимъ, такъ и тѣ, которыя всякаго мыслящаго реалиста заставятъ улыбнуться и пожать плечами. Но до сихъ поръ, въ обѣихъ моихъ статьяхъ, мнѣ приходилось гораздо чаще опровергать Бѣлинскаго, чѣмъ соглашаться съ нимъ; это обстоятельство можетъ дать о Бѣлинскомъ ложное понятіе тѣмъ читателямъ, которые мало знакомы съ его сочиненіями. Поэтому, я считаю не лишнимъ дорисовать здѣсь ту сторону этой уважаемой личности, которую я поневолѣ долженъ былъ оставить въ тѣни, пока я возился съ усыпительными твореніями Пушкина. Я приведу изъ статей Бѣлинскаго нѣсколько выписокъ, характеризующихъ его взгляды на тѣ вопросы, за прямое и откровенное рѣшеніе которыхъ реальная критика подвергается до сихъ поръ самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Бѣлинскій о любви или, какъ онъ выражается, о романтизмѣ нашего времени: «Любовь зависитъ отъ сближенія, а сближеніе отъ случайности. Не удалось здѣсь,—удастся тамъ; не сошлись съ одною, сойдется съ другою. Это опять не значитъ, чтобъ можно было полюбить или не полюбить по волѣ своей: это значитъ только то, что если каждый можетъ любить только известный идеалъ, то никогда никакой идеалъ не является въ мірѣ въ одномъ экземплярѣ, но существуетъ въ большемъ или меньшемъ числѣ видоизмѣненій и оттѣнковъ. Нашъ романтизмъ хлопочетъ не о томъ, однажды или дважды должно и можно любить въ жизни, но о томъ, чтобы не разбить другого предавшагося вамъ сердца и не быть причиною несчастья его жизни... Одинъ такъ, другой иначе; тотъ одинъ разъ въ жизни, а этотъ—десять разъ: оба равно правы, лишь бы только на совѣсти котораго нибудь изъ нихъ не легло ничье несчастье». (Т. VIII, Стр. 193). Бѣлинскій говоритъ: «не сошлись съ одною, сойдется съ другою», а Базаровъ говоритъ: «нельзя, ну и не надо; земля не клиномъ

созналась. Предоставляю читателю судить о томъ, велика ли разница между обвини формулами.

«Вѣрность, говорить Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ, перестаетъ быть долгомъ; ибо означаетъ только постоянное присутствіе любви въ сердцахъ: нѣтъ болѣе чувства—и вѣрность терлетъ свой смыслъ; чувство продолжается—вѣрность опять не имѣетъ смысла, ибо что за услуга быть вѣрнымъ своему счастью?» (Т. VIII. Стр. 173). Приглашаю тѣхъ господъ, которые возмущались безнравственностью *эпопей о белой Аратіи*, направить свое великодушиное негодование противъ Бѣлинскаго.—А вотъ какъ Бѣлинскій трактуетъ вѣрнаго рыцаря Тоггенбурга. «Подлинно — рыцарь печальнаго образа.. Какъ жаль, что Шиллеръ воскресилъ его не совсѣмъ въ пору да во время! Сердца холодныя и разочарованныя, души жестокия и прозаическія, мы жалѣемъ объ этомъ рыцарѣ, но не какъ о человѣкѣ, постигнутомъ рокомъ и несущемъ на себѣ тяжкое бремя *дѣйствительно* несчастья, а какъ о сумасшедшемъ». (Стр. 190): Рѣдительно *les beaux esprits se rencontrent*: Вазаровъ положительно удивлялся тому, что Тоггенбурга не посадили въ сумасшедшій домъ. Послѣ этого, опираясь на свидѣтельство Бѣлинскаго, осмѣлюсь спросить: неужто, въ самомъ дѣлѣ, съ моей стороны было неслыханною дерзостью назвать *добрякомъ* того поэта, у котораго достало добродушія на то, чтобы воспѣвать чувствительными стихами огорченія сумасшедшаго человѣка?—Вотъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, что долженъ дѣлать человѣкъ въ томъ случаѣ, если любимая имъ osoba полюбила другого. «Въ такомъ случаѣ естественно, что ея внезапно къ нему охлажденія онъ не приметъ за преступленіе или такъ называемую на языкѣ пошлыхъ романовъ *незавѣность*, и еще менѣе согласится принять отъ нея жертву, которая должна состоять въ ея готовности принадлежать ему даже и безъ любви и для его счастья отказаться отъ счастья новой любви, можетъ быть, бывшей причиною ея къ нему охлажденія. Еще болѣе естественно, что въ такомъ случаѣ ему остается сдѣлать только одно—со всѣмъ самоотверженіемъ души любящей, со всею теплою сердца, постигшаго святую тайну страданія, благословить *ею* или *ее* на новую любовь и новое счастье, а свое страданіе, если нѣтъ силъ освободиться отъ него, глубоко скоронить отъ всѣхъ, и въ особенности отъ *него* или отъ *нея*, въ своемъ сердцѣ.» (Т. VIII. Стр. 463). Прочитавши эти строки, можно представить себѣ, съ какимъ глубокимъ и сознательнымъ уваженіемъ отнесся бы Бѣлинскій къ характеру и поступку Лопухова, и какую вдохновенную критическую статью написалъ бы онъ по поводу того ро-

маня, на который такъ упорно и такъ тупо клеветали солидные люди нашей литературы. Изъ этого романа Бѣлинскій узналъ бы впрочемъ, что фантастическое и неправдоподобное *самоотверженіе* замѣняется въ подобныхъ случаяхъ, совершенно удовлетворительно, разумнымъ эгоизмомъ или правильнымъ пониманіемъ собственной выгоды. — А вотъ мысли Бѣлинскаго о ревности вообще и объ Отелло въ особенности: «Въ образованномъ человѣкѣ нашего времени шекспировъ Отелло можетъ возбуждать сильный интересъ, но съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, что эта трагедія есть картина того варварскаго времени, въ которое жилъ Шекспиръ и въ которое мужъ считался полновластнымъ господиномъ своей жены; всякій же образованный человѣкъ нашего времени только разсмѣется отъ новыхъ Отелликовъ, въ родѣ Марселя въ пелѣпой повѣсти Эжена Сю, «Крао» и безыменнаго господина въ отвратительной повѣсти Дюма: «Уне Vengeance». Но люди, которымъ нужно доказывать, что въ наше время кинжалы, яды и даже пистолеты, вслѣдствіе ревности, суть ничто иное, какъ пошлые театральные эффекты или результаты болѣзненнаго безумія, животнаго эгоизма и дикаго невѣжества, — такіе люди не стоятъ того, чтобъ тратить на нихъ слова». (Стр. 464). Это мѣсто я привожу для тѣхъ господъ, которые въ прошломъ году были очень озадачены моимъ замѣчаніемъ на счетъ Отелло, помѣщеннымъ въ статьѣ: «Мотивы русской драмы». — Наконецъ, вотъ вамъ еще слова Бѣлинскаго о родительской власти: «Если-бъ отецъ нашего времени сталъ отнимать у сына счастье его жизни, на основаніи собственныхъ корыстныхъ расчетовъ, — всѣ бы увидѣли, что отецъ любитъ себя, а не сына, и тѣмъ самымъ уничтожаетъ свои права надъ нимъ: ибо если нѣтъ любви, связывающей отца съ дѣтьми, то у дѣтей нѣтъ отца». (Стр. 195). Коротко и ясно! Это мѣсто я рекомендую тому жалкому пигмею, который обвинялъ Помяловскаго въ стремленіи возстановлять дѣтей противъ родителей. Словомъ, на всѣхъ пунктахъ, кромѣ эстетики, наши противники, нападая на насъ, нападаютъ въ то же время и на Бѣлинскаго, котораго они совершенно не кстати *обземаютъ* своимъ учителемъ.

Д. Шкаревъ.

ПРУДОНЪ О ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

(Les démocrates assermentés et le Peuple)

Умеръ Прудонъ, — и надъ могилой великаго мыслителя смогла клевета и злоба враговъ его. Въ порывѣ невольнаго раскаянія, они сами отдали долгъ справедливости поборнику правды и признали его честнымъ, примѣрнымъ гражданиномъ и гениальнымъ писателемъ, которымъ должна гордиться Франція, забывъ его увлеченія.

Прудонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ мыслителей, которые до послѣдней минуты вѣрятъ въ силу идеи и торжество правды, не смотря на повальное разстройство ума и сердца. Онъ зналъ хорошо то общество, въ которомъ жилъ и трудился неутомимо. Онъ видѣлъ разложеніе этого общества, наблюдалъ, изучалъ, раскрывалъ всѣ его язвы и указывалъ на нихъ не со смѣхомъ, а съ выраженіемъ искреннаго, глубокаго страданія. Правда, изъ груди его вырывалось, по временамъ, проклятiе современникамъ. Правда, бессмысліе, лицемеріе, развратъ мысли и чувства, наглое хвастовство порока такъ сильно возмущали его, что потрясали въ немъ подчасъ вѣру въ человѣка. — Но и тутъ, въ припадкѣ отчаянія, онъ восклицалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, Франція не погибнетъ такой жалкой смертью: въ этомъ гниющемъ трупѣ шевелится что-то человѣческое. Клянусь—онъ можетъ еще возродиться къ новой жизни!»

Прудонъ горячо любилъ Францію и, какъ природный французъ признавалъ ее первой страной въ мірѣ, которая одна только и способна вести всѣ народы путемъ прогресса. Но патриотизмъ Прудона былъ, однако, не по душѣ его соотечественникамъ, особенно же демократамъ. Эти друзья народа не считали Прудона своимъ братомъ и всегда смотрѣли на него, какъ на неисправимаго мизантропа, который старался только разъединять людей и разжигать взаимную

вражду партій. Умственная гордость, дѣйствительно, мѣшала Прудону сближаться съ тѣми демократами, которые, по его убѣжденію, способны только развращать народный смысл своими бессмысленными политическими фантазіями. Вотъ почему онъ такъ строго судилъ вообще о демократіи и такъ беспощадно клеймилъ ея представителей.

«Съ своей обычной строгостью, говоритъ демократъ Моренъ, Прудонъ отталкиваетъ, осуждаетъ и позоритъ всѣхъ, кто не раздѣляетъ его крайнихъ убѣжденій. Луи Бланъ, Гарibaldi, Линкольнъ, всѣ народные любимцы подвергаются его гнѣву и проклятію. Мало того: онъ бичуетъ не только передовыхъ людей, но даже лучшихъ, заманчивыя идеи своего вѣка. Демократія проповѣдуетъ, на примѣръ, *рабочія ассоціаціи*. Прудонъ безусловно отвергаетъ ихъ и увѣряетъ, что, внѣ его системы, онѣ только пагубны. «Дѣйствуя по общему плану экономической анархіи, эти ассоціаціи, говоритъ онъ, составляютъ маленькія шайки, организованныя для борьбы съ большими промышленными компаніями и при томъ съ цѣлью существовать на счетъ послѣднихъ». Демократія указываетъ на бѣдственное положеніе французской прессы, а Прудонъ восклицаетъ: «Пресса безсовѣстна; продажна. Тысяча лѣтъ тюремнаго заключенія и сто милліоновъ штрафа не выкупятъ всѣхъ преступленій печати со 2 декабря». Демократія исповѣдуетъ свободу внѣшней торговли. Въ глазахъ же Прудона, «свободная торговля — экономическій подлогъ и заговоръ противъ рабочаго народа». Короче, внѣшней ни одной демократической идеи, которую бы Прудонъ ни объявлялъ нелѣпой, гнусной и вредной. Надо полагать, что этотъ краснорѣчивый критикъ не отдаетъ себѣ отчета въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ и идеяхъ. — Иначе онъ не относился бы въ нимъ съ такой беспощадной пропойей, съ такимъ убійственнымъ сарказмомъ. Прудонъ много напумѣлъ и обратилъ общее вниманіе на современные вопросы. Этими онъ оказалъ огромную услугу обществу. Какъ бы ни были крайни его идеи, онѣ все таки способствовали развитію человѣческой мысли». (Гг. Мокіи.)

Такъ судятъ о Прудонѣ тѣ самые демократы, которымъ онъ объявлялъ непримиримую вражду еще въ 1857 году, потому что увидѣлъ въ нихъ враговъ истиннаго прогресса. «Долой маски, съ жаромъ восклицалъ онъ, я васъ знаю, лицемеры демократіи! Васъ занимаетъ только спекуляція демократическими фразами; вы играете, такъ сказать, на повышение курса стараго якобинства. Банкъ политической агітаціи даетъ вамъ хорошіе проценты; и потому вы такъ много клеветаете на тѣхъ, кто не хочетъ играть съ вами въ

одну игру!—Съ людьми я могу еще примириться, но съ партіями никогда. И такъ, клеветите, прихвостники Робеспьера, овиофанты революціи, выродки Лойблы, клеветите, но не затывайте ушей, когда я говорю съ вами!

По мнѣнію Прудона, современная французская демократія глядитъ не впередъ, а назадъ; вотъ почему онъ считаетъ ее неспособной понимать смыслъ прогресса и увѣренъ, что она мѣшаетъ только народу выйти изъ круга политическихъ революцій на широкій путь экономическаго развитія. Прудонъ придавалъ огромное значеніе вопросамъ общественной экономіи, которые онъ изучалъ съ особеннымъ вниманіемъ. Многие ставили ему въ упрекъ это пристрастіе къ экономической наукѣ и старались доказать, что общественныя реформы требуютъ политическихъ мѣръ, а не организаціи кредита и т. п. — «Нѣтъ, говорилъ Прудонъ, я остаюсь при томъ непоколебимомъ убѣжденіи, что экономическіе вопросы должны стоять на первомъ планѣ. Кредитная реформа — самый могущественный рычагъ прогресса XIX вѣка».

Изъ этихъ словъ, однако, вовсе нельзя выводить заключенія, что Прудонъ не признаетъ другихъ условій для умственного, нравственнаго и матеріальнаго улучшенія людей.

Прудонъ вѣрилъ въ прогрессъ, какъ самоискупленіе человѣчества отъ пороковъ, преступленій, невѣжества и нищеты. Никто изъ философовъ не сознавалъ яснѣе его идеи прогресса; никто и не утверждалъ этой идеи съ такой страстью, съ такимъ неподдѣльнымъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Не цивилизація XIX вѣка, не современное состояніе европейскаго общества, не направленіе его политической, гражданской или экономической жизни, которая со дня на день дѣлается несноснѣе, побуждали Прудона провозглашать прогрессъ. Нѣтъ, въ настоящемъ положеніи западной Европы онъ видѣлъ только разложеніе, гніеніе и смерть. Всякое возрожденіе, обновленіе требуетъ предварительно смерти, а потому старая цивилизованная Европа должна прежде отжить и разложиться, чтобы потомъ уже возродиться въ новыхъ поколѣніяхъ для прогресса и лучшей жизни.

«Намъ же, возмущалъ Прудонъ, намъ, провозвѣстникамъ прогресса, нечего ожидать въ настоящемъ; оно насъ отлучаетъ, а будущее грозитъ забвеніемъ. Сколько изъ насъ погибаетъ — и никто не оплакиваетъ нашей злосчастной доли. Та самая толпа, которой мы пролагаемъ путь къ прогрессу, равнодушно или презрительно проходитъ мимо насъ и топчетъ наши могилы. Пусть идетъ... *Впередъ, впередъ!* — вотъ нашъ лозунгъ, наша вѣра, нашъ фанатизмъ».

тнать. Правда, мы падѣмъ всѣ одинъ за другимъ, падѣмъ всѣ до послѣдняго; но наши усилія не пропадутъ даромъ. Наука соберетъ плоды нашего геройскаго отрицанія, а потомство, забывши насъ и наше самоотверженіе, насладится тѣмъ счастьемъ, котораго намъ не доставало. Пусть же настоящее насъ отвергаетъ; это отверженіе придаетъ намъ силу, и безъ него мы были бы ничтожны и бесполезны.»

Прудонъ вѣрилъ не только въ прогрессъ человѣчества, но и въ совѣсть человѣка, какъ залогъ этого прогресса. Совѣсть, говоритъ онъ,—чувство правды, чувство реальное и неискоренимое, которое не поддается обаянію лжи и не уничтожается эгоизмомъ и страстями. Самое глубокое невѣжество, самое отчаянное искаженіе мыслительныхъ способностей, самая искусная ложь и софистика, которую даже трудно обнаружить и доказать, самая сильная и ослѣпляющая страсть, — ничто не можетъ убить въ человѣкѣ совѣсти, какъ чувства правды. Нельзя построить дома противно механическому закону равновѣсія или статики; нельзя и человѣку въ своихъ поступкахъ отрѣшиться отъ чувства правды и заглушить голосъ совѣсти. Поступая противъ совѣсти, каждый изъ насъ, неизбежно, чувствуетъ свое нравственное паденіе. Мы можемъ ошибаться, заблуждаться: это наше право и условіе нашего умственного развитія. Но поступать недобросовѣстно и не сознавать этого—мы такъ же не можемъ, какъ не можемъ не чувствовать боли отъ ушиба и вообще физическаго поврежденія.

Чувство правды лежитъ въ основаніи лучшихъ сочиненій Прудона и его отрицаній. Желая разъяснить или разрѣшить какойнибудь вопросъ общественной жизни, онъ сперва прислушивался къ голосу своей совѣсти, а потомъ уже смѣло и страстно высказывалъ свое мнѣніе, не обращая вниманія на то, что оно можетъ противорѣчить общепринятымъ понятіямъ или предразсудкамъ. Въ этомъ подчиненіи мысли голосу совѣсти, въ этомъ глубокомъ сознании ея непоколебимости и кроется тайна той страшной критики, которою Прудонъ громилъ и уничтожалъ завѣтные преданія и модныя теоріи, порожденныя обманомъ, насиліемъ, лицемеріемъ и низостью чувства. И вотъ за эту добросовѣстность въ сужденіи и не прощали ему противники и старались опозорить его названіемъ «софиста!» Удары, которые онъ наносилъ, не забывались, не прощались, потому что были сильны, мѣткі и падали не только на голову, но и на сердце. Притомъ, съ Прудономъ нельзя было вступать въ бой, прикрываясь маской: онъ всегда срывалъ ее и не давалъ пощады трусамъ и лицемерамъ.

Прудона считаютъ геніальнымъ критикомъ, который только отрицалъ, но ничего не создавалъ. Дѣйствительно, вся сила Прудона въ отрицательной критикѣ и въ неподражаемомъ анализѣ современныхъ идей и явленій. Все, что только попадалось подъ его крѣпкую, крестьянскую руку, все трещало, ломалось и разбивалось въ дребезги. Не взирая на скрежетъ зубовъ и крики негодованія и ужаса, онъ безстрашно разсѣкалъ все общество, какъ трупъ, и производилъ надъ нимъ самыя поучительныя наблюденія. Его критика и отрицаніе завѣтныхъ вѣковыхъ заблужденій, вымышленныхъ ученій, системъ и теорій, которыми жило до сихъ поръ общество, — ничто иное, какъ ликвидація умственно-недвижимыхъ имуществъ. Самые дорогіе клады французской мнимой демократіи, — и тѣ откапывалъ Прудонъ, разсматривалъ ихъ внимательно, доказывалъ совершенную ихъ негодность и швырялъ въ общій потокъ, куда стекаются всѣ умственные нечистоты.

«Отрицать, безпрестанно отрицать, говорилъ Прудонъ, — вотъ настоящій философскій методъ, которому я слѣдую неуклонно. Мой основной принципъ — отрицаніе всякой предвзятой, бездоказательной мысли, всякой гипотезы. — Цѣль этого отрицательнаго метода состоитъ въ томъ, чтобы возвышать постоянно человѣческую свободу надъ ея собственными созданіями, учрежденіями и формами, которыя она на себя налагаетъ. Только этотъ методъ и можетъ спасти свободу отъ всякаго рабства внутренняго и ви́шняго и дать ей безконечное, непрерывное развитіе.

«Такое отрицательное направленіе, конечно, должно показаться противнымъ моимъ современникамъ, тѣмъ болѣе, что и образованіе не подготовило ихъ къ нему. Вотъ почему я нисколько не удивляюсь, что мои экономическіе взгляды возбуждаютъ столько антипатіи и недовѣрія. — Человѣкъ, который въ своихъ «*Contradictions économiques*» все отрицаетъ, можетъ, въ самомъ дѣлѣ, показаться чудовищемъ. Какъ вообразить человѣка все отрицающаго?... И если доводы этого неумоимаго критика такъ неопровержимы, что невольно убѣждаютъ всякаго; если, притомъ, въ его анализѣ общественной жизни, само общество логически опровергаетъ и отрицаетъ себя на всѣхъ пунктахъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; если, наконецъ, въ этомъ страшномъ анализѣ все, что казалось прежде живымъ, обращается въ ничто, — то нѣтъ ничего удивительнаго, что критикъ возбуждаетъ противъ себя общественное мнѣніе и, указывая повсюду на смерть, становится въ глазахъ каждаго образомъ самой смерти.

«Теперь пришла пора убѣдиться, кто ошибался — отважный ли

критикъ, который рѣшился сказать своимъ современникамъ: вы идете вверхъ ногами и вспять; вамъ надо перевернуться и, въ то же самое время, пойдти впередъ,—или толпа, которой все представляется въ обратномъ видѣ, и потому она считаетъ стѣмашедшимъ того, кто смотритъ на все прямо.»

Такъ говорилъ Прудонъ въ 1848 году, въ самый разгаръ февральской революціи, глядя на безсмысліе мѣщанской демократіи, которая осыпала его насмѣлками, позорила клеветой и старалась всѣми силами уронить его въ глазахъ народа.—«А, великіе политики!—воскликала тогда Прудонъ, обращаясь къ своимъ противникамъ,—вы показываете грозный кулакъ капиталу, а сами стоите передъ нимъ на колыняхъ! Вы желаете истребить ростовщиковъ, евреевъ, *царей эпохи*, а сами обожаете золотого тельца!—Вѣрьте мнѣ, граждане-диктаторы, вамъ придется помириться съ лихонимцами. Откажитесь поскорѣе отъ вашего терроризма, будьте искренними консерваторами и не лицежрьте во имя народа. Ваше настоящее дѣло—реакція; болѣе ничего вамъ не придумать, потому что вы не понимаете дѣйствительныхъ желаній народа и не хотите вовсе понимать ихъ. То, что вы называете голосомъ народа,—не его голосъ, а ревъ бѣшеной толпы, которая такъ же, какъ и вы, не сознаетъ народной мысли. Народъ не составляетъ партій, не раздѣляется на секты; а вы служите интересамъ партій, слѣдовательно, дѣйствуете не въ пользу народа, а противъ него... Консерваторы, вы считаете себя ловкими политиками и не замѣчаете того, что вы слѣпы и водите за носъ слѣпыхъ. Вотъ почему я предсказываю вамъ жалкій конецъ. Вы обманываете народъ и за это онъ откажется отъ васъ.»

Предсказанія Прудона сбылись. Мѣщанская демократія во Франціи доказала вполне свое безсмысліе и безуміе. Съ 1848 года она утрачиваетъ социальное значеніе и доводитъ народъ до того, что онъ жертвуетъ ею для восстановленія имперіи. Горько было Прудону смотреть на несостоятельность этой демократіи, которая взялась вести народъ къ свободѣ и такъ жестоко обманула его надежды. «Прошлаго не воротити! говорилъ Прудонъ еще въ 1850 году. Къ чему сожалѣніе? Пусть старая Франція умираетъ, если того хотятъ ея представители - демократы, если они считаютъ себя призванными похоронить и отпѣть ее. Пусть же французскій народъ научится, наконецъ, спасать самого себя, безъ помощи незваныхъ друзей!»

II.

Прудонъ вѣрилъ въ свой народъ и презиралъ демократію, пото

му что понималъ, какъ мало она имѣетъ общаго съ народомъ и какъ мало сочувствуетъ его стремленіямъ. Это презрѣніе онъ заявилъ въ 1848 году и, съ тѣхъ поръ, до самой смерти, не переставалъ обличать лицемѣріе такъ называемыхъ «господъ демократовъ» *Messieurs les démocrates*, которые пытались напомнить народу о своемъ существованіи и снова снискать его расположеніе и довѣріе. Для достиженія этой цѣли, большинство ихъ, пользуясь популярностью Наполеона III, объявило себя бонапартистами, а меньшинство—извѣстныя, но жалкіе герои 1848—50 г., захотѣли попасть въ законодательное собраніе и составить либеральную *законную оппозицію* противъ императорскаго правительства. Какъ та, такъ и другая демократическая партія по прежнему обманывали народъ, потому что заботились не о немъ, а объ интересахъ буржуазіи, къ которой принадлежали по происхожденію, воспитанію и политическимъ убѣжденіямъ. Но почему демократы, защитники и представители буржуазіи принуждены были заискивать довѣріе народа и лицемѣрить передъ нимъ? Этотъ вопросъ разрѣшается тѣмъ, что, съ февраля 1848 года, Франція ввела у себя всеобщую подачу голосовъ и народъ сталъ принимать прямое участіе на выборахъ. Такимъ образомъ, волею неволей, французская демократія, желая играть политическую роль, должна была льстить народу и притворно завѣрять его въ своей преданности его интересамъ.

Въ 1852 году, на первыхъ выборахъ въ законодательное собраніе, демократы отказались вступить въ него на томъ основаніи, что императорская конституція требовала отъ нихъ присяги. Въ этомъ случаѣ они вели себя, какъ слѣдовало искреннимъ демократамъ. Прошло пять лѣтъ и демократія сняла съ себя маску: на выборахъ 1857 года не было уже и помнни объ отказѣ присяги на конституцію и преданность наполеоновской династіи. Пятеро красныхъ демократовъ, не краснѣя, вступили тогда въ законодательное собраніе и поклялись всенародно служить вѣрой и правдой на славу второй имперіи.—*«Цѣль оправдываетъ средства»*, разсуждали демократы, подражая иезуитамъ. Если мы желаемъ воскресить народъ, вызвать его къ политической жизни, напомнить ему о забытой свободѣ, то намъ слѣдуетъ воспользоваться всѣми средствами, какія даетъ императорская конституція. Заставимъ же несчастный народъ признать насъ представителями своихъ интересовъ, защитниками своей свободы! Пусть онъ пошлетъ насъ въ законодательное собраніе: мы охотно дадимъ ложную клятву, лишь бы только сдѣлаться законодателями и заявить свою оппозицію правительству». — Такъ говорили народу несправимые демократы, подмигивая буржуазіи,

которая очень хорошо понимала, что вся эта политическая комедія разыгрывается для ея бенефиса, то есть, возстановленія мѣщанской монархіи.

Прудонъ; зорко слѣдившій за дѣйствіями лицемѣрной демократіи, рѣшился, наконецъ, объявить свой разрывъ съ нею, и въ 1863 году напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: «Присяжные демократы» (*Les démocrates assermentés*). Цѣль этой брошюры состояла въ томъ, чтобы доказать, во-первыхъ, какъ искажился во Франціи смыслъ учрежденія всеобщей подачи голосовъ, а во-вторыхъ, какъ необходимо честному гражданину отказаться отъ такого избирательнаго права, которымъ нельзя пользоваться свободно, безъ всякаго насильственнаго вліянія. При настоящемъ искаженіи выборной системы во Франціи, долгъ каждаго избирателя—молчать, молчать и молчать, до тѣхъ поръ, пока свободная подача голосовъ не будетъ дѣйствительно свободна отъ всякаго ограниченія, полицейскаго прозвона и насилія. По мнѣнію Прудона, избиратели должны сказать правительству Наполеона III: «мы готовы пользоваться политическими правами и выбирать своихъ представителей въ законодательное собраніе. Но при той полицейской опекѣ, которая лишаетъ насъ свободной печати и сходовъ, мы не можемъ добросовѣстно вотировать. Намъ приходится молчать или, подавая голосъ, лгать, обманывать народъ, власть и самихъ себя, извращать принципы 89 года и значеніе всеобщихъ выборовъ и посягать на честь Франціи и ея судьбу.—*Non possumus!* отвѣчали папы на вызовы императоровъ и королей. *Non possumus*, не можемъ подавать голоса и выбирать своихъ депутатовъ,—такъ должны отвѣчать правительству избиратели-демократы, если они болѣе другихъ дорожатъ своимъ достоинствомъ и народными интересами.

Не такъ разсуждали демократы. «Народъ, говорили они, бросился на выборы; онъ желаетъ, во что бы то ни стало, заявить свою волю и его нельзя уже удержать отъ этого заявленія никакими доводами. Вотъ почему намъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, стать его руководителями на выборахъ и обратить его на путь истины. Пусть его выборъ падетъ на насъ, демократовъ, а не на реакціонеровъ и консерваторовъ.—«Вздоръ! восклицалъ Прудонъ. Я не вѣрю, что народъ увлекся выборомъ. Если это, наконецъ, и правда, если онъ дѣйствительно, сломя голову, бросается на выборы и вы не въ силахъ образумить его, то отдѣлитесь смѣло отъ этой бессмысленной толпы! Не смущайтесь; пусть она голоситъ, назначаетъ своихъ кандидатовъ и заставляетъ ихъ брататься съ представителями буржуазіи и администраціи. Обрекайте себя смѣло на это добровольное отлу-

ченіе отъ толпы, спасайте себя отъ лицемѣрія и лжи, гоните прочь вѣроломныхъ наушниковъ черни и работайте безъ усталы надъ образованіемъ новой честной демократіи. За вами останется правда! У васъ идея, сила и жизнь, у васъ все, что нужно для побѣды. Послѣ минутнаго пораженія, васъ ждетъ торжество: вы люди народнаго спасенія и, рано или поздно, та самая толпа, которая васъ не слушала, станетъ просить на колѣняхъ прощенія за свою измѣну.

«Демократы, заключаетъ Прудонъ, я говорю съ вами безъ задней мысли, потому что расхожусь съ вами и не ищущу сближенія. Развѣ я не могъ бы радоваться и рукоплескать, глядя на то, съ какимъ безчестіемъ и позоромъ вы топите себя въ грязной лужѣ выборовъ?... Но, искренно говоря, меня нисколько не утѣшаетъ ваше нравственное паденіе, и я вовсе не намѣренъ вырывать изъ вашихъ дряблыхъ рукъ то знамя народнаго представительства, которое вы не могли удержать. Нѣтъ, вы должны, кажется, знать, что я — человекъ въѣвъ принциповъ и логики: мои занятія вполнѣ удовлетворяютъ моему честолюбію. Награда моя будетъ велика, если мнѣ удастся ускорить торжество народной мысли. Въ этомъ отношеніи, я могу сказать даже, что служу общему дѣлу гораздо лучше васъ и приношу болѣе пользы вамъ самимъ, сохраняя свою независимость и не сближаясь съ вами, демократами».

Прудонъ никогда не пользовался особеннымъ расположеніемъ французской демократіи. Сначала она его не понимала и потому не довѣряла ему; а затѣмъ, когда онъ доказалъ ея политическое шарлатанство, то она стала смотрѣть на него, какъ на самаго опаснаго врага. Вотъ чѣмъ объясняется то ожесточеніе, съ которымъ нападали пресловутые демократическіе журналы и газеты, въ родѣ: «L'Opinion nationale», «le Siècle» и т. п., на его политическія брошюры объ Италіи и Польшѣ. Но если у Прудона не было друзей между «господами демократами», покорными слугами сытой буржуазіи, за то его уважали и любили лучшіе представители рабочаго класса, которому онъ посвятилъ свою трудовую жизнь. Прудонъ родился пролетаріемъ и умеръ пролетаріемъ, въ крайней бѣдности. Онъ не льстилъ рабочему классу, не былъ его наушникомъ и не искалъ популярности, какъ прочіе демократы. Обращаясь съ работниками, какъ съ равными, онъ высказывалъ имъ самую горькія истины и старался возвышать ихъ достоинство не прославленіемъ ихъ добродѣтелей, а строгимъ порицаніемъ тѣхъ слабостей и пороковъ, которые мѣшали ихъ умственному и нравственному развитію. Недобросовѣстные демократы, лицемѣрно угождавшіе на-

роду, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выставить Прудона не только пугаломъ буржуазіи, но и бездушнымъ теоретикомъ, который способенъ даже издѣваться надъ бѣдствиями пролетаріата. Рабочіе, однако, не ошибались въ Прудонѣ: не взирая на клевету его ловкихъ враговъ, они видѣли въ немъ непоколебимаго защитника народныхъ интересовъ и бойца за правду.

Въ 1849 году, парижскіе работники послали Прудона въ національное собраніе. Тамъ онъ имѣлъ случай познакомиться съ представителями мѣщанской демократіи и доказать имъ, что они ничего не смыслятъ въ социальныхъ вопросахъ, а желаютъ только отдѣлаться отъ нихъ пошлыми законодательными выдумками и обмануть надежды пролетаріа. «Вы не друзья рабочаго народа, даже не его повѣренныя, но адвокаты буржуазіи, защитники ея интересовъ. Я вамъ доказалъ это. Между мной, пролетаріемъ и вами, господами, нѣтъ ничего общаго: я за рабочихъ, а вы за буржуа, я за трудъ и его права, а вы за привиллегіи капитала.» Такъ говорилъ Прудонъ демократамъ въ іюлѣ 1849 года, и все національное собраніе единогласно осудило его смѣлую и правдивую рѣчь. Озлобленные демократы готовы были растерзать его.

Въ 1852, 57 и 64 годахъ, городскіе рабочіе хотѣли назначить Прудона депутатомъ въ законодательный корпусъ. Онъ отказался отъ этой чести, потому что считалъ неумѣстнымъ свое присутствіе среди интригановъ разныхъ партій, которымъ нѣтъ дѣла до народныхъ интересовъ. Могъ ли онъ, притомъ, послѣдовать примѣру демократовъ и присягнуть съ ними на конституцію, съ цѣлью измѣнить затѣмъ своей присягѣ? И что за польза, наконецъ, отъ подобной безсовѣстности?!

Вотъ что, между прочимъ, за мѣсяцъ до своей смерти, писалъ Прудонъ работникамъ Парижа и Руана, которые обращались къ нему за совѣтомъ касательно того, какъ слѣдуетъ имъ вести себя на выборахъ.

«До чего дошла теперь французская демократія, которая, по наущенію нѣсколькихъ честолюбцевъ, вдругъ вообразила, что посредствомъ лживой клятвы она одержитъ рядъ блистательныхъ побѣдъ? Какое же мы отпраздновали торжество? Что мы завоевали? Какой новой и здравой мыслью освѣтилась наша политика? Чего путнаго добились наши адвокаты въ теченіе полуторагода и какую пользу принесла ихъ болтовня? Развѣ мы не были очевидцами ихъ постоянныхъ пораженій и паденій? Развѣ мы не видѣли, какъ, въ остѣпленіи вздорнаго парламентаризма, они поддались ораторамъ правительства и были разбиты на всѣхъ вопросовъ пунктахъ? И не-

давно еще, когда ихъ потребовали въ суду за противозаконную сходку и заставили объясниться передъ властью и лицомъ всего народа,—развѣ они не были пристыжены и унижены во имя той самой законности, которую навязывали намъ и проповѣдывали? Какія жалкія интриги! И какое жалкое оправданіе! Судите сами.—Развѣ, послѣ всѣхъ шумныхъ споровъ въ законодательномъ корпусѣ, мы не можемъ, наконецъ, утверждать, что у нашихъ представителей, въ сущности, тѣ же самыя идеи, стремленія и та же политика, какъ и у правительства?

«И такъ, съ нашей молодой демократіей случилось то же, что и со старымъ либерализмомъ, съ которымъ ее стараются отождествить: они уже не отъ міра сего. Истина, право и свобода не на ихъ сторонѣ».

Современное состояніе Франціи незавидно. Со времени первой революціи, въ продолженіе семидесяти-пяти лѣтъ, собственно говоря, она не начинала еще жить сознательной политической жизнью. Она мечется, волнуется и затѣмъ въ изнеможеніи падаетъ и теряетъ самосознаніе. Постоянная борьба старыхъ и новыхъ идей и учрежденій кружитъ головы французамъ, и они сами, наконецъ, не понимаютъ, что дѣлать, за что взяться, въ чему стремиться. Отъ этого непониманія настоящей цѣли политической жизни и происходитъ тотъ общественный разладъ, тотъ упадокъ народнаго духа, который замѣчается во Франціи, особенно въ настоящее время. Пресловутая демократія оказывается совершенно неспособной оживить общество: въ ней нѣтъ ни политическаго смысла, ни гражданскаго мужества; короче — она деморализована до мозга костей

Послѣдніе выборы во Франціи были повтореніемъ прежнихъ:—интригой завязались одни, интригой кончились и другіе выборы. Чего хотѣлось интриганамъ, то и дѣлали избиратели, и какъ въ первый разъ — безъ спора и разбора. Какъ и прежде, толпа съ увлеченіемъ бросилась на баллотировку; какъ и прежде, рабочія кандидатуры были принесены въ жертву кандидатамъ буржуазіи; какъ и прежде, наконецъ, рѣшенные выборы были выраженіемъ одной лишь народной опрометчивости; сами по себѣ эти выборы не выражаютъ ничего. Какой въ нихъ смыслъ?!

И такъ, выйдемъ изъ этой арены всеобщей подачи голосовъ.

Но если, однако, на выборахъ 1863—64 г. рабочій народъ впервые заявилъ свою волю; если, по этому случаю, онъ пробормоталъ свою мысль; если намъ извѣстенъ, притомъ, интересъ, которымъ одушевлено сельское населеніе; если оно съ почину одержало боль-

шую побѣду и, въ то же самое время, сдѣлало большую ошибку, то начнемъ съ того, чтобы доказать этому чернорабочему народу послѣдствія его пробнаго почина. Такъ говорить Прудонъ.

I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ СУДЪ ИСТОРИИ НАДЪ 1864 ГОДОМЪ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ СОСТОЯНІЕ. ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОППОЗИЦІЯ ОДИНАКОВО НЕ СОЗНАЮТЪ ЭТОГО СОСТОЯНІЯ.

Неужели народы осуждены, въ самомъ дѣлѣ, на долгое бессознательное существованіе? Или уроками исторіи можетъ пользоваться одно лишь потомство? Кто изъ насъ осмѣлится сказать теперь, что вѣрять всеобщей подачѣ голосовъ?—Не скажутъ этого республиканцы, ея основатели, которыхъ она принесла въ жертву возстановленію стараго порядка. Не они ли сами, наконецъ, устами Жюля Симона, признаются уже, согласно съ правительствомъ, что всеобщая подача голосовъ не можетъ быть предоставлена самой себѣ и нуждается въ *руководствѣ*? Не вѣруютъ въ эту подачу и защитники имперіи, которые, въ свою очередь, такъ жестоко разочаровались выраженіемъ народныхъ выборовъ. Не вѣруютъ въ нее, конечно, и поборники конституціонной, мѣщанской монархіи, несомѣстной съ демократическими учрежденіями. Притомъ, народъ ясно уже доказалъ на выборахъ, что ему вовсе не хочется возвращаться къ орлеанской династіи и ея порядку.

И такъ, кромѣ невѣжественной городской и сельской толпы, никто не довѣряетъ всеобщей подачѣ голосовъ. Не смотря на это, я полагаю, однако, что никто не осмѣлится предложить уничтоженіе этого учрежденія. Всеобщая подача голосовъ стала для насъ роковой необходимостью, а между тѣмъ, мы ей не довѣряемъ, не знаемъ ея значенія! Вотъ почему мы и не смыслимъ ничего въ нашей современной исторіи; вотъ почему и настоящее, въ которое мы живемъ и дѣйствуемъ, такъ же загадочно для насъ, какъ и будущее.

Хватить ли у правительства на столько смѣлости, чтобы высказать правду о выборахъ 1863—64 года?—Нѣтъ, у него не достанетъ духу даже взглянуть на нихъ прямо. Притомъ, ему совершенно непонятны стремленія сельскаго населенія. Забота о самосохраненіи велитъ правительству предаваться иллюзіямъ, и оно не въ состояніи отказаться отъ самообольщенія.—И такъ, правительство не понимаетъ смысла своей исторіи, не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ дѣлается и что оно само дѣлаетъ.

А оппозиція, которая восторжествовала на выборахъ, эта оппозиція, это пугало министровъ съ портфелями и безъ портфелей, будетъ ли она на столько добросовѣстна, что рѣшится сказать истину на счетъ парижскихъ выборовъ? О нѣтъ, интересъ оппозиціи, ея самолюбіе и предразсудки не допустятъ такой откровенности.— И такъ, оппозиція тоже не понимаетъ ни своего происхожденія, ни значенія, ни цѣли; она не смыслить ничего ни въ своемъ призваніи, ни въ своей исторіи.

Да и сама нація, наконецъ, ничего не знаетъ и не понимаетъ, потому что весь народъ, мѣщанство и чернь, городское и сельское населеніе, повинувась минутной страсти, безсознательно колеблются между оппозиціей и правительствомъ.

И вотъ эту-то истину, горькую для власти, скрытую оппозиціей и неизвѣстную публикѣ, приходится теперь громко высказать, — что я и сдѣлаю въ немногихъ словахъ.

«Выборы настоящаго и прошлаго годовъ доказываютъ, что 1) императорское правительство, по своему значенію, не ладитъ ни съ характеромъ, ни съ интересами, стремленіями и нравами буржуазіи; 2) народъ, на который оно могло опереться, видимо отстаетъ отъ него, — теперь въ городахъ, а потомъ и по деревнямъ, гдѣ населеніе продолжаетъ подавать еще голосъ въ пользу правительства, но уже въ духѣ чисто-революціонномъ.

«Отсюда слѣдуетъ, что пока рабочіе классы не заявятъ ясно своей мысли и не обратятъ всѣхъ въ свою вѣру, до тѣхъ поръ не устоитъ во Франціи ни одно политическое учрежденіе. Вотъ почему нація и находится теперь въ хаотическомъ броженіи, а государство въ шаткомъ состояніи.

«Только то и спасаетъ пока страну, что одни не сознаютъ грозящей опасности, другіе отрицаютъ ее, а остальные смѣются надъ ней».

О, какъ становится больно на сердцѣ, когда подумаешь, что три четверти населенія Франціи — все городское и деревенское населеніе и часть мелкой буржуазіи, — фатально увлечены уже въ движеніе къ соціальной и экономической реформѣ, и только оглянешься кругомъ, что за идеи, что за политика, что за люди!! И они хотятъ еще руководить толпой, просвѣщать ее, умѣрять ея корывы!

Вся опасность настоящаго положенія происходитъ отъ того страшнаго разлада, который царствуетъ въ средѣ націи. Ничто не соединяетъ ее въ одно цѣлое: ни императорское правленіе, ни парламентская система, ни идеи рабочихъ классовъ, которую такъ мало еще понимаютъ.

Развѣ правительство, напрімѣръ, можетъ имѣть притязаніе на

выраженіе народной воли,—то самое правительство, отъ котораго отрывается теперь буржуазія и городское рабочее населеніе? Подобное притязаніе невозможно уже, тѣмъ болѣе, что и сельская демократія, въ сущности, одушевлена такими же стремленіями, какъ и городская. Если въ деревняхъ и продолжаютъ еще подавать голоса за существующій порядокъ, между тѣмъ, какъ горожане становятся въ хвостѣ буржуазіи, то это происходитъ только вслѣдствіе недоразумѣнія; ни сельскіе, ни городскіе работники не знаютъ еще того, что, для достиженія своихъ общихъ цѣлей, они должны прямо заявить свою самостоятельность, чуждаясь всякаго посторонняго интереса и вліянія. Рѣшится ли правительство объявить лозунгъ поселанина: «*вонъ рыночныхъ барышниковъ*»? Нѣтъ, оно не рѣшится, такъ же какъ и буржуазія не зайнется никогда *о правѣ на трудъ*...

Но способна ли, въ свою очередь, представлять народъ, выражать смыслъ демократіи или, по крайней мѣрѣ, волю своихъ избирателей та законная оппозиція, которая состоитъ теперь изъ пятнадцати или шестнадцати депутатовъ съ демократическими замашками и двадцати или двадцати двухъ защитниковъ старыхъ династій?—Посмотримъ.

Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что оппозиція присягала на повиновеніе конституціи и на вѣрность императору, чего не дѣлали избиратели. Кромѣ того, мы видимъ, что въ составъ оппозиціи входятъ элементы разнородные, враждебные и противные; пожалуй, депутаты способны еще выразить болѣе или менѣе вѣрно смыслъ прошедшаго и его различныхъ эпохъ, но ни въ какомъ уже случаѣ не могутъ они быть представителями будущаго, которое имъ даже и не грезится во снѣ. Оппозиція, подобно правительству, глядитъ не впередъ, а назадъ; дальше своего носа она не видитъ ничего; нѣтъ у нея общей и руководящей мысли, и она положительно неспособна заявить ее; за это можно вполне ручаться. Оппозиція—чему? по поводу чего? Кто отвѣтитъ на эти вопросы? Вы разсуждаете о государственныхъ расходахъ! Да это счетное дѣло, дѣло администраціи, практики; вопросъ, коренной вопросъ не въ такнхъ дѣлахъ, а въ принципахъ. Оппозиція шестнадцати не выражаетъ ни одной положительной и основной мысли: ни утвержденія, ни отрицанія, ни возраженія, ни вызова. Всѣ пренія въ законодательной палатѣ сводятся на одну лишь пустую критику подробностей, съ различныхъ точекъ зрѣнія, по прихоти каждаго депутата; въ сущности, эти пренія—ничто.

Гражданинъ, избранный всеобщей подачей голосовъ, на политическомъ языкѣ называется *поптренимъ*, а избиратели—*доптримъ*.

лями. Но гдѣ тутъ *довѣренность*? Ея нѣтъ, и депутаты не могутъ представить даже бланковой надписи. Какимъ образомъ могутъ они знать, наконецъ, чего хотятъ и ожидаютъ отъ нихъ сами довѣрители, когда послѣдніе, въ раздорѣ и взаимной враждѣ, лишены самосознанія?..

И такъ, полномочіе депутатовъ—чпстая выдумка. Мало того, по особенной склонности, они постоянно стремятся расширять свою власть и считаютъ всякое спеціальное и отвѣтственное полномочіе ограниченіемъ своего депутатскаго права. Вотъ почему эти мнимоповѣренные, болтая о всемъ вкривь и вкосъ, ничего не значать и ничего не знаютъ. На нихъ надо смотрѣть, какъ на поддѣланныхъ куколъ; они стремятся быть всѣмъ и, не желая играть роль простыхъ помощниковъ императора, добротныхъ совѣтниковъ, обращаются буквально въ ничто; если ихъ не сочтутъ заговорщиками, то имъ нельзя и придумать названія. Когда бы двѣсти-восемьдесятъ-три члена законодательнаго корпуса походили на депутатовъ оппозиціи, другими словами: когда бы весь законодательный корпусъ составилъ оппозицію, тогда правительству пришлось бы только за ново созвать избирателей съ тѣмъ, чтобы узнать отъ нихъ, путемъ опредѣленной и подробной подачи голосовъ, чего они отъ него ожидаютъ и какое дали порученіе своимъ депутатамъ. Тутъ бы намъ представилось иное зрѣлище: избиратели при-нуждены были бы сознаться въ томъ, что они ни въ чемъ не могутъ согласиться между собою и что нація знаетъ менѣе всего, о чемъ она думаетъ.

Нечего сказать, хороша эта пресловутая оппозиція, и какъ много въ ней смысла!

Но вотъ что печальнѣе всего: изъ числа членовъ оппозиціи — одни уже открыто стали сторонниками имперіи и порываются по-минутно подслужиться ей, будто бы въ либеральномъ духѣ; другіе прикидываются равнодушными, ожидая благоприятнаго случая вступить въ сдѣлку съ властью, лишь только она сдѣлаетъ первый шагъ къ сближенію; самые неукротимые—и тѣ готовы отказаться отъ сопротивленія императору, если онъ пріобрѣтетъ прежнюю популярность, которая способна упрочить его династію и укрѣпить его правительство. Не они ли, эти неукротимые, послѣдуя примѣру Эмиля Оливье, громогласно объявили: «*Мы не пессимисты!*»

Въ концѣ концовъ, оппозиція настоящему порядку выражается не людьми, а самымъ положеніемъ и ходомъ дѣлъ. Пусть только это положеніе, которое одно и можетъ безпокоить власть, станетъ

болѣ затруднительнымъ и натянутымъ, пусть только на горизонтѣ покажутся громовыя тучи, поколеблется администрація,—и оппозиція, которая по влеченію льнетъ теперь къ правительству, тотчасъ же отступится отъ него, тотчасъ же приметъ враждебное, мстительное положеніе, осудить всю систему правленія и, въ случаѣ надобности, сдѣлается ея палачомъ. Да, достойна довѣрія эта коварная оппозиція безъ принципа и честности, занятая только тѣмъ, чтобы исказить, скрывать истинную мысль своихъ избирателей-демократовъ! И какъ много у ней правъ на званіе представительницы народной воли!

II.

ОППОЗИЦІЯ ОСУЖДЕНА НА БЕЗСИЛІЕ.

По своему смыслу, оппозиція ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ представлять народа; этого мало: она не въ состояніи быть ему полезной и неспособна служить ни прогрессу, ни свободѣ. Между тѣмъ, какъ массы пламенно желаютъ реформъ, оппозиція, въ замѣнъ всякаго облегченія, можетъ наградить ихъ только возстановленіемъ стараго порядка, то есть, доктринѣрской реставраціей.

Не забудемъ того, что демократія и буржуазія, принимая участіе на выборахъ и назначая своихъ представителей, тѣмъ самымъ уже поставили себя на почву императорской законности. Такимъ образомъ, если, вслѣдствіе послѣднихъ выборовъ, и образовалась оппозиція, то она вовсе не означаетъ еще разрыва съ властью, а только простое несходство взглядовъ, какое-то неопредѣленное неудовольствіе, которое нисколько не измѣняетъ законныхъ отношеній и не допускаетъ ни малѣйшаго нарушенія конституціи.

И такъ, пока особенныя, чрезвычайныя событія не произведутъ рѣшительнаго переворота въ дѣлахъ, мы принуждены разсуждать въ смыслѣ установленной законности, тѣмъ болѣе, что вооруженная власть, опираясь на данное ей право, способна заставить повиноваться каждаго, кому пришла бы фантазія сопротивляться.

Теперь возникаетъ вопросъ: въ какое же положеніе ставить оппозицію, демократію, народъ и, наконецъ, правительство эта самая законность въ связи съ выборами 1863—64 года?

Выборы 1857 года дали демократіи только *пять* представителей; теперь, если не ошибаемся, число ихъ возросло до *пятнадцати*. Присоединяя къ этой ничтожной, хотя и шумной кучкѣ и депутатовъ-

консерваторовъ, избранныхъ безъ содѣйствія демократіи и покровительства власти, оказывается, что, въ общемъ итогѣ, 283 членовъ законодательнаго корпуса, меньшинство или оппозиція состоятъ, много-много, изъ 35 демократовъ. Такова, въ данную минуту, законная, конституціонная сила оппозиціи! Чего ждать путнаго отъ подобной оппозиціи? Способна ли она на борьбу съ правительственной системой и можетъ ли быть серьезнѣе и сильнѣе оппозиціи *пяти* въ теченіе 1857—63 годовъ?—Нисколько. Напротивъ того, говорю я,—судя по игрѣ конституціи 1852 года, въ продолженіе 17 лѣтъ, правительство императора должно непремѣнно упрочиться, если только какой нибудь неожиданный переворотъ не сломитъ его.

Предположимъ теперь, что въ 1869 году число депутатовъ оппозиціи возрастетъ въ той же пропорціи, въ какой оно возрасло въ 1863 году, т. е. увеличится *всемѣро*. При этомъ предположеніи, конечно, очень выгодномъ для оппозиціи, она все-таки составитъ меньшинство; консерваторы по прежнему будутъ многочисленнѣе и сильнѣе. Но допустимъ даже, что правительство потеряетъ поддержку большинства законодательной палаты и должно будетъ измѣнить свою политику и конституцію въ духѣ новой оппозиціи. И опять-таки эта перемѣна совершится путемъ законныхъ, конституціонныхъ обрядностей; что же касается самой конституціи, то она измѣнится только въ томъ смыслѣ, въ какомъ требовалъ неизмѣнный Тьеръ, т. е. насъ обратятъ вспять къ старой парламентской системѣ. Демократическая оппозиція, по своему численному ничтожеству и политическому безсмыслию, не дастъ намъ ничего новаго. Много-много, если создадутъ для нея одно или два лишнихъ министерства, и все кончится рѣшительнымъ союзомъ демократіи съ императорскимъ правительствомъ.

И такъ, Наполеонъ III, какъ и дядя его въ 1815 году, можетъ отдѣлаться одной лишь перемѣной конституціи; такимъ образомъ, все политическое развитіе Франціи, съ 1830 до 1870 года, сведется на простую смѣну династій. Гдѣ же тутъ отмѣна стараго порядка, гдѣ прогрессъ? Наполеонъ III самъ предвидѣлъ эту развязку: онъ зналъ, что одна только демократическая и социальная революція дала ему ту чрезвычайную власть, которой онъ пользовался съ 1851 года; онъ зналъ, что, подавляя революцію, ему придется со временемъ возстановить конституціонное правленіе, въ болѣе или менѣе скромномъ видѣ. Объ этомъ онъ самъ позаботился заранѣе объявить Франціи, когда сказалъ ей, что *уничаетъ свое здание*.

Такъ ли все кончится? Вѣроятно ли, что, послѣ всѣхъ страданій, раздоровъ, споровъ, оппозицій, выборовъ и клятвенныхъ обѣ-

щаний, народъ и демократія отшатнутся на сорокъ лѣтъ назадъ, а имперія съ наполеоновской династіей, въ замѣнъ опаснаго произвола, заведетъ парламентскій порядокъ? Вотъ вопросъ.

Нѣтъ, ничто не доказываетъ, что въ 1869 году оппозиція будетъ имѣть на своей сторонѣ большинство голосовъ. Къ этому времени правительство успѣетъ еще поразмыслить, собраться съ силами и обезпечить успѣхъ своего дѣла; выгоды его положенія громадны.

За императора прежде всего созданная имъ конституція, на которую присягала оппозиція; затѣмъ — установленная законность, которую онъ можетъ толковать по своему; далѣе, за него сенатъ, родъ верхней палаты, которая единодушно отстаиваетъ новую реставрацію; въ законодательномъ корпусѣ или палатѣ депутатовъ на сторонѣ императора подавляющее большинство;—кромѣ ораторовъ этого большинства, болтунамъ оппозиціи возражаютъ опытные и искусные сановники: въ недавнихъ спорахъ съ адвокатами демократіи они доказали свою силу и чаще были побѣдителями, чѣмъ побѣжденными. Но это еще не все: въ департаментахъ каждая сельская община обратилась теперь въ контору префектуры; деревенская чернь возбуждена противъ оппозиціи «*мессюды*» (*messieurs*); отборная національная гвардія поддержана многочисленной и вѣрной арміей; что же касается, наконецъ, до массы избирателей, то она стоитъ за императора; на будущихъ выборахъ за него будетъ не менѣе 5.500,000 голосовъ противъ 1.900,000.

Развѣ съ такими страшными силами трудно уничтожить въ пять лѣтъ всякую оппозицію?

III.

ОППОЗИЦІЯ ПОДСТРЕКАЕТЪ ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НА СТѢСНЕНІЯ.

Эту почти несокрушимую силу, какую даетъ правительству императора присяжная законность,—эту силу оппозиція старается еще обратить въ орудіе разныхъ стѣсненій. На него подстрекаетъ она власть поминутно, то газетными статьями, то рѣчами, то подачей голосовъ. Не будь парламентскаго большинства, не будь министерскихъ депутатовъ, избранныхъ чернью, я, право, не знаю, что съ нами бы стало.

Касательно виѣшней политики, напримѣръ, императоръ имѣетъ право, въ силу конституціи, предпринять все, что пожелаетъ самъ, наперекоръ министрамъ и государственному совѣту. Онъ можетъ

по своей волѣ объявить войну, кому вздумается, и завязать потасовку съ цѣлою Европой. — Оставимъ въ сторонѣ всѣ болѣе или менѣе вѣрныя соображенія, почему императоръ не рѣшится на подобное дѣло, и обратимъ вниманіе только на ту огромную власть, которой пользуется правитель съ точки зрѣнія политическаго и гражданскаго права, законности и, наконецъ, народнаго самодержавія. Судя по отзывамъ официальныхъ газетъ имперіи, надо полагать, что по настоящее время Наполеонъ III не пускался на вздорныя предпріятія, по поводу польскихъ, гольштейнскихъ, венгерскихъ, итальянскихъ и прочихъ сомнительныхъ дѣлъ, болѣе всего изъ уваженія къ совѣтамъ преданныхъ и близкихъ придворныхъ, большинства членовъ законодательнаго корпуса и сената. Онъ чувствовалъ, что при всей неограниченности правъ, какими наградила его конституція, здравый смыслъ велитъ, однако, пользоваться ими съ крайней умѣренностью и осторожностью. Онъ сознавалъ, что первый долгъ государя—согласовать свою волю съ общественнымъ мнѣніемъ, а не съ текстомъ конституціи.

Но что же дѣлали газеты и депутаты оппозиціи? Чѣмъ продолжаютъ они заниматься по настоящее время? Они постоянно твердятъ ему о его верховной власти и подстрекаютъ на самовольное рѣшеніе, на безотчетный произволъ. Эти мнимые демократы, которые подчасъ выставляютъ себя врагами самовластия, всегда готовы рукоплескать ему. Они проповѣдуютъ безъ умолку, что правое дѣло покрываетъ неправду формы и прихоть рѣшенія, и потому императору не слѣдуетъ колебаться: самый щекотливый либерализмъ не найдетъ тутъ ничего предосудительнаго. Такимъ образомъ, оказывается, что они порицаютъ въ политикѣ правительства уже не проявленіе его личнаго характера, какъ это дѣлалось до 1848 года, а просто порицаютъ его за неловкость, за то, что его величество не дѣлаетъ того, чего имъ хочется.

Вотъ какъ оправдываетъ существующій порядокъ оппозиція, выдвинутая на сцену выборами 1863—64 года! Вотъ какъ уничтожаетъ она завѣтныя преданія 79 года въ вопросахъ мира и войны! Другъ Людовика XVI, Мирабо, когда народъ обвинялъ его въ измѣнѣ,—и тотъ никогда не требовалъ для своего короля даже сотой доли того самовластия, которымъ хотятъ наградить Наполеона III такъ называемые демократы.

Предположите теперь, что императоръ, поддаваясь ихъ безумнымъ желаніямъ, объявитъ войну Пруссіи, Австріи, Германскому союзу; предположите, что, изъ угожденія польскимъ панамъ, Кюшуту или Гарибальди, онъ подыметъ противъ себя почти всю Европу и самовольно потребуетъ отъ Франціи сразу 400,000

людей и три миллиарда. Напрасно тогда сенать, большинство депутатов и масса народа — горожане и поселяне, — станут ужасаться: императоръ будетъ правъ, никто не осмѣлится упрекнуть его въ деспотизмъ; мало того, по мнѣшю оппозиціи, мы должны будемъ прославлять его...

Война объявлена. Одно изъ двухъ: императоръ побѣдитъ или будетъ побѣжденъ. Въ случаѣ побѣды, онъ запряжетъ оппозицію въ свою триумфальную колесницу, а желаемой свободѣ опять отсрочка. Если же императора побѣдятъ, то его назовутъ несчастнымъ героемъ, достойнымъ всей нашей любви и преданности, а депутаты-патріоты непремѣнно потребуютъ отъ насъ послѣдняго гроша и послѣдняго рекрута.

Предположите, наоборотъ, что императоръ, повинувся болѣе разумнымъ внушеніямъ, не обратитъ вниманія на эти пошлыя подстрекательства и станетъ рѣшительно слѣдовать мирной политикѣ. Въ этомъ случаѣ, онъ приобретаетъ если не расположеніе, то, по крайней мѣрѣ, молчаніе всѣхъ тѣхъ демократовъ или недемократовъ, которые не преклоняются передъ геніями оппозиціи; и она сама, рано или поздно, отрекаясь отъ своего воинственнаго азарта, должна будетъ сознаться, что императоръ былъ умнѣе ее. — Какая, подумаешь, слава нашимъ конституціоннымъ нравамъ! Какая честь демократіи! И какъ намъ, краснымъ республиканцамъ и социалистамъ, простиительно, послѣ этого, вопіять противъ деспотизма власти!!

И такъ, согласіе на шестилѣтнюю отсрочку всѣхъ демократическихъ требованій; обязательство, объявленное во имя и передъ лицомъ всего народа — уважать и поддерживать существующій порядокъ, сначала въ теченіе шести первыхъ лѣтъ, а затѣмъ до тѣхъ поръ, пока законодательное большинство не рѣшитъ иначе; далѣе, возвратъ къ старой парламентской монархіи, то есть, самое опасное отступленіе народа къ прошлому; — тѣмъ временемъ, самовластное правленіе, которое будетъ продолжать располагать по своему силамъ и судьбой Франціи, подстрекаемое оппозиціей на военный деспотизмъ и на войну съ Европой, — вотъ окончательный и непремѣнный результатъ выборовъ 1863—64 года, результатъ, доказанный фактами, цифрами и фамиліями, и газетными статьями, и признаніями выборныхъ оппозиціи.

Да, безъ сомнѣнія, парижане — народъ самый бойкій и остроумный; но, при этихъ рѣдкихъ качествахъ, у него, по счастью, развита удивительная способность самоотреченія и противорѣчія; не буди у парижанъ этой способности, пришлось бы въ нихъ отчаяваться. Недолговѣчны дѣти съ бойкимъ умомъ.

IV.

НЕВОЗМОЖНОЕ СОСТОЯНІЕ.

«Пусть будетъ по вашему, свяжутъ мнѣ. Революція 24 февраля, государственный переворотъ 2 декабря и всѣ слѣдовавшія затѣмъ событія были для народа, безспорно, страшнымъ несчастьемъ,—несчастьемъ, похожимъ на продолжительное сумасшествіе. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что мы должны упорствовать въ нашемъ безуміи? Развѣ мы должны постоянно гнуть шею подъ игомъ желѣзнаго деспотизма, отказываться отъ всякой политической жизни и держать безконечно въ осадномъ положеніи наши города и деревни? Не лучше ли намъ, напротивъ того, поскорѣе возвратиться къ тѣмъ свободнымъ и правильнымъ учрежденіямъ, которыми прославлена наша исторія? Зачѣмъ намъ отвергать, какъ безплодныя, усилія тѣхъ людей, которые стараются вернуть насъ къ прошлому порядку? — И такъ, да воскреснетъ народъ и да смирится демократія! Вотъ мысль, которая должна одушевлять всѣхъ и cadaго въ настоящую минуту».

И эту иллюзію, эту послѣднюю мечту приходится мнѣ разсѣять. Нѣтъ, говорю я, возвратъ къ системѣ 1830 года и ко всякой ей подобной — къ конституціонной монархіи или мѣщанской республикѣ,—такъ же невозможенъ, какъ и возвратъ къ феодальной системѣ 1788 года. Не забывайте же, право, что, при всеобщей подачѣ голосовъ, намъ приходится имѣть дѣло не съ одной только крупной и мелкой буржуазіей, съ ея завѣтными политическими цѣлями и неизмѣнными экономическими правилами. Не забывайте того, что передъ нами стоитъ толпа, та февральская толпа, которая чувствуетъ свое отчужденіе отъ буржуазіи и громко заявляетъ передъ ней и противъ нея свою волю, свои интересы и желанія. Эта толпа исповѣдуетъ иную экономическую вѣру и стремится явно уже къ тому, чтобы поглотить и уничтожить старое среднее сословіе. Хотя эта толпа не умѣетъ еще создать для себя особую конституцію, согласную съ своими экономическими и социальными вѣрованіями, но она все-таки, рано или поздно, создастъ ее. Мало того: въ политическихъ вопросахъ рабочая масса расходится съ конституціонной буржуазіей несравненно болѣе, чѣмъ въ вопросахъ о трудѣ, ассоціаціяхъ и задѣльной платѣ. Будьте увѣрены, что если эта масса провозгласила сначала вторую имперію, а затѣмъ неожиданно обратила часть своихъ силъ на сторону оппозиціи, то это сдѣлала она вовсе не изъ довѣрія къ ней, а просто

отъ досады на императорское правительство, которое обмануло ея надежды. Придетъ время, когда деревенскіе и городскіе работники узнаютъ и поймутъ другъ друга—и тогда вы услышите нежданная новости.

Подумайте еще разъ о томъ, что рабочій народъ во Франціи добивается капитала и собственности; и того народа нельзя уже согнать съ политической сцены, и этотъ народъ искренно ненавидитъ всѣ мѣщанскія учрежденія, какими бы конституціями они ни заявлялись, въ какія бы династіи ни воплощались. Ни конституція 1830, ни 1848, ни 1852 годовъ, ни династія орлеанская или наполеоновская — ничто не по душѣ народу.

И такъ, повторяю: вамъ нельзя ни стоять на мѣстѣ, ни отступать; единственное спасеніе—идти впередъ, рука объ руку и по указанію той самой толпы, силу которой вы уже знаете, но не знаете еще ея мысли. Вотъ почему я утверждаю, что выборы 1863—64 года—настояшій ударъ обухомъ по головѣ, и положеніе дѣлъ, созданное этими выборами,—такая темная яма, въ которой не видно ни зги и гдѣ не узнаютъ себя ни демократія, ни оппозиція, ни правительство. Появленіе народа на выборахъ ошеломило всѣхъ и все перепутало. Правительство ожидало имѣть дѣло съ одной лишь либеральной и парламентской оппозиціей. Въ свою очередь, эта оппозиція воображала только воевать противъ политики правительства. И что же вышло? Оказалось, что и оппозиція, и правительство, нежданно-негаданно, увидѣли вдругъ передъ собой тотъ самый роковой социальный вопросъ, который считали давно погребеннымъ.

Вотъ почему теперь оппозиція не можетъ воспользоваться своею побѣдой; вотъ почему и правительство не въ состояніи упрочить своего значенія даже путемъ реформъ и уступокъ.

Партія дѣяствія и государственные люди демократіи создали ту отчаянную чепуху, о которой, кажется, мало думаютъ, а менѣе всего беспокоятся. Что будетъ, то будетъ!

Да, ничто такъ не отважно, какъ невѣжество...

Читатели! будьте увѣрены пока въ одномъ: намъ не избѣжать затрудненій и грозящихъ бѣдъ ни невѣденіемъ, ни отрицаніемъ, ни смѣхомъ; рано или поздно, волей-неволей, а намъ придется поразмыслить кой о чемъ.

И. Соколовъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Событія, сопровождавшія паденіе министерства Нарваца.—Напряженное состояніе Испаніи.—Заговоры въ Барцелонѣ и Валенсіи.—Программа новаго министра О'Доннелля.—Недовѣріе къ словамъ и дѣламъ Либеральной уни.—Двусмысленное поведеніе О'Доннелля въ отношеніи страны и враждебныхъ партій.—Характеристика вождя испанскихъ прогрессистовъ, графа Прима.—Прекращеніе переговоровъ Велеци.—Взаимное положеніе римскаго и туринскаго правительствъ.—Внутреннее состояніе Венгріи.—Манифестациі въ пользу герцога аугустенбургскаго.—Процессъ лорда канцлера Вестбюри. Стачки парижскихъ работниковъ.—Брошюра: «Сорокъ дней рентиства».—Число жертвъ американской войны.

Нѣтъ страны, которую было бы такъ легко раздражить, какъ Испанію, но за то ничего не стоитъ и успокоить ее. Двѣ-три либеральныя фразы, произнесенныя министромъ, сегодня торжественный бой быковъ, а завтра надеіе непопулярнаго министерства — и этого совершенно довольно для счастья испанцевъ. Это народъ по преимуществу страстный, съ большимъ сердцемъ и съ маленькимъ умомъ; онъ не терпитъ холоднаго анализа вещей и постоянно живетъ приливами и отливами то негодованія, то восторга. «Мы всѣ въ будущемъ», говорятъ о себѣ испанцы, и тѣмъ подтверждаютъ ту горькую истину, что націи, неспособныя создать себѣ маломальски сносное настоящее, уходятъ въ свое прошедшее или меч-

таютъ о будущемъ. Кто не умѣетъ пользоваться дѣйствительною жизнью, тотъ всегда надѣется, и только надѣется.

Въ прошломъ мѣсяцѣ раздраженіе Испаніи доходило до послѣдняго градуса; мы видѣли Нарваэца полнымъ властителемъ страны; мы видѣли, какъ онъ, съ свойственною ему безцеремонностью, повелѣвалъ королевствомъ и дворомъ. Диктатура его досталась ему кровавымъ путемъ: онъ разстрѣливалъ, заключалъ въ тюрьмы гражданъ и надѣялся властвовать посредствомъ террора. Но, какъ случается иногда даже съ испанцами, они не допустили террора. Вполнѣ правъ тотъ, кто называетъ народъ непостояннымъ. Сегодня 30—40 тысячъ человѣкъ англичанъ, пожалуй, хотъ карлистовъ, отступятъ передъ полъ-дюжиною полисменовъ, а завтра, нѣсколько мятежниковъ, запершись въ монастырѣ Сень-Мери, будутъ успѣшно отражать натискъ парижской арміи. Обратится ли человѣкъ въ бѣгство, или бросится въ атаку, почувствуетъ ли онъ страхъ, или сдѣлается героемъ, — все зависитъ отъ минутнаго настроенія, отъ жара и холода, отъ положительнаго и отрицательнаго электричества, отъ озона, который наполняетъ мускулы, и, быть можетъ, также отъ мысли, которая наполняетъ мозгъ. Для государственнаго человѣка нѣтъ ничего труднѣе, какъ оцѣнить совокупность такихъ сложныхъ обстоятельствъ; они вводили и долго еще будутъ вводить въ ошибки людей и болѣе проницательныхъ, чѣмъ Нарваэцъ.

Во всякомъ случаѣ, раздраженіе было сильное послѣ coup-d'état, произведеннаго маршаломъ. Въ собраніи кортесовъ были произнесены слова, призывавшія къ мести; энергія прессы удвоилась, не смотря на безпрестанныя преслѣдованія и приговоры; составлялись подписки въ пользу жертвъ 10-го апрѣля и ихъ семействъ; оставленные чиновники избирались въ депутаты и торговья палаты выдавали имъ жалованье; само собою угадывалось, что заговорщики всѣхъ партій и чиновъ, днемъ и ночью, подрывали армию. Министерству, обратившемуся въ родподставяющую партію, оставалась одна надежда на спасеніе: только многочисленности враговъ и раздробленности ихъ стремленій могли выручить его изъ бѣды. Оно могло надѣяться возобновить борьбу Горація противъ трехъ Куріціевъ; правда, что историческій Горацій не былъ раненъ, тогда какъ рана министерства была не легка.

Всѣ инстинктивно ображали взоръ на Барселону, самый богатый, оживленный и, быть можетъ, самый развитый изъ испанскихъ городовъ. Барселона населена толпою рабочихъ, составляющихъ

ядро демократическаго элемента; чтобы составить имъ противовѣсъ, правительство постоянно держало въ этомъ городѣ солдатъ.

Между фабриками и казармами завелись сношенія, и во главѣ этой недовольной массы стоялъ генераль Прима, вождь прогрессивной партіи. Считая себя уже побѣдителемъ, онъ требовать, чтобы движеніе началось во имя Прима,—одного только Прима, графа Рейсъ. На это демократы не согласились, и союзники пошли въ разсыпную. Правительство могло надѣяться, что то же самое случится и вездѣ; оно не ошиблось; расколъ не замедлилъ явиться между клерикалами-карлистами или такъ называемыми неокатоликами и реакціонерами или умѣренными членами *либеральной уни*, между умѣренными и прогрессистами партіи Прима и, наконецъ, между республиканцами и социалистами. Правительству предстояло только искусно воспользоваться этой неурядицей партій, и оно, действительно, воспользовалось ею во благо себѣ.

Всѣмъ затѣмъ, въ Валенсіи былъ открытъ военный заговоръ. Полицейскій чиновникъ предупредилъ мѣстнаго губернатора, что нѣсколько офицеровъ, переодѣвшись въ партикулярныя платья, отправлялись, послѣ 11-ти часовъ ночи, въ какое-то общество. Въ сопровожденіи этого чиновника, валенсійскій губернаторъ пришелъ въ подозрительный домъ, гдѣ встрѣтить лицомъ къ лицу полковника Алемани и весь штабъ бурбонскаго полка. Отъ полковника потребовали объясненій касательно его присутствія въ неуказанномъ мѣстѣ и въ столь же неуказанное время; но въ отвѣтъ на это онъ смѣялся; офицеры его струсили, и, когда ихъ арестовали, они кротко, послушно позволили запереть себя въ комнатѣ.—Не мѣшаетъ замѣтить, что губернаторъ и полицейскій, ни мало не подозревая всей важности дѣла, пришли одни, сопровождаемые только двумя аргунцами. Полковникъ Алемани былъ извѣстенъ въ арміи своею храбростью: на него Прима надѣялся больше, чѣмъ на другихъ, — и этотъ человекъ, который не отступилъ бы передъ пушечнымъ ядромъ, потерялъ голову при видѣ губернатора.

Гордясь своимъ великолѣпнымъ подвигомъ, губернаторъ Виллалонга, сопровождаемый своимъ товарищемъ полицейскимъ, сошелъ на улицу, гдѣ прямо наткнулся на ожидавшаго человека. Это былъ Прима собственною особою; черезъ полчаса онъ готовъ былъ сѣсть на лошадь и предводительствовать войсками, которыя Алемани долженъ былъ внезапно разбудить и вывести изъ казармъ съ барабаннымъ боемъ. Виллалонга извѣстенъ, какъ самый отчаянный рубака; о немъ ходили слухи, что убить отца и мать было бы для него такъ же легко, какъ выпить рюмку водки; но, наткнув-

пись на начальника заговорщиковъ, онъ, вмѣсто того, чтобы скватить и арестовать его съ помощью своего спутника, пришелъ въ смущеніе и почувствовалъ, что ноги отказываются служить ему. Потомъ онъ увѣрялъ, что успѣлъ различить въ темнотѣ еще нѣсколько подозрительныхъ лицъ — и это очень возможно. Несомнѣнно только то, что онъ убѣждалъ, бормоча безсвязныя слова, а Примъ послѣдовалъ его примѣру. Онъ вернулся на пароходъ, снаряженный имъ въ Марсели и на которомъ онъ крейсировалъ вдоль берега отъ Барцелоны до Кадикса, съ намѣреніемъ являться всюду, гдѣ нужна будетъ его помощь. Онъ сошелъ на берегъ въ Валенсіи, по настоятельной просьбѣ полковника Алемани. Арестъ произошелъ въ половинѣ перваго, а въ часъ должна была начаться тревога.

По этому случаю арестовали 13 гражданъ и въ числѣ ихъ двухъ редакторовъ прогрессивнаго журнала: *Los Dos Reinos*, органа проэктированнаго соединенія Испаніи съ Португалією. Неустрашимый Виллалонга получилъ отставку за то, что упустилъ изъ рукъ Прима — и тѣмъ дѣло покончилось.

Такимъ образомъ, самыя мелкія обстоятельства помѣшали событіямъ 15-го іюня принять другой оборотъ и разыгратъ совершенно иначе. Возстаніе чуть не вспыхнуло. Глава прогрессивной партіи чуть не попался въ руки своихъ враговъ. Но изъ того, что исторія могла бы принять другой оборотъ, еще вовсе не слѣдуетъ заключать, что это глубоко измѣнило бы все положеніе дѣлъ. Правда, что, какъ бы два тѣла ни уравновѣшивали другъ друга, стоитъ только бросить на одну изъ чашекъ вѣсовъ нѣсколько лишнихъ песчинокъ — и эта чашка немедленно перетянетъ другую. Но, во всякомъ случаѣ, песчинки дѣйствуютъ только какъ песчинки и уравновѣшиваются другими песчинками; бросивъ ихъ налѣво, судьба старается не забыть и правую сторону. Въ области исторіи однѣ случайности составляютъ противовѣсъ другимъ, и кто разсматриваетъ событія въ микроскопъ, для того случайность имѣетъ громадное, почти первостепенное значеніе, которое почти совершенно теряется въ глазахъ человѣка, вооруженнаго телескопомъ.

Открытіе и связанное съ нимъ уничтоженіе заговора должно было бы, повидимому, значительно упрочить положеніе маршала Нарваэца. Но вышло наоборотъ, и это обстоятельство было причиною его паденія.

Маршалъ потребовалъ немедленнаго возвращенія Прима въ Испанію, отмѣнивъ, такимъ образомъ, двухмѣсячный отпускъ, который недавно далъ ему. Нарваэцъ, вѣроятно, ожидалъ, что его сопер-

никъ добровольно вернется и отдастся въ руки враговъ, имѣя въ виду военный судъ и квартиру въ тюрьмѣ. Онъ телеграфировалъ въ Парижъ. Примъ велѣлъ отвѣчать, что путешествуетъ въ Италию для поправленія здоровья. Изобрѣтателямъ новостей этотъ случай далъ поводъ объявить, что Примъ былъ въ Капрерѣ для соглашенія съ Гарибальди, — чему наивные люди не преминули повѣрить.

Послѣ этого Нарваецъ представилъ сенату новый проэктъ закона противъ печати. Министерство настоятельно требовало вотирования этого закона и правительство не могло рѣшиться выждать его обсуждения и утверждения. Вопросъ заключался въ томъ, чтобы уполномочить правительственныя лица пріостанавливать, по ихъ благоусмотрѣнью, продажу и раздачу журналовъ. «Никакой общественный порядокъ не устоитъ тамъ, гдѣ будетъ дозволено публично разсуждать о такихъ предметахъ, которые можетъ знать только католическая церковь и правительство», сказалъ герцогъ валенсійскій. Но какіе же это именно предметы — герцогъ краснорѣчиво умолчалъ о нихъ. Впрочемъ сенатъ не успѣлъ вотировать этотъ законъ. Узнали вдругъ, что Нарваецъ вышелъ изъ министерства. Извѣстно, что послѣ иезуита Кларе и сестры Патроциніо — этого роскошнаго цвѣтка, выросшаго на развалинахъ старой испанской инквизиціи, — особенными симпатіями двора пользуется нѣкто Обрегонъ, теноръ комической оперы. Журналы потѣшаются надъ этимъ жалкимъ гидальго отъ всей души. Но это вовсе не мѣшаетъ Обрегону устроить свои дѣла наилучшимъ образомъ; онъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ плохимъ водевилистомъ, авторомъ Zarzuelas, который, подъ впечатлѣніемъ валенсійскихъ событій, убѣдилъ своего друга, что если броженіе не успокоится, то ему, Обрегону, отрубать голову. Узнавъ это, Обрегонъ, рѣшился спасти свою родину и самого себя. Онъ сдѣлалъ то, чего не могла добиться сама Христина, родная мать Изабеллы. Онъ пересилилъ и сестру Патроциніо, и толедскаго архіепископа, и папскаго нунція; онъ выпросилъ у королевы обѣщаніе смѣнить Нарваца, снова взять О'Доннелю и, подъ его руководствомъ, дѣйствовать за одно съ либеральной унией. Условія, предложенныя О'Доннелемъ, были очень тагостны: онъ захотѣлъ быть полновластѣе маршала, сталъ требовать многого и добился всего. Онъ даже захотѣлъ признать итальянское королевство, чтобы заявить всѣмъ о новой эрѣ, начинающейся въ Испаніи. Какое же было изумленіе королевы! Безусловное повиновеніе клерикаламъ давнымъ давно составляло основаніе ея политики, и вдругъ она измѣнила ей. Вотъ что говорить на этотъ счетъ одинъ испанскій листокъ:

«Позвольте ли вы мнѣ признать итальянское королевство?» телеграфируетъ приведенная въ ужасъ королева Цию IX. Въ отвѣтъ на это, она получила слѣдующій отвѣтъ: «Дочь моя, поступай, какъ предпишутъ тебѣ твоя воля, разсудокъ и благочестіе.» Такой отвѣтъ равнялся запрещенію, но О'Доннель принялъ его за позволеніе.

О'Доннель не сталъ терять времени. Онъ немедленно представился палатѣ и объявилъ, что его министерство будетъ министерствомъ согласія и мира, и что, въ подтвержденіе этого, правительство беретъ назадъ оба проекта законовъ противъ печати, которые были представлены его предшественникомъ, Нарвазомъ. «Настоящіе законы достаточно ограничиваютъ печать; преступленія противъ этихъ законовъ должны подлежать только суду присяжныхъ, который составляетъ истинную гарантію свободы и справедливости. Журналисты отнынѣ не будутъ отвѣчать за полковниковъ и офицеровъ. «Вслѣдъ за этимъ, О'Доннель перешелъ къ порицанію закона о выборахъ. Онъ будетъ замѣненъ новымъ закономъ, уменьшающимъ избирательный цензъ съ 400 до 200 реаловъ и устанавливающимъ принципъ обширныхъ избирательныхъ округовъ, который дѣлаетъ возможнымъ искренность въ подачѣ голосовъ.

«Далѣе, правительство дѣятельно примется за секуляризацию церковныхъ имѣній.

«Кромѣ того, правительство рѣшилось признать Виктора-Эммануила королемъ Италіи.»

За нѣсколько мѣсяцевъ прежде, эта программа, быть можетъ, возбуждала бы энтузіазмъ; теперь же ее принимаютъ холодно. Дѣйствительно, противъ министерства либеральной уніи говорятъ его прошлое, долгое прошлое, полное насилию, предательства, бездарности и обмана. Чего только не наобѣщали и чему только не измѣнили викальваристы? Сидя на скамьяхъ оппозиціи, они, въ минуты опасности, были преисполнены либерализмомъ, но достигши власти, они стали жестоки и въ высшей степени самовольны. Возможно ли забыть, что новыхъ поборниковъ свободы печати зовутъ Позада-Геррара и Каковасъ-дель-Кастильо; что тѣ же люди, которые хотятъ возвратить журналистамъ судъ присяжныхъ, отняли его у нихъ и притянули своихъ противниковъ къ военному суду? Что же касается секуляризациі церковныхъ имѣній—либеральная унія уже разъ бралась за это дѣло, сообразуясь съ предписаніями короля; кордата, но она потерпѣла позорную неудачу, хотя въ то время обстоятельства были гораздо благоприятнѣе, потому что страна была относительно спокойна и партіи на время сложили оружіе. Смо-

жетъ ли либеральная унія, при твердномъ, въ высшей степени критическомъ положеніи, сдѣлать то, чего не могла или не хотѣла сдѣлать, когда была въ силѣ? Уступка въ избирательномъ цензѣ, который пониженъ отъ 100 до 50 франковъ, безмѣрно велика на взглядъ реакціонеровъ, а демократамъ она кажется совершенно ничтожною, потому что они давно требуютъ всеобщей подачи голосовъ и считаютъ величайшею несправедливостью то, что требуется имѣть въ кошелекѣ 100 или хотя 50 франковъ, чтобы приобрести право быть испанцемъ. Что отъ избирателя требуются извѣстные ручательства въ нравственности, способности, образованіи и развитіи — это еще понятно, но требовать 50 франковъ въ годъ — 20-ю франками дороже, чѣмъ за позволеніе охотиться, — это болѣе, чѣмъ забавно. Маршалъ О'Доннелъ покупаетъ за 50 франковъ пару сапоговъ и за 50 же франковъ даетъ право подписывать законы странъ: интересно знать, въ одной ли цѣнѣ оба эти товара въ глазахъ маршала.

Что же касается политической стороны денежнаго ценза, то либеральная унія, повидимому, копирующая англійскія учрежденія, могла бы давно убѣдиться, на живомъ примѣрѣ, какими послѣдствіями оканчивается этотъ цензъ. Кто знакомъ хотя мѣсколько съ современною исторіею, тотъ знаетъ, какъ глубоко деморализирована общественная совѣсть Англій избирательной системой, основанной на денежномъ цензѣ. Полнѣйшая неспособность большинства депутатовъ, составляющихъ парламентъ, парализируетъ всякую энергію его дѣятельности и обращаетъ его въ корпорацію людей, заинтересованныхъ не столько общественнымъ благосостояніемъ, сколько личными выгодами. Подкупы, интриги и стремленія мелкихъ честолюбивъ развращаютъ своимъ влияніемъ и ту ничтожную горсть честиовъ, которые могли бы быть честными выразителями народной воли.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ могутъ быть выборы тамъ, гдѣ право голоса продается за извѣстную сумму шиллинговъ, гдѣ всякій пачочникъ, набившій себѣ карманъ, можетъ явиться соискателемъ чести засѣдать въ парламентѣ и покупать эту честь за деньги? Какой общественной и политической совѣсти можно ждать отъ людей, которые добиваются представительнаго сана, какъ турецкій паша или витайскій губернаторъ добиваются своей почетной должности? Поэтому, нечему удивляться, когда цѣлые годы тянется какаянибудь пустая реформа, предложенная парламентомъ въ двадцать пять годовъ и нерѣшенная до сихъ поръ. Понятна также и та мертвая азиатка, съ которой большинство депутатовъ отно-

сится въ самыя звучныя требованія страны. Какое дѣло до этихъ требованій сытому джентльмену, попавшему въ представи-тели только ради того, чтобы красоваться въ спискѣ великобританскихъ депутатовъ? Всю эту нелѣпность давно уже понимаетъ Англія и протестуетъ противъ своего избирательнаго базара довольно громко, а О'Доннелъ прививаетъ ее, какъ новую спасительную оспу въ Испанію.

Программа, которую президентъ совѣта изложилъ передъ палатою депутатовъ, отличается такимъ эластичнымъ либерализмомъ, который на первый разъ озадачиваетъ недалновидныхъ испанцевъ; но болѣе дальновидные хорошо знаютъ, что между словами и дѣлами О'Доннеля никогда не было согласія. Поэтому обидящія реформы были приняты хладнокровно, и только проэктированное циркуляромъ г. Бермудеца-де-Кастро признаніе итальянскаго королевства возбудило вниманіе публики.

Какъ только дошелъ слухъ объ этомъ, до папскаго нунція, онъ явился къ О'Доннелю требовать свой паспортъ. Никто не знаетъ, что отвѣчалъ ему маршалъ; извѣстно только, что, явившись къ нему съ мрачною фізіономіею и гнѣвнымъ взоромъ, его католическое преподобіе вышелъ отъ него съ улыбкою на устахъ и остался въ Мадридѣ.

Въ настоящее время О'Доннелъ сдѣлался предметомъ яростныхъ нападеній со стороны католической партіи. Она никакъ не можетъ простить президенту Совѣта его еретическаго намѣренія—подбавить лишнюю горькую каплю и безъ того въ соевный напитокъ св. римскаго отца. Архіепископы, епископы, аббаты и всѣхъ чиновъ духовные рыцари, защищающіе какую-то тѣнь папскаго авторитета, сочли себя оскорбленными тѣмъ, что Испанія—это гнѣздо инквизиторскихъ и іезуитскихъ преданій,—протягиваетъ руку примиренія отверженному королю Италіи. Отвсюду сыпятся адреса, протесты; сестра Патроцінію угрожаетъ оставить Изабеллу и лишить ее своихъ спасительныхъ молитвъ, если только королева утвердитъ несчастное признаніе. Въ этой мышиной борьбѣ прогрессистамъ и демократамъ предстоитъ почетная роль принять подъ свое покровительство О'Доннеля; они защищаютъ его весьма слабо, хотя вожди клерикальной партіи, Носедалъ и Виллума, перенесли борьбу на вопросъ о призваніи итальянскаго королевства. Защитники О'Доннеля сумѣли только повторить плохую рѣчь г. Тьера противъ единства Италіи; не смотря на свое переложеніе на испанскій языкъ, рѣчь вышла не лучше. Палата не рѣшилась вотировать порицаніе, котораго требовали отъ нея католики. Правда, О'Доннелъ министръ, и

что, недѣли двѣ тому назадъ, повинувась Нарвазю, та же самая палата сочла бы величайшею дерзостью, еслибъ кто нибудь предложилъ ей признать Виектора Эмманула.

Преніе окончилось поучительнымъ происшествіемъ. Пригласивъ присутствующихъ возстать противъ министерства О'Доннеля, навный Носедалъ воскликнулъ: «Если бы даже ея величество, королева Испаніи, признала итальянское королевство государственнымъ актомъ, я даю торжественное обѣщаніе, что никогда не стану уважать этого акта!»

И такъ, О'Доннель и королева предупреждены. Пусть весь міръ признаетъ единство Италіи,—господинъ Носедалъ не только станетъ игнорировать его, но, съ помощью своихъ единомышленниковъ, подниметъ еще знамя междоусобной войны.

Фактъ тотъ, что глава католическаго міра, а въ лицѣ его и самая идея католическаго культа съ каждымъ днемъ теряютъ своихъ приверженцевъ. Нынѣ оставляетъ Пій IX Испанія, а завтра измѣнитъ ему и сама Италія. Даже люди, прямо заинтересованные въ сохраненіи этой фантастической власти, такъ долго и такъ тяжело господствовавшей надъ европейскими народами,—и тѣ сомнительно покачиваютъ головой, когда имъ указываютъ въ будущемъ на возрожденіе ихъ прежняго величія. Для всѣхъ становится ясно, что католичество рухнуло не во мнѣніи Европы, а въ самомъ корнѣ своего историческаго существованія; оно держится одной формой и внѣшней дисциплиной, выработанной вѣками, а не внутреннимъ содержаніемъ, котораго въ немъ болѣе нѣтъ. Это пустой стволъ, съ сухими вѣтвями, у котораго сгнила сердцевина, и этого органическаго разложенія не остановитъ никакая сила. Въ этомъ убѣждены самъ Пій IX и его ратоборцы. Поэтому они всего больше и хлопчутъ о поддержаніи тѣхъ наружныхъ формъ, которыя еще долго будутъ вводить въ заблужденіе невѣжественную массу. Какъ только упадетъ съ глазъ эта послѣдняя повязка, католичество немедленно похоронитъ себя въ мутномъ потокѣ исторіи, какъ похоронили себя Римская имперія, феодализмъ и тому подобныя сокровища европейской цивилизаціи.

Но для меня все-таки странно поведеніе Испаніи въ этомъ дѣлѣ. Какъ только О'Доннель коснулся католическаго вопроса, всѣ другія его обѣщанія и реформы отступили въ умѣ испанцевъ на второй планъ, и всѣ партіи, какъ-будто только того и ожидавшія, занялись толками, протестами и адресами *за* и *противъ* римской церкви. Напряженное состояніе страны нѣсколько поубавилось и опасность сдѣлалась менѣе грозною. Правда, что Испанія уже болѣе не дрожитъ подъ ударами высокоумнаго Нарваца, что она

не рискует увидѣть на своихъ улицахъ тѣхъ кровавыхъ сценъ, которыми ее угощали прежній министръ; правда и то, что клерикальная партія не управляетъ больше правительствомъ, но тѣмъ же лучше буржуазная реакція, на четверть часа ударившаяся въ либерализмъ? Тѣмъ не менѣе, раздраженіе нѣсколько унялось, хотя ни одинъ вопросъ не рѣшенъ и затрудненіе чуть ли не увеличилось тѣмъ, что власть попала въ руки *либеральной униі*.

Сплетеніе идей и интересовъ дошло до того, что мало по малу споры о дѣлахъ замѣняются спорами о личностяхъ. Среди этого столкновенія страстей раздаются имена трехъ великихъ вождей арміи: Нарваца, герцога Валонскаго, О'Доннеля, герцога Тетуанскаго, и Прима, графа Рейсъ.

Вчера былъ диктаторомъ реакціонеръ Нарвацъ, сегодня сталъ диктаторомъ либеральный О'Доннель, а прогрессистъ Примъ разсчитываетъ сдѣлаться имъ завтра.

Не смотря на угрозы, которыя произносятся гг. Виллума и Носадаемъ и повторяются каждое утро католическими журналами, кажется, что клерикальная партія еще не согласилась съ Нарвацомъ касательно плана кампаніи. Она потеряла наступательное положеніе, и теперь ея нападенія ограничиваются еще оскорбленіями и яростными криками. Въ ихъ рукахъ дворъ былъ орудіемъ для истребленія прогрессистовъ; но это послушное орудіе ускользнуло у нихъ изъ рукъ и имъ еще не удалось снова овладѣть имъ.

Что же касается герцога Тетуанскаго,—ему нечего терять времени. Онъ стоитъ во главѣ всего, заправляетъ всѣмъ, постоянно хлопочетъ. Ему хотѣлось бы немедленно заставить королеву подписать посланіе къ Виктору Эмануилу, но, не смотря на свои требованія, онъ еще не успѣлъ добиться этой условленной подписи. Самые смѣлые друзья кричатъ ему, что медлить и дожидаться этой подписи было бы безуміемъ и можно стоять ему головы. Ему совѣтуютъ пользоваться какъ можно скорѣе тѣмъ, что онъ во главѣ правительства, совѣтуютъ стать во главѣ національнаго движенія и основать новый Викальваро, передъ которымъ первый былъ бы только слабымъ опытомъ. Ему совѣтуютъ отбѣгъ у своего противника Прима программу прогрессистовъ; потому что полу-мѣры и полу-системы ведутъ къ пораженію, когда пришелъ часъ борьбы.

И великій визирь выслушиваетъ все это, помура голову и сжимающая рукоять ятагана. Онъ морщитъ брови и тербитъ бороду. Онъ сознаетъ, что совѣты его друзей нѣсколько своевременны, но еще не смѣетъ рѣшиться. Пока онъ желалъ бы сообразить свои

соперникомъ и начинаетъ вести переговоры съ Придможъ и своими братьями, Мадозомъ и Олодагой. Онъ боится искреннихъ совѣтовъ и рѣшительныхъ мѣръ, боится всего, хоть сколько нибудь похожаго на послѣдовательность дѣйствій. Ему не хочется поднимать на ноги націю, потому что онъ опасается, что не сможетъ обуздать ее, когда захочетъ. Онъ родился въ военномъ семействѣ, которое, за два или за три поколѣнія, приобрѣло аристократизмъ, и въ немъ нѣтъ ничего демократическаго. Понедѣвать — вотъ его призваніе; онъ созданъ быть полновластнымъ министромъ полновластнаго государя, а не вождемъ партіи, которая носитъ названіе *либеральной* уніи. По его мнѣнію, эта роль гораздо приличнѣе Приму, сыну прачки, даже Нарвацу, который, будучи либераломъ по убѣжденіямъ и темпераменту, бросилъ, очертя голову, въ реакцію съ досады, что ему не удалось быть первымъ и что Эспартеро уже занялъ то мѣсто, котораго добивался онъ самъ. Словомъ, О'Доннелъ еще размышляетъ. Онъ одинаково боится и реакціи и либерализма. Онъ боится, что будетъ принужденъ сдерживать обѣщанія, которыхъ не хотѣлъ бы исполнить.

Положеніе Прима гораздо лучше. Онъ — возрастающая власть; его честолюбіе еще молодо. — «Чего я не добьюсь?» спрашиваетъ онъ. Онъ плыветъ по теченію; имя его не возбуждаетъ той ненависти, того недовѣрія, которыя выпадаютъ на долю его противниковъ, потому что у него меньше прошлаго и больше будущаго.

Впрочемъ онъ нѣсколько побаивается О'Доннели. Онъ знаетъ, что О'Доннелъ возвращаетъ прежнія должности всѣмъ, кого вытѣснилъ Нарвацъ, что онъ, по мѣрѣ силъ, очищаетъ армію и раздаетъ всѣ значительныя мѣста преданнымъ людямъ, на которыхъ онъ можетъ разсчитывать. Боясь, что онъ отниметъ у него его программу, Примъ тоже заранѣе принимаетъ свои мѣры; онъ предлагаетъ свои услуги революціи или, по крайней мѣрѣ, вступаетъ въ союзъ съ революціонерами; люди его партіи протягиваютъ руку республиканцамъ Катадоніи, Бискаи, Кастиліи и Андалузіи. Онъ заводитъ дружескія сношенія съ старикомъ Эспартеро, который ожидаетъ со дня на день, что его солдатская натура понадебится испанскому правительству. Другамъ королевы Примъ подаетъ смутныя надежды, что сдѣлается рыцаремъ, что онъ удивитъ весь міръ своею преданностью и галантерейностью.

Это еще одинъ изъ тѣхъ спасителей, которые готовы раздробить всякій гордіевъ узелъ своимъ крѣпкимъ толедокимъ клинкомъ; еще одинъ изъ тѣхъ бадавней судьбы, которые много шумятъ, достигаютъ всемогущества и никогда ничего не дѣлаютъ и не сдѣ-

лають хорошаго. Имъ ненужны ни большое великодушіе, ни ге-ній, ни патріотизмъ.

Флорентійское правительство еще не обнародовало отчета о дипломатических сношеніяхъ Вегеци, но на этотъ счетъ мѣбнія согласны: требованія папы были таковы, что королю было бы опасно уступить имъ.

Чтобы примириться съ Ватиканомъ и церковью, чтобы облегчить исполненіе конвенціи 15 сентября и угодить желаніямъ Наполеона III, Вегеци было предписано идти на всевозможныя уступки, даже пожертвовать самолюбіемъ. Королевскій уполномоченный не требовалъ отъ римскаго двора ни признанія короля, ни даже признанія Италіи. Викторъ Эммануиль отказывался отъ права представлять епископовъ, — отъ права, которое оставили за собою всѣ государи и подтвердили всѣ конкордаты. Выражаясь точнѣе, Викторъ Эммануиль не совсѣмъ отказывался отъ этого права, а хотѣлъ обязаться представлять только кандидатовъ, уже назначенныхъ папою. вмѣсто присяги, которою онъ, однако, очень дорожилъ, король готовъ былъ удовлетвориться общимъ признаніемъ законовъ и конституціи страны. Онъ соглашался считать епископовъ полномочными посланниками папы, но онъ оставлялъ за собою право давать епископамъ ехеquaturs, какъ даютъ всѣ государи находящимся при ихъ дворѣ дипломатамъ. Этотъ ехеquatur давалъ бы католическимъ епископамъ право занимать свои мѣста въ предѣлахъ Италіи. Говоря откровенно, король не могъ требовать меньше, когда не состоялось еще окончательное отдѣленіе церкви отъ государства. Если епископы должны были почерпать свои доходы изъ сундузовъ итальянскаго королевства, то надо было, чтобы эти епископы, такъ или иначе, признали существованіе сундува и общаго плательщика.

Ватиканъ нашель это требованіе слишкомъ заносчивымъ. Не только итальянскіе епископы не должны были считаться подданными короля Италіи, но и епископы Тосканы, Мархій, Умбріи, Романьи, Пармы и Модены; они должны были игнорировать существованіе итальянской территоріи, а всякую треть, въ срокъ уплаты банковыхъ билетовъ, получать жалованье отъ государства.

Вегеци понялъ, что его старались обмануть. Онъ не прервалъ переговоровъ, но просилъ пріостановить ихъ до новыхъ предписаній и оставилъ Римъ, подъ предлогомъ получить еще инструкціи отъ своего двора. До послѣдней минуты Вегеци остался медоточивымъ и сладкимъ, деликатнымъ и вѣжливымъ до крайности; чтобы понравиться своимъ собесѣдникамъ, онъ говорилъ латинскими

текстами. Онъ хотѣлъ быть хитрѣе дипломата Рота, изворотливѣе генерала иезуитовъ, проницливѣе монсиньора. — Пій IX не остался въ долгу у самаго утонченнаго дипломата: онъ изволилъ очистить свои остроги и тюрьмы и выслать нѣсколько сотенъ итальянскихъ мошенниковъ къ королю Италіи. Но всѣ эти вѣжливости и тонкости не привели ни къ какому положительному результату. У каждаго былъ свой камень за пазухой и каждому хотѣлось половчѣе провести другъ друга. Но если Вегецци изображалъ собою молодую лису, то не монсиньору Антонелли подставлять свой хвостъ туринскому дипломату. Такимъ образомъ, переговоры кончились ничѣмъ.

— «Я предлагаю вамъ все, рѣшительно все, что могу дать, говорилъ Викторъ Эммануилъ, и прошу отъ васъ только *minimium* уступокъ. Дать больше и просить меньше я не могу, не отказываясь отъ своей королевской власти.»

— «А я, очень мѣтко отвѣтилъ папа, не могу согласиться на этотъ *minimium*, не теряя самъ свою власть.»

Начинать переговоры при такомъ положеніи дѣлъ было нелѣпостью, а добиться какого нибудь соглашенія было бы еще большею нелѣпостью, потому что, въ данномъ случаѣ, всякое соглашеніе могло бы только унижить обѣ соглашающіяся стороны.

Но если переговоры не привели ни къ чему, то они очень повредили обѣимъ сторонамъ: враги попробовали согласиться и по этому случаю теперь не въ состояніи предпринять что нибудь другъ противъ друга. Клерикальные журналы не могутъ уже съ прежнею яростью вопить противъ Виктора Эммануила, съ тѣхъ поръ, какъ они сознались, что король Пьемонта на дѣлѣ искуснѣе и добрѣе, чѣмъ они думали. Точно также журналы пьемонтской партіи не могутъ нападать съ прежнимъ ожесточеніемъ на римскій дворъ, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ люди усѣлись въ кресла канониковъ, говоря: «будемъ бесѣдовать о духовныхъ дѣлахъ духовнымъ же языкомъ.»

Переговаривавшіяся стороны невольно сблизились, а общественное мнѣніе отдалилось отъ нихъ. Французскіе епископы, бельгійскіе и испанскіе ультрамонтаны находятъ, что собраніе кардиналовъ обнаружило въ этомъ случаѣ преступную слабость и что они пожертвовали интересами всемірной католической церкви во имя мѣстныхъ, чисто-итальянскихъ интересовъ римско-католической церкви. Что же касается европейскихъ либераловъ, которые удостоили итальянское королевство своимъ специальнымъ некровительствомъ, они приняли въ негодованіе отъ этихъ хитростей, заднихъ мыслей, виланій и, говоря безъ обиняковъ, отъ измѣны той системѣ, которую Кавуръ завѣщалъ государственнымъ людямъ Италіи: «Сво-

бодная церковь въ свободномъ государствѣ.» Итальянскіе патриоты тоже были возмущены. Переговоры продолжались 6 недѣль, и все это время только и было слышно, что о митингахъ, большихъ народныхъ сходкахъ, протестаціяхъ, демонстраціяхъ, которыя сильно смахивали на агитацію; все это болѣе и болѣе увлекало правительство къ строгимъ мѣрамъ. Примиреніе между папою и королемъ не удалось, а вышло охлажденіе между королемъ и его народомъ. Никто больше не говоритъ о Викторѣ Эммануилѣ.

Одинъ только аспромонтскій герой кричитъ еще съ своей Капреры: «Италія и Викторъ Эммануилъ!» Но кто же слушаетъ теперь героя-отшельника? Много съ тѣхъ поръ утекло воды. Итальянскіе патриоты раздражены, стѣснены, унижены. Они отрицаютъ все, что случилось съ 1859. Если бы пришлось начинать съизнова, они не стали бы ничего дѣлать. Они находятъ, что союзъ съ Наполеономъ деморализовалъ Италію. Италія запуталась въ безысходныхъ дебряхъ между папою, Австріею, императоромъ французомъ и королемъ Викторомъ Эммануиломъ, и между всѣми ими бьется, какъ истомившійся пловецъ, опутанный, какъ сѣтями, длинными водорослями. И съ тѣхъ поръ уже нѣтъ выхода изъ цѣлаго ряда ограниченій, компромиссовъ, соглашеній и обмановъ. Говорятъ, что это былъ цѣлый потокъ мистификацій. Гарибальди работаютъ не для Италіи, а для Виктора Эммануила, Викторъ Эммануилъ для Наполеона, Наполеонъ для папы, а папа для всеобщаго бѣдствія! Послѣ побѣды, послѣ ложной побѣды не остается даже и того, что остается послѣ пораженія, не остается ни знамени, ни даже лозунга!...

За немнѣнимъ крупныхъ событій, уомянемъ о мелкихъ происшествияхъ, которыя имѣютъ свое значеніе.

Правительство короля распустило муниципальный совѣтъ въ Неаполѣ, величайшемъ изъ итальянскихъ городовъ, населенномъ 400,000 жителей, на томъ основаніи, что большинство совѣта состояло изъ республиканцевъ. Эта крутая мѣра была необходима.

Монсеньоръ Нарди, аудиторъ въ совѣтъ Рота, самая умная голова папскаго правительства, получилъ приказаніе отвѣчать герцогу Персильи на его письмо, которое въ послѣднее время надѣлало столько шума. Знаменитый прелатъ, по примѣру императорскаго совѣтника, официально адресовалъ свое посланіе его превосходительству г. Гролонгу, президенту императорскаго сената въ Парижѣ. Что можетъ быть высокоумнѣе и презрительнѣе тона этого монсеньора! Письмо его, конечно, самое холодное, самое глупое.

враждебное изъ всѣхъ писемъ, написанныхъ противъ французскаго правительства. Его распространили полу-официально въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ. Мы приводимъ нѣсколько выписокъ:

«Г. Персини успокоиваетъ насъ, говоря, что Римъ принадлежитъ міру, что онъ — общее достояніе католическихъ державъ: Франціи, Австріи, Испаніи, Португаліи, Баваріи, Бразиліи. Что Римъ составляетъ часть міра — это весьма вѣрно, но мы положительно отрицаемъ, чтобы онъ принадлежалъ католическимъ державамъ. И такъ какъ нужно имѣть большое терпѣніе съ невѣждами, то мы повторимъ то, что у насъ извѣстно даже дѣтямъ, а именно, что Римъ и Церковная область принадлежатъ римской церкви.»

Вотъ какъ монсиньоръ Нарди справляется съ единственнымъ аргументомъ, который ультрамонтанскіе публицисты Франціи, Испаніи, Бельгіи, Баваріи, Бразиліи и т. д. изобрѣли за одно съ французскими политиками-реакціонерами, чтобы оправдать внимательство Наполеона III въ дѣла Рима и подавленіе римской республики французскимъ оружіемъ. Да будетъ извѣстно теперь всѣмъ и каждому: папское правительство и не думаетъ признавать, что Римъ принадлежитъ католичеству. Никакому иностранцу, католику или не католику, нечего мѣшаться въ дѣла Рима. Римская церковь должна быть полновластною госпожею у себя. Она вовсе не желаетъ, чтобы, подъ предлогомъ защитить ее противъ злонамѣренныхъ враговъ, къ ней вторгались драгуны, въ родѣ г. Гойона, или кирасиры, въ родѣ г. Удино.

По словамъ Персини, папское правительство, какъ оно ни погрязло въ злопамятство и старые предрасудки, все-таки боится, что императоръ Наполеонъ лишитъ его своей поддержки. Этими словами герцогъ только вызываетъ противъ себя и своего государя слѣдующее возраженіе:

«Господице президентъ Тролонгъ, въ Римѣ нѣтъ ни заговоровъ, ни предрасудковъ, ни опасеній, что осудитъ императорское долголѣтіе; но, вмѣсто всего этого, знайте и помните, что есть терпѣніе, мужество и *prezumiere*».

Затѣмъ монсиньоръ Нарди рассказываетъ событія 1859 г. Упрекая австрійцевъ за сдачу Болоньи и Феррары, онъ восклицаетъ: «Если Австрія сдѣлала ошибку, то ошибка эта состояла въ томъ, что она побоялась принца Наполеона, стоявшаго во главѣ французскихъ войскъ въ Тосканѣ. Австрійскимъ генераламъ слѣдовало оставаться на мѣстѣ и идти на опасность, хотя бы ихъ было вшестеро меньше. Надо было заставить французскія или, иначе говоря, *неприятельскія* души бомбардировать павскія стѣны. Бо-

роться противъ лицемѣрія можно только тѣмъ, чтобы заставить его дѣйствовать открыто!»

Мы не забудемъ словъ монсиньора Нарди и припомнимъ ихъ въ свое время, на своемъ мѣстѣ.

Третій случай: арестъ Чардулло, атамана разбойниковъ, открылъ весьма интересные факты. Разбойничество поддерживается не только Санфедистами, герцогами Кайаниелло, маркизами Массаниелли, неаполитанскими эмигрантами въ Римѣ, мелкими и крупными прелатами, шайками монаховъ, но и добряками буржуа, которые находятъ выгоднымъ пускать свои капиталы въ оборотъ, вручая ихъ такимъ людямъ, какъ Гала, Куэко и Крокко. Схваченный Чардулло былъ управляющимъ анонимнаго общества и въ одинъ годъ принесъ ему около милліона барыша; деньги эти, какъ говорятъ, были очень добросовѣстно раздѣлены между всѣми вкладчиками. Въ числѣ начальниковъ предпріятія называютъ одного Капетти, который, съ своей стороны, вложилъ въ общественную кассу 5,000 дукатовъ. Онъ немедленно бѣжалъ, какъ только до него дошелъ слухъ объ арестѣ его соучастника.

Венеціанская область продолжаетъ протестовать. Жители нашли возможность отпраздновать, болѣе или менѣе гласно, день сольферинской битвы. Празднованіе было скорѣе торжественное, чѣмъ веселое, потому что всякій хорошо знаетъ, что множество патриотовъ будетъ схвачено и посажено въ тюрьмы послѣ пира, фейерверковъ и бенгальскихъ огней съ цвѣтами Италіи. Не смотря на эти заявленія, австрійское правительство, будто бы успокоенное послѣдними распоряженіями туринно-флорентинскаго кабинета и требованіями рейхсрата, рѣшилось перевести на мирное положеніе нѣмецкіе гарнизоны, находящіеся въ Венеціанской области; но еще не слышно, чтобы число войскъ было уменьшено.

Финансовый кризисъ и непріязнь Венгріи — вотъ, по нашему мнѣнію, самыя неизлѣдимыя раны, все глубже и глубже разѣдающія австрійскую имперію. Безъ хорошей политики невозможно и хорошее положеніе финансовъ, а для Австріи, по нашему мнѣнію, хорошая политика немислима. Впрочемъ, она дѣлаетъ еще попытку примиренія съ странюю по ту сторону Лейтн. Императоръ Францъ Іосифъ еще разъ побывалъ въ Пештѣ, опять надѣвалъ венгерскіе сапоги, плащъ и мѣховую куртку, опять давалъ и полу-

часть въ замѣнъ обѣщанія. Неизвѣстно, что изъ этого выйдетъ для Венгрии и какъ страна откликнется на королевскія грамоты, по которымъ созваніе сейма назначено въ октябрѣ. Выборы будутъ производиться на основаніи закона 1848 года. До сихъ поръ публика обнаруживаетъ очень мало желанія подчиниться февральскому статуту.

Всѣ партіи раздражены и протестуютъ съ крайнимъ озлобленіемъ, что, впрочемъ, случается всегда во время перестройки и попытокъ примиренія, когда еще не погасла взаимная вражда; къ старому неудовольствію прибавляется еще новое.

Министерство Шмерлинга, программю котораго была германизация Венгрии, сильно скомпрометировало себя. Члены его были принуждены просить императора объ отставкѣ; но просьба ихъ еще не исполнена, потому что императоръ еще не знаетъ, кѣмъ замѣнить этихъ господъ. На членовъ новаго министерства легла бы тяжелая отвѣтственность за старые грѣхи. Имъ пришлось бы преобразовывать бюджетъ, оставляя въ сторонѣ военный и морской бюджетъ, секретныя суммы и содержаніе двора, — словомъ, преобразовывать финансы, не дѣлая никакой экономіи; имъ пришлось бы прибавить доходы, не ограничивая расходовъ. Правительство желаетъ министра финансовъ, который могъ бы выполнить это чудо; оно ищетъ его всѣхъ. Въ Австріи, какъ и всѣхъ, главный вопросъ — это вопросъ денежный. Очень трудно имѣть большой бюджетъ и въ то же время угодить всѣмъ, даже платящимъ подати. Имѣть большой бюджетъ — это даже самое вѣрное средство не угодить ровно никому. Требуите слишкомъ много денегъ — и всѣ будутъ недовольны, а недовольные люди будутъ платить мало. Финансовая система Австріи представляетъ совершенный контрастъ англійской системѣ: въ Англійи требуютъ все меньше и меньше денегъ, чтобы имѣть все больше и больше. Въ Соединенныхъ Штатахъ поступаютъ еще лучше: правительство истратило 10 миллиардовъ на восстановление Союза, а граждане добровольно жертвуютъ ему эту огромную сумму.

И такъ, австрійскій императоръ еще не нашелъ человѣка, у котораго достало бы духу принять въ наслѣдство тяжелую обязанность г. Пленера. Г. Пленеръ весьма спокойно и методично шелъ къ потерѣ кредита; за неимѣніемъ лучшаго, желали бы видѣть его премникомъ не Турго, а Коломны.

Покуда объявили довольно громкогласно о министерствѣ Майалатъ-Велькреди Ауэрсперга; послѣдній будетъ назначенъ президентомъ Совѣта и его имя будетъ вывѣскою. Не всѣ голоса были

на сторонѣ этого выбора. Любимый германцами и реакціонерами, онъ пришелся бы не по дупѣ венграмъ и либераламъ; а министерство мѣняютъ именно для того, чтобы привлечь венгровъ. Поэтому неудивительно, что, получивши послѣднія извѣстія, 52 чловѣка изъ политическихъ знаменитостей отказались вступить въ новый кабинетъ. И такъ, вѣроятно, Пленеръ и Шмерлингъ останутся на своихъ мѣстахъ до новыхъ событій, до конца засѣданій, а быть можетъ, и дольше. «Только слѣдующая тронная рѣчь, говорить одинъ вѣнскій журналъ, раскроетъ передъ австрійскими народами программу новаго правительства». Если приходится ждать, мы и подождемъ безъ особеннаго любопытства. Терпѣніе обойдется намъ недорого.

Пикировка Австріи съ Пруссіею продолжается и усиливается. Въ день рожденія аугустенбургскаго претендента, прусскій комиссаръ запретилъ въ герцогствахъ всякія манифестаціи въ честь новорожденнаго. Австрійскій же комиссаръ не нашелъ достаточныхъ причинъ, чтобы не допустить ихъ, и, съ его дозволенія, жители дали волю тому, что принято называть энтузіазмомъ: цѣлыя вереницы молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, отправились къ его свѣтлости съ привѣтствіями и корзинами цвѣтовъ; депутаціи отъ дворянства, буржуазіи, профессоровъ, рабочихъ, пасторовъ и крестьянъ отправились верхомъ въ Нейштадтенъ, чтобы поздравить августѣйшую чету. Въ Килѣ особенно этотъ энтузіазмъ не имѣлъ границъ. Колокола звонили, суда, общественныя зданія и дома были увѣшаны знаменами, салфетками и простынями, улицы украшены гирляндами; вечеромъ городъ былъ иллюминированъ и жители наслаждались прогулкою при фонаряхъ. Въ окнахъ были выставлены портреты герцога и его августѣйшей супруги. Профессора греческаго языка при кильскомъ университетѣ, профессора духовной герменевтики и пасторы въ золотыхъ очкахъ увѣнчали невинными лаврами бюсть того героя, который прежде, послѣ и во время того, какъ австро-пруссави давили датчанъ, тратилъ свою воинственную дѣятельность на придумываніе радужныхъ мундировъ и на заказываніе этихъ мундировъ гамбургскимъ и лейпцигскимъ портнымъ.

Энтузіазмъ къ герцогу объясняется только однимъ: ненавистью къ Пруссіи, которая вторгается въ герцогства и поселяется въ нихъ, какъ въ блокаузѣ, противъ воли населенія, противъ желанія Австріи и всей Германіи.

Чтобы заглушить угроженія совѣсти, одинъ прусскій депутатъ предложилъ палатѣ купить за деньги права аугустенбургскаго

дома на герцогства; права эти были проданы Даниі, почему же имъ не быть перепроданными Пруссіи? Ни палата, ни правительство не обратили на это вниманія. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ серьезныхъ и пристальныхъ изслѣдованій, государственные законники высказали, наконецъ, свои заключенія въ спорномъ дѣлѣ о правахъ на наслѣдство. Они рѣшили, что права аугустенбургскаго дома такъ же неосновательны, какъ и права ольденбургскаго дома, а права гогенцоллернской линіи болѣе, чѣмъ загадочны. А такъ какъ никто не имѣетъ наслѣдственныхъ правъ, то дѣйствительнымъ оказывается только одно право Австріи и Пруссіи, основанное на добровольной уступкѣ Даниі.

Мы не удивлены этимъ рѣшеніемъ и совершенно довольны тѣмъ полнымъ согласіемъ, которое существуетъ между ними, т. е. преданными правительству юристами. Но только съ этимъ рѣшеніемъ неразрывно связаны слѣдующія, вытекающія изъ него соображенія.

Если послѣ войны имѣютъ дѣйствительный вѣсъ только тѣ права на герцогства, которыя уступлены самою Даниєю, въ такомъ случаѣ и до войны были законны права одной только Даниі. Въ такомъ случаѣ, историческія и дипломатическія права, которыя Пруссія противопоставляла Даниі, не имѣли никакого значенія, и война, лишившая Данию ея правъ собственности, была несправедлива. Стало бытъ, если бы совѣсти и великодушіе имѣли значеніе въ политикѣ и дипломатіи, Пруссія, съ своей стороны, должна была бы возвратить герцогства Даниі послѣ третейскаго суда государственныхъ юристовъ. При всемъ этомъ, предполагается, конечно, что сами жители герцогствъ не имѣютъ никакого права подавать голосъ въ этомъ дѣлѣ, и что они—только спорная собственность, изъ-за которой ссорились и ссорятся поддѣжники нѣмецкихъ помещельныхъ собственниковъ.

Рѣшеніе государственныхъ юристовъ удивило многихъ; многіе восхищались ихъ независимостью и добросовѣстностью. Ожидали, что они объявятъ, что, по совѣсти и убѣжденію ихъ, государственныхъ юристовъ, герцогства по всѣмъ правамъ принадлежать гогенцоллернскому дому.—Все это думали люди, непонимавшіе маневра Бисмарка, который нашелъ своихъ берлинскихъ юристовъ и также основательно рѣшилъ съ ними, что право войны выше всѣхъ наслѣдственныхъ правъ.

Последніе дни прусской сессіи были заняты бисмарко-фирховскимъ дѣломъ. Самъ военный министръ, г. Роонъ, отправился къ профессору на домъ, чтобы уговорить его принять дуэль. Вообще берлинская буржуазія негодовала противъ военной партіи, которая

противозаконнымъ образомъ старалась навязать дуэль самимъ законодателямъ. Раздраженіе было сильно между студентами, которые предлагали гуртовую дуэль и были готовы драться со всевозможными лейтенантами. Волненіе затихло мало по малу, когда распустили палаты; но прежде верхняя палата тоже вмѣшалась въ ссору. Она просила правительство позаботиться, не выходя изъ предѣловъ законности, о томъ, чтобы оскорбленія, клеветы и другія преступныя рѣчи, произносимыя членами палаты депутатовъ, даже во время ихъ совѣщаній, подлежали уголовному суду. Говоря короче, министерство будетъ имѣть право, черезъ посредство преданныхъ ему судей, населять тюрьмы тѣми изъ ораторовъ оппозиціи, которые не понравятся ему.

Если бы эта система осуществилась на практикѣ, она уничтожила бы собою независимость депутатовъ, и господство націи черезъ посредство ея представителей обратилось бы въ такое же пустое слово, какимъ стала конституція.

(Замѣтимъ въ скобкахъ, что верхняя палата не признала себя подлежащею обыкновеннымъ судамъ.)

Кромѣ того, она не приняла бюджетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ палаты депутатовъ, и пригласила правительство управлять и распорядиться финансами страны по своему благоусмотрѣнію. Въ этомъ, впрочемъ никто не сомнѣвался.

Послѣ этого оставалось только закрыть парламентскую сессію. Король не считалъ нужнымъ проститься лично съ представителями народа. Онъ возложилъ эту обязанность на президента Совѣта, который исполнилъ ее рыцарски.—Для дворянства тронная рѣчь была преисполнена меда и сахара; для депутатовъ она была полна упрековъ. Рѣчь Бисмарка была ничто иное, какъ обвинительный актъ, и заключеніе въ государственную тюрьму всѣхъ обвиненныхъ имъ было бы самымъ логическомъ слѣдствіемъ этой рѣчи. Министръ былъ вполне убѣжденъ, что не получитъ отвѣта, тѣмъ болѣе, что оппозиціонное большинство палаты депутатовъ блистало своимъ отсутствіемъ. Даже члены бюро не сочли нужнымъ явиться въ Бѣлую залу.

Совершенно иначе обошлось закрытіе англійскаго парламента: оно произошло тихо и спокойно, хотя, вслѣдъ за нимъ, тотчасъ должны были начаться общіе выборы. Догадки о ихъ возможныхъ результатахъ были бы бесполезны. Дѣло скоро обнаружится.

Впрочемъ парламентъ нѣсколько взволновался по поводу дѣла

лорда канцлера Вестбюри. Этот лордъ, занимавшій, вмѣстѣ съ Пальмерстономъ и Глодстономъ, высшія государственныя должности, долженъ былъ подать въ отставку по очень печальному случаю. Прежде было дѣло Эдмундса. Хотя лордъ Вестбюри имѣлъ неопровержимыя доказательства того, что, въ продолженіе 30 лѣтъ, Эдмундсъ, такъ или иначе, пользовался противозаконными доходами, не смотря на это, онъ только заставилъ его выйти въ отставку и даже далъ ему пенсію. Это дѣло совершенно скомпрометировало брата лорда Брума: онъ выхлопоталъ взяточнику это мѣсто, съ условіемъ, что тотъ будетъ платить ему извѣстный, довольно значительный процентъ съ своихъ доходовъ.

Сильно замѣшанный лордъ Вестбюри могъ выпутаться изъ этой неприятой исторіи, только оставивъ службу; но это ему не удалось. Онъ считалъ себя спасеннымъ, — но въ это время открылось, что, по рекомендаціи своего старшаго сына, Ричарда Беселя, онъ далъ мѣсто субъекту, въ родѣ Эдмундса; кромѣ того, было доказано, что вышепомянутый Ричардъ бралъ деньги съ этого негодяя за свою рекомендацію. Въ то же время, различные кредиторы стали преслѣдовать сына лорда-канцлера. Судъ шерифовъ объявилъ его виновенъ закона; потомъ почтенный Ричардъ Бесель былъ арестованъ сержантомъ въ присутствіи цѣлой толпы аристократовъ на Эпсомскихъ скачкахъ, гдѣ онъ игралъ и держалъ пари съ хорошими товарищами. Почтенный Ричардъ Бесель былъ немедленно заключенъ въ Райдингскую тюрьму.

Это новое происшествіе взволновало нижнюю палату; она заявила свое неудовольствіе, и лордъ Вестбюри былъ вынужденъ сложить съ себя свою должность.

Вся страна отозвалась на это событіе. То же самое случилось, въ 1621 г., съ Баконемъ: онъ тоже былъ лордомъ-канцлеромъ; его тоже уронилъ неожиданный, но, тѣмъ не менѣе, заслуженный ударъ, когда онъ находился въ апогеѣ власти и, только что окончивъ свой великій трудъ, приобрѣлъ громкую извѣстность и долженъ былъ получить достоинство вивонта.

Виновность лорда Вестбюри такъ же несомнѣнна, какъ виновность Бакона. Онъ два раза былъ уличенъ въ предосудительной небрежности и, по справедливости, долженъ быть наказанъ.

Однако, публика жадѣетъ, что лордъ Вестбюри палъ такимъ образомъ. Онъ виновенъ не какъ судья, а какъ раздаватель мѣстъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что оба преступленія, за которыя онъ наказанъ, составляютъ дѣло очень обыкновенное для крупныхъ должностныхъ лицъ; что лордъ Вестбюри еще меньше вино-

вать, чѣмъ его сотоварищи и предшественники; что онъ былъ однимъ изъ первыхъ противниковъ той ужасной рутинѣ, которая господствовала, съ незапамятныхъ временъ, въ судебной администраціи. Не говоря о другихъ реформахъ, онъ ввелъ справедливость и здравый смыслъ въ ликвидациі банкротствъ, которыя до него обогащали толпу низкихъ паразитовъ на счетъ бѣдныхъ должниковъ и кредиторовъ. Онъ же сдѣлалъ общимъ правомъ разводъ, котораго прежде могли добиться только люди богатые, способные заплатить за разводную сто или двѣсти тысячъ франковъ. Но самымъ великимъ дѣломъ была смѣлость разбить въ куски ту чудовищную систему гражданскаго и коммерческаго законодательства, которая управляетъ Англією. Уничтоживъ ее въ глазахъ общественнаго мнѣнія, онъ готовилъ новыя постановленія, въ которыхъ были бы и логика, и здравый смыслъ; но ему на это не дали времени. Онъ раздражилъ всѣхъ враговъ реформъ и, въ особенности, враговъ законныхъ реформъ, начиная съ тѣхъ, которые наживаютъ сотни тысячъ франковъ въ годъ, и кончая тѣми, которые наживаютъ только тысячи, потому что законъ представляетъ лабиринтъ, а справедливость стала дѣломъ случайности. Кромѣ того, владѣя ѣдкимъ и быстрымъ сарказмомъ, увлекательнымъ даромъ слова, онъ нажилъ себѣ множество личныхъ непріятелей.

Теперь вся исторія понятна. Лордъ Вестбюри палъ не за то, что былъ взяточникомъ, а за то, что былъ врагомъ взяточниковъ. Его небрежность и снисхожденіе были обращены въ оружіе противъ его реформаціонныхъ попытокъ. А секретъ его пораженія и того толчка, который такъ плачевно сбилъ его съ ногъ, заключается въ томъ, что онъ поднялъ войну противъ набожныхъ піэтистовъ высочайшей церкви и противъ корыстолюбивыхъ должностныхъ лицъ. Въ процессѣ *Moses versus Coleuso* онъ, не колеблясь, принялъ сторону натайскаго епископа противъ примасовъ Англіи и уничтожилъ судебнымъ путемъ непогрѣшимость авторитета англійскаго епископства. Засѣдая въ касационномъ судѣ, онъ уничтожилъ приговоръ клерикальныхъ трибуналовъ, направленный противъ авторовъ: «Опытовъ и обзорѣній» за то, что авторы эти осмѣлились усомниться въ нѣкоторыхъ изъ XXXIX пунктовъ англиканскаго исповѣданія. Рѣчь, произнесенная имъ по этому поводу, была образцомъ здраваго смысла и ироніи, ума и веселости.

Такъ какъ Англія признала за кораблями конфедератовъ права воюющей стороны, то, въ настоящую минуту, между Англією и Соединенными Штатами происходятъ переговоры объ отнятіи этихъ правъ.

Въ этомъ случаѣ британское правительство очень заботится о томъ, чтобы дѣйствовать за одно съ французскимъ.

Вашингтонскій кабинетъ не захотѣлъ признать правилъ лорда Росселя о дарованіи 24-часовой льготы и присвоиваетъ себѣ право захватывать всѣ суда конфедератовъ, занимавшіяся прежде крейсерствомъ, какъ бы не обращая никакого вниманія на ихъ новые флаги. Такимъ образомъ, Соединенные Штаты требуютъ отъ Испаніи корабль: Tallahassee, который сдался кубскимъ властямъ, а отъ Англіи—Rarohonok. Вопросъ поставленъ слѣдующимъ образомъ:

Rarohonok вошелъ въ Саутамптонскую гавань подъ фальшивымъ именемъ: *Беатриче* (трогательное превращеніе стараго корсара въ идеальную любовницу Данта).

Тотчасъ г. Адамсъ, полномочный министръ Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонѣ, принялъ свои мѣры, чтобы заставить соблюдать предписанія г. Сьюарда.

Rarohonok, съ своей стороны, подчинился предписаніямъ англійскаго кабинета.

Кромѣ того, Rarohonok былъ купленъ, на самомъ дѣлѣ или только для вида, однимъ ливерпульскимъ оружейникомъ.

Когда шло дѣло о *Трентъ*, Пальмерстонъ и императоръ Наполеонъ неминуемо объявили бы войну Соединеннымъ Штатамъ, въ отвѣтъ на такое требованіе, съ тѣхъ поръ времена очень перемѣнились.

Въ Парижѣ законодательный корпусъ тоже окончилъ свою сессію. Смолькъ и его докучный голосъ, и въ продолженіе шести мѣсяцевъ будутъ говорить почти одни только правительства.

Изъ послѣднихъ рѣчей, произнесенныхъ въ Palais-Bourbon, по нашему мнѣнію, стоитъ упомянуть только о рѣчи г. Пельтана. Рѣчь эта касалась вскрыванія частныхъ писемъ, которое позволяютъ себѣ полицейскіе агенты, префекты и вообще всѣ власти. Г. директоръ почтъ и г. государственный министръ съ гнѣвомъ отрицали очевидность факта. Этотъ гнѣвъ, это опроверженіе фактовъ были только заявленіемъ уваженія къ истинѣ и справедливости.

Въ своемъ отвѣтѣ г. министру, который утверждалъ, что французы пользуются свободой и обладаютъ всѣми правами, г. Гле-Бизуень исполнилъ всѣ права, отнятыя у націи декабрьскимъ coup d'etat! То была мрачная вереница, ночной смотръ, воспѣтый

позомъ Зейдлицомъ, смотръ покойника великой арміи, которая въ полночь парадируетъ надъ деревьями Елисейскихъ полей, передъ глазами перваго изъ Наполеонидовъ. *Caesar, morituri te salutant!*

Но Парижъ и Франція разбѣянно слушали эти краснорѣчивыя рѣчи. Всѣ совершенно поглощены вопросомъ о стачкахъ работниковъ; — это въ настоящую минуту самый жгучій изъ насущныхъ вопросовъ не только во Франціи, но и въ Англии, Германіи, Бельгіи, и даже въ Римѣ, въ этомъ городѣ святого отца. Мы переживаемъ въ высшей степени серьезный экономическій кризисъ. Причина его заключается въ томъ, что вотъ уже лѣтъ 20, какъ предметы первой необходимости почти удвоились въ цѣнѣхъ, тогда какъ задѣльная плата осталась въ той же пропорціи. Съ тѣхъ поръ на-сущное пропитаніе стало невозможнымъ; съ тѣхъ поръ начались стачки рабочихъ и борьба между трудомъ и капиталомъ.

Исключая Англию, рабочіе нигдѣ не имѣютъ права собираться чтобы обсуживать свои интересы. Во Франціи — и это большое противорѣчіе, — они имѣютъ право ассоціаціи, но лишены права собираться. Недавно, благодаря ассоціаціи, 30,000 рабочихъ, которые занимаются въ Парижѣ дѣланіемъ каретъ, рисковали остаться безъ хлѣба. Но прежде, чѣмъ пускаться въ ходъ крайнія средства, фабриканты и рабочіе захотѣли переговорить между собою. Фабриканты отправляются въ префектуру полиціи и просятъ позволенія созвать выборныхъ отъ работниковъ, чтобы обсудить дѣло и согласиться съ ними. Г. префектъ предпочелъ допустить стачку, отъ которой парижская торговля понесетъ убытокъ въ нѣсколько милліоновъ, принимая въ расчетъ только денежный убытокъ, но ни за что не рѣшился дозволить публично собраніе, въ которомъ участвовало бы больше двадцати человѣкъ. Воля блюстителей общественнаго порядка совершилась.

Но если нѣтъ возможности собираться для соглашенія, то всегда находятъ средство собраться, чтобы условиться о враждебныхъ дѣйствіяхъ. Хозяева и фабриканты собираются въ обществахъ, рабочіе сходятся въ кабакахъ и трактирахъ. Три или четыре тысячи извозчиковъ парижской компаніи маленькихъ каретъ раздѣлены административнымъ образомъ на 144 депо. Каждое изъ этихъ депо прислало по одному выборному въ большой трактиръ. Придя на мѣсто, эти 144 уполномоченные раздѣлились на группы, состоявшія изъ 12 человѣкъ, и спросили себѣ завтракъ. Каждая группа тутъ же выбрала двухъ депутатовъ. Потомъ эти 24 депутата сошлись, будто случайно, выпили грогу и выбрали изъ среды себя 4

человѣка, которымъ поручили интересы 3,600 извозчиковъ. Это были выборы въ 4 приема, но они продолжались меньше двухъ часовъ. Такъ же распорядились и 36,000 каретниковъ. Вотъ что перепугало сенатъ, законодательный корпусъ, совѣтъ министровъ и частный совѣтъ. Вотъ что навело правительство на печальныя размышленія о гарантіяхъ, которыми оно, будто бы, оградило себя посредствомъ своей полиціи и своего законодательства. Вотъ что побудило г. Дюпена требовать отмѣненія закона объ ассоціаціяхъ — (что было бы вѣрнѣйшимъ средствомъ произвести возстаніе, въ ожиданіи революціи); вотъ что заставило г. Мартеля сказать, обращаясь съ рѣчью къ законодательному корпусу, что будто бы въ каждой ассоціаціи скрывается тайное общество.

Въ Германіи рабочіе, тоже лишенные права собираться, пускаютъ въ ходъ болѣе первобытное, но въ то же время и болѣе романтическое средство. Альтонскіе рабочіе отправляются на гамбургскую территорію или *vice versa*; они собираются толпами, чтобы погулять, говорятъ они, на вольномъ воздухѣ, вольныхъ поляхъ, въ свободныхъ лѣсахъ и по свободному берегу. У нихъ отнимаютъ возможность собираться сотнями, — поэтому они собираются тысячами; имъ не дозволяютъ толковать о дѣлахъ за кружкой пива, — поэтому они по военному группируются въ батальоны, эскадроны и полки, съ музыкою во главѣ.

Въ Парижѣ стачка извозчиковъ произвела всего больше волненія. Пускай опустѣютъ мастерскія, пускай рабочіе разойдутся по домамъ — публика этого не замѣтитъ. Но какъ только кареты перестанутъ снова въ улицамъ и бульварамъ; какъ только не окажется на лицо извозчика, когда идетъ дождь или приходится спѣшить на дѣловое свиданье, или вестн багажъ на желѣзную дорогу — публика начнетъ безпокоиться.

Въ стачкѣ извозчиковъ вопросъ былъ поставленъ удивительно ясно. Было понятно, что тутъ шла борьба не между капиталомъ и трудомъ, а между монополіею и свободою. Надо сказать, что г. сенскій префектъ лишилъ собственности мелкихъ содержателей каретъ и предоставилъ компаніи почти полную монополію перевоза путешественниковъ. Монополія, какъ извѣстно, ведетъ за собою двѣ вещи: непомѣрную эксплуатацію публики и непомѣрную же эксплуатацію агентовъ монополіи, — будь эти агенты кучера или лошади. Отъ этого публикѣ приходится плохо и платить она дорого; отъ этого и лошадей дурно содержать, дурно кормить; это малорослыя, тощія влячи, невзрачныя лошаденни, на которыхъ жалко

смотрѣть. Отъ этого и извозчики получаютъ ничтожную плату:—плата эта такъ мала, что, по свидѣтельству всѣхъ и по ихъ собственному чистосердечному признанію, имъ не на что было бы прожить, если бы, кромѣ того, что они получаютъ на водку, они не обкрадывали компанію. Уничтоженіе концовъ въ четверть часа, которые были для извозчиковъ источникомъ самыхъ крупныхъ повражъ, было одною изъ главныхъ причинъ стачки. Монополия огромной компаніи, которая платитъ городу 130,000 франковъ ежегоднаго взноса, можетъ держаться только милостынею и воровствомъ.

Замѣьте, что компанія маленькихъ каретъ, о которой мы только потому такъ распространяемся, что она имѣетъ незавидную честь быть представительницею системы монополей,—что эта компанія въ продолженіи пяти или шести лѣтъ существуетъ подѣ страхомъ неминуемаго банкротства. Воровство идетъ систематическое, сверху внизъ: шорники воруютъ при поставкѣ кожи, слесаря при поставкѣ желѣза, столяры при поставкѣ дерева, администраторы обкрадываютъ извозчиковъ, извозчики администрацію—и все это доказано. Въ этомъ отвратительномъ сплетеніи всякаго воровства есть только двѣ категоріи некрадущихъ, но обкрадываемыхъ существъ: это бѣдныя лошади и акціонеры!

Экономическій кризисъ, который произвелъ стачки и бездѣйствіе рабочихъ, и который, въ свою очередь, усиливается тѣмъ и другимъ сдѣлался очевиднымъ для всѣхъ. Мы говоримъ, не задумываясь, что затрудненія будутъ совершенно неразрѣшими, пока не прибѣгнутъ къ ассоціаціямъ, какъ къ универсальному лекарству. Пока рабочіе не соединятся между собою, пока буржуазія и пролетаріи не соединятся для торговыхъ, земледѣльческихъ и финансовыхъ предпріятій, до тѣхъ поръ стачки будутъ вызывать бездѣлье, а стачки и бездѣліе будутъ порождать нищету. Теперешняя экономическая система стоитъ на ложной дорогѣ; пустившись разъ по этой дорогѣ, легко дойти до абсурда, а этотъ абсурдъ ведетъ за собою разореніе, какъ практическое слѣдствіе.

Но теперь намъ некогда даже останавливаться на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что мы будемъ имѣть случай еще не разъ возвратиться къ нему.

Другое событіе, надѣ которымъ тоже сильно призадумались, это избраніе двухъ депутатовъ оппозиціи; и замѣйте, это избраніе произошло не въ Парижѣ, не въ большомъ городѣ, но въ двухъ отдаленныхъ департаментахъ: Марнскомъ и Пюи де-Домскомъ, ко-

торые всегда считались убѣжищами бонапартизма. Припомнимъ, что въ 1863 г. Морни получилъ 21,421 голосъ, что составляетъ единогласіе, за исключеніемъ 499 голосовъ, которые были на сторонѣ разныхъ другихъ конкурентовъ. Черезъ 2 года кандидатъ императора получилъ только 12,000 голосовъ, а на сторонѣ врага имперіи, говоря слогомъ префекта, было 14,000 голосовъ. Говорятъ даже, что, если бы можно было начать выборы съизнова, правительство потерпѣло бы окончательное поражение, было бы совершенно задавлено въ этой борьбѣ. Разсчитывали въ 1863 году, что съ 1857 г., въ совокупности избирательныхъ коллегій къ числу избирателей прибавилось 1,100,000 человѣкъ, и что оппозиція приобрѣла 1,300,000 голосовъ. Что же будетъ въ 1869 году?

Самый близкій, *отрныи* другъ императора поднялъ тревогу. За одно съ человѣкомъ, котораго мы не хотимъ назвать, этотъ преданный другъ издалъ брошюру: «Сорокъ дней расколотства». Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ соединеніе этихъ двухъ стилей, которые не смѣшиваются между собою: съ одной стороны, вы слышите человѣка искреннаго, но недѣлаго; съ другой — человѣка умнаго и хитраго. Трудно опредѣлить характеръ этого сочиненія: это что-то совершенно недѣльное. Наполеона I сравниваютъ тамъ не только съ Цезаремъ и съ Карломъ Великимъ, — этого мало, его сравниваютъ съ Иисусомъ Христомъ. Наполеонъ III равенъ Наполеону I, если еще не выше его. Что же касается императрицы Евгениі — это сокращеніе всѣхъ чудесъ неба. Наполеоновскія идеи — это великое отравленіе человѣчества, это евангеліе мессіи св. Елены. — Но вслѣдствіе несообразности, подмѣченной нами въ предисловіи къ «Жизни Цезаря», оказывается вдругъ, что великій смыслъ и всемогущество наполеоновскихъ идей, которыя, подобно религиозному догмату, призваны пересоздать міръ, разбиты въ куски, глубоко подрыты и поставлены въ чрезвычайно опасное положеніе неисправимыми людьми старыхъ партій, республиканцами и, главное, самое главное, — орлеанистами, которые прикинулись слугами имперіи. По словамъ *отрнаго*, существуетъ обширный анти-бонапартистскій заговоръ и начальники этого заговора окружаютъ престоль и наполняютъ всѣ отрасли администраціи, ожидая только благоприятной минуты, чтобы измѣнить государю.... Выписываемъ изъ этой брошюры нѣсколько въ высшей степени искреннихъ и поучительныхъ отрывковъ:

«Какъ только совершился переворотъ, всѣ низшіе члены Великаго, враждебнаго имперіи Общества получили предписаніе не ос-

тавлять своихъ мѣсть, а оставаться на нихъ, во что бы то ни стало, какъ остаются часовые побѣжденной стороны, поставленные слѣпою терпимостью побѣдителей на самые значительные посты побѣжденной крѣпости.

«Когда наступитъ ночь, говорятъ этимъ часовымъ начальники, вы бросите намъ лѣстницу и мы вернемся въ крѣпость». Такъ говорили, такъ дѣйствовали въ 1852 г. враги имперіализма, и въ 1865 г. крѣпость подвергается опасности быть захваченной цѣлкомъ ихъ войскъ.

«Тѣ изъ союзниковъ, которые не могли разыгрывать эту роль передъ лицомъ власти, приняли ее на себя въ отношеніи къ народу. Они занимали одинъ за другимъ всѣ пункты, которые народъ можетъ по праву и обязанности поручать своимъ избранникамъ, и въ настоящее время они служатъ его интересамъ такъ же честно, какъ многіе изъ ихъ сообщниковъ служатъ императору.

«Тѣмъ и другимъ нужна была нейтральная почва, чтобы встрѣтяться на ней. Финансисты общества превратили свои конторы въ салоны, и здѣсь-то сходятся для одного и того же дѣла тѣ, которыхъ толпа еще продолжаетъ считать непримиримыми врагами....

«Я не признаю общество настолько храбрымъ и рѣшительнымъ, чтобы оно осмѣлилось открыто напасть на имперію....

«Совокупность силъ можетъ показаться опасною, хотя бы отдѣльныя партіи были смѣшны и ничтожны....

«Исключая, быть можетъ, государя, всякій знаетъ объ этомъ столько же, сколько и я.

«Теперь, болѣе нежели въ какую нибудь другую эпоху исторіи, науки, литература и искусства могутъ имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ развитія обществъ.

«Наполеонъ I превосходно понималъ это; но, къ несчастью, ему не удавалось сойтись съ избранными умами. Не будь этого, они, въ его царствованіе, принялись бы за дѣло, къ которому приступили, какъ только могли судить его, какъ только его обстановка разсѣялась, какъ туманъ, при печальномъ свѣтѣ предательства. Его имперія воскресла, благодаря пропагандѣ Шатобриановъ, Тройевъ и Беранже, которые дѣйствовали во имя ученія святой Елены. Какимъ образомъ, послѣ этого патристическаго примиренія между наполеоновскими идеями и французскимъ разумомъ, произошелъ между ними вторичный разрывъ при второй имперіи....

«Создавши управление по дѣламъ печати, вторая имперія рѣшительно приступила къ важнѣйшей изъ задачъ, которыя предстояло

рѣшить. Къ несчастью, управленіе печатью было поручено лицамъ, которые стояли ниже своей роли....

«Разъ какъ такое управленіе не господствуетъ надъ серьезными людьми эпохи всею силою убѣжденія и таланта, оно становится несостоятельно потому что дѣйствуетъ въ тѣни, тогда какъ они дѣйствуютъ на просторѣ, и его креатуры становятся безцвѣтными личностями, которымъ поручено проповѣдывать въ пустыни....

«Есть ли во всей Франціи хотъ одинъ правительственный журналъ, который могъ бы соперничать съ самымъ слабымъ изъ враждебныхъ правительству журналовъ? Какой писатель, посланный управленіемъ по дѣламъ печати въ большіе города, можетъ похвастаться, что, онъ, даже въ глазахъ самаго управленія, пользуется тѣмъ уваженіемъ и значеніемъ, которымъ пользуется писатель оппозиціи?

«Отданный въ руки префекта, который видитъ въ немъ не болѣе, какъ слугу, правительственный журналистъ работаетъ изъ-за хлѣба, а не для той имперіи, которая, поставила его. Къ тому же, ему стоитъ только попробовать заговорить объ империализмѣ при обычныхъ посѣтителяхъ своего начальника и, я убѣжденъ въ этомъ, онъ въ тотъ же мѣсяцъ лишится своего жалованья....

«Кромѣ управленія по дѣламъ печати, которое должно было создать правительственную прессу, вторая имперія сочла нужнымъ учредить театральную дирекцію, которая, повидимому, должна возвысить драматическое искусство до уровня наполеоновскихъ идей....

«Что сдѣлала театральная дирекція противъ вторженія тѣхъ вредныхъ сочиненій, которыя, повидимому, имѣютъ цѣлью вести къ возвращенію буржуазнаго порядка вещей, основаннаго на равнодушіи и эгоизмѣ? Когда разложеніе было довершено, тогда, вмѣсто того, чтобы совнаться, что пора начать дѣйствовать, предложили государю перестать совсѣмъ дѣйствовать, и свобода театровъ сняла (по крайней мѣрѣ, повидимому) отвѣтственность съ главнаго управленія....

«Если журналисты съ уныніемъ расходятся съ управленіемъ по дѣламъ печати, то поэты и сочинители смотрятъ съ тѣмъ же чувствомъ на театральную дирекцію. Сами массы начинаютъ чувствовать отвращеніе къ тѣмъ родамъ поэзіи, которые до сихъ поръ съ успѣхомъ эксплуатировались. Массы съ недоумѣніемъ спрашиваютъ: неужели подъ скинтромъ преемника самой волшебной эпопей возможны только произведенія драматической литературы, которая недостойна этого имени?..

«Какъ бы ни были замѣчательны статьи имперіалистскаго журналиста, какія бы могучія сочиненія, какія бы потрясающія сцены, достойныя одобренія публики, ни выходили изъ подъ его пера, все это будетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда возбудятъ вниманіе толпы какою нибудь оппозиціонною эксцентричностью; все это будетъ встрѣчено съ сочувствіемъ только въ томъ случаѣ, если не будетъ противорѣчить ни одному изъ мнѣній и интересовъ тайныхъ противниковъ имперіи....

«Наказаніе стало чѣмъ-то въ родѣ награды, потому что даетъ огромный вѣсъ и извѣстность тому, кто навлекъ его на себя. Въ такомъ случаѣ, кто же не предпочелъ бы его тому равнодушію, которое выпадаетъ на долю преданности и вѣрности....

«Говоря откровенно, самый замѣчательный изъ издателей откажется выставить свое имя на имперіалистскомъ сочиненіи, потому что и онъ самъ, и издаваемые имъ авторы—истые орлеанисты. Я не требую преслѣдованій; я желалъ бы только, чтобы обратили какое нибудь вниманіе на возрастающее вліяніе того мнѣнія, которое позволяетъ небольшому числу людей выставять передъ публикою съ невыгодной стороны наполеоновскія идеи....

«Недавно одинъ драматическій писатель представилъ во французскій театръ драму въ стихахъ, въ которой восхвалялась внѣшняя политика Франціи и армія, которая такъ благородно поддерживала эту политику; драму расхвалили, автору расточали комплименты, которые сконфузили бы самого Расина; но при этомъ ему объявили, что его драма не будетъ поставлена, потому что она превышаетъ уровень, на которомъ хотятъ удержать искусство, потому что въ ней выражены слишкомъ возвышенныя чувства, потому что нельзя предположить, чтобы французскій мундиръ не былъ предосудителемъ и смѣшонъ для комедіантовъ императора....

«Что же касается литературы въ строгомъ смыслѣ,—гдѣ же книга, признанная второю имперіею? Гдѣ тотъ литераторъ, которому не пришлось бы раскаться въ томъ, что онъ рѣшительно сталъ на сторону наполеоновскихъ идей? — Когда появилась «Исторія Юлія Цезаря», всѣ переглянулись; чтобы узнать, хватитъ ли у кого нибудь духу похвалить эту книгу; но умы сдавлены такъ сильно, а для тѣхъ, кто не подчиняется этому давленію, правительственная поддержка такъ слаба, что ни одинъ молодой писатель не посмѣлъ рѣшиться посвятить себя безпристрастному разбору историческаго опыта государя....

«Нѣсколькимъ нарушителямъ общественнаго порядка позволили

задушить замѣчательныя сочиненія и краснорѣчивые уроки, которые еще не успѣли проникнуть въ публику, на томъ основаніи, что авторы этихъ сочиненій были заподозрѣны въ сношеніяхъ съ августѣйшими лицами...

«Черезъ нѣсколько дней, при правительствѣ, которое называется имперією, французская академія представитъ государю, какъ цвѣтъ своихъ членовъ, Прево-Парадоля, молодого человѣка, 34 хъ лѣтъ. Главное, всѣми признанное за нимъ достоинство заключается въ томъ, что онъ систематически опошлявалъ учрежденія своей родины. Какой примѣръ для молодого поколѣнія!»

На этотъ разъ мы будемъ говорить вкратцѣ о дѣлахъ Америки. Положеніе, въ сущности, то же самое, какъ въ прошлые мѣсяцы по прежнему стоятъ на очереди вопросы о возстановленіи Союза и о политическихъ правахъ негровъ. Вопросы эти очень затруднительны, потому они и не подвинулись впередъ.

Вотъ что мы читаемъ въ журналахъ:

Главный могильщикъ Нашвиля въ Теннесси похоронилъ, во время послѣдней гражданской войны, 12,284 солдатъ сѣвера и 18,000 солдатъ юга.

На полѣ битвы Мёрфресборо, онъ зарылъ самъ или съ помощью другихъ 3,000 солдатъ Союза.

Кромѣ того, онъ переслалъ 8,000 труповъ родственникамъ и друзьямъ, которые требовали ихъ.

Такимъ образомъ, черезъ руки этого ужаснаго работника перешло тридцать девять тысячъ труповъ.

Что дѣлаетъ эти цифры вѣроятными — это донесеніе военного секретаря, въ которомъ провѣряются потери, причиненныя гражданскою войною. Донесеніе подтверждаетъ, что со стороны федералистовъ потеря простирается до 325,000 убитыхъ и 1,100,000 раненыхъ, пзъ которыхъ умерло огромное большинство.

Такъ какъ потери со стороны южанъ не меньше, то въ итогъ мы получимъ ужасную цифру: 650,000 убитыхъ и 2,200,000 раненыхъ.

И всѣ эти огромныя жертвы были необходимы для торжества

справедливаго дѣла, гуманнаго дѣла, гуманнаго принципа, который былъ ясенъ со временъ Эпиктета!

Виргинскій уроженецъ, Эдмондъ Реффинъ, которому принадлежитъ первый выстрѣлъ, направленный противъ крѣпости Сѣмтеръ, самый первый выстрѣлъ этой ужасной гражданской войны, недавно лишилъ себя жизни въ Данвилѣ. Онъ повѣсился.

Ж. Лесоренъ

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Взглядъ Петра I на народное образованіе.—Запрещеніе лънивымъ ученикамъ жениться.—Просьба посадскихъ людей объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ цифирныхъ школъ.—Дальнѣйшія попытки создать народное образованіе.—Отношеніе безграмотныхъ къ учащимся грамотъ.—Объяснительная записка Министерства Нар. Просвѣщ. о состояніи народныхъ школъ.—Исторія нашихъ гимназій и университетовъ.—Новое положеніе ихъ, утвержденное въ 1864 году.—Самосузженіе нашихъ ученыхъ обществъ.—Жалобы ихъ на тѣсноту помѣщенія и недостатокъ общественнаго сочувствія.—Статистика нашего умственнаго прогресса.

Если читатель обратитъ свое умственное око на прошедшую исторію Россіи, то онъ усмотритъ чрезвычайно любопытный фактъ прогрессивныхъ отношеній нашихъ людей власти ко всему остальному населенію. Конечно, этого нельзя сказать о Рюрикѣ и о государственныхъ мужахъ Владиміра, какъ, напр. о Добрынкѣ Никитичѣ, Алесѣ Поповичѣ и Ильѣ Муромцѣ. Но вѣдь и несправедливо требовать отъ нихъ государственной мудрости, когда ихъ специальностью было — быть богатырями. Чтобы не наводить на читателя уныніе учеными изслѣдованіями о временахъ до-петровскихъ, я перейду прямо къ новой исторіи.

Петръ I былъ человѣкъ весьма практическаго ума, но органической теоріи онъ не держался, потому ли, что ея тогда не существовало, или по другимъ причинамъ — все равно. Дѣло въ томъ, что, посмотрѣвъ на жизнь европейцевъ и сравнявъ тамошнее съ русскимъ, Петръ понялъ, что своимъ умомъ жить дольше невозможно, что мы не умѣемъ даже пить, ѣсть и спать, какъ порядочные люди, не говоря уже про все остальное, обыкновенно называемое плодами цивилизаціи и просвѣщенія. Чтобы огорчить ны-

нѣшнихъ славянофиловъ, Петръ рѣшился сдѣлаться западникомъ и, съ свойственной ему элергіей, принялся просвѣщать свой народъ.

До Петра все русское образованіе ограничивалось грамотой, и просвѣщенные люди упражнялись въ чтеніи церковныхъ книгъ. Петръ хотя и не держался органической теоріи славянофиловъ, но понималъ вѣрно, что есть другая органическая теорія, болѣе вѣрная, чѣмъ славянофильская или почвенная. Онъ зналъ, что недостаточно учить уму-разуму однихъ болѣе и болѣе дачую аристократію, но что надо начать съ народа, потому что Россія только тогда отстанетъ отъ своей татарщины и войдетъ въ семью европейскихъ народовъ, когда образованіе распространится во всей массѣ населенія, а не будетъ принадлежностью какого нибудь десятка придворныхъ. Теоретически мысль была совершенно правильна, ибо только развитіемъ массъ создается истинный прогрессъ; но практически Петръ ошибся, полагая, что можно учить силой того, кто самъ не желаетъ учиться. Подобная ошибка весьма понятна. Въ вопросахъ экономическихъ Европа тогда еще ничего не понимала; нынче Петръ не сдѣлалъ бы такой ошибки и, конечно, постарался бы винить въ смыслъ народной поговорки, что «голодное брюхо къ ученію глухо». Оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ экономическомъ развитіи народа, по крайней мѣрѣ, не поставивъ его на первомъ планѣ, Петръ подготовилъ неудачу всѣмъ своимъ мѣрамъ къ образованію простонародья.

Желая угодить русскимъ мужикамъ образованнымъ козацкимъ, Петръ, въ 1714 году, открылъ въ разныхъ городахъ народные училища подъ названіемъ цеховныхъ или арифметическихъ школъ. Въ этихъ школахъ учили дворян, начальнымъ основаніемъ геометріи и грамотѣ.

Сначала въ школы должны были ходить дѣти привязанныхъ, чтобы подготовить изъ нихъ образованныхъ чиновниковъ; но потомъ, въ 1715 году, Петръ рѣшилъ, что будетъ гораздо лучше, если оупъ сдѣлаютъ образованными всѣхъ русскихъ безъ исключенія, и повелѣлъ посѣщать школы дѣтямъ людей всѣхъ званій.

Интересна мѣра, которой Петръ надѣялся возбудить прилежаніе въ дѣтяхъ привязанныхъ. Должно бытъ, приказаны были тогда велькіе любители женитьбы, что, впрочемъ, можно замѣтить и на привязанныхъ нашего времени. Было постановлено, что ученикъ, достигавшій успѣха въ наукахъ, лишается права на женитьбу. А чтобы

поставленіе это исполнялось въ действительности и какойнибудь лѣтній не учинилъ бы брака контрабанднаго, архіерейскъ дано было повелѣніе, чтобы лѣтцаевъ не вѣнчать.

Обученіе производилось бесплатно, но по окончаніи курса ученикъ долженъ былъ внести въ пользу учителя 1 рубль. По тогдашнему плата эта была хорошая, потому что учителя получали въ мѣсяцъ по 3 алтына парамышкѣ и 2 деньги изъ губернскихъ доходовъ. Какъ жили профессора на такомъ роскошномъ содержаніи—неизвѣстно, но, конечно, не будетъ большой смѣлостью, если мы съ вами, читатель, предположимъ, что они жили бѣдно.

Петръ во многихъ случаяхъ встрѣчалъ оппозицію со стороны народа. Оппозиція бывала, разумѣется, пассивная, но тѣмъ-то труднѣе было ее побѣдить. То же случилось и съ обязательными народнымъ образованіемъ въ видѣ грамоты и цифри. Ни того, ни другого народу еще не было нужно. Сельскій житель обходится еще и нынче безъ грамоты, а тогда могъ обходиться, конечно, и подавно; человекъ посадскій; промышленный и торговый не нуждался тоже въ ученіи, потому что, при несложныхъ операціяхъ, которыя назывались въ петровскія времена торговлей и промышленностью, грамота была такъ же нужна посадскому, какъ бабѣ, торгующей нынче квасомъ и лукомъ на базарѣ уѣзднаго города. Безъ грамоты люди жили, т. е. копилъ деньги и набивали себѣ брюхо до сыта, не зная цифри,—зачѣмъ же понадобилось провозвѣсти такую хитрую науку? Пойдетъ торговля лучше? Прибавится хоть одна лишняя копейка барыша?—Посадскій знаетъ, что не случится ни того, ни другого. Изъ-за чего же ему нужно было отрывать дѣтей отъ дома и посылать вдаль, чтобы ихъ тамъ мучили, да за это еще плати деньги? И вотъ посадскіе сочинили челобитную и просили освободить ихъ дѣтей отъ науки, потому что «многіе изъ дѣтей ихъ обучаются и сами собой». Такую основательную просьбу нельзя было не уважить, и дѣтей посадскихъ освободили отъ цифри и грамоты. Оказалось вотъ что: въ 1744 г., въ цифирныхъ школахъ не было ни одного ученика изъ дѣтей посадскихъ.

Не смотря на эту неудачу, наши правительственные люди не покидали мысли о народномъ образованіи. Да и почему бы ее слѣдовало покидать? Образованіе хорошая вещь?—Хорошая.—Хорошо, если вся страна состоитъ изъ образованныхъ и дѣятельныхъ людей.—Хорошо.—Слѣдовательно образовывать людей не мѣшаетъ.

Но этиъ основательнымъ соображеніямъ, въ царствованіе Екатерины II было рѣшено учредить вновь училища, сначала во всѣхъ городахъ, а потомъ и въ большихъ селеніяхъ. Такъ какъ при Екатеринѣ крутость и энергичность, отличавшія во всемъ Петра, сдѣлались гуманностью, то логика гуманности должна была проходить послѣдовательно и во всемъ, что касалось образования народа, пожалуй, здѣсь еще больше, чѣмъ въ другомъ. Петръ заставлялъ силой посылать дѣтей въ школы; при Екатеринѣ же, напротивъ, зависѣло волюнѣ отъ родителей—учить или не учить своихъ дѣтей. Тѣлесныя наказанія были запрещены, велѣно было обращать вниманіе на чистоплотность и опрятность и даже заботиться о чистомъ воздухѣ. Разумѣется, послѣднее было воспитательной рослошью, и русскому человѣку казалось мудренымъ, зачѣмъ это понадобилася чистый воздухъ въ комнатѣ? Тѣмъ не менѣе, чистый воздухъ требовался, потому что Иванъ Ивановичъ Шуваловъ зналъ, что это совершенно по европейски.

Одно непредвидѣнное обстоятельство помѣшало, къ сожалѣнію, осуществленію мысли объ образованіи народа. Причина была въ родѣ той, почему какой-то французскій городъ не могъ встрѣтить Коде нушечной пальбой: въ городѣ не было ни одной нуши. Въ положеніи этого французскаго города находились и наши Приказы Общественнаго призрѣнія, на которые было возложено учредить училища. Въ Приказахъ засѣдали люди хотя и хорошіе, но имѣвшіе о вопросѣ общественнаго образованія понятіе далеко не шуваловское. Это бы, положимъ, не особенно важно, и школы бы открыты можно, но прежде всего нужны учителя, а ихъ-то и не было. Такъ что, при всей готовности членовъ Приказовъ проявить свою просвѣтительную ревность, школы отрывались туго, не вездѣ, и дѣло впередъ не подвигалось. Прошло пять лѣтъ со времени указа объ открытіи школъ, а школъ все не было, и тогда, въ 1782 году, учреждена особая «Коммисія народныхъ училищъ», а черезъ четыре года (1786) утвержденъ, составленный ею, «Уставъ народныхъ училищъ.» Училища дѣлились на два рода: главные, въ губернскихъ городахъ, съ четырьмя классами, и малыя, двуклассныя, въ городахъ уѣздныхъ. Завѣдываніе ими поручено, по прежнему, Приказамъ.

Особенность устава 1786 г.—въ томъ, что въ немъ говорится только объ образованіи городскихъ жителей, а сельское населеніе

оставлено въ покоѣ. Мысль была, конечно, правильная. Ну, къ чему бы повело образованіе сельскаго населенія, не поставивъ его прежде въ лучшее экономическое положеніе? Да и въ чемъ бы это образованіе могло заключаться? Учить мужиковъ читать? Но что имъ читать, когда не существовало ни одной порядочной книжки? А читать Бову королевича хуже, чѣмъ ничего не читать. Зачѣмъ, спрашивается, могла бы понадобиться тогда мужику грамота и что бы онъ сталъ съ нею дѣлать?

Другая особенность заключалась въ томъ, что въ школахъ хотѣли давать ученикамъ самыя вѣрныя научныя свѣденія и сдѣлать школы разсадниками истинныхъ знаній. Съ этой точки зрѣнія, конечно, нельзя было оставить безъ вниманія частныхъ школъ и не изслѣдовать, какого рода свѣтъ распространяется изъ нихъ по необъятному пространству Россіи. Оказалось, что это свѣтъ сомнительный, потому что отставные солдаты, канцеляристы, пономари и дьячки, занимавшіеся тогда народнымъ образованіемъ, стояли на томъ же уровнѣ умственнаго развитія, какъ учителя Митрофанушки Простакова. Но и эти педагоги, съ ихъ частными школами, были подчинены тоже вѣденію и надзору Приказовъ Общественнаго призрѣнія. Если смотрѣть на вопросъ построже, то, пожалуй, отставные солдаты и пономари могли бы спокойно насаждать науку въ своихъ школахъ, не подчиняясь вѣденію Приказовъ, потому что ихъ наука была совсѣмъ не такъ замысловата. Ужь, разумѣется, они не стали бы учить тому, чего не знаютъ еще и пынѣшніе пономари и отставные солдаты. Что же касается до распространенія какихъ нибудь ошибочныхъ политическихъ взглядовъ, то, спрашивается, какіе политическіе взгляды могли быть у отставнаго солдата или у причетника, чтобы отъ нихъ могла предстать какая-либо опасности кому бы то ни было.

Какъ бы ни были, однако, Приказы Общественнаго Призрѣнія слабы по части отечественнаго просвѣщенія, но дѣло все-таки подвигалось впередъ, и такъ называемыя народныя школы, въ сущности небывшія нисколько народными, подготовили, наконецъ, такую массу грамотныхъ людей, что правительство нашло возможнымъ сдѣлать уже второй шагъ.—Пусть читатель не имѣетъ, однако, преувеличеннаго понятія о числѣ грамотныхъ того времени. Основной вопросъ воспитанія заключается въ досугѣ, потому что только тотъ можетъ учиться, у кого есть время; а свободное время толь-

но у тѣхъ, кто имѣеть средства. Слѣдовательно, чтобы учиться, нужно имѣть деньги. Денегъ и средства родились тогда у помещиковъ; — у купцовъ хотя было и то, и другое, но это были дикообразы, которые столько же желали учиться, сколько посадскіе временъ Петра 1-го. Такимъ образомъ, главный контингентъ для школы представляло дворянство и чиновничество, и мудрость, процвѣтавшая въ тогдашнихъ рассадникахъ науки, шла только на удобреніе умственнаго вертограда благородныхъ людей. Но и дворянами въ дѣлѣ науки двигало не какое нибудь благородное безкорыстіе или знаніе ради знанія. Нужно, чтобы знаніе приносило человѣку выгоду или пользу, и тогда онъ пойдетъ за нимъ. Посадскихъ, напримеръ, не было никакой выгоды учиться цѣлѣмъ, — они и просили, какъ милости, дозволить имъ не заниматься этими убыточными для нихъ дѣлами. Дворянство поступало бы точно также, если бы оно находилось въ положеніи посадскихъ; но дворянамъ учиться было выгодно, потому что они поступали въ государственную службу, которая требовала нѣкоторой грамотности. Знать, ученіе было выгодно, и кто хотѣлъ этой выгоды, тотъ учился, потому что иначе навязать ее никому нельзя.

Между тѣмъ, по мѣрѣ развитія государственной жизни, тѣ знанія, съ которыми выступали на ее поприще чиновные люди, становились недостаточными. Люди, стоявшие во главѣ управления и представлявшіе собой передовой правительственный элементъ, по мѣрѣ собственнаго развитія, понимали, что необходимо низшій чиновный слой тащить къверху. Это вытаскиваніе къверху могло сдѣлать только правительство, потому что мелкій чиновный людъ и дворянство не заключали въ себѣ тогда никакихъ элементовъ воспитательной прогрессивности. При императорѣ Александрѣ I, когда свѣжіе люди, знакомые съ административными и юридическими формами новой Франціи, взявъ ее учрежденія за образецъ, предприняли у насъ преобразование, согласно французскимъ образцамъ, — сдѣлалось необходимымъ расширить объемъ знаній лицъ, которымъ ввѣрялось преобразованное управленіе. Тогда, въ ноябрѣ 1804 года, былъ изданъ «Уставъ учебныхъ заведеній». Этимъ уставомъ главныя (четыреклассныя) народныя училища преобразованы въ гимназіи, изъ мужскихъ училищъ сдѣланы два рода высшихъ учебныхъ заведеній: уѣздныя (двуклассныя) училища и приходскія (одноклассныя). На сколько были правительствомъ взвѣданы люди, составлявшіе проекты учебныхъ преобразованій, можно видѣть изъ

того, что вмѣсто объясненія книги: «О должностяхъ человека и гражданина», которое дѣлалось прежде въ мадыхъ училищахъ, введено въ приходскія школы объяснительное чтеніе книги: «Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложении человеческого тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья».

Теперь же—ровно почти чрезъ это дѣтъ,—снова было обращено вниманіе на народное образованіе. Предположено учредить училища въ селеніяхъ. Въ казенныхъ училища должны были содержаться на счетъ крестьянъ; въ помѣщичьихъ—на счетъ помѣщиковъ, т. е. въ сущности, тоже на счетъ крестьянъ.

Русскій человекъ, столь богатый порывистостью и способностью, увлеченія, выказалъ при этомъ случаѣ самымъ блестящимъ образомъ всю силу своей кратковременной восторженности. Вся лучшая часть русскаго общества умилчалась предъ величіемъ картины, которую бы образовали шестдесятъ милліоновъ образованныхъ мужиковъ. Воимъ казалось, что русскій мужикъ не былъ образованъ до тѣхъ поръ только потому, что не существовало надлежащаго по этому предмету указа и не было написано устава. Но какъ только то и другое явится, всѣ мужики съ бородами и безъ бородъ, дѣвки, дѣти, бабы вытащатъ деньги изъ кубышекъ и изъ разныхъ грязныхъ тряпичекъ, замѣняющихъ для крестьянъ и портмоне, и нестерраемые денежныя шкатулки, понесутъ свое богатство къ сельскому волостному начальству и скажутъ ему такой сличъ: «начальство, мы хотимъ учиться, быть образованными; устрой школы, вотъ тебѣ деньги». Затѣмъ, черезъ годъ не будетъ уже ни одного необразованнаго мужика: молодые надѣнутъ фракъ и перчатки, старые же, нежелающіе разстаться съ бородами, удалются Гостомыслу, а деревенскія дѣвицы заиграютъ на фортепіано и запоютъ арію изъ аблесимовскаго мелодика. — Сочувствіе къ новой правительственной мѣрѣ было огромное, ожиданія безграничныя; чувствительные люди даже плакали или просто сморкались, желая доказать этимъ, что они очень растроганы. Но когда этимъ самымъ чувствительнымъ и восторженнымъ людямъ пришлось доказать, на сколько они способны къ самому дѣлу, то оказалось, что ровно ни на сколько. Правительству было не до школъ; на казенныхъ крестьянъ была надежда слаба: во-первыхъ, они не совсѣмъ хорошо понимали, для чего имъ нужно учиться; да если бы они это и понимали,

то, по своей бѣдности, не могли бы относиться сочувственно къ такому дѣлу, которое увеличивало ихъ денежные повинности. Помѣщики же, увидѣвшіеся предъ будущими плодами русскаго образованія, выросшими въ ихъ воображеніи, не шевельнули на дѣлѣ ни однихъ пальцемъ. Только духовенство, поддерживаемое нѣкоторыми лицами, принялось съ жаромъ за дѣло. Но и его жаръ долженъ былъ остыть, когда печальные факты убѣдили его, что учреждаемыя имъ школы существовать не могутъ. Въ 1806 году, въ одной Новгородской губерніи было открыто духовенствомъ 410 сельскихъ школъ, и всѣ онѣ закрылись въ слѣдующіе два года. То же самое повторилось и въ другихъ мѣстахъ: вездѣ открывались сельскія училища и вездѣ они закрывались въ скоромъ времени. Кого винить въ этомъ? Справедливѣе всего — никого. Ясно только то, что если школы открывались и въ первое время наполнялись учениками, значитъ, крестьяне искали знанія; а если потомъ они стали брать дѣтей назадъ, то, вѣроятно, потому, что разубѣдились въ практической полезности науки, преподававшейся въ школахъ. Была бы она имъ выгодна — стали бы учиться.

Уставомъ 1828 года не сдѣлано никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ народномъ образованіи: оставлены тѣ же училища, съ тѣми же названіями, но оказана большая матеріальная поддержка — принятіемъ расходовъ по уѣзднымъ училищамъ на счетъ казны. Городскія же и сельскія училища по прежнему должны содержаться на счетъ городскихъ и сельскихъ обществъ.

Съ учрежденіемъ министерства Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ, открытіе сельскихъ училищъ пошло несравненно успѣшнѣе прежняго. Разумѣется, это нужно приписать не тому, что бы чиновники этихъ вѣдомствъ вдохнули въ крестьянъ охоту къ ученію, а просто тѣмъ средствамъ, которыми располагали министерства. Содержаніе училищъ производилось на счетъ общественнаго сбора, т. е. на средства крестьянъ. Не ограничиваясь предметами общаго образованія, сельскія школы имѣли и специальную цѣль — готовить сельскихъ писарей, фельдшеровъ и межевщиковъ. Но еще успѣшнѣе пошло дѣло, когда, съ освобожденіемъ крестьянъ, принялись за учрежденіе деревенскихъ школъ. Всѣхъ народныхъ училищъ считается теперь до 30,000, съ 630,000 учащихся. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ объяснительной запискѣ, представленной Государственному Совѣту при проектѣ положенія о на-

чальныхъ народныхъ училищахъ (іюль 1864 г.), говорилъ: «Нельзя не радоваться такому отрадному явленію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не выразить живѣйшаго опасенія за прочность будущаго существованія училищъ, по трудности дать имъ надлежащее обезпеченіе. Правительству невозможно принять содержаніе ихъ на свой счетъ, и потому дальнѣйшая судьба ихъ, безъ сомнѣнія, будетъ зависѣть исключительно отъ степени сочувствія къ нимъ мѣстныхъ обществъ и развитія въ нихъ послѣднихъ потребности къ образованію». По поводу числа школъ (30 т.) и числа учащихся (630 т.), министръ замѣчаетъ, что цифры эти не должны вводить въ заблужденіе на счетъ блестящаго состоянія первоначальнаго народнаго просвѣщенія; по громадности населенія имперіи, эта цифра, напротивъ, ничтожна, показывая, что на 100 слишкомъ безграмотныхъ приходится только 1, учащійся грамотъ. Цифра эта будетъ еще незначительнѣе, если принять во вниманіе, что въ дѣйствительности, по разнымъ причинамъ, учащихся несравненно менѣе, чѣмъ показано на бумагѣ. Наконецъ, цифра эта, если бы она и была справедлива, оказывается далеко непрочною, по причинѣ необезпеченнаго, съ матеріальной стороны, положенія большей части приходскихъ училищъ. На содержаніе ихъ вездѣ, не исключая и городовъ, дается слишкомъ мало, потому что общества городскія и сельскія или не желаютъ, или не могутъ дать больше; есть такіе города, въ которыхъ училища содержатся на счетъ казны; есть и такіе, въ которыхъ вовсе нѣтъ общественныхъ приходскихъ училищъ; относительно же ихъ должно сказать, что только въ немногихъ изъ нихъ, не смотря на то, что сборъ для училищъ падаетъ на все населеніе, существуютъ училища; и, наконецъ, многія, сельскія училища ничѣмъ не обезпечены и обязаны своимъ существованіемъ только безкорыстному усердію духовенства.

Все это, какъ я уже сказалъ, говорится въ объяснительной запискѣ министра Нар. Просв., приложенной къ проекту о народныхъ училищахъ. Исторія этого проекта слѣдующая: такъ какъ министерство Народнаго Просвѣщенія не располагало достаточными средствами къ учрежденію и содержанію народныхъ школъ и имѣло въ своемъ вѣденіи только городскія приходскія училища, а всѣ остальные школы учреждались тѣми мѣстами и лицами, которыя находили у себя къ тому денежные средства, то у насъ развилась система сепаратныхъ дѣйствій различныхъ министерствъ по образова-

нiю народа. Министерству же Народнаго Просвѣщенiя принадлежало только право косвеннаго наблюденiя за народнымъ образованiемъ; но и это наблюденiе не могло быть дѣйствительнымъ, потому что для своевременнаго обзорѣнiя множества школъ, разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ, у министерства не было достаточныхъ средствъ. Отъ этой раздѣльности, народныя школы не представляютъ нигдѣ правильно-организованныхъ училищъ; въ учебномъ отношенiи, онѣ не имѣютъ никакого единства управленiя, и каждое управленiе, заведывающее образованiемъ народа, дѣйствуетъ особнякомъ. Чтобы этого не могло быть впередъ и чтобы направить дѣйствiя различныхъ воспитательныхъ органовъ къ одной общей цѣли, министерство Н. П. полагало необходимымъ составить общiй планъ для устройства элементарныхъ училищъ, находящихся въ разныхъ вѣдомствахъ, и всѣ школы имперiи подчинить, въ учебномъ отношенiи, министерству Народнаго Просвѣщенiя. Это было въ 1861 году. Мнѣнiе министерства было одобрено Государемъ Императоромъ, и затѣмъ приступлено къ составленiю проекта. Между тѣмъ, встрѣтились нѣкоторыя обстоятельства, и составленiе проекта затонуло такъ, что онъ поступилъ на разсмотрѣнiе Государственнаго Совета только въ половинѣ 1864 года.

При составленiи проекта, кромѣ вопросовъ чисто-педагогическихъ, представлялись и другiе, имѣющiе общо-государственное значенiе. «Такъ какъ до сихъ поръ правительство желало дѣйствовать на образованiе всѣхъ классовъ общества посредствомъ цѣлой системы казенныхъ училищъ, на что каждымъ вѣдомствомъ тратились значительныя суммы, между тѣмъ, опытъ показалъ, что система эта возможна, и то только въ нѣкоторой степени, для училищъ высшихъ и специальныхъ, а въ дѣлѣ народнаго образованiя совершенно несостоятельна, потому что для народныхъ школъ нужна совокупная и, по возможности, свободная дѣятельность правительства, духовенства общинъ и частныхъ лицъ, то изъ этого является необходимость опредѣлять родъ и степень участiя тѣхъ и другихъ въ общемъ дѣлѣ образованiя народнаго». Этотъ-то вопросъ и другiе, касающiеся съ нимъ въ связъ, отъ удовлетворительнаго разрѣшенiя которыхъ къ ту или другую сторону зависитъ успѣхъ дѣла, были соображены министерствомъ Н. П. и послужили основанiемъ, изъ котораго развился самый проектъ.

Первый вопросъ, поставленный министерствомъ, былъ слѣдующiй:

«Въ какомъ отношеніи должны находиться между собою различныя правительственныя вѣдомства по завѣдыванію дѣлами народныхъ школъ, и въ какомъ отношеніи должны состоять частныя общества и лица, по этимъ же дѣламъ, къ вѣдомствамъ правительственнымъ?» Вопросъ этотъ министерство Народнаго Просвѣщенія рѣшило такъ. Правительство, имѣя въ своихъ рукахъ инициативу въ дѣлѣ просвѣщенія и устранивая для государственныхъ цѣлей различныя спеціальныя училища, взяло на себя также и устройство учебныхъ заведеній всѣхъ степеней, начиная съ университетовъ и академій до элементарныхъ народныхъ школъ. Этимъ путемъ въ образованіи народа приняла участіе всѣ вѣдомства, развилась казенная учебная система, а частная педагогическая дѣятельность подавлялась и потому развивалась медленно. Независимо отъ того, что развѣтъ дѣла требовалъ со стороны казенныхъ управленій слишкомъ большихъ расходовъ, что преимущества, предоставленныя правительственнымъ вѣдомствамъ, дѣйствовали вредно на частныя воспитательныя заведенія, была замѣчена и другая невыгодная сторона такого порядка: между разными вѣдомствами явился въ дѣлахъ училищныхъ антагонизмъ, немогшій имѣть полезнаго вліянія; а въ частныхъ лицахъ и даже обществахъ укоренилось предвѣріе къ казенному образованію и сочувствіе къ частному, домашнему. Чтобы кончить этотъ антагонизмъ, министерство полагало учредить въ каждомъ уѣздѣ особый почетный училищный совѣтъ. Совѣтъ этотъ состоялъ бы изъ членовъ отъ министерства В. Д. и Н. П., отъ духовнаго вѣдомства и изъ представителей тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя школы; для привлеченія къ участию въ дѣлахъ образованія дворянства, приглашать въ члены одного изъ мѣстныхъ землевладельцевъ. Совѣтъ составляетъ ближайшую центральную власть, завѣдывающую всѣми элементарными школами своего уѣзда. Онъ наблюдаетъ за ними, снабжаетъ ихъ учебными пособиями, разрѣшаетъ открытіе новыхъ училищъ, приспосабливаетъ даже учителей. Членъ отъ министерства В. Д. и Н. П., находящійся въ совѣтѣ, имѣетъ преимущественно педагогическое значеніе и наблюдаетъ собственно за учебною частью. Кроме наблюденія за учебною частью, министерство В. Д. и Н. П. составляетъ учебныя и учреждаетъ отъ себя образцовыя школы, въ которыхъ учебныя дѣла должны идти вполне согласно со всѣми требованіями педагогики, и такими школами развиваетъ и поддерживаетъ соревнованіе между частными училищами.

Вопросъ второй: «слѣдуетъ ли подчинить всѣ народныя училища одному общему уставу, или допустить для разныхъ училищъ мѣстныхъ отступленія?» Министерство Н. П. объясняетъ отчужденіе общества отъ народныхъ училищъ тѣмъ, что по всѣмъ уставамъ, издававшимся у насъ со времени Петра, курсъ въ училищахъ назначался слишкомъ обширный, и существовалъ принципъ устройства ученія на однообразныхъ началахъ. Раскольники, составляющіе довольно значительную часть населенія, возставали противъ курса по причинамъ чисто-религиознымъ. Въ малороссійскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ русскій языкъ не составляетъ языка простонародья, учебный курсъ, разумѣется, не могъ удовлетворить мѣстное населеніе, потому что дѣтей учили только на русскомъ языкѣ, для нихъ непонятномъ; мѣстный же былъ совсѣмъ исключенъ. Какъ бы мѣстности ни различались между собою въ промышленномъ отношеніи и какъ бы ни требовали, вслѣдствіе этого, нѣкоторыхъ специальныхъ особенностей въ ученіи, курсъ оставался для нихъ все тѣмъ же курсомъ, одинаковымъ на югѣ и на сѣверѣ, на западѣ и на востокѣ. Наконецъ, и самая училищная администрація не соображалась съ качествами и особенностями мѣста и населенія, съ различными обычаями и правами народа, а оставалась той же одноформенной у магометанъ и у русскихъ, и у нѣмецкихъ колонистовъ, въ Сибири и въ великороссійскихъ губерніяхъ. Поэтому министерство полагаетъ, что было бы полезно допустить разнообразіе, какъ въ отношеніи учебномъ, такъ и въ хозяйствѣ, и въ администраціи, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ.

«Слѣдуетъ ли во всѣхъ народныхъ училищахъ имперіи постановить непремѣннымъ условіемъ обученіе на русскомъ, т. е. великороссійскомъ языкѣ, или необходимо допустить и мѣстные языки и нарѣчія?» Вопросъ этотъ можно считать однимъ изъ труднѣйшихъ, потому что, кромѣ педагогической, онъ имѣетъ еще и политическую важность. Министерство Н. П. разрѣшаетъ его такъ: «Казалось бы естественнымъ, требовать, чтобы всѣ жители имперіи знали господствующій языкъ—русскій; но такое требованіе невозможно постановить въ отношеніи ко всѣмъ инородцамъ, живущимъ въ мѣстностяхъ, гдѣ русскій языкъ вовсе не употребляется.» Поэтому, въ народныхъ училищахъ Остзейскаго края русскому языку совсѣмъ не учатъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Малороссіи и въ Вѣлороссіи, хотя господствующее нарѣчіе подходит и близко къ великорусскому, но гдѣ

дѣти поднимаютъ его такъ плохо, что учить ихъ всему на русскомъ языкѣ невозможно, потому что явится одно механическое заучиваніе, притупляющее способности учениковъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, поселится отвращеніе къ школѣ, что неудобно въ политическомъ отношеніи, если школой полагается достигнуть распространенія русскаго элемента и русскаго вліянія. При этомъ министерство приводитъ въ примѣръ уставъ 1804 года, которымъ предполагалось, вмѣстѣ русской грамматики, преподавать въ уѣздныхъ училищахъ и грамматику мѣстнаго языка. Чтобы согласить, по возможности, распространеніе русскаго элемента съ доставленіемъ пользы учащимся, министерство полагаетъ объясненіе предметовъ начинать на мѣстномъ нарѣчьи и затѣмъ переходить постепенно къ русскому, на которомъ и продолжать ученіе.

Вопросъ: «должно ли народное обученіе быть основано на началахъ обязательности, или предоставлено свободному выбору обществъ и частныхъ лицъ?» Для разрѣшенія этого вопроса, приводятся въ запискѣ постановленія трехъ западныхъ государствъ: Пруссіи, Франціи и Англіи. Пруссія съ свирѣпостью, свойственною только однимъ нѣмцамъ, требуетъ, чтобы каждый маленькій пруссакъ учился непременно до извѣстнаго возраста. Если маленькій пруссакъ учиться не хочетъ, то его папеньку и маменьку сажаютъ въ тюрьму или же берутъ съ нихъ деньги. Въ маленькомъ пруссакѣ тотчасъ же является желаніе учиться и онъ отправляется въ школу. Во Франціи не велятъ учиться каждому французу непременно, но постановлено, чтобы общины имѣли школы для мальчиковъ, а если въ общинѣ 800 душъ и болѣе, то и школы для дѣвочекъ. Въ Англіи дѣло гораздо проще; тамъ никого не заставляютъ ни учиться, ни открывать школы. Кто хочетъ — учится, кто хочетъ — открываетъ школы; правительству до этого нѣтъ никакого дѣла. Единственная вещь, которую позволяетъ себѣ правительство, заключается въ томъ, что оно помогаетъ тѣмъ, кто обратится къ нему съ просьбой о пособіи. Въ такихъ случаяхъ посылается правительствомъ для осмотра школы инспекторъ, который и опредѣляетъ, какое пособіе ей слѣдуетъ дать, и затѣмъ, не вмѣшиваясь ни въ преподаваніе, ни въ управленіе, инспекторъ школы наблюдаетъ, чтобы она дѣйствительно существовала и чтобы содержатели ея не тратили выдаваемыхъ ему денегъ на дѣло постороннее. Но даже и такое отношеніе къ правительственнымъ агентамъ не нравится англичанамъ, и многія школы

отказываются от пособія, лишь бы сохранять полную самостоятельность дѣйствій.

Ни прусскую, ни французскую систему министерство Народнаго Просвѣщенія не находитъ удобнымъ примѣнять въ Россіи. Прусскую потому, что если бы она была даже хороша по сущности, ввести ее все-таки совершенно невозможно; во-первыхъ потому, что потребовалось бы устроить вездѣ школы, а въ школы опредѣлять учителей; учителей у насъ нѣтъ, а устройство школъ невозможно, по неимѣнію въ виду свободныхъ денежныхъ средствъ. Но положимъ, что нашлись бы средства и учителя; какимъ образомъ устроить надзоръ за родителями во всѣхъ 300,000 русскихъ деревняхъ, раскинутыхъ на пространствѣ 350,000 географическихъ квадратныхъ миль?—Дѣло мудреное. А если правительство не захочетъ брать расходовъ по образованію на себя и потребуетъ средствъ отъ народа; то откуда возьметъ ихъ нашъ, болѣею частью, бѣдный народъ? Однимъ словомъ, на школы нѣтъ денегъ, а контроль будетъ стоить гораздо дороже самаго обученія. Такъ что, даже при самомъ сильномъ желаніи сравняться въ образовательной свирѣпости съ пруссаками, для насъ это совершенно немыслимо.

Французская система у насъ тоже невозможна, особенно если держаться ея буквально. У насъ 800 душъ живутъ, по меньшей мѣрѣ, въ 8 деревняхъ, раскинутыхъ верстъ на 20. Предполагая содержаніе училища въ 200 руб. въ годъ, каждому плательщику пришлось бы внести по 25 коп.,—все равно, имѣеть ли онъ дѣтей и желаетъ ли ихъ учить, или нѣтъ. Не говоря уже про несправедливость такого поголовнаго налога, неудобство этой системы состоитъ въ томъ, что большинству дѣтей придется ходить въ школу очень издалека, а бѣднымъ родителямъ, кромѣ того, будетъ не разсчетъ отпускать ихъ отъ себя, потому что они имѣютъ въ нихъ помощниковъ. Такое неудобство существуетъ даже во Франціи, странѣ гуще населенной и болѣе богатой, чѣмъ Россія. Поэтому министерство полагаетъ, что введеніе у насъ французской системы или обязательнаго ученія съ обязательнымъ взносомъ на него денегъ «произвело бы у насъ неудовольствіе, которое, имѣло бы, притомъ, основаніе». — Къ этой же французской системѣ записка приравниваетъ порядокъ существующій у насъ въ министерствѣ Государственныхъ Имуществъ и въ удѣльномъ управленіи, въ которыхъ деньги на содержаніе училищъ собираются со всѣхъ крестьянъ, а между тѣмъ, школы существуютъ

не вездѣ, потому что собираемыхъ средствъ недостаточно для повсемѣстнаго открытія училищъ. При этомъ Министерство Народнаго Просвѣщенія полагаетъ, что система, принятая въ удѣлѣ и въ государственномъ имуществѣ, достигла уже своего высшаго развитія и дальше идти ей невозможно, потому что потребуются новые сборы. Такъ какъ изъ всего этого видно, что дальнѣйшее развитіе училищъ посредствомъ обязательнаго ихъ содержанія обществами—вещь совершенно неудобная, то министерство Народнаго Просвѣщенія полагаетъ, что было бы лучше всего придерживаться въ нѣкоторой степени системы англійской, конечно, съ соответственными русскимъ обстоятельствамъ измѣненіями, именно привлечь къ дѣлу народнаго образованія общества и частныя лица посредствомъ поощреній и даже, въ случаѣ необходимости, пособій со стороны правительства. Этимъ выводомъ министерство пришло къ слѣдующему вопросу:

«Можетъ ли быть допущена и въ какой именно мѣрѣ свобода обученія частными лицами и учрежденіе ими съ этою цѣлью частныхъ училищъ?» Дѣйствующій законъ дозволяетъ учреждать училища и быть учителями только лицамъ благонадежнымъ и знающимъ. Министерство находитъ это вполне правильнымъ относительно среднихъ учебныхъ заведеній; но полагаетъ, что для элементарныхъ можно бы допустить нѣкоторое облегченіе. Въ народныхъ школахъ учатъ грамотѣ и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики, и только. Кто же учить?—вдовы, дочери бѣдныхъ чиновниковъ, отставные канцелярскіе служители, солдаты, писаря, мѣщане и крестьяне. Всѣхъ этихъ почтенныхъ людей никакъ нельзя заподозрить въ какихъ либо вредныхъ политическихъ стремленіяхъ; что же касается до неспособности ихъ быть учителями, то такой взглядъ на нихъ можетъ явиться только у присяжныхъ педагоговъ, а народъ смотритъ на нихъ иначе. Онъ довѣряетъ имъ и охотно отдаетъ имъ своихъ дѣтей на выучку. Слѣдовательно, преслѣдовать такихъ людей будетъ вовсе неpolitично и вредно для распространенія въ народѣ грамотности. Поэтому министерство Народнаго Просвѣщенія полагаетъ оставить существующія постановленія относительно благонадежныхъ и знающихъ лицъ въ примѣненіи только къ частнымъ училищамъ, имѣющимъ курсъ выше курса народныхъ училищъ, по уставу 1828 г., а преподаваніе грамотѣ и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики предоставить свободно всѣмъ лицамъ безъ различія.

Проектъ былъ разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, противъ вышеназложенныхъ основаній высочайше утверждёнъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Высочайше повелѣно на расходы, по открытію народныхъ училищъ, ассигновать на 1865 годъ 100,000 руб. для распредѣленія между губернскими училищными совѣтами. При дальнѣйшихъ же надобностяхъ въ деньгахъ, испрашивать каждый разъ особое высочайшее разрѣшеніе.

Привожу главныя статьи изъ «Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ»:

Ст. 1. Начальныя народныя училища имѣютъ цѣлью утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія.

Ст. 3. Предметами учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ служатъ: а) законъ божій (враткій катихизисъ и священная исторія); б) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первыя четыре дѣйствія ариѳметики и д) церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно.

Ст. 4. Въ начальныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе совершается на русскомъ языкѣ.

Ст. 10. Для учрежденія начальныхъ народныхъ училищъ городскими и сельскими обществами, и частными лицами требуется разрѣшеніе училищнаго совѣта. Училища сія могутъ быть закрываемы по распоряженію губернскаго училищнаго совѣта, въ случаѣ безпорядка и вреднаго направленія ученія.

Ст. 12. Обществамъ городскимъ и сельскимъ, учреждающимъ начальныя народныя училища, предоставляется, для ближайшаго завѣдыванія оными, избирать особыхъ попечителей, а въ женскихъ училищахъ — попечительницъ.

Ст. 16. Предметамъ (кромѣ закона божія, который преподается непременно священниками) могутъ обучать или священно-церковно-служители, или же тѣ лица, которыя получили на званіе учителя или учительницы особое разрѣшеніе уѣднаго училищнаго совѣта, по представленіи удостовѣренія въ доброй ихъ нравственности и благонадежности отъ лицъ совѣту извѣстныхъ.

Ст. 17. Наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ во всѣхъ начальныхъ народныхъ и воскресныхъ училищахъ возлагается на мѣстнаго приходскаго священника.

Ст. 18. Для завѣдыванія начальными народными училищами

учреждаются въ каждомъ уѣздѣ уѣздный и въ каждой губерніи губернской училищные совѣты.

Если читателю покажется мое изложеніе дымнымъ и сухимъ, то я попрошу его обратить вниманіе на то, что я сообщалъ ему всю оффиціальную исторію народнаго образованія, въ полной картинѣ, начиная съ Петра I; что же касается до отсутствія игривости въ изложеніи, то, по самому существу предмета, я могъ говорить о немъ только съ приличной дѣлу суровостью. Въ слѣдующихъ главахъ я буду продолжать оффиціальную исторію русскаго образованія; затѣмъ изложу современную статистику этого вопроса; а какъ для «неоффиціальной части» не останется уже мѣста, то о ней я поговорю въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

II.

Чтобы сдѣлаться большимъ, нужно быть сначала маленькимъ, потому что никто не является на свѣтъ сразу взрослымъ и умнымъ. Прошу читателя вообразить, что произошло бы въ Россіи, если бы Петръ I открылъ тысячу университетовъ. Читатель, вообразивъ, отвѣчаетъ, что не произошло бы ровно ничего. Совершенно справедливо. Подобное же «ничего» произошло и тогда, когда Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, не найдя учениковъ даже для элементарныхъ школъ, задумалъ открыть гимназіи. Нельзя прямо изъ утробы матери отправиться въ университетъ и нельзя, не зная грамоты, слушать гимназическій курсъ. Шуваловъ думалъ, что можно, и на этомъ основаніи, въ 1760 году, онъ представилъ Сенату проектъ, чтобы учредить гимназіи во всѣхъ *значительныхъ* городахъ. Сенатъ нашелъ, что это дѣло хорошее; однако, гимназіи все-таки нигдѣ не открылись. Конечно, этого бы не случилось, если бы Иванъ Ивановичъ подумалъ хорошенько о томъ, что онъ замышляетъ, и сосчиталъ бы, сколько находится учениковъ въ тѣхъ гимназіяхъ, которыя были открыты ранѣе.

Въ прошломъ столѣтіи были открыты у насъ три гимназіи, имѣвшія цѣлью готовить молодыхъ людей къ слушанію университетскаго курса. — Когда вамъ, человеку, живущему въ 1865 г., сообщаютъ мысль о томъ, что гимназія должна готовить къ университету, то вы съ недоумѣніемъ выглядываете на чудака, рѣ-

шающагося говорить вамъ о такой всѣмъ извѣстной вещи. Не если бы вамъ сказали то же самое въ 1765 году, то вы, конечно, попросили бы уяснить вамъ, что значить гимназія и что значить университетъ, и тогда то и другое было бы вамъ уяснено, то вы, какъ практическій и разсудительный человѣкъ, полюбозыствовавши бы узнать, откуда возьмутся для гимназій и университетовъ ученики и профессора. Что отвѣтилъ бы вамъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ — не знаю, но я знаю только то, что онъ славился своимъ европейскимъ образованиемъ, слылъ меценатомъ и былъ вообще добрый человѣкъ, желавшій блага своимъ необразованнымъ соотечественникамъ. Оттого-то гимназія и стояли тогда пустыни.

Первая гимназія была открыта въ Петербургѣ при академіи, въ 1747 году; вторая въ 1755 году, при московскомъ университетѣ, а третья въ Казани, въ 1758 году.

По регламенту Академіи наукъ, въ с.-петербургской гимназіи предполагалось преподавать: чтеніе и письмо, языки: латинскій, нѣмецкій, французскій и итальянскій, арифметику, геометрію и рисованіе. Казенныхъ учениковъ полагалось 20 и 30 своекоштныхъ. Казенныхъ было много меньше, а своекоштныхъ — ни одного. Въ такомъ печальномъ видѣ академическая гимназія существовала до 1805 года, когда она была присоединена къ открытой тогда с.-петербургской губернской гимназіи.

Въ Москвѣ, въ этомъ благословленномъ расадникѣ Погодиныхъ, Швыревыхъ и Катковыхъ, была насаждена диковиная гимназія. Въ этой гимназіи преподавались языки: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій; англійскій, итальянскій обязательно, а еврейскій и халдейскій для желающихъ; православный катихизисъ, философія, словесность древняя и русская, чистая математика, геодезія, воинская архитектура, воинскія экзерциціи, гражданская арифметика, исторія, географія, начатки политики. Такъ какъ ученіе о томъ, что на свѣтѣ существуютъ люди бѣлой и черной кости, и что у мужиковъ даже и кровь иного цвѣта, чѣмъ у благородныхъ, имѣли тогда все свое теоретическое и практическое значеніе, то, конечно, недѣля же было людей черной кости учить тому, чему училась кость бѣлая. Ну, зачѣмъ черной кости языки еврейскій и халдейскій? Цвѣтому черную кость по халдейски не учили; а учили такимъ наукамъ, чтобы изъ разночинцевъ сдѣлать художниковъ.

Изъ того, что знанію иностранныхъ языковъ давалась такая важ-

ность, читатель пойметъ требованія тогдашняго русскаго образованнаго общества, и то, что, по мнѣнiю образованныхъ людей, казалось тогда необходимымъ для благоденствiя Россiи. Напримѣръ, И. И. Шуваловъ только въ изученiи языковъ видѣлъ средство для изученiя европейской науки въ ея современномъ состоянiи. Теоретически это совершенно правильно, но къ чему поведетъ одно знанiе языка? Если бы Шуваловъ былъ человекъ послѣдовательный, то, опредѣливъ нѣм. учителей французскаго языка и столько же нѣмецкаго, всего на 20 учениковъ, онъ постарался бы, чтобы съ французскимъ и нѣмецкимъ языками прошли бы и французскiя, и нѣмецкiя знанiя. Но дѣль же было не то. Знанiе языковъ служило только для удовлетворенiя чувству тщеславiя и составляло вѣнчикъ признатъ, отлчавшiй бѣлую кость, высшаго сорта, отъ всѣхъ остальныхъ, менѣе бѣлыхъ костей. Это тщеславiе болтовней на иностранныхъ языкахъ не вело ровпо ни къ чему полезному и удовлетворяло только суетности легкомысленныхъ барышень и кавалеровъ, упражнявшихся весь свой вѣкъ въ кадриальныхъ разговорахъ на французскомъ диалектѣ. Ни одинъ изъ этихъ болтуновъ не прочелъ во всю свою жизнь ни одной умной иностранной книжки; а если и прочелъ, какъ нибудь нечаянно, то не понималъ ничего, т. е. попросту — смотрѣлъ въ книгу и видѣлъ фигу. Между тѣмъ, мода на свѣтскiя знанiя очень понравилась, потому что большинству всегда нравится то, что рассчитано на человѣческую пустоту, и больше 80 лѣтъ Россiя упражнялась въ салонной болтовнѣ на смѣси французскаго съ нижегородскимъ. Только въ послѣднiе 15 лѣтъ кончилось щегольство французскими фразами и поговорками, и знанiемъ иностранныхъ языковъ стали пользоваться, чтобы дѣйствительно изучать европейскую науку въ ея современномъ состоянiи, какъ мечталъ о томъ Шуваловъ. Значить, потребовалось 100 лѣтъ, чтобы люди поняли наконецъ, на что имъ можетъ годиться знанiе. — Ради сохраненiя историческаго безпристрастiя, я долженъ, однако, прибавить, что и нынче еще водятся гувернантки, которыя заставляютъ дѣвицъ заучивать французскiя поговорки и пословицы, убѣждая ихъ тѣмъ, что выходитъ очень красиво, если въ русскомъ разговорѣ вставить кстатъ какой нибудь proverbe. Дѣвицы выучиваются и, полагая, что они говорятъ красиво, говорятъ глупости. Не знаю, существуетъ ли такая система воспитанiя дѣвицъ въ столицахъ — въ

Москва еще пожалуй, — но въ провинціальныхъ захолустьяхъ проветръи еще до сихъ норъ провѣтають.

Изъ 36 учителей московской гимназіи только 16 были русскіе, а 20 иностранцы. Это бы еще ничего, но бѣда въ томъ, что ни тѣ, ни другіе не знали своего дѣла; а дѣти, слушая незнакомыя имъ знанія на незнакомыхъ языкахъ, приобрѣтали столько же, какъ если бы они играли въ это время въ бабки. — Провлачивъ свое жалостное существованіе до 1806 года, московская гимназія получила чисто-педагогическое назначеніе — готовить для университета молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя ученому поприщу. Но и въ этомъ преобразенномъ видѣ гимназія прожила недолго. После пожара 1812 года, когда сгорѣлъ университетъ, въ которомъ помещалась гимназія, она уже не открывалась; да и открываться ей было не зачѣмъ, потому что существовала другая гимназія (губернская), учрежденная въ 1804 году.

Казанская гимназія, организованная по образцу московской, но ея же образцу и кончилась, превратившись, въ то же время, какъ и московская, въ гимназію губернскую.

Но если не принесли особенной пользы гимназіи, съ ихъ халдейскимъ и еврейскимъ языками, до которыхъ никому не было равно никакого дѣла, то за то принесли пользу народнымъ училищамъ, потому что учили людей простымъ вещамъ и подготовляли къ знаніямъ, требующимъ большаго развитія. По существу дѣла, въ прошломъ столѣтіи не было никакой нужды ни въ гимназіяхъ, ни въ университетахъ, въ томъ видѣ, какъ ихъ изобрѣтали наши меценаты и ревнители просвѣщенія. Намъ нужны были первоначальныя школы, чтобы научить дѣтей читать, писать, считать, научить ихъ тому, что земля не плоскій кружокъ, плавающий, какъ пробка, на водѣ. Въмѣсто того, чтобы разсказывать дѣтямъ простымъ образомъ простыя вещи, ихъ заставляли засорять голову латынью, греческимъ, халдейскимъ, еврейскимъ языками, и не нашлось ни одного разсудительнаго человѣка, который бы объяснилъ меценатамъ, что въ ихъ меценатскихъ черепахахъ не совѣтъ-то благополучно. Меценаты этому, разумѣется, не повѣрили бы, тѣмъ болѣе, что они лукавили даже и своимъ меценатствомъ. Для нихъ было не столько важенъ вопросъ объ образованіи, сколько было пріятно изображать изъ себя покровителей просвѣщенія и представлять Западной Европѣ несомнѣнныя доказательства того, какіе

образованные люди живутъ въ Россіи. Придумывая разные размести; повидимому, для своей страны, они, въ сущности, дѣйствовали для Европы, ожидая оттуда поправки. Европа, конечно, хвалила, а въ то же время подсмѣвалась или рассказывала о Россіи всевозможные ужасы.

Гимназіи, учрежденныя съ 1804 года; принялись потому, что народныя училища, т. е. собственно высшія, четырехклассныя, подготовили людей, способныхъ уже слушать высшій курсъ. И въ сущности, это было больше ничего, какъ преобразование народныхъ училищъ, причемъ два высшихъ класса училищъ превращены въ низшія гимназіи и прибавлены еще два класса. Но и тутъ обошлось безъ учености, напомилавшей скончавшуюся московскую гимназію. По уставу 1804 г. курсъ составляли: чистая математика, прикладная математика и опытная физика (18 часовъ въ недѣлю); исторія съ мифологіей и древностями, географія и статистика (18 ч. въ недѣлю); философія, изящныя науки и политическія науки (20 ч. въ недѣлю); естественная исторія, начальныя основанія наукъ, относящихся къ торговлѣ, и технологія (16 ч. въ недѣлю); латинскій языкъ (16 ч. въ недѣлю); нѣмецкій языкъ (16 ч. въ недѣлю); французскій языкъ (16 ч. въ недѣлю); рисованіе (4 ч. въ недѣлю). Всѣ эти знанія совершенно необходимы каждому человеку, кромя латинскаго языка и изящныхъ наукъ, но вѣдь дѣло не въ названіяхъ наукъ, а въ усвоеніи сущности знанія. Можно какую угодно ерунду назвать философіей, но отъ этого она еще не превратится въ философію; можно назвать исторіей то, что называлъ исторіей Кайдановъ, но отъ этого нѣчто еще не сдѣлался Бюллемъ. Можно простое описаніе внѣшнихъ признаковъ животныхъ и систематику выдавать за естественную исторію, — но развѣ это будетъ она? Какая исторія читалась въ нашихъ гимназіяхъ въ 1804 году и послѣ — я не знаю; но, судя потому, что Кайдановъ своимъ учебникомъ произвелъ въ русскихъ умахъ нѣчто подобное землетрясенію, я полагаю, что исторія, читавшаяся въ гимназіяхъ 1804 года, была исторія тощая и плачевная. Но философія, живущая въ головахъ русскихъ философовъ даже въ 1865 году, я полагаю, что въ 1804 г. была или еще хуже, или нѣчто иное; наши философы остановились на знаніяхъ этого года, что, во всякомъ случаѣ, плохо рекомендуетъ наши философіи головы. Далѣе, я полагаю, что мальчику отъ 12 до 16 лѣтъ, какими были тогда гимназисты, и

получившему самое лучшее домашнее воспитаніе, толковать логику, психологию, эстетику, право естественное и право народное (все это толковать слѣдовало не уставу)—все равно, что стрѣлять горохонъ въ стѣну. Конечно, что, при такой системѣ образованія, изучались только слова и названія, а смыслъ словъ, не всегда вмѣщавшіеся и въ головку учителей, даже и не улетучивался, а просто обрѣтался за тридевять земель, откуда и не достигалъ ни до одной гимназической головы. Такое ученье было очень хорошо для того, чтобы создавать говорунговъ, упогребляющихъ безразлично разными модными словами, въ родѣ того, какъ мышьчье люди, страдающіе желаніемъ показать себя образованными и передовыми, вставляютъ въ свою рѣчь, въ видѣ украшенія: альтернатива, компромиссъ, конкретный, объективный и проч.

Чтобы покончить всѣ прежнія неустройства, въ декабрѣ 1828 года, изданъ новый уставъ, и гимназіи превращены въ семиклассныя заведенія, съ семилѣтнимъ курсомъ.

Не смотря на увеличеніе учебнаго времени, курсъ гимназій былъ сокращенъ противъ прежняго: исключены естественныя науки, кромѣ физики, и всѣ части прикладной математики; но за то усилено преподаваніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ и предложено обучать языку греческому. Въ такомъ видѣ дѣла шли до 1849 года, когда учебному курсу гимназій было дано совсѣмъ другое направленіе. Предложено было дать ученію направленіе болѣе соответственное духу русскихъ учрежденій. Въ этихъ видахъ, преподаваніе классическихъ языковъ прекращено и, въ замѣнъ ихъ, введено русское законоуѣденіе и естественная исторія. Затѣмъ сочинили новый уставъ, а сущность дѣла оставили въ прежнемъ видѣ. Какъ бы то ни было, но, въ 1856 году, министерство Н. П. снова приступило къ преобразованію; оно поручило Ученому комитету Главнаго Правленія училищъ пересмотрѣть дѣйствующій уставъ гимназій и составить проектъ новаго. Послѣ разныхъ сложныхъ работъ и соображеній, уставъ былъ представленъ на Высочайшее утвержденіе и утвержденъ въ ноябрѣ прошлаго года. Уставы новельно вводить въ дѣйствіе постепенно съ нынѣшняго года. Вотъ главныя статьи устава, названнаго: «Уставъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства Народнаго Просвѣщенія»:

- 1) Гимназіи имѣютъ цѣлью доставить воспитывающемуся въ нихъ

множеству общее образование и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища.

2) По различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованию, и по различію цѣлей гимназическаго обученія, гимназій раздѣляются на классическія и реальныя.

3) Въ гимназіи полагается семь классовъ, съ годичнымъ курсомъ для каждаго класса.

5) Кромѣ гимназій, тамъ, гдѣ представится надобность и возможность, а также и въ мѣстахъ, неимѣющихъ гимназій, могутъ быть учреждаемы прогимназіи, состоящія только изъ 4 низшихъ классовъ гимназій и раздѣляющіяся также на классическія и реальныя.

8) Гимназіи и прогимназіи содержатся или на счетъ правительства, или на счетъ общества, сословій и частныхъ лицъ.

81) Въ каждой гимназіи полагается по два воспитателя: одинъ для низшихъ и другой для высшихъ классовъ, и въ каждой прогимназіи по одному воспитателю.

39) Учебный курсъ классическихъ гимназій составляютъ слѣдующіе предметы: законъ божій, русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность, латинскій и греческій языки, математика, физика и космографія, исторія, географія, естественная исторія (краткое наглядное объясненіе трехъ царствъ природы), нѣмецкій и французскій языки, чистописаніе, рисованіе и черченіе.

40) Въ реальныхъ гимназіяхъ преподаются, въ одинаковомъ объемѣ съ классическими: законъ божій, русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность, исторія, географія и чистописаніе; въ большемъ объемѣ сравнительно съ классическими: математика, естественная исторія, съ присоединеніемъ къ ней химія, физика и космографія, нѣмецкій и французскій языки, рисованіе и черченіе; вовсе не преподаются: латинскій и греческій языки.

41) Въ гимназіяхъ—и классическихъ, и реальныхъ—сообщается ученикамъ высшаго класса предъ выпускомъ директоромъ или, по его выбору, инспекторомъ, или однимъ изъ учителей, въ краткомъ изложеніи, по особо составленному, по распоряженію министерства Народнаго Просвѣщенія, учебнику или руководству, понятіе о нашемъ государственномъ устройствѣ, объ основныхъ законахъ имперіи, касающихся верховной власти, о значеніи разныхъ присут-

ственныхъ мѣсть и о главныхъ законахъ гражданскихъ и уголовныхъ.

42) Учебный курсъ прогимназій классическихъ и реальныхъ соответствуетъ учебному курсу низшихъ четырехъ классовъ гимназій классическихъ и реальныхъ.

53) Въ гимназiи и прогимназiи обучаются дѣти всѣхъ состоянiй, безъ различiя званiя и вѣроисповѣданiя.

59) Всѣ ученики гимназiи и прогимназiи обязаны вносить плату за ученье пополугодю впередъ, въ теченiе двухъ первыхъ мѣсяцевъ каждаго полугодiя. Невнесшiе платы въ означенные сроки считаются выбывшими изъ заведенiя, но по внесенiи платы могутъ быть вновь приняты. (Плата за ученье опредѣляется мѣстными педагогическими совѣтами и утверждается министромъ Н. П.).

60) Отъ платы за ученье, по опредѣленiю мѣстнаго педагогическаго совѣта, освобождаются, заслуживающiе того по своему поведенiю и прилежанiю, дѣти совершенно недостаточныхъ родителей; причеиъ наблюдается, чтобы общее число освобождаемыхъ отъ платы за ученье составляло, въ отношенiи ко всему числу учащихся, не болѣе десяти процентовъ.

III.

Тотъ же И. И. Шуваловъ, о которомъ была уже рѣчь, составилъ уставъ перваго русскаго университета. Уставъ утвержденъ въ январѣ 1755 года, а университетъ открытъ въ Москвѣ. Для чего же понадобился тогда университетъ? А для того, что «способомъ науки просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣденiя людьми». Кроиъ этой общей цѣли, университетъ имѣлъ и цѣль специальную—образовать полезныхъ людей для государственной службы. Разумѣется, открытiе перваго русскаго университета было похоже на то, какъ если бы какой нибудь ревнитель просвѣщенiя открылъ бы нынче академiю въ дремучемъ мѣсту; но какъ Шувалову очень хотѣлось, чтобы мы прославились надъ живущими во тьмѣ невѣденiя людьми, то онъ на такое пустое обстоятельство и не обратилъ особеннаго вниманiя. Нельзя, однако, сказать, чтобы Шуваловъ не предвидѣлъ опасности, грозив-

шей университету, и потому, чтобы создать студентовъ, онъ предпо-
ложилъ двѣ гимназіи, неразрывно связанныя съ университетами.

Все это, повидимому, придумано хорошо: ребенокъ поступаетъ въ гимназію, превращается въ ней въ просвѣщеннаго юношу, затѣмъ отправляется въ университетъ и изъ него выходятъ полезнымъ государственнымъ дѣятелемъ: и прославляется народъ надъ живущими во тьмѣ невѣденія людьми, и создаются государственные люди. Но вопросъ въ томъ: поступитъ ли ребенокъ въ гимназію; а если и поступитъ, то, превратившись въ юношу, пойдетъ ли въ университетъ? Ну, а если не поступитъ и не пойдетъ? — Чтобы устранить такое прискорбное обстоятельство, для привлеченія студентовъ, было постановлено: пожаловать имъ шпаги, окончившимъ курсъ студентамъ оказывать покровительство при поступленіи ихъ на службу, давать имъ при выпускѣ рангъ оберъ-офицера арміи, засчитывать время пребыванія въ университетѣ въ дѣйствительную службу. Недѣла-вало только, чтобы студентовъ завертывали въ хлопчатую бумагу. Не ограничиваясь ухаживаніемъ за студентами, какъ за экзотическими растеніями, составители устава обнаружили не меньшую нѣжность и къ университету вообще. Университету были даны слѣдующія привиллегіи: онъ поставленъ въ совершенную независимость отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и властей, крѣмъ Сената, которому подчинялся непосредственно; былъ снабженъ своимъ особеннымъ, привилегированнымъ судомъ, по дѣламъ профессоровъ и студентовъ; въ лицѣ кураторовъ изъ вельможъ, получалъ особыхъ заступниковъ и ходатаевъ передъ верховной властью. Эти кураторы «весь корпусъ въ своемъ смотрѣніи имѣли и о случающихся его нуждахъ докладывали его императорскому величеству».

Но увы! не смотря на все это, не смотря даже на то, что студенты, живущіе на вольныхъ квартирахъ, получали жалованье отъ казны, а остальные наемнокошныя жили въ самомъ зданіи университета, число студентовъ было такъ мало, что не достигало никогда комплекта 30 наемныхъ. А своекоштныхъ и совсѣмъ не было. Лекціи читались непостоянно; профессора были иностранцы, отнесшіеся къ дѣлу довольно равнодушно, въ чемъ ихъ, конечно, нельзя винить, потому что ихъ слушатели если и не были совершенно бѣлыми медвѣдями, то и не заключали въ себѣ той привлекательности научнаго стремленія, которая могла бы возбудить въ профессорахъ педагогическій жаръ. Дѣло было начальное, а претен-

зи большія. Даже существовали публичныя лекціи, а для кого — неизвестно, потому что никто ихъ не посѣщалъ. Причину этого видѣли въ томъ, что ученые иѣщцы, по незнанію русскаго языка, читали ихъ по латыни. Но если бы они стали читать ихъ даже русскими стихами, то и тутъ сомнительно, чтобы привлекли поблику. Впрочемъ, въ 1768 году было предписано, чтобы «профессора изъ природныхъ россіянъ читали лекціи на россійскомъ языкѣ.»

Въ такомъ видѣ насаждалась наука въ московскомъ университетѣ. Впослѣдствіи по образцу его учреждены и другіе университеты, съ довольно просторной внутренней автономіей.

Не смотря на то, студентовъ было мало, и что еще хуже, не было профессоровъ. Сначала хотя водились профессора-иностранны, но потомъ и они оставили насъ: одни вышли въ отставку, другіе уѣхали за-границу; замѣнить ихъ было трудно, потому что если они и не знали по русски, за то знали дѣло. вмѣсто этихъ людей, цужно было назначить, правда, знающихъ по русски, но за то незнающихъ дѣла; и вышло: хотя деруть, за то уже въ ротъ хлѣбнаго не берутъ (впрочемъ утверждать послѣднее не берусь). Положительно навѣстно только то, что русскіе преподаватели были люди неспособные или мало приготовленные; случалось и такъ, что нѣсколько кафедръ поручалось одному профессору. Слѣдствіемъ этого было то, что университеты упали, а вмѣстѣ съ ними, упали среднія и низшія училища, находившіяся въ ихъ вѣдѣніи.

Съ 1826 года начались повтому новыя преобразованія по учебной части, а въ 1835 году изданъ новый уставъ университетовъ. Совѣтъ и факультетскія собранія оставлены по прежнему, но отъ совѣта отняты судъ, полиція и хозяйственное управленіе, и оставлены ему дѣла только технически-учебныя, а также выборъ ректора и лицъ для занятія вакантныхъ кафедръ. «Дисциплинарная власть надъ учащимися была изъята изъ вѣденія университета и предоставлена, помимо ректора и совѣта, инспектору, выбираемому изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ и подчиненному непосредственно попечителю учебнаго округа. Отношенія инспектора къ студентамъ были чисто-патріархальныя, и учащіеся подвергались взысканіямъ безъ суда, административнымъ порядкомъ, за преступленія, какъ въ стѣнахъ университета, такъ и внѣ его совершаемые. Въ 1849 году, вслѣдствіе смутъ, вспыхнувшихъ въ Западной Европѣ, отиѣнены были самыя важныя статьи устава: совѣтъ лишился права

забирать ректора, число студентов уменьшено до 300, преподавание ограничено было неподвижными программами и отправленіе молодыхъ ученыхъ за-границу для приготовленія къ профессорскимъ должностямъ было совершенно прекращено.» Такъ говорится въ запискѣ, представленной министромъ Народнаго Просвѣщенія Государственному Совету.

Неудовлетворительное состояніе университетовъ побудило нынѣшнее правительство заняться ихъ преобразованиемъ, и въ іюнѣ 1864 года высочайше утверждёнъ новый для нихъ уставъ.

На разборѣ этого устава мы останавливаться не будемъ, потому что, кромѣ дисциплинарной части и внѣшнихъ административныхъ формъ, онъ ничего существеннаго не измѣнилъ противъ прежняго положенія университетовъ. Укажемъ только на то нововведеніе, что за слушаніе лекцій съ студентовъ взимается: въ столичныхъ университетахъ по 50 руб., а въ прочихъ по 40 руб. въ годъ. Недостаточнымъ студентамъ даются отсрочки въ платежѣ, уменьшается уплата на половину, или даже и совсѣмъ не взыскиваются съ нихъ деньги. Посторонніе посѣтители вносятъ за каждый разрядъ посѣщаемыхъ или лекцій плату въ пользу профессора. Размѣръ платы опредѣляется совѣтомъ, но въ общей сложности она не должна быть выше платы, вносимой студентами.

IV.

Читателю, проживающему въ скромномъ уѣздномъ городѣ, гдѣ единственнымъ представителями недосыгаемой для большинства мудрости служатъ аптекаръ и докторъ, покажется неправдоподобнымъ мое заявленіе о томъ, что въ Россіи учености и расадниковъ науки гораде больше, чѣмъ говорятъ неосновательные люди, привыкшіе относиться легкомысленно ко всѣмъ проявленіямъ русскаго ума.

Такъ какъ противъ легкомысленныхъ сужденій лучшимъ противодѣйствіемъ служатъ сужденія основательныя, то я прошу читателя вѣрится мнѣ вполне, ибо я пользуюсь такими источниками, въ неосновательности которыхъ еще никто не смѣлъ сомнѣваться.

Впрочемъ, говоря объ учености, я имѣю въ виду не количественное и качественное содержаніе ея, обитающее у насъ вообще, а только тѣ ея расадники, изъ которыхъ она рассѣивается по всему

русскому міру. Зная основательность читателя, я не могу позволить себѣ никакихъ голословностей и представляю ему числовыя данныя, потому что только этимъ путемъ можно убѣждать разсудительныхъ людей и измѣнять понятія людей легкомысленныхъ.

У насъ существуютъ слѣдующія ученые учрежденія и ученые общества: Императорская академія наукъ, учрежденная Петромъ I въ 1724 г. и открытая Екатериной I въ маѣ 1726 года. Императорская публичная бібліотека, учрежденная въ 1810 году и открытая для публики въ январѣ 1814 года. Пажетовская главная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ, учрежденная въ 1838 году и открытая въ 1839 году. Императорское минералогическое общество, въ С. Петербургѣ. Общество это частное и уставъ его утвержденъ въ 1817 году. Если читатель полюбознательствуетъ узнать, тѣмъ занимаются люди, собирающіеся въ минералогическое общество, и что они сдѣлали въ теченіе 50 лѣтъ, то такой вопросъ поставить мнѣ въ большое затрудненіе; ибо безпристрастный источникъ, которымъ я пользуюсь, говоритъ очень коротко, что цѣль общества заключается во взаимномъ общеніи свѣдѣній по минералогіи и сопряженныхъ съ нею наукамъ. Какъ организовать этотъ взаимный общеніи свѣдѣній и почему для этого нужно непремѣнно собираться въ общество, я объяснить читателю не могу. Точно также я не сумѣю объяснить читателю и второго параграфа устава общества, по которому оно занимается «совершенствованіемъ и всеобщимъ распространеніемъ знаній о неорганическомъ царствѣ природы». Впрочемъ, это значить, что когда наши русскіе минералоги замѣтили, что нѣмцы, англичане, французы, по своей лѣности и пассивности, нисколько не совершенствуютъ знаній и только играютъ въ карты, то я рѣшили, что за это дѣло нужно взяться намъ, потому что иначе погибнуть на землѣ всѣ знанія. И вотъ мы принялись совершенствовать минералогію. Это было еще въ 1817 году. Усовершенствовавъ, сколько было нужно, наше минералогическое общество принялось развить свои ученые запасы по всѣмъ странамъ міра — къ англичанамъ, нѣмцамъ, французамъ, американцамъ. Но Россія оно пока еще не успѣло развести ничего, такъ что «всеобщее распространеніе», если брать это выраженіе въ строгомъ смыслѣ, нельзя назвать точнымъ; но пусть читатель обратитъ вниманіе на то, что общество существуетъ недавно, всего помолотѣтъ; а въ которыхъ, что на Западѣ и въ Америкѣ гораздо лучше пути сообще-

ним. Читателю, незнакому съ научной терминологіей, можетъ представиться и еще вопросъ: что такое минералогія? На это я доложу ему, что эта наука имѣетъ замѣчательное преимущество предъ всѣми прочими въ томъ, что ею съ особеннымъ удобствомъ могутъ заниматься люди, вѣнчающіе ничего, кромѣ острой памяти. Наука эта заключается въ томъ, чтобы найти гдѣ нибудь какой нибудь камушекъ, ну, хоть кусокъ кирпича, затѣмъ осмотрѣть его, обнюхать, пощипать, посмотрѣть на свѣтъ, отколоть молоткомъ кусочекъ, посмотреть отколотившіяся плоскости и затѣмъ составить подробное описаніе. Послѣ этого на описанный кусочекъ приклеивается ярлычокъ съ названіемъ минерала и №, подъ которымъ минералъ заносится въ каталогъ, а самъ минералъ кладется на полку въ стеклянный ящикъ. Я знаю очень хорошо, что ученые пугиллисты, которыхъ расплодилось нынче на Западѣ такъ много, говорятъ, что таковой науки, какъ минералогія, не существуетъ, а есть только геологія, въ которой минералогія занимаетъ всего одну главу, составляя не больше, какъ механическое знаніе; но я думаю, что ученые пугиллисты распространяютъ такіе вредные слухи вслѣдствіе дурныхъ побужденій, съ досады, что только наши ученые пришли, въ 1817 году мысль распространять минералогическія знанія по всему свѣту. То ли еще дѣлали люди изъ зависти! Далѣе, ученыхъ пугиллистовъ смущаетъ необыкновенная дѣятельность, съ которой наше минералогическое общество усовершенствовало и распространяло знанія. Напримѣръ, общество имѣетъ коллекціи минераловъ: палеонтологическую и геогностическую. Коллекція минераловъ приведена въ порядокъ и состоитъ по каталогу изъ 2,679 образцовъ; значить, по своей слабости въ цифрамъ, я дѣлаю такое соображеніе: въ полу столѣтіи заключается 18,250 дней, въ коллекціи считается 2,679 образцовъ, одинъ образецъ находился, описывался и включался въ каталогъ каждыя недѣлю, — должно быть, минералы или очень большіе, или очень трудные; послѣднія же двѣ коллекціи не приведены въ систему, по тѣснотѣ помѣщенія, занимаемого обществомъ, и потому не имѣютъ каталоговъ. О достопочтенное минералогическое общество! — Археографическая коммиссія, основанная въ 1834 году; Императорское археографическое общество, въ С. Петербургѣ, основанное въ 1846 году; русское энтомологическое общество, въ С. Петербургѣ, основано въ 1859 году. Это общество, подобно минералогическому, учреждено въ цѣляхъ самыхъ благодѣтельныхъ. Оно жаждетъ

распространять тоже свидѣнія, но не по всему міру, какъ задумали широкія минералогическія натуры, а только по Россіи; но, къ сожалѣнію, у общества нѣтъ ни копѣйки денегъ, а правительство по себѣ ему не дастъ. Сколько набралось въ началѣ изъ пожертвованій, все это ушло на мебель, освѣщенію, нанятъ прислуги, на канцелярскіе расходы, и если бы министерство Н. Н. не дало обществу 850 рублей, то ему не на что бы напечатать 2-й книжки «Трудовъ». По своей бѣдности, общество не было въ состояніи дѣлать никакихъ затратъ ни для библіотеки, ни для кабинетовъ.— Читатель, если у васъ нѣтъ денегъ, чтобы выстроить себѣ домъ, станете ли вы его строить? Читатель, если, проживая въ уѣздномъ городѣ, вы шлепаете по грязи и не даёте ни копѣйки на устройство мостовой, тратуаровъ и бульваровъ, — ну, нужны ли они вамъ? Грязь, конечно, вещь дурная, а мостовая вещь хорошая, — ну да если она вамъ не нужна? Мало ли сколько на свѣтѣ хорошихъ вещей. И авиная лучше рѣки; но если у васъ нѣтъ хлеба, то вы позаботитесь сначала о немъ, а рѣка и авина будутъ, въ этомъ случаѣ, роскошью. Иванъ Ивановичъ очень хорошо понималъ, какая превосходная штука университетъ; однако, не пошелъ ни шпаги, ни оберъ-офицерскій рангъ, ни даже казенное содержаніе — студентовъ все-таки не было. — Императорское общество истеріи и древностей русскіихъ при московскомъ университетѣ, основано въ 1804 году. Интересный фактъ: по каталогу 1845 года, въ обществѣ считается книгъ, рукописей, грамотъ 1780, въ томъ числѣ книгъ славянскихъ и русскихъ 845, (много или мало, какъ вы думаете, читатель?). Но отчего счетъ этотъ по каталогу 1845 г? — нынче 1865 годъ. — А потому, читатель, что книги, поступившія съ 1846 года, за тѣсною поштеніемъ общества, не разобрана. Значитъ, лежатъ въ кучѣ, что ли? Значитъ, ихъ никто и не читаетъ? О, широкая русская натура! тебѣ все тѣсно, а простору сдѣлать себѣ ты все-таки не умѣешь, и оттого ты только хвалишься своими хорошими вещами, хорошими талантами, хорошими способностями и все это у тебя еще въ кучѣ и не разобрано! — Знакъ восхищенія изображаетъ здѣсь не фигуру удивленія, потому что чему же тутъ удивляться? а просто вопль скорбной души, петрасенной тѣсною поштеніемъ. — Московскій публичный музей и румянцовскій музей. Императорское московское общество испытателей природы, существуетъ съ 1805 года. Общество любителей русской словесности при мо-

сковскомъ университетѣ. Это любопытное общество основалось въ 1814 году и существовало до 1837 года. Въ теченіе 26 лѣтъ, общество имѣло 112 засѣданій, но что оно производило на нихъ, читателю объяснить не могу; полагаю, однако, что пили чай—по крайнѣй мѣрѣ, вольно-экономическое общество прежде всегда пило чай,—и великіе хорошіе разговоры. Въ 1837 году, члены внезапно охладѣли къ чаю и къ хорошимъ разговорамъ и перестали собираться; это ужасное для русской словесности время, когда московскіе любители ея вдругъ ее разлюбили, продолжалось ровно по 27 мая 1858 года. Съ этого времени они опять любятъ, собираются и разговариваютъ. Предсѣдателемъ общества М. П. Погодинъ.—Физико-медицинское общество при московскомъ университетѣ, существуетъ съ 1804 года и распространяетъ общепользныя свѣденія, принадлежащія къ области естественныхъ наукъ и медицины. Сколько оно ихъ распространило—неизвѣстно.—Совсѣмъ не то московское общество распространенія полезныхъ книгъ, основанное въ 1861 году. Здѣсь съ положительной точностью извѣстно, что въ теченіе трехъ лѣтъ общество издало 32 изданія, въ числѣ 123,600 экземпляровъ; изъ нихъ продано 24,058 экземпляровъ и роздано безденежно 3,555 экземпляровъ; всего 27,613 экземпляровъ или 22%, а 77% или почти 100,000 книгъ не распространены, не смотря на то, что общество имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ 40 складовъ. Ясно, что распространеніе идетъ плохо. А отчего это происходитъ, общество того не знаетъ, хотя всѣ остальные люди, не принадлежащіе къ обществу, знаютъ это очень хорошо.—Говорить о другихъ нашихъ обществахъ не стоитъ, потому что всѣ они влечатъ свое существованіе неизвѣстно зачѣмъ и почему; всѣ они страдаютъ, большею частью, тѣснымъ помѣщеніемъ, и только отъ этого русскій ученый умъ не выказываетъ всей своей силы.

Другую категорію составляютъ учебныя заведенія, формирующія и русскую ученость и всю образованную часть русскаго населенія. Въ 1864 году ихъ было слѣдующее число: университетовъ 6—петербургскій, московскій, харьковскій, казанскій, кіевскій, дерптскій,—въ 1865 г. открытъ седьмой—новороссійскій, въ Одессѣ. Открытіе университета совершилось 1-го мая. Въ 15 сентября 1864 года въ университетахъ было студентовъ:

въ С.-Петербургскомъ	623	и вольныхъ слушателей	161;	всего	847
— Московскомъ.	1,515	—	—	226	— 1,741

въ Казанскомъ . . .	325	—	—	88	—	413
— Харьковскомъ . . .	543	—	—	45	—	588
— Киевскомъ . . .	518	—	—	37	—	555
— Дерптскомъ . . .	560	—	—	»	—	560
Итого . . .	4,084	—	—	557	—	4,641

Въ этомъ числѣ: юристовъ 1,771, медиковъ 865, естественниковъ 609, математиковъ 473, по факультету восточныхъ языковъ 16 и историко-филологическому 269. Значить, въ юридическомъ факультетѣ, дающемъ познанія наиболѣе гипотетическаго свойства, было и наибольше число студентовъ, т. е. 43%, а по естественнымъ наукамъ, дающимъ наиболѣе точныя знанія и правильный взглядъ на вещи, только 15%.

Къ высшимъ же учебнымъ заведеніямъ принадлежатъ: Демидовскій лицей въ Ярославлѣ и лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Заведенія эти незначительны; въ первомъ въ 1864 г. было 33 студента, а во второмъ 72.

Гимназій было 96, съ 28,202 учениками. Въ этомъ числѣ:

дѣтей дворянъ и чиновниковъ . . .	19,502
духовнаго званія	976
городскихъ сословій	5,955
сельскихъ сословій	1,111
иностранцевъ	658

По отношенію къ общему числу лицъ каждаго сословія, учащіяся въ гимназіяхъ составляли:

дѣти дворянъ 4,4%	всѣхъ мужчинъ своего сословія
дѣти купцовъ и мѣщанъ	0,28%

Изъ общаго числа учившихся вышло:

до окончанія курса	4,888
по окончанія курса	899

Изъ окончившихъ курсъ поступило:

въ университеты и высшія заведенія	584
на службу	79

Изъ этихъ цифръ слѣдуютъ такія соображенія:

Если изъ всѣхъ нашихъ университетовъ выходятъ ежегодно 1150 человекъ,— что, впрочемъ, стало возможнымъ только въ послѣднее время,—то въ теченіе 25 лѣтъ русское общество обогатится только 28,750 человекъми, получившими высшее образованіе; по отноше-

нію ко всему мужскому населенію Россіи, это составитъ только около 0,0009%, а ежегодное приращеніе будетъ составлять 0,00004% общаго числа русскихъ мужчинъ. Такъ какъ изъ общаго числа всѣхъ, кончившахъ курсъ въ гимназіяхъ, поступило на службу и въ университеты 663 человекъ, то нужно полагать, что остальные 236 человекъ посвящали себя торговымъ, промышленнымъ и вообще экономическимъ дѣламъ. По отношенію ко всему мужскому населенію, эти 236 человекъ составляютъ 0,000008%, и если въ такой же постепенности будетъ увеличиваться число этихъ людей, то черезъ 25 лѣтъ мы будемъ имѣть ихъ 5,900 человекъ или 0,00019%. Изъ этихъ цифръ читатель можетъ усмотрѣть, что отдавать деньги въ банкъ на такіе проценты или извлекать подобныя выгоды изъ промышленныхъ оборотовъ было бы невыгодно; значить умственный капиталъ приращается далеко медленнѣе вещественнаго и, слѣдовательно, заключеніе о томъ, изображаетъ ли приведенный выше процентъ медленный или быстрый прогрессъ, читатель можетъ судить самъ, по своему личному вкусу или соображенію. Что скажутъ сторонники медленнаго прогресса—предвидѣть не берусь, но, судя по ихъ изобрѣтательности, полагаю, что они сочинятъ какой нибудь остроумный союзъ.

Кромѣ гимназій и университетовъ, есть у насъ еще училища, подготовляющія людей, если не прямо въ эти заведенія, то, по крайней мѣрѣ, глладущія то основаніе, изъ котораго только и можетъ возникнуть потребность въ высшемъ образованіи. Къ этимъ заведеніямъ принадлежатъ уѣздныя и приходскія училища.

Въ 1864 году считалось у насъ всѣхъ уѣздныхъ училищъ 413 и въ нихъ 25,658 учениковъ.

Въ этомъ числѣ было:

дворянъ	7,121
духовнаго званія	543
городскихъ сословій	14,519
сельскихъ сословій	3,383
иностранцевъ	92

Значительная цѣфра учениковъ изъ городскихъ сословій объясняется тѣмъ, что, согласно уставу, «уѣздныя училища, открытыя для людей всѣхъ состояній, въ особенности предназначены для того, чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей,

вѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія, доставить тѣ свѣденія, кои, по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезны.»

Впрочемъ, пусть читатель не обольщается тѣмъ, что я назвалъ 14 т. цифрой значительной; по отношенію къ 100 т. она, пожалуй, еще ничего, но когда дѣло касается 2,089,084 человекъ мужскихъ, принадлежащихъ къ городскимъ сословіямъ, то 14,519 составляютъ весьма скромный процентъ, на который ни одинъ самый бѣдный мѣщанинъ не положитъ своего капитала въ банкъ,—именно 0,7%.

Въ 1864 году изъ уѣздныхъ училищъ вышло:

до окончанія курса	6,399.
окончившихъ курсъ	2,549.

Причины, по которымъ выходили ученики до окончанія курса, въ источникѣ, служащемъ мнѣ пособіемъ при составленіи этой статьи, не показаны. Думаю, однако, что причины эти были скромнаго характера; что если между 6,399 учениками и были драчуны, буяны и вообще люди опасные, то число ихъ никакъ не могло быть значительно, потому что опасныхъ людей вообще мало, а неопасныхъ опять слишкомъ много. Слѣдовательно, не будетъ большой ошибкой, если я предположу, что главнѣйшей причиной выхода учениковъ до окончанія курса была трудность самаго курса или недостатокъ силъ одолѣть всю премудрость, насаждаемую въ уѣздныхъ училищахъ. Если мое скромное предположеніе правильно, то можно сдѣлать только два вывода: или самый способъ преподаванія простыхъ предметовъ, составляющихъ курсъ уѣзднаго училища, такъ мудренъ, что простые вещи превращаются въ абракадабру, или же простые вещи преподаются простымъ, понятнымъ способомъ, но мыслительныя способности учениковъ еще проще и умственная ихъ почва неспособна выростить ни одной полезной былинки. Обиденъ ли подобный выводъ и кому именно—я не знаю; но, во всякомъ случаѣ, мнѣ прискорбна даже самая возможность подобнаго вывода. Не менѣе прискорбно для меня и то обстоятельство, что окончившіе курсъ составляютъ только 10% общаго числа учениковъ, а неокончившіе 26%, и что, слѣдовательно, приращеніе умственнаго капитала нашихъ городскихъ сословій идетъ съ постепенностью, во все не изумительной по своей быстротѣ. Дѣлая расчетъ такой же, какъ выше, получимъ, что въ 25 лѣтъ Россія обогатится 63,725

человѣками, окончившими курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, что составитъ 0,21% всего мужского населенія Россіи, а ежегодное приращеніе будетъ 9,008%.

Приходскихъ, городскихъ и сельскихъ училищъ вѣдомства министерства Народнаго просвѣщенія было въ 1864 году 1,124 съ 49,320 учениками и 7,319 ученицами; всего 56,639.

Въ томъ числѣ по сословіямъ:

дворянъ и чиновниковъ	5,155
городскихъ сословій	33,122
сельскихъ сословій	17,450

Или процентъ ежегоднаго приращенія будетъ равенъ 0,08, а въ теченіе 25 лѣтъ Россія приобрететъ 625,000 людей, получившихъ образованіе въ приходскихъ училищахъ.

Къ этому нужно присоединить еще 30,000 народныхъ школъ, учрежденныхъ разными другими казенными вѣдомствами. Кончающіе курсъ въ этихъ школахъ составляютъ въ годъ до 250,000 человекъ или 0,8% всего мужского населенія Россіи; а въ теченіе 25 лѣтъ въ Россіи явится 6,250,000 грамотѣвъ, учащихся въ сельскихъ школахъ.

Кромѣ перечисленныхъ учебныхъ заведеній, есть у насъ еще цѣлый рядъ заведеній частныхъ, въ которыхъ дается воспитаніе, начиная съ курса приходскихъ училищъ и возвышаясь до курса гимназическаго. Этихъ заведеній считается:

	Число.	Мальчиновъ.	Дѣвочекъ.
на степени гимназій	74	1,541	3,231
на степени уѣздныхъ училищъ	187	1,518	4,261
приход. и элемент. училищъ	846	7,213	6,608
Итого	1,107	10,272	14,100

Всего же въ заведеніяхъ министерства Народнаго просвѣщенія въ 1864 году обучалось:

	Муж.	Жен.
въ 6 университетахъ	4,084	—
» 3 лицеяхъ	140	—
» 2 ветеринарныхъ училищахъ	99	—
» 99 гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній	28,429	—

8*

»	землеѣро - таксаторскихъ классахъ при 34 гимназіяхъ	1,039	—
»	413 уѣздныхъ училищахъ	25,658	—
»	2 учительскихъ гимназіяхъ	67	—
»	1124 приходскихъ и начальныхъ училищахъ	49,320	7,319
»	431 народномъ училищѣ въ Западномъ краѣ	14,325	1,179
»	37 женскихъ училищахъ 1-го разряда	—	4,335
»	75 женскихъ училищахъ 2-го разряда	—	4,630
»	2 равнинскихъ училищахъ	516	—
»	5 еврейскихъ училищахъ 2-го разряда	221	—
»	102 еврейскихъ училищахъ 1-го разряда	3,341	—
»	5 училищахъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій, на степени гимназій	700	174
»	19 училищахъ на степени уѣздныхъ училищъ	4,369	754
»	102 училищахъ на степени приходскихъ училищъ	11,892	10,371
»	74 частныхъ учебныхъ заведеніяхъ на степени гимназій	1,541	3,231
»	187 частныхъ учебныхъ заведеніяхъ на степени уѣздныхъ училищъ	1,518	4,261
»	846 частныхъ учебныхъ заведеніяхъ на степени приходскихъ училищъ	7,213	6,608
	Итого въ 3,531 учебн. заведеніи	151,571	42,762
	да въ 30,000 школахъ другихъ вѣдомствъ	630,000	
	Всего въ 33,531 учебн. завод.	781,571	42,762
	Всего.	824,333	

Зная, что русскій читатель не особенно любитъ статьи, исчерпанныя цифрами, я не говорилъ ничего о многихъ изъ тѣхъ училищъ, которыя показаны въ сдѣланномъ сейчасъ общемъ ихъ перечисленіи, тѣмъ болѣе, что значительное ихъ число назначено не

для русских учащихся, какъ; напримеръ, заведенія при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій.

Теперь послѣдній выводъ.

Учащихся:	Изъ нихъ:			
	Дворянъ.	Городск. сословій.	Сельскихъ сословій.	
Въ университетахъ.	4,084	2,744	364	570
Въ гимназіяхъ.	28,202	19,502	5,955	1,111
Въ уѣздныхъ училищъ.	25,659	7,121	14,519	3,383
Въ приходск. училищъ.	49,320	5,155	33,122	17,450
Въ народн. училищахъ западн. губерній.	13,619	—	—	13,619
Въ народн. училищахъ разныхъ вѣдомствъ.	630,000	—	—	630,000
Въ училищахъ при церквяхъ иностран. исповѣданій и синагогахъ.	14,060	539	2,288	10,000
Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.	10,351	3,900	6,500	946
Итого.	775,294	38,961	62,748	677,079

Т. е. число учащихся составляетъ:

у дворянъ и чиновниковъ . 8% всѣхъ мужчинъ ихъ сословія
у городскихъ сословій . . . 3% » » » »
у сельскихъ жителей . . . 3% » » » »

Изъ этого видно, что въ количественномъ отношеніи процентъ учащихся по сословіямъ не представляетъ поразительной разницы, такъ что между городскими и сельскими сословіями нѣтъ рѣшительно никакой разницы, а по отношенію къ дворянамъ и чиновникамъ разница всего въ 5%. Въ качественномъ отношеніи оказывается вотъ что: принимая за заведенія, дающія высшее образованіе, университеты и гимназіи, въ нихъ находится учащихся:

изъ дворянъ и чиновниковъ 22,246 чел. или 5% всѣхъ мужчинъ ихъ сословія.

изъ городскихъ сословій . . 6,319 » или 0,3%.

изъ сельскихъ жителей . . . 1,681 » или 0,007%.

Слѣдовательно, высшія заведенія служатъ преимущественно для привилегированныхъ сословій, городскія же воспитываются почти ис-

исключительно въ низшихъ школахъ, а сельскіе обитатели составляютъ въ высшихъ заведеніяхъ совершенно одиночное явленіе, нѣчто въ родѣ исключенія.

Изъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ 3% съ лишнимъ не достигаютъ высшихъ заведеній — даже гимназій, — и ограничиваются познаніями приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, т. е. очень немногимъ. Изъ людей этого образованія формируется такъ называемое приказное сословіе. Въ абсолютной величинѣ, число учащихся въ низшихъ заведеніяхъ составляетъ 16 т. человекъ, и если каждый годъ выходитъ изъ нихъ изъ училищъ на службу одна треть, то, значить, Россія пріобрѣтаетъ ежегодно около 5,000 приказныхъ этого сорта.

Изъ городскихъ сословій въ среднихъ заведеніяхъ обучается 2,7%, и изъ сельскихъ 0,14%. Все остальное держится народныхъ, элементарныхъ училищъ и извлекаетъ изъ нихъ свою мудрость, невосходящую выше простой грамотности, да и то съ грѣхомъ пополамъ.

Если цѣна нашего общаго населенія будетъ неподвижной (это я предполагаю для легкости расчета), а процентъ приращенія учащихся людей сохранится такимъ, какимъ онъ былъ въ 1864 году, то общенародное образованіе пойдетъ въ такой постепенности:

Весь народъ выучится грамотѣ и тому, чему учатъ въ элементарныхъ школахъ, въ 120 лѣтъ.

Чтобы пройти всей массѣ населенія курсъ приходскихъ училищъ потребуются 1,200 лѣтъ.

Чтобы вся Россія получила образованіе въ уѣздныхъ училищахъ — 11,770 лѣтъ.

Чтобы всѣ воспитывались въ гимназіяхъ — 15,000 лѣтъ; а чтобы дожидаться того времени, когда каждый русскій будетъ кончать курсъ въ университетѣ, нужно пережить 26,087 лѣтъ.

И. Шелгуновъ.

ФЕЛЬТОНЪ.

(изъ провинціальной жизни).

Затруднительное положеніе корреспондента при изображеніи гор. Чернигова. — Систематическое описаніе городской фizioноміи на казенный ладъ. — Будничныи день. — Признаніе черниговца. — Гулянья. — Пожары — и проч., и проч.

Приготовляясь писать корреспонденцію изъ Чернигова, я мечталъ представить какъ можно рельефнѣе жизнь этого городка, отмѣчая только самыя яркія особенности его. Къ удавленію моему, если бы я добросовѣстно исполнилъ это желаніе во всей его полнотѣ, то мнѣ пришлось бы вниманію читателя представить только *два* слова: безлюдье и скука — и весь Черниговъ изображенъ. Но какъ же было возможно соваться съ такой короткой характеристикой туда, гдѣ нужно обстоятельное изложеніе дѣла? Положеніе мое было неловное. Мнѣ оставалось одно: изобразить Черниговъ по той программѣ, по какой вообще въ географіяхъ описываются наши города. Я подумалъ и рѣшился обдѣлать это дѣло, вооружившись самою высшею упругостью терпѣнія; но и тутъ неожиданно встрѣтилось затрудненіе, которое до сихъ поръ остается мною неразрѣшимымъ. Дѣло въ томъ, что я не знаю, какъ считать Черниговъ относительно достопримѣчательности, т. е. замѣчательнъ онъ или нѣтъ? Въ краткомъ географическомъ описаніи Черниговской губерніи, помѣщенной въ «Памятной книжкѣ», слово *замѣчательный* употребляется совершенно непостижимымъ образомъ. На стр. 364, наприм., говорится: изъ «болотъ особенно замѣчательно то, которое» и т. д. На стр. 367 къ числу замѣча-

тельностей отнесены: «испанскія мухи, а также и саранча.» Наравнѣ съ болотами и мухами считаются замѣчательными: соборъ, стоящій неподвижно 800 лѣтъ; зданіе семинаріи, по своей архитектурѣ и потому еще, что оно принадлежало извѣстному Павлу Полуботкѣ и проч., и проч. Если испанскія мухи, болота, соборы, а также саранча дѣйствительно считаются замѣчательностью, — въ такомъ случаѣ Черниговъ тоже замѣчателенъ; если же болотами и мухами не стоитъ гродиться, если не велика радость, что саранча въ 1861 году стѣла чуть ли не весь хлѣбъ въ остерскомъ и возелецкомъ уѣздахъ; если, наконецъ, не велико счастье, что семинарія только съ прошлаго года начала перестраиваться, потому что жить въ ней не было никакой возможности, вслѣдствіе тысячи неудобствъ, — если, повторю, эти вещи не замѣчательны то, Черниговъ вовсе незамѣчателенъ, скученъ, безжизненъ и безлюденъ. — Оставивъ на произволъ судьбы этотъ запутанный вопросъ, я не оставилъ, однако, своего намѣренія относительно описанія Чернигова на казенный манеръ и тщательно продолжалъ свою работу, во всеѣ слѣду старинной программѣ, вслѣдствіе чего, у меня вышла статья очень оригинальная, даже съ историческимъ оттѣнкомъ.

Въ первый разъ имя города упоминается въ лѣтописи Нестора въ началѣ X вѣка; въ послѣдній разъ въ сатирическомъ журналѣ: «Искра», примѣрно 1859 — 61 г. Имя Чернигова въ этомъ изданіи упоминалось подъ разными псевдонимами, но черниговцы узнавали себя, умѣли быть безпристрастными и Б. (теперь несуществующій), обличенный корреспондентомъ въ неотступномъ исклищеніи у торгующихъ евреевъ рыбы, раскаялся въ глубинѣ души. Были ли подобныя событія во времена Нестора — утвердительно сказать не могу. — Почва отчасти песчаная, отчасти необъяснимая, ибо на нѣсколько сотъ футовъ выше уровня моря она завалена навозомъ и всякою нечистью, періодически вывозимою изъ города и въ изобиліи окружающую городъ со всѣхъ сторонъ. Кромѣ этого, почва отчасти бываетъ еще такая, «что стыдно сказать», ибо, говоря по чистой совѣсти, это даже и не почва... (въ послѣднее время приняты дѣятельныя мѣры). — Воды рѣкъ въ изобиліи наполнены разными животными, свойственными черниговской мѣстности, а именно: дохлыми кошками, собаками и проч. Эти же воды употреблялись жителями и въ пищу (приняты мѣры). — По ископаемому царству можно упомянуть

о разныхъ подошвахъ, сапожныхъ опорбахъ, заржавѣвшихъ гвоздяхъ, негодныхъ бутылкахъ, которые, отслуживъ свое время, щедро вываливаются на средину улицы, образуя постепенныя наслоенія; по этимъ наслоеніямъ можно съ точностью прослѣдить цивилизацію жителей, ибо можно узнать, въ какой обуви тогда-то ходили жители Чернигова, чѣмъ дрались и изъ чего пили водку. — *Царство растений* можетъ гордиться крапивой; въ послѣднее время въ изобиліи также произрастаетъ береза, чему способствуютъ благія реформы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это прекрасное, кокетливое растение (береза) можетъ весьма пригодиться городу, если, согласно требованью времени, гимназія будетъ преобразена въ классическую. — *Царство животныхъ* состоитъ преимущественно изъ собакъ, коней, по важности занимаемаго ими поста, можно считать *царями зверей*, ибо собаки не только нападаютъ на незнакомыхъ имъ свиней и куръ, но даже и на человѣка, считая одинаково вѣсными всяческія икры и ляжки; существуютъ также полуфантастическія животныя, извѣстныя подъ именемъ *оборотней*. — Изъ царства насекомыхъ особенно замѣчательны: мухи, клопы, блохи и проч., противъ которыхъ въ послѣднее время, послѣ крымской кампаніи, приняты оборонительныя мѣры—въ видѣ хлопущихъ, персидскаго порошку, обвариванія кипяткомъ, устроенія ольховыхъ вроватей, и т. п. Относительно блохъ существуетъ особая мѣра, но такъ какъ она производится всегда при задернутой на ояніи занавѣскѣ, то рѣшительно никто не могъ мнѣ сообщить, въ чемъ именно она заключается (непремѣнно подсматривать).

Климатъ умѣренный (Пам. кн., стр. 365). Зима рѣдко бываетъ слишкомъ холодная, лѣто слишкомъ жаркое.

Морей нѣтъ, хотя одинъ чиновникъ Христомъ-Богомъ увѣрилъ меня, что существуетъ Каспійское море, но гдѣ именно лежитъ оно, сказать не могъ.

«Для образованія жителей способы довольно богаты (Пам. кн. стр. 368).»

Изъ болотъ особенно замѣчательное такое-то по обширности и силѣ миазмовъ, распространяемыхъ имъ въ окрестности.

Жители разныхъ вѣроисповѣданій, но любятъ другъ друга отъ чистаго сердца. и проч., и проч., и проч.

Приготовивъ такое казенное описаніе, я еще болѣе убѣдился, что автономія города Чернигова все еще не совсѣмъ ясна для чита-

теля. Все это меня повергло въ уныніе и я, во что бы то ни стало, рѣшился сдѣлать болѣе тщательныя наблюденія надъ Черниговомъ, руководствуясь показаніями какого нибудь жстаго черниговца. Счастье улыбнулось мнѣ. Скоро, дѣйствительно, мнѣ пришлось встрѣтить такое сокровище, и мы тотчасъ же предприняли съ нимъ прогулку по стогнамъ города Чернигова. Прежде всего мы, конечно, обратили вниманіе на его, такъ сказать, пейзажную сторону, на его уличную физиономію.

Утренняя прогулка наша началась съ самой крайней точки одного конца Чернигова, т. е. отъ почтовой станціи; направо разстиалась довольно неровная площадь, на которой мѣстныя *регулярныя войска* маневрировали.

— Вотъ видите, сказалъ мой спутникъ:—съ самаго утра начали:

Мы шли дальше. По обѣимъ сторонамъ улицы стояли маленькіе деревянные домики; многіе едва держались отъ ветхости. Попадались и каменные, только-что отстроенныя, но совершенно заброшенныя, въ которыхъ не жило ни одной живой души. Такихъ домовъ въ Черниговѣ не одинъ.

— Вотъ, сказалъ мой спутникъ, указывая на большой домъ, въ которомъ вѣтеръ хлопалъ окнами, дверьми и пр.:—посмотрите, вѣдь въ такомъ домѣ невозможно жить... Да и не для жилья онъ...

— Отчего?

— Оттого, что всѣ подобныя дома у насъ строятся для залоговъ... Еврею нужны большія деньги,—онъ и строить дворецъ, къ которому прикоснуться нельзя, потому что стѣны въ полтора кирпича...

На городской площади, какъ черепаха, широко распянувшись своими крыльцами, словно лапами, лежалъ деревянный театръ; изъ-за его крыши, вмѣстѣ съ тополями, высовывался шпиль ратуши, устроенной на старинный нѣмецкій манеръ, а рядомъ съ ратушей возвышалась каланча, на вершинѣ которой помѣщался солдатъ. Облокотившись на перила, онъ пристально смотрѣлъ въ одну сторону и что-то пѣлъ... И пѣсня его только одна нарушала неожиданно воцарившееся безмолвіе. Мы не успѣли оглянуться, какъ Черниговъ, оживленный на нѣсколько минутъ базарной суматохой, невыразимо быстро опустѣлъ, набивая собою туго-на-туго разныя палаты и канцеляріи... Кое-гдѣ шелъ съ бумагами сторожъ или вѣхала жидовская телѣженка съ шестью пассажирами и одной клячей. Жиды гром-

но спорили между собою, но тележка поворотила за уголъ и не слышать говора, и опять тишина и безлюдье. На углу стояла какая-то барыня, воюя съ своимъ анафемскимъ американскимъ кренолиномъ, который, какъ нарочно, слишкомъ быстро взвивался отъ вѣтру къ верху. Барыня запускала въ него свои кулаки то съ той, то съ другой стороны, трясла имъ спереди, схватывала сразу съ боковъ и, наконецъ-таки, кое-какъ одолѣла его, употребивъ такую же силу и ловкость, какую, по всей вѣроятности, употребляетъ на усмиреніе своего супруга. Побѣдивъ врага, исчезаетъ и барыня.

Въ переулкахъ и улицахъ отдаленныхъ отъ шоссе—главной Черниговской улицы,—еще тише. Впрочемъ кое-гдѣ изъ какого нибудь разваливашагося дома, съ хлопающимъ отъ вѣтра окномъ, послышится пѣсня, брань или просто громкій говоръ подгулявшаго человека въ еврейскомъ шинкѣ, которыми усаженъ весь городъ. Фляжонія шинковъ вообще болѣе или менѣе одипанова: на вывѣскѣ изображена рыба, смотрящая на публику однимъ глазомъ и смотрящая престою. Въ рыбу воткнута вилка; потомъ рядомъ изображены: тарелка, стоящая дномъ наружу, съ разными закусками и, наконецъ, черки, кварталы, цѣлыя сулеи... Все это явственно подтверждаетъ истину, что «человѣкъ не скотина, больше ведра не вышьетъ». На крыльцѣ шинка всегда можно встрѣтить жидовку, въ шелковомъ или вообще очень нарядномъ, но загаженномъ до послѣдней степени платьѣ, въ грязныхъ, совершенно зеленыхъ, отъ засохшаго навозу, чулкахъ и съ наколкой на головѣ, изъ подъ которой, вмѣсто волосъ, высовывается простая шерсть, какой обыкновенно вышиваютъ разные туфли и пр. Жидовка почти всегда въ такомъ нарядѣ, и какъ бы ни былъ онъ дорогъ, всегда всякій узнаетъ, что это еврейка, потому что ни одна еврейка не разстается ни на минуту съ чулкомъ, и работаетъ спицами даже тогда, когда идетъ куда нибудь по улицѣ. На углахъ кое-гдѣ стоятъ лотки съ подсолнечниками, тыквенными сѣменами и проч. За лотками сидятъ жидовки и торгуютъ. Торговля на этихъ лоткахъ удивительная. Много-много, если въ цѣлый день, сидя на страшной жарѣ, придется выручить гривенникъ.

Мы прошли еще двѣ-три улицы. Вездѣ тишина и безлюдье.

— Куда-жъ теперь? спросилъ я.

— Пойдемте жуть къ Деснѣ, въ кунальню...

— Пойдемте.

Но *пойти* намъ суждено не было: все препятствіе состояло въ томъ, что маленькая рѣчонка Стрыжень рѣшительно не имѣла ни одного мостика, черезъ который можно было бы перебраться на лугъ. Правда, рѣка эта такъ мела, что черезъ нее пѣшкомъ курица перейдетъ... Но вѣдь то курица!... Миѣ рассказывали, что всѣ черниговцы постоянно ропшутъ на этотъ недостатокъ моста. Особенно же силенъ ропоть, когда приходится, снявъ сапоги, пускаться въ бродъ; въ эту минуту всякій черниговецъ предается таиннымъ сужденіямъ:

— И вѣдь всего по копѣйкѣ бы... 14 тысячъ жителей, сколько это копѣекъ?—четырнадцать тысячъ копѣекъ... Да! сто копѣекъ—рубль.... тысячу копѣекъ—десять.... Десять ты....

Тутъ разсужденія обрываются, потому что черниговецъ на другомъ берегу и ему нужно надѣвать сапоги... Такимъ образомъ, мысль о пользѣ моста исчезаетъ. И это бываетъ всегда, какъ только черниговцамъ приходится перебираться черезъ Стрыжень: и конные, и пѣшие заняты умственными выкладками, которыя забываются на другомъ берегу.

Намъ пришлось ѣхать черезъ Стрыжень въ телѣгѣ; по берегу Десны расположено было нѣсколько купалень. У одной надъ входной дверью было приклеено *объявленіе*, гдѣ сначала говорилось, что, молъ, «я, такой-то, отдаю въ аренду жиду свою купальню на нынѣшнее лѣто; а ежели онъ, жидъ, къ сроку денегъ не представить, то другому отдамъ.» Первый пунктъ здѣсь нѣсколько понятенъ, но необходимость для публики второй половины этого разсужденія совершенно непостижима.

Когда мы вошли въ купальню, какой-то ловелась, снявъ сюртукъ и потирая подъ мышками, давалъ жиду такого рода приказанія:

— Такъ чтобы къ вечеру... Понимаешь?

Жидъ пожималъ плечами и смотрѣлъ въ землю; видно было, что это приказаніе ему не по нутру.

— Слышишь?

Жидъ стоялъ по-прежнему.

Ловелась подошелъ къ стѣнкѣ, отгораживающей мужскую купальню отъ женской, и началъ прицѣпляться глазомъ въ каждую трещину, недовольнымъ тономъ говоря:

— И какой это дьяволъ научилъ васъ забивать всѣ щели? Ни одной... рѣшительно ни одной.... И наверху забить? спрашивалъ

онъ жидъ и становился въ то же время на лавку, чтобы посмотрѣть, забилъ ли....

— Что буду дѣлать? невинно отвѣчалъ жидъ.

— Забилъ и тутъ! Ахъ, тварь!... Ну, такъ того... началъ рѣшительнымъ тономъ ловеласъ, успѣвъ соскочить съ лавки и брякнувъ шпорами...—что бы къ вечеру было три дыры...

— Да паничу.... начинается плаксиво жидъ.

— Стой!.. Это первое: три дыры. Понимаешь? (Откладываетъ мизинецъ лѣвой руки, придерживая его большимъ пальцемъ правой).

— Второе: въ самыхъ удобнѣйшихъ пунктахъ... А именно... да гляди же сюда, наконецъ, животное!

Жидъ поднялъ голову съ убитымъ выраженіемъ лица.

— Слышишь, что я говорю? —второе: въ самыхъ удобнѣйшихъ мѣстахъ... А именно: здѣсь, здѣсь, здѣсь... Видѣлъ?

— Видѣлъ...

— То-то. Такъ повтори, что я сказалъ?

Жидъ молчитъ.

— Что я сказалъ?

Жидъ дѣлаетъ кислую физиономію; подавленный совершенной невозможностью сдѣлать ловеласу одолженіе, и наконецъ произноситъ:

— Да паничу... Яже-жъ можно?

— Что я сказалъ? Ты слышалъ, что я сказалъ? Чѣмъ у тебя уши заткнуты?..

— Да я слышалъ.

— Что я говорилъ?

— Три дыры...

— Ну! И чтобы въ самыхъ нанудобнѣйшихъ пунктахъ... Слышалъ это?... Здѣсь, здѣсь и здѣсь... Понялъ? Теперь: чтобы къ вечеру все было готово... Слышишь?... Чтобы дырки были круглыя... небольшія, но удобныя... Проверти чѣмъ набудь...

— Чѣмъ же я проверчу?..

— Башкой! Башкой проверти, ничтожная тварь! вопилъ ловеласъ, взнемогши въ борьбѣ съ упорствомъ еврея. Чѣмъ хочешь проверти... А не-то я проверну не тавія... Цѣлую стѣну выворочу... Вонъ!

Жидъ исчезъ. Къ концу рѣчи, особенно при послѣднихъ словахъ, у ловеласы вся физиономія сдѣлалась совершенно красною.

— Животное!.. заключалъ онъ, сердито срывая съ ноги сапогъ...

Выходя изъ купальни, мы имѣли случай еще разъ убѣдиться въ любви некоторыхъ черниговцевъ къ природной красотѣ своихъ дамъ и дѣвицъ.

Солдатъ, сторожъ купальни, тянулъ за руку какого-то чиновника, который, едва помѣщаясь на кускѣ бревна, выдвигавшагося изъ подъ купальни, держался за уголокъ крыши и, задыхаясь, тихенькимъ голоскомъ говорилъ:

— Да какое тебѣ дѣло?

— Пожалуйте... пожалуйста.

— Да развѣ я тебя трогаю?

— Дамовъ бездеконте... И такъ жалуются, что никакого сноскоиствiя нѣту, — вездѣ дыря... Пожалуйте!

— Да какое тебѣ дѣло?

Увидавъ насъ, юноша совершенно покраснѣлъ, заговорилъ еще тише, но не переставалъ повторять свою фразу:

— Развѣ я тебѣ мѣшаю?

— Да что-жъ это такое, въ самомъ дѣлѣ? Пожалуйте отсюда! — выйдя изъ всякаго терпѣнiя, заговорилъ сторожъ; — дамы купаются, а они смотрять.

Сторожъ помолчалъ, потомъ, не говоря ни слова, потащилъ юношу со всею силою солдатскихъ рукъ, такъ что тотъ, зацѣпивъ одной ногою по водѣ, скоро очутился на берегу.

— Вотъ вамъ, — не хотѣли словъ слушать...

Юноша изъ мести высунулъ ему языкъ.

— Силкомъ стащилъ, — дождалсь...

Опять языкъ.

Скоро юноша молча шелъ по лугу, направляясь вдаль отъ купальни; иногда онъ поворачивался и понасмѣивалъ сторожу языкъ.

— Чиновникъ тоже! сказалъ сторожъ, развѣшивая мопрыя простыни на веревочку.

— Часто у тебя такія исторiи? спросилъ я.

— Да сирозъ (постоянно)... Больше вотъ воишье, да эти чиновники... самые которые мелкіе... они тоже...

Продвѣжая назадъ черезъ Стрыжонъ, мы встрѣтили черниговца, съ сапогами подъ мышкой, вставшаго въ песокъ среди рѣки по колѣна. Онъ поднималъ руки къ небу и съ чувствомъ говорилъ:

— Боже мой!.. И вѣдь только по одной копѣйкѣ! 14-ть тысячъ— сколько это будетъ копѣекъ? Сто копѣекъ—рубль... Десять сотъ—десять... Десять тыс...

Тутъ ему сразу удалось выдернуть одну ногу и онъ очутился на другомъ берегу...

— Фю! пропыхтѣлъ онъ и забылъ всякія вычисления.

Городъ въ эту пору былъ еще пустынище и безлюдно. На *Новой базаръ* не трубили даже военскія трубы,—такъ какъ, должно быть, всѣ предположенныя экзерциціи окончены. Впрочемъ, черезъ часъ начали показываться гимназисты съ книгами и чиновники, опротивѣвъ стремившіеся обѣдать. Городъ зашевелился.

Часу въ шестомъ вечера мы снова путешествовали по Чернигову... Черниговскіе жители, отдохнувъ послѣ обѣда, начинали мало по малу выползать на шоссе, вяло шевеля свои отяжелѣвшими членами. Вообще движенія было гораздо больше, нежели утромъ.

Изъ воротъ одного дома вышелъ какой-то среднихъ лѣтъ господинъ, въ лостриновой накидкѣ, застегнутой у шеи, — по всей вѣроятности, съ цѣлью пройтись. Выйдя за ворота, онъ сначала посмотрѣлъ въ одну, потомъ въ другую сторону.

— Не знаетъ, куда идти, объяснилъ мой спутникъ.

Чиновникъ, между тѣмъ, все стоялъ. Стоялъ, стоялъ и до того задумался, что не замѣтилъ, какъ объ его спину почесала свою шею корова.

Постоявъ еще немного, чиновникъ плюнулъ и пошелъ направо, не имѣя никакой возможности объяснить себѣ: почему не направо?

Впереди насъ шли какія-то три дамы: это мать и двѣ дочери, какъ тотчасъ же объяснилъ мнѣ спутникъ... Съ ними были два молодыхъ человека. Меньшая дочь шла впередъ, съ однимъ изъ молодыхъ людей, и до насъ доносились такіе разговоры:

— Отчего вы не держите клятвъ?

— Какія же клятвы?

— Вы забываете, что клялись мнѣ?..

Молодой человекъ соображалъ и говорилъ:

— Не помню...

— Противны.. взываетъ дѣвица на всю улицу.

— Душечка, оставь, останавливаетъ ее мать.

— О, мужчины! взываетъ опять душечка...

— Пойдемте, пожалуйста за уголь, сказалъ мнѣ въ это время спутникъ.

— Зачѣмъ? спросилъ я.

— Опасно... Я опасуюсь этихъ дамъ... Онѣ почему-то сочли меня за жениха и въ домашнемъ совѣтѣ такъ и рѣшили, что, дескать, этотъ женихъ надежный. Съ тѣхъ поръ я нахожусь въ бѣгахъ отъ счастливаго предложенія и отъ не менѣе интереснаго семейства...

Мы завернули за уголь.

— У насъ, продолжалъ мой спутникъ, въ Черниговѣ, какъ-то уже странно видѣть въ дѣвушкахъ только собраніе романсовъ, могущихъ прельстить сердце пѣхотнаго капитана. А это вотъ (онъ показавъ головой по направленію къ встрѣтившимся дамамъ) только одно задираютъ: «*Не уязжай голубчикъ мой*». Впрочемъ, объ этомъ предметѣ, добавилъ мой спутникъ, я вамъ расскажу подробнѣе...

Мы шли дальше. Въ концѣ шоссе, налѣво, начинается довольно длинный бульваръ: рядъ липовыхъ деревьевъ и между ними широкая песчаная дорога. Посреди этой дороги нѣсколько гуляющихъ съ трудомъ вытаскивали изъ песку свои ноги; глядя на нихъ, трудно было рѣшить, что это — прогулка или каторжная работа?

Надъ головами тяжело носились и басомъ гудѣли хрущи. Гуляющіе встрѣчались и между ними происходили разговоры, примѣрно, такого рода:

— Гуляете?

— Да... вышелъ, — думаю: дай пройдуся... А вы?..

— Гуляю... тоже сидѣлъ, сидѣлъ — думаю: дай пройдуся...

— Ги!...

Оба гуляющіе смотрятъ въ землю, уворно вертя палкою въ песокъ, словно намѣреваясь сдѣлать дыру вплоть до самаго центра земли.

— Новенькаго не слышали ли чего?..

— Нѣтъ не слыжалъ... Какія новости! А вы?

— Нѣтъ, не слыжалъ... Какія теперь новости...

— Это такъ.

Встрѣтившіеся долго смотрятъ въ землю, всѣми мѣрами стараясь чтонибудь сообщить другъ другу, но, не выдумавъ этого «*чего нибудь*», поднимаютъ головы, вдыхаютъ полною грудью и говорятъ:

— Ну, прощайте!

Здѣсь, на бульварѣ, судьба опять нечаянно натовкнула насъ на

тѣхъ дамъ, которыя встрѣтились намъ на шоссе. Спутника моего убавилъ шагъ...

— Да вѣдь вы не читали этой повѣсти? стараясь что-то доказать, говорилъ молодой человекъ одной изъ дочерей дамы.

— Что-жъ такое?

— Какъ, что такое? Какъ вы странно разсуждаете.

— Вотъ еще новости! Вы не умѣете разсуждать, а я умѣю...

— Ну, хорошо-съ. Положимъ такъ. Вотъ вы говорите: *противный* Молотовъ... почему противный?

— Потому что онъ не держитъ клятвъ.

— Какихъ это?

— Какъ какихъ? Онъ клялся, онъ долженъ былъ сдерживать клятву... Это вы только не держите клятвъ.... О мужчины!

— Душечка, оставь! вышивалась мать. Если Карпъ Карпычъ не держитъ своихъ клятвъ, это не дѣлаетъ ему чести; но ты замѣчаній дѣлать не должна. Ты должна заставить его страдать...

Мать говорила это серьезно.

— О вѣроломные! возопила душечка.

Спустя нѣсколько минутъ, къ душечкѣ обратилась ея сестра съ вопросомъ:

— Не знаешь ли, кто это въ пестрыхъ брюкахъ?

— Гдѣ?

— Налѣво...

Душечка смотрѣла и не видала.

— Да вонъ, налѣво, въ пестрыхъ брюкахъ... Пятно у него выше колѣна.

— А-а-а....

— Слава богу! Ну, кто?

Душечка посмотрѣла и, сдѣлавъ горчайшую физиономію, произнесла:

— Это женатый...

— Гм!.. жалко, промывчала сестрица и болѣе не обращала вниманія на молодого человека въ пестрыхъ брюкахъ, съ пятномъ выше колѣна.

Между тѣмъ, незамѣтно прошло два часа и Черниговъ снова опустѣлъ; только на бульварѣ кое-гдѣ вспыхивали папироски. По пустыннымъ улицамъ, въ темнотѣ, мелькали пангалоны гарнизонныхъ солдатъ, торопливо спѣшившихъ съ подругами. Въ разныхъ углахъ

города влюбленные пересказывали через заборы, описывая въ воздухъ полукругъ своими длинными ногами и ныряя потомъ въ высокую траву, прямо на мѣсто ранде-ву. Горничныя и кухарки не знали, какъ бы поскорѣе подать господамъ ужинать и подоить коровъ, потому что петерфильмые донъ-жуаны, какъ полоумные, свистутъ на улицъ, торопливо лавируя подъ господскими окнами.

Проходя по темной улицѣ, около своей квартиры, я поровнялся съ какою-то огуною.

— Дунька, что же ты, подлюга... Ахъ... извините!.. Я думалъ, вы Дунька.

— Никакъ нѣтъ съ.

— Ей-богу, удивительная тварь... Съ девяти часовъ жду... ..

Потомъ я видѣлъ еще черниговца, который въ глубокомъ раздумьѣ стоялъ среди улицы, не зная, куда идти и какъ развлечься: тоска и скука цѣлаго дня душили его. Къ нему даже Дунька не обращалась притти на свиданье. Черниговецъ протяжно и глубоко вздохнулъ и, вслѣдъ затѣмъ, вдругъ плюнулъ свирѣпѣйшимъ образомъ, послѣ чего скорыми шагами скрылся въ темнотѣ.

Такъ кончился черниговскій день.

Черезъ два дня, спутникъ мой доставилъ мнѣ рукопись, которую я и привожу почти цѣликомъ:

«... Прежде всего нужно знать, что Черниговъ крайне бѣденъ. Это корень всѣхъ его бѣдствій и несчастій, о которыхъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Я не знаю тѣхъ причинъ, которыя дали право зародиться Чернигову; вѣроятно, были же какія нибудь особенности въ этой мѣстности, которыя считались выгодными, — иначе нѣтъ бы жилъ бы здѣсь и имя Чернигова не встрѣчалось бы ни въ летописи, ни въ «Искрѣ», да и нигдѣ не встрѣчалось бы. Въ настоящую же пору, Черниговъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ благовидныхъ поводовъ къ своему существованію; онъ пасуетъ передъ любой торговой деревенькой, передъ любымъ посадомъ, потому что существуетъ только ради своей *земской давности*. Нѣтъ изъ черниговцевъ не можетъ указать вамъ ни одного, хоть маленькаго, промысла, который

гдѣ нибудь, и, такимъ образомъ, давалъ бы Чернигову не казенный, не чиновничій доходъ. Если бы нашъ городокъ хоть лыжами или вѣшниками въ обликъ торговалъ, то онъ имѣлъ бы болѣе резонансъ называться губернскимъ городомъ, нежели теперь, потому что теперь это право дается ему только множествомъ канцелярій и судовъ, воздвигнутыхъ въ незапамятные времена и съ незапамятныхъ временъ начиненныхъ вплотную служащими. Въ доказательство непроизводительности Чернигова приведу примѣръ. Здѣсь протекаетъ судоходная рѣка Десна—и нѣтъ пристани. Самая главная пристань находится въ уѣздн. городѣ Новгородѣ-Сверскѣ; второстепенныя просто въ промышленныхъ деревенькахъ,—не смотря на то, что почти всѣ онѣ лежатъ ближе къ истоку, гдѣ, стало быть, ширина рѣки меньше и, вслѣдствіе этого, представляетъ меньше удобствъ для судоходства; но за то тамъ есть что славяты, есть чѣмъ вести торговлю, а у насъ, въ Черниговѣ, нѣтъ силъ даже чужое брать большими кучами. Съ этого всѣ суда проходятъ мимо Чернигова, и мнѣ кажется, что почему-то стараются скорѣе промахнуть его. Черниговъ остается исключительно городомъ чиновниковъ.—Для чиновниковъ существуетъ наша южная торговля и пр. По статистическимъ свѣдѣніямъ 1862 года, въ Черниговѣ считается 1 свѣчной заводъ, т. е. какъ разъ въ обрѣзъ на 14 т. черниговцевъ. Другой классъ людей въ Черниговѣ живетъ только для чиновниковъ—это еврей. Такъ какъ чиновный классъ небогатъ, то и добыча, которую получить отъ него этотъ хлопочущій классъ, тоже мала, и поэтому классъ евреевъ чуть ли не бѣднѣе чиновнаго, и для того, чтобы какъ нибудь прокормить свою семью, еврей не можетъ заниматься чѣмъ нибудь однимъ, а долженъ хвататься за все: онъ и сапожникъ, и часовщикъ и факторъ; онъ и коровъ лечитъ, и кухарокъ отыскиваетъ, и пр., и пр.

«Такимъ образомъ, Черниговъ бѣденъ и отъ этого происходятъ всѣ наши несчастія, т. е. та машинная жизнь, которая образуетъ невыразимо-однообразныя будни и дѣлаетъ жизнь Чернигова, то есть, собственно, внѣшнюю физиономію этой жизни похожею на жизнь какого нибудь моллюска, прилипшаго къ камню и почти необнаруживающаго никакихъ признаковъ движенія. Понятно, что, при изученіи этого моллюска, глазъ естествоиспытателя будетъ останавливаться на самыхъ ничтожныхъ измѣненіяхъ его тѣла, на простомъ движеніи его щупальцевъ, которыми онъ присосался къ

нашню, и проч.—однимъ словомъ, будетъ обращать все свое вниманіе на такія микроскопическія явленія, которыя, въ болѣе развитыхъ животныхъ организмахъ, отходятъ на второй планъ и не возбуждаютъ такого вниманія, уступая мѣсто болѣе крупнымъ явленіямъ. Точно также, въ настоящее время, мнѣ приходится останавливаться на такихъ вещахъ, на которыхъ, въ другой мѣстности, я бы и не остановился, имѣя подъ руками болѣе яркія явленія. Но мое дѣло—знакомить читателей и съ жизнью моллюсковъ; поэтому я снова возвращаюсь къ черниговской сукѣ, какъ характерной статьѣ городской жизни.—Мы, черниговцы, привыкли къ извѣстнымъ явленіямъ, совершающимся въ извѣстную минуту—до того привыкли, что это ужъ и надоѣло намъ. Поэтому насъ можетъ всполошить все: не во время забили часы, не во время затрубили на улицѣ солдатскій рогъ и проч. все это заставляетъ насъ высовываться въ окна, отрываться отъ надоѣвшаго давнымъ-давно дѣла. Обыкновенно въ полдни въ Черниговѣ не слышно никакихъ звуковъ,—надъ всѣмъ царить чирканье воробьевъ и пѣніе куръ; поэтому понятно, отчего однажды жители Чернигова были, въ эту полдневную пору тишины, звержены въ большое недоумѣніе; они приняли перепавшихся чиновниковъ за враговъ отечества... Голоса куръ и воробьевъ покрывала какой-то необыкновенно пронзительный свистъ... (Впоследствии узнали, что это свиститъ паровикъ въ новоотстроенной банѣ). Нѣкоторые чиновники, встрѣчаясь, приветствовали другъ друга такъ:

— Въ какомъ ухѣ звенить-съ?

Встрѣтившійся соображалъ, находилъ, что и у него самого звенить—и притомъ въ обоихъ; и говорилъ:

— Въ обоихъ!

— Ничего не могу сообразить!.. И у жены, и у дѣтей, и у тещи ужаснѣйшій идетъ свистъ въ ушахъ...

— Видно, такъ Богу угодно!..

Этотъ свистъ занималъ всѣхъ чиновниковъ, изнемогавшихъ подъ вліяніемъ смертельной скуки.

«Намъ приходится и въ будущемъ видѣть ту же нескончаемую тоску. Потому что Черниговъ *не можетъ*, какъ бы то ни было, поразнообразить свою жизнь, онъ рѣшительно *не можетъ* развлечься въ полное свое удовольствіе. Поэтому всякая эксцентричность, всякое необыденное явленіе собираетъ толпу.

«Этимъ же, т. е. ежеминутнымъ стремленіемъ къ какому набудь

разнообразію, я объясняю то оживленіе въ городѣ, которое происходитъ, напр. во время пожаровъ.—Странно, дико, но я причислю пожары къ числу развлеченій Чернигова. Посмотрите, съ какимъ терпѣніемъ цѣлый Черниговъ стоитъ на пожарищѣ, какъ онъ свободно, непринужденно пускается въ разсужденія, и откуда у него является эта бойкая рѣчь? Очевидно, онъ развлекается на пожарѣ, потому что только глазѣть и умствуеть, а ужь никакъ не помогаетъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, въ нынѣшнемъ маѣ мѣсяцѣ, какая поднялась суматоха, когда затрубила гарнизонная труба и зазвонили въ церквяхъ,—что означало пожаръ. И откуда только выползаетъ этотъ народъ, рѣдкой бѣгущій по улицамъ? Кого тутъ нѣтъ: духовныя особы, запыхавшись и придерживая у колѣнъ полы своихъ полукафтаньевъ, бѣгутъ, вмѣстѣ съ гарнизонными солдатами; гимназисты, кухарки, чиповники въ неприлично-огромномъ количествѣ, отцы съ дочерьми-невѣстами стремятся, сломя голову, и зачѣмъ? Ужь никакъ не для спасенія погибающихъ: тамъ неудобны эти платьяца, кэпи, блонды, сотни аршинъ кисей и пр., и пр. Все дѣло въ томъ, что тамъ, на пожарѣ, можно встрѣчать знакомыхъ, поговорить.... Тамъ болѣе, что тутъ и общій интересъ существуетъ. Этимъ отсутствіемъ общихъ интересовъ смертельно болѣнъ Черниговъ.

«Въ этотъ день, про который рассказываю я, пожаръ не удался: сгорѣлъ какой-то соломенный шалашъ, и сгорѣлъ (негодяй!) почти мгновенно. Вслѣдствіе этого, произошла сцена, которая еще больше подтверждаетъ мой взглядъ относительно пожаровъ.

«На встрѣчу бѣгущимъ на пожаръ черниговцамъ начали попадаться уже возвращающіеся оттуда.

— Вернитесь, недовольнымъ голосомъ говорили они... Ничего нѣту....

— Какъ?!...

— Да ничего...

— Врешь, врешь!..

— Да ей-же-Богу...

— Все сгорѣло?

— Да какому чорту тамъ и горѣть-то было! Солома...

— Вотъ видишь, обращался отецъ къ дочери,—говорилъ: сгорѣй!... нѣтъ, нужно напяливать на себя пять возовъ кисей... да ботинки, да разные эти подлые пружины,—тьфу!..

— Да, папаша...

— Молчи!

Дочь смотреть въ землю, нагибая голову.

— Вѣчно самое любопытное прозѣваемъ... Эй, любезный, все кончилось?

— Правда, ваше вскородіе... все кончилось... отвѣчаетъ солдатъ.

— Можеть еще хоть головешки чадять?..

— Головешки точно чадять...

— Чадять?

— Чадять-сь, да вѣдь это никакого удовольствія...

— Пойдемъ, пойдемъ... хоть это...

Отець бѣжитъ впередъ и, оборачиваясь къ дочери, кричить:

— Бѣги!!!...

И т. д.

«Словомъ, мы, черниговцы, не можемъ достигнуть ни разнообразія, ни развлеченій, хоть всѣми мѣрами жаждемъ этого: мы бѣдны. И чтобы чиновникъ съ небольшимъ жалованьемъ захотѣлъ доставить женѣ или дочери какое нибудь удовольствіе за деньги, нужпо что нибудь необыкновенное; нужно, чтобы фокусникъ глоталъ не только расплавленную смолу, но чтобы и себя самого проглотилъ въ заключеніе.

«Впрочемъ не весь Черниговъ разнообразить свое существованіе скитаніемъ по пыльному шоссе и песчаному бульвару.

«Есть другой Черниговъ — молодыхъ людей, неприковаанныхъ къ Чернигову никакою движимою или недвижимою смолою. Вотъ этому Чернигову, дѣйствительно, странныя такія вертушки, какія встрѣтились намъ на шоссе. Этому Чернигову рѣшительно все равно, что это затрубили:—солдатскую кашу или на ученье. Благодаря этому маленькому кружку молодыхъ людей, въ нашемъ маленькомъ городкѣ четвертый годъ успѣшно идетъ библіотека. И если та же черниговская скука, которая томить и заставляетъ деревенѣть другихъ, соединила всѣ свѣжія молодыя силы надъ дѣльной работой, то я не могу не поблагодарить эту скуку, потому что она дастъ намъ людей, которымъ радоваться будетъ, конечно, не Черниговъ».

Вотъ и все, что я могу пока сообщить о Черниговѣ.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ

Къ № 6-му за 1865 годъ.

Отвѣты Газетной Экспедиціи на жалобы, поступившія, въ продолженіи
Іюля мѣсяца, отъ гг. подписчиковъ «Русскаго Слова».

Въ Керчь, Амлійскому Клубу. На жалобу вашу, сообщенную Газетной Экспедиціи во второй разъ, она отвѣтила, что вмѣсто того, чтобы посылать, выдаваемый ей экземпляръ «Русскаго Слова», для пересылки вамъ, она *по ошибкѣ* выслала его Благородному Клубу. Ужь какъ это случилось, Редакція объяснить не можетъ, тѣмъ болѣе, что на полученіе «Русскаго Слова», вы подписались въ Газетной Экспедиціи. Керченской Почтовой Конторѣ предписано Газетной Экспедиціей, о выдачѣ вамъ означеннаго экземпляра, посылавшагося на имя Благороднаго Клуба.

Въ Старобѣльскъ, г. Штатному Смотрителю Училищъ. Всѣ №№ «Русскаго Слова» до 5-го включительно, сданныя Редакціей въ Газетную Экспедицію на ваше имя, были ею *по ошибкѣ* посланы, вмѣсто Старобѣльска въ Стародубъ, по полученіи откуда обратно, посланы вамъ 10-го Іюля. Желательно было бы при этомъ, чтобы Газетная Экспедиція дѣлала поменьше подобныя ошибокы, отъ которыхъ проигрываютъ, какъ Редакція, такъ и подписчики, и объ устраненіи которыхъ, Редакція постоянно хлопочетъ.

Въ Бѣлостокъ, г. Голдобину. № 4-й посланъ вамъ 2-го Іюня, чрезъ Вильно въ числѣ 3 экз., за № 3-мъ.

Въ Липецкъ, г. Доброхотову. № 4-й посланъ вамъ въ Темниковъ, 3-го Іюня за № 87-мъ, такъ какъ ваша перемѣна адреса получена уже по отсылкѣ его.

Въ Рязьково, г. Кесареву. № 2-й былъ посланъ вамъ въ Трубчевскъ 1-го Апрѣля, въ тожѣ на Орель, за № 100. Этотъ № посланъ вамъ Редакціей *вторично*, по новому адресу 12-го Іюля.

Въ Красноярскъ, г. Токареву. № 1-й былъ посланъ вамъ 1-го Мар-

- та, въ числѣ 14 экз. Онъ посланъ вамъ Редакціею *вторично*, 12 го Іюля.
- Въ Симбирскѣ, Собранію Соединеннаго Общества.* № 4-й посланъ вамъ 3-го Іюля, за № 92-мъ.
- Въ Карачевѣ, г. Зайцеву.* № 3-й былъ посланъ вамъ 30-го Апрѣля въ тѣмъ на Орель, за № 103-мъ. Онъ посланъ вамъ Редакціею *вторично*, 12-го Іюля.
- Въ Нарву, Канцеляріи Таможни.* Ваша жалоба вторично была сообщена Газетной Экспедиціи и она опять отвѣтила, что № 2-й былъ вамъ посланъ 30-го Марта въ числѣ 2-хъ экз. и что по поводу вашей первой жалобы, была спрошена Почтовая Контора о причинѣ неполученія его Вами, но отвѣта до сихъ поръ не получено. Этотъ № посланъ Вамъ Редакціею *вторично*, 15-го Іюля.
- Въ Москву, г. Ладыженскому.* Ваша жалоба на неполученіе до сихъ поръ №№ 4-го и 5-го, сообщена Газетной Экспедиціи 20-го Іюля. Отвѣта еще не получено.
- Въ Енисейскѣ, г. Троицкому.* Ваша жалоба сообщена Газетной Экспедиціи 20-го Іюля, но отвѣта не получено. № 1-й былъ тогда же посланъ Вамъ *вторично*.
- Въ Прилуцкѣ, Библиотекѣ Екатеринославскаго Драгунскаго полка.* На вашу жалобу, сообщенную Газетной Экспедиціи 20-го Іюля, отвѣта еще не получено, № 3-й тогда же былъ посланъ Вамъ *вторично*.
- Въ Ардатовѣ, г. Кондакову.* Ваша жалоба на неполученіе №№ 4-го и 5-го, сообщена Газетной Экспедиціи 20-го Іюля. Отвѣта не получено.
- Въ Демьянскѣ, г. Шумкову.* №№ 1-й и 2-й за 1864 годъ, посланы вамъ 12-го Іюля.
- Въ Пензу, г. Введенскому.* № 6-й за 1863 годъ, посланъ вамъ 12-го Іюля.
- Въ Тобольскѣ, г. Данненбергу.* № 11-й за 1864 годъ посланъ вамъ 12-го Іюля. Тогда же были посланы вамъ, всѣ вышедшіе пять книжекъ за текущій годъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕВУРОВА

на Невск. просп., противъ Думы, д. Рогова, высылаеть иногород-
нымъ всѣ русскія книги (кромѣ казенныхъ изданій) ПО ПЕТЕР-
БУРГСКИМЪ ЦѢНАМЪ, принимая пересылку НА СВОЙ СЧЕТЪ.

Поступили въ продажу новыя книги:

ДУША ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ, соч. В. Вундта. Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. 3 р. Съ подпиской на 2-й т. 5 р. с.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ, соч. Гано. В. 1-й. Спб. 1865. Под-
писная цѣна за весь курсъ (3 вып.) до 55 листовъ 3 р. с.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА, на кораблѣ Вигль, Дарвина.
Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА О ЗДОРОВОМЪ И БОЛЬНОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ. Бова.
Переводъ съ 5 нѣмецк. изданія. М. 1865. Ц. 3 р. с.

СВѢТЪ И ЕГО ПРИЛОЖЕНІЯ. соч. Циммермана. Спб. 1865.
Ц. 2. р. с.

КОЖЕВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО. М. В. Скобликова (Пятый выи.
Технической Энциклопедіи Менделѣева). Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

ИЗВЕСТЬ, какъ средство возстановленія плодородія почвы. И.
Стебута. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к. с.

ЗАДАЧИ И ПРАКТИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ ИЗЪ ФИЗИКИ. Состав-
илъ для среднихъ учебныхъ заведеній Фонъ-Бооль. Спб. 1865.
Ц. 75 к.

КНИГА ТОРГОВЛИ, теоретическое и практическое руководство
для купцовъ, изъ прикащиковъ, конторщиковъ, и комиссіонеровъ
Д. Родшильда. Спб. 1865. Ц. 3. р. с.

РУЧНАЯ КНИГА РУССКОЙ ОПЫТНОЙ ХОЗЯЙКИ, составлен-
ная изъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюденій доброй русской хо-
зяйки, К. Авдѣевой. Изданіе десятое. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к. с.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТЪ АНГЛИИ, очерки суда и проч. Соч. Заруднаго. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

ВОСПИТАНИЕ ЖЕНЩИНЫ, согласно ея прозванію Р. Фирхова. Спб. 1865 Ц. 20 к. с.

МЫСЛИ О СОВРЕМЕННЫХЪ НАУЧНЫХЪ НАПРАВЛЕНІЯХЪ К. Д. Кавелина (по поводу диссертациі Неклюдова). Спб. 1865. Ц. 15 к. с.

ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АМЕРИКѢ Адольфа Колачека. Спб. 1865. Ц. 50 к. с.

ПАРИЖЪ ВЪ АМЕРИКѢ доктора Рене Лефевра (Лабуле). Переводъ съ 12 франц. изданій. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1865—66 г. Н. Спасаго. Спб. 1865. Большому цѣна 1 р. 50 к., малому 65 к.

ОБЪ УПРОЩЕНІИ ВНѢШНЕЙ ФОРМЫ ЗАВѢЩАНІЙ Александра Любавскаго. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ 20 ноября 1864 г. Съ прибавленіемъ общаго алфавитнаго указателя. Карманное (неофициальное) изданіе. Спб. 1865. Ц. 75 к.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАЙОРАТЫ П. Ж. Прудона. Спб. 1865. Ц. 80 к. с.

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ, извлеченіе изъ XI т. 2 ч. устава торговаго, изд. 1857 г. со внесеніемъ въ текстъ всѣхъ послѣдующихъ измѣненій. Спб. 1865 Ц. 30 к.

ОПЫТЪ ПРИМѢНЕНІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ къ земскому хозяйству Ф. Москвитина. Спб. 1865. Ц. 75 к.

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ соч. М. Венюкова. Книга первая: о видѣ, величинѣ, массѣ и движеніяхъ земли. Спб. 1865. Ц. 60 к.

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ НАУКѢ И ВЪ ЖИЗНИ, Ореста Миллера. По поводу «обзора исторіи Славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича.» Спб. 1865. Ц. 25 к. с.

На дняхъ поступить въ продажу:

ЧЕЛОВѢКЪ И МѢСТО ЕГО ВЪ ПРИРОДѢ К. Фогта. Т. 2-й (и послѣдній). Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Главный книжный магазинъ Е. С. БАЛИНОЙ объявляетъ, что при высылкѣ имъ заразъ книгъ, или ноть на 100 р. дѣлается обыкновенная торговая уступка. Увеличеніе торговой уступки составляетъ предметъ постоянной заботливости магазина.

Необходимыя условія для полученія торговой уступки—присылка денегъ впередъ и принятіе покупателемъ на свой счетъ расходовъ пересылки товара изъ Харькова или отъ комисіонеровъ БАЛИНОЙ, а также расходовъ на переписку по ихъ дѣйствительной стоимости.

Адресъ ЕЛЕНѢ СТЕПАНОВНѢ БАЛИНОЙ въ главный книжный и музыкальный магазинъ, на Екатеринославскую улицу въ домъ Рождественской Церкви.

23

207